ISSN 0130 – 6545

10. 1987

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юсуф Хаджи Абдулла. «Бой петухов»

Цветные иллюстрации номера — живопись Малайзии

На 1-й и 4-й страницах обложки —
Юсуф Хаджи Абдулла. «Кукловод театра теней»
«Свайный поселок на реке». Автор неизвестен

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

■

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

■

ИЗДАЕТСЯ с 1955 ГОДА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ». МОСКВА

10 октябрь 1987

Содержание

ЭРИХ ФРИД — Стихи *(Перевод с немецкого Б. Хлебникова)* 3

ПИТЕР АБРАХАМС — Остров сегодня *(Роман. Перевод с английского Т. Озерской и Н. Треневой. Предисловие Геннадия Владимирова)* 5

ТОМ ШАРП — Дальний умысел *(Роман. Окончание. Перевод с английского В. Муравьева)* 127

Публицистика

АНДРАШ КЕРЕСТИ — «Чэлленджер»: видеолента *(Окончание. Перевод с венгерского П. Бондаровского и М. Корзинкина)* 207

Критика

Слово, язык, общение

Писатели мира отвечают на анкету. Габор Гараи. Вейо Мери. Франсиско Сионильо Хосе. Фернандо Намора *(Продолжение)* 239

Ю. КАГРАМАНОВ — Еще плодоносить способно чрево... *(«Новый взгляд» на фашизм в западной прозе 80-х годов)* 243

Советская литература за рубежом 238, 242

Из месяца в месяц 250

© «Иностранная литература», 1987

ЭРИХ ФРИД

Письмо в Москву Михаилу Горбачеву

Больше шести десятков лет
я верил, сомневался, отчаивался,
слыша, как выдается за истину ложь,
видя, как творится несправедливость,
и вот на закате жизни забрезжил просвет,
возвещающий перемены, и с каждой газетой
все сильнее надежда, что дети будут счастливее нас,
ибо из мертвенных полуправд
воскресает вочеловеченная правда,
чтобы долг восполнить правами,
вопрос — откровенным ответом
и свободу вернуть на наше Собранье.

Это ли не воспеть? Но глубоки рубцы
на извечном желании складывать гимны,
и нет еще слов, чтобы были свежи и созвучны
облегченному и радостному вздоху.

Середина января 1987 года

ЭРИХ ФРИД — ERICH FRIED (род. в 1921 г.)

Австрийский писатель. Лауреат многих литературных премий. Автор более двадцати книг, среди них — «Австрия» («Österreich», 1945), «Предостережения» («Warngedichte», 1964), «Размышления» («Überlegungen», 1965), «Вьетнам и...» «...und Vietnam und...», 1966), «Вопросы времени» («Zeitfragen», 1968), «Любовные стихи» («Liebesgedichte», 1979), «Календарь для мира» («Kalender für den Frieden», 1985). По-русски стихи Эриха Фрида печатались в сборнике «Из современной австрийской поэзии», в «Иностранной литературе» (1972, № 1; 1986, № 6) и в др. изданиях.

Печатается по рукописи, присланной автором.

Призыв

Товарищ Свобода, ты нужна нам! Вернись
на прежнее место в первой шеренге,
чтобы завтра или уже сегодня повести за собой.

Конечно, нужна не только ты, все нужны —
ибо решается всё. Как тебя не хватало!
Ведь ни опытные управленцы,
ни технари, ни плановики не добились
чего-то такого, что было вначале,
еще до управленцев и грандиозных планов,
когда люди, сражаясь за новь,
просто шли в бой, терпели лишения и побеждали.

Товарищ Свобода! Враги (и не только они)
потом говорили, будто ты погибла,
томишься в застенке, оказалась в изгнанье.
Но ныне снова «воспрянул род людской»,
в полный голос тебя призывая:
Товарищ Свобода, ты нужна нам! Вернись!
И ты вернешься.

В ночь с 27 на 28 января 1987 года

Перевод с немецкого Б. ХЛЕБНИКОВА

■

ПИТЕР АБРАХАМС

Остров сегодня

РОМАН

Перевод с английского Т. ОЗЕРСКОЙ и Н. ТРЕНЕВОЙ

Имя Питера Абрахамса достаточно хорошо известно в Советском Союзе. Многие из советских людей впервые познакомились с жизнью и борьбой угнетенного большинства населения Южной Африки, читая произведения этого писателя. Книги его не просто пользуются популярностью, некоторые из них стали хрестоматийными. Помним мы и фильм, снятый по роману «Тропою грома», слушаем музыку Кара-Караева из одноименного балета.

Если ранние произведения П. Абрахамса были посвящены родине писателя, Южной Африке, а изданный в 1956 году роман «Венок Майклу Удомо» — первым годам существования независимого африканского государства, то публикуемый ныне роман «Остров сегодня» затрагивает проблемы иного региона, его действие происходит в одном из островных государств Карибского моря.

Такое изменение отражает судьбу самого автора. Покинув Южную Африку, он поселился сначала в Лондоне, а затем на Ямайке. И постепенно узы, связывавшие П. Абрахамса с родной страной, ослабевали.

Но, несмотря на географические различия, роман «Остров сегодня» по существу продолжает тему, начатую в «Венке»,— тему становления государств «третьего мира», стремящихся добиться суверенитета не только формального, но и реального. И в обеих книгах П. Абрахамс рисует картину довольно пессимистическую, но, к сожалению, отвечающую реальности.

Оба романа объединяет еще одна черта — авторское предвидение. То, что произошло с Майклом Удомо, лидером африканского государства, который был вынужден вступить в соглашение с колонизаторами ради, как ему казалось, интересов своего народа, уже во многом повторилось в истории некоторых государств Африки.

Сбылись в ряде стран «третьего мира» и мрачные опасения автора за судьбу «Острова». Теперь мы знаем не только об «экономической революции» Альберта Джосайи, но и об «экономической революции» диктатора Уганды Иди Амина, которая свелась к раздаче его приспешникам имущества высланных из страны индийцев.

Автором описано еще одно непривычное для читателя явление — «расизм наоборот», не белый, а черный. Но и здесь история, к сожалению, уже показала, что автор был прав. В книге А. Джосайя говорит, что черные поверят в окончание господства белых только тогда, когда увидят, что «и белым тоже порой приходится немножко попресмыкаться». Можно вспомнить в этой связи, как «пресмыкались» перед тем же Амином некоторые белые, таскавшие его в паланкине на публичной церемонии.

В книге «Остров сегодня» П. Абрахамс весьма убедительно показывает, что, сколь благородными ни казались бы идеи, которыми руководствуется лидер, он теряет доверие народа, если отрывается от масс, возвышается над ними, встает на путь беззакония. Приходится отметить и другое: автор не дает никакой альтернативы политике и действиям Джосайи, если не считать симпатий П. Абрахамса к сторонникам старой, унаследованной от англичан системы управления с псевдонезависимым государственным аппаратом. При этом писатель фактически противоречит самому себе, так как те же «независимые» гражданские служащие и судьи отнюдь не сковывали личную власть предшественника Джосайи — диктатора Мозеса Джошуа.

ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВ

ПИТЕР АБРАХАМС — PETER ABRAHAMS (род. в 1919 г.)

Южноафриканский писатель. Автор романов «Шахтер» («Mine Boy», 1945), «Завоевание» («Wild Conquest», 1950), «Тропою грома» («The Path of Thunder», 1948; рус. пер. 1955) «Венок Майклу Удомо» («Wreath for Udomo», 1956; опубликован в «Иностранной литературе», 1965, № 2—4), «Во власти ночи» («The Night of Their Own», 1965; рус. пер. «ИЛ», 1968, № 6—7), автобиографической повести «Рассказы о свободе» («Tell Freedom», 1954). Перевод романа «Остров сегодня» («This Island Now») выполнен по изданию Faber and Faber, London, 1966.

Взгляни, чужестранец, на остров сегодня...

Уистен Х. Оден

Время: Настоящее.

Место: Остров в Карибском море.

Жанр: Роман, то есть произведение, в котором все действующие лица и географические названия вымышлены; однако, поскольку пищу воображению дает реальность, отправной точкой данного повествования стало реальное положение дел в Карибском регионе. Поэтому каждый читатель волен сам выбрать остров, где разворачиваются описываемые события.

Часть первая

Наследие

Весь день над холмами туда и сюда сновали юркие небольшие самолетики и неуклюжие вертолеты, они летали низко, но не настолько, чтобы их можно было достать из винтовки. Будто меня ищут, подумал человек. Но они его не искали, и он это знал. Таков был заведенный порядок, и это уже вошло в обычай — демонстрация силы даже там, где незачем и некому ее демонстрировать. Крестьянам, жившим на холмах, теперь приходилось показывать эту силу с утра до вечера. Джосайя перенял это у Старика. Но Старик демонстрировал силу только когда было нужно, Джосайя же демонстрировал ее всегда. Однажды он сказал, что в хорошем деле никогда нельзя хватить через край, особенно если действовать открыто, в лоб. Пусть летают самолеты, даже если на крестьянских полях, где растет кукуруза и прочие злаки, нет в это время ни души. Все равно, демонстрируйте силу, демонстрируйте ее деревьям, земле, жаркому воскресному дню и легкому предвечернему ветерку. Быть может, через воздух, деревья, землю это как-то передастся людям, которые завтра утром придут обрабатывать свои поля. Ведь земля общается с людьми: она одинаково может вселять в них тревогу и страх или спокойствие и уверенность. Некогда эта земля внушала своим сынам высокое чувство свободы, особенно в первые годы после ухода оккупантов. Теперь на нее и ее сынов черной тенью надвинулся страх.

На закате самолеты перестали лениво кружить над холмами. Человек вышел из своего убежища, тесной пещерки у вершины самого высокого из холмов, где он прятался со вчерашнего вечера, с тех пор как крестьяне ушли с полей.

Он вскарабкался на верхушку холма и поглядел вниз на широкую и длинную равнину. И как всегда у него захватило дух от того, как прекрасна родная земля. В трех тысячах футов внизу сочным зеленым ковром расстилалась равнина, от неправдоподобно спокойной глади Карибского моря до предгорья, где она переставала быть равниной. Портовые сооружения, город, все рубцы, оставленные рукой человека на лице долины, в закатной дымке казались особенно нереальными, эфемерными: стоит человеку хоть на мгновение опустить руки, хоть на мгновение дать себе передышку — и буйная зелень поглотит и превратит в ничто плоды его трудов.

Вблизи отлогий скат становился круче: на отрезке меньше чем в двадцать миль земля под острым углом вздымалась на три тысячи футов над уровнем моря. Прямо под вершиной, где притаился человек, кружа и извиваясь, как длинная змея, поднималось в горы гладкое щебенчатое шоссе. Его извилина проходила всего в трехстах футах от места, где стоял человек. Ему были отчетливо видны двадцать ярдов шоссе. Значит, все движущееся по дороге не слишком быстро будет находиться несколько секунд в поле его зрения. Машина Джосайи с ревущими мотоциклами охраны спереди и сзади будет двигаться не слишком быстро. Человек подумал: у меня будет секунд пятнадцать, больше мне и не нужно, каких-нибудь пятнадцать секунд...

Он еще раз окинул взглядом равнину. И уже не старался подавить щемящую тоску, прихлынувшую к сердцу. Теперь наконец, когда осталось меньше часа, можно дать волю своей слабости, своим чувствам, своей тоске.

Он повернулся и скрылся в неглубокой пещере. Обратно он вышел, неся в руках ранец военного образца, и вернулся на то место, где ему предстояло дождаться этих пятнадцати секунд. Место он выбрал и расчистил вчера вечером, тут все было уже готово. Он опустился на кучу вырытой земли и раскрыл ранец. Сначала вынул маленький сверток в вощеной бумаге — там лежал кусок жареной, остро приправленной рыбы, пшеничный хлебец и маленький термос с фруктовым соком. Это был его ужин. Наверное, последний, безразлично подумал он. Еду и термос он отложил в сторону. Затем достал несколько трубок из тусклого металла и какие-то детали, которыми был набит ранец. Все это он разложил на земле заботливо и осторожно, как хозяйка, которая собирается приготовить для семьи какое-то особенное кушанье. Человек проверил каждый предмет, хотя знал, что все на месте. Затем принялся за сборку.

Когда он кончил, в руках у него оказалась мощная автоматическая винтовка, какие Джосайя ввозил из-за границы для вооружения все более многочисленных отрядов службы безопасности. Стоило слегка нажать на спусковой крючок, и в цель летел добрый десяток пуль. Но в отличие от тех винтовок, которыми Джосайя снабжал своих людей, на этой был установлен оптический прицел.

Человек лег на живот и укрепил автомат в щели между двумя валунами; отсюда хорошо просматривалось шоссе. Он поглядел в оптический прицел; дорога придвинулась так близко, что стали видны даже мелкие камешки, скатившиеся сверху. Вот так же приблизится к нему и Джосайя, он увидит громадную родинку на правой щеке и, может быть, даже закатившиеся зрачки — у того была странная манера, отдыхая, закатывать глаза.

Укрепив винтовку и нацелив ее на дорогу, человек принялся за еду. Он ел медленно, смакуя каждый кусочек хрустящей жареной рыбы, наслаждаясь тонким вкусом приправы из жгучего зеленого перца, сырого лука и уксуса. Затем он выпил фруктовый сок.

1

Джоул Стернинг выключил радио и обернулся к жене. По лицу ее он понял, что это правда. Старик умер.

— Что же теперь будет? — прошептала Клара.

Он старался собраться с мыслями, но как объяснишь это ощущение, будто внезапно остановилось время или неожиданно померк солнечный свет? Человеческое воображение не может представить себе неизведанное, и трудно логически рассуждать о неведомом. Джоул покачал головой, и Клара, его жена, почувствовала в этом движении физическую и душевную беспомощность. Они давно уже перестали любить друг друга, но за долгие годы брака выработали некое взаимопонимание, которое помогало им жить в разумном и вежливом согласии.

Напряженный, растерянный, испуганный голос диктора произнес: «Леди и джентльмены, президент скончался. Согласно бюллетеню, поступившему из президентского дворца, президент Мозес Джошуа внезапно потерял сознание и пять минут назад скончался. Смерть настигла его в ту минуту, когда он провозглашал заключительный тост на обеде в честь иностранных гостей». Потом передавали государственный гимн, любимый церковный гимн президента, голос его жены...

Президент был очень стар, и весь остров понимал, что он может умереть со дня на день. Об этой неизбежности говорили не таясь. Сам Старик часто заговаривал о близкой кончине, особенно в последние два-три года. И все же смерть его оказалась неожиданным ударом, ибо все боялись даже подумать о том, как будет жить остров без него. Почти полстолетия он держал страну в своем железном кулаке.

Джоул Стернинг подошел к телефону и набрал нигде не числившийся номер, по которому можно было соединиться прямо с государственным секретарем. Джоул был одним из десятка человек, которым этот номер был известен. Но в трубке раздался сигнал «занято».

Клара наливала в бокал виски, и Джоул заметил, что руки ее дрожат. Он знал, что сейчас она остро нуждается в поддержке. Если он обнимет ее за плечи, это, пожалуй, вызовет непрошеные воспоминания о былой любви, которой больше нет. А между тем его жена была поразительно хороша. Тело ее, без единой унции лишнего жира, обладало той тропической пышностью, которая сводит мужчин с ума. У нее была безукоризненная алебастровая кожа, что часто бывает у белых, унасле-

довавших от далеких предков капельку негритянской крови. Но Джоул давно уже усвоил, что в семье Айзексов не следует говорить о негритянской примеси. Они гордились тем, что они евреи, но упаси боже намекнуть им на негритянских предков!

Когда-то давно некая дама, светская соперница пятерых женщин семейства Айзекс — Клары, ее матери и трех младших сестер,— пренебрежительно назвала их «белянками на черной подкладке». Они глубоко затаили обиду, но отмщения им пришлось ждать десять лет — пока их семья не разбогатела. И когда настало время, месть была страшной и беспощадной. За ехидные слова жены Айзексы постепенно лишили несчастного мужа всех предприятий, обобрали его до последнего гроша и вышвырнули на улицу, отняв дом за долги. В результате затравленному, совершенно разоренному бедняге пришлось бежать с острова вместе со своим семейством. Это положило конец каким бы то ни было намекам на примесь цветной крови в семье Клары. С тех пор Айзексы стали еще богаче и еще влиятельнее. А для Джоула Стернинга методичность, с какой они губили эту несчастную семью, стала началом конца его любви.

В семье Айзексов Клара считалась большой умницей и была единственной из айзексовских женщин, кто мог повлиять на отца и братьев, и Джоул знал, что в этом общественном и финансовом убийстве целого семейства она сыграла не последнюю роль.

Но он, как и все в Мозесвилле, запомнил урок и с тех пор со своей женой и всеми членами семьи Айзексов старался вести себя осмотрительно, всегда был настороже. Даже юные отпрыски рода и те сознавали силу своего имени и богатства и пользовались этим в школе и в играх со своими сверстниками.

Иногда, просыпаясь среди ночи, Джоул Стернинг думал о том, что давно разорвал бы этот тягостный брак, если бы Клара не была урожденной Айзекс. Мысли такого рода неизменно гнали его прочь из дома, он отправлялся в поход по ночным клубам города и напивался до потери памяти.

Клара принесла мужу бокал и придвинулась почти вплотную, пристально глядя ему в глаза. Даже в минуту страха и растерянности она оставалась Кларой Айзекс, и был какой-то оттенок повелительности в том, как она безмолвно просила поддержки и утешения.

Он взял бокал и отстранился — как бы ненароком, чтобы она не приняла это за оскорбление.

— Я стала так отвратительна, Джоул? — спросила она небрежно, словно не придавая этому никакого значения.— Как, по-твоему, что же теперь будет? — добавила она.

— Не знаю. Сейчас может произойти все что угодно.

— Борьба за власть, как ты предсказывал?

— Сразу вряд ли,— ответил Джоул.— Несколько месяцев они подождут.

— Если Джосайя позволит.

— А у него, пожалуй, нет выбора. Если он сейчас откроет карты, то рискует проиграть. Остальные объединятся против него.

— Но ведь остальные всегда воевали между собой.

— Только чтобы выслужиться перед Стариком, да еще потому, что Старик держал Джосайю в узде; а единственное, чем могут остановить его они,— это бросить свои свары и объединиться. Они знают, что иначе начнется полный развал.

— Они, конечно, сумеют от него избавиться. Впрочем, нет, не сумеют. Он их перехитрит и обведет вокруг пальца, стоит ему только захотеть. Это умный звереныш.

Джоул еще раз набрал частный номер государственного секретаря и опять услышал сигнал «занято».

Клара прошлась по просторной гостиной. Джоул следил за ней глазами. Он чувствовал, что красивое тело этой женщины, которая была ему женой восемнадцать лет, все еще волнует его воображение. Но в сердце ничто не дрогнуло, а если на такое волнение не откликается сердце, какая уж тут любовь.

Клара остановилась рядом.

— Налить тебе еще?

Она хотела сказать совсем другое, подумал Джоул и даже обрадовался, что она сдержала свой заносчивый айзексовский нрав и резкие слова не сорвались у нее с языка. На какое-то мгновение в нем вдруг ожила память о тех временах, когда

еще была жива любовь, и у него чуть-чуть заныло сердце, как всегда, когда мы думаем о чем-то прекрасном, но давно минувшем.

Клара наполнила бокалы и понесла их на длинный застекленный балкон. Она открыла раздвижную панель из небьющегося стекла. Свежий воздух теплым потоком хлынул в почти выстуженную кондиционером комнату.

Идя вслед за Кларой через гостиную, Джоул ощущал привычное довольство от сознания того, как красиво и с каким вкусом отделан его дом. Все это создали Кларины деньги и безупречный Кларин вкус, и как бы не относились к ней друзья и недруги, все как один признавали, что она сумела сделать из своего дома подлинное произведение искусства. Ковер, стены и потолок гостиной являли собой сочетание дополняющих друг друга нежных пастельных оттенков голубого и серого, кое-где тронутых ржаво-красным. Мебель, которую делали по особому заказу из местных пород дерева, обработанного так, что сохранились естественный цвет и рисунок волокна, мягко подчеркивала чудесную гармонию красок. Одну стену сплошь покрывали панели из ценнейшей древесины, которой изобиловал остров.

— Как все-таки это прекрасно,— вдруг сказала Клара, стоя у окна, и в голосе ее был оттенок благоговения.

Сколько лет уже мы здесь живем, подумал Джоул, сколько раз она глядела из этого окна, с этого самого места,— наверно, десять, двадцать тысяч раз, не меньше,— и вид за окном не перестает быть для нее чудом. Как это уживается в одной женщине — редкостный, поистине китсовский дар бесконечно радоваться прекрасному, каждый раз видя его словно впервые, и айзексовская заносчивость, бездушие, айзексовская жестокость в погоне за богатством и властью.

— Да,— отозвался он, видя все будто заново, ее глазами, и чувствуя, как от этого чуть сжимается сердце.— Да, очень красиво.

Клара быстро повернула голову и напряженно вгляделась в его лицо.

— Ну, что еще, Джоул? В чем я на этот раз провинилась?

О боже, подумал Джоул, о боже, боже!

— Не понимаю тебя,— спокойно сказал он.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как она слегка пожала плечами.

Внизу, чуть слева, ярче звезд на небе переливались огни Мозесвилля. Город казался сказочным, даже не верилось, что днем он так безобразен. Трущобы, уродливые лачуги окраин, мерзкие крыши из оцинкованного железа — все поглотила ночь; темнота, мерцающие огни и густая тропическая зелень вступили в сговор, чтобы овеять город дыханием романтики.

Тишину разорвал телефонный звонок. Джоул бросился к аппарату.

— Джоул? — Голос принадлежал человеку очень старому, но ничуть не утратившему ясности мысли. Это был сам Натан Айзекс.— Клара дома?

— Да, Натан.

— Прекрасно. Через час оба будьте у меня. Семейный совет в полном составе. Понятно?

— Да. Позвать к телефону Клару?

— Нет, не нужно.

— Что происходит во дворце?

— Это дурачье уже перегрызлось из-за того, кому какое достанется звание. Куча кретинов!

— А Джосайя?

— Вы были правы насчет него, Джоул. И напрасно мы тратили время и деньги на этих болванов, а не на него.

— Вряд ли бы это помогло.

— Не будьте ослом, Джоул. Каждый человек имеет свою цену. Надо только ее знать, вот в чем вся штука.

— Джосайя с ними? — спокойно спросил Джоул.

— Нет. Он только показался во дворце, уронил слезу над телом президента на виду у прессы и телевизионных камер, а затем вручил заявление об отставке.

— Что?! — вскрикнул Джоул.

— Вы-то хоть не будьте кретином,— усмехнулся старик.— Не так это просто, как вы думаете. Он вручил им письмо — предоставляет, мол, свой портфель и свои услуги тому, кого они выберут преемником президента Джошуа.

— Что-то не пойму.

— А еще считаетесь нашим политическим экспертом. Джосайя — единственный, у кого есть четкий план действий, и в этот план входит не ввязываться в политическую борьбу. Но хватит по телефону. Ведь кто знает...

— Где он сейчас?

— Где-то в городе. Пока эти кретины грызутся за власть, Джосайя вышел на улицу.— Старик издал невеселый, лающий смешок.— Говорят, он успокаивает народ. Слышите? Успокаивает народ. Ах, дурачье проклятое... Значит, через час, Джоул. Вы и Клара. Дело может принять скверный оборот. Нам нужно выработать план.— И старый Натан Айзекс повесил трубку.

Джоул вернулся на балкон, где его ждала Клара.

— Папа?

— Да. Через час будет семейный совет в полном составе.

— А что во дворце? Он не говорил?

— Да примерно то, чего мы и ждали. Джосайя в этом не участвует. Он вышел в город успокаивать народ.

— Успокаивать народ? Так папа и сказал?

— Да. Именно так.

— Ну, тогда действительно все может обернуться довольно скверно.

— То же самое, слово в слово, сказал твой отец.

— Они, конечно, справятся с ним, Джоул?

— Вряд ли, если то, что говорит твой отец,— правда.

— Жаль, что мы не были повнимательнее к Джосайе.

— Твой отец тоже так считает.

После долгого молчания Клара спросила:

— Ты думаешь, начнется распад?

— Жизнь — это процесс распада, восстановления и нового распада.

— Мы так от него все зависели,— задумчиво проговорила Клара.

— Зависели от него или использовали его?

— А разве это в конечном счете не одно и то же?.. Слушай, Джоул...

Ну что еще? — вздохнул он про себя, стараясь угадать, куда повернули ее мысли.

— Да?

— Скажи, у тебя еще бывают эти приступы тоски по Европе? Помнишь, ты мне как-то говорил. Ты предлагал съездить в Европу и, может, навестить твою сестру в Израиле...

— Это было так давно.

Он почувствовал, как ее передернуло.

— Ты не желаешь уберечь детей от того, что может произойти?

— То есть увезти их?

— Да.

— Клара, Джин уже семнадцать лет, а Эммануэлю пятнадцать. Детей в таком возрасте нельзя просто взять да оторвать от родины. Они могут и не согласиться. И не забывай, что они — Айзексы, хоть и носят мою фамилию. А кроме того, я хочу остаться и посмотреть, что будет.

— А если я решу уехать?

— Ну, стало быть, и уедешь.

— А если я решу взять детей?

— Дело твое.

— Но ты все равно останешься?

— Да.

— Значит, я тебе уже совсем не нужна, так, Джоул?

— Ради бога, Клара...

— Извини. Я пойду оденусь.

Она отошла, а Джоул прислушивался к шороху за своей спиной, напрягая все чувства, словно угадать ее движения по звукам было для него делом первостепенной важности. Пухлый ковер почти заглушал стук высоких каблучков, и все же он улавливал слухом каждый ее шаг. Вот она уже на середине комнаты; эта пауза означает, что она ставит бокал; вот она у двери... вышла.

Он поглядел вниз, на мерцающие огни города, затем задвинул стеклянную раму и, круто повернувшись, направился к двери. На полдороге он передумал, свернул к

телефону и снова набрал номер государственного секретаря. На этот раз гудки были длинные, но к телефону так долго никто не подходил, что Джоул хотел уже положить трубку, как вдруг раздался щелчок и голос Джона Стэнхопа, сдавленный усталостью, произнес: «Государственный секретарь».

— Джон? Это Джоул.

— Слава богу, наконец-то!

— Как у вас?

— Ужасно. Они, кажется, совсем потеряли головы. Вы бы их видели! Господи, спаси наш остров! Слушайте, Джоул, вы не можете приехать?

— Меня вызывает Натан — будет семейный совет.

— Старый Айзекс недавно был здесь. Приезжайте, когда освободитесь. Все равно мне сегодня не спать.

— А что министры?

— Сейчас они ни на чем не сойдутся. Дам им выговориться, потом выставлю до завтра. Смятение в городе нарастает, и к тому же известное вам лицо разъезжает сейчас по улицам. Ну, во всяком случае, я скажу охране, чтобы вас впустили, когда б вы ни приехали. Ведите машину медленно и осторожно. Сейчас все немножко взвинчены. Ну, пока...

Джоул положил трубку и обернулся. Клара стояла прислонившись к двери. Он и не заметил, как она вошла.

— Кто это был? Джон Стэнхоп?

— Да.

— Есть новости?

— Смятение нарастает. Где дети?

— С ними ничего не случится. Они не на улице.

Клара быстрым и деловитым шагом подошла к телефону и набрала номер. Кого-то на том конце провода она спросила о детях, выслушала ответ и, закончив разговор, повернулась к мужу.

— Все хорошо, из гостей их проводят домой.

— Я обещал заехать к Джону Стэнхопу после семейного совета.

— Я так и думала.

Она направилась к выходу, Джоул шел позади. Клара успела переодеться в простое черное платье — траур по скончавшемуся президенту, что ли? — подумал Джоул. В этом платье шея ее казалась длиннее, покрой подчеркивал плавную покатость плеч, придавая спине девическую прямоту. Талия оставалась такой же стройной, как в те блаженные дни влюбленности, когда он впервые обвил ее рукой. Бедра сохранили округлость, и Джоул вспомнил, как когда-то они с Кларой предавались пляске любви почти каждую ночь и как это у них было.

Клара внезапно остановилась, и он чуть не налетел на нее; пришлось обхватить друг друга, чтобы устоять на ногах. Клара первая обрела равновесие и хладнокровие; она чуть подалась назад и поглядела ему в лицо задумчивым и вместе с тем презрительно-насмешливым взглядом. Джоул понял, что она подстроила это столкновение нарочно, но, чувствуя под рукой ее гладкое теплое тело, даже не смог рассердиться.

— Я ведь еще твоя жена,— прошептала она.

— Не понимаю, о чем ты?

— Милый Джоул, ты меня мысленно раздеваешь. А зачем? По закону ты имеешь определенные супружеские права.

— Без любви? — вырвалось у него.

Клара сжала губы и рассудительным тоном ответила:

— Разумеется, предпочтительно с любовью, но...— Слегка пожав плечами, она резко повернулась и быстро пошла к выходу.

Когда Джоул подошел к машине, она уже сидела за рулем. Он хотел было напомнить ей, что после семейного совета должен заехать к Джону Стэнхопу, но раздумал. Клара никогда не нуждалась в напоминаниях, даже если речь шла о мелочах. Стоит только сказать, и она запомнит, о чем нужно позаботиться, без дальнейших подсказок. Эта способность удерживать в памяти все мелочи была особым свойством семейства Айзексов. И когда это начинало действовать на Джоула угнетающе, он вызывал в воображении тень какого-нибудь айзексовского предка, который где-то в Европе, быть может, был загнан в физическое и духовное гетто, и

жизнь его самого и его потомства зависела именно от способности помнить мелочи. И вот так, в борьбе за существование, выковался и перешел по наследству этот особый фамильный талант, вполне реальный и несомненный, словно дополнительная рука или нога. Но о чем бы Джоул сейчас ни думал, мысли будто застилала легкая дымка — он все еще чувствовал прикосновение ее упругого тела. Джоул знал, именно этого Клара и хотела, так и было задумано: показать, что все между ними может быть по-другому. Эта дымка окутывала его мысли, а в ушах звучал ее голос, мягко понуждавший его к полному самоуничтожению: «Я ведь еще твоя жена».

Машина выехала из просторной подъездной аллеи, переливающиеся огни города остались по другую сторону большого холма, на котором стоял дом. Теперь дорога пошла вниз, кружа по спирали. Президент, нежно любивший Клару, лично приказал Министерству общественных работ дать для строительства лучших рабочих и лучшие из имеющихся материалов, и потому эта дорога, которая вела только к дому Клары и Джоула Стернинг, была самой безупречной на острове. Президент не скупился на царственные жесты, подсказанные старческими прихотями, а островитяне, глядя на это, в зависимости от своих убеждений возмущались, посмеивались, приходили в умиление, раздражались или пылали гневом. В то время, когда он распорядился построить дорогу к дому Стернингов, еще не был проведен закон об «однопартийном государстве», и оппозиционная партия существовала легально. Оппозиционеры пытались поднять шум вокруг этого дела, предложив вынести правительству вотум недоверия, а вне парламента обвиняли президента в диктаторстве.

В банкетном зале лучшего отеля города, на огромном сборище, где подавали цыплят и вина и мужчины были в смокингах, представитель оппозиции призывал народ восстать, сражаться на баррикадах, смести и уничтожить гнусный диктаторский режим Джошуа. Но народу было не по карману ходить в лучшие отели, и он не слышал призыва на баррикады. А кроме того, говорили в народе, Старик не выдумал ничего нового. Сколько они его помнят, он всегда вытворял то же самое. Так из-за чего шум подымать? А когда в парламенте было предложено вынести вотум недоверия, Старик появился в дверях палаты, погрозил указательным пальцем членам правительства, захохотал и показал язык оппозиционерам. Министры немедленно поднялись и торжественно вышли из палаты, за ними последовали остальные члены правящей партии. Председателю пришлось отменить заседание за отсутствием кворума. На том дело с вотумом недоверия и кончилось, а заодно пришел конец и оппозиции. Превратив всю эту историю в фарс, Старик нанес оппозиционной партии сокрушительный удар. И когда, уже позже, был проведен закон об однопартийной системе, он лишь легализировал существующее положение.

Джоул вспомнил, что в то время история о появлении Старика в дверях палаты казалась уморительной, ее без конца рассказывали и пересказывали во всех гостиных, и у каждого рассказчика она обрастала новыми комическими подробностями. А ведь все началось с этой дороги.

Он повернул голову и взглянул на Клару. Лампочки на щитке освещали красивый профиль, но он не мог рассмотреть выражения ее лица. Помнит ли она, как строилась эта дорога? Ведь это не было важным событием, от которого могла зависеть жизнь или успех, а айзексовский талант помнить мелочи действует по избирательному принципу.

— Дорога,— произнес он громко, стараясь покрыть гул мотора.

Резким движением заводной куклы Клара повернула к нему голову и сразу же опять стала смотреть прямо перед собой.

— Что — дорога?

Не та мелочь, которую стоит запоминать, отметил про себя Джоул, а вслух произнес:

— Ничего.

Она сбавила скорость и остановила машину. Они проехали лишь один виток спирали по склону холма. Далеко внизу опять показались огни Мозесвилля, но теперь они не мерцали. Машина была сейчас на четыреста футов ниже дома, на четыреста футов ближе к долине, и мерцание исчезло.

Огни утратили свое сказочное волшебство и стали обыкновенным электрическим светом, зажженным руками человека.

Клара повернулась к нему.

— В чем дело, Джоул? Я вижу, я опять в чем-то провинилась, но в чем именно?

— Ни в чем.

— Но ты сидишь и осуждаешь меня. Я же чувствую, Джоул. Неужели я даже не вправе знать, за что меня осуждают?

— Я тебя не осуждаю.

— Хорошо. Значит, дуешься, протестуешь.

— Я думал об этой дороге, о том, как она появилась, и о связанных с ней политических событиях.

— И значит, когда ты сказал «дорога», я должна была моментально восстановить всю цепочку! О, Джоул! А ведь ты человек разумный и справедливый. Интересно, на что бы ты надулся, если бы я догадалась, что ты имеешь в виду. Иногда между людьми возникают такие отношения, что одному всегда хочется видеть в другом неприятное,— надеюсь, до этого мы еще не дошли!

— Чего ты хочешь, Клара? — устало и чуть раздраженно спросил Джоул.

— Неужели это плохо — огорчаться, зная, что муж тебя осуждает?

— Ты меня удивляешь! — с горечью сказал он.

— Почему, Джоул?

— Потому что ты знаешь и знала все эти годы, что я не ушел от тебя по одной-единственной причине: если бы я ушел, пришлось бы бежать с острова, иначе меня сжило бы со свету твое семейство. Ты это знала давно и никогда особенно не расстраивалась, что же ты вдруг забеспокоилась, о чем я думаю?

— Это все, что ты можешь сказать?

— А разве мало? Разве мало того, что у меня отнято мужество? Чего тебе еще нужно? Хочешь теперь вломиться в последнее мое убежище и указывать, какие мысли у меня хорошие и какие плохие?

Женщина долго молчала, а мужчина ждал. Он безошибочно мог сказать, как сейчас работает ее мысль; он знал, что она вдумывается в сказанные им слова с дотошностью ювелира, оценивающего драгоценный камень. И это значит, что она взволнована, это он тоже знал. Но разум его бунтовал против самой идеи, что эта женщина чем-то может быть глубоко, по-настоящему взволнована. Слишком долго они жили каждый своей отдельной жизнью, чтобы кто-то из них мог всерьез затронуть чувство другого. Дети, привычки, выработанные долгими годами брака, и, как выражалась Клара, «сила обстоятельств» — вот все, что их теперь связывало.

Клара, наконец, вышла из задумчивости.

— Значит, твоя слабость, твоя трусливость — тоже моя вина? Даже это, оказывается, можно обратить против меня. Ты мужчина или нет, Джоул? Разве ты не мог уйти от меня в любую минуту, когда тебе вздумается?

— И чем бы ответили на это ты и твои родственники?

— А как ты думаешь? По-твоему, отец и братья должны оставить тебя в деле, если ты меня бросишь? Они, представь себе, тоже живые люди и у них есть чувства.

— Знаю. И эти живые люди будут изливать свои чувства на каждого, кто захочет мне помочь или даст работу.

— Словом, ты остался, потому что струсил. А в том, что остался, винишь меня и срываешь на мне свою злость.

— Разве я начал первый?

— А разве не ты?

— Да, конечно, я,— быстро сказал он.— Прости. Я забыл, как просто и прямолинейно все смотрят на вещи в твоем семействе.

— Что же от меня требуется? — спросила она.

Молча, про себя, он закричал: верни мне мое мужество! Но вслух не сказал ничего. Женщина кивнула, как будто услышав этот безмолвный крик. Протянув руку, она дотронулась пальцами до его руки, потом отвернулась, включила мотор, и машина покатила вниз, в долину, к ярким огням города.

Пока они спускались с горы, все вокруг выглядело как обычно, ночь стояла такая же, как все прошлые ночи в их жизни. На петляющей дороге было темно и безлюдно; звезды сияли, как положено; в нескольких домах, притулившихся у подножия холма, как всегда, неярко светились окна.

Они въехали на окраину города, и здесь ночь была такой, какой они еще не видели в своей жизни. Улицы были запружены народом. Сюда с холмов, окаймляющих этот центральный район, спинной хребет и сердце острова, стекался бесконечный, молчаливый поток чернокожего крестьянского люда.

Клара вопросительно взглянула на Джоула.

— По-моему, они идут к дворцу,— сказал он.

— И все молчат,— прошептала она.

— Осторожней. Не давай гудков. Сверни в первый же переулок. Наверное, на больших улицах то же самое, и нам лучше проехать стороной.

— Враждебности в них не чувствуется,— заметила Клара.

— Они просто растеряны. Как малые ребята, потерявшие отца и мать.

— Знаю. Они испуганы и, как всякое испуганное стадо, могут впасть в панику. Дай им малейший повод, они совсем обезумеют. Надо быть поосторожнее.

Вот еще одна черта айзексовского характера, подумал он.

— Будем надеяться, что все, кто сейчас едет в машинах, понимают это.

— Да,— кивнула она.— Будем надеяться.

Они доехали до переулка, отходящего от главной трассы. Клара попыталась свернуть, но людской поток окружил машину так плотно и густо, что двинуться ему наперерез, даже чуть наискосок, было немыслимо, если толпа не пожелает расступиться.

Джоул почувствовал, что Клара начинает кипятиться, и пожалел, что не сел за руль сам.

— Лучше остановиться,— произнес он.

Она нажала ногой тормоз и сразу ощутила напор толпы, человеческих тел, трущихся о машину. Некоторые, проходя мимо, заглядывали внутрь. Она подумала: мы сейчас беспомощны, мы отданы на произвол этих людей, и что с нами будет — зависит только от настроения этой массы. Она вспомнила, что Старик лежит мертвый в своем дворце. Ее вдруг охватил страх.

Джоул заметил, что жена испугалась. Он подумал: трудно тем, кто никогда не сталкивался с толпой, они не знают, что делать, как приспособиться. Он накрыл левой рукой руку Клары, лежавшую на руле. Она тотчас же сжала его пальцы.

С ее стороны в машину заглянуло темное лицо. Джоул наклонился чуть вперед, чтобы разглядеть его. Дыханье Клары теплым паром обдало левое ухо, левым плечом он невольно прижался к ее плечу. Когда-то соприкосновение тел рождало между ними крепкую связь, быть может, крепче всего остального, что их связывало. Джоул немного опустил боковое стекло — настолько, чтобы человек, стоявший у машины, мог просунуть голову.

В людской стремнине их машина была словно деревянный плот, и человек снаружи ухватился за нее, чтобы его не снесло течением.

— Зачем загораживаете дорогу? — хрипло спросил он.

— Помоги нам, брат,— сказал Джоул.— Нам нужно здесь свернуть.

— Свет давай!

Джоул протянул руку и зажег свет в салоне.

У человека оказалось длинное костлявое лицо со срезанным подбородком, отливавшее в тусклом свете маслянисто-черным блеском. Еще какие-то лица старались заглянуть внутрь со стороны Джоула. В мгновение ока вокруг машины в нерешительности сгрудилась толпа.

— Пожалуйста, выручи, брат,— настойчиво повторил Джоул.

— Я тебя знаю,— сказал человек и отвернулся.

Джоул выключил свет в машине.

— Дайте им свернуть,— отрывисто бросил человек, почти не повышая голоса. Он расставил руки, и напиравшие сзади остановились. Слева образовался проезд.

— Давай! — сказал Джоул Кларе.— Осторожней!

Клара медленно тронула машину с места и свернула налево. Возле переулка им преградила путь кучка людей.

— Дайте свернуть! — опять сказал длиннолицый. Люди расступились, и Клара въехала в переулок, избавившись, наконец, от тревожного соседства движущейся, молчаливой чернокожей массы.

— Спасибо, Джоул,— проговорила она.

Джоул раскурил для нее сигарету и, передавая, почувствовал, как дрожат ее пальцы. Она здесь родилась — и она и несколько поколений ее родичей. Она была коренной островитянкой, как и весь этот народ, но только что открыла для себя, что боится его, потому что Старика уже нет в живых.

Еще дважды на оживленных перекрестках они не могли пробиться сквозь мол-

чащую людскую массу. Каждый раз они терпеливо ждали, и каждый раз им на выручку приходил кто-то из толпы и помогал выбраться с магистрали в боковую улочку. Трижды они видели, как другие машины застревали в толпе. И уже знали, что, выберутся эти машины или нет, во многом зависит от того, понравятся ли пассажиры человеку, который отделится от толпы и заговорит с ними.

Наконец, потратив около часа на путь, который они обычно проделывали минут за двадцать, Клара повернула в громадные ворота и въехала в обширный парк, окружавший дом старого Натана Айзекса. От ворот до дома было полторы мили. Только владения президентского дворца были больше этого участка, но даже и в дворцовом парке не имелось таких чудесных лужаек и такого обилия и разнообразия экзотических цветущих деревьев из всех субтропических зон земли. Для Натана Айзекса этот дом был зримым, вещественным символом его успеха. Он начинал свой путь из галантерейной лавчонки, которая досталась ему по наследству; лавка была заложена вся до последнего гвоздя, и на него свалилась куча долгов, перекрывавшая ее стоимость. Таково было наследие четырех поколений Айзексов, укоренившихся на острове. Начав с лавчонки, Натан возвел фундамент, на котором три его сына, Натан-младший, Эммануил и Соломон, впоследствии создали мощную экономическую империю Айзексов, охватившую все сферы жизни острова. Старый Натан потратил целое состояние, чтобы сделать свой дом символом айзексовского успеха.

Личный шофер старика распахнул перед Кларой дверцу и быстро занял ее место за рулем, чтобы отвести машину в сторону.

— Кто-нибудь приехал уже?

— Да, мисс Клара.

Клара чуть замялась, бросила взгляд на Джоула, затем первой поднялась по шести ступенькам, ведущим к огромным открытым дверям.

Где-то на верхнем этаже во всю мочь орало радио — голос диктора убеждал граждан, особенно автомобилистов, оставаться по домам ввиду того, что с гор движутся толпы скорбящих. Разумеется, никакой опасности нет, поспешил добавить диктор, это движение происходит мирно, покойно и под соответствующим надзором. Затем начальник полиции принялся объяснять людям на улицах, как они должны себя вести, и просил по возможности не задерживать уличное движение. Он объявил, что городской транспорт будет действовать всю ночь, и те, чьи машины застряли в толпе, могут вернуться домой на автобусе.

Джоул слушал начальника полиции вполуха. Что-то в нем восставало против этого громкого голоса. Он не любил бывать в доме Айзексов — здесь всегда стоял шум. В семье не принято было говорить тихо: все кричали. Голоса людей тонули в реве орущих радиоприемников, проигрывателей, телевизоров. Когда Клара еще жила в отцовском доме, она старалась как-то обуздать этот грохот. Теперь никто за этим не следил.

Преследуемые криком радио, они торопливо поднялись по длинной лестнице на верхний этаж, повернули налево, открыли массивную дубовую дверь, вошли в комнату и, захлопнув за собой дверь, сразу словно по волшебству избавились от яростной атаки звуков. Здесь были покои старого Натана, и он изолировал их от шума, царившего в остальной части дома.

Дверь налево вела в кабинет Натана, оттуда доносились голоса. Семейство было в сборе, кроме матери и сестер Клары и детей. Трое братьев — Натан, первенец старого Натана, Мэнни и Солли — прикрывали старика с флангов: Натан и Мэнни сидели справа от него, Солли — слева. Трое остальных мужчин, мужья трех младших дочерей старого Натана, сидели немного поодаль, и это обстоятельство как бы подчеркивало, что из зятьев один только Джоул допущен к верховному семейному совету. Считалось, что Солли, Клара и Джоул принадлежат к фракции радикалов, а сам старик, молодой Натан (ему было далеко за пятьдесят) и Мэнни принадлежат к консервативному крылу семейства. Если ситуация требовала консервативного подхода, фракция консерваторов брала дело в свои руки и выступала от имени айзексовской империи. Если же требовался «прогрессивный» подход, на первый план выходили радикалы. Эта система позволяла империи Айзексов проявлять такую гибкость, что никакие конкуренты не могли с ней соперничать.

— Что-то вы долго,— проскрипел старый Натан.— Застряли в толпе? — Это был крохотный высохший человечек с крупной головой и пронизывающим взглядом. Он

был смуглее всех своих детей, однако примесь негритянской крови, по-видимому, шла не с его стороны.

— Это было ужасно,— сказала Клара.

— Ну, не очень,— быстро возразил Джоул.— Просто неожиданно.

— Да, Джоул прав.— Клара опустилась на стул рядом с Солли.

— Что вы-то об этом думаете? — спросил Джоула молодой Натан. Сегодня он еще больше чем обычно смахивал на угрюмого, плечистого и слегка раздобревшего фермера.

— Вы хотите спросить, не сорвутся ли они с цепи? — уточнил Джоул.

— Да,— сказал молодой Натан.— Революция и все такое прочее.

— Нет,— заявил Солли, младший из трех сыновей, долговязый, тощий и темпераментный, любимец Клары и единственный из Айзексов, кто безоговорочно нравился Джоулу.

— Я Джоула спрашиваю,— проворчал молодой Натан.

— Ладно, давайте к делу,— оборвал его старик.— Так как же нам быть?

— Солли прав,— сказал Джоул.— С цепи они не сорвутся. В худшем случае будет несколько убийств, несколько демонстраций да несколько поджогов на полях и фабриках...

— Почему вы так уверены?

— Потому что мы свой народ знаем, братец,— снова вмешался Солли.— По традиции он всегда за правительство, какое оно ни есть, он на стороне власти, закона и порядка, называй это как хочешь. Если мы с тобой станем представлять власть, закон и порядок, они подчинятся нам.

— Мы собрались не для политических дискуссий,— сказал старик.

— А мы подходим прямо к делу, папа, к самому главному,— ответил Солли.— Они переполошились, так как смерть президента означает, что сейчас над ними нет власти, которой нужно подчиняться. Вот это самое их и напугало, и все повалили к дворцу, туда, где по традиции обитает власть. Они действуют с перепугу, не рассуждая. Но это вполне объяснимо, и потому нетрудно предсказать, что будет дальше.

— Если я тебя верно понял, Солли,— сказал молодой Натан,— ты считаешь, что нам нечего бояться народа.

— Вот именно.

— Вы согласны с ним, Джоул?

— Да.

— Разумеется, с той оговоркой, если народ не собьют с пути?

— Ты только не договариваешь, Натан,— сказал Солли,— кто именно собьет их с пути? Коммунисты, социалисты, расисты? Кого из них ты боишься?

— Не все ли равно? Любых из тех, кого ты назвал.

— Но в этом-то все дело,— возразил Солли.— Сбить может только человек или группа, стоящая у власти.

— Понял! — быстро сказал молодой Натан.— Если ты прав, то загвоздка в том, кто станет новым отцом и повелителем, кого они облекут законной властью.

— Да, загвоздка в этом,— согласился Солли.

— Джосайя,— произнес старик, обводя глазами всех членов верховного семейного совета по очереди.— Джоул, нельзя ли нам как-нибудь помочь тем, другим, остановить его? Есть там кто-то, на кого мы можем прочно опереться, у кого имеются шансы? Ты у нас политик. Скажи нам.

— Есть,— медленно ответил Джоул.— Только думаю, что мы проиграем.

— Речь идет о больших деньгах,— скрипучим голосом продолжал старик.— Сто, а то и двести тысяч. Чтобы его укротить, денег не пожалею.

— Вряд ли это возможно, папа,— сказал Солли.

— Джоул? — повернулся старик к зятю.

— Если не выйдет,— с расстановкой произнес Джоул,— мы пропали.

— Тогда что же?

— Думаю, победит Джосайя.

— И что?

— Я бы сказал, лучше не вмешиваться. Держаться в стороне. Делать свое дело.

Мэнни, невзрачный, с одутловатым лицом, спросил:

— А он-то нас оставит в покое? Даст нам заниматься своим делом?

— По-моему, надо рискнуть,— сказал молодой Натан.

— Значит, ты согласен с Солли и Джоулом? — спросил старик.

— Не в согласии суть. У нас, как я понимаю, нет выбора. Если они правы, нам нужно будет держаться радикального курса. А я думаю, что они правы. Самое лучшее для начала — дать повышение кое-кому из черных.— Молодой Натан обращался сейчас к трем мужчинам, которые получили право присутствовать здесь благодаря женитьбе на женщинах из семейства Айзекс.— Черные девушки в главных конторах, и побольше обходительности... Ну, вы сами знаете.

— Ладно,— снова заскрипел старик.— В плане политическом — мы не участвуем в борьбе за власть. В плане организационном — мы еще нагляднее выказываем свои симпатии к чернокожим. Что еще?

— Я официально ухожу с поста председателя правления айзексовских предприятий,— сказал молодой Натан.— И предлагаю назначить председателем мистера Соломона Айзекса.

— Поддерживаю,— сказал Мэнни.

— Кто-нибудь против? — осведомился старик и безо всякой паузы продолжал: — Нет. Да будет так.

Молодой Натан улыбнулся младшему брату:

— Будут какие-либо особые указания?

— Управление внутренними делами, конечно, останется за тобой и Мэнни.

— Само собой.

— Сохраняйте свои политические связи. И, пожалуй, давайте понять, что вы не слишком довольны тем, что мы поддерживаем Джосайю.

— Кто это «вы»? Ты и Джоул?

— И папа, и Клара.

— И папа тоже? — испуганно воскликнул Мэнни.

— Да. Я хочу представлять очень сильное большинство.

— И насколько же недовольны мы с Мэнни? — спросил молодой Натан.

— Очень недовольны. И надеетесь вскоре взять управление в свои руки и переменить политический курс.— Солли взглянул на трех младших членов совета, на трех безмолвных мужей трех его сестер.— Все, что тут говорилось, не подлежит обсуждению вне этой комнаты. Ни между собой, ни с вашими женами. Понятно?

Трое молча кивнули.

— Что еще? — спросил старик.

Молодой Натан сказал:

— Это не для обсуждения, просто информация. Только что мне удалось значительно увеличить наши вложения за пределами острова. Старшие члены совета могут узнать подробности, когда пожелают.

— Еще что-нибудь? — спросил старик и после паузы добавил: — Тогда все. Совет окончен.

Старик встал; все тотчас же поднялись и последовали за ним в большую гостиную с просторным балконом, откуда открывался вид на фасад огромного дома и нескончаемые пространства парка, залитого светом прожекторов. С балкона был виден плавательный бассейн, где сейчас царило оживление. Старший сын Мэнни приехал на каникулы из Соединенных Штатов, где он учился в колледже, и привез с собой нескольких приятелей. А так как из всех айзексовских домов дом дедушки Натана был самым большим, юный Айзекс со своими друзьями поселился у деда и занял целое крыло. Сегодня они позвали в гости девушек из соседних домов и затеяли ночное купанье — под строгим присмотром, разумеется. Старый Натан требовал от молодежи благопристойного поведения.

На просторный балкон донесся взрыв юношеского смеха.

— Молодежь веселится,— сказал старик, беря Клару под руку.

— Молодым легко веселиться,— отозвалась Клара.

— И грустить тоже,— прибавил старик.— А тебе очень грустно, моя маленькая Клара?

— Нет, не очень.

— Но все же грустно.

— Не знаю, папа. Это не так просто.

— Все не просто, детка. Ты поссорилась с Джоулом?

Две молоденькие чернокожие девушки бесшумно сновали среди гостей, предлагая напитки и закуски. Джоул, Солли и Натан-младший, уединившись в углу бал-

кона, говорили о политических и экономических осложнениях, которые могут возникнуть в связи со смертью президента. Мэнни, семейный специалист по кадрам и организационным вопросам, стоял с тремя младшими директорами, отвечая на вопросы, которые те постеснялись задать на семейном собрании.

— Ты же понимаешь, я не собираюсь копаться в твоей душе,— поспешил сказать Натан, ибо Клара ничего не ответила.

— Я знаю, папа.— Она потрепала его по руке.— Нет, никакой ссоры не было. Лучше бы была. Ничего вообще нет. Я не знала, что он так горд.

— Мне казалось, ты первая к нему остыла, детка.

— Мне тоже так казалось.

— Я все-таки твоего поведения не одобряю. Если б он развелся с тобой, я считал бы, что виновата ты.

— Он вел себя точно так же,— запротестовала она.— И начал первый.

— Это ничего не значит! — Старик начинал сердиться.— Он мужчина!

Клара проглотила злые слова, просившиеся на язык. Помолчав, она очень тихо сказала:

— Ты считал бы, что виновата я, но был бы за меня против него. Ты и братья.

— Ты мне дочь,— сквозь зубы произнес старик.— А им сестра.

— Да,— угрюмо сказала она.— Да.

— Я... мы... очень привязаны к Джоулу. Он — наш. И он это знает.

— Он знает также, что вы будете на моей стороне.

Старику не хотелось говорить на эту тему, поэтому он повел дочь туда, где стояли Джоул, Солли и молодой Натан. Он внезапно почувствовал себя дряхлым и усталым, и это было видно по его лицу и по ссутулившемуся тщедушному телу.

— Проводи меня в мою комнату, Натан,— сердито проскрипел он.— Спокойной ночи.— Молодой Натан увел отца с балкона.

— Не знаю, как я сегодня доберусь до дворца,— вздохнул Джоул.

— И думать нечего,— сказал Солли.

Взглянув на Клару, Джоул решил, что в такую ночь, как сегодня, нельзя заставить ее возвращаться через город одну или даже с шофером. Если что-нибудь с ней случится, он никогда себе не простит, тем более теперь, когда между ними полный разлад. В минуту раздора нам порой хочется, чтобы какой-нибудь случай устранил человека, на которого мы возлагаем всю вину. И так как у Джоула иногда появлялось такое желание, надо было уберечь Клару, чтобы уберечь и себя самого.

— Он сильно сдает; боюсь, ему недолго быть с нами,— сказал Солли. Джоул и Клара поняли, что мыслями он во дворце, где лежит тело старого президента. Разница в возрасте между покойным президентом и их отцом была не больше, чем три-четыре года в ту или другую сторону.

— Папа больше следит за собой, чем президент Мозес,— сказала Клара.

Джоул прошел в другой конец гостиной к телефону и набрал номер Джона Стэнхопа.

Держа трубку возле уха, он обернулся и поглядел на Мэнни и трех младших директоров, которые находились здесь по праву родственников. В них чувствовалось что-то раболепное, они напоминали трех неприкасаемых перед брамином. И Мэнни от этого казался каким-то особенно внушительным и могучим. Несчастные вьючные скотинки. Сигналы в трубке прекратились, и через секунду мужской голос, в котором слышалось отчаяние, произнес: «Да?» Это был не Джон Стэнхоп.

— Говорит Джоул Стернинг. Попросите мистера Стэнхопа, пожалуйста.

— Он не может подойти, сэр; он сейчас с министрами, и его нельзя беспокоить.

— Тогда попрошу передать ему...

— Простите, сэр, государственный секретарь не может подойти.

А ты, милый мой, вот-вот тронешься, подумал Джоул, когда человек на другом конце провода бросил трубку. Он опять поглядел в сторону Мэнни и окружавшей его троицы. Неужели и он сам когда-то вот так же млел перед богатством и именем Айзексов? Кажется, что-то такое было, только он, искушенный европеец, делал это гораздо тоньше. Эти трое были коренными островитянами. Он вернулся к Солли и Кларе.

— Ты с Джоном говорил? — спросил его Солли.

— Нет. Подошел какой-то малый явно в невменяемом состоянии, он бросил трубку. Джон заседает с министрами.

— Бедняга. Я бы на его месте послал эту банду к чертям.

— Нельзя,— неожиданно резко ответил Джоул.— Они правительство, а Джон правительственный служащий!

Солли слегка опешил.

— Спокойно, Джоул. Я ничего не хотел сказать, во всяком случае не то, что ты, кажется, думаешь,— произнес он, переводя взгляд с Джоула на Клару.

— Я еду домой,— быстро сказала Клара и направилась к двери.— Ты остаешься, Джоул? Если да, я оставлю тебе машину.

— Я отвезу тебя домой,— ответил Джоул.

Они попрощались с Мэнни и тремя младшими директорами, Солли спустился вниз вместе с ними. Пока они ждали машину, из-за угла дома показался полицейский из специального отдела полиции, где можно было частным образом нанять охрану. Всю ночь этот «специальный» будет совершать обход вокруг дома. Второй будет дежурить у ворот, а третий — ходить по участку позади дома.

Солли тронул Джоула за плечо.

— Ты чем-то расстроен?

— Сугубо личными делами,— быстро сказала Клара.— Тем, что происходит между нами.

— Понимаю.

— Неужели? — с оттенком язвительности заметила Клара.

— Прошу прощения,— сухо и отчужденно произнес Солли, отступая в сторону от подкатившей машины. Шофер открыл перед Кларой левую дверцу, полагая, что она сядет за руль. Клара отрицательно мотнула головой.

— Джоул, веди машину сам, пожалуйста.

— Послушайте, вы! — вскипел вдруг Солли.— Что за чертовщина? Я ничего такого не сказал и не сделал! У меня и в мыслях не было лезть в ваши дела. Что вы на меня взъелись? Когда у вас бывали иелады, я всегда сдерживал других, чтобы дать вам возможность разобраться самим! — И так же внезапно Солли сразу успокоился.— Ну, ладно. Мы, Айзексы, народ надоедливый. Может, все сложилось бы лучше, если бы с самого начала вы уехали отсюда на несколько лет.

— Спокойной ночи, Солли,— сказала Клара.

— Спокойной ночи, сестренка, спокойной ночи, Джоул. Надеюсь, что...— Он круто повернулся и вошел в огромный дом.

— Вовсе не обязательно отвозить меня домой,— негромко сказала Клара и кивком указала на отцовского шофера.— Если он поведет машину, а рядом сядет «специальный», я буду в полной безопасности.

Вместо ответа Джоул нажал на стартер, и машина тронулась. Шофер приложил пальцы к козырьку. Когда они проехали мимо «специального», тот лихо, по-военному, отдал честь.

Обратный путь оказался гораздо проще. Толпы, стекавшиеся к президентскому дворцу, заметно поредели, и машина сравнительно легко миновала людское скопище на центральных улицах. Немного погодя Джоул включил радио; печальный, нестройный хор пел церковный гимн — как будто где-то на просторе, под звездами стихийно объединилось в молитве бесчисленное миожество людей. А когда пенье перебили неизбежные рекламы, диктор сообщил, что это мощное и стихийное выражение общенародного горя возле дворца, где покоится наш усопший президент, было передано в эфир только благодаря любезности и высокому патриотизму компании «Айзекс». После рекламы сообщили о некоем молодом священнике, принадлежавшем к одной из наименее респектабельных, по здешним понятиям, церквей; он вместе со своими скромными прихожанами проделал весь путь с гор до президентского дворца, и благодаря его стараниям волна скорби вылилась в молитвы. Его примеру последовали и другие священники. Сейчас людские толпы вокруг дворца создавали впечатление огромной траурной религиозной процессии. За это ухватились газеты, радио и телевидение. Через пять минут снова иачались рекламные объявления, и Клара со злостью выключила радио. Но многоголосое молитвеиное пение отчетливо и пронзительно звучало в их ушах, пока оии поднимались по кружащей спиралью дороге на вершину холма, где стоял их дом.

Не дожидаясь, пока Джоул поставит машину в гараж, Клара ушла в дом — ее беспокоило, благополучно ли доехали дети.

Когда вошел Джоул, она протянула ему бокал с виски.

— Все в порядке. Дети спят. Хочешь чего-нибудь съесть? Холодного цыпленка? Салями? Сыру?

— Нет, спасибо.— Он был не прочь чего-нибудь перехватить, но в одиночестве, без Клары.

Быстро выпив виски, он проверил, хорошо ли заперты окна и двери, пожелал Кларе спокойной ночи и ушел в свою комнату. И так как смерть президента завершила долгий, утомительный день, а нынешний день завершал долгую утомительную неделю, то он, едва успев лечь в постель, заснул, как убитый.

В гостиной Клара налила себе еще, привычно добавив в ледяную содовую несколько капель виски. На всех важных семейных приемах, политических и деловых обедах, где Клара неизменно играла роль хозяйки, часто приходилось делать вид, что она пьет, не отставая от других, и она привыкла потягивать воду, немного подкрашенную виски.

С бокалом в руке она вышла на балкон и раздвинула стеклянные рамы. Там, внизу, мерцал огнями город, лежало бездыханное тело президента и толпы чернокожих в нестройном пении изливали свою скорбь. Клара пододвинула кресло к стеклянной стене и села, удобно прислонясь к спинке из пенорезины.

Все вокруг замерло и затихло; никогда еще Клара не слышала такой неподвижной тишины. В юности, когда она жила в отцовском доме, в ее комнате тоже иногда бывало тихо, но не так, как здесь. Там всегда слышалось тиканье висевших над дверью часов. Здесь же, в этом электрифицированном доме, даже часы шли беззвучно. И ничто не нарушало глубокого безмолвия.

У нее вдруг болезненно заныло под ложечкой. Однажды, давным-давно, две большие чернокожие девочки загнали ее в кусты на пустынных задворках школы. Они толкали ее беззлобно, это была просто игра, но Клара вдруг рассердилась и изо всех сил ударила старшую девочку по лицу. Та, с ничуть не изменившимся выражением лица, сжала кулак и ткнула Клару в живот. Девочки сейчас же удрали, а Клара, согнувшись от боли и страха, опустилась на землю среди кустов и долго не могла перевести дыхание. И сейчас болезненное ощущение под ложечкой воскресило в ее памяти тот страшный день. Тогда, как только унялась боль и Клара окончательно пришла в себя, она инстинктивно поняла, что, не закати она пощечину черной девочке, та и не подумала бы ударить ее в живот. Но эта мысль нисколько не утешала и не приносила облегчения. И сейчас, больше чем двадцать лет спустя, Клара ощутила ту же ноющую боль и поняла, откуда она взялась. Это был страх. Но ведь она теперь взрослая женщина, мать двух больших детей, богатая и влиятельная дама, и не станет же она терять разум от страха, как та девчонка в кустах на школьном дворе.

Она подумала о Джоуле, спящем в своей комнате. В те давние времена, когда он ее еще любил, он умел успокаивать ее. А теперь он любит эту полукитаянку, получернокожую. Клара почувствовала, как у нее колотится сердце, и прижала руку к груди, пытаясь унять бешеные удары. Рука ее ощутила тугую выпуклость. Прежде он, даже утолив желание, любил держать в ладонях ее груди и бесконечно ласкать, словно это давало ему высокое наслаждение, выходящее за пределы чувственности. Та женщина никогда не сможет дать ему такой физической радости и удовлетворения, как она, Клара. Если телесная близость настолько полна и совершенна и если это длилось так долго, как было у них, то потом не опасны никакие другие связи. Вот почему она даже не ревнует к той женщине с ее плоским мальчишеским телом.

С чего же начался разлад? В какой момент его любовь стала увядать? Судя по тому, что сейчас от этой любви не осталось и следа, зачатки гибели таились в ней с самого начала. Но как объяснить то, что у них были такие блаженные дни, такие прекрасные, счастливые годы?

И тут мозг ее пронзила ясная, отчетливая мысль. Мы заставили его открыть в себе трусость. Мы подвергли его испытанию и доказали, что он не такой, каким себе кажется. И этого он никогда не простит ни мне, ни моей семье.

Клара пыталась уверить себя, что это не так, но в то же время сознавала, что все ее попытки напрасны.

Она быстро поднялась с кресла и высунула голову в открытое окно. Глядя вниз, на переливающиеся огни, она подумала: в любом другом месте все было бы иначе, и он был бы другим, и я была бы другая; где угодно, только не здесь, не на этом острове...

...Я даже не помню, когда я искала у кого-нибудь утешения. Мы, Айзексы, люди стойкие. Иначе нам нельзя. Евреям всегда приходилось быть стойкими, чтобы выжить. Но он — мой муж, и то, что происходит между нами,— неправильно. Как же это поправить? О господи, как это поправить?..

Клара задвинула стеклянную раму и защелкнула задвижку. Она прошла к себе в спальню, сбросила платье, надела ночную рубашку и, потушив все лампы, ощупью пробралась к двери в комнату мужа.

Джоул спал с открытыми окнами, ночь была довольно светлая, и Клара без труда разглядела смутные очертания его фигуры на кровати. Ее вдруг бросило в дрожь, словно от холода. Она забралась под одеяло рядом с ним и от прикосновения к его обнаженному телу ноющая боль под ложечкой стала нестерпимой.

Джоул шевельнулся и во сне отодвинулся от нее. Она протянула дрожащие пальцы и стала медленно его ласкать. Он проснулся.

— Что за черт... Клара!

Он услышал тихое всхлипыванье. Дотянувшись до лампы, включил свет, сел, повернулся к ней — и сдержал готовые сорваться резкие слова. Из ее неподвижных, испуганных глаз катились слезы. А плакала Клара нечасто.

— Что с тобой?

— Мне страшно, Джоул, я боюсь.

— Чего ты боишься? Что случилось?

Клара не ответила. Айзексовские штучки, подумал он, но, вглядевшись в ее лицо, устыдился. Что бы там ни было, а она и в самом деле испугана. Джоул понял это по ее глазам — он хорошо знал свою жену. И только теперь сообразил, что она лежит рядом, в его постели. Он быстро потушил свет и отодвинулся, стараясь не коснуться ее тела.

— Можно мне остаться у тебя?

— Да.— Они не спали в одной постели почти четыре года.

Настало долгое молчание, прерываемое лишь тихими всхлипываниями Клары. Потом она призывно провела рукой по его телу. Кожу словно огнем обожгло.

— Предъявление супружеских прав? — холодно спросил он.

— Просто мне очень тревожно, Джоул. Прошу тебя. Ведь я твоя жена.

Ему вспомнилось, как это у них бывало. Она потом всегда вела себя так, что он чувствовал, будто осчастливил ее великим, бесценным даром. Но только в постели и наступала между ними полная гармония, а этого для него было мало. Она тесно прижалась к мужу, и в нем вспыхнуло желание. Он притянул ее к себе с бурной страстью, смешанной с горечью и гневом.

— Мне так страшно,— простонала она, отдаваясь ему, и Джоул понял: ей страшно на этом острове, осиротевшем без своего отца, Мозеса Джошуа.

2

Эта ночь для них никогда не кончится, подумала молодая женщина. Из событий нынешней ночи они сотворят легенду, эта легенда скует и затемнит их разум, и тем легче будет властвовать над ними другому, как властвовал старик, ныне лежащий во дворце мертвым. Ей хотелось разозлиться на них, но она не смогла. Такова их природа, и злиться на них все равно, что злиться на человечество вообще, на бога, на жизнь.

Она с трудом проталкивалась сквозь плотную толщу, то и дело покрикивая на какого-нибудь рослого невежу, чтобы он посторонился. Тот, мельком взглянув на нее, уступал дорогу. Иногда она слышала вокруг себя возмущенный ропот, но это ее ничуть не задевало, и она пробивалась дальше, лавируя в несметной толпе, прислушиваясь, наблюдая, иногда стараясь запечатлеть в своей памяти чье-нибудь лицо, голос или выражение глаз. Так, протискиваясь сквозь толпу, она обошла дворец кругом. Только через полтора часа, почти выбившись из сил, женщина вновь оказалась у тех же ворот. Часовые знали ее в лицо, и она могла бы не предъявлять свой журналистский пропуск, но все они были до того издерганы, что она все-таки его показала. Ее пропустили; она прошла в маленькое караульное помещение и рухнула на первый попавшийся стул.

Дорога от ворот до ступеней дворца кишела солдатами и полицейскими. Даже караульное помещение вопреки обыкновению было переполнено; полицейские беспре-

рывно вбегали и выбегали. Один только старый сержант, дежуривший в караулке, сохранял спокойствие и степенность. Он встал из-за стола и подошел к молодой женщине.

— Ну и ночь сегодня, а, мисс Ли?

— Да уж! — отозвалась она.

— Видели, сколько народу?

— Я только что обошла вокруг дворца.

— Сроду не видел ничего подобного.

Мисс Ли, стройная, высокая женщина, казалась еще выше, благодаря своей худощавости, узким брюкам и удлиненному лицу. Ее кожа была темно-бронзовой, почти черной, матово-гладкое лицо светилось жизнью, но особой неповторимой своей красотой эта женщина была прежде всего обязана восточным, раскосым, доходящим почти до висков глазам и густым, иссиня-черным прямым волосам, которые падали ей на плечи. Плоские груди были едва заметны, в длинном худом теле лишь чуть-чуть намечались женственные изгибы. В уголках крупного рта затаились морщинки смеха, а во взгляде, которым она смотрела на мир, читалась странная отрешенность. Мисс Марта Ли была корреспонденткой отдела политики и международной жизни газеты «Голос Острова».

— А что делается там? — она слегка кивнула в сторону дворца.

— Полный переполох, мисс Ли, полный переполох, мэм. Все министры примчались туда, как только он умер, в том числе и достопочтенный Джосайя.

— Знаю,— сухо сказала она.— По телевизору показывали, как он плакал.

— С этим покончено. Ни радио, ни телевидения. Они даже вас туда не пустят. Кое-кто из ваших прорвались к дворцу, но стоят перед дверями. Может, кружечку теплого кофе, мэм? Не очень, правда, горячий, зато крепкий и сладкий.

— Нет, спасибо, сержант. Вы очень добры. Можно я позвоню от вас мистеру Стэнхопу?

— Не разрешается, мисс. Строгий приказ, и даже не от нашего инспектора. Здесь сейчас распоряжается армейский капитан.

Марта Ли, закинув голову, поглядела сержанту в лицо. Не выдержав взгляда раскосых китайских глаз, сержант отвернулся, потом, как загипнотизированный, опять посмотрел в эти глаза.

— Меня выгонят с работы, мисс,— протестующе сказал он.

— Не выгонят. Я позабочусь об этом, сержант, обещаю вам.

Сержант беспомощно пожал плечами, взглянул на два телефонных аппарата, стоявших на его столе, и покосился на три небольшие группки полицейских, которые толклись в караульной. Группа в дальнем углу увлеклась беседой; несколько человек играли возле двери в домино, а совсем близко, футах в десяти, безмолвно и неподвижно застыли четверо молодцов — констебли из сельских районов, откуда вызвали подкрепление на случай беспорядков.

Марта Ли встала и тронула дежурного за рукав.

— Сержант, я только прошу разрешения воспользоваться вашим телефоном, понимаете? Вы не знаете для чего — я вам ничего не говорила. Вы думали, что я хочу созвониться со своей газетой. Вы же знаете, я раньше не раз уже звонила от вас.

— Ладно уж, мисс,— уныло согласился сержант.

Два длинных шага, и Марта Ли очутилась у стола с телефонами. Она сняла трубку с аппарата, соединявшего караульное помещение с дворцом, и набрала цифры 2 и 3. Ей ответили почти сразу, но это был не государственный секретарь. Марта нажала пальцем на рычаг, снова быстро набрала номер — на этот раз 1-2-3. Однажды, в порыве благоволения, старик, лежавший сейчас бездыханным, приказал Джону Стэнхопу дать ей эти номера личных телефонов и в придачу бутылку дорогого коньяка; а через неделю публично грозил ей тюрьмой за какую-то не понравившуюся ему статью. В эту минуту на письменном столе Старика звонил телефон, и Марте казалось, что сейчас глухой ворчливый голос ей ответит: «Да?».

— Да? — произнес мягкий, безмерно усталый голос Джона Стэнхопа.

— Это Марта Ли. Простите, что беспокою вас.— Когда-то ей казалось, что она влюблена в этого человека, но это было в очень давние времена.

— Сейчас невозможно.

— А когда? Я в караулке. Могу подождать.

— Быть может, очень нескоро.

— Я подожду.

— Хорошо.

К ней подошел старый сержант, на лице его было написано явное облегчение.

— Все в порядке, мисс?

— Спасибо вам, сержант. Можно мне позвонить еще раз — в редакцию?

— Пожалуйста, мисс.

Но ей пришлось звонить по трем номерам, пока, наконец, отозвался ночной дежурный из отдела хроники.

— Малкольм? Это Марта Ли. Держи для меня место на первой полосе до последней минуты. Ладно?..

Запустив руку в глубокий карман своей курточки китайского фасона с высоким воротом, Марта вынула сигареты и спички. Она угостила сигаретой сержанта и закурила сама.

— Мистер Стэнхоп просил меня подождать здесь, сержант.

— Что ж, это все равно, что официальный приказ, мисс.

— Верно, сержант. Он сказал, что ждать, наверное, придется долго.

— Неважно, мисс. Раз он сказал, можете ждать здесь хоть до утра. Так как же насчет кофейку, мисс?

— Если можно, черного и несладкого, сержант, такого, как я.

Вот почему сержанту нравилась эта молодая леди: и с именем она, и красивая — могла бы вполне сойти за желтую, так нет, не выдает себя за китаянку или там метиску, не открещивается от своей черной крови. Я, мол, чернокожая, и все тут.

И это было так ему приятно, что он сразу бросил свой полуофициальный тон.

— Да уж постараюсь для вас, мисс,— сказал он.

Вот как легко, растроганно и вместе с тем сердито подумала Марта, вот как легко. К месту сказанное слово, к месту сделанный жест, и народ уже ест из ваших рук.

Сержант вернулся с кружкой черного кофе, над ней вился парок.

— У меня есть чего подлить, мисс.

Марта кивнула; сержант достал из правого нижнего ящика стола маленькую бутылочку и щедро плеснул в кофе белого рома.

Длинными пальцами Марта обхватила горячую кружку и только сейчас почувствовала, как замерзли руки. Иногда перед рождеством на острове выдаются очень холодные ночи, но ведь до рождества еще около двух месяцев. Марта, грея руки о кружку, отхлебнула кофе и взглядом поблагодарила старого сержанта. Тот улыбнулся ей во весь рот. Вот как легко.

Выпив кофе, она снова уселась на свой стул. Сержант вернулся к столу и занялся какими-то бумагами. В караульную ввалился целый отряд полицейских, сменившихся с дежурства. Сержант велел им разместиться в дальнем углу. От крепкого горячего кофе и рома Марта согрелась и забыла про усталость. Она вышла из караульной и направилась к воротам дворца. Ее выпустили, и она опять очутилась в толпе. Здесь, возле самых ворот, люди стояли молча, то ли потому, что вокруг было шумно, то ли в ожидании какого-то важного события. Поодаль, слева и справа от огромных железных ворот, пели церковные гимны; нестройное пение доносилось до молчаливой толпы у ворот какофонией звуков. Слева пели «Глыба веков», справа — «Когда призовет нас Господь», а еще дальше, позади, старались перекрыть друг друга голоса, поющие «Да пребудешь со мной» и «Веди нас, господень свет».

Какая-то женщина тронула Марту за руку и прокричала ей в ухо:

— Ты его видела? Тебя туда пустили?

— Нет! — крикнула Марта.

— Я хочу его видеть! Мы хотим его видеть! Он наш!

— Ты его увидишь! — крикнула Марта.— Увидишь! Утром!

— Чего?

— Утром! Увидишь его утром!

— Будем ждать! Ты его видела?

— Нет!

— Ты не уходи,— женщина ободряюще похлопала ее по руке.— Увидишь его!

Показалась целая колонна грузовиков с солдатами и полицейскими, медленно продвигавшаяся к воротам дворца. Толпа подавалась в сторону, чтобы не угодить под колеса. Началась давка. Марта Ли протиснулась обратно, за ворота; ее еле пропустил солдат, пришедший на подмогу полицейскому, который выпускал ее из ворот.

Она решила больше не выходить. Все пространство вокруг дворца начало быстро преображаться в военный лагерь. Повсюду ставили палатки, вооруженные солдаты расхаживали со спокойной озабоченностью людей, знающих, что и для чего они делают.

Когда она вошла в караулку, старый сержант поднял глаза и произнес:

— Видите, что делается, мисс.

— Да, кто-то крепко взялся за дело.

— Я знаю, вам можно довериться, мисс. Только что звонил инспектор. Сказал, что я должен подчиняться приказам военного начальства.

Что это, чрезвычайные меры против Джосайи? — гадала про себя Марта. А если так, то кто это решил? Министры? Или Джон Стэнхоп? Не зная, что и думать, Марта молила бога, чтобы это был приказ министров... Джон ведь знает, чем это чревато, а Джон не сумасшедший,— твердила она себе... и все же на душе у нее было беспокойно. Самый здравый, самый рассудительный и уравновешенный человек может вдруг сорваться, а тогда уж можно ждать чего угодно.

Она решительно отогнала от себя эти мысли, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Быть может, ожидание будет долгим, затянется на два, три, четыре часа, а то и до утра. Она заставила себя ни о чем не думать и расслабила мышцы всего тела. Часы над столом сержанта показывали без малого час ночи. Уже почти четыре часа, как не стало президента.

Старый сержант тронул ее за плечо, и она мгновенно проснулась.

— Мисс, министры уезжают. Мистер Стэнхоп просил вас прийти.

Марта быстро вскочила и направилась к двери, но сержант удержал ее.

— Нет, мисс! Подождите, пока за вами придет солдат. Охраной дворца теперь ведают военные.

И только тут Марта Ли заметила, что за столом сержанта сидит солдат с нашивками капрала. Она взглянула на стенные часы. Четверть третьего. И тут же в караульную, четко отбивая шаг, вошел солдат, отдал капралу честь и протянул ему записку.

— Мисс Ли! — громко произнес капрал.

Солдат еще раз отдал честь и посторонился, пропуская Марту вперед. Они пошли ко дворцу рядом, и длинноногой Марте пришлось чуть ли не бежать, чтобы не отставать от быстро, по-военному широко шагающего солдата. Всюду виднелись часовые; они тройным кольцом окружали дворец, стоя на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга, по три человека вглубь,— до живой изгороди обнесенного колючей проволокой забора. Из ярко освещенного дворца толпой вышли министры под охраной автоматчиков, которых было куда больше, чем министров.

Слишком много оружия, сказала себе Марта Ли, слишком уж много.

— Сюда, мэм,— буркнул солдат и, сойдя с подъездной дороги, повел Марту через лужайку, наискосок, к боковому входу во дворец. Марта успела мельком увидеть вспышки фотокорреспондентских блицев, затем они завернули за угол массивного здания. Солдат внезапно остановился, вздернул голову с такой же резкостью, как шагал, и так размашисто отдал честь, что Марта испуганно отшатнулась. Перед ними был пост охраны с младшим офицером во главе.

Солдат вручил ему пропуск, и Марта перешла в ведение молодого офицера, который ввел ее в знакомый дворец, похожий сейчас на военный лагерь. У подножия широкой лестницы, ведущей на верхний этаж, стояли двое часовых. Наверху, справа, возле официальной части президентского дворца, стоял солдат; еще двое охраняли вход в личные покои президента. Налево помещался секретариат, там не было никакой охраны. И хотя день еще только занимался, весь штат был на месте и везде кипела работа. Для этих людей смерть президента означала большую, напряженную работу: государственная машина не должна была разладиться, сломаться от обрушившегося на нее удара. Старшие помощники государственного секретаря еще до зари связались по телефону с отдаленными районами, стали звонить представителям острова в других странах и беспрерывно разговаривали, объясняли, успокаивали, давали указания.

Это помещение было хорошо знакомо Марте Ли, но офицер не позволил ей войти и дождался, пока на них обратил внимание Эндрю Симпсон, блестящий молодой человек, которого Стэнхоп лично готовил к большой карьере. И даже теперь, в час национальной скорби, этот очень высокий, очень обходительный, очень красивый и

очень черный будущий дипломат не смог удержаться, чтобы не пустить в ход свое обаяние.

Глаза его блеснули, он подошел к Марте с распростертыми руками, словно собирался ее обнять. От Марты не укрылась презрительная гримаска, мелькнувшая на коричневом лице молодого офицера.

— Мисс Ли! — прошептал Симпсон и низко склонился над ее рукой.

Молодой офицер, щелкнув каблуками, приложил руку к фуражке, отдал Симпсону пропуск, круто повернулся и зашагал к лестнице. Вся лощеность мигом слетела с Эндрю Симпсона — сейчас это был молодой человек с цепким взглядом, острым умом и тенью жестокости в глазах. Губы его шевелились, и Марта скорее угадала, чем услышала, как он прошептал: «Безмозглый игрушечный солдатик!» И сразу же все прошло, перед ней снова был молодой дипломат, учтивый и обаятельный.

— Мистер Стэнхоп у себя,— тихо проговорил он, продев правую руку под локоть Марты, и подвел ее к очень узкой, не бросающейся в глаза лесенке, которая вела в частные апартаменты государственного секретаря.

— Вы меня иногда пугаете, Эндрю,— мягко сказала Марта.

— Я, мисс Ли? — Он поднял плечи и изящно развел руками, потом весело рассмеялся.

— Осторожней, Энди. Здесь лежит тело президента.

Смех резко оборвался. И снова маска любезности на несколько секунд слетела с его лица.

— Вы бесконечно правы, мисс Ли. Наш любимый президент скончался, и мы должны выказывать должное уважение его праху. Но простите меня, я не желаю возводить в герои угнетателя и самодержца, который высосал все соки из моего народа, который сбил его с пути и продал охотникам за наживой. Вы меня простите, но я рад, что этот старый боров свалился наконец с наших плеч.— Все это было сказано легким, почти небрежным тоном, как говорят о погоде.

— И это все, что можно о нем сказать? — поинтересовалась Марта.

— Я и такие, как я, считаем, что — да! Это все. И не пытайтесь напомнить, что я, крестьянский мальчишка с гор, теперь занимаю высокую должность во дворце. Это покрывает всего лишь крохотную часть огромного, неоплатного долга, причитающегося целым поколениям нищих крестьян по фамилии Симпсон. Но вот мы пришли, и вы меня, пожалуйста, не выдавайте, хорошо? Мой шеф может счесть эти мысли крамольными, и, чего доброго, меня снова сделают крестьянским парнем Симпсоном из горной деревушки, а может, заставят хлебнуть чего и похуже.

Марта Ли с трудом сдержала закипавшую злость. Симпсон хотел было постучать в дверь, к которой привела их узкая лестница, но журналистка его удержала:

— А вы были за воротами, Энди? Вы видели, как нищие крестьяне с гор плачут у дворцовых ворот и на улицах?

— Видел, мисс Ли, видел.

— И все же вы можете так говорить?

— Вот это и есть его тягчайшее преступление: рабы, оплакивающие рабовладельца. Он держал в шорах неведения не одно, а два-три поколения островитян!

— Значит, вы не считаетесь с этими толпами?

— Нет, считаемся, мисс Ли. Но мы знаем, что эти люди больны, как больны все, кому долго задурманивают мозг. Они сейчас не сознают, что делают. Их так долго лишали человеческих прав и человеческого достоинства, что им страшно остаться без указки. Это что же, одно из его благодеяний, мисс Ли?

— Но разве это все, Энди? Больше ничего он для нас не сделал?

Симпсон грациозно пожал плечами.

— Для вас — может быть, для меня — нет.

Марта сделала ему знак постучать в дверь. Он постучал, и они вошли. Симпсон постоял у двери, пока Джон Стэнхоп, государственный секретарь, не подошел к ним. Тогда он слегка поклонился и вышел.

Глядя на Стэнхопа, Марта отметила про себя, что обычно гладкая бледно-бронзовая кожа его лица стала мертвенно-пепельной, что блеск его проницательных глаз потух, и даже от всегдашней самоуверенности, самого важного источника жизненной силы старой цветной аристократии острова, не осталось и следа. И от этого он казался таким жалостно человечным, каким Марта никогда не могла себе его вообразить.

Ледяными пальцами он сжал ее руку и обернулся, чтобы представить ей европейца в мундире, с которым беседовал, когда она вошла. Марта узнала в военном полковника Джонса, недавно выписанного из-за границы для командования военными силами острова.

— Скажите, полковник,— обратилась к нему Марта,— уже объявлено чрезвычайное положение?

Полковник открыл было рот, потом сжал губы и наклонил голову в сторону государственного секретаря.

— Я всего лишь солдат, мисс.— Он притронулся пальцами к козырьку фуражки и вышел.

— Объявлено, Джон? — пристально поглядела она на Стэнхопа.

— Никакого чрезвычайного положения нет,— устало произнес Стэнхоп, ведя ее в свою гостиную.

— Тогда кто же вызвал солдат? И зачем?

Стэнхоп бессильно опустился в свое любимое глубокое кресло у раскрытого окна и молча указал на низкий шкафчик, уставленный бутылками, предлагая ей выпить. Марта быстро налила себе немного коньяку.

— Солдат вызвал я. И вы знаете зачем.

Марта вдруг почувствовала, что ей страшно задать следующий вопрос и страшно услышать ответ Стэнхопа, но все-таки она спросила:

— Кто вас уполномочил?

— Никто.

— Боже мой, Джон! Как вы могли!.. Вы хоть сказали им?

— Нет. Они совершенно потеряли головы, а надо было как-то приостановить смятение и панику.

— Как же так, Джон,— возразила она.— Вы же правительственный служащий, а не выборный представитель. У вас нет права принимать такие решения. Вы юридически не могли вызывать войска, Джон!

— Надо же кому-то действовать.

— Но не таким способом!

— Послушайте меня, Марта. Я тут возился с ними с той самой минуты, как он умер. Они не могут сговориться даже о такой простой вещи, как подписать декрет о том, что все должно идти по-прежнему, пока не будет решен вопрос о преемнике. Каждый боится, как бы любой его поступок не обернулся потом против него...

— Я не сомневаюсь в ваших побуждениях, Джон.

— Но считаете, что я поступил неправильно?

— Вы сами это знаете. Вы знаете, что теперь отдали себя в руки любого, кто захочет с вами расправиться.

— Джосайи, например. Но что-то надо было делать, Марта.

— Многое можно было сделать, не вызывая войска. Вы не имеете права распоряжаться государственной властью.

— Если бы он не забрал всю государственную власть в свои руки...

— Это нечестно, Джон. Можно составить длинный список таких «если бы»: если б вице-президент не умер в прошлом году, если б Старик назначил министра обороны, если б министры были патриотами, а не корыстными трусами; и, кроме всего прочего, можно добавить: если бы государственный секретарь не потерял голову и не узурпировал права выборного представителя...

— Значит, я должен был поступать как другие — думать только о своих интересах, и пусть себе начинаются беспорядки и паника. И это считалось бы патриотизмом?

— Ох, Джон, Джон! Вы не верите в свой народ, правда? Это истинная трагедия нашей цветной аристократии — она не верит в нас, остальных, и не доверяет нам.

— Я страшно устал, Марта, а день предстоит очень трудный.

Марта быстро выпрямилась.

— Простите, господин государственный секретарь. Кажется, я слишком много себе позволяю.

— Бросьте, Марта,— устало сказал Джон.

— Послушайте, Джон,— серьезно, почти сурово заговорила Марта.— Страна сейчас так отчаянно нуждается в вас, как никогда. Если государственный аппарат развалится, то нечего и надеяться, что мы переживем этот кризис. И я умоляю вас —

постарайтесь поладить с Джосайей. Спасите себя во имя нормальной работы государственного аппарата.

— Поладить с Джосайей! Вы сошли с ума!

— Вы самовольно присвоили себе права, которые даны только избранникам народа. Подумайте об этом, Джон. Вы у нас самое главное должностное лицо, поэтому вы обладаете большими правами и влиянием. Вы властны уберечь правительственный аппарат от вмешательства в политику и сохранить его целостность. К несчастью, каковы бы ни были ваши побуждения, вы скомпрометировали себя так серьезно, что сейчас будете беспомощны, если только не поправите дело... Можно я позвоню в свою редакцию?

Стэнхоп кивнул; Марта позвонила ночному редактору и стала диктовать статью для первой полосы; редактор слушал и диктовал стенографистке. Марта говорила быстро и гладко, не спотыкаясь в поисках слова и строя свой рассказ с профессиональным умением опытной журналистки. Она начала с безрезультатного совещания министров, подчеркнув, что на совещании отсутствовал только один министр, мистер Альберт Джосайя, который доверил все решения своим товарищам, а сам отправился в город, чтобы успокоить и поддержать осиротевший народ. Она сообщала, что, по ее мнению, и мистер Джосайя, и государственный секретарь мистер Стэнхоп озабочены не столько вопросами государственного управления, сколько тем, как поддержать и утешить народ, понесший тяжкую утрату. И в то время как мистер Джосайя непосредственно общается с народом, мистер Стэнхоп следит за тем, что делается во дворце. Следующее Марта велела пока что поставить в скобки и продиктовала: «Я нахожусь сейчас у государственного секретаря; он пытается связаться с мистером Джосайей, чтобы хотя бы от одного из министров получить разрешение открыть ворота дворца. Тогда несметные толпы скорбящих смогут получить доступ к телу усопшего президента. Мистер Стэнхоп вызвал солдат, которые будут следить за порядком, когда в распахнутые ворота начнет вливаться поток скорбящих».

Она взглянула на Стэнхопа и прикрыла трубку ладонью.

— Оставить или вычеркнуть? Это единственный выход.

— Оставьте,— сказал он с оттенком горечи в голосе.

Марта сняла руку с трубки.

— Малколм, постарайся через коммутатор разыскать Джосайю и передай ему, чтобы он позвонил Стэнхопу, ладно? — И она стала диктовать дальше.

Когда она кончила, Стэнхоп взял трубку и начал было набирать номер, но вдруг передумал. Положив трубку, он взял другой аппарат, внутренний.

— Пошлите ко мне Симпсона, пожалуйста.

Молодой, лощеный чернокожий дипломат появился очень быстро.

— Я пытаюсь разыскать мистера Джосайю, Энди. Мне нужно его разрешение открыть ворота и допустить людей к телу Старика. Не хотелось мне действовать таким путем, но пришлось; так что свяжись с радиостанцией, и пусть они передадут по радио, чтобы он позвонил во дворец.

— Вот оно что,— пробормотал молодой человек.— Хорошо, сейчас, сэр!

Включив приемник, они ждали минут десять; наконец радиостанция стала вызывать министра. Семь минут спустя зазвонил телефон.

Стэнхоп схватил трубку и услышал глуховатый, бесстрастный, чуть надтреснутый голос Джосайи.

— Господин секретарь? Говорит Джосайя. Зачем меня вызвали по радио?

Глядя на Стэнхопа, Марта заметила, как задергался уголок его левого глаза. Боже, как он ненавидит Джосайю!

— Господин министр, я так рад, что нашел вас наконец!

— Рады? — с издевкой переспросил голос.— Что так?

— Я по поводу толпы у дворца...

— Да?

— Мы должны будем открыть дворцовые ворота и впустить людей...

— Должны?

— Вы понимаете, о чем речь...

— Не понимаю, господин секретарь.

Стэнхоп усилием воли подавил в себе жгучую неприязнь к этому человеку.

— Господин министр,— быстро заговорил он,— я разыскивал вас, наверное, больше часа. Я предлагаю открыть дворцовые ворота и допустить людей во дворец, и мне

необходима санкция министра. Вы знаете, что толпы все прибывают. Если мы не откроем им доступ, неизвестно, что может произойти.

— Вы боитесь, господин секретарь?

— Нет, сэр. Вступая в свою должность, я дал присягу всячески охранять и поддерживать интересы моей страны.

— Прекрасно, но почему вы не можете получить санкцию у моих коллег, которые находятся у вас?

— Они только что уехали, а я пытаюсь разыскать вас почти целый час, сэр.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я — лицо должностное.

— Ну и что? Говорите же.

— Уже час назад стало очевидно, что не будет никаких решений и никаких действий. Я знаю, что решения, которые необходимо принять, выходят за пределы моих полномочий, поэтому я дал распоряжение одному из моих сотрудников установить, где вы находитесь.

— Имя этого сотрудника?

— Эндрю Симпсон.

— Понятно. Вам известно, что молодой Симпсон — один из моих сторонников?

— Нет! — Стэнхоп растерялся: вопрос застиг его врасплох.

— Значит, неизвестно,— проскрежетал голос в трубке.— И вы утверждаете, что велели ему разыскать меня?

— Я же сказал!

— Ладно, вы слывете честным человеком. Так в чем же, собственно, дело? Чего вы от меня хотите?

Джон Стэнхоп молчал, и Марта поняла, как мучительно борется с собой этот человек.

— Ну?..

— Я считаю, что вам следует приехать во дворец, сэр. Я считаю, что вам следует отсюда выступить по радио по поводу нашего национального траура. И я думаю, вам следует объявить, что. как только рассветет, ворота дворца будут открыты для всех желающих проститься с президентом. Если вы уполномочите меня, я все подготовлю, чтобы вы могли выступить по радио, как только приедете.

— Понятно.— В холодном голосе звучала настороженность.— Вы предлагаете мне союзничество?

— Нет, сэр. Я должностное лицо, и мой долг — делать все для поддержки законного правительства моей страны. Я думаю, что из всех выборных министров вы единственный, кто сумеет организовать спокойный и мирный переход от одного главы государства к другому...

— И это заставило вас вызвать меня по радио?

— Да, сэр.

На этот раз долго молчал человек на другом конце провода. Стэнхоп, прикрыв ладонью трубку, мрачно взглянул на Марту Ли.

— Проверяет, нет ли тут подвоха. Такого поворота дел я и старался избежать все эти часы! Боже мой! Только подумать, что остров перейдет в его руки и я должен этому помогать!

— Другого выхода нет,— отрезала Марта, стараясь преодолеть в себе жалость к этому несчастному человеку.

Наконец Джосайя заговорил.

— А вы, Джон Стэнхоп, вы ничего у меня не просите? Даже чтобы я сохранил за вами вашу должность?

— Ничего, кроме того, чтобы вы соблюдали конституцию и установленный законом порядок.

— Насколько я понимаю, дворец перешел в распоряжение военных?

— Я вызвал их, когда составил план действий, приведший к этому разговору.

— По чьей санкции?

— Я рассчитывал на вашу.

— Ради блага страны?

— Ради блага страны.

— А если я не санкционирую ваш план? Вам грозят крупные неприятности.

— Знаю.

— Но вы это сделали в интересах страны?

— Именно, сэр.

— Ладно, Стэнхоп! Займитесь подготовкой. Через полчаса я буду во дворце.

— Еще один вопрос, господин министр. В соседней комнате находится мисс Марта Ли из газеты «Голос Острова». Могу я сообщить ей об этом? И насколько подробно?

— Они меня не любят... Но пусть их. Сообщите примерно столько же, сколько мы скажем радио и телевидению. По крайней мере, эта Ли у них самая независимая журналистка, она не продалась разным «пенкоснимателям». А в общем там видно будет.— Он внезапно бросил трубку.

Стэнхоп прошелся по длинной Г-образной комнате с видом человека, которому вдруг взвалили на спину тяжелейшую ношу. У маленького бара он остановился и налил себе крепкого виски, чуть разбавив его водой. Он глядел на Марту поверх края стакана, и она поняла, что он шепчет про себя молитву.

— Когда он будет здесь? — спросила Марта.

— Он уже выехал.

— Тогда мне лучше смыться. А я бы с удовольствием осталась. Он не дурак, Джон, так что будьте осторожны. И знаете что?.. Возможно, он думает о благе страны не меньше, чем вы...

Джон Стэнхоп пристально поглядел на Марту, но ничего не ответил. Марта Ли вышла за дверь, спустилась по ступенькам, миновала секретариат и по широкой лестнице, где стояли часовые, сошла к входным дверям. На нее набросились томившиеся в ожидании коллеги-журналисты; она сообщила, что Джосайя едет сюда.

А наверху Джон Стэнхоп названивал по телефону, осуществляя разработанный план. Молодой Симпсон стоял рядом с ним.

Марта Ли бродила немного в стороне от огромной толпы, пока не появился Джосайя. Его заметили мгновенно — он ехал, стоя в маленькой машине с откинутым верхом. Марте он показался очень тщедушным и до смешного нелепым в этом элегантном автомобиле. Но пришедшая в движение людская масса не замечала в нем ничего странного. Те, кто увидел Джосайю первыми. стали выкрикивать его имя, оповещая остальных. Крики были подхвачены толпой, разносились все дальше, становились все громче, четче, ритмичнее, и вот уже хор из ста тысяч голосов мерно, настойчиво, как бой барабана, нараспев выкрикивал: «Джо-сай-я!.. Джо-сай-я!.. Джо-сай-я!..»

Маленькая машина остановилась, и сухонький, стройный темно-коричневый человечек, казавшийся черным в ярком свете прожекторов, сошел на мостовую. Он поднял руки над головой ладонями вперед, словно останавливая поток. Толпа, надвинувшаяся вплотную, немедленно расступилась, образовав узкий проход. Вскинув голову и расправив плечи, Джосайя пошел по этому проходу к воротам дворца. Толпа мгновенно смыкалась за спиной министра, и Марта вскоре потеряла его из виду — только шум следовал за ним по пятам, словно гром за вспышкой молнии.

Ну теперь все, сказала про себя Марта. И если спросить этих людей завтра, послезавтра, через неделю, через месяц или год, каким образом Джосайя унаследовал мантию Старика и кто ему ее отдал, они не сумеют ответить. Если спросить, что заставило их выкрикивать его имя, они непонимающе уставятся на вас и помотают головой. А все же они знают, что делают. И это очень печально, хотя и сейчас, и завтра, и через год они будут оправдываться неведением.

Марта порывисто повернулась спиной к орущей толпе и быстро пошла прочь, словно убегая от страшного зрелища. Когда людское скопище и шум остались позади, Марта, свернув в узкую, еле освещенную улочку, переложила маленький револьвер из сумки, висевшей у нее через плечо, в правый карман жакета. Быстро проходя одну узкую улочку за другой, она не выпускала револьвер из пальцев.

Во всех домах светились окна. Долгие часы этой ночи все провели на ногах, никто не ложился спать, и каждый, изнывая от тревоги и страха, старался не быть в одиночестве. Наконец Марта оказалась на магистральном шоссе, главной торговой улице этой окраины Мозесвилля. Тротуары были залиты светом. Универсальные, мебельные, продуктовые, ювелирные магазины, полные импортных товаров, салоны, где были выставлены последние модели автомобилей,— все эти витрины поглощали огромное количество дорогостоящей электроэнергии.

Марта перешла на другую сторону широкого, обсаженного деревьями шоссе, к заправочной станции, где она оставила свою машину. Недавно в этих местах очень ловко ограбили несколько бензоколонок, поэтому двое служащих заперлись на все за-

совы, и Марта минут пять не могла их добудиться. Отсюда она позвонила в редакцию; Малколм, ночной дежурный, передал, что редактор ждет ее в Доме прессы.

Когда она отъехала от бензоколонки, на востоке уже забрезжили первые полоски зари. Предрассветный час в бессонную ночь всегда был для нее самым тоскливым временем суток; она вдруг пала духом и страстно захотела, чтобы рядом оказался Джоул Стерннг.

Максуэлл Джонсон был крупный мужчина больше шести футов росту, плотный, но не толстый; телосложение зависит от костяка, а кость у него была широкая и крупная. Растопырив пальцы, он мог закрыть своей огромной ручищей целый лист бумаги. И ему, редактору газеты «Голос Острова», часто приходилось прикрывать рукой гранки, чтобы его заместитель не разобрал, о чем статья, и ие поднял бучу.

Три десятка лет назад Джонсон, молодой увалень лет двадцати с небольшим, приехал на остров. Он устроился в редакцию младшим сотрудником одного из отделов и постоянно ощущал неприязнь своих черных и коричневых коллег, знавших, что владельцы газеты всегда отдадут ему предпочтение перед ними. Поэтому он держался со своими товарищами с величайшей деликатностью и как мог избегал общения с начальством. Постепенно коллегам пришлось признать, что этот человек не собирается наживать капитал ни на своей белой коже, ни на их черной, ни на расовых симпатиях и антипатиях этой страны и владельцев газеты. И вот настал чудесный день, когда рухнули все незримые барьеры. Журналисты, мужчины и женщины, устроили пикник в маленькой приморской деревушке милях в пятидесяти от столицы, и там, за обильной едой и питьем, за разговорами, как всегда у островитян непринужденными и задушевными, Максуэлл окончательно решил отдать этой земле душу и сердце и стал таким же ярым ее приверженцем, как самые патриотичные из ее родных сыновей и дочерей. И в тот же самый вечер, на том песчаном берегу он сблизился с Майрой, могучей амазонкой шести футов росту, к тому же наделенной пышными формами. В Майре перемешались все существующие на острове расы, и в результате получилась не африканка, не европейка, не азиатка, а женщина, совершенно лишенная признаков какой-то определенной расы и определенного цвета кожи. И когда они лежали вместе в укромном уголке на берегу, где безмолвие нарушал только тихий ленивый плеск моря, ему казалось, что время отступило на десять веков назад, что объятья этой женщины перенесли его из двадцатого столетия с его расовыми барьерами в тот век, когда человечество еще не знало этого безумия.

Через полгода они с Майрой поженились, и пять лет и сами они, и их друзья не уставали поражаться накалу страсти, которая соединяла тела и души супругов. Это было время огромного душевного подъема, во время которого Максуэлл основал Союз газетчиков, стал его первым председателем и был вдохновителем сбора денег на постройку Дома прессы. Он был руководителем забастовки печатников, положившей конец эпохе нищенской оплаты их труда, и впервые за всю историю острова члены Союза газетчиков стали получать достаточно, чтобы обеспечить свои семьи приличной едой, одеждой и кровом. К тому времени в местном деловом мире и в особенности среди владельцев газет укрепилось мнение, что присутствие Максуэлла Джонсона на острове противоречит государственным интересам. Из газеты его уволили, и многие с большим жаром настаивали, чтобы смутьяна немедленно выслали вон из страны. Но неожиданно, как это иногда случалось, вмешался президент и пригласил к себе для беседы депутацию печатников, а выслушав их, немедленно выступил по радио и телевидению с темпераментной и маловразумительной речью, угрожая, что он сам пойдет на баррикады сражаться за газетчиков, если не будут удовлетворены их справедливые требования увеличения оплаты и улучшения условий труда, и что он скорее подаст в отставку вместе со всем своим правительством, чем станет поддерживать тех, кто хочет выслать с острова человека, который защищает права рабочих.

На другой день после выступления президента наниматели признали право Союза газетчиков быть посредником в переговорах с печатниками и после краткого заседания согласились на все требования, а владельцы «Голоса» немедленно приняли Максуэлла обратно.

После этого печатники стали считать президента Джошуа великим поборником свободы печати, и когда он предложил Союзу газетчиков стать филиалом его партии, то, невзирая на несмелые протесты Макса Джоисона, большинство согласилось. Когда же через год президент приказал изгнать постоянного корреспондента одного между-

народного агентства, союз, правда, возражал, но чрезвычайно мягко и как бы заранее прося за это прощения.

В самый разгар споров по этому делу с исполнительным комитетом союза Максу позвонили из клиники, и равнодушный больничный голос велел ему приехать немедленно. Он приехал и уже не застал Майру в живых — она умерла от родов. Ребенок прожил пятнадцать часов и тоже умер.

С тех пор все стало ему почти безразлично.

Когда Марта приехала в Дом прессы, Макс уже наполовину опустошил бутылку рома, и это почти на нем не сказалось — разве только немного замедленнее, неторопливее стали его движения и речь, да чуть меньше чувствовалась его обычная замкнутость. Марта прошла через большую гостиную, где противно пахло застоявшимся табачным дымом и немытыми стаканами из-под виски. Она открыла два окна и впустила чистый утренний воздух.

— Это ты, Марта? — прогудел Макс из маленького кабинетика позади бара.

— Да! Сейчас иду!

— Давай побыстрее! Да захвати себе чашку.

В его резком тоне Марта почувствовала страдание и быстро пошла в кабинетик. На маленьком столе под окном рядом с бутылкой рома стоял кофейник; редактор «Голоса» имел обыкновение запивать спиртное черным кофе. В комнате было свежо — Макс стоял у распахнутого окна, выходящего в сторону дворца, и вглядывался в даль, точно старался увидеть, что происходит там, в огромной толпе. Он не обернулся, когда вошла Марта. Она взяла кофейник с маленького столика, налила себе в чашку кофе и разбавила ромом.

— Здорово, черномазенькая.

— Здорово, Макс.

— Стэнхоп нашел Джосайю?

— Нашел.

— Видишь, как это просто делается. Скройся и жди, пока тебя не позовут.

— Ты это предсказывал, Макс.

— Я не думал, что Стэнхоп сам передаст власть в его руки.

— Какое это имеет значение?

— Вот, все вы не понимаете! — Макс начинал раздражаться.— Он ждал, что его позовут. Я думаю, он был готов, что ему выдвинут четкие условия. Вы все до того боитесь и ненавидите Джосайю, что даже не пытаетесь его понять. И вы дали ему карт-бланш. Попомни мои слова, черномазенькая, уж он сумеет им воспользоваться!

Макс налил себе рома и кофе.

— Разве можно было как-то этому помешать?

— Он посчитался бы с волей народа, если б таковая существовала. Но мы превратили ее в фарс. Один только Старик понимал, что такое Джосайя, и потому только Старик мог его использовать. Как думаешь, почему Старик держал его при себе? Да потому, что Джосайя — единственный, кто пробовал брыкаться.

— Даже ему был необходим хоть кто-то, на ком можно испытывать свое хитроумие,— вставила Марта.

— Да. И к тому же у Старика была насущная потребность подавлять всякий дух независимости в своем ближайшем окружении. Как он этим наслаждался! Но это еще не все. Старик чуял в Джосайе что-то такое, чего не хватало ему самому. У Джосайи есть вера, он верит в своих островитян. Старик ему завидовал; Старику самому хотелось бы иметь такую веру, но нельзя же верить в марионеток, а он вертел народом так долго, что, сколько бы ни желал и ни пытался поверить, уже не мог относиться к людям как к полнокровным, зрелым и ответственным человеческим существам. Он судил о них по тому, какими они были. Он, между прочим, понимал, что они могут быть не только марионетками. Однако понимал — и только. Дальше понимания Старик не шел — это значило бы признать свою вину в том, что люди превращены в марионеток.

— Даже если ты прав, Макс, кто же мог дать Джосайе полномочия?

Макс выплеснул из бокала остатки рома, но тут же налил себе еще.

— Во-первых, его коллеги — кабинет министров; во-вторых — парламент. Могли бы еще могущественные лоббисты, коммерческие магнаты, например, и другие твои друзья, которых он зовет «пенкоснимателями»,— это в-третьих. И в-четвертых — народ. Думаю, что он принял бы свой мандат даже от «пенкоснимателей», если б только они не заломили большую цену. Но и их, и кабинет министров, и цветную буржуазию, к

которой принадлежит Джон Стэнхоп, паника лишила способности думать. Это вызов солдат доконал Джона?

— Да.

— Мы сейчас будем плыть по течению, черномазенькая. Это — директива. Сегодня у меня совещание с директорами, и я выложу им это напрямик. Знаю, они будут совать мне палки в колеса, но мы с тобой постараемся, чтобы газета выполняла свой долг. Ведь вполне возможно, что он сумеет вдохнуть жизнь в марионеток.

— Ты в самом деле так думаешь? — встрепенулась Марта.

— Я ничего не обещаю! — рявкнул он.— Я не пророк! И какого черта все вы ищете поддержки и утешения в других! Прислушайся, брат, к самому себе!

— Это тебе нужно прислушаться к самому себе, Макс,— спокойно сказала она.

Криво усмехнувшись, он поднял бокал.

— Король умер, да здравствует король, и да поможет бог нашему острову.

— А тебе на него наплевать, правда? — разозлилась Марта.

— Я не Джоул Стернинг,— огрызнулся он.

— Это низко, я даже не думала, что ты способен на такую низость.

— Да?..— Ему было совершенно все равно.

— Да.— К злости ее примешивалась расовая вражда.— Это так низко, что Майре было бы за тебя стыдно.

Удар попал в цель, и она даже испугалась. Бледное одутловатое лицо Макса вдруг побагровело. Рот искривился в злобном оскале, двумя натянутыми веревками вздулись на нем жилы. Глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, по телу прошла жестокая судорога.

...Сейчас он меня ударит...

Но он ее не ударил; с огромным усилием овладев собою, он потянулся за бутылкой и налил себе рома, затем повернулся к Марте спиной и встал у окна, как стоял, когда она вошла.

Наступила долгая пауза.

— Прости, Макс,— сказала, наконец, Марта, легонько тронув его за широкое плечо.

— Убирайся к черту,— мягко, почти ласково произнес он.

Она вышла в большую гостиную, где уже выветрилась гнетущая затхлость, по темной лестнице сошла на пустынную улицу и вдохнула свежий утренний воздух. На улице не было ни души, кроме полицейского, который показался из-за угла большого продуктового магазина. Заметив Марту, он быстро зашагал к ней, вглядываясь пытливо и подозрительно, как того требовал от него долг службы. Марта ждала его, сев в машину.

— Доброе утро, мисс. Позвольте узнать, что вы тут делаете в такую рань?

Начальник полиции недавно провел кампанию борьбы за вежливость, и это, как видно, принесло плоды. Марта решила отвечать на вежливость вежливостью.

— Доброе утро, констебль. Мы с моим боссом пропустили по стаканчику. Он там.— Марта, вынимая из сумочки корреспондентский билет, кивком показала на дверь.

— Мистер Джонсон сейчас там? — в голосе полицейского звучало сомнение.

— Можете пойти и проверить, но предупреждаю, он сильно не в духе.

Выпивать с начальником в пять часов утра — это было несколько странно, но машину мистера Максуэлла Джонсона он знал, а машина этой женщины стояла прямо напротив нее. Верней всего, она с ним путается. Что ж, законом это не запрещено, если не на людях. Он и сам бы не прочь поваляться с ней!

Женщина прочла его мысли и резко заявила:

— Если б даже и так, то это не ваше дело. Но я не сплю с мистером Джонсоном, так что выбросьте грязные мысли из головы!

Он взглянул на корреспондентский билет — имя было ему знакомо. Эта бабенка может доставить ему столько неприятностей, что не приведи бог.

— У меня таких мыслей и в помине не было, мисс Ли.

— Тем лучше, констебль. Я могу ехать?

Он вернул ей билет, отступил назад и притронулся к фуражке.

Все мы одинаковы, с горечью думала Марта, ведя машину. Давим на людей своим общественным положением. Мы сами подрываем идею, что закон выше общественного положения; а теперь виним полицию за то, что она поверила нам и защищает

себя, и виним народные массы, так называемых «маленьких людей», за то, что они думают, будто у закона и его служителей два мерила, одно для нас, другое для них. Мы виним и осуждаем людей за то, что они не верят в справедливость закона и считают полицию своим врагом. А будь я безвестной трудящейся женщиной, да еще без машины, и попадись я после развлечений с боссом полицейскому, мне пришлось бы ублажать его, как он захочет, иначе он бы меня потащил в участок.

Все полчаса пути от Дома прессы до своей квартиры Марта Ли глядела и слушала, как просыпается ее мир. Сначала сплошная масса черных клубящихся туч под натиском света попятилась к западу и, отступая, поредела, утратила черноту и превратилась сначала в пушистые снежные горы, а потом стала просто белыми облаками в быстро расчищавшемся небе. Лучи еще невидимого солнца окрашивали небо и землю. Деревья, живые изгороди, кусты уже не маячили черными тенями в ночной темноте; повсюду проступила зелень, зелень листьев и травы, и снова на земле стал господствовать зеленый цвет. Четче обозначились очертания гор, в долинах курились туманы, на самых высоких вершинах лежали облака. Люди выходили из-под крова, где они провели ночь, из больших и малых домов, из лачуг. По одному, по двое и трое они шли на работу, подавленные, молчаливые, разбитые от усталости, потому что призрак смерти, унесший их президента, не давал им сомкнуть глаз всю прошедшую ночь.

Многие вместо того, чтобы идти на работу, надели траур и отправились к дворцу, куда медленно тянулись нескончаемые вереницы людей, пришедших в последний раз взглянуть на своего президента. В людской гуще возле походных кухонь с супом уже хлопотали дамы из благотворительных обществ, как бывало всегда во время стихийных бедствий — например, когда налетел ураган.

Было уже около шести, когда Марта вошла в свой маленький домик, прилепившийся к холму далеко в стороне от дороги. Она пробежала глазами лежавший у телефона список тех, кто звонил в ее отсутствие; Джоула среди них не было. Марта пошла в спальню, разделась, приняла горячий душ и голая бросилась в постель. Она взглянула на часы. Было одиннадцать минут седьмого, начинало всходить солнце.

Клара Стернинг выглядела и чувствовала себя освеженной; страхи и растерянность минувшей ночи не то чтобы прошли, а были как бы приглушены, подавлены приливом жизненных сил, растекавшихся в ее теле. Странно, что уже забылось это свойство ночей, проведенных с Джоулом, это чудесное утреннее ощущение, длящееся несколько часов; было удивительное время, когда оно не оставляло ее дни и ночи напролет, и оба они, она и Джоул, ходили точно в сладостном угаре. Но это было давно, так давно... Вчера ночью даже в минуту высшего напряжения страсти она чувствовала в муже внутреннюю отчужденность. Тело его не смогло противиться. Физически они наслаждались одинаково, но где-то внутри он так и не сдался, ничего не изменилось, а для Джоула близости телесной всегда должна сопутствовать близость духовная, иначе любовь превращается в грязь; он из тех мужчин, для кого секс непременно должен быть одухотворенным.

— Дай же сливок! — капризным тоном сказал ее сын, юный Эммануэль.

— Не давай, мама! Тебе что, лень самому дотянуться? — вмешалась семнадцатилетняя Джин, очень взрослая и очень рассудительная. Не так давно, перед началом рождественского семестра, Джин выбрали старостой школы, и ее еще не перестало приятно волновать сознание своей власти и ответственности.

— А ты помалкивай! — Ломающийся мальчишеский голос сорвался на тоненький писк.

— Прекрати,— сказала Клара.

— Корова надутая! — баском прогудел мальчик.

— Мэнни! — угрожающе произнесла Клара.

Девушка всем своим видом старалась показать, что относится к этой ребяческой выходке с должным презрением.

Утреннее солнце вливалось в открытые окна, и в его лучах застекленная веранда, где обычно завтракали Стернинги, казалась особенно уютной и веселой. Близилась «зима», температура на холмах могла упасть до двадцати, а то и семнадцати градусов тепла. Такое случалось не часто, и островитяне тогда говорили, что в этом году «суровая зима». В это раннее утро термометр показывал лишь немногим больше двадцати градусов, и на веранде было тепло только благодаря обилию стекла, пропускавшего солнечный свет.

По радио объявили, что сегодня будут закрыты все школы и правительственные учреждения. Торговые предприятия не пожелали отстать от учреждений. Вместо обычных реклам посыпались объявления: такая-то фирма, такое-то агентство и такие-то магазины в знак уважения и траура по нашему усопшему вождю сегодня будут закрыты, чтобы их служащие тоже могли отдать последний долг почившему.

Дети кончили завтракать; первой встала из-за стола и ушла девочка, следом за нею мальчик. Оставшись одна, Клара снова погрузилась в думы о Джоуле. Она знала себя, знала, что независимость во всем стала ее второй натурой; переломить себя, подчинять свою волю его воле было бы для нее неимоверно трудно. И даже если она на это пойдет, вряд ли от ее стараний будет толк — вероятнее всего, он от нее ничего не примет. Но постараться она должна. Только так и можно вернуть его... Боже мой! Нет, я, кажется, не смогу. Я видела, как пытаются переломить себя другие и как это долго тянется. Но надо. Надо. Надо. Хотя почему? Откуда ты знаешь, что тебе необходим только этот человек? Почему только он один может заставить тебя чувствовать все то, что ты чувствуешь сейчас? О боже, почему?.. Ну, конечно, дети, а до них — то, что предшествовало их появлению. С самого начала он стал для тебя единственным мужчиной в мире. Теперь прибавилось и нечто другое, прибавилась боязнь времени, боязнь состариться в одиночестве.

Джоул вышел на веранду чуть позже половины восьмого, уже в пиджаке и галстуке, готовый ехать в свой офис,— и это для того, подумала Клара, чтобы дать ей понять: минувшая ночь ровным счетом ничего не изменила. В молодости, еще до рождения детей, он рассказывал ей о своей первой женщине; она была старше его, очень опытная, равнодушная, и поэтому его потом долго мучил стыд за то, что физическая любовь — это так нечисто. Много времени ему понадобилось, чтобы отделаться от этого ощущения, и еще больше — чтобы открыть для себя, как она прекрасна. Наверное, после первой своей ночи он был так же взвинчен и держался так же натянуто. Нет, так, как в первый раз, не бывает больше никогда.

— Доброе утро, Джоул! — Сияние, трепещущее у нее внутри, проникало и в ее голос.— Ты, надеюсь, спал так же хорошо, как я. И — спасибо тебе, спасибо за вчерашнюю ночь.

— Доброе утро,— ответил Джоул, но как ни старался он держаться светского, безразличного тона, это ему не удалось. Она так взглянула на него, так благодарила, что притворяться стало невозможно. В чем же причина? Почему полной гармонии, которая возникает между их телами, не бывает в их мыслях, мечтах, разговорах? Или для нее все остальное, кроме постели, неважно? Но в то же время он сознавал, что несправедлив к ней. Не только физическая любовь заполняла ее жизнь. Клара сказала себе: «Сейчас он думает обо мне с нежностью».

— Джоул... («Я люблю тебя. Люблю по-настоящему; как мне доказать это, чтобы ты понял, без всяких сомнений, без всякой путаницы; только телом своим я могу заставить тебя понять, и больше ничем,— только тут все ясно и никакой путаницы; постарайся же понять, прошу тебя».)

Опять то же самое, подумал он, с тревогой ощущая, что помимо его воли в нем начинает разливаться жар, и зная, что это непроизвольный отклик на излучаемую ею силу.

— Да? — отозвался он, собирая всю свою волю, чтобы прогнать это ощущение.

Не надо торопить события, подумала Клара.

— Нет, ничего,— быстро ответила она.— Просто мне хорошо, и я ничего с собой не могу поделать. Ты, наверное, не помнишь, как со мной всегда бывало — после этого... Налить тебе кофе? А что ты будешь есть?

Он ответил, и Клара принялась кормить его завтраком. И все время он ощущал, что она сидит близко, по другую сторону стола, и силился не замечать чувственности, которая исходила от Клары, хотела она того или нет. Странно, что он забыл об этой ее особенности.

В начале десятого пришел Солли. Он был красен, взволнован и еще более суетлив, чем обычно. Он принес несколько экземпляров газеты «Голос Острова». Один из них Солли развернул перед Джоулом.

— Твой драгоценный Джон Стэнхоп продался Джосайе! Ты слушал радио? Там не было тех подробностей, что в «Голосе», но в общем то же самое! Никто даже не попытался сопротивляться! А наш самый главный правительственный чиновник, человек, который, как ты уверял, олицетворяет неподкупность государственного ап-

парата, преподносит Джосайе страну на блюдечке! И из-за того, что ты так в него верил, он знает о наших действиях и наших настроениях больше, чем кто-либо другой! Не дай бог, если он доложит Джосайе, как мы относились к нему до сих пор. Ах черт, Джоул! Ну и сел же ты в лужу!

— Замолчи, Солли! — резко оборвала его Клара.

Солли умолк и взволнованно бегал по комнате, пока Джоул и Клара читали отчет Марты Ли о том, как разворачивались события после смерти президента.

Дочитав, Джоул поднял глаза на Солли.

— Думаю, ты не прав насчет Джона. Я не считаю, что он продался.

— Вот как? Несмотря на факты?

— Значит, у Джона были какие-то основания.

— Еще бы, только не какие-то, а стремление выжить, удержаться на своем посту и выдвинуться, сделав ставку наверняка!

— Ну само собой! — вскипел вдруг Джоул.— Каждого можно купить! Вот оно, евангелие, исповедуемое племенем Айзексов! Тошно мне от вас! Будь добр, придержи язык и ничего не делай, пока я не выясню, почему Джон поступил так, а не иначе.— Он встал и пошел к двери, чувствуя, как с каждым шагом разгорается его гнев. У двери он остановился.— И вот что я тебе скажу, Солли, чем скорее ты и твое семейство перестанете считать, что все люди подлецы и всех можно купить, тем больше будет у вас шансов уцелеть! Прежние времена прошли! — Он толчком распахнул дверь, теперь уже весь дрожа от злости.— Они ушли вместе со Стариком! И ваша мерзкая власть над этой страной тоже! — Он вышел, сильно хлопнув дверью.

— Джоул! — крикнула ему вслед Клара и, покачав головой, простонала: — О, боже мой!

Солли налил себе в чашку кофе.

— Что это он взъелся ни с того ни с сего? — пожал он плечами.

— Он прав,— с горечью возразила Клара.— Мы действительно думаем, что каждого можно купить, и это, конечно, мерзко.

— Что он будет сейчас делать?

— То, что сказал. Выяснит, почему Джон поступил так, а не иначе. И окажется, что это не потому, что Джона можно купить. И между мною и Джоулом вырастет еще одна стена.

Она встала и подошла к брату, испытующе глядя ему в лицо.

— Почему здесь, на нашем острове, богатство непременно портит людей? Ведь это не везде так, ты же знаешь.

И она вышла из комнаты.

3

Джоул Стернинг позвонил Марте Ли в середине дня. Все утро он просидел в своем служебном кабинете, пытаясь дозвониться Джону Стэнхопу и раздумывая о том, какой образ мыслей и действий изберет айзексовская империя в этой новой ситуации. Но связаться со Стэнхопом не удалось, а все размышления оказались бесплодными. Он отправился завтракать в ближайший клуб — Мозесвилльский Атлетический. Так как все общественные места были закрыты, Джоул ожидал, что клубный ресторан будет переполнен. Однако в зале не оказалось ни души, и только когда он уже доедал свой завтрак, в ресторан важной поступью вошел Максуэлл Джонсон. Все столики были пусты, поэтому Джонсон подсел к нему и заказал себе сандвич с мясом и двойную порцию рома.

— Марту видели? — отрывисто спросил он.

— Нет.— Джоул знал, что из-за Марты Джонсон относится к нему с открытой неприязнью.

— После кончины, я имею в виду.

— Я так и понял. Тем не менее не видел.

— Очень странно.

— Что именно, Макс?

— Вы чертовски хорошо понимаете, что именно!

Ты меня из себя не выведешь, подумал Джоул, сунул под край тарелки серебряную монету и поднялся, сухо, почти официально кивнув Максу Джонсону. Подбежал официант со счетом, и Джоул, стоя, подписал его. Официант подобострастно поклонился и засеменил в сторону, а Джоул двинулся к выходу.

— Разве вас уже не интересуют сведения из первых рук? Вам же она нужна не только затем, чтоб переспать с нею, не так ли? Она ведь холодна, как рыба, а дома у вас такой пончик, что пальчики оближешь!

Не успев сообразить, что он делает, Джоул круто повернулся и с размаху ударил Макса по лицу. Тот поднялся со стула, и Джоул весь подобрался, готовясь к неравному поединку и неминуемому избиению, зная, что степень избиения будет зависеть от того, как скоро их разнимут. Но Макс вдруг обмяк, опустился на стул и пробасил:

— Убирайтесь к дьяволу, пока я вас не убил!

И Джоул, с нервной дрожью во всем теле, ушел. Ему понадобилось около часа, чтобы успокоиться. Сейчас, держа телефонную трубку и ожидая, пока Марта ответит, он был спокоен, холодно и угрюмо спокоен.

К телефону долго никто не подходил, и Джоул начал побаиваться, что и ее, как Стэнхопа, сегодня не застать, но тут ответил чей-то незнакомый голос. В трубке слышался гул голосов и звяканье стекла. У Марты полон дом народу. Наверное, газетчики. Они иногда собирались у нее в каких-нибудь экстренных случаях — в день выборов и в другие дни, когда выпивать в общественных местах запрещалось или когда происходило какое-то событие и требовалось поговорить и поспорить свободно, без чужих.

На другом конце провода смутно знакомый, с легкой хрипотцой, женский голос добивался, кого ему надо.

— Мисс Ли, мисс Марту Ли.

— Мар-та! — крикнула женщина так пронзительно, что у него зазвенело в ушах. Затем что-то стукнуло, женщина, видимо, положила трубку на стол и, казалось, тут же про нее забыла — Джоул бесконечно долго слышал лишь смутный шум голосов.

Она, конечно, обо мне забыла; если сейчас разъединится, там никто и не заметит лежащую трубку и потом не дозвонишься весь день. Тогда придется ехать.

— Да? Марта Ли слушает! — Ей пришлось повторить это дважды, прежде чем он осознал, что она взяла трубку. Голоса в комнате словно придвинулись ближе и стали гораздо громче.

— Это я, Джоул! — сказал он, повышая голос.

— Подожди минутку.

Голоса внезапно смолкли, будто в комнате выключили радио. Джоул догадался, что она выдернула из розетки шнур и переносит аппарат в свою тихую пустую спальню. Он терпеливо ждал. В трубке слабо щелкнуло, и раздался ее ясный, спокойный голос:

— Привет, Джоул!

— Как ты там?

— Устала немного. А ты?

— Так себе. У меня была стычка с твоим боссом.

— Знаю.

— Откуда?!

— Он мне звонил. Говорит, что сам набивался на ссору и ты закатил ему оплеуху прямо в клубном ресторане.

— Вряд ли он тебе сказал, что, кроме нас, там никого не было.

— Нет, не сказал. Но клялся, что не тронул тебя и пальцем.

— Это правда. Отчасти поэтому я тебе и звоню.

— Он знал, что ты позвонишь, Джоул. Он просил передать, что скорей всего был не прав и поэтому не стал драться, а вовсе не из-за возможных осложнений с кланом Айзексов. Это для тебя важно?

— Очень.

— Он сказал, что, должно быть, важно, и я рада, что это так.

— Он заявил, что я тебя использую, что мне нужна не столько ты, сколько сведения...

— Разве обязательно обсуждать это со мной?

— Нет... Но я вдруг засомневался. Я ведь действительно получаю от тебя важную информацию; наша с тобой близость в самом деле выгодна для фирмы.

— Мне вчера тебя очень не хватало.— Она, казалось, не слышала его последних слов.

— Приехать к тебе?

— Слышишь, что здесь творится? Нам не дадут поговорить.

— Ты нужна мне,— неохотно сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал небрежно.

— У тебя есть время отвезти меня в деревню? Хочу повидать дочку.

— Когда?

— Как только сможешь. Чем раньше, тем лучше — хорошо бы вернуться не поздно. Я могу поехать и одна, но...

— Я тебя отвезу. Только сначала мне надо найти Джона и кое-что у него узнать. Я пытался дозвониться до него все утро, но безуспешно.

— Если это то, что я думаю,— спокойно сказала она,— я могу рассказать тебе сама. Только ты, наверное, предпочел бы узнать это не от меня.

— После слов Макса — да.

— Ну, он сам понимает, что был не прав. А у Джона Стэнхопа не было никакого выбора. Я была с ним и буквально силой заставила его, потому что...

И она очень четко и ясно изложила, почему Стэнхоп не мог не вызвать Джосайю.

— Солли считает, что Джон продался Джосайе.

— Ну еще бы! — сказала она таким тоном, что он почувствовал себя виноватым за весь айзексовский клан.

— Значит, через полчаса,— сухо произнес он.

— Лучше через час.

— Хорошо, через час,— согласился Джоул и подождал, пока она положит трубку.

Когда машина начала подниматься в горы, солнце светило им в спину; свет был какой-то водянистый, что предвещало похолодание. В этом году на рождество обещали необычные для острова холода. Направо и дальше склоны более высоких гор отливали багряным, и это почему-то заставляло думать о нежности. А за ними почти вертикально, будто театральный задник, расстилалось море, как всегда тихое, прекрасное, с бесконечным разнообразием красок, с захватывающей дух аквамариновой прозрачностью и тонким сочетанием всего спектра — словно неожиданно, без всякой на то причины, в вышине встала радуга — и в то же время затаившее в себе угрозу, буйную жестокость и неистовую силу.

Почти целый час, с тех пор как дорога пошла в гору, оба молчали. Марта забилась в угол сиденья и словно впитывала в себя раскрывшуюся перед ними картину и ароматы земли. Порой Джоул отрывал глаза от извилистой крутизны дороги и бросал на Марту быстрый взгляд. Но она забыла о его присутствии; сейчас единственной реальностью для нее было почти физическое ощущение земли и ее связь с этой землей.

Однажды, в первые дни, Джоул попытался вместе с ней ощутить это единение женщины с землей, единение, которое он воспринимал как нечто вполне реальное, физическое, как те узы, что связывают мать и дитя, пока не перерезана пуповина.

Он прикоснулся к Марте, надеясь что-то понять и разделить с нею, надеясь, что она впустит его в свой мир, но она взглянула на него невидящими глазами и просто смахнула его руку прочь, как смахивают упавшую на глаза прядь волос. С тех пор он никогда не пытался последовать за ней в сокровенный мир ее отношений с землей. Вначале Джон обижался, но теперь он знал, каким источником силы было для нее это ощущение единства с островом, и чувство обиды почти исчезло. Слияние с родной землей и дочь — это принадлежало ей одной, этим она не хотела делиться с кем бы то ни было.

Быть может, настанет такой день...— подумал Джоул, но, даже не успев додумать мысль до конца, понял ее тщетность.

Наконец подъем стал менее крутым, плоскогорье придвинулось к самой дороге, и слева, внизу, на расстоянии почти тысячи футов, они увидели раскинувшийся на равнине город. Над головой плавно и мощно кружили громадные стервятники — очевидно, где-то неподалеку валялась какая-нибудь дохлятина. Потом дорога пошла вверх еще круче, чем прежде.

Джоул сбавил скорость и остановил машину на самом краю узкой дороги — но все равно, вряд ли здесь проехал бы еще один автомобиль. С одной стороны начинался отвесный обрыв в добрых триста футов глубиной, а с другой нависали скалы.

Марта, выйдя из машины, пошла вдоль обочины, всего в нескольких дюймах от пропасти. Джоул закурил сигарету и только сейчас осознал, какая вокруг тишина. Ко-

гда он докурил, Марта уже скрылась за поворотом. Он медленно поехал вслед и нагнал ее лишь через четверть мили. Марта шагала быстро, чуть раскачиваясь на ходу. Он посадил ее в машину и дальше ехал так быстро, как только позволяла дорога, сбавляя скорость лишь в горных деревушках, через которые лежал их путь. Так, молча, не перекинувшись ни словом, они, наконец, оказались у подножия широкого, пологого холма; на краю его лепились белые квадратики низких корпусов — классных, мастерских и спален. Машина въехала в ворота с прибитой над ними доской, на которой было выведено: «Добро пожаловать в детский поселок «Серебряный ручей». Солнце, уже клонившееся на запад, почти задевало верхушки дальних холмов.

У маленького административного здания их ждала старуха — одна из тех, для кого время лишило суетный мир всякой привлекательности. От ее высокой, сухопарой фигуры веяло той силой, которую людям придает постоянная близость к земле. В своей грубой крестьянской рубахе и штанах она легко могла сойти за мужчину. Ее руки, плечи, шея, ее опаленная солнцем и обветренная кожа — все было выдублено, закалено, приспособлено для служения единственной цели, ради которой весь мир сжался в одну простую и ясную реальность. В жизни этой женщины не существовало ничего, кроме детского поселка «Серебряный ручей».

Человек наблюдательный, вглядевшись в ее высохшее лицо, мог бы догадаться, что некогда оно было красиво. И мало кто знал, что в далекие, ушедшие во мглу времена, когда человек был собственностью человека, ее предкам принадлежал чуть не весь остров и немалое число его темнокожих обитателей. Теперь из всего рода на острове осталась лишь она одна. И с тем же неуклонным самоотречением, с каким она приспособила тело и душу к служению одной идее, эта женщина пожертвовала ради нее своими владениями и богатством. У нее осталась только земля, на которой стоял детский поселок, да и та была давно заложена.

Марта Ли вышла из машины; старуха шагнула ей навстречу, и они пожали друг другу руки. Джоул обошел машину спереди и поздоровался. Он не раз приезжал сюда с Мартой и знал эту старуху. А так как ее ничуть не интересовало, что происходит там, внизу, в Мозесвилле, то разговаривать, собственно, им было не о чем.

— Она сейчас придет,— промолвила старуха.— Вы, наверно, хотите пойти ей навстречу?

Марта кивнула и быстро пошла вперед, обогнула дом и зашагала по тропинке, отлого поднимавшейся к спальным корпусам, крыши которых виднелись в полумиле отсюда.

— Мисс Ли чем-то встревожена сегодня,— сказала старуха.— Впрочем, при ее работе...

— Да,— кивнул Джоул, думая, что придет день, когда старуха вообще перестанет утруждать себя словами. Он давно уже заметил, что она редко доканчивает начатую фразу, как бы предлагая собеседнику мысль, которую тот уже сам волен был додумывать молча.

— Не угодно ли?..— Джоул кивнул и вошел вслед за ней в прохладную канцелярию. Старуха села за свой стол, а он остановился у окна и стал смотреть, как Марта поднимается по тропинке.

...Здесь, в горах, кончина Старика никому не представлялась катастрофой. Ни здесь, ни дальше, до самых глубинок острова. Может быть, не все отнеслись к ней столь безучастно, как сидящая в этой комнате старуха, но, разумеется, они не восприняли это событие так остро, как те, что жили в городе или на окружающих его холмах. Ну, конечно, важное событие — все-таки президент есть президент,— но для многих живущих в глуши Мозесвилль был так далек от их жизни, словно он находился в чужой стране. Кто там родился и кто умер, кто пришел к власти, а кто ее потерял — все это никак не сказывалось на жизни людей, потому что прогресс, о котором твердят городские жители, прошел стороной, не заглянув в эти деревни. Независимость не дала им ни водопровода, ни электрического света, не избавила их от голода, не построила им школ и лучшего жилья; она существовала уже давно, но все осталось как было, только еще одно слово появилось в обиходе у политиков, которые заглядывали в далекие деревни, лишь когда им требовались голоса избирателей.

— Я смотрю, вы тоже расстроены...

— Да.

Он видел, как Марта подошла к небольшой рощице, там, где кончался подъем, почти у самых спальных корпусов.

Заметив детей, она остановилась. Мальчик и девочка медленно вышли из-за угла ближайшего домика. У мальчика при каждом шаге руки и ноги дергались в разные стороны и тело вихлялось, как у марионетки в руках пьяного кукловода. Руки и ноги у мальчика были как спички, тельце худенькое, а голова огромная.

При виде его Марте с трудом удалось сохранить самообладание... Что же это за бог, который создает человека по своему образу и подобию? Шутник?.. Но, подавив в себе эти мысли, она медленно пошла навстречу детям.

Маленькая девочка, ее дочурка, была само совершенство: стройное налитое тельце, прямая спинка и плечи, живая черная куколка с милым личиком, на котором светились ласковые глаза. Прелестная десятилетняя девочка, которую вел за руку коричневый уродец такого же возраста.

Дети остановились в нескольких шагах, ожидая, пока Марта подойдет к ним. Она заметила, как крепко ее девочка сжимает руку мальчика, как нежно заглядывает в его кривящееся лицо. Она поняла, что они разговаривают о чем-то друг с другом без слов; но ведь, чтобы люди могли общаться, необходимы слова или хотя бы память о когда-то известных словах. А ее девочка родилась глухой и никогда не слышала ни слов, ни звуков, мир она познавала только глазами.

Мальчик перевел взгляд на Марту и, напрягая весь мозг и всю свою волю, чтобы овладеть губами, выдавил одно хриплое, похожее на урчание зверька слово: «вотна». Он поднял руку девочки, решительно вложил ее в ладонь Марты, повернулся и заковылял прочь, вихляясь на ходу всем телом.

Марта выждала, пока мальчик скроется за углом, повернулась и повела девочку в кедровую рощу. Кедры подросли достаточно, их уже можно срубить, распилить на доски, отвезти на склад, хорошенько высушить и обработать, а потом продать на лесопилку. По нынешним ценам этих деревьев хватит, чтобы по крайней мере год кормить, поить и одевать полторы сотни искалеченных, беспомощных, обездоленных детей, обитателей этого поселка.

В прохладной канцелярии старуха оторвалась от бумаг и с рассеянным любопытством скользнула взглядом по спине Джоула Стернинга.

— Она ее встретила? — спросила старуха.

— Да,— ответил он, не оборачиваясь.— Они вошли в рощу, и я уже их не вижу.

— А мальчик?

— Ушел...

Женщина взглянула на часы, стоящие на столе, записала в крошечном блокноте время и снова углубилась в свои бумаги. Стернинг однажды пытался узнать, что заставило эту единственную наследницу некогда могущественного аристократического рода лишить себя богатства и устроить здесь приют для маленьких беспомощных калек. Она засмеялась в ответ — в первый раз он увидел, как она смеется — и заговорила. Так много слов подряд он не слышал от нее ни до, ни после этого — а они были знакомы без малого пять лет, почти с первого дня его связи с Мартой.

— Все это вовсе не так, как вы, наверное, себе представляете, мистер Стернинг,— сказала она тогда.— У меня нет никакого чувства вины за своих предков. Мне не кажется, будто я кому-то должна, и материнский инстинкт тоже тут ни при чем. У меня нет никаких высших соображений, я не верю в загробную жизнь и не стараюсь обеспечить себе местечко на том свете. Я взяла на себя эту работу просто потому, что она очень необходима. Один из моих предков, рабовладелец, кстати, как-то решил, что разрядить возмутительную и пагубную атмосферу растущего недовольства среди рабов можно, лишь вздернув зачинщиков — отца и сына — на дыбу. Так он и сделал. За одну ночь атмосфера разрядилась. Со старшим из зачинщиков он дружил с детства, а к его сыну относился как к родному. Поэтому-то они были обучены грамоте, и им попадалась в руки тогдашняя вольнодумная литература. Если вам случится заглянуть в Мозесвилльский архив, вы можете прочесть там эту историю, записанную рукой моего предка, и вы узнаете, как он при этом страдал. Но это было необходимо — и он это сделал. Так же необходим и мой «Серебряный ручей».

И вот теперь Джоул глядел на старуху; она возилась с бумагами, делая дело, которое было необходимо.

Чем бы ни занимались эти люди, думал Джоул, всю ответственность за свои действия они всегда принимали на себя. Они платили за свою власть. А в наши дни мы, так называемые торговые магнаты, хотим получить власть даром. Вопрос в том, позволит ли это сделать история?

Длинные тени легли на окна, в прохладной комнате стало заметно темнее; хозяйке пришлось отложить свои бумаги. Она взглянула на часы, откинулась в кресле и позволила себе на три минуты закрыть глаза. Джоул Стернинг застыл у окна. Сейчас он ни о чем не думал и наслаждался глубоким покоем вокруг и внутри себя.

Ровно через три минуты старуха поднялась из-за стола.

— Пора,— сказала она и направилась к двери.

Джоул вышел за ней и ждал, пока она запирала контору. Солнце почти совсем опустилось за холмы, и на землю надвигалась темнота. Резкие порывы северного ветра холодили вечерний воздух.

— До свиданья,—бросила старуха и, свернув за дом, зашагала вверх по дорожке туда, где была Марта с девочкой.

Джоул сел в машину; им все еще владел царивший здесь покой. Девочка первой увидела старуху и легким пожатием руки сообщила об этом Марте. Они поднялись со скамейки и пошли ей навстречу. Девочка нетерпеливо тянула Марту за руку. Эта женщина значила теперь в жизни ее ребенка гораздо больше, чем она сама.

А я уже не очень нужна тебе, малышка. Если я перестану тебя навещать, ты и не заметишь; ты перешагнула в другой мир и стала теперь сильнее. Это ты мне нужна...

И она громко сказала:

— Я не могу без тебя, малышка! — И она ощутила острую, почти физическую боль оттого, что девочка ее не слышит.

Они встретили старуху на полдороге к машине, и Марте не пришлось передавать ей ручонку девочки — та сама выдернула руку из материнской ладони и уцепилась за старуху. Не нужна я ей, еще раз подумала Марта.

— До свиданья, мисс Ли,— сказала старуха, и в ее голосе, обычно таком бесстрастном, прозвучала нотка сострадания.

Марта смотрела им вслед, пока они не скрылись за углом ближайшего здания, затем повернулась и быстро пошла к машине, где ждал ее Джоул.

Всю обратную дорогу Джоул ощущал скрытую грусть, которая, как хмурое облако, окутывала Марту. Обычно — и Джоулу не раз доводилось это видеть — Марта со своими горестями расправлялась круто, как опытный наездник с необъезженной лошадью. «Горе,— сказала она однажды после смерти Майры Джонсон,— дело глубоко личное, и его не следует делить ни с кем».

Они проезжали последнюю деревню на обратном пути, когда Марта вдруг велела ему остановиться. Машина, взвизгнув тормозами, встала.

— Вернемся к тому трактиру,— сказала она.

Джоул развернул машину и въехал на деревенскую площадь. Трактир, половину которого занимала лавчонка, где продавалось все на свете — от хлеба и соленой рыбы до цинковых листов, гвоздей и цемента,— был экономическим, социальным и культурным центром деревни. Закуток, в котором продавали спиртное, был разделен на две части. Одна называлась просто пивной, другая «баром». В пивной толпилась молодежь и было шумно, а в «баре» за бутылкой белого рома тихо сидели четыре старика в измаранной землей одежде, с мачете у пояса.

Марта вошла первая и сразу направилась к старикам.

Шумные голоса в пивной на мгновение стихли. Молодые парни с любопытством оглядели пришельцев и тотчас же принялись беседовать еще громче.

Старики потеснились, освободив место у стойки.

Маленький круглый человечек с усиками и сальной желто-коричневой кожей вышел из заднего помещения и встал за стойкой, дружелюбно, почти ласково улыбаясь. В выражении его лица была странная смесь угодливости и любопытства. Старики, пришедшие сюда прямо после работы на своих клочках земли, смотрели на них молча, отчужденно и равнодушно.

Марта улыбнулась человечку за стойкой.

— Добрый вечер, джентльмены,— сказала она.

Человечек за стойкой чуть шевельнулся, и сразу спина его как будто выпрямилась, а улыбка, почти не изменившись, тем не менее стала просто дружеской, без всякого следа угодливости.

— Добрый вечер, мэм и сэр,— пророкотал он неожиданно низким утробным басом.

Марта попросила своего любимого рома.

Старики почувствовали себя свободнее и вернулись к выпивке и тихой беседе; эти двое хоть и чужие, а все же островитяне и, значит, не такие уж чужие. Бармен налил две порции рома.

— И себе,— кивнул ему Джоул; бармен охотно повиновался.

Марта осушила свою рюмку одним глотком и запила ром водой. Женщина, умеющая так пить, вызвала явное восхищение у бармена и стариков — это было видно по их глазам. Но Марта знала: если бы их жены позволили себе что-либо подобное, они вряд ли стали бы восхищаться. Такова уж была их противоречивая натура: то, что им нравилось в городских женщинах, возмутило бы в собственных женах и сестрах — вот такое уменье лихо опрокинуть рюмку, или обтягивающие брюки, или чересчур откровенный вырез платья.

Джоул, угадывая внутреннюю потребность Марты потолковать с этими людьми, отступил назад и, потягивая ром, старался казаться незаметным.

— Еще по одной? — спросил он Марту.

Она кивнула, и бармен отмерил еще две порции.

— Может, выпьете с нами? — как бы между прочим спросил Джоул стариков. Те переглянулись — никому не хотелось брать на себя ответственность за согласие угоститься на счет чужаков. В конце концов все решил за них бармен, подвинув к ним непочатую бутылку белого рома. Старики церемонно налили себе в стаканы; согласившись выпить с чужими, они немного оттаяли, и, поднимая стакан, каждый на свой лад пробормотал: «Ваше здоровье, мэм», «Ваше здоровье, сэр». Из той же бутылки бармен налил и себе.

— Н-да... вот беда-то!— безошибочно нащупав самую безопасную тему, пробурчал один из них, выглядевший старше, чем остальные.

Другой старик хмыкнул и покрутил головой, что каждый мог истолковать по-своему — кивок согласия или жест неодобрения.

— От смерти не убежишь...— торжественно вставил бармен.

— Некоторые считают, что он и так зажился,— сказала Марта,— И нам жить мешал.

— Одни живут больше, другие меньше,— изрек старейший. Остальные одобрительно кивнули.

Играют наверняка, подумал Джоул. Совсем как наш брат коммерсант: пытаются разнюхать, откуда ветер дует, чтобы потом идти по ветру.

— Говорят, вместо него будет Джосайя,— сказала Марта.

— Говорят, вроде бы так,— осторожно ответил бармен.

— Крупные воротилы его будто бы не хотят, а простой народ за него...

— Про то мы еще не слыхали,— быстро и громко вставил старейший.

— Что верно, то верно,— подтвердил бармен.

— Вот именно,— сказал второй старик.

— Пока не слыхали.— отозвался третий.

— Ну еще услышите,— сказала Марта.— Еще услышите!

Она поставила бокал на чистую стойку и поглядела сначала на бармена, потом на всех стариков по очереди. На лице ее появилась широкая улыбка, а в глазах блеснули слезы.

— Прощайте, джентльмены! — Она вышла и, сев в машину, ждала, пока Джоул расплатится.

Когда деревня осталась позади, Джоул сказал:

— Ты же знала, что ничего из этого не выйдет. Не станут они ничего говорить, пока не уразумеют, откуда ветер дует.

— Знала,— холодно ответила она.

— Тогда зачем и это принимать так близко к сердцу?

— Что значит «и это»?

— Ты знаешь, что я хочу сказать. И это, как все остальное.

— Но это для меня самое важное, Джоул! Как ты не понимаешь?

— Обязательства перед людьми, которые даже правде в лицо смотреть не желают? Которые от всего бегут? Которые говорят только то, что, по их мнению, ты хочешь услышать? Которые всегда на стороне власти?..

— Да,— сказала она со злостью, с той бешеной злостью, которая — он знал — иногда на нее находила.— Они такие! И даже хуже! Я могла бы перечислить еще кучу их

пороков! Но ты, ты не имеешь права так говорить, потому что ты с ними ничем не связан... О господи! Прости, Джоул...

— Ведь это правда,— грустно улыбнулся он.

Они замолчали и, пока машина не спустилась в долину, не проронили ни слова. Марта коснулась его руки:

— Эти люди, Джоул... они — мерило нашей вины. Они безучастны, потому что во все времена каждое благородное движение их души использовалось для того, чтобы угнетать их. А мы, так называемые порядочные люди, не смогли заставить их поверить в себя, в их собственные мечты. Это наша вина, Джоул!

Часть вторая

Наследники

Сам того не желая, он начал думать. И так как он знал, что едва ли переживет эту ночь, то мысли его были очень ясными, очень четкими, очень честными, но странным образом не облекались в слова. Как музыкант мыслит звуками, так он думал чувствами, тем самым опровергая убеждение, будто человек не может думать без слов, даже если эти слова совсем смутно проносятся в его мозгу. Слово — лишь одно из средств выражения мысли; самое главное, потому что оно наиболее употребительно и наиболее понятно, но все же это далеко не единственное средство. А может быть, единственное? Но как глупо в такие минуты мысленно уходить куда-то в сторону от главного!

Вот-вот из-за поворота появится Джосайя. Господи, хоть бы он не вздумал запоздать именно сегодня! Дневной свет быстро меркнет. Если он где-то задержится хотя бы на пять минут, будет слишком темно, чтобы сделать то, что должно быть сделано. Что должно быть сделано. Как мы дошли до того, что это стало необходимостью? Чья тут вина? Его? Или наша?

Человек взглянул на небо, прикидывая, достаточно ли еще светло и долго ли продержится этот свет. И вдруг, без всякой связи, ему представилось видение: он заглядывает в кухню, он видит прямую спину высокой тонкой женщины, слышит ее голос: «Лук подрумянился», и всем своим существом он ощущает резкий запах лука, поджаренного на кокосовом масле. Лук подрумянился. Слезы заволокли его глаза, сердце сжала острая тоска по жизни. Тыльной стороной руки он вытер капельки влаги с глаз. Потом припал к винтовке и стал смотреть на дорогу через оптический прицел. Все опять стало на свое место, и человек был человеком, то есть существом, обладающим способностью разумного выбора, существом, которое, в отличие от других детей природы, может изменять и переделывать мир, в котором живет.

И не сводя глаз с дороги, по которой через пять минут должен был проехать Джосайя, он мог спокойно думать о той кухне, откуда несся запах жаренного на кокосовом масле лука, и о Марте Ли, крикнувшей ему: «Лук подрумянился!» Если б только она была помоложе, или он постарше. В тот вечер он забыл о разнице лет и сделал кое-какие попытки. Она безжалостно его высмеяла, и с тех пор он боялся подойти к ней близко. Она крикнула: «Лук подрумянился», он вошел в кухню и приготовил пряную подливку. И когда они поужинали, он попытался, и она его высмеяла, и уходя, он встретился у калитки с мужчиной, идущим к ней... Лук подрумянился... И запах подрумяненного лука, пряный и теплый...

Пряный, теплый и прекрасный, как эта земля. Пряный, теплый и прекрасный, как ее люди. Пряный, теплый и прекрасный, как их смех. Пряный, теплый и прекрасный, как жившая в них надежда, загубленная надежда, которую нужно возродить.

Уже темнеет. Покажись же, Джосайя.

Покажись!

I

Джон Стэнхоп стоял у двери зала заседаний и наблюдал, как два служителя готовят длинный стол для первого после смерти президента заседания кабинета министров. Стоял ясный, тихий день. Умиротворяющая зеленая листва глядела в большие открытые окна, почти целиком занимавшие три стены зала. Не было уже ни

движущейся людской массы, ни солдат, ни полиции, вокруг дворца и на ближних улицах царила тишина. Накануне старый Мозес Джошуа был наконец предан земле. За три дня почти треть трехмиллионного населения страны продефилировала мимо его гроба. Сейчас он лежал в могиле, а остров снова занялся своими земными делами. И нынче утром ближайшие помощники покойного Старика, члены его правительства, министры, впервые должны были собраться без него.

Стэнхоп прошел через зал к сейфу, где хранились важнейшие документы кабинета министров. Теперь только он один знал комбинацию цифр секретного замка. На сегодняшнем совещании предстояло решить, кто будет тот второй, кому станет известен этот код. Но хотя Стэнхоп знал секрет сейфа, он не имел права открывать его иначе как по приказу президента, а в его отсутствие — по решению кабинета министров. Он долгим взглядом смотрел на маленький циферблат громадного стального ящика. Открыть его — дело пятнадцати-двадцати секунд. А в нем лежат документы, которых лучше бы не видеть никому из этих людей; в нем документы, которые особенно опасно показывать Альберту Джосайе. Только чудовищно капризный нрав Старика был причиной того, что их в свое время не уничтожили и теперь они лежат тут в полной сохранности и могут быть использованы как оружие против других.

Стэнхоп резко отвернулся, глубоко засунул руки в карманы брюк и подошел к высокому открытому окну. Лучи солнца не успели добраться до широко раскинувшихся лужаек, еще не высохшая утренняя роса придавала траве влажную, первозданную свежесть. Давным-давно, еще ребенком, на родительской ферме, затерянной в глуши, он всегда дивился влажной свежести всего новорожденного. Его разбирало любопытство, такие ли бывают и новорожденные дети, и он был очень огорчен и рассержен, когда его не пустили в комнату, где только что родился давно обещанный ему маленький братик, и не дали проверить, так же ли он влажно блестит.

Один из служителей кашлянул, чтобы привлечь его внимание.

— Кончили? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, сэр.

— Хорошо. Теперь окна.

Кондиционер он включил, как только вошел; теперь и при закрытых окнах здесь будет свежо и прохладно. Полагалось, чтобы кабинет министров заседал в звуконепроницаемом, наглухо закрытом помещении — это было одно из немногих правил колониальных времен, которые сохранил Старик. Служители закрыли все окна в зале, осталось лишь окно, рядом с которым стоял Стэнхоп. Служитель подождал; Стэнхоп посторонился, затем отошел к двери. Оба служителя, закрыв последнее окно, встали рядом со Стэнхопом, и все трое внимательно оглядели зал, проверяя, не упущена ли какая-нибудь мелочь.

Какую уйму лет мы проделываем это, подумал Стэнхоп,— и всегда вместе, всегда одна и та же троица.

Словно подслушав его мысли, служитель, стоявший слева от него, человек лет шестидесяти с лишним, пробормотал:

— Без него уж будет не то.

Служитель помоложе, лет за пятьдесят, пытливо поглядел на Стэнхопа.

— Теперь не будет как всегда. Все двадцать лет, что я пробыл во дворце, казалось, что так оно и будет вечно. Потому-то и тяжело теперь ожидать перемен.

— Все в жизни меняется,— произнес Стэнхоп, ощущая странное отеческое чувство к этим людям, младший из которых был по меньшей мере на пятнадцать лет старше его.

— А он заставил нас забыть об этом,— твердо сказал младший служитель.

Стэнхоп чуть пожал плечами; это уже не было физическое движение, скорее мысленный жест, попытка отогнать от себя какое-то ощущение.

— Ну, все готово,— отрывисто произнес он.

Служители вышли первыми, он последовал за ними, запер дверь, положил ключ в карман и пошел по коридору к своему кабинету, навстречу деловитому гулу президентской канцелярии.

Он застал Эндрю Симпсона у своего личного телефона, того самого, который не значился в списках и был известен лишь горстке людей.

— Одну минуту,— сказал Симпсон и прикрыл трубку большой черной рукой с красиво сужающимися к концу пальцами.— Это мистер Джоул Стернинг, сэр. Спрашивает, не смогли бы вы пообедать у них сегодня.

Стэнхоп кивнул и взял трубку.

— Хелло, Джоул. Да, с удовольствием... Да... В семь тридцать, отлично... Жду министров с минуты на минуту... Да, в полном составе... Нет... Пока ничего не могу сказать... Ладно... Значит, до вечера.

Он положил трубку и вдруг ощутил острую тревогу от присутствия Эндрю Симпсона. Он попытался прогнать это неожиданное гнетущее беспокойство, но оно не проходило. Глупо, сказал он себе; я же знаю этого мальчика, я хорошо его знаю и верю ему. Иначе и быть не может. Он у меня уже пять лет, и всему, что он знает, научил его я. И вдруг тихий, почти неуловимый внутренний голос сказал: а ты уверен? Ты же не знал, что он сторонник Джосайи, пока тот не сказал тебе об этом; может, ты еще многого не знаешь и не узнаешь, пока тебе не скажут?

Он быстро взглянул Симпсону в глаза и устыдился своих глупых фантазий.

— У меня есть одно соображение, сэр,— полушепотом произнес Симпсон.

— Слушаю, Энди.

— Не поймите меня неправильно.

— Постараюсь.

— Видите ли, сэр, мистер Джосайя открыто выразил мнение, что коммерческие круги на нашем острове пользуются властью и влиянием, далеко не соответствующими их заслугам.

— Да,— тоже полушепотом ответил Стэнхоп.— Министр национального руководства не скрывает того факта, что он думает именно так. И что же?

— Он также публично заявил, что ради общественного блага нам необходимо установить новое соотношение сил, при котором значение, влияние и почет будут предоставлены тем, кто наиболее способствует благосостоянию государства.

— Ну, правильно, Энди. Так в чем же дело? — В Стэнхопе подымалось раздражение, и молодой Симпсон почувствовал это.

— Дело в том, сэр, что, вероятно, не совсем благоразумно слишком близко общаться с семейством самых влиятельных в стране капиталистов.

— Понятно.

— Не истолкуйте мои слова неправильно, сэр. Я учитываю реальное положение вещей. Если события будут развиваться так, как мы полагаем, то какие-то меры против коммерческих кругов, видимо, неизбежны.

— И правительственному служащему не следует поддерживать связь с представителями этих кругов. Так, Энди?

— Я этого не говорю, сэр...

— А что вы говорите?

— Что мистер Джосайя... и возможно, другие тоже... могут понять это по-своему.

— И подумать, что я выдаю государственные тайны коммерческим кругам?

Стэнхоп молчал, сознавая, что закипающая в нем злость несправедлива — он сам постоянно учил юношу трезво и беспристрастно взвешивать политические перспективы при каждом изменении ситуации, и тот, как видно, хорошо усвоил его уроки.

— Я думаю о ваших интересах, сэр.

Симпсон перешел на строго официальный тон, в котором сквозила холодная отчужденность. Я ведь его обидел, подумал Стэнхоп; он делает то, чему я его учил, и делает это ради меня, а я его обидел.

— У меня с Джоулом Стернингом просто личные отношения, Энди,— мягко заговорил он, стараясь загладить обиду.— Он мой друг, мы дружим много лет. Вы это знаете, милый.

Симпсон пошел к двери, но, открыв ее, нерешительно остановился и взглянул через плечо на Стэнхопа.

— Ну, ладно,— ободряюще сказал Стэнхоп, опускаясь в кресло,— говорите все напрямик, милый.

Черт, я же люблю этого человека, молнией пронеслось у Симпсона в голове.

— Вы говорили мне, сэр, что ни одна сторона жизни честного правительственного служащего, в особенности занимающего высокий пост, не может быть совершенно частной или интимной.

— Неужели я это говорил?

— Да, сэр.

— Благодарю вас, Энди.

Но на этот раз молодой человек сам не пожелал уйти.

— Вы подумаете об этом, правда, сэр?

— Подумаю, Энди. А вы, я полагаю, полностью согласны в этом с Джосайей.

— Да, сэр. И в этом, и во многом другом.— Поколебавшись, он добавил: — Я считаю, что именно он и нужен нашей стране.

И ты знаешь, что я в этом сомневаюсь, сказал про себя Стэнхоп, когда молодой человек вышел за дверь.

Первым приехал министр по социальному обеспечению и проблемам молодежи. Это был маленький человечек шестидесяти пяти лет с кожей цвета красного дерева, много лет пролежавшего под солнцем и дождем. Лицо и голова были слишком велики для легкой мальчишеской фигурки. Одевался он по-юношески и чрезвычайно броско — «шик-блеск», как говорит молодежь: узкие брюки-дудочки с остро заглаженной складкой, остроносые ботинки на высоких каблуках с большими металлическими пряжками, соперничавшими своим блеском с лакированной кожей, пиджак без воротника и лацканов, тесно облегающий верхнюю часть туловища, кремовая шелковая рубашка, галстук в крапинку и огромные запонки с выгравированной монограммой. Волосы он стриг на манер тех бойких молодых людей, которые считались на острове законодателями моды.

Соответственно костюму и своему положению министра, ответственного за молодежь, достопочтенный Ричард Янг старательно подражал залихватским манерам юнцов и так вжился в эту роль, что она стала его второй натурой. Приезжих, которые видели министра впервые, обычно ошеломлял разительный контраст между юношескими манерами, фигурой, одеждой и дряблым старческим лицом Ричарда Янга. Островитяне же принимали своего министра таким, как он есть; любая перемена в нем поразила бы их.

Не успел Янг выйти из машины, как подъехали еще двое. Из первой машины вышел достопочтенный Ральф Смит, высокий, тощий, черный, с малопримечательной внешностью, единственный в кабинете министров, кто был обыкновенным служащим до того, как покойный президент решил сделать его политическим деятелем и министром труда. Он был скромен, прост и считался честнейшим человеком на острове. Покойный президент однажды объявил с трибуны, что Ральф Смит и слово «верность» — равнозначны. С того дня пошел обычай клясться Ральфом Смитом. А так как он был совершенно лишен честолюбия, то даже его коллеги-министры помогали создавать из него образ идеального члена партии.

Из следующей машины показался К. И. Пауэрс, министр общественных работ, почты и телеграфа, очень крупный, ширококостный и сильно разжиревший человек со светло-коричневой кожей. Ходили упорные слухи, будто у достопочтенного Пауэрса в каждом городе на острове есть наложница. Достопочтенный Пауэрс и сам способствовал распространению этих слухов и чрезвычайно ими гордился. Он любил поесть и выпить и окружал себя такими же обжорами и выпивохами. Несколько лет назад возмущенный Макс Джонсон разнес Пауэрса в передовой статье за то, что он свое обжорство и пьянство выставляет напоказ и хвастается многочисленностью произведенного им на свет незаконного потомства. Макс Джонсон заявил, что он вовсе не намеревается отучить министра от его привычек, он только желал бы, чтобы министр перестал делать на глазах у всех то, что большинство из нас делает втихомолку. «Половая распущенность, пристрастие к выпивке и лакомой еде — это человеческие слабости, и большинство людей подвержены им в той или иной мере. Однако большинство людей их стыдится и старается скрыть. Но министр общественных работ не таков! Он выставляет свои слабости напоказ, как почетные медали! И своим примером он развращает нашу молодежь. Не пора ли пресечь это безобразие?»

Покойный президент предпочел пресечь поднятую Джонсоном кампанию. В кратком публичном выступлении он сказал:

— Я вижу, нашей газете захотелось избавиться от моего министра общественных работ. Господин редактор, наверно, не знает, что писать надо не пером, а умом. Я, и только один я, имею право назначать и смещать моих министров. Вы что, забыли нашу конституцию? Ха! Смешно! Скажу вам больше, я люблю нормальных людей и нормальных мужчин, а нормальный мужчина должен любить женщин, любить выпить и поесть. Так что не переводите зря бумагу и чернила. Достопочтенный Пауэрс останется до тех пор, пока я не велю ему уйти.

Возникла недолгая, трехдневная дискуссия. Церковные общины решительно выступили в защиту Макса и газеты; затем поползли слухи, будто народные массы, «маленькие люди» на всем острове обсуждают эту историю в своих маленьких пивных и кабачках. И оказалось, что подавляющее большинство разделяет мнение президента. Достопочтенный Пауэрс, говорили они, нормальный мужчина, а нормальный мужчина должен любить женщин, любить вышивку и хорошую еду. Духовенство потихоньку свернуло дискуссию. Макс Джонсон потерпел поражение. К. И. Пауэрс отпраздновал победу с таким размахом, что через месяц у него случился инфаркт, и оргии пришлось прекратить почти на пять лет. А когда он совершенно поправился, оказалось, что слова его уже не соответствуют поступкам: мистер Пауэрс стал другим человеком.

Янг и Смит подождали Пауэрса и все вместе вошли во дворец. Два вооруженных часовых по обе стороны дверей отдали им честь; за порогом их ждал Эндрю Симпсон, который, поздоровавшись с каждым за руку, провел их в приемную для особо важных лиц. Лакей обнес их сигарами и сигаретами, а хорошенькая официантка в черной с белым форме осведомилась, не угодно ли им чаю, кофе или шоколаду. Старик установил твердое правило — не пить спиртного ни перед заседанием кабинета министров, ни во время заседания. Чтобы смягчить такие испытания, он созывал своих министров по утрам. Но если в экстренных случаях заседания назначались в другое время и кто-то из министров уже успевал пропустить стаканчик-другой, президент смотрел на это сквозь пальцы. В конце концов, в обязанности министра входят и приемы с коктейлями, и прочие светские развлечения. Но что касается утренних заседаний — тут он был строг. Настолько строг, что однажды отменил совещание, почуяв, что от одного из министров сильно попахивает ромом. Министр пытался извернуться, доказывая, что сильно простужен и глотнул немножко рому в медицинских целях. Старик был непреклонен, и министра сняли с его поста на месяц и на пять месяцев лишили права посещать заседания и показываться на глаза президенту. С тех пор все члены кабинета министров, включая пьяниц, накануне заседания не брали в рот ни капли спиртного и ложились спать пораньше. Так было заведено двадцать с лишним лет назад, и если кто-либо из министров был уволен или умирал, то новый, занявший его место, механически усваивал эту привычку.

Ричард Янг буравил взглядом Эндрю Симпсона.

— Угодно вам что-либо еще, господа? — осведомился Симпсон.

— У Стэнхопа все готово? — спросил Янг, выпячивая свою хилую грудку.

Дурак набитый, подумал Симпсон, показывает, какая он большая шишка.

— Разумеется, сэр.

— Надеюсь, остальные не опоздают.

— Они никогда не опаздывают, сэр.

— Хорошо, молодой человек, пока все.

Он выждал, пока Симпсон скроется за дверью, и когда лакей и официантка вышли, быстро наклонился к своим коллегам и зашептал:

— Ну вот, джентльмены. Мы остались без Старика. Конечно, никто его заменить не может, но мы должны выбрать нового главу государства. Если трое из нас сойдутся на какой-нибудь приемлемой кандидатуре, остальным будет трудно возражать. Я думаю, Мэйбл Андерсон примкнет к нам. Я вчера вечером говорил с ней. Стало быть, нас уже четверо; еще не большинство, но группа сильная. Кого вы можете предложить?

— Я вчера разговаривал с премьер-министром,— рокочущим басом заявил Пауэрс.

— Он слишком стар! — отрезал Янг.— И не так хорошо сохранился, как Старик. Выберете его — и через год, а то и полгода мы очутимся опять в таком же положении. И вообще — он растяпа.

— Он сказал, Матиас, Доналдс и Лоуи за него,— продолжал Пауэрс, будто никто его и не перебивал.— Он сказал, что и Мэйбл примкнет к ним.

— Как, он претендует на место президента?! — Янг был взбешен.

— Он этого не говорил,— огрызнулся Пауэрс.

— Но вы же говорите...

— Они сбивают группу, что вы, не понимаете? Я не хочу вас обидеть, Дик,

но вы не хуже меня знаете, что эта группа вас поддерживать не будет. Вы со всеми ними перессорились, особенно с премьер-министром.

— Я выполнял свой долг! Я не мог допустить, чтобы мне вставляли палки в колеса. Старик был за меня.

— Да. Но Старика уже нет, Дик. Слушайте: Матиас мне вчера сказал, что они с Доналдсом готовы поддержать мою кандидатуру, если премьер-министр не пройдет.

— Вашу? — оскорбительным тоном переспросил Янг.

— Да, мою! — разъярился вдруг Пауэрс. Вытаращив глаза и побагровев лицом, он замахал руками и задергал ногами в тщетной попытке подняться из глубокого кресла, ему мешали ярость и толщина.

— Господа! — сказал Ральф Смит.— Ребята!

Пауэрс перестал барахтаться и плюхнулся обратно в кресло.

— Вы и Смитти решайте между собой, кому быть вице-президентом и премьер-министром,— величественно произнес Янг, бойко семеня по комнате.

— Вы!.. Вы!..— задохнулся Пауэрс.

— Так мы ничего не решим,— заявил Смит.— Давайте думать, а не спорить, как всегда говорил Старик.

— Старик дал дуба, Смитти! — рявкнул Пауэрс.— И нечего теперь плести про него небылицы. Он никогда не думал. В том смысле, как вы подразумеваете. Он лез напролом: сначала делал, а потом думал, мы же ходили перед ним на задних лапках и наперебой расхваливали его так называемую интуитивную гениальность. Если где и проявлялась его гениальность, так только в страсти сводить людей к цифрам!

На этот раз вышел из себя маленький Янг. Подлетев к Пауэрсу, он ринулся на него и вцепился наманикюренными ногтями в его бычью шею. Пауэрс тяжело поднялся с кресла и размахнулся левой рукой. Удар пришелся Янгу пониже груди, тщедушный министр отлетел в сторону и рухнул на маленький диванчик. Не попадись ему этот диванчик, он растянулся бы на полу.

— Вы свидетель, Ральф! — завизжал Янг.— Вы слышали, что он сказал! Нашего великого вождя только что опустили в могилу, а он уже грязнит его память! Позор! Вы будете свидетелем, Ральф! Какой из него президент! Погодите, вот я расскажу маленьким людям, что он говорит про человека, которого они считают отцом и основателем государства! Своим спасителем! Своим вождем! Ну погодите, они все узнают! Погодите!

И опять в кресле началось барахтанье, замелькали руки, задергались ноги, но толщина и ярость снова не дали Пауэрсу подняться, и он, громко пыхтя, сдался.

— Заткнись! Мерзкий...— Тут он произнес самое похабное слово, которое мог вспомнить. И, отдуваясь, рухнул обратно.

— Неблагодарный подонок! — визжал Янг.

В приемную быстро вошел Эндрю Симпсон. «Заваруха»,— сообразил он. «Заварухой» на жаргоне острова называлась ссора, которая не переходила в драку. Маленький напыщенный Янг, дрожа, распростерся на диванчике, будто Пауэрс взял его за шиворот и зашвырнул туда. А Пауэрс выглядел так, будто его вот-вот хватит удар. Один Смит был безмятежен. Симпсон мельком подумал, достаточно ли жизни в этом человеке, чтобы хоть что-то могло его взволновать. Но на лице молодого дипломата не отразилось ничего.

— Господа, прошу вас!

Смит начал было что-то говорить, но замолчал — в приемную вошла официантка.

— Небольшой политический спор, юноша,— прорычал, отдуваясь, Пауэрс.— Ничего серьезного.

Девушка обнесла министров чаем и кофе и торопливо вышла. В большом холле и в кабинете начальника протокольного отдела наверху зажужжали зуммеры, извещая о том, что через большие ворота проехала машина кого-то из министров. Жужжание повторилось и стало непрерывным.

Эндрю Симпсон натянуто улыбнулся:

— Похоже, что все уже приехали, господа, а до заседания осталось еще десять минут. Прошу извинить.

Он взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки зараз, промчался по коридору, стукнул в дверь Стэнхопа и, не дожидаясь ответа, вошел.

— Они уже здесь, сэр. И кажется, все до единого.

— Приехали вместе?

— Похоже на то. Дежурный доложил, что ворота заперли.

— Тогда пойдемте вниз,— произнес Стэнхоп, вставая из-за письменного стола. «Ты очень возбужден, молодой человек, словно тебе предстоит увлекательное приключение, но, как все юнцы, ты не испытываешь страха, потому что не подозреваешь об опасностях».

— Янг и Пауэрс чуть не подрались,— доложил Симпсон.

— Из-за преемничества?

— Вероятно, да. Янг уже пробовал держаться со мной как президент. Они, как видно, не понимают, что их время прошло.

— А кто это может понять, Энди?

Когда они спускались по лестнице, Симпсон, как ему было положено по чину, шел на шаг позади государственного секретаря. Янг, Смит и Пауэрс вышли из приемной навстречу своим коллегам.

Он побаивается, подумал Симпсон, заметив негнущуюся походку Стэнхопа и напрягшиеся на шее мускулы. Опустив глаза, он взглянул на его левую руку — она была крепко сжата в кулак. Симпсон почувствовал пугливое любопытство. Черт возьми, подумал молодой человек, он не побаивается, он напуган до смерти! В нем вспыхнуло и разгорелось сомнение. Почему Стэнхоп так боится? Потому что он светлокожий? Служил старому правительству? Боится черных при новом режиме? На Симпсона нахлынуло мучительное разочарование, какое бывает у ученика, когда он впервые обнаруживает, что его учитель — обыкновенный смертный и может ошибаться, что он не всеведущ, не совсем мудрец, не совсем герой. Но министры уже вошли в широкие двери, и сейчас было не до отвлеченных рассуждений, не до переживаний.

Первым вошел премьер-министр, он же министр финансов, достопочтенный Франклин Ф. Фриуэйс.

Послушный штемпель Старика, подумал Эндрю Симпсон. Но нет Старика, и штемпель ни к чему.

Это был высокий, тонкий белый островитянин с благородной внешностью, с приветливым открытым лицом, с огоньком в голубых глазах, искренне и глубоко любивший свой остров и его народ. Говоря об острове и простых крестьянах, он иной раз захлебывался от избытка чувств, и на глаза его набегали слезы.

Пожимая ему руку, Стэнхоп вспомнил, как много лет назад Мозес Джошуа в одном из публичных выступлений объяснял, почему он назначил премьер-министром и министром финансов белого: «Я знаю, что мистер Фриуэйс — белый. У меня, слава богу, глаза на месте! А выбрал я его вот почему. Белому человеку легче договориться с белыми, они его больше уважают и легче поймут, чем черного. А черному легче разговаривать с черными. Я сейчас не говорю, правильно это или нет, хорошо или плохо, я хочу только сказать, что это факт. Не я устроил этот мир, но я должен в нем жить и действовать. Нам нужны деньги, а они есть у белых. Так лучше, чтобы деньги у белых добывал белый. Все наши здешние коммерсанты — белые, и им куда приятнее иметь дело со своим, а не с чернокожим. Ну и пусть с ним договаривается белый, раз нам это выгодно. Белый министр для нас все равно что хороший штемпель!»

Затем вошел министр иностранных дел, маленький, круглый и нудно-рассудительный. Он был чернокожий, и по этой причине Старик назначил его представителем острова на Генеральной Ассамблее, где черных и коричневых гораздо больше, чем белых. Достопочтенному З. К. Матиасу чрезвычайно нравилось быть представителем острова на мировой арене. Он быстро привык к кулуарам Всемирной организации, где его можно было видеть несравненно чаще, чем на острове. И так как Старик, который все вопросы внешней политики решал единолично, ему в этом не препятствовал, никаких трений не возникало.

Потом Стэнхоп пожимал руки входившим один за другим министру внутренних дел М. М. Доналдсу, министру земледелия Д. Дж. Лоуи, министру промышленности доктору У. Р. Мэтью и министру здравоохранения, жилищного строительства и просвещения миссис Мэйбл Андерсон, единственной женщине в кабинете министров. И последним, словно по тщательно продуманному режиссерскому плану, в комнату подчеркнуто скромно проскользнул Джосайя.

Все головы повернулись в его сторону, и на несколько секунд стройный чело-

век с темно-коричневой кожей, в поношенном неприметном костюме как бы вытеснил собою все остальное.

Джосайя казался хрупким, тщедушным и в то же время каким-то длинным. Он был не так уж высок, но с длинными ногами, длинными точеными пальцами и длинным, пропорциональным телом. Пропорциональность нарушало лицо — вытянутое, худое, оно подошло бы человеку по меньшей мере шести футов роста и по сравнению с телом выглядело непомерно большим и даже нелепым. Но ощущение несоразмерности забывалось при первом же взгляде на глаза, близко посаженные, глубоко ушедшие в орбиты, не выражающие ни мыслей, ни чувств, ни настроений. А так как человек по натуре своей — животное стадное, то на собрата, скроенного не совсем по обычной мерке, он глядит с опаской и беспокойством. С таким чувством смотрели министры на Альберта Джосайю, министра национального руководства. Но этому человеку как будто и дела не было до других.

— Господа...— произнес он.

— А, Джосайя! — воскликнул Фриуэйс.— Вы должны отчитаться перед кабинетом. Хорошо, что все обошлось благополучно, однако же... Мы не должны действовать в одиночку, сами понимаете...

— Я что-то не заметил, что мы уже в зале заседаний,— небрежно сказал Джосайя, как бы отмахиваясь от досадного пустяка.

Среди присутствующих пробежал легкий шорох. Они забыли, каков он, этот человек: ведь он единственный, кто осмеливался возражать Старику.

— Так пошли туда,— зычно сказал Пауэрс и направился к лестнице.

— Минуточку! — Фриуэйс, опережая других, быстро подошел к лестнице первым.— Наш покойный вождь всегда требовал, чтобы мы соблюдали порядок старшинства.

— И виляли хвостом,— огрызнулся Пауэрс, понизив, однако, голос.

Фриуэйс предпочел не расслышать этих слов и стал подниматься по лестнице. Остальные последовали за ним в порядке старшинства, установленного Стариком. Шествие замыкал Джосайя, не пожелавший занять свое обычное место позади министра иностранных дел.

Стэнхоп отомкнул дверь, и министры гуськом вошли в зал заседаний. Обычно они разбивались на группки по два-три человека и стояли, пока не входил Старик. Тогда они вытягивались, как по команде «смирно», и ждали, к кому из них первому обратится президент. Тот, кому выпадала эта честь, как правило, получал все или почти все, о чем просил на этом заседании, вызывая зависть у остальных. Сейчас, при входе в длинный зал, все испытывали гнетущее ощущение, что над ними витает тень Старика.

— На этот раз ждать некого,— внезапно охрипшим голосом сказал Фриуэйс.— Занимайте ваши места, господа.— Он взглянул на кресло во главе длинного стола. Перед пустым креслом, как всегда, лежал бювар, карандаши и стоял стакан с холодной водой. Фриуэйс почувствовал, что все ждут, куда он сядет. Он неслышно вздохнул и занял свое обычное место. Кресло во главе стола осталось незанятым.

— Итак, господа... Нам предстоит рассмотреть множество дел...— Стэнхоп сунул руку под крышку стола и включил магнитофон, записывающий каждое слово, произнесенное на заседаниях. Старик завел такой порядок двенадцать лет назад, после того как три уволенных им министра стали разъезжать по стране, представляя в искаженном виде все происходившее на заседаниях кабинета министров. За минувшие годы он дважды приказывал передать по радио то, что говорили на заседаниях кабинета отправленные в отставку министры. И оба раза бывшие члены кабинета оказывались так безнадежно скомпрометированы, что продолжать агитацию против Старика было совершенно бессмысленно.

— Если вы сегодня председательствуете,— сказал Пауэрс,— то первое, что нам нужно решить...

— Никто его председателем не выбирал! — крикнул Янг.

— Я позволю себе напомнить, Дик, что я — старший министр! — заявил Фриуэйс.

— Загляните лучше в конституцию! Там ничего не сказано о том, что в отсутствие президента председателем заседаний кабинета министров автоматически становится премьер-министр. Представительствовать может только вице-президент.

А так как у нас нет вице-президента, то мы должны выбрать председателя, который будет действовать как глава государства до выборов нового президента...

Все вдруг заговорили одновременно, но в конце концов сквозь шум пробился женский голос:

— У меня создалось впечатление, что мы еще не начали заседать и что мистер Пауэрс хочет что-то сказать о порядке ведения нашего заседания. Может, все-таки мы его выслушаем?

— В конституции,— стоял на своем Янг,— специально указано, что никакое собрание не может идти без председателя...

— Предлагаю только одно,— загремел бас Пауэрса.— Начать заседание с отмены записи на магнитофон того, что мы здесь говорим!

— Это решение было проведено законным путем, в рамках дозволенного конституцией,— упорствовал Янг.— И отменить его можно только таким же путем. Вместо того чтобы затыкать мне рот, проверьте свои конституционные права! Не понимаю, как это люди могут претендовать на пост президента республики, если они плохо знакомы даже со своей конституцией!

— Грубо и неуместно!— выкрикнул Фриуэйс, трясясь от злости.— Так может говорить только очень ограниченный человек.

— Господа!..— взмолился Ральф Смит.

И опять все заговорили разом.

— Можно мне сказать? — произнес Джосайя.— Можно мне сказать?

Не повышая голоса, он повторял это снова и снова, пока его коллеги, один за другим, начиная с тех, кто сидел с ним рядом, не стали постепенно умолкать и не обернулись к нему. Когда наступила тишина, Джосайя сказал:

— Мистер Янг прав, утверждая, что мы не должны нарушать конституцию...

Кто-то начал говорить, но Джосайя, чуть повысив голос, твердо продолжил:

— Прошу внимания! Мистер Янг должен знать, что в конституции сказано: в случае крайней необходимости, если ни президент, ни вице-президент не могут воспользоваться своими конституционными полномочиями, эти полномочия переходят к кабинету министров, члены которого должны коллективно, до выборов нового президента, осуществлять управление государством. Стало быть, в течение трех месяцев мы сообща должны взять на себя эти полномочия и всю ответственность. В этот период мы можем распределить между собой обязанности и права кабинета министров. Но конституция требует, чтобы по истечении трехмесячного срока власть была передана избранному главе государства.— Джосайя поглядел через стол на Стэнхопа.— Я прав, господин секретарь?

— Да, сэр.

— А мистер Янг со мной согласен?

Забирает власть в свои руки, подумал Стэнхоп,— тихо, спокойно, без драки.

— Да,— неохотно ответил Янг.— Я как раз собирался указать на эту подробность.

Пауэрс фыркнул.

— Ну, теперь мы можем перейти к вопросу о записи на магнитофон?

— Вы хотите сказать, что мы сейчас не можем выбрать исполняющего обязанности президента? — спросил Фриуэйс. Он был задумчив и озабочен.

Внезапно пустые глаза Джосайи послали приказ Стэнхопу — приказ настолько ясный, будто он был выражен словами. Стэнхоп похолодел; по спине у него побежали мурашки. Он встал.

— Мистер Джосайя хотел сказать, что вам не обязательно выбирать исполняющего обязанности президента; кабинет министров и без того имеет право осуществлять государственную власть.

— То есть мы можем менять председателя на каждом заседании? — осведомился Пауэрс.

— Да, если вы того пожелаете. С другой стороны, если вам угодно, вы можете выбрать исполняющего обязанности президента из числа членов кабинета и на три месяца передать ему права и обязанности президента.

— От этих коллективных правлений никогда не бывает толку,— проворчал Фриуэйс.

— Я решительно против! — подхватил Янг и испугался, поняв, что соглашается со своим соперником.

— Мне бы хотелось выслушать мнение нашего юридического отдела,— сказал Фриуэйс с видом полной обреченности, словно крупный выигрыш уже ускользнул из его рук.

— По-моему, это хорошая мысль,— пробормотал Джосайя, поглядывая на всех сидевших за столом по очереди.

Фриуэйс овладел собой и попытался стереть с лица выражение безнадежности.

— Это нужно сделать сейчас, прямо сейчас! Я считаю, что корабль государства не должен ложиться в дрейф, а это коллективное правление и есть не что иное, как дрейф. Я предлагаю вызвать начальника юридического отдела немедленно!

— Поддерживаю,— негромко сказал Джосайя.

Фриуэйс на мгновение зажмурился, как от сильной оплеухи. Остальные закивали в знак одобрения. Стэнхоп встал и подошел к стоявшему в углу телефону. Быстро распорядившись, он вернулся к столу.

Пауэрс с напряженным любопытством вглядывался в лицо Джосайи.

— Пока он придет, может, мы решим насчет магнитофона?

Все молчали, каждый ждал, пока заговорит кто-нибудь другой. Наконец Джосайя спросил:

— Что вы предлагаете?

— Убрать его! — неистово крикнул Пауэрс.— Меня всегда это возмущало!

— А меня нет,— сказал Янг.— При Старике мы все считали, что так и нужно. Почему мы не возражали тогда, Пауэрс?

— Вы отлично знаете почему! Плевать он хотел на наши возражения! Либо мы молчали, либо Старик вышвыривал нас вон. Вот почему. И давайте не притворяться, будто нам это нравилось!

— Думаю, что некоторым нравилось,— тихо сказал Джосайя.— То, что делал наш покойный президент, было бы невозможно без хотя бы молчаливого одобрения большинства людей, и здесь, в кабинете министров, и во всей стране. Сейчас, когда его нет, легко его поносить, называть угнетателем и диктатором. Думаю, что он был таким потому, что мы ему это позволили, мы все — и кабинет министров, и вся страна. Он был неглуп. Сказать по правде, я даже думаю, что он в своем роде был великим человеком, реалистом, который понимал человеческую натуру и умел ее использовать. И если вы говорите, что он любил власть, так позвольте спросить: зачем мы тут собрались? Что нас привело — не жажда ли власти?

— Значит, вы против того, чтобы выбросить магнитофон?

— Я этого не сказал.

— А я против! — крикнул Янг.

— Я тоже,— сказал Фриуэйс.

Вот и готово, подумал Стэнхоп, вы дали ему одержать первую победу.

— Я присоединяюсь к мистеру Пауэрсу,— мягко произнес Джосайя.

И снова Фриуэйс зажмурился, как от удара. Надежды Фриуэйса и Янга рушились у них на глазах: все остальные, кроме министра земледелия, поддержали предложение выбросить магнитофон, после чего Стэнхоп выключил и снял аппарат.

Пауэрс повернулся к той стороне длинного стола, где сидел Джосайя, и долго смотрел на него, пока не поймал его взгляд; тогда он молча, напрягая всю свою волю, попытался передать ему глазами нечто такое, в чем было и обещание и вопрос. Стэнхоп перехватил его взгляд и подумал, что, кажется, догадывается о его смысле. Джосайя чуть пожал плечами, по губам его скользнула легкая усмешка, он кивнул и небрежно отвернулся. Пауэрс сделал глубокий медленный выдох, как человек, сбросивший с плеч огромную тяжесть.

Наклонившись к сидевшему рядом Ральфу Смиту, он прошептал:

— Я буду поддерживать Джосайю. Он стоит того, и вообще это дело верное.

— Говорят, что...— начал было Смит.

— Я знаю, что говорят,— перебил его Пауэрс,— но народ за него, проиграть он не может.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Итак, джентльмены,— сказал Фриуэйс,— и разумеется, я обращаюсь также и к нашей леди: надеюсь, нам не придется пожалеть об этом.

— Конечно, все, что происходит на наших заседаниях, будет записываться,— вмешалась Мэйбл Андерсон,— но в виде протоколов. Согласитесь, Фриуэйс, как-то

неловко, когда ваш кашель, и чиханье, и стилистические ошибки,— все записывается на пленку, чтобы потом Старик мог издеваться над вами, а в случае надобности — использовать! Я искренне рада, что этой штуки больше не будет!

— Возможно, вы правы,— сказал Фриуэйс, пользуясь выразительными модуляциями своего голоса, чтобы подчеркнуть сомнение.— Но пока мы ждем, быть может, мы займемся вопросом, который я поставил перед мистером Джосайей, когда мы приехали.— Сразу насторожившись, министры обратились в слух.— Все вы помните события, последовавшие сразу же после трагической кончины нашего президента. Сначала сюда были вызваны военные части; затем мистер Джосайя выступал по радио из президентского дворца, обращаясь к народу как лицо, облеченное полномочиями главы государства. В этом выступлении он дал санкцию открыть дворцовые ворота, объявил о допуске скорбящих к телу усопшего и объяснил, когда и где люди могут с ним попрощаться. Мистер Джосайя говорил только от своего имени, даже не упомянув коллег по кабинету министров. Случилось так, что все обошлось благополучно. Но дело не в этом. Дело в том, что мистер Джосайя узурпировал те права, которые, как он сам здесь сказал, в равной мере принадлежат всем нам. Мне внушали, что, если бы он этого не сделал, народное смятение могло бы привести к серьезнейшим нарушениям порядка. Я не уверен, что это так. Не таков наш народ; он не склонен к нарушению законности и к бунтам. Но даже если бы случилось худшее, все равно мистер Джосайя не имел права присваивать себе такие полномочия. А теперь, прежде чем я предложу кабинету вынести соответствующее решение относительно мистера Джосайи, нам, я думаю, следует соблюсти обычный порядок и перейти к обсуждению этого вопроса. Впрочем, с вашего позволения, я скажу, чего, по-моему, заслуживает поступок мистера Джосайи: во имя справедливости его следует лишить портфеля, исключить из кабинета министров и лишить всех политических прав на установленный законом срок как виновного в грубом нарушении конституции. Найдут ли нужным органы правосудия в дальнейшем применить к нему другие меры или нет — это уже вне нашей компетенции. По всей вероятности, мистеру Джосайе пора представить доводы в свою защиту. В заключение хочу отметить, что в моем отношении к этому делу нет ничего личного: не стану утверждать, что взгляды мистера Джосайи мне симпатичны, но государство и конституция важнее, чем я, он или наши симпатии и антипатии.

Фриуэйс откинулся на спинку кресла и ждал; остальные тоже ждали. Ожидание показалось им очень долгим, но когда, наконец, Джосайя заговорил, члены кабинета были поражены его непринужденным, мягким тоном:

— Я не сомневаюсь, что вы поймете меня, если я предпочту подождать, пока не выскажется каждый из вас. Во-первых, если мне, прежде чем я буду отвечать, обрисуют полную картину приписываемых мне преступлений, это сэкономит много времени; мне, вероятно, придется отвечать один раз, а не три, шесть или даже девять. Во-вторых, по закону обвиняемому полагается знать все, в чем его обвиняют. Как знать, быть может, возникнут еще какие-нибудь обвинения. Поэтому я подожду.— И Джосайя, придвинув к себе блокнот и карандаш, стал ждать.

Никто не успел сказать ни слова, потому что раздался звонок, и Стэнхоп поспешил к телефону.

— Старший советник юстиции,— сказал он, обращаясь к министрам.— Пригласить его?

Несколько министров кивнули.

— Пусть войдет,— сказал Стэнхоп в трубку и пошел к дверям. Через полминуты послышался стук, и Стэнхоп впустил юриста.

— Господа министры хотели бы выяснить,— сказал Стэнхоп, стоя рядом с юристом, чтобы немного подбодрить его,— верно ли с точки зрения конституции то, что они могут либо управлять государством коллективно в течение трех месяцев до выборов нового президента либо выбрать из членов кабинета лицо, которое будет исполнять обязанности президента до указанного срока; и если они решат управлять коллективно, могут ли они устанавливать внутренние правила, например, менять председателя на каждом заседании кабинета?

— Все абсолютно верно, господин государственный секретарь. Единственное, чего они не имеют права делать,— это вносить поправки в конституцию.

— То есть, по вашим словам, выходит, что конституция и закон позволяют нам, если мы захотим, по очереди превращаться на неделю в президента?

— Ни конституция, ни закон этого не запрещают, если кабинет примет такое решение.

— Какая нелепость! — взорвался Фриуэйс.

В глазах юриста мелькнул огонек.

— Совершенно верно, сэр.

— Благодарю вас,— сказал Стэнхоп, открывая перед юристом дверь.

— Наш покойный президент, конечно, не допустил бы, чтобы из этого делали комедию. Президент на неделю, подумать только!

— Вероятно, никто этого не допустит,— вставила Мэйбл Андерсон.

— Но законом разрешается! — возразил Фриуэйс.

— Законом много чего разрешается,— устало произнес Пауэрс,— особенно если мы придерживаемся только буквы закона и забываем о его духе. Кстати, насчет дела, о котором вы говорили, господин премьер-министр. Прежде всего, мне не слишком нравятся карательные меры, которые вы предлагаете применить к мистеру Джосайе...

— Я протестую...— начал было Фриуэйс.

— Вас не перебивали,— свирепо огрызнулся Пауэрс.— Не мешайте и мне говорить. Для нас не секрет, что есть люди, которые боятся Джосайю и того, что он представляет, есть такие и за этим столом, и им очень хочется дискредитировать его в глазах общества. Это, конечно, их право, если только они будут действовать честными способами, соблюдать и букву и дух конституции и не искажать в ней ничего ради личных целей. У меня нет корыстных целей. Я ничего не должен ни Джосайе, ни промышленным магнатам, ни крупным землевладельцам или богатым фермерам. Если я завтра уйду от политики, то с голоду не умру. Я служу не личным интересам, а общественному благу, и мне хотелось бы разобраться, по каким мотивам достопочтенный премьер-министр хочет избавиться от мистера Джосайи...

— Я решительно протестую против подобного искажения...

— Да будет вам, какое там искажение! Я требую, чтобы меня не перебивали. Что же, вспомним ту ночь, когда умер Старик. Все знают, что происходило в этом зале. Целых шесть часов Стэнхоп бился с нами, чтобы мы приняли ряд простых и срочных решений. И целых шесть часов мы — будем называть вещи своими именами,— мы тряслись от страха, что из-под нас выбили подпорку, мы боялись действовать. Это записано на пленке! Это помнит Стэнхоп! И я! И все вы тоже! Хотите, Стэнхоп прокрутит нам пленку, и мы послушаем, как каждый из нас что-то блеял? Как мы старались не двигаться, чтобы не показывать наши мокрые задницы...

— Мистер Пауэрс, не выражайтесь,— запротестовала Мэйбл Андерсон.

— Мы ведь решили не...— начал Ричард Янг.

— Да, мы решили убрать магнитофон. Но мы не решали не слушать прежние записи. Нам было бы полезно послушать себя, послушать свои голоса, вспомнить, как мы съежились в крохотные комочки, когда поняли, что остались одни, без подпорки...

— Это ни к чему! — решительно заявил Фриуэйс.

— Очень даже к чему! Это доказывает, что мы были не министрами, а заводными куклами. Вот почему мы так перепугались, когда надо было что-то решать. Не по этой ли причине вы хотите уничтожить Джосайю? Потому что он — единственный, кто не струсил? Или сами метите куда повыше? Ну, если так, то на меня не рассчитывайте. Не желаю больше позориться!

— Это все красивые слова,— сказал Фриуэйс,— а факты есть факты.

— Какие? То, что он действовал самостоятельно? Он исполнял свой долг. Вместе с нами он давал присягу сохранять мир, соблюдать конституцию, поддерживать законное правительство, содействовать благосостоянию и целостности государства. Мы нарушили эту высокую присягу, а он — нет. Он, как и мы, был выбран народом, но мы не сумели поддержать и направить народ, а он сумел. И это считается преступлением?

Стэнхоп вмешался:

— Во избежание недоразумений разрешите мне повторить кабинету министров то, что на другой день после выступления мистера Джосайи по радио я говорил каждому из вас в отдельности — либо по телефону, либо лично. Вы помните, что во время нашего шестичасового совещания вы не пришли ни к каким решениям и что мистер Джосайя оставил письмо, в котором говорилось, что он подчинится любому

решению, принятому большинством его коллег. Вы помните также, как настойчиво я уговаривал вас принять некоторые неотложные решения и как из этого ничего не вышло...

Стэнхоп спокойно и подробно излагал события, предшествовавшие выступлению Джосайи по радио, одновременно стенографически записывая свои слова. Когда он кончил, воцарилось долгое молчание. Затем Фриуэйс спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Ричард Янг откашлялся было, но промолчал.

— Мистер Джосайя?— спокойно произнес Фриуэйс.

— Мне сейчас нечего сказать,— ответил Джосайя.

— Значит, больше никто не хочет говорить? — Фриуэйс переводил глаза с одного лица на другое. Наконец он кивнул: — Видимо, я остался в одиночестве.

Он сразу как-то постарел и осунулся. Поднявшись, он ухватился за стол, чтобы не покачнуться. И вдруг, сам не понимая почему, остро почувствовал, что он единственный белый среди присутствующих.

— С вашего позволения, я пойду куда-нибудь написать прошение об отставке. Тем временем вы можете решить, предавать ли это событие огласке или нет, а я как честный гражданин подчинюсь любому решению правительства моей страны.— Слегка поклонившись, он вышел из зала заседаний.

— Фриуэйс! — испуганно крикнул ему вслед Янг.— Что вы, дружище! Это невозможно!

Но дверь уже захлопнулась, и Янг, обводя глазами своих коллег, недоуменно произнес:

— Просто не верится! Надо его оттоворить!

— Он сам это решил! — раздраженно бросил Пауэрс.

Стэнхоп взглянул через стол на Джосайю. Тот сидел хладнокровно, как ни в чем не бывало, словно шло самое обычное заседание; Старик непременно как-то обыграл бы такую победу, устроил бы из нее шумную потеху, этот же попросту провел спокойную, даже скучную, тщательно разработанную операцию. Старик был, пожалуй, величествен в своей буйной неуемности, даже когда совершал злодеяния или предавался любимому занятию — стараниям сломить человеческий дух. Он творил зло с неким странным обаянием и даже романтичностью.

— Вы его до этого довели своей трусостью! — негодовал Янг.

— Что ж, последуйте его примеру! — заявил Пауэрс.

— Господа! — взывал к ним Смит.

— У нас много дел,— спокойно сказал Джосайя.— Нужно решить множество вопросов. Предлагаю избрать председателя сегодняшнего заседания и составить повестку дня. Дела государства не могут больше ждать.

Матиас, министр иностранных дел, нарушил свое долгое молчание:

— Предлагаю выбрать председателем Джосайю.

— Поддерживаю,— торопливо сказала Мэйбл Андерсон.

Янг пронзительно взглянул на Пауэрса, тот ответил ему насмешливым взглядом. Тогда Янг посмотрел на Смита, который быстро потупил глаза.

— Я предлагаю мистера Пауэрса,— сказал Джосайя.

Операция по плану, подумал Стэнхоп; все застраховано от случайностей.

— Отказываюсь в пользу мистера Джосайи,— поспешил заявить Пауэрс, пока кто-нибудь не поддержал предложение Джосайи.

— Я за Джосайю,— пробормотал Смит.

Остальные, один за другим, быстро отдали свои голоса за Джосайю. Остался один Янг.

— Голосовать следует согласно велению совести,— тихо заметил Джосайя.

Янг поджал губы, передернул плечами и сказал:

— Можно считать, что выборы прошли единогласно. Я люблю хорошую схватку, но когда все кончено, команда должна держаться вместе.

Стэнхоп заметил мелькнувшую на лице Джосайи гримасу отвращения и даже испугался — так это было неожиданно.

Затем Джосайя очень быстро и энергично поднялся, собрал свои бумаги и прошагал к месту во главе стола. Без всяких колебаний он непринужденно уселся в кресло, на котором никто никогда не сидел, кроме Старика. За столом воцарилась

настороженная тишина. Даже Стэнхоп невольно ждал каких-то неожиданностей. Но ничего не произошло, и мало-помалу напряженность рассеялась.

Джосайя взял молоточек и легонько стукнул по столу.

— Объявляю заседание кабинета министров открытым...

Вот, сказал себе Стэнхоп, как легко и незаметно человек приходит к власти, если его зовут Альберт Джосайя и если его жажда власти велика, как сама вселенная.

— Предлагаю отложить все другие дела,— продолжал Джосайя,— и превратить наше заседание в чрезвычайную сессию кабинета министров для пересмотра политической линии и работы каждого министерства сверху донизу. Довольно плыть по течению. Страна нуждается в руководстве и ждет его от нас. Перед нами стоят огромные проблемы, и давно уже пора взяться за их решение. Если вы согласны...

— Отличное предложение,— сказал Пауэрс.— Давайте же возьмемся наконец за преступно заброшенную работу по формированию будущего!

2

— Все прошло как по маслу, в жизни такого не видел,— сказал Стэнхоп.

Слева от него в глубоком удобном кресле сидела непривычно тихая Клара. Справа сидел Джоул, заражавший его тревожной взвинченностью. А прямо под ними, удивительно близко, как звезды в темную ночь, мерцали и переливались огни города, и мельканье автомобильных фар напоминало любовные игры летающих светлячков. Все трое только что закончили изысканный обед с двумя сортами превосходного вина, и сейчас Стэнхоп держал в правой руке рюмку французского коньяка, согревая его теплом своей ладони. На маленьком столике между ним и Джоулом стояли чашки с кофе и большая коробка гаванских сигар.

— Я все-таки не понимаю, что произошло с Фриуэйсом,— нерешительно сказал Джоул и быстро добавил: — Ради бога, Джон, я не собираюсь выпытывать министерские секреты, ты же знаешь.

— Это тоже прошло как по маслу,— ответил Джон.— Причем он ровно ничего для этого не сделал. Он не возражал, не спорил, не защищался и даже не нападал на старого Фриуэйса. Он просто одержал победу над самым сильным противником, и тогда уже все стало на место. И победил он его без слов, без обещаний кому бы то ни было: перекинулся взглядом, вот и все. Похоже на ту ночь, когда умер старый Джошуа. Он удалился, выждал — и все пришло к нему само.

— Это страшно,— прошептала Клара скорее себе, чем другим.

— Но почему отставка? — допытывался Джоул.

— Старый Фриуэйс остался в полном одиночестве, а если никто не поддерживает — другого выхода нет.

— Но...

— Знаю, Джоул. Но прежде чем строго судить остальных, вспомни, что это я позвал его и предложил выступить по радио.

— Только потому, что остальные не желали действовать.

— Ты уверен, что было бы по-другому, если б они и начали действовать?

— Что ты хочешь сказать?

— Сам толком не пойму, но у меня странное чувство, что сейчас никакие наши усилия ничего не могут изменить.

— Нет, мы, конечно, можем повлиять на общие тенденции,— возразил Джоул.— Ты — в правительственном аппарате, я — в деловом мире, а трезвые члены парламента — в политике. Вот почему я считаю, что старый Фриуэйс напрасно подал в отставку.

— Да ведь эта отставка ровно ничего не значит для страны! Вдумайся в факты, Джоул! Кабинет министров впервые заседает через неделю после смерти президента и вырабатывает постановление. В нем сказано, что на чрезвычайной сессии кабинета решено всесторонне пересмотреть политический курс, что необходим радикально новый подход к делам государства и что все эти мероприятия разрабатываются под председательством Джосайи. Затем, как бы между прочим, сообщается, что премьер-министр подал в отставку и что кабинет, действуя коллегиально, принял отставку. И все так называемые «маленькие люди» аплодируют. И вот что я тебе скажу, Джоул: это вовсе не Джосайя придумал официально сообщить об отстав-

ке Фриуэйса. Джосайе на это было наплевать. Он убрал с дороги Фриуэйса и думал лишь о том, как закончить свое дело; а что делать с Фриуэйсом — он предоставил решать другим и присоединился к их решению.

— Можно подумать, что он завладел и вами, Джон,— мягко сказала Клара.

На лице Стэнхопа мелькнула непонятная, тревожная улыбка.

— Я должностное лицо, милая Клара, а он фактически глава государства. Я должен либо служить ему, либо подать в отставку.

— Так подайте в отставку, Джон,— рассмеявшись, поддразнила его Клара.

— Это ровным счетом ничего не изменит,— серьезно ответил Стэнхоп.— Страна примет мой уход с таким же энтузиазмом, как отставку Фриуэйса.

— Я шучу,— быстро сказала Клара, тронув его руку.

— Я думал об этом всерьез, но толку от моей отставки не будет. Идея массового ухода в отставку высших должностных лиц очень заманчива. В конце концов, мы же считаемся главной опорой страны, блюстителями законности и порядка. Но вдумайтесь в эту идею — и вы поймете, что она смехотворна. Вы, империя Айзексов, предоставите мне место с окладом вдвое больше прежнего, и все будут говорить, что вы оплачиваете мои прошлые услуги. А другие правительственные служащие скажут: ему-то можно позволить себе такой жест, он только выиграет, потому что о нем позаботятся богатые друзья. А у нас нет богатых друзей, и мы по уши в долгах, потому что приходится жить не по средствам. Так что...

— Ну, так что же нам делать? — спросил Джоул.

— Не знаю,— ответил Стэнхоп.— Я исполняю свои обязанности, я стараюсь управлять своим аппаратом как можно лучше и делаю все, что в моих силах, чтобы на него не влияли политические осложнения. А что еще делать — я и понятия не имею.

— Знаешь, может быть, мы ошибаемся насчет него,— сказал Джоул.— Он может сделать много хорошего.

— Я в этом уверен. И знаю, что у него самые лучшие намерения. Меня беспокоит, во что это обойдется народу. А платить все равно придется.

— Я говорю о хорошем в другом смысле, Джон.

— Понимаю в каком; но я не разделяю твоих тайных симпатий к радикализму и радикальным решениям.

Джоул вдруг вспыхнул от гнева.

— Ну еще бы!— зло сказал он.— Если бы вы их разделяли — я говорю о твоем классе,— то нам не посадили бы на шею Джосайю! Это вы, цветная элита, белые коммерсанты и плантаторы, буквально вытянули его вашим проклятым ультраконсерватизмом! Неужели ты этого не понимаешь, Джон?

— Успокойся, пожалуйста, — засмеялся Стэнхоп. — Ладно. Мы консервативны. Покажи мне такое место на земле, включая и твои так называемые радикалистские государства, где люди, у которых есть что беречь, не консервативны. Вот вы нажили деньги. Разве желание их сберечь преступно?

— Да! Если мы это делаем так, что восстанавливаем против себя народные массы!

— Ты ведь знаешь, тут я с тобой согласен.

— Нас не может устроить род консерватизма, который заставляет закрывать глаза на чудовищные крайности, существующие в нашей стране.— Джоул указал на маленький столик с кофе, сигарами и коньяком.— На одно это можно прокормить две тамошние семьи,— он махнул рукой в сторону холмов,— в течение двух месяцев.

— Так и отдай это им!— вспылил Стэнхоп.— Только, ради бога, не навязывай мне свои угрызения совести! У меня нет угрызений совести, а только беспокойство за свою страну и ее народ.— И тут же он рассердился на себя за то, что рассердился на Джоула.

Они долго молчали; но это молчание не было ни неловким, ни трудным, потому что они были друзьями, любили друг друга и каждый понимал даже гнев другого.

Через час, провожая Стэнхопа, Джоул с деланной небрежностью сказал:

— Ты прав, Джон, стремление выжить должно иметь какую-то цель. Но даже если цели нет, жизнь все равно продолжается, пусть даже бессмысленная, но продолжается.

Стэнхоп замялся и, тщательно выбирая слова, чтобы они не показались напыщенными, произнес:

— Больше трех столетий моя семья и другие такие же семьи старались приносить своему острову какую-то пользу; они много от него получали, но еще больше отдавали ему. Для нас понятие «служба» очень реально и реален наш народ, с его слабостями и пороками. Мы — те, кто взращивает деревья, прокладывает дороги, строит дома и создает стабильность. Я не говорю, что мы не делали ошибок, что среди нас не было идиотов и негодяев. Но я не могу принять это новое направление, которое хочет начисто отвергнуть прошлое как сплошное зло, которое разожжет ненависть класса к классу и к стабилизирующим силам общества. Я не считаю преступлением принадлежать к старинному буржуазному роду. Я не вижу доблести в том, чтобы внушать бедным зависть к тем, кто богаче их, и обещать, что все, чем владеют другие, будет отнято и роздано беднякам.

— Но ведь разрыв между богачами и бедняками огромен, от этого никуда не денешься.

— Я согласен с тобой, ты знаешь. Но обещать людям луну с неба — это игра с огнем. Быстрых и легких решений тут нет.

— Разве не ваша вина, не вина вашего класса, что люди потеряли в вас веру и пошли за ним?

— Я согласен, что у нас были ошибки.

— Но не согласен с тем, что за них надо расплачиваться.

— А все то хорошее, что мы сделали? Это уже не в счет?

— Об этом спроси Джосайю. Полагаю, он ответит, что вам уже выплачено, и выплачено сверхщедро за время долгого правления Мозеса Джошуа.

— Нынче утром он на что-то в этом роде намекнул,— проговорил Стэнхоп.— Во всяком случае, даже у преступного цветного буржуазного должностного лица вроде меня время в запасе еще есть. Если служение стране есть форма расплаты за преступление, которого я не признаю, я охотно буду расплачиваться, причем начну прямо с завтрашнего утра!-- Вспомнив о предстоящей работе, он явно повеселел и чмокнул Клару в щеку.— Спасибо, дорогая, обед был чудесный, как всегда. Я получил огромное удовольствие и не испытываю по этому поводу ни малейших угрызений совести. Пока, Джоул!

Помахав ему, они стояли и смотрели вслед его машине, пока красные огоньки не скрылись за поворотом извивающейся по холму дороги.

Клара подошла к дому и, поджидая Джоула, остановилась под фонарем, у подъезда. Выходя провожать Стэнхопа, она не накинула шаль, и от ночной прохлады на ее обнаженных плечах выступила гусиная кожа. Она крепко потерла их ладонями. Почти цинически Клара думала о том, какую линию поведения избрать, чтобы вернуть душевную близость с мужем. Она знала, что от этого зависит надежда на будущее счастье. В одном Клара ошиблась — она поверила выдумке, будто время залечивает раны. Ничего оно не залечило. Оно как бог — помогает только тем, кто сам себе помогает. Клара думала, что жизнь под одной крышей и время в конце концов уничтожат разделившую их невидимую стену. И она пассивно ждала четыре года, только однажды попытавшись вызвать в нем ревность. Попытка окончилась полной катастрофой. Он стал еще холоднее, а она, хоть и не была пуританкой, чувствовала себя осквернённой, нечистой. А после вчерашней ночи, после того, как она пришла к нему, будто нищенка, и они спали вместе, она словно бы очистилась. Он не отдал ей ничего, кроме тела, с которым не мог совладать, а такой близости, Клара знала, ему мало. Но сейчас это единственный ключ, который, быть может, отомкнет дверь, ведущую к прежнему блаженству.

Глубоко засунув руки в карманы и опустив голову, Джоул медленно подошел к ней, и Клара почувствовала, как ему не хочется оставаться с ней наедине. Они вошли в дом. Там уже все спали, кроме Джонстона, старого дворецкого,— он дожидался их, чтобы запереть дверь.

— Идите, Джонстон,— сказала она,— мы сами запрем окна и двери.

— Спокойной ночи, мисс Клара, спокойной ночи, масса Джоул.— Старик слегка поклонился и ушел.

Клара ждала, чтобы Джоул взглянул на нее, а когда он взглянул, подумала: он знает, что́ у меня на уме, не все, конечно, но в общем знает. Не дай бог, он подумает, что я навязываюсь,— тогда он отдалится еще больше. Как грустно желать того, кто тебя не хочет.

— Если ты запрешь дверь,— оживленно сказала она,— я приготовлю тебе коктейль.

Он думал: я был уверен, что больше никогда не лягу с ней; эта мысль вызвала в нем возбуждение, смешанное со злостью. Тогда он вспомнил о Марте Ли, и ему стало так покойно, как бывало только с ней.

Он запер двери, задвинул засовы и проверил окна. Клара уже ждала его с коктейлем. За несколько минут она успела переодеться в пеньюар, не скрывавший, а подчеркивавший линии тела,— ни одна женщина не возбуждала Джоула так, как Клара. Он силился ухватиться за освежающие, успокаивающие мысли о Марте, но ничто не могло остановить разливающегося по телу жара.

Это же скотство, яростно твердил себе Джоул, а желание разгоралось все сильнее. Он чувствовал себя виноватым перед Мартой, хотя знал, что, если расскажет ей обо всем, она его простит.

— Извини,— сказал он и быстро скрылся в своей комнате.

Клара ждала. Она догадывалась, зачем он ушел. Физическая близость — только начало, она была в этом уверена, но начало правильное, ей давно следовало бы так сделать, это единственное ее сильное оружие против той бесполой полукитаянки, которая завладела его душой.

Служанка Марты Ли ответила Стернингу, что хозяйка в редакции. Телефонистка в редакции сказала, что она ушла больше часа назад. Он положил трубку, хотел было раздеться, но передумал.

Он ее не нашел, подумала Клара, когда Джоул вернулся в гостиную. И вдруг испугалась, ясно поняв,— она готова мириться с тем, что Джоул любит эту Ли, спит с ней и будет спать с ней и дальше; она, Клара, все равно не уступит его этой женщине. На какую-то секунду ею овладела бескрайняя скорбь.

С неожиданной робостью Клара спросила:

— Ты придешь ко мне сегодня?

Видя ее робость, он ответил:

— Да.

Джон Стэнхоп поставил машину в гараж и медленно обошел кругом огромный дворец, направляясь к главному подъезду. Высоко в ясном, холодном, водянисто-голубом небе стояла яркая луна. Трава похрустывала и пружинила под ногами, мир был объят тишиной и покоем.

Вдруг он заметил, что за ним по пятам безмолвно идет Макс, громадный лабрадор. Был такой период лет семь назад, когда Старик вдруг ненадолго заинтересовался разведением псов этой породы. Макс был первым щенком первой ощенившейся суки, и в порыве щедрости Старик подарил его Стэнхопу, устроив из акта дарения целый спектакль. Теперь от этого недолгого, весьма дорогостоящего и чисто показного увлечения Старика «бессловесными тварями» остался один Макс.

— Ну что, малыш?— Стэнхоп потрепал его по лохматой голове. Пес ответил низким взволнованным урчаньем.

Человек и собака подошли к широким закрытым дверям. Два полицейских часовых лихо вытянулись в струнку.

— Вольно,— сказал Стэнхоп и угостил их сигаретами.

— Министр еще здесь,— предупредил его капрал.

— Да? Который?— спросил Стэнхоп, хотя заранее знал ответ.

— Мистер Джосайя, сэр.

В тени под деревом, ярдах в шестидесяти, Стэнхоп увидел маленькую спортивную машину Джосайи. Он приоткрыл дверь; собака проскользнула в вестибюль дворца. Пожелав часовым спокойной ночи, Стэнхоп вошел внутрь. Неожиданно для себя он вдруг почувствовал, что ему сильно недостает Старика. Быстро взбежав по лестнице, он подошел к кабинету президента и заглянул в открытую дверь.

За огромным столом сидел Джосайя, без пиджака, со съехавшим набок галстуком; три верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, обнажая грудь с гладкой, как у ребенка, кожей без единого волоска. На столе высились груды канцелярских папок, а перед министром лежала пухлая стопка исписанной аккуратным мелким почерком бумаги. Джосайя взглянул на Стэнхопа; глаза его были красны, а лицо осунулось от усталости.

Говорят, он невероятно работоспособен, мелькнуло в голове у Стэнхопа. Усид-

чивый, прилежный, терпеливый работяга. Недаром он получил ученую степень, занимаясь самостоятельно, в одиночку. Быть может, зря мы его не приняли на службу во дворец, когда он шесть лет назад просился сюда.

— А, мистер Стэнхоп.

— Я и не знал, что вы еще здесь,— запросто обратился к нему Стэнхоп и пожалел об этом, увидев вдруг злую искорку в глазах Джосайи.

Джосайя встал и потянулся, расправляя плечи.

— Где вы были?— Тон его был холодно-безразличен.

— В гостях.

— Это я знаю. У кого?

Стэнхоп, ошеломленный, помолчал. Затем решился:

— Господин министр!

— Да, господин секретарь?

— Я обедал у своих друзей, но я, право, не понимаю...

— Вы стыдитесь своих друзей?— прошипел Джосайя.— Вам стыдно назвать их имя?

— Я обедал у Стернингов, но при всем моем уважении к вам, сэр, я не понимаю, какое вам до этого дело.

— Все «ваше уважение» не дает вам права говорить в оскорбительном тоне.

— Я не хотел вас оскорбить, господин министр.

— Верю вам на слово, господин секретарь.

— Да в чем же дело? — не выдержал Стэнхоп; в нем боролись растерянность и злость.

— А вы не знаете?

Вдруг послышалось низкое злобное рычание; собака со вставшей дыбом шерстью уставилась на Джосайю злобно горящими глазами и свирепо обнажила клыки.

— На место, малыш!— скомандовал Стэнхоп. Ему пришлось повторить приказ еще настойчивее, и только тогда Макс послушался и побрел в личные комнаты своего хозяина.

— Ваша собака?

Будто ты не знаешь, сердито подумал Стэнхоп.

— Мне подарил ее президент Джошуа,— сдержанно ответил он и, зная, что это только первая из предстоящих схваток, сказал: — Мои личные знакомства и связи касаются только меня, как и ваши личные связи касаются только вас. Думаю, вам известно, что как лицо должностное я в своем поведении всегда руководствуюсь соответствующими правилами, и могу поручиться, что в моей частной жизни нет ничего недостойного моего официального положения.

— Да, так было раньше,— небрежно сказал Джосайя, как бы давая понять, что он не намерен дискутировать по этому поводу.— Отныне общественная и частная жизнь, официальные и частные связи будут считаться неразделимыми.

— Что это значит? — холодно спросил Стэнхоп.

— Для вас это значит, что вы должны прекратить общение с такими людьми, как Стернинги. Вы — орудие государственной политики, а государство вскоре начнет борьбу с этими людьми.

— Если вы полагаете, что свою частную жизнь я обязан строить по предписанию...— начал было Стэнхоп, но, не выдержав официального тона, продолжал: — Простите, господин министр, но я не могу согласиться, что кто-либо имеет право указывать мне, с кем я должен дружить.— Он дрожал от гнева, и ему было все равно, заметит это Джосайя или нет.

— Меня не интересуют ни ваши привязанности, ни вы сами, мистер Стэнхоп.— Джосайе, казалось, надоел этот разговор.— Я должен работать. Мне нет дела до ваших эмоциональных проблем. Как орудие государственной политики вы прекратите все связи с предпринимательскими кругами или же подадите в отставку.

Будь ты проклят! Будь ты проклят! Будь ты проклят! Стэнхоп изо всех сил старался совладать с гневом.

— Вы не можете насильно принудить меня ни к тому, ни к другому.

— Разве?

— Законным путем — нет.

— Вы, очевидно, забыли, мистер Стэнхоп, что законы создаются выборными представителями народа, а не должностными лицами, даже высшими. Советую вам

пойти к себе и хорошенько об этом поразмыслить.— И, оставив терпеливый наставительный тон, он быстро и резко приказал: — Пусть мне принесут еще кофе! — Круто повернулся, сел за письменный стол и сразу же сосредоточенно принялся за работу, как бы вычеркнув Стэнхопа из своего сознания.

Улегшийся было гнев вспыхнул с новой силой, когда Стэнхоп понял, что Джосайя попросту не замечает его присутствия. Весь дрожа, он с гордо поднятой головой вышел из кабинета. Но, несмотря на душившую его злость, не забыл позвонить в кухню и распорядиться, чтобы человеку, работавшему за столом президента, подали кофе. Потом рухнул в свое любимое кресло, закрыл глаза и, расслабившись, стал ждать, пока остынет гнев и пройдет эта дрожь. Немного погодя он ощутил на левой руке теплое собачье дыхание и открыл глаза. Макс сидел возле кресла, безмолвно моля, чтобы его успокоили и хоть немножко приласкали. Стэнхоп тронул холодный влажный нос пса и потрепал мягкие бархатистые уши.

— Ну ладно, ладно, малыш. Нам он сильно не нравится, правда? Ты держись от него подальше, слышишь? Может, он и животных ненавидит, тогда твое дело плохо. Нет. Не знаю, может быть, я к нему не совсем справедлив. Главное сейчас — не сдаваться. Ну пойдем поищем чего-нибудь погрызть.

Хозяин и собака пошли в маленькую холостяцкую кухню, и оба обрадовались, увидев, что повара из большой дворцовой кухни, где готовилась еда для президента, не забыли прислать обычную порцию костей для собаки. Стэнхоп положил кости перед Максом, но тот не пошевелился, пока хозяин не сказал: «Можно, малыш». Тогда он лизнул хозяину руку и набросился на кости.

Низкое, довольное урчанье Макса, расправлявшегося с костями, немного развеселило и успокоило Стэнхопа. Он забыл и о своей злости, и о человеке, работавшем в кабинете президента. Ему вспомнилась отцовская ферма, где он родился и провел свои детские, самые счастливые, годы. В этом доме на вершине высокого зеленого холма уже не светится ни одно окно; даже в маленькой сторожке на задах дома темно — в деревне ложатся спать рано. И вся земля вокруг тоже затаилась в ночном безмолвии. Странно, почему он сейчас вдруг подумал о ферме — он не вспоминал о ней годами. А до того, как дом опустел, как в нем воцарились темнота и молчание, он проводил там все свое свободное время.

Мы — вымирающее племя, подумал Стэнхоп. И мысленно увидел перед собой не только темный и нежилой дом, в котором родился, но и все другие мрачные и опустевшие дома острова. Вымирали старинные роды, и вместе с ними умирал целый мир, ибо мир — это образ жизни, мышления и видения, умение работать и развлекаться. Все это стало другим, вытеснено иными обычаями и иными ценностями, людей все быстрее относит течением к новым берегам, и заброшенных домов будет все больше, и земля вокруг них зарастет сорняками. Вот что несет с собой человек, сидящий сейчас за письменным столом президента; он заставит мир перемениться, и народ на его стороне. Не человека я ненавижу, и не он меня возмущает, думал Стэнхоп, и даже не перемены, которые в общем-то неизбежны. Ужасно то, что небрежно, без мысли и чувств зачеркивается все, что было ценно и прекрасно и могло бы еще пригодиться. Он думал об этом без горечи, скорее с тоскливым унынием, которое порой охватывает нас при мысли о том, что смерть неизбежна. Но горечи он не испытывал.

Оставив собаку в кухне, Стэнхоп разделся и лег в постель, и только тогда в нем вдруг шевельнулась тревога, да и то лишь на какое-то мгновение. Он уже стал засыпать, как вдруг мозг его пронзила мысль: неужели он хочет от меня избавиться? Но тут же возникла другая мысль: нет, это невозможно. Я возглавляю работу государственного аппарата, и мое положение незыблемо.

Тем временем Джосайя усердно работал, склонившись над огромным письменным столом.

На другом краю города Марта Ли остановила машину перед громадным зданием редакции. Длинный и широкий проспект был тих и пустынен. В обе стороны бесконечно тянулась широкая черная полоса асфальта, в ней, как в зеркале или воде, отражался свет уличных фонарей. Это мой город, сказала она себе. Это мой мир,

моя жизнь. Резко повернувшись, Марта вошла в здание. Лифт поднял ее на последний этаж, в большую комнату отдела хроники, где в боевом порядке застыли столы, пишущие машинки и телефоны. Здесь тоже было пустынно, если не считать ночного редактора, двух помощников и репортера, строчившего заметку. Уборщицы еще не приходили, на полу валялись клочки бумаги, а корзинки для мусора были набиты обрывками газет и пустыми пачками из-под сигарет. В конце помещения стеклянные перегородки отделяли с полдюжины кабинок для редактора и старших сотрудников отдела. Марта вошла в кабинку, на двери которой значилось: «М. Ли».

Из ее пишущей машинки торчал листок бумаги, на котором было напечатано: «Зайдите к редактору!» — но Марта прежде всего просмотрела стопку записок, сообщавших, кто ей звонил, и увидела фамилию Джоула. Марта взглянула на часы — было больше половины первого; судя по времени, проставленному на записке, Джоул звонил час назад. Она взяла телефонную трубку, чуть поколебалась, затем быстро набрала его домашний номер. Послышался гудок, потом второй, и Марта бросила трубку, будто она жгла ей руку, и, откинувшись на спинку стула, заставила себя успокоиться. Из остальных записок ее интересовала только одна — с именем Эндрю Симпсона. Он звонил почти два часа назад и оставил номер, по которому просил позвонить, когда она вернется. Марта набрала номер и, когда на том конце провода сняли трубку, поняла, что там веселятся вовсю. Сквозь шум и крики она услышала оживленный голос Симпсона:

— Алло?

— Это Марта Ли, — сказала она, слегка повышая голос.

— А, мисс Ли! Наконец-то! Я звонил вам. Думал, может, вы захотите встретиться кое с кем из главных сторонников Джосайи... на одном скромном празднестве.

— Я бы не отказалась, но ведь уже очень поздно!

— Для нас-то не поздно. Это недалеко от вашего дома, я с удовольствием заеду за вами, а потом доставлю обратно. Мне думается, вам не следует упускать такой случай.

— Хорошо, Энди.

— Буду у вас через десять минут.

— Нет, я еще в редакции...

— Так я подъеду в редакцию.

— Нет, лучше все-таки заезжайте ко мне домой минут через сорок, если только ваше празднество еще не кончится.

— Прекрасно, я за вами заеду,— весело сказал Симпсон и повесил трубку.

Марта зашла в кабинку Макса Джонсона, чуть более просторную, чем другие, и села, ожидая, пока он кончит печатать передовую сегодняшнего номера — это был последний материал, который оставалось сделать, прежде чем газета уйдет в типографию. Кончив, Джонсон передал написанное Марте. Она прочла и предложила кое-что исправить и дописать. Обсудив ее предложения, несколько абзацев они переписали вместе. В окончательном варианте статья выглядела так:

«Специальная редакционная статья на первую полосу:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

С тех пор как стало известно об уходе достопочтенного Ф. Ф. Фриуэйса с поста премьер-министра и министра финансов, а также о том, что кабинет министров собрался на чрезвычайное заседание для пересмотра всех аспектов политики правительства, в финансовых и деловых кругах наблюдается тревога и беспокойство. Это вполне понятно. Люди, тесно связавшие себя с нашей страной, будь то коммерсанты, владельцы предприятий или зарубежные инвеститоры, естественно, обеспокоены тем, что новая политическая линия правительства может всерьез затронуть их интересы. Но поскольку наш остров находится в большой зависимости от иностранных капиталовложений, мы целиком и полностью согласны с теми, кто считает, что нельзя допустить, чтобы было подорвано доверие иностранных инвеститоров к стабильности нашей страны и здравому смыслу ее руководителей и народа.

Именно потому, что мы поддерживаем эту точку зрения, мы публикуем настоящее предупреждение некоторым представителям наших торговых и деловых кругов, а также зарубежных компаний. Беспочвенные и панические слухи, распускаемые ими, в той же мере подрывают доверие иностранных инвеститоров, как и слухи, ис-

ходящие от любой другой группы населения. Более того, мы осмеливаемся утверждать, что панические слухи, исходящие от них, гораздо более опасны, чем если б они исходили из любых других кругов, ибо иностранные инвесторы придают значительно больше веса словам предпринимателей. Разговоры о диктатуре, о представителях деловых кругов, которые якобы упаковывают чемоданы и покидают остров, о нарушениях законности и порядка опасны, вводят народ в заблуждение и рассчитаны на распространение тревоги и смятения. Поступать так сразу же после кончины нашего президента — значит оказывать стране весьма дурную услугу.

Обстоятельства отставки мистера Фриуэйса совершенно ясны. Когда нами было получено правительственное заявление, мы сразу же связались с мистером Фриуэйсом и попросили его прокомментировать это заявление, добавить что-либо к нему или опровергнуть его. В этом выпуске мы публикуем само заявление и комментарии к нему мистера Фриуэйса. Всякий, кто полагает, что отставка мистера Фриуэйса произошла в результате какого-либо давления, намеренно искажает факты. Мы требуем от тех, кто развязал эту кампанию слухов, немедленно прекратить ее!

Девять человек, составляющие сейчас кабинет министров, который управляет страной, являются избранниками народа. Они несут ответственность перед всеми жителями острова, а не перед какой-либо отдельной группировкой. Только они имеют право управлять. Этим правом их наделила свободно выраженная воля народа. Эти девять (поскольку мистер Фриуэйс добровольно пожелал подать в отставку) двадцать четыре часа назад приняли на свои плечи полную меру ответственности. Мы требуем, особенно от наших коммерсантов, предпринимателей и представителей иностранного капитала, дать им возможность спокойно продолжать работу. Мы вовсе не считаем, что свои интересы не надо отстаивать, но мы строго предупреждаем, что панические слухи и позиция, занятая частью деловых кругов, более опасны для острова, чем то, чего они страшатся. Уважение к стране и ее народу, как со стороны местных жителей, так и со стороны иностранцев, выражается прежде всего в уважении к избранному народом правительству этой страны».

Макс Джонсон позвонил в печатный цех, сообщил, что досылка уже готова, и невесело усмехнулся.

— Думаешь, до них дойдет? — спросил он.

Марта пожала плечами:

— Нет, если сегодняшние события хоть что-то значат. Мне кажется, они уговорили старого Фриуэйса выступить кандидатом на президентский пост от деловых кругов.

— Не может быть! — простонал Джонсон.

— И все-таки это так. Божественное право управлять и все такое. Прямо ничего сказано не было, но я почувствовала. Старик Фриуэйс делает несчастное лицо всякий раз, когда при нем намекают на скрытый белый шовинизм, который якобы растет.

— А эти наши местные? Айзексовская шайка и прочие?

— Не представлены. Ни евреи, ни сирийцы и прочие арабы...

— Но, уж конечно, старик Фриуэйс...

— Он и сам не знает, что из этого выйдет, Макс. Он — орудие в их руках. Он обижен и разочарован, а таких всегда легко использовать.

— Дай бог, чтобы его кто-нибудь вытянул из этого клубка,— пробормотал Максуэл Джонсон, поднимаясь. — Пойдем, угощу тебя стаканчиком.

— Прости, но молодой Симпсон собирается познакомить меня с какими-то сторонниками Джосайи.

— В такой час?

— Ему, кажется, все равно. Так что ты, вероятно, завтра меня не увидишь.

— Ладно, только позванивай, если будешь не дома. Наверно, завтра мне предстоит стычка с кем-нибудь из наших уважаемых директоров по поводу нового лидера.

— Ну, они слишком напуганы и растеряны, чтобы хамить.

Он кивнул:

— Что слышно нового о Джосайе?

— Ничего. Он не показывался после чрезвычайного заседания кабинета. Видела Пауэрса — довольный, как жирный кот, но из него слова не вытянешь. Надеюсь что-нибудь разузнать у Симпсона.

— Малый делает карьеру?

— Да, и он того заслуживает. Он очень способный мальчик.

— И очень озлобленный,— сухо пробормотал Джонсон и, чуть помедлив, добавил: — Так, по крайней мере, говорят.

Тебя не проведешь, подумала Марта и сказала с холодком отчужденности в голосе:

— Не без причины, братец мой, не без причины.

Джонсон отвернулся, схватил со стола статью и сунул появившемуся в дверях курьеру. Подождав, пока курьер уйдет, он, не глядя на Марту, сказал:

— Думаю, важно было бы знать, какова сейчас позиция Айзексов.

— Ты собираешься поручить это мне?

— Да! — отрезал он с внезапным раздражением.

Странная усмешка скользнула по ее лицу. На нашем острове все очень быстро сводится к личным отношениям. Наверно, это какой-то африканский атавизм. И пусть ты родился не здесь и принадлежишь к иной культуре, но и тебя это захватило, Макс Джонсон.

— Слушаюсь, сэр! — сказала она с добродушной насмешкой, вышла из кабинки Джонсона и направилась через опустевший отдел хроники к лифту. Не успела она отъехать от редакции, как заработали печатные машины, и ровный гул разогнал тишину безлюдного проспекта.

Когда Марта Ли добралась до дома, автомобиль Эндрю Симпсона уже стоял у ворот. Марта поставила свою машину в гараж и забежала на несколько минут домой, чтобы привести себя в порядок и сменить блузку и юбку на брюки и свой любимый китайский жакет с высоким воротником и большими карманами. Из записки, оставленной у телефона, она поняла, что, прежде чем позвонить в редакцию, Джоул звонил ей домой. Должно быть, что-то важное; у нее появилось искушение тотчас же позвонить ему, но она пересилила себя — шел второй час ночи. Ей пришло в голову, что, может быть, сейчас он не один, но она отмахнулась от этой мысли, как от назойливой мухи, и вышла к машине Симпсона.

— Надеюсь, вы не очень долго ждете?

— Порядочно, но это пустяки. — Тронув машину, он бросил на нее быстрый взгляд. — Я рад, что вы все-таки выбрались. Я... мы знаем, у вас был трудный день.

Почему вдруг он меня благодарит? — подумала Марта.

— Вы сказали — небольшое празднество сторонников Джосайи. По какому поводу?

— Скоро узнаете. Видите ли, вас приглашают лично, а не как журналистку.

— Минутку, Энди. Если вы намекаете на то, что я не смогу использовать материал, который получу на вашей вечеринке, можете повернуть обратно... Вы могли бы и сами об этом догадаться.

— Простите, я недостаточно ясно выразился. Мы вовсе не собираемся в чем-либо вас ограничивать. Просто хочется, чтобы вы знали: вас пригласили вовсе не потому, что вы связаны с газетой; по правде говоря, сейчас нам как раз не хотелось бы гласности. Впрочем, это на ваше усмотрение.

— Кто это «мы»? — Жаль, что она не могла видеть его лица. В Симпсоне появилось нечто новое, какая-то серьезность, и ей захотелось заглянуть в его глаза и прочесть в них, что это значит.

— Увидите сами,— мягко сказал он.

Они ехали молча минут десять, затем Симпсон свернул в ворота дома, принадлежавшего одному из видных, но второстепенных правительственных чиновников, человеку, с которым Марта была знакома. По обеим сторонам улицы стояли машины — обычный признак того, что в доме веселье в самом разгаре.

Выйдя из машины, Марта сразу увидела гостей и многих узнала. Это были главным образом высокопоставленные чиновники, занимавшие ключевые посты в государственной администрации острова. Подавляющее большинство из них были темнокожие. На этом однообразном темном фоне то здесь, то там выделялось светло-коричневое или белое лицо — «будто плевки на лице реки», как однажды выразился любимый поэт Марты гаитянец Жак Румен. Но, пожалуй, самым удивительным показалась ей спокойная, трезвая атмосфера на этом вечере. Шел второй час ночи, подавалось спиртное, но никто не был даже навеселе, не говоря уж пьян. Гости стояли или сидели группками в доме, на веранде, на лужайке, в саду и разговаривали о чем-то серьезном, спорили, обменивались мыслями.

Эти люди чуть-чуть не дотянули до элиты, подумала Марта. Люди, по своим способностям и образованию достойные того, чтобы стать элитой, но из-за цвета кожи, из-за того, что учились не в тех школах и не имеют нужных связей, они остались за дверями; их ставят на высокие посты, им хорошо платят, но они сознают, что, если бы не черная кожа, они были бы выше тех, кто стоит над ними, потому что они гораздо одареннее.

Стоявший рядом молодой Симпсон, как бы подслушав ее мысли, сказал ей на ухо:

— Как видите, вовсе не та буйная, безответственная и жаждущая разрушения банда, какой считают сторонников Джосайи.

— О, нет! — согласилась Марта и стремительно обернулась к Симпсону, заглянув ему в лицо. — Но это люди, которые рвутся к власти не для того, чтобы что-то улучшить, а для того, чтобы стать новой элитой, заменить нынешнюю светлокожую политическую и социальную верхушку темнокожей. Вопрос в том, есть ли им вообще дело до народа?

Лицо Симпсона осветила ослепительная улыбка.

— Полагаю, что есть, но не это важно. Важно изменить соотношение сил и распределение власти.

— И тогда все проблемы решатся сами собой, Энди?

— Это необходимо для начала. Без этого ничего не выйдет.

— Вы говорите так, словно мы стоим на пороге нового летосчисления: до сих пор не было вообще ничего, а теперь все начнется с Джосайи.

— В общем, так оно и есть. Это наше начало.

— Энди, мне все-таки хочется опять спросить вас. Кто эти «мы», о которых вы все время говорите?

Он повел ее к устроенному на открытом воздухе бару, мимо группы великолепно одетых молодых чернокожих красавиц. Женщины прервали оживленную беседу, обернулись к ним и проводили Марту холодным, критическим взглядом. Несмотря на всю свою самоуверенность, под этими взглядами она почувствовала себя не в своей тарелке. Энди Симпсон взял ее под руку, остановился и, повернувшись к женщинам, представил: — Это мисс Марта Ли из «Голоса Острова». — Холодность мгновенно исчезла, женщины обнажили зубы в сияющих улыбках и одна за другой стали протягивать Марте руки. Едва только Марта и Энди отошли, как дамская группа распалась, женщины стали переходить к другим группам, сообщая, что дурно одетая особа, пришедшая с Энди Симпсоном, оказалась знаменитой Мартой Ли, политическим обозревателем. Какая-то женщина припомнила, что у Марты Ли связь с тем еврейским коммерсантом, и это известие тоже стало переходить из уст в уста.

Возле импровизированного бара Марта, приняв от Энди ром с водой, сказала:

— Спасибо, что спасли. Еще немного — и я замерзла бы от их взглядов.

— Так вот о том, кто это «мы». — Энди задумчиво улыбнулся. — В сущности, все собравшиеся здесь.

— И я?

— Конечно, если только вы сами не чувствуете себя чужой.

— А что с вашим другом и наставником Джоном Стэнхопом?

— Он ведь островитянин, не так ли?

— Понимаю. А я подумала...

— Мы не расисты, мисс Ли. Не надо об этом забывать. Но мы против того, чтобы навечно сохранить существующее положение, при котором крошечное меньшинство белых занимает все ключевые позиции, дающие реальную власть над островом.

— А я-то думала, что реальная власть в руках народа!

— Который триста лет и даже больше сбивали с толку, запутывали, неверно учили. Который заставляли голосовать с помощью замусоленных бумажек в пять шиллингов, который во время выборов спаивали ромом и угощали козлятиной с острой приправой. Со временем народ понял, что его так называемая «реальная власть», право голоса — это фикция, поскольку лидеров, людей, которых избрали, могут купить и продать те, кто сидит на деньгах.

— Да бросьте, Энди! — запротестовала Марта. — Это же дешевая агитация!

— Да, я знаю, это звучит грубовато, но вы не хуже меня знаете, что так было на самом деле. Я, быть может, только чуть-чуть сгустил краски. И если вы скажете, что не все так поступали, я соглашусь, но в свою очередь задам вам вопрос: почему

же, несмотря на всех порядочных людей, которые, по-вашему, существуют, у нас такое неравенство, такая огромная пропасть между имущими и неимущими, почему белые, составляющие меньше пяти процентов населения, забрали в свои руки почти девяносто процентов всех наших богатств?

— Не слишом ли просто решаете вы, кто хорош, а кто плох?

— Ну вот, опять вам чудится расизм. А я просто констатирую факты.

— Приправленные обвинениями, которые легко могут перейти в озлобление и ненависть и не принесут ни капли добра вашему и моему народу. Меня тревожит ваша отправная точка, Энди!

Энди Симпсон слегка расставил ноги и чуть наклонился вперед, как человек, собирающийся сделать какое-то физическое усилие. Застенчивая, нерешительная улыбка сделала его лицо совсем юным, почти мальчишеским. Такой молодой, подумала Марта, такой чувствительный, знающий, что такое сострадание. Ты нравишься мне, молодой Симпсон, и я боюсь даже думать о том, что они могут с тобой сделать. Им, кажется, позарез нужны такие чистые и прямые мальчики, как ты, этим строителям нового мира.

Внутренний порыв Марты подействовал на Симпсона, он потерял мысль, начавшую было медленно облекаться в слова,— его неожиданно обволокла тревожная, будоражащая нежность, исходившая из глаз этой женщины.

— Что это? — невольно воскликнул он.

Марта улыбнулась, и колдовство исчезло, словно и возникло оно лишь в его воображении.

— Тени,— спокойно сказала Марта.— Просто тени, Энди.

И он понял: что-то все-таки было, и это не просто игра его воображения. На какое-то мгновенье, не произнеся ни слова, он и эта женщина стали близки, стали почти любовниками. И вдруг у него мелькнула неожиданная мысль: «Если б эта Марта Ли была моложе лет на двадцать...» А потом к Энди Симпсону пришла спокойная убежденность, что отныне, после того, что между ними сейчас произошло, он всегда будет немножко влюблен в эту женщину, которая настолько старше его, что он даже не решится сказать ей об этом.

Марта легонько положила ладонь на его руку выше локтя — на секунду, не больше. Он посмотрел ей в глаза и понял, что она знает, о чем он сейчас думал. И под его взглядом она опять превратилась в спокойного, рассудительного аналитика Марту Ли из газеты «Голос Острова».

— Вы хотели что-то сказать,— произнесла она.

— Забыл,— ответил он, зная, что легко может вспомнить, но не желая этого.— Потом вспомню.

Высокий, болезненного вида, темнокожий человек направился в их сторону. На нем был костюм светлых, пастельных тонов, скроенный по последней моде лондонского Мейфэра. Он дымил дорогой сигарой, вставленной в мундштук из слоновой кости; каждый его шаг казался новым открытием в искусстве передвижения. Энди Симпсон изобразил на лице дипломатическую улыбку и энергично потряс руку подошедшего гостя.

— Как приятно встретиться снова! Вы знакомы с мисс Мартой Ли из «Голоса Острова»?

— Не-ет,— протянул гость,— но давно мечтаю познакомиться.

Он подал Марте вялую руку и склонил голову набок.

— Так сказать, собрат по перу, хотя главным образом я пишу книги. Небольшие поездки в роли специального корреспондента даже полезны — дисциплина, знаете, и не отрываешься от жизни... Мой редактор дал мне письмо к вашему, только я никак не соберусь к нему зайти. Сведущие люди на Флит-стрит и в вашем посольстве превозносят вас до небес. Все говорят, чтоб узнать остров, надо познакомиться с Мартой Ли. Они забывают, что я сам родом с этого острова,— наверно, потому, что, по мнению авторитетной критики, я пишу об их народе лучше, чем их собственные писатели. И что за чушь, в самом деле, считать, будто я — карибский писатель и меня волнуют только узкие интересы моего острова и его народа! Я, кажется, ясно дал понять, какой это вздор. В такой поездке, как эта, можно обойтись и публицистикой. Ни один остров не стоит больше двух-трех очерков, но, само собой, они должны быть написаны первоклассно. А уж если писать книгу, то надо сделать ее позанятнее — какой-нибудь смешной экзотический романчик под жарким солнцем, чтоб

поуморительней описать и остров и островитян. Английская критика обожает такие штучки. Глядите, какой успех у этого... как его... забыл его имя... Хотя, честно говоря, дорогая, я не в восторге от его книги. Мне она показалась неинтересной, слава богу, что там хоть описывается не наш остров — не забывайте, что я люблю его, как-никак родился здесь, хотя теперь я англичанин и паспорт у меня английский... Знаете что, давайте завтра пообедаем вместе и обо всем поговорим, ладно, дорогая? Я остановился в «Империале», номер триста тридцать три, завтра я буду свободен после двенадцати, если только меня не задержат в министерстве, хотя я предупреждал, что эту часть программы хочу урезать до минимума и буду встречаться только с влиятельными лицами, сами понимаете. Хочется немножко помочь острову, а то у нас, знаете, ходят такие слухи, что...

Марта Ли издала сдавленный гортанный звук: Энди Симпсон видел, что она вот-вот взорвется, и, схватив писателя под руку, потащил его в сторону.

— Тут есть одно очень влиятельное лицо, вы обязательно должны с ним познакомиться, мистер Мастеринг, это один из тех, кто...— торопливо заговорил он.

Марта обернулась и умоляюще взглянула на молодого человека, дежурившего за стойкой импровизированного бара.

— Ради бога, дайте чего-нибудь покрепче!

Юный бармен подал ей бокал, глаза его смеялись.

— Он и в самом деле наш?

— Он здесь родился,— ответила Марта.— Но наш ли — не знаю.

— Одно можно сказать наверняка,— заметил бармен.— Трепаться он научился не здесь.

— Это уж точно,— согласилась Марта и сразу почувствовала себя спокойнее, но тут же ее кольнула еще одна неприятная мысль. Протянув бармену стакан, чтобы он налил еще, Марта сказала: — Знаете что, пока я не побывала в Англии, у меня было совершенно неверное представление об англичанах. Мне казалось, все они властные, богатые, грубые и все с предрассудками, потому что здесь они были именно такими. А когда я увидела их у себя, в Англии, я поняла, что они самые обыкновенные, нормальные люди, вроде нас.

Бармен кивнул:

— И теперь вы боитесь, что они судят о нас по таким, как этот тип?

— Да, пожалуй...

— Верно, мэм, это неприятно! А предрассудки — страшная штука...— Он повернулся к подошедшей группе веселых молодых людей.

Энди Симпсон вернулся один.

— Это был великий Мартин Мастеринг, наш подарок английской беллетристике. Беда в том, что его книга — одна-единственная — совсем не дурна. Вы читали?

— Нет.

— Прочтите обязательно. Там старая тема «туземцы и их диковинные обычаи» повернута совершенно неожиданно. «Туземцы» в его книге — англичане, среди них поселяется чернокожий антрополог из некой страны, изучает их обычаи, привычки и верования, чтобы написать книгу. В результате получился такой смешной пасквиль на англичан, какого я в жизни не читал. Правда, сейчас, когда я с ним познакомился поближе, я подозреваю, что это вышло у него нечаянно.

— А зачем он сюда явился? Кто его послал корреспондентом?

— Лондон как будто относится к Джосайе почти так же, как наши коммерсанты, и Мастеринга послали разузнать, насколько мы близки к диктатуре.

— Ну, и какое у него впечатление?

— Неважное. Слишком много шума, слишком много собак и детей, улицы грязны, люди непунктуальны, солнце слишком жаркое, сервис плохой...

— Не подпускайте его ко мне,— предупредила Марта.

— Но он «во что бы то ни стало должен встретиться» с вами и вашим редактором,— передразнил его Энди.— «Собрат по перу», вы же понимаете.

Марта совсем не по-дамски хмыкнула и тихо, но отчетливо произнесла весьма популярное на острове словечко. Симпсон отшатнулся в притворном ужасе; один из молодых людей, выпивавших у стойки, укоризненно пробормотал:

— Эх, леди, леди!

Среди разбившихся на группы гостей началось какое-то движение, и все устремились к веранде, выходившей на улицу.

— Вот, кажется, тот, кого мы ждали! — Симпсон взял Марту за локоть и повел вслед за толпой гостей.

— Джосайя?

— Да!

На сей раз он приехал в одном из дворцовых лимузинов, который вел шофер. Стоянка для машин располагалась прямо рядом с домом, и когда большой черный автомобиль остановился, Джосайя сразу поднялся на веранду, где его немедленно обступили гости. Все хотели пожать ему руку, но при этом соблюдали порядок, не толкались и не напирали друг на друга.

Симпсон пробирался сквозь толпу, легонько подталкивая вперед Марту. Его узнавали, расступались перед ним, и, очутившись вскоре на веранде, Марта совсем близко увидела усталое, осунувшееся лицо Джосайи. Глаза его были красны, и, казалось, ему стоит большого труда подымать припухшие веки.

— Извините меня,— сказал Симпсон Марте и подошел к министру поближе. Джосайя, заметив его, оживился.

— А, Энди!

Симпсон вполголоса произнес:

— Она здесь, сэр.

— Молодец! — Джосайя поднял руку и похлопал его по плечу; он был значительно ниже ростом, чем Симпсон.— Приведи ее ко мне.

Неподалеку Симпсон увидел писателя Мартина Мастеринга, энергично прокладывавшего себе путь в толпе гостей, и что-то шепнул одному из дюжих молодых людей, как бы случайно образовавших полукруг возле Джосайи. Тот нырнул в толпу и, бросая несколько кратких слов то одному, то другому, направился к писателю. Мастеринг неожиданно обнаружил, что при каждой попытке пробиться вперед ему преграждают путь недружелюбные и даже враждебные люди. Дюжий малый, наконец, очутился рядом с ним, что-то сказал, и писатель оставил всякие попытки пробиться к Джосайе.

Джосайя поднял обе руки над головой, и все вокруг замолкли.

— Друзья мои, братья и сестры,— сказал он.— Нам незачем произносить друг перед другом речи. Мы с вами понимаем, что я имею в виду, когда говорю, что нам пора начинать большую работу. Не понимают только те, кому и не следует понимать.— Сделав многозначительную паузу, он улыбнулся.— Но когда будет нужно, поймут и они. Я приехал побыть с вами, хотя бы недолго, чтобы вы почувствовали: наша сплоченность — главная сила, которая поможет нам совершить то, что должно совершиться. Вы вернетесь на свои места и продолжите свою работу, потому что единственное, что нас вознаградит,— это еще более упорная работа. Вам предстоит услышать много такого, что подвергнет испытанию вашу веру и вашу силу; вам будут говорить о диктатуре, о тирании, о неминуемом крахе, и вы тогда вспомните, как долго мы ждали минуты, когда можно будет начать наше дело, трудное дело, до завершения которого, быть может, никто из нас не доживет.

Он наклонил голову, словно читая молитву, затем поднял глаза на всех и улыбнулся.

Никто не зааплодировал. В этом есть что-то религиозное, подумала Марта, ощущая атмосферу мистического самопожертвования. Раввин, проповедник никогда не ждет внешних знаков одобрения от своих единоверцев, они ему не аплодируют; все это внутри, не видимо глазу, но ощутимо.

Она вдруг осознала, что Симпсон снова рядом и что-то говорит ей.

— Он хочет вас видеть.

— Меня? Джосайя?

— Да. Идемте.

К ней обернулось множество лиц, чьи-то руки услужливо подталкивали ее вперед, все глаза смотрели на нее ласково — еще бы, вождь обратил на нее внимание! И вот наконец она очутилась перед ним. Марта была знакома с Джосайей, не раз встречалась с ним, разговаривала и отбивалась от него точно так же, как от других политиков, когда он пробовал внушать свои идеи и использовать ее положение в газете. Но тогда он был хоть и выдающимся политиком, но все же одним из многих, теперь же он стал центральной фигурой, в нем появилась спокойная уверенность, и, казалось, он вырос даже духовно. Действительно ли он изменился, стал более значительным? Или она сама,

знал, что он вошел в силу, наделила его новыми качествами? Ведь так иногда самый обыкновенный и неприметный юнец, надев блестящий мундир, начинает казаться красивым и храбрым.

Он улыбнулся, как будто догадавшись, о чем она думает.

— Очень мило, что вы пришли,— проговорил он.

— Для меня это большое удовольствие, господин министр.— Она знала, что обмен светскими любезностями всегда давался ему с трудом.

— Пойдемте в комнаты.— Он сделал знак Симпсону, и они втроем вошли в гостиную; за ними не последовал никто. В гостиной Джосайя неожиданно остановился и, повернувшись к Марте, сказал:

— Я читал вашу передовую.

Марта на секунду опешила, затем, что-то сообразив, воскликнула:

— Но этого не может быть!

Он усмехнулся и взглянул на Симпсона:

— Я получил ее примерно в ту минуту, когда Энди подъехал к вашему дому. О, я не стал тратить времени, чтобы узнать, как она ко мне попала.

Марта почувствовала холодок внутри и насторожилась.

— И не я один, мисс Ли,— продолжал Джосайя.— Копия есть у председателя вашего правления и у вашего приятеля в айзексовском клане. По крайней мере, мне известно, что копии были им посланы, а читали они их или нет, этого уж я знать не могу. Не надо сердиться и считать меня подлецом — я поступаю так же, как и мои враги, чтобы находиться в курсе дела.

— Но никому не разрешается...— начала было Марта.

— Это делается уже давно,— перебил ее Симпсон.

— Ваша передовая мне понравилась,— сказал Джосайя.— Правда, в двух-трех местах я бы выразился посильнее, но сойдет и так. Кстати, насколько мне известно, нынче вечером вы присутствовали на одном собрании — не возьму в толк, отчего в вашей статье даже не упоминается о том, что на собрании были широко представлены деловые круги экспатриантов с сильными антисемитскими настроениями. Хотелось бы, чтобы вы обратили на это внимание. Можете, если хотите, не упоминать об антисемитизме, но следовало бы остановиться на скрытом конфликте между экспатриантами и местными деловыми кругами.

— Господин министр...— снова начала было Марта, но Джосайя, не желая слушать ее возражений, продолжал:

— А я, в свою очередь, могу кое-что сообщить вам первой. Выборы президента, по всей вероятности, состоятся очень скоро. Мы не станем ждать три месяца и проведем их через месяц после того, как парламент вынесет соответствующее решение. Чрезвычайная сессия парламента состоится завтра поздно вечером, решение должно быть принято вскоре после полуночи.

Марта Ли сообразила, что время нарочно выбрано так, чтобы газета могла опередить радио и телевидение.

— Благодарю вас, сэр! — с признательностью сказала она.

— Вы можете убедиться, что статья двадцать третья, параграф шестнадцатый конституции дает нам право проводить подобные выборы в некоторых случаях.

— А кто, сэр, будет кандидатом от вашей партии?

Джосайя поджал губы и покачал головой:

— Я лично поддерживаю мистера Смита или мистера Пауэрса, но мои коллеги решительно настаивают на моей кандидатуре.

— Можно так и написать?

— Разумеется, только, сами понимаете, не надо ссылаться на мои слова. Предлагаю вам побеседовать с другими министрами. Вообще неплохо было бы, если бы вы и ваш редактор позавтракали завтра со мной, повидали моих коллег и поговорили с ними — конечно, ничего не записывая! И еще одно, мисс Ли. То, что я вам говорил, нельзя предавать гласности до тех пор, пока парламент не примет решения. Расскажите своему шефу, подготовьте статью — обратитесь к Энди в случае надобности,— но ни вы, ни ваш редактор не должны касаться этой темы в беседах с друзьями: ни со Стэнхопом, ни тем более с этим вашим Стернингом.

Марта вспыхнула и хотела было возразить, но прежде, чем ей удалось произнести хоть слово, Альберт Джосайя кивнул ей и быстрым шагом вышел из комнаты. Она бросилась вслед за ним, но успела лишь увидеть, как черный лимузин тронулся с места

и маленькая коричневая рука помахала весьма дисциплинированным сторонникам министра.

Марта стояла на веранде и смотрела вслед машине, выезжавшей из ворот на широкую улицу. И только минуту спустя она почувствовала, что вся дрожит, что у нее колотится сердце и стучит в висках. Никто никогда не указывал ей, о чем надо и о чем не надо писать, с кем можно встречаться и с кем нельзя! Главное, Джосайя сказал это как бы между прочим, как бы давая понять, что отныне так всегда и будет. Марта была достаточно умна и честна, чтобы понимать истинную причину своего гнева: ее испугала спокойная уверенность Джосайи. Этот страх, это безотчетное, необъяснимое ощущение надвигающейся беды было для нее чем-то совершенно новым, и ее охватила непривычная робость; она сознавала, что этот страх граничит уже просто с суеверием, но от этого он не ослабевал.

Симпсон тронул ее за плечо. Марта резко стряхнула его руку, давая понять, что его прикосновение ей неприятно, и, не оборачиваясь, быстро зашагала к выходу. Он пошел за ней и догнал у самых ворот.

— Вы же реалистка, мисс Ли. Вы должны понять всю сложность...— Он взял ее под руку и мягко, но настойчиво заставил остановиться.

— Если такова эта ваша реальность, возьмите ее себе и убирайтесь вместе с ней к черту! Я не желаю иметь с ней дела!

— А ваш народ?— тихо спросил он.— Ему тоже прикажете убираться к черту?

Марту вдруг сковала страшная усталость. Ну, конечно, это нужно во имя народа. Всегда все во имя народа или для народа.

— Мисс Ли,— продолжал Энди Симпсон,— вы не хуже, а может, и лучше меня знаете, что так называемые свободные органы общественного мнения — пресса, радио, телевидение — всегда используются в чьих-нибудь интересах. Вы же знаете это — не мне вас учить. Лучше других вам также известно, что для голодных и бездомных, неграмотных, для тех, кто живет во мраке джунглей, ваша свобода печати и высокие слова ровным счетом ничего не значат. Так ли он не прав, когда говорит: давайте все изменим, давайте заставим прессу служить народу, а не денежным мешкам, давайте сделаем так, чтобы народу стало жить лучше! Он ограничивает вас немного, но ведь в интересах же народа! Разве он не прав?

Она подумала: в его словах именно такая доля правды, чтобы на них трудно было возразить. Вслух же, словно ни к кому не обращаясь, она сказала:

— Тирания часто начинается с малого, вроде небольших ограничений для какого-нибудь журналиста.

— Так что же нам делать? — спросил Симпсон и добавил:— Для нас действовать в интересах народа — значит обязательно ущемлять чьи-нибудь интересы. Как бы мы ни поступали, все равно кто-то будет кричать о тирании. Джосайя только что говорил здесь то же самое. Так что же делать, мисс Ли?

— У вас все так просто, Энди!

— Это по-вашему все очень просто, это вы сказали, что тирания начинается с малого. Скажите же, как можно сделать дело, которое, я знаю, и вы считаете важным, и не замарать при этом рук?

— А когда вы сделаете его, останутся ли у нас вообще свободные общественные институты?.. Пожалуйста, отвезите меня домой, я устала.

Симпсон взял ее под руку, и они перешли на другую сторону улицы, где он оставил машину.

— Это зависит от того,— сказал он,— что считать действительно важными общественными институтами. Если вы сыты, живете в удобном доме, если ваши дети ходят в хорошую школу, у вас есть водопровод и электричество и, когда кто-то заболеет, вы можете пригласить на дом врача, ваши понятия о ценностях сильно отличаются от понятий того, кто голодает и живет под открытым небом, чьи дети не ходят в школу и кто лишен возможности получить медицинскую помощь. Такие ценности, как свобода слова и свобода общественных институтов, весьма относительны. Есть люди — не только у нас, но и во всем так называемом «третьем мире»,— которые охотно променяют эти свободы на то, чтобы поесть три раза в день, иметь крышу над головой и сносное медицинское обслуживание. Неужели вы считаете, что они на таком обмене прогадают?

Они сели в машину, и Симпсон включил мотор.

— Значит, все это было обдумано заранее, как и каждый его шаг?

— Он не хочет вмешиваться в дела прессы, разве только в случае крайней необходимости.

— А вы и ваши друзья, которые остались там, в доме, готовы делать все, что он хочет?

— Он хочет того же, что и мы. Без него мы не можем ничего, а с ним — успех обеспечен. Он — та искра, которая зажигает пламя.

— И у вас нет никаких сомнений? Я имею в виду вас лично, Энди?

— Никаких, мисс Ли. Абсолютно никаких!

Марта смотрела на дома, проносившиеся мимо, как черные тени, и думала, что попытки поколебать веру этого молодого человека были бы просто преступны. Все, что сделано человечеством на земле, было основано на такой вот вере, без нее оно немногого бы достигло. Но когда люди одаренные, тонко чувствующие, искренне убежденные, вдруг осознают несостоятельность своей веры — это бывает для них огромным потрясением, часто даже роковым.

— Если что-нибудь изменится, Энди,— сказала Марта тихо, почти нежно,— вспомните эту ночь и наш разговор и постарайтесь понять, что все не так просто и ясно, как хотели бы нас убедить потрясатели основ, созидатели новых миров и прочие совершатели революций: срезание углов в процессе социального развития не проходит даром. Если вы захотите перескочить через какой-то этап, вам придется за это расплачиваться. Так что, если что-либо изменится, пусть это не коснется ни вас, ни того, во что вы верите, что вам дорого. Вы на верном пути, и вы правы и перед собой, и перед своим народом.

— Но ему вы не доверяете, он не нравится вам. Почему?

— Не знаю,— вздохнула Марта. Ну как заставить понять того, кто живет и любовью и верой, думала она, что такое жить просто любовью, без веры? Этот его Джосайя полон веры, но у него нет любви ни к кому, а я полна любви, но у меня нет веры. И все-таки, наверно, Энди прав. Джосайя сделает много хорошего, но если подумать, какой ценой,— становится страшно. Вслух же она сказала:— Я не уверена даже, что не доверяю ему и что он мне не нравится, как вы утверждаете.

— Тогда в чем же дело? Почему вы не с нами?

— Я не против вас.

— Это не одно и то же!

— Это все, что я могу сказать.

Симпсон ничего не ответил, но Марта почувствовала в нем внезапное отчуждение. Оно оставалось и тогда, когда он прощался с Мартой у калитки ее дома.

3

Мало кому из тех, кто работал в огромных корпусах айзексовского предприятия, растянувшихся на целый квартал в самом центре города, довелось хоть раз увидеть старого Натана Айзекса. Те, кто вместе со стариком закладывал основы его промышленной империи — в ту пору, когда она вся умещалась в единственной, похожей на амбар комнате размером тридцать футов на сорок, а весь ее капитал состоял из железной воли одного человека и его алчной работоспособности,— либо уже умерли, либо отошли от дел. Вот почему появление старого Натана в конторе можно было сравнить разве что с визитом члена английской королевской фамилии или какого-нибудь знаменитого негритянского певца из Соединенных Штатов. Лишь только черный блестящий лимузин доставил старика Натана к подъезду огромного здания и лифт поднял его на шестой этаж, где помещался зал совещаний правления (все вместе это заняло не больше пяти минут), как уже каждый из трехсот шестидесяти двух сотрудников знал, что приехал «старый хозяин Натан», и понял: произошло нечто необычное, ибо почти все догадывались, что существует некая связь между приездом в контору старого хозяина и внеочередным полуночным заседанием парламента, состоявшимся тремя днями ранее, а также экстренными сообщениями радио и кричащими заголовками газет, оповещавшими: Джосайя выставил свою кандидатуру в президенты; всем иностранным предпринимателям будет предложено продать свои акции местным вкладчикам; бесплатное пользование землей будет предоставлено только коренным жителям острова, иностранцы же получат возможность арендовать землю и при этом на срок не свыше двадцати пяти лет; местные жители должны будут сообщить о том, какие акции, облигации и прочие вклады, а также движимую или недвижимую собственность, деньги и другие

ценности они держат за границей; все школы перейдут непосредственно в ведение государства; обучение будет проводиться по единой общеобразовательной программе и станет отныне бесплатным и обязательным для всех детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет; каждый юноша и каждая девушка обязаны будут отбыть двухгодичную воинскую или трудовую повинность; будет учрежден государственный контроль над заработной платой и всеми видами доходов; подоходным налогом будет обложено все население без изъятия. Такова была программа Джосайи, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента. Ф. Ф. Фриуэйс, бывший премьер-министр и министр финансов, заявил, что он противник этой программы и намерен потягаться с Джосайей. Все рабочие и служащие, занятые на огромном предприятии Айзексов, понимали — некоторые смутно, другие вполне отчетливо и остро,— что именно эти обстоятельства привели старика Натана в контору, где он не появлялся свыше двадцати лет. Но уже совсем мало кому — разве что личным секретарям, заместителям и начальникам основных отделов — было известно, что старик, его двое старших сыновей Натан и Эммануил и его дочь Клара в настоящую минуту ждут младшего сына — Соломона, председателя правления директоров, и Джоула Стернинга, полномочного представителя айзексовской империи, которые должны прибыть сюда прямо с совещания с самим Джосайей.

— Долго они что-то совещаются,— нетерпеливо произнес старик Натан. Он успел уже внимательно прочесть передовицу и редакционную статью в последнем выпуске «Голоса Острова» и отбросил газету в сторону. Все это он уже знал наизусть. А радиопередачи вообще отказывался слушать: радиостанция (так же как и ее телевизионный филиал) работала на основании лицензии, выданной правительством, а поскольку условия лицензии предоставляли президенту право «в национальных интересах» снимать те или иные передачи, радиостанция была крайне осторожна в своих сообщениях — настолько, что порой замалчивала довольно очевидные факты, как сейчас, например, она опустила во всех передачах какое бы то ни было упоминание о том, что Ф. Ф. Фриуэйс намерен выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах.

Зазвонил телефон. Натан-младший поднял трубку, рявкнул «нет!» и бросил трубку на рычаг. Даже он, казалось, был выведен из своего обычного состояния солидной, тяжеловесной флегматичности и уже мало походил на добродушного, разжиревшего фермера. Рядом с ним за длинным директорским столом, по правую руку от отца, сидел брат Натана — Мэнни, еще более бесцветный, чем всегда: землистое лицо, набрякшие красные веки. Впрочем, держался он спокойнее, чем его отец и старший брат.

Клара, которая стояла у окна и смотрела на улицу, обернулась:

— Они приехали.

Солли и Джоул стремительно вошли в комфортабельный, прохладный зал, и сразу же им передалось напряжение, с которым их тут ждали. Едва они переступили порог, как старик резко спросил:

— Ну?

Солли сказал:

— Спокойнее, отец.— И, обойдя стол, сел рядом со стариком, по левую от него руку.

Джоул задержался в дверях; взгляд его перебежал с одного лица на другое, и все почувствовали, как ширится разделяющая его и их пропасть и как он сам внутренне к этому стремится. Клара поспешно направилась к нему, и даже в эту минуту он не смог отвести глаз от ее бедер, невольно отмечая красоту и грацию всех ее движений. Она слегка коснулась его рукава — чуть повыше кисти. Он взглянул ей в лицо, и Клара мгновенно ощутила, как его напряжение и отчужденность убывают. Ей вдруг неудержимо захотелось обнять его, прижаться к нему всем телом. Но вместо этого она неловким, застенчивым движением поднесла его руку к губам, легонько поцеловала тыльную сторону кисти и потерлась о нее щекой.

— О господи! Нашла время! — фыркнул Мэнни.

— Замолчи! — оборвал его Солли.

— Время и место, конечно, не самые подходящие для любовных ласк,— заметил Натан-младший, впрочем, довольно добродушно.

— Ладно! — произнес старик.— Ладно!

— Все в порядке,— пробормотал Джоул и присоединился к сидевшим за столом.

— Ну, я спрашивал тебя...— Старик уставился глазами в потолок.

— Он предложил нам сотрудничать с ним,— сухо сказал Солли.

— Предложил? Джосайя? — Натан-младший отказывался этому верить.

— Вот именно.

— Рассказывай все по порядку, с самого начала,— приказал старик.

— Вот это и есть начало.

Старик пронзительно поглядел на Джоула Стернинга:

— Джоул?..

— Все происходило в точности так, как говорит Солли, сэр. Его первые слова были: «Я пригласил вас к себе, джентльмены, чтобы предложить предприятию Айзексов сотрудничать со мной».

— Просто не верится! — воскликнул Мэнни.

— Ладно,— сказал старик.— Рассказывай дальше.

— Он говорил вполне откровенно,— бесстрастно продолжал Солли.— Он, дескать, знает, насколько все деловые круги на острове восстановлены против него, и понимает, что ему будет весьма и весьма нелегко, если придется столкнуться с их единодушной оппозицией.

— Да, это ему не по силам,— вставил Мэнни.

— Ну, не так уж не по силам, если его послушать,— продолжал Солли,— и я, пожалуй, готов с ним согласиться. А ты, Джоул?

Джоул кивнул.

— Но это же невозможно — парализовать деятельность всех деловых кругов,— продолжал настаивать Мэнни.

— Что думают по этому поводу в деловых кругах, ему хорошо известно, сказал Джосайя. Но, по его мнению, там ошибаются. Он может парализовать всю коммерческую деятельность, сказал он, и забрать все в свои руки. Что касается последствий, то на этот счет он не питает никаких иллюзий. Экономическая жизнь — здесь, на равнине, во всяком случае — неизбежно должна будет застопориться; произойдет замораживание капитала, затоваривание, начнется массовая безработица, политические беспорядки, возможно голод.

— И он готов пойти на такой риск? — спросил молодой Натан.

— Да, готов. Сказал, что если это произойдет, то он просто вынужден будет пойти еще дальше, чем предполагал. Он вынужден будет национализировать все предприятия, ударить во все расистские барабаны, изгнать из страны всех капиталистов и обратиться за помощью к коммунистическим странам.

— Но это же грязный шантаж! — возмущенно вскричал Мэнни.

— Он называет это «чистым шантажом»,— с кривой улыбкой заметил Солли.

— И он это сделает? — не повышая голоса спросил старик.

— Да. Он это сделает.

Старик поглядел на Джоула. Джоул кивнул.

— Он сделает это в любом случае?

— Не знаю,— сказал Солли.

— Как это следует понимать? — нетерпеливо спросил Мэнни.— Значит, он проделает все это даже в том случае, если мы согласимся сотрудничать с ним?

Старик спросил:

— Что ты скажешь, Джоул?

— Скажу, как и Солли: я не знаю,— ответил Джоул.

Клара отвернулась от окна и, быстро пройдя по комнате, остановилась за стулом отца. Она положила руку ему на плечо.

— А что ты думаешь, Джоул?

— Не думаю, чтобы он стремился все национализировать или экспроприировать,— медленно, задумчиво проговорил Джоул.— Во всяком случае, не думаю, чтобы он стремился к этому сейчас. Он слишком отчетливо понимает, с какими трудностями ему придется столкнуться, какие сразу же возникнут проблемы.

— Тогда это называется блеф,— сказал Мэнни.

— Ну, нет, он не блефует. Как ты полагаешь, Джоул? — пробормотал старик.

— Нет, сэр, он не блефует.

— Ну, давай дальше, Солли,— приказал Старик.

— Да вот, в сущности, и все. Если мы его поддержим, остальные тоже скоро примкнут или по крайней мере примирятся с новым порядком. Он ясно дал понять, что в этом случае не станет прибегать к чрезвычайным мерам.

— А какую компенсацию мы получим? — негромко спросил Мэнни.

— Мы приобретаем положение главного государственного советника и агента по

всем коммерческим и деловым вопросам и получаем твердых два процента комиссионных от всех государственных сделок, поставок и прочего. Можете не сомневаться — доход от этого будет немалый.

— И мы приобретаем влияние,— пробормотал молодой Натан,— весьма значительное влияние.

Старик впился взглядом в Джоула, стараясь прочесть его мысли. Затем закинул голову и заглянул Кларе в глаза. Какую-то долю минуты отец и дочь безмолвно беседовали друг с другом, затем старик отвернулся от дочери и поглядел на своих сыновей и зятя, сидевших по обе стороны длинного стола. Старик уже знал, как ему придется поступить, и оттого, что он это понимал, оттого, что этот поступок требовал большой затраты душевных сил, он внезапно почувствовал огромную усталость, почувствовал груз своих лет, который стал особенно ощутим в последние дни. Он попытался стряхнуть с себя эту тяжесть, но безуспешно. Он вздохнул.

— Ну что ж, Джоул. Чем ты недоволен? Ты это предсказывал, и твое предсказание сбылось. Мы послушались твоего совета, и теперь это нас спасло — он обращается к нам за помощью. Знаю, что большинство из нас были против такого образа действий. Я сам был за то, чтобы, не жалея затрат, постараться его остановить. Так же рассуждали и другие. Пожалуй, один только Солли поддерживал тебя, да и то лишь наполовину, так как он прирожденный двурушник. Клара не в счет, она твоя жена...— Он докончил свою мысль жестом, продолжая безмолвно шевелить губами.— Но факт остается фактом: все вышло так, как ты говорил, и это спасло нас. И тем не менее ты не удовлетворен. Так в чем же дело, Джоул?

Джоул поглядел на старика, затем уперся взглядом в стол и наконец поднял глаза на Клару, которая стояла за стулом отца, положив одну руку ему на плечо, и в задумчивости бессознательно и нежно поглаживала указательным пальцем его оттопыренное ухо.

— Надеюсь, мы не ударимся сейчас в морализирование...— начал было Мэнни, но старик резко оборвал его:

— Замолчи! — И Мэнни сжал челюсти и примолк.

— Ну, так в чем же дело, Джоул?— Голос старика звучал мягко, почти ласково.

Джоул все еще смотрел на Клару. Она подумала: он как тонущий — хватается за соломинку. Джоул, в сущности,— человек слабый, и как это несправедливо, что именно он, такой слабый, вместе с тем так щепетильно честен. Мысль работала дальше, развиваясь, принимая новые формы, и в нее просочился оттенок горечи: а я становлюсь жертвой этих особенностей его характера — его слабости, его щепетильности, его ненависти к миру бизнеса, ко всем темным сторонам нашей жизни здесь, на острове; он во всем винит меня, как ребенок, который сердится на мать за то, что идет дождь и ему нельзя поиграть во дворе.

— Мы ждем твоего ответа, Джоул,— негромко проговорила она, и частица горечи прозвучала в ее голосе.

— Он хочет, чтобы мы сыграли для него роль людоедов,— без всякого выражения проговорил Джоул.— Чтобы мы сделали за него всю грязную работу и пожрали себе подобных.

— Вовсе он не этого хочет!— сразу вскинулся Солли.

— Не забудь, что это ты навязал его нам,— бесстрастно напомнил молодой Натан.

— Прекратите! Замолчите вы все! — приказал старик. Затем обратился к Джоулу:— Он в самом деле этого хочет, Джоул?

— Вы знаете, что именно я имею в виду.— Джоул сделал над собой усилие и заговорил спокойно.— Не важно, сознательно он этого хочет или бессознательно. Важно одно: действуя в соответствии с его желаниями, мы по существу должны будем пожрать себе подобных. И вы это знаете, сэр! — Волнение Джоула прорвалось наружу.— Его стремление к тому, чтобы половина всех акций и вкладов во все промышленные предприятия находилась в руках исключительно местных предпринимателей,— это рассчитанный удар, направленный на все иностранные фирмы, которые имеют здесь свои капиталовложения. Он сам прямо сказал нам, что стране не хватает денег, чтобы откупить половину всех предприятий, находящихся в руках иностранных фирм; вот почему он изобретает способ, с помощью которого правительство могло бы захватить в свои руки акции в обмен на низкопроцентные государственные облигации, подлежащие постепенной реализации в течение двадцати пяти лет. Фактически это означает, что правительство выпустит облигации в обмен на половину акций и вкладов

всех промышленных и коммерческих предприятий. По этим облигациям правительство начнет выплачивать три с половиной процента после того, как они будут полностью реализованы, иначе говоря, через двадцать пять лет. А тем временем правительство в дополнение к взимаемым им налогам будет еще получать дивиденды с приобретенных им таким путем и еще неоплаченных акций, а они приносят по меньшей мере от семи до пятнадцати процентов годовых.

— Словом, это грабеж,— негромко проговорил старик.— Я этого боялся, потому и хотел, чтобы его вовремя обуздали. Но ты сказал, что сделать это никому не под силу, и ты был прав. И вот теперь он начинает творить то, чего мы и боялись. Но ты же говорил, что он будет действовать в интересах народа. Так что ты скажешь теперь?

— Должны ли мы принять участие в удушении иностранных предприятий, как вы полагаете?

— Понимаю,— произнес старик.— Ты хочешь, чтобы мы отказались сотрудничать с ним. Солли, скажи, пожалуйста, что произойдет, если мы заявим этому господину Джосайе: «Нет, сэр. Вы нам не по душе. И то, что вы собираетесь делать, нам тоже не по душе. Мы не хотим сотрудничать с вами. Мы не политики, мы бизнесмены. Оставьте нас в покое, мы хотим заниматься своим делом». Оставит он нас в покое, как по-твоему?

— Нет, сэр,— пробормотал Солли и поглядел на Джоула.

— Так. А ты, Джоул, как считаешь?

— Нет, не оставит.

— Значит, все ясно,— проговорил старик, стараясь через силу, чтобы голос его звучал бодро.— Давайте смотреть фактам в глаза. Как ты сказал? Людоеды? Что ж, ты очень ловко подобрал словечко: собака ест собаку, кошка ест кошку, человек человека. Но разве мы не занимаемся этим повседневно, когда ведем свои дела? Откуда, по-твоему, взялись капиталы, которыми мы теперь располагаем? Если ты коммерсант, значит, должен быть людоедом, должен съесть своих конкурентов, или же они съедят тебя. Ничего нового в этом нет. И этот господин Джосайя обращается к нам не потому, что мы так уж ему милы, а потому, что ему надо делать дело и он ищет людей знающих, людей умелых, которые ему помогут. Не сделаем мы, найдутся другие. И если мы ответим ему отказом, он будет считать нас врагами, а ведь только дурак может позволить своим врагам спокойно существовать, особенно в такое время, как сейчас, и особенно если эти враги так сильны, как мы. Значит, что тогда? Могу поручиться, что, если мы откажемся ему помочь, он этого так не оставит. Это же всякому кретину ясно. Конечно, если Джосайя не дурак. Он не дурак, как ты считаешь, Джоул?

— Нет.

— Тогда, значит, дело обстоит так: людоедство — это один из законов коммерции; благодаря ему мы добились богатства и влияния. Если мы не сделаем того, чего хочет от нас Джосайя, это сделают другие, и тогда они будут людоедами, а мы — их жертвами, и они нас сожрут. И еще одно, Джоул: когда люди достигают такого положения, какое занимаем мы, когда они имеют то, чем располагаем мы, они не могут просто умыть руки и отойти в сторонку. Когда политический деятель проваливается на выборах, он может стушеваться на время и подождать, пока снова не пробьет его час; мы этого позволить себе не можем.

Старик весь как-то обмяк, взгляд его потух — казалось, выдержка внезапно изменила ему, словно он вдруг израсходовал весь свой запас жизненных сил.

— Мне это не больше по душе, чем тебе, если хочешь знать, но я слишком стар, чтобы бежать из дома, где я лежал еще в колыбели.

— Итак, мы идем на союз с Джосайей,— подытожил Мэнни, нарушив воцарившееся после слов старика продолжительное молчание.

— У нас же нет выбора,— сказал молодой Натан.— И во всяком случае, ведь они же оба, и Солли и Джоул, именно за это и ратовали, после чего и Клара и папа склонились на их сторону, ну а следовательно, и мы. Ты же всегда гнул эту линию, Джоул, признайся! Не отрицаю, мы все считали, что ты сошел с ума, однако ты оказался прав.

— Выбор всегда остается,— сказал Солли.

Соглашатель! — с усталой нежностью подумал старик. Два человека в нем: один — трезвый делец, другой — мечтатель, как Джоул. А ведь Солли и Джоулу и придется иметь дело с новым правителем.

— Конечно,— спокойно сказал он,— у вас всегда остается выбор: жить или умереть. Но даже стоя, как я, одной ногой в могиле, вы все равно сделаете тот же самый выбор — жить.

Ну же, умой руки, откажись от этой мерзости, подумала Клара, и мысль тут же переросла в напряжение воли и в стремление воздействовать на волю другого. Ну же, сделай это, сделай! Я поддержу тебя, я буду с тобой. Взгляни на меня, Джоул! Взгляни!

И когда он поднял на нее глаза, она подумала, что ее мысли нашли отклик в его душе, и она еще сильнее сконцентрировалась на них, стараясь взглядом передать их ему, стремясь, чтобы он прочел в ее глазах: мы уедем с тобой отсюда вдвоем, ты и я, уедем в твою любимую Европу или, если захочешь, в Израиль и начнем все сначала. Еще не поздно. Они дадут мне денег, мою долю дохода от предприятий; нам хватит этого на жизнь. Скажи им! И мы уйдем отсюда вместе, свободные!..

Джоул отвел глаза и поглядел на старика.

Старик сказал:

— Ты сам говорил нам, что он облегчит жизнь бедняков.

Да, молча подтвердил Джоул, да.

— ...И ты знаешь, что деловые круги, особенно международные деловые круги, сумеют постоять за себя. Местные фирмы могут оказать давление на Уайтхолл и на Государственный департамент, а Лондон и Вашингтон в свою очередь могут, если захотят, заставить Джосайю прислушаться к ним, чего мы, даже сплотив наши усилия, сделать не сможем. Не пойми меня неверно, мальчик, но мне кажется, что ты лезешь на рожон. Если он и вправду намерен добиться того, к чему стремишься и ты, то есть облегчить жизнь бедняков, и если вместе с тем его предложение отвечает интересам нашего предприятия, ты, мне кажется, должен бы радоваться. Не забывай, что люди, судьбой которых ты озабочен, отнюдь не озабочены нашей судьбой: они завтра же съедят нас живьем или предадут, если только им представится случай. И многие из них даже не скрывают своего антисемитизма.

— Что ж, пусть так,— сказал Джоул. На душе у него было тяжело, но он старался не подать виду. И оттого, что ему стало очень горько в эту минуту, он не заметил, какая боль была в глазах Солли и Клары, когда они обменялись взглядами.

Старый Натан Айзекс закрыл глаза и откинулся на спинку стула: казалось, он мобилизует остатки своих сил; затем он выпрямился, веки приподнялись, и старик произнес решительным, деловым тоном:

— Сегодня утром, когда я завтракал, Фрэнки Фриуэйс пришел повидаться со мной. Вам известно, зачем он приходил. Я сказал ему, что не могу ничего обещать, пока не переговорю со всеми директорами, но тут же предупредил его, что ему не следует питать особых надежд. Не думаю, чтобы мы могли ссудить ему небольшую сумму для проведения предвыборной кампании...— Голос старика внезапно спал, в нем прозвучали тоскливые нотки.— Вы ведь знаете, мы с Фрэнки бегали в одну школу; он, конечно, помоложе меня, но тем не менее был в моей команде в тот год, когда меня выбрали капитаном. И он хороший человек. И немало потрудился для страны.— Старик смотрел на Солли, но теперь он видел перед собой не сына, а лишь председателя правления промышленных предприятий Айзексов, и взгляд его стал другим.— Скажи, что должен я ему ответить?

— Я сделаю это за тебя,— предложил Солли.

Старик покачал головой.

— Это было бы бесчеловечно.

Джоул поглядел на часы.

— Джосайя хочет сделать предварительное заявление в дневном выпуске последних известий, с тем чтобы поставить вопрос на обсуждение в парламенте сегодня же вечером. Поэтому ему надо знать наш ответ уже сейчас.

— Я хочу поговорить с Фрэнки до того, как они что-нибудь объявят по радио,— сказал старик.— Клара, пойдем со мной к Солли в кабинет.— Он встал, и Клара последовала за ним.

— Значит, мы договорились? — спросил Солли.

— Да,— резко сказал старик.— Мы договорились, не так ли, Джоул?

— Да, мы договорились.

Солли взял трубку, набрал номер телефона Джосайи и сказал:

— Говорит Соломон Айзекс, сэр. Относительно вашего предложения... Наше прав-

ление только что пришло к решению. Наша фирма к вашим услугам... Да, сэр. Единодушно... Мы хотим внести свою лепту...

Все, наблюдавшие за Солли, увидели, как у него внезапно сжались челюсти и на скулах заиграли желваки.

— ...Если наша выгода совпадает с интересами страны... Да, сэр, два процента нас вполне удовлетворят...

Солли положил трубку и долго стоял неподвижно, уставившись в одну точку. Он старался совладать с охватившим его гневом; потом, легонько пожав плечами, закурил сигарету.

В кабинете Солли старый Натан Айзекс звонил по телефону своему старому другу и однокашнику Фрэнклину Ф. Фриуэйсу, бывшему премьер-министру и министру финансов, а ныне противнику Альберта Джосайи на президентских выборах, которые должны были состояться через три недели. Старик Натан сказал:

— Не обижайся на меня, Фрэнки, и послушайся совета старого друга: сними ты...— Но он не успел закончить фразу — на другом конце провода дали отбой. Старик поглядел на Клару и сказал, не проявляя ни раздражения, ни досады:— Он бросил трубку. Чертов болван. Этот мальчишка Джосайя сотрет его в порошок.

— Иногда лучше, чтобы тебя стерли в порошок.

— Брось, девочка. У тебя, по-моему, есть голова на плечах. Не иди на поводу у своего Джоула.

Вошел Солли, и Клара спросила:

— Где Джоул?

— Он только что уехал.

Клара схватила телефонную трубку, но из вестибюля ей ответили, что автомобиль мистера Стернинга уже скрылся из виду.

Джосайя встал из-за своего огромного письменного стола и быстрым шагом вышел из кабинета президента, прошел через зал кабинета министров, по коридору, в который выходили двери различных отделов аппарата государственного управления и откуда доносился гул напряженной дневной работы, направился в большой конференц-зал. Когда он отворил дверь, все взоры устремились на него; это выглядело так, словно на пороге очень дисциплинированного класса появился директор школы. Все министры были на местах — каждый за своим столом, рядом со статс-секретарем своего министерства. На всех столах громоздились груды папок. Большая классная доска на стене напротив двери завершала картину: пожалуй, конференц-зал более всего напоминал сейчас аудиторию, где идет аспирантский семинар.

На следующий же день после того, как было созвано экстренное совещание кабинета министров, Джосайя организовал эти ежедневные трехчасовые занятия; они начинались в девять утра и заканчивались в полдень. Джосайя заявил своим коллегам, что они как представители народа должны заняться самообразованием, если хотят быть на высоте поставленных перед ними задач. И вот по определенным дням специалисты из университета приходили читать министрам лекции по вопросам истории и экономики страны, разъяснять им ее социальную структуру, ее конституцию, глубже знакомить их с ее географией, народонаселением, национальными и расовыми особенностями, с историей ее культуры. Затем каждый из министров по очереди должен был в отведенный ему день сделать обстоятельный доклад о задачах своего министерства, о его структуре и значении в общенациональном масштабе. Выполнить эту задачу первым выпало на долю Ричарда Юнга, возглавлявшего министерство социального обеспечения и проблем молодежи. Мистеру Юнгу была предоставлена для подготовки почти целая неделя, однако очень скоро всем стало ясно, что он недобросовестно отнесся к своему домашнему заданию в надежде отделаться общими фразами и ссылкой на то, что, дескать, «тех, кого интересуют более мелкие подробности, ознакомит с ними мой секретарь». Закончив доклад, мистер Юнг сел, видимо очень довольный собой, и Джосайя спокойно, холодно принялся задавать ему вопросы, весьма каверзные и скрупулезные, и продолжалось это до тех пор, пока ни у кого уже не оставалось сомнений в том, что мистер Юнг имеет лишь самое туманное представление о структуре и деятельности своего министерства. После чего Джосайя сказал:

— Учитель, прежде чем получить разрешение обучать детей, должен доказать, что он подготовлен к этого рода деятельности; так же и врач — прежде чем ему поз-

волят лечить больных. Все ваши служащие, господин министр, начиная от вашего статс-секретаря и кончая самым мелким чиновником министерства, должны быть соответственно подготовлены для выполняемой ими работы, должны доказать, что они в ней что-то смыслят...

— Я протестую! — сердито вскри ал маленький Юнг.

Но Джосайя продолжал:

— Быть годным для своей работы — это самое меньшее, чего мы вправе ждать от вас, от всех нас. Будь я столь невежествен в своем деле, как вы, я попросил бы освободить меня от занимаемого мной поста!

Маленький Ричард Юнг остолбенел и потерял дар речи.

После этого инцидента все министры с великим рвением принялись за дело, и занятия стали проходить серьезно. Министр, которому после Юнга надлежало делать доклад о своем министерстве, подготовился к нему как нельзя лучше.

Джосайя обвел глазами комнату; его взгляд задержался на К. И. Пауэрсе, Ральфе Смите и Мэйбл Андерсон, сидевших особняком, сдвинув вместе столы.

— Я только что говорил по телефону с Соломоном Айзексом,— сказал Джосайя, обращаясь непосредственно к Пауэрсу.— Они сделают то, что нам нужно. Я хочу, чтобы ваши служащие создавали как можно больше препятствий для иностранных фирм. Вы знаете, что именно я имею в виду — всякого рода разрешения, лицензии и тому подобное.

Пауэрс кивнул и шепнул что-то своему секретарю, который тотчас покинул зал и направился к телефону, дабы передать новую директиву.

Джосайя обернулся и поискал глазами министра промышленности.

— Вы знаете, что вам надлежит делать?

Министр кивнул.

— Превосходно. Не смущайтесь, если вам понадобится мой совет. Это дело деликатное, и у меня всегда найдется для вас свободная минута.

Министр кивнул снова.

Джосайя подозвал к себе Матиаса, министра иностранных дел, и, пройдя между столами через весь большой конференц-зал, остановился возле школьной доски. Когда Матиас присоединился к нему, темная кожа министра иностранных дел и черная школьная доска особенно резко оттенили светло-коричневую кожу Джосайи, и это всем бросилось в глаза; быть может, потому, что Джосайя всегда и во всем подчеркивал свою принадлежность к самым черным из черных, все привыкли именно таким его и воспринимать.

Джосайя сказал Матиасу:

— Не далее как через час они поднимут вой, так что вам лучше направиться в свое министерство. Пока у нас не было никого, кто взялся бы сотрудничать с нами, они готовы были выжидать и принюхиваться. Теперь, когда Айзексы присоединились к нам, они поймут, что дело пошло всерьез. Обо всех откликах из Лондона или Вашингтона немедленно сообщайте непосредственно мне. И пока этот вопрос не будет улажен, вы можете не утруждать себя занятиями в нашем семинаре.

— Я обеспокоен,—сказал Матиас.

— Правильно! Я тоже. Не беспокоятся только дураки. Но это лишь начало. Основные трудности еще впереди. И они придут изнутри, от наших же людей, а не извне.— С этими словами он повернулся и направился к двери, оставив Матиаса в глубоком раздумье.

Когда Джосайя вышел из комнаты, Смит и Пауэрс поманили к себе Матиаса. Он направился к ним.

— Что случилось? — спросил Смит.

— Он тоже обеспокоен,— сказал Матиас с ноткой изумления в голосе.— Говорит: не беспокоятся только дураки.

— Это на него похоже,— кивнул Пауэрс. Затем спросил:— А что его беспокоит— промышленники?

— Он ждет основательного обстрела из Лондона и Вашингтона, и посему мне предложено отправляться обратно в министерство.— Матиас пристально поглядел на Пауэрса.— Знаешь, что я тебе скажу: он сейчас показался мне таким добрым и человечным, мягким даже, и я подумал: как было бы замечательно иметь такого человека своим другом. И еще он сказал, что главные трудности впереди и ждать их нужно от наших же людей.

— А он справится с ними? — спросил Смит.— Если нет, то и нам несдобровать.

— Ты же слышал: он заявил, что получил поддержку Айзексов.

— Иностранные предприниматели — тоже народ тертый,— стоял на своем Смит.

— По-моему, он сумеет с ними справиться,— сказал Пауэрс и добавил, как бы против воли:— Я верю в него...

— И я тоже начинаю верить,— произнес Матиас, но по-прежнему с тревогой в голосе.

Смит покачал головой.

— Не смейтесь надо мной, друзья. Хоть он и мальчишка по сравнению со мной, но я не могу говорить с ним как равный с равным. И ведь не то чтобы я его боялся, нет, словом, вы понимаете, что я хочу сказать...

Остальные двое промолчали. Они понимали.

Джосайя прошел мимо отделов аппарата государственного управления, затем передумал и повернул обратно. Его появление вызвало легкий переполох, мужчины вскочили, женщины принялись одергивать юбки, оправлять блузки, приглаживать волосы; пройдя через контору секретариата, он остановился перед дверью кабинета Стэнхопа, постучал и вошел.

Молодой Симпсон, который тоже находился в кабинете, встал, намереваясь выйти. Джосайя жестом предложил ему остаться.

— То, что я хочу сказать, касается и вас. Это, в сущности, касается всего административного аппарата. Мне доложили, Стэнхоп, что вы снова дали старшим должностным лицам, подведомственным вам, распоряжение, идущее вразрез с распоряжениями правительства.

— Отнюдь нет, сэр,— спокойно проговорил Стэнхоп,— вы были неправильно информированы.

— Полагаю, что это не так, господин государственный секретарь! Разве вы не наложили вето на утверждение в должности трех лиц?

— Совершенно справедливо, поскольку были нарушены правила назначения на должность в аппарат государственного управления... Если бы эти назначения исходили от Государственной комиссии...

— Председателем которой вы являетесь!

— Да, сэр. Тогда бы они не противоречили конституции и являлись правомерными.

— Скажите мне, Стэнхоп, если бы я лично рекомендовал этих трех лиц вашей комиссии, вы бы утвердили их назначение?

Я нужен ему, он хочет меня заполучить, спокойно подумал Стэнхоп, глядя на Джосайю, стоявшего прислонясь спиной к двери.

— Не знаю, сэр. Этот вопрос не поднимался.

— Вы отклонили их назначение исключительно из процессуальных соображений?

— Да, сэр.

— Не согласовав этого с другими членами вашей комиссии?

— В таких вопросах я никогда не действую без согласия других членов комиссии.

— И они вас поддержали?

— И конституция, и Статус государственной службы не оставляют в этом вопросе места для двух толкований, сэр.

— Превосходно! Теперь я спрашиваю вас снова: если бы я лично рекомендовал вам этих трех лиц, как бы вы поступили?

— Такой вопрос не возникал.

— Он возникает сейчас! Вам известно что-либо об этих людях?

— Да, известно.

— Достаточно, чтобы судить об их характере и способностях?

— Я полагаю, что да.

— В таком случае я повторяю: если бы я сам лично рекомендовал их вашей комиссии, как бы вы поступили?

— Только вся комиссия в целом полномочна что-либо решать. С вашего позволения, сэр, я хотел бы заметить, что этот вопрос вам надлежит поставить на обсуждение комиссии.

— А вам бы следовало заняться политикой,— саркастически пробормотал Джосайя.

— Политика — дело ваше,— бесстрастно возразил Стэнхоп.

Джосайя слегка пожал плечами, по лицу его пробежала тень.

— Хорошо! Попробуем еще раз сначала. Вы достаточно осведомлены относительно этих лиц! Вы проверили их подготовку, способности, окружение, характеры достаточно добросовестно, чтобы составить себе определенное о них суждение. Вы это подтверждаете?

— Да, сэр.

— Остальные члены комиссии должны были получить эту информацию от вас. Так или не так?

— Да, сэр.

— Они считали, что могут положиться на ваше суждение и оценки. Так это?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Мы вернулись к исходному пункту, давайте двинемся дальше. Рекомендовали бы вы комиссии утвердить их назначение или нет?

— Я не могу ответить на этот вопрос, сэр.

— Иначе говоря, не хотите, не так ли? — Внезапно Джосайя вскипел.— Ну же, приятель! Говорите правду! Вы не хотите! Разве не так?

— Да, сэр,— не повышая голоса, произнес Стэнхоп.— Я не хочу отвечать на этот вопрос. В интересах создания политически беспристрастного аппарата государственного управления те, кто разрабатывал нашу конституцию, сочли нужным передать право на замещение всех административных должностей в аппарате государственного управления в руки Государственной комиссии и позаботились оградить эту комиссию от всякого давления извне. Одной из гарантий свободы действий комиссии является то положение, что лишь в случае неоспоримо доказанного нарушения законности решение комиссии может быть аннулировано; другая же гарантия заключается в том, что ни один из членов комиссии не имеет права разглашать свою точку зрения по вопросу того или иного назначения на ту или иную государственную должность.

— Я являюсь главой государства,— почти шепотом, со сдержанной яростью проговорил Джосайя.— Я избран на этот пост народом, который вскоре подтвердит свой выбор. Как глава государства я приказываю вам ответить на мой вопрос.

— Прошу прощения, сэр. Я не могу. Я приносил присягу соблюдать конституцию.

— Вопреки интересам народа? — загремел Джосайя, уже не владея собой от гнева. Он обернулся к молодому Симпсону, глаза его сверкали: — Вы слышите, что говорит этот господин! Этот государственный секретарь! Человек, стоящий во главе аппарата государственного управления! Его хорошо вышколили наши заокеанские хозяева, он стал скользким, как уж! Он, видите ли, приносил присягу соблюдать конституцию! А я спрашиваю его: в чьих интересах и против кого? Я жду ответа, господин государственный секретарь! Если мне в интересах народа необходимо произвести те или иные назначения, а вы мешаете мне якобы потому, что стремитесь соблюсти конституцию, я в таком случае спрашиваю вас: что же, значит, конституция служит не интересам народа, а во вред ему?

Джосайя резко повернулся и стремительно вышел из комнаты.

Когда Стэнхоп пришел в себя, он понял, что молодой Симпсон уже давно настойчиво, почти с мольбой, что-то ему говорит.

— Но ведь это же всего-навсего бумажка, сэр, документ, носящий чисто декларативный характер и к тому же созданный под давлением колониальных держав! Все эти годы старый Мозес Джошуа использовал его в своих целях. Для нашего движения вперед нам требуется уже нечто другое...

— Тогда внесите в него изменения, но законным путем! — сердито оборвал его Стэнхоп.— А теперь оставьте меня! Я давал присягу соблюдать конституцию, нашу конституцию, такую, как она есть, со всеми ее недостатками и погрешностями! Но я вижу, что ни вы, ни ваш хозяин не в состоянии этого понять!

— Мистер Стэнхоп, сэр...

— Уходите!

Молодой Симпсон вышел, изо всех сил стараясь подавить растущее раздражение против Стэнхопа.

Через несколько минут Стэнхоп встал и подошел к окну. Мир и покой, разлитые в природе, потрясли его: деревья стояли спокойные, величественные, словно символ другого мира — безбрежного океана покоя и тишины,— а трава пробуждала воспоминания о беззаботных воскресных прогулках на лоне природы.

Сидя за своим президентским столом, Джосайя подумал мельком: что же такое Джон Стэнхоп — круглый идиот в политике или человек, которому наплевать на свой народ? Но он тут же прогнал от себя эту мысль и углубился в работу. Он работал, не отрываясь, два часа подряд, затем выпрямился, повертел головой, стараясь расслабить напряжение мышц, и откинулся на спинку кресла, глубоко уйдя в него, давая отдых всему телу, только мозг продолжал работать. Но, раздумывая над стоящей перед ним проблемой, он уже знал, что решение было, в сущности, принято им еще там, в кабинете Стэнхопа, когда они кололи друг друга словами, словно рапирами. В том отделе мозга, который принято теперь называть сферой подсознательного, эта проблема уже рассматривалась со всех сторон, в то время как остальные участки мозга были заняты важными документами, грудой высившимися на письменном столе. Мозг человека — самое опасное и коварное его оружие: эта мысль родила мимолетную улыбку на лице министра, но улыбка, вспыхнув, тут же погасла. Джосайя наклонился, нажал пальцем рычажок и проговорил в маленькую черную коробочку:

— Пришлите ко мне, пожалуйста, мистера Симпсона.— Джосайя снял палец с рычажка, и связь разъединилась.

Раздался стук в дверь; вошел Симпсон. Джосайя встал и, обойдя вокруг стола, подошел к молодому человеку.

— Нам следует что-то предпринять в отношении Государственной комиссии, Энди.

— Понимаю, сэр. Я пытался образумить мистера Стэнхопа.

— Не суди о нем неправильно, Энди. Я не сомневаюсь в его честности. Я не верю, чтобы он был против меня или против нас. Просто для него конституция этой страны важнее, чем ее народ. Во имя законности он готов остановить прогресс. Статья конституции, определяющая права и функции Государственной комиссии, должна быть изменена, но мы не можем ждать результата выборов, чтобы получить возможность произвести эти назначения, которых не допустил Стэнхоп. Они, наряду со всем прочим, необходимы нам именно для того, чтобы безоговорочно победить на выборах. Ты это знаешь.

— Да, сэр.

— Как ты полагаешь, существует какой-либо способ привлечь Стэнхопа на нашу сторону?

— Нет, сэр,— неохотно пробормотал Симпсон.— Я пытался.

— В таком случае у нас нет выбора, Энди. Пришли ко мне остальных двух членов комиссии и как можно быстрее. Мне необходимо встретиться с ними сегодня же вечером; распорядись, чтобы был приготовлен ужин. Стэнхоп не должен ничего об этом знать; он не должен встречаться с этими господами, пока я сам с ними не переговорю.— Джосайя почувствовал, как тяжело у Симпсона на душе.— Мне это так же неприятно, как и тебе, но что нам остается делать? Отказаться от всего только потому, что один благородный, но заблуждающийся человек стал на нашем пути?

— Как далеко может это нас завести, сэр?

— Ответ тебе известен, Энди. Скажи мне: если Стэнхоп будет противодействовать нам, должны ли мы сложить оружие?

— Мы можем обойтись без него.

— Ты знаешь нашу страну и наш народ. Скажи мне: если мы обойдемся без него, как это будет истолковано в стране?

— Я понимаю.

— Отлично! А если в глазах страны он одержит победу, это укрепит его положение и сыграет на руку нашим врагам. Ты думаешь, Айзексы не повернутся к нам спиной, если узнают, что Стэнхоп уперся на своем, воспротивился нам и это сошло ему с рук? Думаю, что они бросят нас на произвол судьбы. И вот мы вернулись к тому же: достаточно ли мы тверды, чтобы дорогой ценой заплатить за то, к чему стремимся? Если нет, нам не следовало вообще ничего начинать.

— Я пойду распоряжусь насчет ужина, сэр.

— Одну минуту, Энди. Я бы хотел, чтобы ты сам ответил на вопрос, который ты задал мне. Как далеко готовы мы пойти?

— До конца,— твердо промолвил молодой Симпсон.— Если, конечно, он не уступит.

— Да, Энди. А ведь это честный, порядочный человек, который верой и правдой служил своей стране, но теперь упрямо стоит на пути ее прогресса. Только одно утешает меня. Он так же, как и старик Фриуэйс, никогда не сделает попытки ниспроверг-

нуть законное правительство, и потому нам нет нужды применять к нему более крутые меры: достаточно отставки. Ты понимаешь теперь, что именно я имел в виду, когда говорил тебе и всем вам: еще не раз, быть может, придется нам дорогой ценой платить за все, и, быть может, способ этой расплаты будет нам порой ненавистен и тяжел. И он сам вынуждает нас к этому,— сказал Джосайя, возвращаясь к своему письменному столу.

Часть третья

Исполнители воли

Солнце спустилось уже совсем низко, с востока на землю наползал мрак, и высокие горы за холмом, на котором притаился человек с винтовкой, превращались в темные, бесформенные пятна.

Человек прислушался, и все тело его напряглось, когда до него донесся слабый, далекий и монотонный звук. Человек переменил положение, улегся поудобнее. Его вдруг охватило страстное нетерпение, ему захотелось сейчас же испытать винтовку — сделать пробный выстрел... Что, если оружие не выстрелит, вдруг что-нибудь окажется не в порядке? Он должен был сделать это час назад, как только взял винтовку в руки. Теперь уже поздно.

Человек заставлял себя сосредоточить все внимание на звуке, который приближался и становился все отчетливее; он старался стряхнуть внезапно охватившую его нерешительность. И это помогло: мало-помалу к нему пришло спокойствие; он вспомнил о стране и о том, что должно быть сделано.

Звук приближался, рос, обретал определенность.

Лимузин Джосайи, эскортируемый двумя полицейскими мотоциклами впереди и двумя сзади, приближался.

Человек положил палец на спусковой крючок, поглядел в оптический прицел, и дорога рывком придвинулась к нему.

Шум моторов раздавался уже совсем близко.

Человек начал молиться: прости меня, Господи. Не по своей воле совершаю я это, но для блага страны и для блага народа, и потому это должно свершиться. Лишь для блага страны и для блага народа нарушаю я шестую заповедь, ибо этот человек губит все, что есть прекрасного в нашей стране и в нашем народе. Аминь.

И, прочитав молитву, человек напряг всю свою волю.

Автомобиль медленно выплыл из-за поворота, и сквозь линзу оптического прицела человек отчетливо увидел усталое и озабоченное лицо Джосайи...

Президентские выборы, состоявшиеся через шесть недель после смерти старого Моисеса Джошуа, прошли так упорядоченно и так быстро, как ни одни выборы за всю историю острова. Кандидатов было двое: Альберт Джосайя и Фрэнклин Ф. Фриуэйс. Кандидатуру Джосайи поддерживал кабинет министров, профсоюзы, объединение фермеров и объединение государственных служащих (которое впервые в истории острова изменило своему принципу невмешательства в партийную борьбу). По словам председателя объединения, это объяснялось следующими соображениями: «Нет решительно никаких оснований для государственных служащих оставаться в стороне от политической борьбы, в то время как правительство платит им жалованье, а нужды страны требуют установления однопартийной правительственной системы». Все это произошло вскоре после того, как государственный секретарь внезапно покинул остров, получив полугодовой отпуск перед отставкой от должности. События эти заставили Марту Ли в своем еженедельном политическом обозрении поставить перед читателями вопрос: имеет ли право мистер Фриуэйс выставлять свою кандидатуру на пост президента? Если законы страны допускают существование только одной политической партии, говорилось в ее статье, и официальным кандидатом этой партии является мистер Джосайя, в таком случае мистер Фриуэйс, выставляя свою кандидатуру, действует столь же противозаконно, как если бы он пытался создать оппозиционную политическую партию. Мисс Ли весьма дос-

конально рассматривала этот вопрос с различных точек зрения, остроумно сопоставляя все «за» и «против», и после этого в течение недели под рубрикой «Письма к редактору» было напечатано много взволнованных и волнующих откликов читателей. А затем Джосайя вызвал к себе Макса Джонсона, и всякие разговоры и писания на эту тему мгновенно прекратились. Марта Ли была откомандирована на другой остров для репортажа о проходившей там важной конференции, и ее обещанная читателям статья о втором кандидате в президенты так и не появилась в печати.

Кандидатуру Фрэнклина Фриуэйса поддержали преимущественно высшие и средние слои городского населения, как белого, так и цветного, большинство хорошо обеспеченных специалистов — пожилые врачи, адвокаты, дантисты,— а также владельцы мелких предприятий. За спиной этих групп втихомолку, но весьма энергично действовали иностранные фирмы, кровно заинтересованные в победе Фриуэйса и финансировавшие его предвыборную кампанию.

Местные деловые круги выжидали, настороженно следя за каждым шагом айзексовской клики и пытаясь предугадать, куда подует ветер и на чьей стороне будет перевес. Втайне от всех промышленников Джосайя оповестил Солли Айзекса и Джоула Стернинга, что он рассчитывает на соблюдение строгого нейтралитета со стороны айзексовской группы на протяжении всей предвыборной кампании.

— У нас с вами нет никакого политического союза,— как бы между прочим сказал он,— только деловое соглашение. Вы вошли со мной в контакт из чисто коммерческих соображений, и какие-либо политические убеждения, и прочие отвлеченные вещи не имеют к этому касательства. Давайте будем придерживаться такой линии и дальше.

В силу этих причин Айзексы занимали на выборах строго нейтральную позицию.

В последние дни перед выборами деловые круги острова были охвачены тревожными сомнениями. А что, если нейтралитет Айзексов не подлинный, а лишь показной; что, если за всем этим кроется какой-то черный умысел? Это подозрение еще подогревалось тем, что правительственные служащие открыто, хотя и не слишком демонстративно, поддерживали Джосайю. За восемь дней до выборов колонна демонстрантов, сторонников Джосайи, встретилась с колонной сторонников Фриуэйса; произошла короткая, но ожесточенная схватка. Так как сторонники Фриуэйса были в основном светлокожи и хорошо одеты, а сторонники Джосайи — преимущественно темнокожи и одеты скверно, стычка приобрела оттенок расового столкновения. Полиция очень быстро положила конец драке. Однако эти события сильно напугали многих бизнесменов, ибо они усмотрели в столкновении знак расовой ненависти ко всем светлокожим. Одно из объединений промышленников обратилось к кабинету министров с петицией, прося отложить выборы. Кабинет министров петицию отклонил. Все местные предприниматели один за другим начали засылать своих эмиссаров в штаб-квартиру сторонников Джосайи — пробовали зондировать почву.

На многолюдном митинге под открытым небом Джосайя рассказал пятидесяти тысячам своих сторонников обо всех удивительных предложениях сотрудничества в форме денег, транспортных средств и бесплатной выпивки, которые неожиданно были сделаны ему местными деловыми кругами. Он сумел преподнести это так, что огромная аудитория просто помирала со смеху.

И когда несколько дней спустя были подсчитаны голоса, выяснилось, что за Фрэнкли. на Ф. Фриуэйса проголосовало менее пяти процентов всех избирателей. А следующие двое суток слились в один ликующий праздник, когда весь остров торжествовал и веселился, прощаясь с прежней жизнью и приветствуя наступление новой эры, исполненной радужных надежд и ослепительных свершений. И Джосайя, новый президент, был все время со своим народом, и смеялся, и радовался вместе с ним, раскрывая всем свои объятия и пробуждая мечты, которые каждого мужчину и каждую женщину, каждого юношу и каждую девушку заставляли по-новому осознавать себя, проникаясь чувством собственного достоинства и горделивой радостью за свою страну и свой народ...

Марта Ли возвратилась домой три месяца спустя после того, как Джосайя вступил на пост президента. В день закрытия конференции, проходившей на соседнем острове, она получила телеграмму от Макса Джонсона: он предписывал ей тотчас отправиться в Лондон, а оттуда — в Организацию Объединенных Наций. Марта Ли попыталась в тот же вечер переговорить с Максом по телефону, но далекий голос ночного редактора, звучавший настороженно и отчужденно («Я в эти дела не вмешиваюсь») яснее всяких

слов сказал ей, что Макс не станет вступать ни в какие переговоры. Тогда, повинуясь полученным инструкциям, она провела три месяца в Европе и Соединенных Штатах, время от времени посылая статьи о жизни своих земляков, проживающих на чужбине, и в своих еженедельных обозрениях занималась теперь исключительно международными вопросами, не касаясь внутренних проблем страны.

И вот она стояла у трапа большого самолета, только что совершившего посадку на аэродроме. Молодой служащий аэропорта, встречавший прибывающих пассажиров, приветствовал ее тепло, как старого друга, и она мгновенно почувствовала себя лучше. Она снова была дома, на родине, очутиться дома всегда приятно.

Молодой служащий спросил:

— Разрешите мне заняться вашим багажом, мисс Ли?

— Пожалуйста,— сказала Марта.— Ничего нет лучше, чем возвратиться домой, ничего на свете не может быть лучше!

Молодой человек взял у нее багажную квитанцию, быстро написал какую-то записку, передал ее вместе с билетом и квитанцией носильщику, и тот направился в таможню.

— Я попрошу вас пойти с этим носильщиком, мисс Ли, и они там быстро все для вас сделают.

— Большое спасибо. Как хорошо возвратиться домой! — Марта быстро скользнула взглядом по небольшой кучке людей, столпившихся в ожидании у выхода. Знакомых не было никого; никто не пришел ее встретить.

На таможне другой доброжелательный молодой человек задал ей обычные вопросы и даже не открыл ее чемоданов. У выхода из таможни снова не оказалось никого из знакомых, и Марта попросила носильщика взять для нее такси. Потом среди такси и гостиничных лимузинов, прибывших к аэродрому за туристами, она увидела легковой автомобиль, с трудом прокладывающий себе дорогу; он показался ей знакомым. Она направилась к носильщику, знаками показывая ему, чтобы он подождал звать такси.

Наконец автомобиль выбрался из затора и подрулил к тротуару, где стояла Марта Ли. Джоул Стернинг быстро вышел из машины и направился к Марте.

Полицейский, дежуривший в аэропорту, не спеша подошел к ним. Здесь стоянка запрещена, останавливаться могут только такси, заявил он. Стернинг не обратил никакого внимания на его слова. Носильщик объяснил довольно сердито:

— Он же на минуту только — чтобы посадить эту даму.

Стернинг сжал руки Марты.

— Как долго тебя не было!

— Я думала, что ты меня давно забыл.

— Никогда!

Он еще крепче сжал ее руки, и она снова почувствовала: как хорошо вернуться домой! Носильщик тем временем безуспешно пытался открыть багажник автомобиля, и Стернинг, оставив Марту, пришел ему на помощь. Полицейский, все так же не спеша, прошествовал дальше, бормоча что-то по адресу людей, которые не знают, где положено ставить машину. Когда он отошел достаточно далеко, носильщик позволил себе огрызнуться:

— Ничего, Джосайя еще вправит ему мозги! Подумаешь, важная шишка — полицейский! Жирная сволочь, паразит!

Наконец багажник открыли, носильщик водрузил туда чемоданы Марты, захлопнул крышку багажника, получил свою мзду и ушел, все еще продолжая поносить этих «жирных паразитов полицейских».

Когда они выбрались из сплошного потока машин, Джоул немного сбавил ход и затем, проехав еще с милю, свернул на шоссе, ведущее прямо к морю. Он заглушил мотор и включил свет в кабине, хотя только начинало смеркаться и небо еще не потемнело. Он долго, внимательно всматривался в лицо Марты, затем снова выключил свет.

— Как тебе там жилось? — спросил он.

— В сущности, неплохо. При других обстоятельствах это могла бы быть замечательная поездка.

— И была бы, если бы ты позвала меня с собой.

— И вызвала бы тем открытый скандал? Но так или иначе, мне хотелось побыть одной.

— Ты видела Стэнхопа?

— О да! Он водил меня обедать и потом в оперу, обедать и потом в драму, обедать и потом на концерт. И каждый раз это было нечто сногсшибательное, и мне было совестно, что я не в состоянии воздать должное всем этим потрясающим угощениям и развлечениям.

— Ну как он там?

Внезапно Марта вспылила:

— А как ты это себе представляешь? Прыгает на одной ножке от радости, что его сместили? — Но ее раздражение тут же прошло. Как бы прося у него извинения, она быстрым движением коснулась его руки:— Прости! Не знаю почему, но, что бы ни случилось, я вечно обрушиваюсь на тебя. Словом, Стэнхоп старался не подавать виду, как ему тяжело, но этого не скроешь.

— Говорил он тебе, когда думает вернуться?

— Весь свой отпуск, во всяком случае, он пробудет там.

— Джосайя, между прочим, дал понять Солли, что было бы нежелательно, чтобы Айзексы пригласили Джона к себе на работу.

— И они, разумеется, будут паиньками,— с горечью сказала Марта.

— Да, конечно. Они теперь за свои два процента занимают вполне официальное положение при правительстве.

В меркнувшем свете она старалась заглянуть ему в глаза. Ей хотелось разгадать — что в них, но было уже слишком темно.

— Ну, а как же ты, его друг? — Она постаралась задать этот вопрос как можно бесстрастнее.

— Для меня ничего не изменилось,— ответил Стернинг, стараясь подавить нарастающее раздражение.— Он мой друг. И всегда останется им.

— Будь осторожен, милый. Они могут употребить его для священного жертвоприношения новому режиму. И каждый, кто к нему близок, может пострадать.

— А ты? Еще одно священное жертвоприношение?

Она расхохоталась так громко, что смех прозвучал резко.

— Я для этого недостаточно крупная дичь, мой дорогой. Меня попросту запихнут куда-нибудь подальше на запасной путь, как старый, отслуживший свою службу вагон, что, в сущности, и было только что проделано. И к тому же они понимают, что я не могу перейти в стан их врагов.

— Для нашего друга Джосайи этого может быть еще недостаточно.

— Возможно. Но я не хочу заглядывать так далеко вперед.

— Но я же знаю, что ты будешь отстаивать свободу печати.

— В таком случае ты знаешь про меня больше, чем я сама.

— Но ведь это несомненно.

— Ничего несомненного в этом нет и не может быть, Джоул. Все зависит от того, какой ценой. Ты сам знаешь, так ли уж велико значение свободы печати для подавляющего большинства нашего народа.

— Это одна из основных привилегий народа, Марта.

— Для тебя, и для меня, и для людей, подобных нам, но не для тех, кто даже не умеет читать и живет в лачугах без электрического освещения, без водопровода и всю жизнь, чтобы не подохнуть с голоду, ковыряется в земле, словно животное. Но ты же сам все это знаешь, так стоит ли тратить время на то, что и так ясно.

— Стоит, потому что понимать — это еще недостаточно, это еще ничего не решает; человек все понимает, но душа его не на месте — это я о себе... И как я рад, что вновь могу разговаривать с тобой. Мне так не хватало этого... и тебя.

Она почувствовала его волнение. Сейчас он ждал только одного — малейшего отклика с ее стороны, чтобы дать волю своему чувству, ибо для Джоула теперь — быть может, раньше, когда он женился на Кларе Айзекс, все было по-другому — теперь любовь для него, истинная любовь, насыщающая тело и душу, стала невозможна без полного душевного слияния; любовь для него была — дитя духовной близости, и любовным объятиям должно было предшествовать спокойное обогащающее взаимопроникновение душ. От этого их любовные встречи часто казались почти бесплотными.

Марта сказала, стараясь, чтобы это прозвучало как бы между прочим — ей не хотелось ни к чему его принуждать:

— Ты хочешь отвезти меня домой?

— Но ты этого не хочешь.

— Я не совсем здорова сегодня.

— Мне ведь не только это нужно. Я хочу быть с тобой, поговорить с тобой или помолчать.

— Я знаю.— Она прижалась к нему, и это был тот отклик, которого он ждал.

Он притянул ее к себе; его поцелуй был нежен; он долго-долго не выпускал ее из объятий.

— Мне все равно как, где, лишь бы побыть с тобой.

— Я тоже тосковала по тебе. Если хочешь, отвези меня домой.

— Твои друзья, верно, заждались тебя. По правде говоря, ты уже сильно опоздала на прием, устроенный в твою честь.

— К черту,— сказала она решительно.— Отвези меня домой.

— Прием устроен у тебя дома.

Марта отвернулась и окинула взглядом порт. Какой-то корабль, величественный и ослепительно волшебно белый в сумеречной мгле, горделиво бороздил океанский простор. Так и люди, почему-то подумалось Марте, она сама не смогла бы объяснить почему.

— Это затея Макса? — негромко спросила она, продолжая глядеть на море.

—Да.

— Ну что ж. Поехали домой.

Он почувствовал, как она сразу замкнулась и словно окаменела, и понял почему. Он с самого начала боялся, что она именно так воспримет эту затею, и пытался отговорить Макса Джонсона, но Макс не желал ничего слушать: когда человек стремится искупить свою вину, его очень трудно от этого отговорить.

— Он ведь из самых лучших побуждений, Марта.

Она обернулась к нему; лицо ее смутно темнело в сумерках, но ему не надо было видеть ее лица, он знал Марту слишком хорошо и понимал, что она сейчас испытывает. Он включил зажигание, развернул машину и выехал на главное шоссе, ведущее в Мозесвилль.

В городе, казалось, ничего не изменилось, не могло измениться; он был тот же, что и прежде, когда старый Мозес Джошуа с ловкостью опытного жонглера правил им и всем островом — правил угрозами, лестью, шумной похвальбой. Старый грозный самодур был мертв, а город остался, и уход властелина не изменил его и не потревожил — можно было подумать, что старого правителя никогда и не существовало вовсе. И когда молодой правитель, унаследовавший дворец и власть, тоже подойдет к последнему рубежу, город все так же будет стоять на старом месте; быть может, лишь слегка расползется вширь, быть может, появятся новые, более высокие здания, станет больше автомобилей, упорядочится движение городского транспорта, но по существу город останется прежним, и уход нового правителя также не потревожит его души; город, как народ, продолжает жить, когда люди, каждый в одиночку, умирают, тем самым победа всегда остается за ним, а не за человеком.

Марта закурила сигарету, и Стернинг, на миг оторвав глаза от дороги, увидел ее лицо; в трепетном свете внезапно вспыхнувшего огонька оно показалось ему мертвенным и бескровным, словно посмертная маска. Так, подумал он с содроганием, она будет выглядеть после смерти, когда еще не наступило разложение.

— Марта!

Его смятение передалось ей, и она встревоженно обернулась к нему.

— Что с тобой, Джоул?

Он потряс головой, словно боясь, что она прочтет его мысли, и сказал:

— Освещение иногда выкидывает странные штуки.

— Потусторонние штуки?

— Потусторонние,— кивнул он, в который уже раз потрясенный удивительной, необычайной способностью этой женщины улавливать невысказанные мысли и чувства.

Когда они подъехали к дому Марты, уже совсем стемнело. Последние отблески заката потухли, и небо черным пологом нависло над землей — ни луны, ни единой звездочки. Стернинг притормозил, и они услышали шум и голоса, доносившиеся из дома.

— Хочешь, чтобы я зашел?

— Нет. Я выгляжу мерзко, чувствую себя мерзко, меня одолевают расистские предрассудки, а ты заслуживаешь лучшей участи.

— Можно мне вернуться попозже?

— Когда все это закончится, я буду еще ужаснее, еще безобразней и озлобленней.

— Я позвоню тебе.

Она слегка коснулась его руки и направилась к дому, откуда повеяло густым, аппетитным запахом жареного поросенка. Потом внезапно остановилась, резко повернулась, снова подошла к Джоулу, который доставал из машины ее багаж, и взяла в каждую руку по большому чемодану.

— Во всем виноваты мои расистские заскоки — мне зачем-то понадобилось разыгрывать из себя важную даму. Из-за этого я не могу выйти за тебя замуж, Джоул, не имею права отнять тебя у твоей Клары. Я же никогда не могу позволить себе быть по отношению к тебе дурной, капризной, злиться на тебя — меня тотчас охватывает страх, что это во мне сидит расизм, и такая жизнь станет непереносима, а ты отнюдь не заслуживаешь, чтобы в наших отношениях вечно была эта внутренняя преграда.

— Никакой преграды нет.

— В таком случае почему я вернулась за своими чемоданами? Потому что я не могу отделаться от этого сознания, и оно создает для меня преграду. Грех ведь существует только постольку, поскольку мы осознаем его.

— Мы, кажется, не раз уже толковали об этом.— Его раздражение наконец прорвалось наружу.

Дверь дома распахнулась, раздались громкие голоса, восклицания.

На небе кое-где уже загорались звезды, а край горизонта на западе посветлел; всходила луна.

Какая-то женщина воскликнула:

— Она приехала!

— Да, толковали,— продолжала Марта,— но ведь каждый из нас прежде всего имеет дело с самим собой, а потом уже с кем-то еще.

— Твои моральные нормы нереальны, недостижимы,— резко сказал Джоул.

— А твои? Разве ты хочешь, чтобы я стала относиться к тебе так, как ты относишься к Кларе? — Марта обернулась и увидела, что подвыпившие гости гурьбой направляются к ним. Она сжала руку Джоула и сказала торопливо: — Таким, как мы с тобой, не следует жениться. Наши моральные запросы непригодны для брака. Вот почему я жалею твою Клару.

— Я не должен был жениться на ней.

Как же ему хочется, чтобы во мне заговорило чувство собственницы, подумала она и сказала:

— В ее интересах — нет; и вообще ни на ком.— Их уже окружили люди.— Ну ладно, звони.

— Позвоню, до свидания.— Он направился к машине.

Великан Макс Джонсон, словно башня, возвышавшийся над остальными гостями, загремел, высоко подняв бокал:

— Останься, отпразднуем ее возвращение, Стернинг!

Черные колеса автомобиля заскрежетали по гравию, когда Стернинг на большой скорости сделал разворот.

— Вечно он куда-то спешит,— поморщился Джонсон.

Марта проследила, чтобы забрали ее чемоданы, после чего гости возвратились в коттедж. Все были в сборе: и журналисты, и профсоюзные деятели. Они ждали возвращения Марты уже свыше двух часов и поглотили за это время изрядное количество спиртного, так что теперь их голоса звучали громко, развязно. Вся подвыпившая компания преувеличенно шумно приветствовала Марту.

Макс Джонсон постарался устроить так, чтобы Марта все время была окружена толпой гостей и лишена возможности поговорить с ним с глазу на глаз. Когда с угощением было покончено и время уже близилось к полночи, он выставил всех за дверь и попытался улизнуть сам. Но Марта, предвидя это, поджидала его у калитки.

— И это все, Макс?

— Ну да! А ты что же — ждала еще букетов роз и шампанского?

— Ты понимаешь, о чем я спрашиваю.

— Так не будь дурой. Ты не хуже меня знаешь, как было дело.

— А теперь тебе, значит, достаточно выставить еду и выпивку, и все будет

в порядке? Вы, белые,— даже самые лучшие из вас — никак не можете обойтись без этого снисходительного покровительства.

— Подобной мерзости я не ожидал услышать даже от тебя,— прорычал Джонсон.

— Достаточно немного похлопать нас по плечу, сказать несколько сладких слов, заявить, что вы верите в расовое равноправие, жениться на одной из нас, и вот вы уже получаете патент топтать нас ногами, использовать нас в своих интересах и заставлять плясать под свою дудку. Мне кажется, пока вы не выстрадаете всех унижений, какие приходится переносить нам, вам никогда не освободиться от врожденного чувства расового превосходства — даже лучшим из вас оно передается из поколения в поколение.

— Благодари бога, что ты женщина!

— А это может тебя от чего-то удержать?

Наступило продолжительное молчание. Потом Макс тяжело вздохнул.

— Ну, ты все сказала?

— Кроме одного.

— Что еще?

— Я понимаю, что это большая дерзость с моей стороны.. сэр...

— Перестань молоть вздор...

— Вы продались Джосайе? Вам поэтому понадобилось убрать меня с дороги?

— Слушай, ты...

— Потому что если это так, то учтите: я не продаюсь...

— Поди к черту!

Макс зашагал прочь.

— Только следом за тобой! — выкрикнула она, глядя на его удаляющуюся спину.

В ярости она была холодна как лед и вполне владела собой: ярость не распаляла ее и не заставляла дрожать словно в лихорадке. Марта стояла у ворот, пока не скрылись вдали красные огоньки его автомобиля. Тогда она вернулась в дом.

Марта разделась, прошла в ванную, зажгла газ, пустила горячую воду; став под душ, она принялась энергично тереть тело губкой, стремясь поскорее смыть с себя пот и грязь долгой дороги, и ей казалось, что, очищая тело, она как бы очищает ум и душу. Потом, закрыв душ, она с силой растирала свое стройное мальчишеское тело полотенцем до тех пор, пока не почувствовала, что вся кожа горит. Страшное напряжение, в котором она силой воли держала себя, прошло. Теперь мускулы расслабились, тело стало мягким, почти безвольным. Как только она перестала бороться с утомлением, оно подчинило ее себе, и она ощутила легкое головокружение. У нее едва хватило сил добраться до постели.

Марта проснулась довольно поздно, увидела за окном горы и с радостью вспомнила, что она и в самом деле наконец дома. Теперь, когда она лежала в постели, в залитой солнцем комнате, и глядела на эти горы и на живую, трепещущую зелень за окном, все, что было вчера и позавчера, как бы утратило реальность: Нью-Йорк, облаченный в сталь и бетон, громоздящийся чуть не до самого неба, закрывающий небо от глаз; Лондон, где воздух пропитан удушливой гарью, а чахлые деревья и худосочная трава в парках лишь усиливают тоску по животворной зелени острова; ущербные лица ущербных людей, для которых жизнь — лишь мрачная, беспросветная борьба за существование.

И когда служанка принесла ей завтрак — высокий бокал свежего апельсинового сока, огромный золотисто-желтый плод манго, яйцо, снесенное курицей всего полчаса назад и присланное в виде приветствия любезной соседкой, и кружку густого ароматного кофе из только что смолотых зерен, собранных в горах,— ощущение нереальности всего, что она видела в том, другом мире еще усилилось. И все же тот мир был не менее реален, чем этот. Да и так ли уж многим он хуже, подумала она, вспоминая ночную стычку с Максом Джонсоном и понимая, что за ней вскоре последуют новые.

Когда она вошла в редакцию газеты, было уже около полудня, и секретарша сказала:

— Добро пожаловать домой, мисс Ли! Редактор ждет вас. Мрачен, как грозовая туча.

Приближение грозы ощущалось во всей редакции. Сотрудники приветствовали Марту сдержанно — боялись не угодить редактору.

Марта постучала в дверь его кабинета, подождала.

— Войдите!

Она вошла, затворила за собой дверь, прислонилась к ней спиной и стала ждать. Макс по меньшей мере секунд пятьдесят не отрывал глаз от своих бумаг, затем поглядел на часы у нее над головой — подчеркнуто, так, чтобы она не могла этого не заметить,— и лишь затем произнес сухо:

— Доброе утро.

— Доброе утро, сэр.

— Впрочем, утро, кажется, уже позади.

Марта пропустила это замечание мимо ушей.

— Мне сказали, что вы хотите видеть меня.

— Да, садитесь.— Марта не двинулась с места, и он взорвался: — Я говорю — садитесь, черт побери!

Марта шагнула вперед, опустилась в единственное стоявшее в кабинете кресло и стала ждать.

Прошло еще несколько секунд. Макс Джонсон поднял глаза, пристально поглядел на нее, поджав губы.

— Вчера вечером,— сказал он размеренно, холодно,— вы пытались приписать мне ваш расовый комплекс.

— Здесь мы с вами на работе, сэр,— сказала Марта так же холодно, в тон ему.— А ведь это ваше правило: не переносить в стены редакции того, что происходит вне их между кем-либо из сотрудников.

— Вы обвинили меня в том, что я продался, а это непосредственно касается редакции. Продаться я мог только как редактор газеты.

— Я не обвиняла вас, сэр, я спросила.

— Вот это здорово, черт побери! Я уже позабыл о том, как вы умеете играть словами. «Я вас не обвиняла, сэр, я спросила». Ха! Прокурор тоже задает подобные вопросы преступнику, будучи непреложно уверен в его виновности. Вероятно, если я скажу вам, что вы все-таки недостаточно хитры, это тоже будет проявлением моего комплекса расового превосходства?

— Вы могли бы просто ответить на мой вопрос,— резко сказала Марта.— Вы могли сказать, что я не права.

— Понятно. Я, значит, должен давать отчет в своих поступках ее величеству мисс Марте Ли, чтобы вас черт побрал! Почему же это, скажите на милость! Потому что я имел несчастье родиться в другом месте, а не в этом вашем солнечном раю? Потому что я — жалкий белокожий подонок, который вечно должен выворачивать себя наизнанку, доказывая, что он лишен расовых предрассудков? Что же вы молчите, валяйте, выкладывайте! Говорите, почему я должен держать перед вами ответ.

— Я не сказала, что вы должны держать ответ, но я принимаю вашу постановку вопроса — куда более хитрую, чем моя. Я считаю, что каждый из нас должен держать ответ по законам дружбы, по законам общности идей; если мы совместно служим какой-то идее, значит, это дает нам право судить о поступках друг друга в свете этой идеи.

— Так, теперь вы перешли на высокопарный тон, и я бы даже сказал — несколько дамский. Приберегите это для Стернинга. Нас с вами, вас и меня, связывает только одно — наша профессия. Мы — двое журналистов. Наша задача — добыть информацию и дать информацию, и как только мы выходим за пределы этой задачи, наша так называемая солидарная ответственность летит к черту. Как только вы принимаетесь истолковывать, анализировать и судить вкривь и вкось, как только вы становитесь в позу борца за правое дело, потому что у вас патриотический зуд в копчике, в ту же минуту я становлюсь вашим боссом и решаю, что вы должны делать, где и когда, и при этом не обязан, черт побери, давать отчет ни вам, ни кому-либо другому. Короче говоря, вы делайте свое дело, а мне предоставьте делать мое и перестаньте забивать себе голову разным вздором, вроде дружбы, общности идей и служения им.

— Хорошо, сэр,— равнодушно пробормотала Марта.

Вон уже куда зашло, подумал Макс, пристально наблюдая за ней, и сжав губы.

Марта Ли почувствовала ледяную отчужденность в устремленном на нее взгляде Макса и поняла, как была она не права, решив, что он позволил втянуть себя в по-

литическую игру. Как бы долго Макс Джонсон ни жил на этом острове, как бы сильно ни любил он женщину, уроженку этих мест, он никогда не приносил и никогда не принесет в жертву этой стране то единственное, что питает его мысли, сердце, душу — то необъяснимое и неуловимое, чем жив человек, чем связан он с временем и миром, то, что позволяет человеку выйти за пределы краткого мига самосознания, который именуется жизнью.

Максу Джонсону хотелось сказать еще что-то или вернуть то, что было сказано. Как-никак нечто похожее на дружбу существовало между ними прежде.

Марта сказала:

— Я прошу прощения, если позволила себе лишнее. Я неправильно вас понимала.

Она уходит от тебя все дальше, скоро ты останешься совсем один, подумалось Максу.

— Мне кажется, самое лучшее для вас недельку-другую поездить по острову. Это вас освежит, и вам будет полезно подышать новой атмосферой страны. К тому же враждебная нам иностранная пресса уже начала давать кое-какую информацию.

— Хорошо, сэр.— Марта встала, быстро шагнула к двери.

Макс долго сидел неподвижно; никогда еще за последние годы не чувствовал он себя таким одиноким.

Зазвонил телефон: секретарша сообщила, что звонит мистер Эндрю Симпсон, временно исполняющий обязанности государственного секретаря. Джонсон взял трубку.

— Мистер Джонсон? Говорит Симпсон. Как у вас дела?

— Что именно вас интересует, мистер Симпсон?

— Нам стало известно, что мисс Ли возвратилась домой.

— Да.

— У господина президента возникла мысль о серии статей, и ему кажется, что мисс Марта Ли, с вашего разрешения, могла бы лучше других справиться с этой задачей. Господин президент хотел бы лично побеседовать с мисс Ли, но предпочел сначала договориться об этом с вами.

— Очень сожалею, но это невозможно.

— Простите, я не понял.

— Мисс Ли не может принять это предложение.

— Она отказывается?

— Она здесь ни при чем. На последнем совещании я получил специальное указание от дирекции газеты: я обязан оградить сотрудников редакции от любого постороннего влияния или давления и обеспечить им в этом смысле полную неприкосновенность. Ввиду этого я решил предложить моим сотрудникам воздержаться от каких бы то ни было сношений с дворцом, а равно и с представителями крупных промышленных и сельскохозяйственных фирм и других коммерческих предприятий. На всякого, кто нарушит эту инструкцию, будет наложено суровое дисциплинарное взыскание; кроме того, все сотрудники редакции получили приказ доводить до моего сведения любую попытку...

— Я говорю с вами от лица президента, мистер Джонсон.

— Мне это известно.

— И вы хотите, чтобы я сообщил президенту то, что услышал от вас?

— Я изложил вам факты. Сообщите ему все, что сочтете нужным.

Эндрю Симпсон резко повесил трубку.

Марта Ли в своем редакционном закутке внимательно ознакомилась с полученной от главного редактора новой инструкцией, которую она обнаружила у себя на столе.

Во дворце президент Джосайя, сидя за своим письменным столом, выслушал с бесстрастным видом сообщение Эндрю Симпсона о его телефонном разговоре с Максом Джонсоном.

— Хорошо, Энди,— негромко проговорил президент и медленно, задумчиво покачал головой, словно принимая какое-то трудное решение.

Марта Ли вошла в кабинет Макса Джонсона, положила инструкцию на его письменный стол и заявила:

— Я отказываюсь работать в таких условиях.

— Ну что ж.— Макс даже не поднял глаз. Он снял трубку внутреннего телефона, буркнул:— Главиого бухгалтера! — подождал и сказал: — Джонни, это Макс. Запиши себе: Марта Ли временно освобождается от работы, до особого распоряжения. На половинном окладе. Да! — Он нажал на рычаг, оборвав разговор, тут же снял палец и распорядился: — Редактора последних известий! — Опять немного подождал и произнес: — Джо? Мисс Ли освобождается от работы до особого приказа.— Он положил трубку и поглядел на Марту.

— Это все, сэр? — спросила Марта.

— Все. Я дам вам знать, когда вы мне снова понадобитесь. Но я по-прежнему хочу, чтобы вы отправились в поездку по острову. Более того, я хочу, чтобы вы отправились сейчас же. Это приказ!

Марта сдержанно кивнула; в эту минуту сквозь непроницаемую маску ее лица особенно отчетливо проступили черты, унаследованные ею от предков-китайцев; затем она вышла.

Макс Джонсон подумал о том, что дворец может связаться с Мартой по телефону. Если они ее поймают, ей будет нелегко отклонить приглашение главы государства. Макс хотел было позвонить директору телефонной станции и попросить, чтобы телефон Марты отключили, но тут же отказался от этой мысли. Такие действия были бы противозаконными, а он не хотел ни на кого навлекать неприятности. Потом он вспомнил об электромонтере, обслуживающем редакцию, вызвал к себе управляющего делами и объяснил, что ему требуется. Однако управляющий был решительно против таких мер.

— Этот парень — активный профсоюзный деятель и горой стоит за Джосайю.

В конце концов, не найдя другого выхода, Макс сам отправился к Марте в ее закуток и застал ее уже с папкой под мышкой и портативной машинкой в руке, она собиралась покинуть редакцию. Макс сказал себе: «Ты не можешь просто взять и приказать этой женщине не отвечать на телефонные звонки — у тебя нет на это никаких прав». Вслух он произнес:

— Ваш молодой друг Симпсон звонил мне из дворца. Президент задумал дать серию статей и желает, чтобы вы их написали. Я сообщил им о полученной вами от меня директиве. Я хочу, чтобы вы были в курсе этих переговоров прежде, чем покинете город.

— Благодарю,— холодно сказала она. И, проскользнув мимо него, прошла между рядами столов и скрылась в конце длинной комнаты, полной гула голосов, треска пишущих машинок, телефонных звонков.

Весть о том, что Марта Ли временно освобождается от работы, уже облетела редакцию, все украдкой смотрели ей вслед, и каждый думал о том, что теперь настали такие времена, когда нельзя ничего предвидеть, когда гнев главного редактора может разразиться внезапно, как тропический ливень, и спастись от него сумеет лишь тот, кто вовремя подыщет себе надежное укрытие.

Спустя час после ухода Марты кто-то позвонил по телефону и сообщил, что, заправив машину и загрузив ее провизией, мисс Марта Ли выехала из города в северном направлении; в редакции газеты «Голос Острова» все явственней ощущалась атмосфера надвигающейся грозы.

Эндрю Симпсон вошел в кабинет президента и доложил:

— Служанка говорит, что мисс Ли уехала в поездку по острову. Из газеты мне сообщили, что она временно освобождена от работы. Копия инструкции, врученной всем корреспондентам газеты, уже направлена сюда. Снестись с мисс Ли не представит трудностей. Я узнал номер ее машины и уверен, что дорожная полиция разыщет ее в течение часа.

— Она нам сейчас не нужна,— сказал Джосайя.— Пусть себе катается.— Затем, как бы между прочим, спросил: — Ты знаешь, Энди, что такое газета?

Эндрю Симпсон, уже достаточно хорошо изучивший президента, помолчал, ожидая, чтобы тот сам ответил на свой вопрос.

Именно так и произошло. Джосайя сказал:

— Это могущественное оружие, сила его воздействия на умы несравнима ни с чем другим. А эта наша газета — самое мощное оружие неоколониализма, то есть злейшего врага свободы и процветания нашего народа. Вот сущность стоящей перед нами проблемы. И вот вопрос: как нам эту проблему разрешить?

Симпсон почтительно молчал, он ждал продолжения, но Джосайя тоже молчал, и Симпсон понял, что президент уже погрузился в свой собственный мир. Там он наедине с самим собой разрешал трудные проблемы, со скрупулезной точностью и учетом всех реальных возможностей рассчитывая, как эффективнее применить власть.

Энди Симпсон вышел из кабинета.

Часом позже президент снова вызвал к себе государственного секретаря и приказал ему созвать заседание кабинета министров на следующее утро. Разговор этот еще не был окончен, когда явился толстый К. И. Пауэрс, новый премьер-министр и министр финансов, и сообщил, что его трехкратная попытка раздобыть денег коичилась неудачей. Государство, в течение многих лет хозяйничавшее в этой стране, отвергло просьбу правительства предоставить денежный заем для целей развития народного хозяйства. Взамен этого оно выразило готовность рассмотреть любой проект экономических переустройств, с которым правительство острова сочтет уместным его ознакомить, и уже тогда, если проект окажется целесообразным, прислать на остров соответствующих специалистов, поставить сырье и, быть может, даже выделить небольшой кредит.

— Мы не станем представлять на их одобрение планы нашего хозяйственного развития,— отрезал Джосайя.

— Затем,— сообщил далее премьер-министр,— Международный банк недвусмысленно дал понять, что деньги получить можно, но под солидные проценты. И во всяком случае вопрос о займе не может быть рассмотрен, прежде чем не будет покрыта задолженность, поскольку остров сильно задержал выплату очередных взносов.

— Они только *рассмотрят* этот вопрос, после того как мы уже выложим деньги,— резюмировал Джосайя.— Это не годится. Мы — бедная страна, мы не можем позволить себе роскоши состоять членом этого модного банка-клуба, если членство не приносит нам соответствующей выгоды.

— Я пробовал добиться от них каких-либо обязательств,— сказал Пауэрс.— Но они не желают разговаривать, пока мы не покроем задолженности.

— А наш великий сосед?

— То же самое. Отмените «Декрет о праве собственности иностранных компаний», «Декрет о праве собственности на недвижимое имущество и землю», внесите поправки в «Декрет о контроле над заработной платой и прибылями» в сторону его смягчения и после этого приходите, будем разговаривать.

— Следовательно, они не предоставят нам займа, пока мы не нарушим обещаний, данных народу, и снова не превратим нашу страну в источник дохода для иностранного капитала.

— Да, примерно так.

— А каково сейчас наше финансовое положение?

— Не слишком плохое, но и не слишком хорошее. Выплата по некоторым займам будет довольно затруднительной. А кое-кто из предпринимателей пытается забрать свои вклады.

— Бегство капитала?

— Банки не любят давать на этот счет информацию.

— Тогда, Энди, возьмись-ка за «Правила банковского и биржевого контроля». Скажи нашим людям, чтобы они, если потребуется, набросали какой-нибудь проект, который помог бы приостановить отток капитала. Пока все, господа.

Поздно вечером у ворот дворца появился какой-то неизвестный, бедно одетый, невзрачный с виду темнокожий. Когда человек этот стал приближаться к воротам, часовой насторожился, но не успел прогнать незнакомца, ибо тот проворно вытащил из нагрудного кармана квадратный кусочек картона, вытянул руку, выставив картонку прямо перед собой, словно щит, и зашагал вперед.

— Чего тебе? — рявкнул часовой.

— Это пропуск Джосайи,— сказал неизвестный, тыча кусочком картона в лицо часовому.

Часовой уже слышал об этих картонках, именовавшихся «пропусками Джосайи», и ему совсем не хотелось с ними связываться, поэтому он отвернулся и проворчал:

— Пошли.

Старый сержант, несший дежурство в ту ночь, когда скончался Мозес Джошуа, снова дежурил в этот вечер.

Часовой отдал честь и сказал:

— У этого человека один из таких пропусков, сержант.

— Ладно. Возвращайся на свой пост.

Сержант взял картонку у незнакомца и принялся ее разглядывать, ожидая, когда часовой уйдет.

— Что тебе надо?

— Сказать нужно кое-что президенту.

— Слишком поздно явился.— Сержант поглядел на стенные часы — шел уже одиннадцатый час.

— Он меня примет,— сказал человек.

— Как твое имя?

— Скажи ему номер карточки.

Сержант начинал сердиться.

— Я не стану звонить во дворец, если ты не назовешь своего имени.

— Нет уж, ты лучше позвони, сержант,— сказал человек вкрадчиво,— иначе у тебя может быть куча неприятностей.

Сержант был уже немало наслышан насчет этих специальных пропусков и людей, которые были ими снабжены. «Странная публика, кто бы мог подумать, что такие будут допускаться во дворец!» — говорили ему. И еще его предупреждали, что президент очень с ними цацкается. Дежурный подошел к телефону, соединенному с дворцом, и набрал номер государственного секретаря. Раздались гудки, но никто не поднял трубку. На миг дежурный вспомнил Джона Стэнхопа; он слышал, что президент втихомолку отстранил его от должности, и подумал: где-то теперь Стэнхоп. Это была еще одна из тех больших перемен, которые происходили во дворце и в стране; человек, стоявший перед дежурным и требовавший доступа во дворец, как бы символизировал собой все эти перемены. Сержант положил трубку.

— Никто не отвечает.

— А кому ты звонил?

— Мистеру Симпсону, исполняющему обязанности государственного секретаря.

— Позвони президенту.

— Вот уж этого я никак не могу сделать, приятель.

— Лучше бы ты позвонил, сержант. Знай он, что я здесь, он велел бы тебе позвонить.

Сержант снова внимательно рассмотрел пропуск и даже легонько помахал этой картонкой, словно надеясь вытрясти из нее секрет ее могущества.

— А дело-то у тебя важное? — пробормотал сержант полувопросительно, полуутвердительно.

— Важное,— ответил человек, уже с ноткой раздражения.

Сержант, почувствовав в голосе незнакомца гнев, был потрясен. Совершалось нечто непостижимое: человек, который по своему рождению, воспитанию, по всем условиям своего существования должен был быть смиренным, робким и заискивающим даже перед обыкновенным полицейским, не говоря уже о сержанте, позволял себе гневаться.

— Теперь другие времена,— сказал человек, стараясь сдержать негодование.— Теперь закон — это мы. Позвони президенту, сержант.

— Да уж, воистину другие,— пробормотал сержант себе под нос.

Но человек услышал и кивнул:

— Верно, сержант.

Сержант набрал номер президента, надеясь в душе, что великий человек уже отошел ко сну. Но он ошибся: президент тотчас взял трубку.

— Да?

— Говорит дежурный сержант из караульного помещения, сэр.

— Слушаю вас, сержант.

— Здесь какой-то человек, сэр, он не хочет назвать своего имени, сэр. У него карточка, сэр.

— Моя карточка? Голубая и на ней номер?

— Да, сэр. Я сказал ему...

— Немедленно пришлите его ко мне!

— Слушаю, сэр,— сказал сержант, но президент уже положил трубку.

Сержант внимательно поглядел на незнакомца. Благодаря долголетней службе в полиции ему хорошо был знаком подобный тип людей. Человек этот принадлежал к тому особому миру, где действовали «агитаторы» — люди, не получившие школьного аттестата, который открыл бы им доступ в громоздкий, безмерно раздутый государственный аппарат, но которые были при этом достаточно образованны, чтобы воздействовать на огромную массу своих соотечественников, либо совсем неграмотных, либо полуграмотных, в чьих глазах умение читать, писать и говорить с акцентом, якобы занесенным с Севера, из могущественного соседнего государства, невольно возвышало человека. После перемен, произошедших во дворце, эти «агитаторы», уцепившись за фалды удачливых политиков, попали в орбиту действия политических сил; они организовывали для них митинги, работали у них шоферами, подбирали для них личную охрану, сколачивали отряды парней с крепкими кулаками, крайне необходимые для того, чтобы различного рода походы и демонстрации могли осуществляться спокойно и мирно. Те из «агитаторов», которым особенно повезло, служили также связующим звеном между предпринимателями — особенно иностранными или живущими вне города — и нужными людьми в нужных министерствах. Небольшая кучка этих «агитаторов» быстро разбогатела, приобрела положение и влияние. Большинство же отчаянно цеплялись за свои места, боясь раствориться снова в огромной безликой массе, из которой им удалось локтями и зубами пробиться наверх. Сами они преступниками не были, но поддерживали связь с уголовным миром и умели использовать его в случае нужды. Они преуспевали и жирели, используя невежество, страх, надежды, честолюбие, алчность, тщеславие. И отношение к ним общества, состоявшего, с одной стороны, из тех, кто пользовался услугами «агитаторов» и платил им презрением (таких было меньшинство), и, с другой стороны, тех, кто завидовал им и взирал на них снизу вверх — а таких было большинство,— оставалось двойственным до тех пор, пока на политической арене не появился Альберт Джосайя и не объявил, что они символизируют униженное человеческое достоинство нации. Полиции же вообще и сержанту в частности до разных символов и униженного человеческого достоинства нации дела было мало. И вот теперь стоявший перед дежурным проходимец говорил ему, что отныне такие, как он, сами символизируют закон и правят государством, а человек, сидевший в президентском кресле, как видно, был с этим согласен.

— Ну что, сержант,— сказал незнакомец,— ты говорил с президентом?

— Да. Я должен пропустить тебя к нему.— Сержант нажал на кнопку звонка, вызывая из соседней комнаты полицейского, ожидавшего своей очереди заступать на дежурство.

— Отведи этого... господина... во дворец. Скажи охране, что его надо провести прямо в кабинет президента. Господин президент его ждет.

Человек протянул руку, чтобы взять обратно свой пропуск, и неколебимая уверенность этого жеста была демонстрацией власти. Сержант, привстав, вложил пропуск в протянутую руку, как бы признавая за незнакомцем эту власть.

Молодой полицейский тоже сразу раскусил, что за птицу ему поручено сопровождать, но он был моложе сержанта, быстрее приспосабливался к обстоятельствам и поэтому легче воспринял этот новый вид власти и могущества. Он повел посетителя во дворец, не проявляя никаких чувств и ничем не уязвляя самолюбия незнакомца.

Часовым, встретившим их у высоких дверей дворца, уже приходилось по ночам отводить людей подобного сорта к президенту, и поэтому они тоже восприняли визит странного гостя как должное.

Полицейский, сдав посетителя с рук на руки, бодро зашагал обратно в караульное помещение и постарался отогнать от себя назойливые мысли о том, почему президента посещают такие неподобающие, казалось бы, лица. Один из охранников повел посетителя вверх по широкой лестнице, а другой поспешил в маленькую комнату в конце коридора и разбудил дежурного офицера охраны, который спал одетым на походной койке, стоявшей в углу. Охранник доложил офицеру о посетителе. С офицера сон как рукой сняло; ноги его еще не полностью влезли в башмаки, а он уже схватил кобуру со стула, подпоясался, застегнул мундир, выскочил из дежурной комнаты и устремился вверх по лестнице. Он вбежал в кабинет президента в ту минуту, когда Джосайя поднимался из-за стола навстречу незнакомцу. Улыбка застыла на лице Джосайи, его протянутая рука на какую-то секунду повисла в воздухе, затем все снова пришло в движение, рука опустилась, президент поглядел на дверь.

— Все в порядке,— сказал он холодно.— Этот господин явился по моему приглашению.

— Извините, сэр, но я отвечаю за вашу безопасность,— запротестовал офицер, он совсем потерял голову от возмущения, страха и досады,— а я тем не менее не был предупрежден об этом посетителе.

— Этот посетитель не представляет собой никакой опасности, вы ничем не рискуете,— оборвал офицера Джосайя.— Можете идти.

— Но разрешите мне, сэр...

— Я занят!

Стоя вполоборота к посетителю, офицер окинул его быстрым, очень внимательным взглядом и после этого вышел.

Посетитель сказал:

— Они все очень подозрительные. И тот сержант тоже.

— У них такая должность,— сухо сказал Джосайя. Он резко опустился на стул. Появление офицера охраны нарушило атмосферу сердечности; начинать все сначала было уже невозможно.— Итак?

— Один мой друг...— начал посетитель.

— О чем хотите вы сообщить?

— Об одном собрании.

— Что это за собрание?

— Фриуэйс и с ним еще другие. У них заговор, хотят свергнуть правительство.

Джосайя вздохнул.

— Так, хорошо, садитесь. Хотите закусить?

— Только выпить, если можно.

Джосайя нажал пальцем рычажок на столе и произнес в маленькую темную коробочку:

— Принесите, пожалуйста, ром, кофе и сандвичи.

Он снял палец с рычажка, связь прервалась. Джосайя пытливо вгляделся в лицо посетителя. Под этим твердым, изучающим взглядом посетителю стало не по себе. Он нервно заерзал на стуле, на лице его отразился испуг.

— Вы понимаете, что вы мне сейчас сообщили?

— Да, сэр.

— Вы знаете, что вам грозят большие неприятности, если эти сведения окажутся ложными?

— Они не ложные.

— Те, кто вам об этом сказал, могли ошибиться.

— Они не ошиблись, сэр.

— И вы и они — все вы попадете за решетку, если это ложные сведения. Вы это понимаете?

— Да, сэр.

— Хорошо. Кто эти люди? От кого вы получили сведения?

— Двое работают у Фриуэйса: это моя жена и ее брат. И еще одна женщина работает в доме этого большого богатого белого человека, у которого нефть и суда.

— Балмер-Уайт,— пробормотал Джосайя.

— Вот, у него. Потом есть еще один человек — он старший над официантами, которые обслуживают отдельные кабинеты на верхнем этаже в «Империале». Вы знаете его: он преданный партии человек. Я с ним тоже связан.

— И все эти люди сообщили вам о совещании, на котором Фриуэйс и другие лица составили заговор, чтобы свергнуть правительство?

— Нет. Совещаний было много. Они встречаются по двое, по трое то в доме у этого Балмера, то у Фриуэйса, то на верхнем этаже в «Империале». Или же бывает так, что соберется где-нибудь большая компания, много народу, а эти самые отойдут в сторонку и словно невзначай столкнутся где-нибудь в уголке сада или в отдельной комнате. А к ним потом приходят еще и другие, и похоже, что они отдают им распоряжения, а те идут и передают эти распоряжения дальше. Совсем как это было перед выборами, еще до того, как вам стать президентом, сэр. Вы знаете, они и тогда строили козни. Но только сейчас-то все куда хуже. Человек из «Империала» слышал, что они говорили про оружие, и моя жена раз слышала тоже, как они поминали винтовки.

А женщина, которая работает у Балмера, клянется, что в подвале его дома хранится целый ящик с оружием.

— Похоже, друг мой, что мы действительно имеем дело с заговором.

— Собрание, о котором я пришел сообщить вам, будет завтра. Оно должно состояться после большого приема в честь приезжей торговой делегации, как я слышал.

— Вы это слышали?

— Да, сэр. От тех самых людей, и получили мы эти сведения таким же путем, как и все прочее, о чем я вам докладывал: один услышит что-нибудь здесь, другой услышит что-нибудь там. Мы этак, зря-то, не верим каждому слову, а собираемся вместе и проверяем, что слышал один и что другой. Вы не сомневайтесь, сэр,— то, что я вам говорю, истинная правда. Эти люди задумали вернуть обратно старые времена, когда мы, черные, не имели никаких прав у себя на родине.

— Дайте-ка мне еще раз взглянуть на вашу карточку,— сказал Джосайя, и когда человек протянул ему свой пропуск, он аккуратно записал номер. Позже, в своих личных апартаментах, он откроет маленький стальной сундучок, туго набитый папками, и разыщет среди них папку этого человека, и ее содержимое поможет ему оценить по достоинству полученные от него сведения.

Джосайя встал, протянул руку:

— Благодарю вас. Вы сделали большое дело для своего отечества. Теперь я должен пригласить экспертов, которые проверят то, что вы мне сообщили. Вы знаете, к кому вам надлежит обратиться. Скажите, что я распорядился выдать вам пятьдесят.

Посетитель встал тоже и принял маленькую коричневую ручку президента в свою большую черную руку.

— Я это делаю не просто ради денег, вы понимаете.

— Я понимаю, но каждый человек должен жить.— Джосайя нажал кнопку, вызывая охрану, чтобы проводить посетителя.

— Это для нашего народа, для черных.

— Да, да,— кивнул Джосайя.— Я понимаю.

Он вышел из-за своего огромного письменного стола и вместе с посетителем направился к двери. Раздался легкий стук, дверь отворилась, но вместо обычного охранника за дверью оказался дежурный офицер, явившийся самолично вывести незнакомца из дворца.

В глазах Джосайи светилась насмешка, когда он сказал, поглядев на офицера:

— Как видите, ничего не случилось. Вы бы, верно, не встревожились так, если бы вместо этого человека меня посетил мистер Балмер-Уайт, однако в обществе этого гостя я был в большей безопасности, чем в обществе вашего мистера Балмер-Уайта.

Джосайя помолчал, глядя на своего посетителя; улыбка, жесткая и безрадостная, столь резко нарушавшая непроницаемость его лица, мелькнула и погасла.

— Вот,— бесстрастно добавил он,— пример заболевания, известного под названием «расовый комплекс белых».

Высокий, красивый, атлетически сложенный, бронзовокожий офицер охраны усилием воли заставил себя расслабить мышцы и изгнать все мысли из головы, чтобы испытующий взгляд президента ничего не мог прочесть на его лице.

— Спокойной ночи,— резко сказал Джосайя, пропуская за дверь посетителя, и тот вышел, а президент вернулся в свой кабинет и затворил дверь.

— Сюда,— сказал посетителю офицер охраны и повел его к главной лестнице.

Спустившись с лестницы, посетитель остановился и поглядел вверх.

— Вот это *наш* президент! — сказал он.— В первый раз в истории нашего народа у нас президент, который служит нам, черным.

— Он служит всей стране,— сказал офицер охраны.— Так же, как прежде служил президент Мозес Джошуа.

— Нет, сэр! — вскричал человек.— Тот не служил нам, черным. Он заставлял нас служить ему, а сам служил белым. А этот первый — с тех пор как отменили рабство,— первый, который служит нам.

— Обычное пустое краснобайство «агитаторов»,— сказал офицер.

Незнакомец поглядел в его карие глаза и не уловил в них ни страха, ни раздражения — лишь холодное безразличие и спокойный отказ признать появление новой силы. Бешеная ненависть вспыхнула вдруг в «агитаторе», и он дал волю дикой, необузданной ярости:

— Ах ты, ты... Белый прихвостень, шут, наглая сволочь! Ну, подожди, паразит! Подожди!

Один из охранников, привлеченный неистовыми выкриками незнакомца, высунул голову в высокую дверь вестибюля.

Офицер охраны крикнул ему:

— Проводи этого господина из дворца, пока он тут не набезобразничал. Проводи его прямо за ворота.— Офицер сухо кивнул незнакомцу, повернулся и вышел из вестибюля. Он посмотрел на часы — до смены оставалось еще два часа. В комнате для дежурных он сел за маленький столик возле походной койки и написал подробный доклад о том, что произошло, не упустив ни малейшей подробности. И, лишь кончив писать и растянувшись во весь рост на койке, позволил себе вернуться мыслями к словам незнакомца. И теперь, припомнив их, и обдумав со всех сторон, и прикинув так и этак все, что могло за ними крыться, он попытался найти связь между этими словами, загадочным замечанием президента о Балмер-Уайте и свободным доступом во дворец, предоставленным неизвестным лицам вроде этого нынешнего посетителя, и тогда тревога, граничащая с паникой, тревога, которую он как дисциплинированный офицер не дал себе проявить в присутствии незнакомца, охватила его.

Молодого офицера охраны особенно тревожили слухи о земельной реформе и национализации, исходившие от людей такого сорта, как этот незнакомец. Год назад он и его жена поместили все свои сбережения и еще довольно значительную сумму денег, которую им удалось одолжить, в земельный участок величиной в двести пятьдесят акров, в небольшое стадо породистого, высокоудойного молочного скота и современное оборудование для молочной фермы. Они все обдумали, все проверили самым тщательным образом и рассчитывали лет через пять оставить столицу и полностью посвятить себя работе на ферме. Все свободное время они проводили там, это был их дом, их собственность, которую они хотели завещать своим двум детям. Эта мысль придавала им энергию и силу.

А затем старый президент умер, и на смену ему пришел один из его окружения — мистер Джосайя, и твердое основание, на котором зиждились все их планы и надежды, пошатнулось и словно бы дало трещину. Да и все те, кто еще год назад жили в покое и довольстве в своих загородных домах, казались теперь уже не столь спокойными и счастливыми, как прежде. А совсем недавно — и этого ему вовек не забыть,— когда они с женой проезжали в машине мимо своего участка, один из рабочих, ремонтировавших дорогу, крикнул им вслед:

— Эй, ты, розовенькая сучка! Возьми и нас покататься!

Он хотел остановить машину, подойти к этим людям, пристыдить их, заставить извиниться, но его жена, уроженка этих мест, «белянка на черной подкладке», выросшая к тому же в сельской местности, удержала его.

Этот случай заставил его насторожиться, он стал внимательно присматриваться ко всему, что творилось вокруг, и обнаружил огромную скрытую предубежденность среди темнокожего населения по отношению к людям с более светлой кожей, независимо от того, были ли эти люди коренными жителями острова или пришлыми, принадлежали ли они к белой расе или к тем представителям цветной расы, чья кожа была окрашена светлей, как, например, у его жены.

И с этой минуты в нем поселилась тревога за будущее, он стал бояться, что мечта о хорошей доходной ферме может рухнуть; теперь он не был уверен, что сумеет оградить свою жену от оскорблений, и тревожился за будущее своих детей, на которое возлагал столько надежд, и все эти опасения в конце концов привели к тому, что он с каждым днем все сильнее страшился растущего брожения в стране. Он испытывал даже как бы некоторое утешение, заметив, что людей, разделяющих его страхи, становится все больше и больше, что среди тех, чьи предки упорным трудом помогали строить жизнь на этом острове, стремительно растет тревога по поводу происходящего в стране.

И вот теперь человек, который без малого час провел в кабинете президента, заговорил с ним языком расовой ненависти и угроз, а сам президент заявил, что с людьми такого сорта, как этот незнакомец, он чувствует себя в большей безопасности, чем с Балмер-Уайтом.

А ведь всего лишь год назад маленькое сельскохозяйственное предприятие казалось таким надежным!

Стоя в тени на верхней площадке лестницы, Джосайя видел внезапную вспышку ярости своего гостя и удивительное самообладание, проявленное офицером охраны. Джосайя не был уверен, что сам он на месте этого офицера сохранил бы подобное хладнокровие. Ну что ж, ни мне, ни моему гостю не посчастливилось учиться в первоклассной старинной школе, основанной миссионерами более ста лет назад, подумал президент. Там юношам прививают выдержку, эту бесстрастную манеру держаться, так выгодно отличающую их от менее удачливых сверстников, которые обучались в обычной государственной школе, где на каждого учителя приходилось слишком много учеников, ибо школ в стране не хватало.

Вестибюль снова погрузился в тишину, все охранники исчезли из поля зрения; ни единого звука не доносилось более до президента, и он повернулся и пошел обратно. Он помедлил секунду перед дверью кабинета, но тут же двинулся дальше и в конце коридора взошел по небольшой узкой лестнице в свои личные покои. Они состояли из двух неравных частей: в главной, весьма просторной, могла свободно разместиться целая семья: сам президент, его супруга, дети; другие покои, меньших размеров, первоначально предназначались для личных гостей главы государства, но старый Мозес Джошуа завел обычай размещать там своих фаворитов. Очередной любимчик, наподобие шута при монархе, занимал эти комнаты до тех пор, пока не попадал в немилость. Однако Джосайя разместился именно в этих небольших покоях; он приказал убрать отсюда изящную мебель и превратил квартиру в суровое, аскетическое жилище холостяка. Войдя к себе, он прошел прямо в бывшую гардеробную, переоборудованную под кабинет. Здесь, под окном, возле письменного стола, на массивном обрубке дерева, стоял небольшой стальной сундук. Джосайя отпер сундук и достал оттуда досье своего последнего посетителя. Минут тридцать — сорок он внимательно изучал документы, затем положил папку на прежнее место и запер сундук. Он приготовил себе питье, прибавив несколько капель рома в большой бокал со льдом, а затем взял трубку незарегистрированного нигде телефона, соединявшего его непосредственно, минуя коммутатор дворца, с квартирой человека, которого он на десятый день после президентских выборов поставил во главе службы безопасности. Все назначения на главные посты в полиции, службе безопасности и армии были согласованы президентом с кабинетом министров, но без участия Государственной комиссии. При президенте Мозесе Джошуа три эти поста были заняты иностранцами. Джосайя заменил их коренными островитянами: каждый из них обладал длинным и весьма почетным послужным списком, каждый был человеком чрезвычайно способным и энергичным, каждый был черным.

Телефон перестал гудеть — на другом конце провода взяли трубку.

Джосайя сказал:

— Джо? Говорит Джосайя. Немедленно приезжай сюда, как можно быстрей. Крайне важное дело. Представляется удобный случай продемонстрировать нашу силу, а сейчас, кстати, весьма подходящий момент, потому что на нас начинают оказывать давление извне... Да... Все приведи в действие и подготовься, мы проведем на них большую облаву, только смотри не ошибись в выборе людей... Да...

Джосайя положил трубку и взял другую со стоящего рядом телефона. Ночной дежурный на коммутаторе ответил немедленно.

— Вам известно, где находится сейчас мистер Симпсон?

— Он на концерте, сэр, но оставил нам номер телефона на случай, если потребуется его вызвать.

— Позвоните и скажите ему, что он мне нужен. Немедленно.

— Слушаюсь, сэр!

Дежурный на коммутаторе позвонил администратору Национального театра, где Майкл Чен, всемирно известный китайский пианист, давал сольный концерт из произведений Бетховена.

В большом концертном зале, строительство которого обошлось стране ровно вдвое дороже, чем любое такого же рода сооружение обходится в Европе или в Америке, в ложе главы государства сидел представитель президента Эндрю Симпсон в окружении старших дипломатических чинов и их жен. Он привел с собой на концерт молодую девушку, только что провозглашенную на острове королевой красоты: у нее была тонкая, гибкая талия, пышные бедра, высокая грудь. Эта чернокожая красавица была наделена к тому же незаурядным умом. Ее звали Мона Райт, и она была дочерью Джастиса Дугласа Райта, председателя Верховного суда острова, и Эндрю Симпсон

никак не мог отделаться от ощущения, что мягкое поощрение, с которым президент Джосайя относится к его ухаживанию за Моной, объяснялось в какой-то мере высоким положением ее отца. Дружески советуя ему почаще вывозить Мону в свет, президент сказал: «Мы должны возродить чувство национальной гордости в наших женщинах, должны заставить их почувствовать, что мы, мужчины, гордимся красотой наших черных Венер; это единственный способ положить конец существующему ныне положению, при котором светлой коже придается какое-то особое значение, это единственный способ исцелить ущемленную гордость наших женщин».

Симпсон не сказал тогда президенту, что из всех молодых женщин, с которыми он когда-либо встречался, Мона Райт менее всего нуждается в таком роде исцелении. Он искоса поглядел на сидевшую рядом с ним девушку. Если считать, что на острове уже существует своего рода черная аристократия, то семья Моны бесспорно занимала среди нее первое место. Красавица Мона была отпрыском богатых, влиятельных, высокообразованных черных Райтов, из поколения в поколение владевших на острове землей. Эндрю Симпсон заметил, что жена английского посла, сидевшая по правую от него руку, перехватила его устремленный на Мону взгляд, и понимающая улыбка, скользнувшая по губам этой женщины, сказала ему, что она прочла все в его взгляде, как в открытой книге. А потом и Мона на секунду обернулась к нему, слегка коснувшись пальцами его руки, и ее лучистые глаза взглянули на него нежно и лукаво. Все прочие, находившиеся в президентской ложе, видели только пианиста и внимательно слушали музыку.

Затем кто-то вошел в ложу и, наклонившись к Симпсону, прошептал ему на ухо, что его вызывают к телефону из дворца. Вероятно, ему уже не удастся вернуться на концерт, подумал Симпсон и, сжав руку девушки, прошептал:

— Мне звонят из дворца. Пожалуйста, позаботься о наших гостях, извинись перед ними за меня, если мне придется уехать.

Она молча кивнула в ответ и одобряюще сжала его руку. Он бесшумно выскользнул из ложи.

Ф. Ф. Фриуэйс был арестован два дня спустя после того, как осведомитель посетил президента во дворце. Фриуэйса взяли на заре, во время большой облавы, которой лично руководил сам вновь назначенный начальник службы безопасности. Забрали еще восемь предпринимателей — пятерых экспатриантов и трех местных,— двух крупных землевладельцев, владевших в общей сложности примерно четвертью миллиона акров, и трех рядовых специалистов — адвоката, врача и бухгалтера. Во время обыска было изъято большое количество оружия. Но особенно потрясло всех известие об аресте Фриуэйса, который до последнего времени был наиболее приближенным к президенту Джошуа лицом, его полномочным представителем как у себя на родине, так и за рубежом.

Весть об арестах достигла редакции газеты в тот момент, когда очередной номер вышел из печати, и потому «Голос Острова» не смог оповестить своих читателей об этих событиях, но для радио и телевидения, находившихся под контролем правительства, это был горячий денек. Если судить по сообщениям, поступавшим оттуда, то дело обстояло так: благодаря решительным и смелым действиям службы безопасности был раскрыт опаснейший заговор, угрожавший существованию республики. Враги народа задумали захватить власть, но их замыслы были своевременно раскрыты.

Когда же до дворца дошли слухи о том, что находятся люди (хотя таких и немного), которые отказываются верить, будто Фриуэйс мог замышлять измену родине, радиостанция организовала специальную программу, озаглавленную «Анатомия предательства», и, углубившись в дебри истории, подробно рассказала о том, как семейство Фриуэйсов прибыло на остров, каким путем приобретали они землю, как сделались рабовладельцами, как обращались со своими рабами, как боролись против отмены рабства, как на протяжении многих лет противодействовали всякому прогрессу в стране и каким путем нажили свое богатство. Эта программа повторялась трижды в те часы, когда у радиоприемников бывает наибольшее количество слушателей. После этого никто уже не сомневался в справедливости предъявленных Фриуэйсу обвинений; во всяком случае никто не делал этого открыто.

В восемь часов утра из американского посольства позвонили во дворец. Посол хотел бы срочно встретиться с президентом, как только тот сможет уделить ему время.

И почти тотчас последовал звонок такого же характера из английского посольства, затем из французского и из немецкого. И всякий раз звонили старшие чины посольства, так что Эндрю Симпсон должен был отвечать на звонки сам, и всякий раз он выражал сожаление, что не может в настоящий момент потревожить президента, но доложит ему все при первой же возможности, после чего тут же позвонит в посольство.

В десять часов на улицах столицы появились бронированные автомобили и проехали через весь город, ощетинясь дулами пулеметов.

В одиннадцать часов радио передало краткое сообщение из дворца о том, что Ричард Янг освобожден от занимаемого им поста министра по социальному обеспечению и проблемам молодежи и взят под стражу, так как во время произведенного на рассвете обыска были обнаружены неоспоримые улики его причастности к заговору.

Репортер «Голоса Острова» явился во дворец в надежде получить интервью либо у президента, либо у исполняющего обязанности государственного секретаря и выяснить кое-какие подробности по делу Янга. Репортеру вежливо, но твердо указали на дверь. Покидая дворец, он лицом к лицу столкнулся со своим приятелем, сотрудником радио, который незамедлительно был препровожден в кабинет президента. Репортер тотчас сообщил об этом по телефону редактору газеты. В полдень из американского посольства позвонили снова, но президент по-прежнему все еще не имел возможности подойти к телефону или принять посла. В два часа дня сотрудник посольства вручил ноту протеста: во время утреннего налета в числе арестованных были задержаны двое американских граждан. Дипломата продержали в приемной ровно час, после чего по лестнице спустился Эндрю Симпсон и вручил ему ответ, состоящий из одной-единственной фразы, в коей утверждалась необоснованность протеста ввиду того, что «все проживающие на острове, будь то местные жители или иностранцы, одинаково обязаны исполнять существующие в стране законы, а в случае нарушения этих законов одинаково несут соответствующую кару, и всякое исключение из этого правила являлось бы оскорблением национального суверенитета».

Когда сотрудник вернулся в посольство с этим ответом, посол позвонил во дворец, и поскольку звонил сам посол, президент взял трубку.

— Ваше превосходительство...

— Господин посол?..

— Я пытался связаться с вами все утро...

— Я вас слушаю...

— Я по поводу нашей ноты и вашего ответа, сэр...

— Да, господин посол...

— Я надеюсь, я все еще очень надеюсь, что мы будем иметь возможность обсудить этот вопрос при личной встрече. Как вам известно, существуют различные способы улаживать подобные конфликты. С президентом Джошуа...

— Мне это известно, господин посол, но президент Джошуа мертв, и теперь в нашей стране законность ставится превыше всего.

— Однако, сэр...

— Президент Джошуа мог жонглировать законом, и он им жонглировал; я не могу этого делать и не хочу. Вы, без сомнения, согласитесь, что я поступаю правильно. Ведь именно такой образ действий ваша страна всегда проповедует на весь мир.

— Не могли бы мы поговорить об этом при личном свидании, сэр? Не могли бы вы уделить мне всего несколько минут...

— Но эти дела не находятся в моем ведении, господин посол...

— Политические соображения тоже ведь играют роль, сэр. Хотя бы, к примеру, добрососедские взаимоотношения с государством, которое в прошлом всякий раз, когда ваша страна нуждалась в поддержке, щедро и великодушно приходило ей на помощь и, заключив с вами договор, гарантировало вам ту самую независимость и суверенитет, о коих упоминается в вашем ответе на нашу ноту. Я надеюсь, сэр, что вы не пожелаете столь легко нарушить устойчиво сложившиеся отношения между нашими странами...

— Господин посол, не далее как на прошлой неделе двое моих соотечественников были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за то, что они нарушили законы вашей страны, и этот приговор отнюдь не является исключением. Десятки моих соотечественников были арестованы, судимы и приговорены к различным срокам заключения, или к штрафу, или к высылке за пределы вашего государства. И ни в одном из этих случаев мы не подвергали сомнению право вашего суда судить их по законам вашего государства. Вы не отыщете в своих протоколах ни еди-

ной ноты протеста со стороны нашего посольства, адресованной вашему государственному департаменту, и никаких угроз по поводу последствий, к которым может привести такой необдуманный отход от устойчиво сложившихся добрососедских взаимоотношений.

— Угрозы не входили в наши намерения, сэр.

— Однако они подразумевались, сэр!

— По поводу наших граждан, подвергнутых у вас аресту, сэр...

— Полагаю, что ваше посольство должно запросить службу безопасности: дела такого рода находятся в ее ведении. Мое почтение, сэр.

— Ваше превосходительство...

Но во дворце уже положили трубку. У посла сгоряча вырвалось одно-единственное энергичное словечко, услышанное только его советником, который держал трубку параллельного телефона.

Несколько позже во дворец позвонил Макс Джонсон, и президент согласился принять его во второй половине дня.

Когда весть об аресте двух американских граждан долетела до Вашингтона, события, которые до той поры изображались там как очередная политическая заварушка на Карибских островах, сразу приобрели значение факта международной важности и оккупировали первые полосы газет. Некий сенатор, только что возвратившийся с острова, выступая по телевидению, возвестил на всю страну, что незаконный арест двух уважаемых американских коммерсантов произошел в результате захвата власти коммунистами, чему, по его мнению, немало способствовала денежная помощь, оказываемая острову американским правительством, которое таким образом, по существу, финансировало переворот. Сенатор обвинил президента в государственной измене и потребовал отстранения его от власти.

Вечерело, с моря веял легкий бриз, ласковый и прохладный, ветви карликовых пальм перед окнами кабинета Джосайи колыхались ритмично, словно танцуя. Джосайя выключил кондиционер и широко распахнул окно. Весь день он, скинув пиджак, работал, изучал поступавшие к нему отовсюду доклады о различных откликах на события этого дня.

Незадолго до часа, назначенного для приема Макса Джонсона, президент направился в свои личные покои, принял душ, побрился, надел чистый, накрахмаленный полотняный костюм. Сейчас он снова сидел в своем кресле, освеженный, бодрый, невозмутимый.

Макс Джонсон удобно развалился в кресле по другую сторону огромного письменного стола.

Джосайя сказал:

— Ваш визит, насколько я понимаю, объясняется тем, что сегодня утром я отказался дать интервью сотруднику вашей газеты.

— Это ваше право, господин президент. Я же могу протестовать лишь против того, что вы и ваши подчиненные открыто превратили это в акт вопиющей дискриминации по отношению к нашей газете.

— Вы считаете это преступлением и пришли призвать меня за него к ответу?

— Нет, сэр. Я пришел потому, что мы, как мне кажется, понимаем друг друга. Вы знаете, что представляет собой наша газета; мы знаем, кто вы и кого вы представляете.

— Если мы хотим быть честными друг с другом, тогда я прежде всего должен задать вам вопрос по поводу вашего «мы». Что вы подразумеваете под этим «мы»?

Джонсон улыбнулся, давая понять, что ход мыслей собеседника ему ясен.

— Я имею в виду не издателей и не акционеров нашей газеты, даже не ее редактора или сотрудников, но газету как таковую, как самостоятельное понятие, обладающее собственной жизнью, корни которой уходят в далекое прошлое, когда нас с вами еще не было на свете, и которая, возможно, продлится за пределы и моего и вашего земного бытия, сэр.

— Возможно,— сухо сказал Джосайя.— Итак?

— Вы управляете страной. Мое дело — управлять газетой. Я надеюсь, вы не сочтете дерзостью с моей стороны, если я скажу вам: я стремлюсь избежать столкновения на почве взаимного непонимания или недоразумения. С одной стороны, вы являе-

тесь избранником народа, и мы, газета, существуем не для того, чтобы становиться в оппозицию к вам. Мы не находимся ни в какой зависимости от избирателей. С другой стороны, однако, факты, каковы бы они ни были, откуда бы они ни поступали,— это уже наше дело, наша сфера деятельности.

— И в этой вашей «сфере» вы не намерены принимать руководящих указаний ни от кого? Даже от того лица, которое вы сами изволили наименовать избранником народа?

— Мы готовы сотрудничать, насколько это в наших возможностях, сэр.

Чуть заметная невеселая усмешка промелькнула по лицу Джосайи.

— Но не принимать указания, не так ли, мистер Джонсон?

Мгновение Макс колебался, затем произнес твердо:

— Нет, сэр.— Несколько секунд длилось молчание, затем Макс сказал:— Господин президент, как глава государства вы несете большую ответственность перед обществом. Газета также несет большую ответственность перед обществом, хотя эта ответственность иного качества. Подчинить ее чьему бы то ни было руководству, даже руководству ее акционеров, в том, что касается самого существа ее задач, значило бы признать, что газета не способна исполнить свой долг перед обществом.

Джосайя внезапно встал, резко отодвинув кресло. Он сделал это столь неожиданно, что Макс невольно откинулся на спинку кресла, словно испугавшись нападения.

Джосайя улыбнулся: на этот раз ситуация искренне его позабавила, и улыбка, смягчив его холодные, суровые черты, придала им привлекательность и сердечность, сделала его лицо моложавым и даже обаятельным.

Каким-то краем сознания Макс вдруг отметил, что Джосайя заметно раздобрел за последние несколько месяцев.

— Мои обязанности заставляют меня вести сидячий образ жизни,— сказал Джосайя,— и в этот час я обычно совершаю небольшую прогулку по саду. Мы можем закончить нашу беседу, гуляя.

Джосайя провел своего посетителя по коридору, и они спустились вниз по лестнице. Из административного крыла, где теперь в отсутствие Джона Стэнхопа заправлял делами Энди Симпсон, до них доносился треск пишущих машинок и приглушенные голоса занятых работой людей. На нижней площадке лестницы им навстречу вышел дежурный офицер службы безопасности. У дежурных офицеров уже вошло в обычай сопровождать президента во время его ежедневной прогулки. Джосайя, дружелюбно улыбнувшись, отослал офицера обратно и стремительно вышел из дворца; рядом с огромным белым гигантом, шагавшим за ним по пятам, он казался совсем крошечным, куда меньше своих пяти футов шести дюймов, и легким как перышко.

Когда они отдалились шагов на пятьдесят от величественной громады дворца, Джосайя оглянулся и указал на маленькое окошечко под самой крышей здания.

— Всякий раз, когда я выхожу на прогулку, у этого окна становится человек с автоматом...— Два атлетически сложенных молодых человека вышли из дворца и разошлись в разные стороны: один пошел налево, другой направо. Джосайя кивнул на них:— А это моя так называемая личная охрана, и я знаю: они, не задумываясь, пожертвуют ради меня жизнью. Будь вы темнокожим и бедно одетым, а не знаменитым редактором знаменитой газеты, я не сомневаюсь, что они обыскали бы вас, прежде чем допустить ко мне. Но поскольку вы — это вы, у них даже не вызвало подозрений то обстоятельство, что пиджак у вас так странно оттопыривается на груди. И тем не менее наибольшую опасность для меня представляют люди вашего сорта. Идемте дальше.

Минут десять они шли молча через огромный густо-зеленый парк, мимо бесконечных ухоженных газонов, мимо величественных деревьев, привезенных сюда из всех тропических лесов земного шара, дабы создать здесь самый экзотический сад на Карибских островах. Старый Мозес Джошуа позволил скаутам, «следопытам» и другим молодежным организациям раскидывать свои палатки на северной, наиболее отдаленной от города, окраине этого огромного парка; здесь уже начинались предгорья. В ущельях между скалами буйно разросся папоротник, а из небольшой овальной трещины в каменном плато журча струился прозрачный, волшебно чистый ручеек. Он струился здесь уже многие столетия и, прихотливо извиваясь, проложил себе дорогу к небольшому углублению в твердой, непроницаемой почве, где и разлился миниатюрным озерцом. Когда-то давно (хотя, быть может, для ручейка и для озера этот срок

не так уж велик) сюда случайно залетела стая диких уток. Озерцо понравилось птицам, и они завладели им, положив таким образом начало особой породе уток, известной под названием «паркоозерных». Губернатор острова, бывшего в те далекие времена колонией, объявил, что утки находятся под охраной закона. а крошечное озеро в северном конце парка — их дом, после чего жители острова, которые до той поры, если и интересовались животными — как пернатыми, так и всеми прочими,— то либо как дичью, на которую можно охотиться, либо как одним из видов тягловой силы, тут вдруг чрезвычайно возгордились «паркоозерными» утками, возгордились до такой степени, что, когда остров приобрел независимость, «паркоозерные» утки вместе с их озером стали красоваться в государственном гербе. И пока в стране не была создана однопартийная система управления, один из членов старого парламента на протяжении двадцати лет, вплоть до самой смерти, регулярно при каждом обсуждении государственного бюджета считал своим долгом подробнейшим образом расспрашивать о состоянии здоровья уток, об уходе за ними и о том, какие меры принимаются для украшения их «дома» и его окрестностей.

Джосайя повернул в сторону миниатюрного озера, и Макс Джонсон удивился: уж не собирается ли президент тащить его в самый конец парка? Макс поглядел на свои часы, позаботившись о том, чтобы это не укрылось от Джосайи. Величественные деревья создавали здесь атмосферу такого покоя и умиротворения, что у Макса возникло ощущение нереальности всего происходящего, какой-то отрешенности от мира.

Джосайя сказал:

— То, о чем я буду с вами говорить, не имеет прямого отношения к вам лично, и я надеюсь, вы это понимаете.

Макс бросил на Джосайю быстрый взгляд и что-то проворчал уклончиво.

— Ваши слова по поводу ответственности, которую газета несет перед обществом, заинтересовали меня, поскольку в известной мере вы заявили — а я охотно верю, что в ваши намерения не входило меня оскорбить, и тем не менее вы заявили,— что я несу ответственность перед обществом как глава государства, а вы несете ответственность перед обществом как редактор газеты. Отсюда вытекает, что эта ответственность перед обществом объединяет нас и как бы уравнивает, независимо от различия наших полномочий или сферы деятельности. Правильно ли я изложил вашу точку зрения?

— Я бы сформулировал ее несколько иначе.

— Значит, не в этом вы пытались меня убедить в кабинете?

— Я не пытался изобразить дело так, будто мы с вами несем равную или хотя бы в какой-то мере сходную ответственность. Мне кажется, я высказался на этот счет вполне ясно.

— Я вовсе не стремлюсь поймать вас на слове, мистер Джонсон.

Ловит, ловит, подумал Макс хладнокровно, с любопытством стараясь разгадать, для чего потребовалось это Джосайе. Сперва ему показалось было, что президентом руководит раздражение и, быть может, даже желание отомстить ему за то, что он не позволил Марте Ли писать под указку Джосайи. Однако сейчас он почувствовал, что здесь кроется нечто большее, не столь низменное. И на него невольно сошло спокойствие и даже умиротворение, и в тот же миг он ощутил, как от высоких деревьев, отбрасывавших глубокие, как колодец, тени, на него повеяло миром и прохладой.

Джосайя внезапно остановился. Закинув голову, он поглядел на Макса Джонсона и развел руками, повернув ладони вверх — жестом беспомощным и как бы молящим.

— Я не уверен, что мне удастся заставить вас понять, ибо мой взгляд на вещи и все, что отсюда проистекает, совершенно чужды всему жизненному опыту целых поколений таких людей, как вы. Вы превыше всего озабочены спасением вашей собственной души. Я не могу позволить себе такой роскоши. Между мной и свободой в вашем понимании высится стена, которую ни я, ни люди, подобные мне, не можем разрушить: мы не можем заботиться о спасении наших душ, пока мы не спасли себя как нацию. Пока этого не произошло, ваша забота о собственной душе представляется мне завидной, но непозволительной роскошью, которую я могу лишь вожделеть, зная, что это сейчас не для меня. Мы еще не можем быть индивидуумами в такой мере, как вы, а пока мы этого не достигли, все отношения между белыми и цветными останутся фальшивыми, ложными, как бы мы ни притворялись, что это не так.

Они поднялись на небольшой пригорок. Ветер, казалось, пробрался сюда, отыскав себе лазейку в горах: он посвежел, окреп, шелестел листвой и даже пригибал к земле траву газона. Джосайя снова остановился.

Макс закурил сигарету и стал ждать; он уже не сомневался в том, что ему предстоит сейчас услышать, и теперь в нем говорило только любопытство: как преподнесет ему это Джосайя? Но Джосайя снова стремительно зашагал дальше, и Макс не сразу поспел за ним.

— Значит, если я правильно понял вас, сэр, мы должны исключить всякую возможность предположения, что любой человек, имевший несчастье родиться белым, может быть честен в своих побуждениях и поступках?

— Вы раздражены,— спокойно сказал Джосайя,— но и раздражение не может служить оправданием грубого извращения фактов.

— За одним исключением — для господина Джосайи! — огрызнулся Макс.

Джосайя резко остановился, внезапно охваченный таким приступом ярости, что Макс Джонсон почти физически ощутил ее, как толчок в грудь, как удар.

— Я — президент! Вам это понятно? Президент! Оскорбляя президента, вы наносите оскорбление всей стране, нации! Всему народу!

Макс Джонсон пробормотал ошеломленно:

— Прошу прощения, сэр, я...

— Могли бы вы позволить нечто подобное по отношению к вашему премьер-министру? К вашему королю?

— Прошу прощения, сэр. Я полагал, что это частный разговор.

Гнев Джосайи улегся так же внезапно, как вспыхнул.

— Вы не можете вести частный разговор с президентом. Мы не можем с вами беседовать на равных. Я не могу, подобно вам, в любое время дня и ночи прогуливаться как частное лицо по улицам этого города. Но вы и сами все это знаете. Просто вы не воспринимаете наше государственное устройство всерьез, не в состоянии относиться к нему так же, как к своему. Вы всегда помните, пусть даже подсознательно, что ваши предки были здесь господами и хозяевами, и поэтому в вашем поведении по отношению к нам не может быть истинной скромности, в вашем отношении к нам и нашим государственным институтам не может быть подлинного почтения, так же как и подлинного уважения к нашим символам государственной власти. Отсюда проистекает для нас необходимость утверждать свою власть и требовать от вас, чтобы вы оказывали нам уважение.

— Уважать — еще не значит пресмыкаться, сэр.

— Я согласен с вами. Однако наш народ заставляли думать наоборот. Нас заставляли пресмыкаться. Народ это понял; народ это испытал на своей шкуре. И он только тогда поверит, что власть принадлежит действительно ему, что господству белых пришел конец, когда он увидит, что и белым тоже приходится порой немножко попресмыкаться. Какая низкая, отвратительная концепция, не так ли? Я отдаю вам должное, признавая, что вы человек честный. Да, это отвратительно. Мне самому это не по душе. Но это так. Не воспитав в себе чувства гордости, не научившись верить в то, что они — хозяева страны, жители этого острова никогда не двинутся дальше, никогда не построят новой жизни, которая в корне изменит их судьбу и судьбу их детей. И пожалуй, главной преградой на пути их движения вперед остается чувство расовой неполноценности. И мы должны показать им, что они во всем равны белым, а быть может, и выше их, что белые уважают их государственные институты и даже испытывают перед ними страх и что для черных в их родной стране открыты все пути. И вы сами все это прекрасно понимаете.

— Понимаю. И поэтому вы хотите, чтобы на моем месте сидел черный или коричневый редактор газеты.

— Предпочтительно черный. Вы, вероятно, догадываетесь, что именно поэтому я и согласился сегодня принять вас.

— Теперь догадываюсь.

— Но это решение, как вы понимаете, не имеет отношения к вам лично, сэр.

— Полноте, господин президент! Вы пользуетесь своим положением, чтобы предотвратить всякую возможность каких-либо серьезных возражений, вы предлагаете человеку оставить дело, которому он отдал свою жизнь, и тут же говорите, что это не имеет отношения к нему лично! Что же, по-вашему, я должен сделать, сэр? Пасть

вам на грудь? Восторгаться вашим необыкновенным патриотизмом? Нет, сэр! Для меня — это личное, глубоко личное дело!

— Я знаю,— сказал Джосайя мягко.— Но для меня — нет. Ожидая вас, я спрашивал себя, сумею ли я заставить вас понять.

— А это имеет какое-нибудь значение?

— В ваших словах сейчас звучит горечь — совсем как у темнокожего. Да, это имеет значение, потому что я отношусь к вам с симпатией, и мне неприятно то, что я сейчас вынужден делать.

Макс Джонсон остановился под огромным старым деревом. Джосайя сделал еще несколько шагов, затем остановился тоже и обернулся.

— Вы не хотите продолжать прогулку?

— Нет смысла,— сказал Макс.— Они будут бояться за вас. Я теперь вижу, что у них есть к этому основания.

— Если вы или кто-либо другой может указать мне путь достигнуть намеченной нами цели, не ущемляя интересов промышленников, или иностранных вкладчиков, или свободных предпринимателей, или тех, кто превыше всего ценит свободу слова и свободу печати в вашем понимании, или, наконец, интересы моего собственного народа, который также в какой-то мере заражен коррупцией,— вы ведь тоже научили его, не замесив теста, тянуться к сладкому пирогу,— я буду рад пойти этим путем. Беда в том, что таких легких, приятных путей не существует.— Он широко раскинул руки, как бы принимая в объятия темневшие вокруг холмы.— Страна способна прокормить нас и дать нам все необходимое для нашего благосостояния, но для этого мы должны объединить наши усилия, направить их к единой цели, а вы знаете, что наше общество еще не способно сделать это по собственному почину. Вот почему ему нужен я.

— А я вам не нужен, так почему не сказать этого прямо! — вскипел Макс. Он повернулся и зашагал назад, к дворцу; он был слишком взбешен, чтобы заботиться о соблюдении этикета по отношению к высокому государственному лицу. Джосайя медленно направился за ним следом; он был удивлен, что это оскорбление, нанесенное его сану, а следовательно, и стране, которую он представлял, так мало его задело; он был расстроен другим и расстроен сильнее, чем ему хотелось бы себе в этом признаться,— тем, что он сейчас вынужден был делать, считая это необходимым и неизбежным. Его угнетала мысль: понял ли Макс Джонсон то, что он пытался ему объяснить — те движения души, те трудно выразимые чувства, о которых слова дают не больше представления, чем тень о предмете.

Он увидел, что Джонсон ждет его, укрывшись за деревом от глаз стражи, стоявшей у высоких дверей дворца.

— Прошу меня извинить, сэр,— холодно проронил Джонсон, давая понять, что говорится это просто из вежливости.

Джосайя слегка пожал плечами.

— Когда вы уезжаете?

— Я не сказал, что собираюсь уезжать.

— Вы уедете. Единственное, что удерживало вас здесь,— это ваша работа. А могила на местном кладбище — не более чем самообман! Стойте! Я не потерплю вторичного проявления неуважения. Я могу заставить вас поплатиться за это. Я не говорю, что вам не дорога память вашей жены, что вы не оплакиваете ее. Я говорю лишь, что она скончалась много лет назад, и вас удерживает здесь только ваша работа, и вы сами подтвердите это, уехав. Вы не так глупы, чтобы гоняться за призраками, а душой и телом вы преданы не нашей стране, а вашей работе.

— В таком случае я могу и не оставить работы.

— Вы ее оставите, и вы это знаете, мистер Джонсон. Я президент, избранник народа, как вы сами изволили выразиться. Учтите: я отдал вам должное, не предложив вам остаться работать на моих условиях.

— Могу ли я теперь удалиться?

— Можете, но вы должны дойти вместе со мной до дверей дворца, иначе работники охраны будут обеспокоены, а я не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто мы расстались не совсем дружески. Если теперь кто-нибудь вздумает покушаться на мою жизнь, служба безопасности может заинтересоваться вами, памятуя, что вы ушли отсюда в сердцах.— Джосайя намеренно неторопливо направился к дворцу, на полшага впереди Джонсона.— Когда вы сядете писать неизбежную, высокоавторитет-

ную книгу о том, как на одном из Карибских островов установилась диктатура, надеюсь, вы вспомните то, что было наиболее существенным в нашей сегодняшней беседе.

Дежурный полицейский лихо отдал честь, Джосайя остановился возле высоких дверей и обернулся к Джонсону.

— Когда вы уезжаете?

Лицо Джонсона окаменело; он молчал, глядя на президента в упор. Джосайя легонько кивнул.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, и приношу вам свои извинения. Я испытывал это чувство не единожды, и всякий раз рана была столь же свежей и боль столь же острой, как при изначальной обиде. Я огорчен, что вам приходится это испытать.

Джосайя протянул сухую коричневую руку. На миг по лицу Джонсона скользнуло строптивое выражение; затем он взял руку президента и слегка наклонил голову, отдавая официальную дань уважения главе государства.

— Прощайте, мистер Джонсон.

Макс Джонсон произнес:

— Господин президент.— Он снова склонил голову, повернулся на каблуках и быстро зашагал прочь, но каждое его движение выдавало клокотавший в нем гнев.

Джосайя смотрел вслед Максу Джонсону, пока тот не сел в автомобиль; когда автомобиль отъехал, Джосайя поднялся по лестнице к себе в кабинет. Эндрю Симпсон ожидал его с большой папкой государственных бумаг.

— Знаешь, Энди,— сказал президент,— я только что отослал от себя человека, который мог бы быть очень нам полезен, и к тому же он сейчас, быть может впервые в своей жизни, испытывает то самое чувство, с которым каждый из нас сроднился с колыбели. Это не очень-то приятно.

Симпсон понимающе кивнул и промолчал.

Часа полтора президент и государственный секретарь, не давая себе ни секунды отдыха, занимались государственными делами. Различные лица появлялись и исчезали: эксперты, желавшие прояснить некоторые пункты конституции, министры и ответственные чиновники государственного аппарата, вызванные для представления той или иной информации. Последними явились главный государственный прокурор, главнокомандующий вооруженными силами страны и начальник службы безопасности. С этими тремя президент выработал совместный план действий в отношении четырнадцати арестованных.

Было решено начать судебный процесс с коренных жителей острова, и в первую очередь — со старика Фриуэйса. Наиболее тяжкие обвинения предъявлялись ему. Государственный прокурор должен был потребовать для него смертной казни за попытку свержения правительства. Начальник службы безопасности сообщил, что двое местных предпринимателей проявили готовность выдать своих сообщников по заговору и свидетельствовать против них на суде. Их показания следовало использовать для обвинительного заключения по делу Фриуэйса. Лишь после того, как Фриуэйс предстанет перед судом и ему будет вынесен приговор, начнутся процессы над остальными участниками заговора: сначала групповой процесс коренных жителей острова, затем — местных европейцев и, наконец,— двух американцев.

— Прошу вас ни на минуту не забывать,— сказал в заключение Джосайя,— что это должен быть прежде всего политический акт, преследующий совершенно определенную цель. Во-первых, он должен показать нашим врагам, как внутренним, так и внешним, что мы представляем собой нешуточную силу и не потерпим у себя в стране никаких заговоров и брожений. Во-вторых, он должен показать всем крупным держателям акций, как местным, так и иностранным, что с неоколониализмом в нашей стране покончено раз и навсегда, и капитал, будь то местный или иностранный, не является более хозяином в нашей стране. Великие державы также должны будут извлечь из этого урок; им придется решить, какой курс изберут они по отношению к нам. И наконец, что важнее всего, эти судебные процессы должны убедить народ, убедить всех, от самого отдаленного селения в горах до последней лачуги в долине, что теперь у кормила правления стоят истинные их представители.

И тогда, под впечатлением столь четко поставленной задачи, начальника службы безопасности осенила счастливая мысль — создать Народную милицию из тщательно отобранных людей.

Эта мысль понравилась Джосайе, и он предложил всем троим участникам совещания представить ему детально разработанный проект.

Наконец президент и исполняющий обязанности государственного секретаря остались вдвоем. Рабочий день подошел к концу, административное крыло дворца опустело, в окнах погасли огни. Не ушли лишь ночные дежурные: четверо молодых офицеров — двое пили кофе и играли в карты в служебной столовой, а двое других пока спали. Каждые четыре часа они менялись местами — игравшие ложились спать, а спавшие принимались пить кофе и играть в карты. Время от времени дежурным приходилось отвечать на телефонные звонки из посольств и консульств, а также из правительственных учреждений за рубежом, где в это время еще не наступила ночь. Чаще всего это касалось обычных повседневных дел, и дежурные отвечали на звонки сами, однако порой откуда-нибудь издалека поступал более серьезный запрос, и тогда дежурные считали необходимым разбудить государственного секретаря, и совсем уже редко, может один или два раза за все время, звонок был настолько важен, что государственный секретарь поднимал с постели самого президента. Чаще же всего молодые офицеры коротали долгие ночные часы за игрой в карты и чашкой кофе. Иногда их навещал дежурный офицер безопасности, а иногда они сами выходили из высоких дверей дворца на звездный простор ночи подышать свежим воздухом, покурить и перебросится словечком с двумя полицейскими, постоянно несущими охрану у входа во дворец.

За исключением ночного дежурного по кухне, который в любой час готов был приступить к исполнению своих обязанностей, весь обслуживающий персонал дворца размещался в строениях позади основного здания. Эти служащие, как и все прочие в стране, были членами профсоюза и работали сорок четыре часа в неделю. В тех же случаях, когда президент устраивал прием и кому-либо из служащих приходилось работать в неурочные часы, им затем предоставляли отгул, чтобы установленное законом количество рабочих часов в неделю не нарушалось.

И сейчас, когда трудовой день закончился, обычное ночное расписание вступило в силу. В годы правления старого Мозеса Джошуа два званых обеда в неделю стали обычаем, и не реже чем раз в три месяца давался большой бал, а помимо этого происходили еще бесчисленные мелкие приемы, коктейли и холостяцкие сборища, на которых старый президент, его дружки и очередные фавориты нередко напивались до бесчувствия. С приходом к власти Джосайи всем этим развлечениям был положен конец. Став президентом, Джосайя дал большой прием и бал, после чего никаких официальных приемов больше не было. Время от времени то одна, то другая группа крупных партийных деятелей приезжала из провинции к президенту, и во дворце для нее устраивался скромный обед. Эти небольшие неофициальные обеды были нужны президенту для того, чтобы находиться в курсе всего, что происходило в самых отдаленных уголках его страны, и глазами преданных партии людей следить за нуждами народа и его настроениями. Он использовал этих людей и для того, чтобы с их помощью разъяснять населению и рядовым членам партии на местах значение и смысл тех или иных действий правительства и политическую подоплеку некоторых намечавшихся мероприятий. Во время этих встреч президент расспрашивал своих собеседников, обсуждал с ними различные проблемы и раскрывал им свои замыслы; здесь он высказывался более откровенно, чем в своих официальных выступлениях, обращенных к нации в целом. Ни парламент, ни печать, ни деловые круги никогда не получали информацию о том, что же именно служило темой бесед во время этих обедов. Известно было только одно: между Джосайей и народом существует связь, жизненно важная, крепкая и нерушимая.

Джосайя и молодой Симпсон закончили свою работу. Президент поглядел на часы, стоявшие на письменном столе. Те, кого он ждал сегодня вечером к ужину, должны были прибыть через два часа. Джосайя не хотел, чтобы на этой встрече присутствовало хотя бы одно официальное лицо кроме него самого. В некоторые вопросы он не намерен был посвящать даже самых верных людей из своего личного окружения, хотя и были приняты меры к тому, чтобы весь штат президента состоял из безоговорочно преданных ему, Джосайе, людей.

Он заметил как бы мимоходом, не глядя на молодого Симпсона:

— Нынешняя встреча будет посвящена узкоспециальным вопросам. Какие у тебя планы на вечер?

— Я приглашен на обед к Райтам, но...

— Очень хорошо, пойди туда,— тотчас прервал его Джосайя.— Это важно для меня. Кстати, ты сообщишь председателю Верховного суда о моих намерениях и о цели будущих судебных процессов.

— Во всем, что касается судебной процедуры, он очень непокладистый человек, сэр.

— Я знаю, но тем не менее ты все же скажешь ему то, что следует.— Джосайя встал, потянулся и подошел к растворенному окну.

И подумать только, что он всего на десять лет старше меня, с оттенком изумления подумал Эндрю. Он сказал:

— Мне кажется, было бы лучше, если бы он услышал это лично от вас, сэр.

— Твоя задача — распахнуть передо мной дверь, Энди. Я хочу, чтобы у судьи было время поразмыслить, прежде чем состоится моя беседа с ним.— Говоря это, Джосайя думал: обычно Энди не проявляет таких колебаний, когда я его о чем-либо прошу.— Тебе кажется, что я не прав? — Джосайя обернулся и поглядел молодому человеку в глаза.

Широкая, открытая улыбка Энди совершенно его обезоружила.

— Сказать по правде, я немножко побаиваюсь этого старика, сэр.

Лукавая усмешка пробежала по лицу Джосайи и, смягчив его черты, сразу сделала их привлекательными.

— Я знаю. И тем не менее его нужно подготовить.

— Я сделаю это, сэр.

— Я имею в виду — серьезно подготовить; чтобы он повел дело так, как нам нужно. Впрочем, это уж моя задача, и я знаю, что говорить с ним будет нелегко.

— Все ли следует мне ему сказать?

— Все, о чем мы говорили, обсуждая процесс. У тебя есть еще время? Хочешь вышить?

Симпсон кивнул и направился следом за президентом в его личные покои. Там он, как обычно, приготовил для президента бокал воды со льдом и несколькими каплями рома, а для себя — изрядную порцию виски с содовой. С бокалом в руке Джосайя молча прошелся в задумчивости из угла в угол по своей комнате аскета, рассеянно, видимо машинально, беря в руки то один предмет, то другой. Симпсон подошел к окну и поглядел в ночной мрак; когда президент заговорил, он обернулся к нему.

— Теперь все будет совершаться очень быстро, Энди.

Симпсон уже по опыту знал, что Джосайя говорит сейчас только для самого себя, говорит, чтобы облечь свои мысли в слова, как в плоть, превратить их в зримые образы, и поэтому он ничего не ответил президенту.

— Если мы сумеем взять все это в свои руки, если мы сумеем руководить событиями, направлять их в нужную сторону, наша страна совершит грандиозный исторический скачок вперед. Здесь важно понять одно, Энди: исторически сложившиеся условия жизни в нашей стране приучили народ почти слепо повиноваться властям предержащим, если эти власти умеют ясно, просто и недвусмысленно показать, что сила в их руках и они применят ее без колебаний. В нашем случае демонстрация силы — дело благое, а благие дела не могут быть чрезмерными и не могут принести вреда. Народ видел, как я применил силу и стал президентом; он видел, как я применил силу против моих политических врагов внутри партии, как я применил ее против промышленников, в чем айзексовская клика оказала мне поддержку — в своих же собственных интересах; я применил ее, очищая административный аппарат, и паче всего пришлось мне ее применить в моем столкновении со Стэнхопом. Теперь для того, чтобы заставить всех трудиться на благо нации, чтобы заставить их подчиниться перераспределению рабочей силы, принудительному перемещению населения, контролю над заработной платой и обложению налогами, мы должны продемонстрировать сейчас свою силу и продемонстрировать ее не единожды, а раз за разом и как можно эффектнее и внушительнее.

— Но все же не против народа,— негромко произнес Симпсон.

— Нет, если нас к этому не принудят.

— Неужели Фриуэйс должен умереть?

— Я не знаю. Надеюсь, что нет. Это будет зависеть от того, какой оборот примет его дело.

— Но почему нужно требовать для него смертной казни, сэр? И сам он, и его вина не столь уж значительны.

— То, что они символизируют собой, очень значительно, Энди.— Джосайя остановился рядом с Симпсоном и пытливо поглядел ему в лицо.— А если я, черный президент черной страны, проявлю великодушие и милосердие и пощажу жизнь потомка рабовладельцев, этот акт также будет символизировать очень многое.— Внезапно лицо его смягчилось. Он выпрямился и положил маленькую коричневую руку на плечо Симпсона.— Энди, я не хочу, чтобы Джосайя предстал в твоем воображении в образе новоиспеченного кровожадного черного диктатора.

— Разумеется нет! — поспешно, с горячностью воскликнул Симпсон.

— Легких путей не существует, Энди. Не существует простых, безболезненных способов разрешения наших проблем. Мне совсем не по душе ни отсылать отсюда Максуэлла Джонсона, ни отдавать под суд старика Фриуэйса, ни изгоиять из страны предпринимателей. Но ты знаешь, почему я это делаю, Энди. Ты был с нами, когда мы начали сколачивать нашу тайную оппозицию внутри партии старого Мозеса Джошуа. Мы уже и тогда знали, что легких путей не существует. Теперь мы пришли к власти, и нам еще предстоит идти вперед далеко не легким путем.

— Я знаю это, сэр!

— Но это нелегко, да?

— Да. Порой.

— В такие минуты, Энди, подумай о том, каково же мне.

Джосайя отвернулся и направился к двери. В эту минуту высокому широкоплечему Симпсону он внезапно показался неправдоподобно маленьким, тщедушным, словно бы придавленным к земле тяжелой государственной ношей, которую он до сих пор так умело нес на своих плечах, что, казалось, это не требует от него никакого напряжения, никаких усилий. Мы совсем забываем иной раз, подумал Симпсон, что он такой же человек, как мы, так же подвержен упадкам духа и может испытывать страдание.

— Я не хотел огорчить вас, сэр,— пробормотал Симпсон.

Джосайя тепло улыбнулся ему, стоя возле дверей.

— Тебе пора идти.

Они лежали на песке рядом, обнаженные: стройный темнокожий юноша и прекрасная, похожая на статую черной богини, девушка. Вокруг был только лунный свет и тихое пение прибоя. Они лежали спокойные, беззаботные, не страшась ни посторонних глаз, ни грабителей, которые по ночам подстерегают любовные парочки на пустынных пляжах. Этот пляж был частным владением, обнесенным крепкой оградой, и к тому же находился в часе езды от города, а ночные бродяги избирали для своего промысла преимущественно общественные пляжи, расположенные сразу за чертой города.

Юноша лежал пораженный, онемевший; то, что произошло, было так неожиданно, что казалось ему каким-то чудом. Он совсем этого не ждал. Они уже не раз бывали здесь, на этом пляже вместе, и ничего не происходило. И вдруг — он и сам не понимал,— как это случилось,— он стал ее любовником и, полный смятения, испуга, обнаружил, что она девственница. Она приняла его в себя спокойно, ласково, словно мать, которая дает младенцу сосок и испытывает радостное удовлетворение даже от причиняемой ей боли. Ему показалось, что ее глаза на мгновенье наполнились слезами, но он не знал, так ли это, ибо он сейчас не был уверен ни в чем, кроме одного: с ней такое случилось впервые, и эта мысль переполняла его странным смешанным чувством вины, удивления и восторга. Этому трудно было поверить — ведь она всегда была окружена толпой бесчисленных поклонников, пропадала на вечеринках и балах, а главное — он сам уже не раз имел возможность убедиться в том, как умеет она целоваться, как позволяет ласкать себя и с какой уверенной небрежностью принимает участие в любом разговоре на сексуальную тему.

Потом они немного поплавали в теплом море, а теперь давно уже лежали на

песке, и ее левая рука покоилась в его правой руке, и он чувствовал, что не может произнести ни слова, точно его лишили языка.

— О боже! — вырвалось у него. Немой обрел наконец дар речи.— Я же не знал! Я же не знал!

— А разве это могло что-нибудь изменить?

— Да! Нет! Я не знаю! Да! Я бы женился на тебе прежде!

— Я предполагала, что ты это скажешь.

— Почему ты не предупредила меня?

— Боялась тебя отпугнуть.

— Но я же люблю тебя.

— Ты никогда не говорил этого, Энди. Мне казалось, что я просто одно из очередных твоих увлечений.

— И все же ты позволила мне...

Мона рассмеялась — нежно, ласково; в ее смехе звучали почти материнские нотки.

— Женщины не придают такого значения девственности, как мужчины; первое сближение не потрясает нас до такой степени, как вас.

— Но ты же еще... Ты же была...

— Я не старалась блюсти себя, чтобы преподнести этот дар тебе или кому-либо другому, мой дорогой Энди. Просто у меня никогда еще не возникало желания кому-нибудь принадлежать. А сегодня возникло.

Энди перевернулся на бок и, приподнявшись на локте, попытался заглянуть ей в глаза.

— Значит, мне просто случайно повезло, что я встретился сегодня вечером здесь с тобой. И на моем месте легко мог бы оказаться кто-то другой...

Она рассмеялась снова — лукаво и на этот раз чуть насмешливо.

— Нет, мой дорогой, мне нужен был именно ты, лично ты, Энди Симпсон. Никто другой не подошел бы для этой роли. Так что воспрянь духом.

В порыве нежности он привлек ее к себе, но волна страсти тут же снова захлестнула его, и в ней утонула нежность, и они снова предались любовным ласкам. Но на этот раз женщина, утолив желание, не испытала боли, и теперь их объятия были полны чистой ликующей радости.

А потом они снова, как прежде, лежали рядом на песке, и он держал ее руку в своей.

Когда он заговорил, голос его дрожал от волнения:

— Я люблю тебя, Мона!

Лежа на спине, она повернула к нему голову, оторвав взгляд от звездного неба, и мечтательно продекламировала:

— «Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы».

Стараясь, чтобы голос его звучал как можно суше и деловитее, он спросил:

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Пожалуйста, спросите моего папеньку, сэр.

— Не смейся. Скажи, ты согласна?

— Теперь я понимаю, почему президент называет тебя «наш юный Энди». Ты — само благородство, возвышенные чувства и идеализм.

— Вздор! Ты богата, красива, брак с тобой неслыханно укрепляет мое общественное положение и...— Он запнулся, снова ощутив прилив любовного волнения и стараясь совладать с собой.— И ты умеешь любить, как ни одна женщина на свете из тех, кого я знал...

— А ты знал их немало? — с нежной насмешкой протянула она.

— Ну, не так уж много. Так ты согласна?

— Брак — это на всю жизнь, дорогой Энди. Это то, что должно оказаться прочнее, долговечнее, чем страсть. Это то, что не должно рухнуть и тогда, когда моя талия сольется с моими бедрами, а груди отвиснут от кормления бесчисленных младенцев. В нашем роду все женщины с возрастом расплываются, становятся жирными и бесформенными. Ты мог это заметить, глядя на мою мать, и на моих тетушек, и на всех прочих наших родственниц. Я обожаю моего щеголеватого всегда подтянутого отца за то, что он и сейчас еще способен обнимать эти мамины складки мяса и жира и видеть за ними женщину. Для него она все та же стройная молодая девушка, ко-

торая отдалась ему много лет назад. И вот, когда я стану старой и безобразной, я хочу, чтобы и меня любили так.

— Ты никогда не станешь старой и безобразной.

— Стану.

— Я спрашиваю тебя в последний раз: согласна ли ты выйти за меня замуж?

— Мой милый, милый Энди. Юный Энди. Вот что я тебе скажу: если ты когда-нибудь почувствуешь, что готов примириться с тем, что я стану старой и безобразной и, невзирая на это, все равно захочешь жениться на мне, я тебе отвечу: хорошо, я готова и тоже хочу.

— Но я хочу и готов уже сейчас! Как ты не понимаешь? Я же знаю, что произошло со мной сегодня вечером. Можешь сколько угодно называть меня «юным Энди», но тем не менее у меня есть опыт, я был близок с другими женщинами, я спал с ними, у меня были с ними романы, мне даже казалось иногда, что я влюблен, но я *знаю*, что только теперь это настоящее, что это навсегда, на всю жизнь. Я не хотел соблазнить тебя. Неужели ты не понимаешь, что произошло со мной?

— Ты влюбился,— сказала она ласково, нежно, словно мать своему единственному ребенку, словно учительница, которая пытается объяснить что-то своему любимому ученику.— Ты сошелся со мной... главным образом потому, что я этого захотела. Ты сделал открытие, что я, как это у вас говорится, «нетронутая», что меня еще никто не познал. Быть может, такое случилось с тобой впервые...

— Нет, не впервые,— возразил он.

— Пусть. Тем не менее это открытие задело идеалистическую струнку в твоей душе, пробудило возвышенные мысли и стремление к благородным поступкам. И ты влюбился со всем присущим тебе идеализмом, неиспорченностью, чистотой. Но брак — это отнюдь не вечный лунный свет, шум прибоя и белый морской песок, и было бы неблагоразумно только потому, что сейчас произошло, связывать себя узами, которые должны длиться всю жизнь.

— Говорю тебе: я тебя люблю. Если тебе этого недостаточно, то что же должен я еще сделать? Написать на гербовой бумаге, что буду любить тебя до конца моей жизни, что клянусь в этом на Библии, и скрепить это своей подписью и печатью?

— Ну вот, теперь ты сердишься, Энди, а это уже ни к чему. Брак — это и есть юридический договор. Я ведь хочу убедить тебя только в одном: не следует брать на себя таких обязательств сразу же после первой и единственной любовной близости, как бы ни была она прекрасна. Ты можешь впоследствии пожалеть об этом, а поскольку ты — это ты, то есть сплошь возвышенные понятия, принципы и всякое такое прочее, ты можешь так и прожить всю жизнь, исполняя свой долг и сожалея о том в глубине души.— Наступило довольно продолжительное молчание, и она прибавила как бы между прочим, совсем небрежно:— А это разобьет мне сердце, мой дорогой.

Неожиданно для самого себя — быть может, это родилось из нового чувства к Моне, которым он был полон,— Энди вдруг безотчетно понял то, что таилось за этими словами и осталось невысказанным, самую суть. Ее умиротворенная радость в какой-то мере передалась и ему, и он сказал покорно:

— Я буду ждать, пока ты не почувствуешь, что готова стать моей женой.

— Это значит, пока я не получу уверенности в том, что ты сам к этому готов.

— Каждую ночь перед сном я буду рисовать себе твой портрет в виде безобразной, чудовищно толстой старой дамы. Но как ты-то угадаешь, что я уже созрел для брака?

— Я это пойму.

— И ты выйдешь за меня тогда?

— Если ты меня попросишь.

— Ты знаешь, что я в самом деле люблю тебя. Вероятно, я люблю тебя уже очень давно. И это не просто влечение, хотя я и понял самого себя лишь после того, как мы стали близки.

Она приподнялась, наклонилась над ним, и он увидел, как сияют ее глаза. Она коснулась губами его лба.

— Я тоже люблю тебя,— сказала она весело и нежно.— Очень, очень, очень люблю.— Она вскочила, завернулась в купальную простыню и зашагала по песку к маленькому коттеджу, приютившемуся среди карликовых кокосовых деревьев на склоне пологого холма ярдах в ста от берега.

Энди остался на пляже, ожидая, пока она примет душ, оденется, подкрасит губы, а затем тоже завернулся в простыню и направился следом. Мона, уже одетая, сидела на маленькой веранде и расчесывала волосы. Энди прошел в дом, принял душ, оделся, приготовил два коктейля, потушил керосиновые лампы и принес бокалы на веранду.

Мона что-то тихонько напевала; от нее исходило такое чувство довольства и покоя, что Энди стало необыкновенно легко на душе. Он протянул ей бокал и чокнулся с ней. Она сказала:

— Я хочу запомнить эту ночь во всех, во всех мелочах, чтобы рассказать о ней моей дочери, когда она станет взрослой. Я скажу ей, что он, несмотря на свое скромное происхождение, был одним из самых блестящих молодых людей своего времени, что он был строен, красив, умен и полон высоких идей и благородных стремлений.

— И не забудь прибавить, что он любил тебя... любит тебя.

— Да, конечно.

Некоторое время они оба молчали и, увидав звезду, на миг прочертившую огненный след по небу, загадали — ведь они были еще так юны — свои самые сокровенные желания; в молчании они прислушивались к неумолчному шуму прибоя на берегу.

Наконец Энди, сделав над собой усилие, прервал молчание:

— Сегодня вечером я должен был обедать у вас и переговорить кое о чем с твоим отцом.

— Я все время чувствовала, что ты чем-то озабочен. Это очень важно?

— Это касается предстоящих судебных процессов. Президент хочет, чтобы я несколько предварил его разговор с твоим отцом.

— Ты и сейчас еще можешь это сделать. Папа редко ложится спать раньше двенадцати. А я после наших объятий вся какая-то одурманенная и просто умираю с голоду; мне бы сейчас поскорее добраться до дому, перекусить и — в постель.— Она зевнула, помолчала секунду и добавила:— Папа очень расстроен из-за этих арестов. Я надеюсь, что твое сообщение не расстроит его еще больше?

— Президент хочет, чтобы судья был поставлен в известность о некоторых его соображениях.

Мона Райт недаром выросла в доме, где глава семьи нередко был посвящен в государственные дела большой важности и должен был принимать ответственные решения, от которых зависела жизнь или смерть людей; она больше не задавала Эндрю вопросов.

Они допили свои коктейли, Мона заперла коттедж, сунула ключ под дверь сторожки, где спал старый привратник, села рядом с Эндрю в его автомобиль, и они покатили обратно в Мозесвилль.

Шоссе было пустынно. Ослепительно яркая луна стояла высоко в небе. Ночь была прекрасна, машина летела стрелой. Мона положила голову Эндрю на плечо.

Судья Джастис Райт был маленький, сухонький человечек, пяти футов семи дюймов росту, производивший впечатление воплощенной аккуратности и изящества. У него были маленькие руки, маленькие ноги: лицо, нос, глаза, уши, рот — все было маленькое, и от этого казалось, что туловище у него более внушительных размеров, нежели это было в действительности. В его черном, почти угольно-черном лице нелегко было распознать ту силу, которая, как хорошо знали его противники, таилась в этом хрупком теле. Ему уже минуло шестьдесят, но кожа оставалась гладкой; курчавые, тщательно причесанные волосы поседели, но сохранили густоту. В минуты покоя на лице его всегда лежал отпечаток грусти, но лишь влажный старческий блеск глаз выдавал усталость, порожденную грузом лет.

Судья поднял голову, когда Мона, постучав, отворила дверь. Заметив, что она не одна, судья встал и приветливо улыбнулся. Мона пересекла большую, с книжными шкафами по стенам комнату и, наклонившись к отцу, обняла его и поцеловала. Слегка откинув голову назад, он поглядел ей в лицо; какая-то неуловимая перемена бросилась ему в глаза.

— Ты сегодня рано вернулась домой.— У судьи был низкий, густой голос, странно не вязавшийся с его комплекцией.

— Мы были на даче. Искупались, поплавали.

— Я просил Мону выйти за меня замуж,— сказал Энди, все еще стоя в дверях.

— Вот как? — пробормотал судья.

И юным возлюбленным внезапно показалось, что судье уже известно о том, что произошло на пляже, и они почувствовали себя неловко.

— Мы решили обручиться, папочка, но это секрет. Я пока еще не хочу, чтобы об этом знали.

— Почему?

Секунду Мона колебалась; видно было, что она не расположена говорить на эту тему, затем у нее вырвалось:

— Я хочу дать ему возможность хорошенько проверить себя.

— Но я уже проверил,— вмешался Энди.— Я абсолютно уверен в своем чувстве.

— Он все идеализирует, папочка.

— Понимаю.— Судья потрепал дочь по щеке, потом поглядел на юношу и благожелательно улыбнулся ему.— Ну, за это следует выпить.

Он направился к маленькому кабинетному бару в углу комнаты, налил немного коньяку в три небольших бокала и протянул два из них молодой паре. Он высоко поднял свой бокал, как бы молча провозглашая тост.

— Ты, конечно, сообщишь об этом маме? — спросил он.

— Да, конечно. И вот еще что, папочка: у Энди есть к тебе дело. Меня оно никак не касается, так что я пойду, немного перекушу. Желающих присоединиться ко мне нет? — Говоря это, она уже направлялась к двери и тут же выскользнула из комнаты.

С уходом Моны комната сразу стала холодной и безликой, как зал суда. Судья вернулся к своему письменному столу и жестом указал Симпсону на стоявший рядом стул. Положив руки на подлокотники, он сплел пальцы на груди и откинулся на спинку кресла. Слегка склонив голову набок, он внимательно, испытующе поглядел на Эндрю, ожидая, когда тот заговорит.

Эндрю принялся рассказывать судье о совещании Джосайи с начальником полиции, главнокомандующим и начальником службы безопасности, о том, какие решения были приняты на этом совещании и о конечной цели предстоящих процессов, как обрисовал ее президент. Когда он умолк, судья долго сидел молча, погруженный в размышления; казалось, он настолько ушел в себя, что совсем позабыл о молодом человеке, внимательно наблюдавшем за ним. Эндрю молча ждал; он привык к таким паузам: так бывало не раз, когда перед Джосайей возникала какая-нибудь важная проблема, которую ему предстояло разрешить.

Наконец размышления судьи были окончены. Он пытливо поглядел на Симпсона.

— Президент, как видно, чрезвычайно уверен в себе.

— Он всегда очень тщательно продумывает все «за» и «против», сэр.

— И, продумав все, он пришел к выводу, что должен посвятить меня в свои планы?

— Да, сэр.

— Сообщил ли вам президент, когда предполагает он побеседовать со мной?

— Нет, сэр. Но мне кажется, что в самое ближайшее время. Он хочет поскорее со всем этим покончить.

— Ну, а что думаете вы, молодой человек? Я слышал, что вы пользуетесь неограниченным доверием президента.

— Я не совсем понимаю ваш вопрос, сэр.

— Вас никак не тревожит то, что происходит сейчас? Все это жонглирование полицией и службой безопасности? И эта попытка жонглирования законом? Вы в самом деле считаете, что правосудие должно принять участие в сговоре против Фриуэйса за то, что он осмелился противопоставить себя Джосайе?

— Джосайя — наш президент, сэр.

— Вы совершенно напрасно напоминаете мне об этом, молодой человек. Вопрос стоит не так: все происходящее не тревожит вас?

— Разумеется, тревожит! — Симпсон умолк, стараясь овладеть собой.— Разумеется, тревожит, сэр. Так же, как и голод, и бездомность, и чудовищная нищета, которая является уделом огромной массы нашего народа. Меня не может не тревожить то обстоятельство, что почти девяносто процентов нашего населения — темнокожие, и тем не менее сейчас, через полстолетия после того, как мы завоевали свою независимость, национальные богатства все еще сконцентрированы в руках остальных десяти процентов, в руках людей с другим цветом кожи. Я знаю, что во всех государствах

бедняки представляют собой большинство населения, и цвет их кожи — это цвет кожи их нации; но там богатые, влиятельные и могущественные не отличаются от бедняков цветом кожи. А у нас здесь не так, сэр. И это меня тоже тревожит, сэр.

— Видимо, я тотчас же должен произнести столь же пространную декларацию, чтобы вы поверили, что это тревожит и меня.

— Отнюдь нет, сэр.

— Что ж, спасибо и на том.

— Я знаю, что это тревожит и президента, сэр. Он говорил мне об этом не далее как сегодня.

— Прекрасно, молодой человек. Итак, всех нас это тревожит. В какой мере это оправдывает образ действий, предложенный президентом?

— Об этом он сам лично будет беседовать с вами, сэр. Он может изложить вам свою точку зрения значительно лучше, чем я.

— Мне бы все же хотелось услышать, что скажете вы.

Энди заговорил напряженно, страстно, словно адвокат, выступающий с речью на суде; он тщательно подыскивал слова и помогал себе и жестами и мимикой; движения рук, глаз, головы — все должно было усиливать впечатление от его речи. Наблюдая за ним, судья Райт подумал: этот мальчик мог бы далеко пойти, займись он юриспруденцией.

— Наше общество построено на несправедливости, сэр; оно безжалостно и жестоко по отношению к основной массе народа. Вы говорите о подчинении полиции, службы безопасности и правосудия воле президента так, словно этого никогда не бывало раньше. Но ведь эти институты всегда находились в подчинении — сначала у тех, кто владел рабами, затем — у тех, кто правил этой страной как колонией, затем у тех, кто управлял страной, уже завоевавшей независимость, однако власть в которой перешла не в руки народных масс, а в руки потомков рабовладельцев, ставших как бы преемниками колонизаторов. И такое ли тяжкое совершаем мы теперь преступление, стараясь подчинить себе полицию, государственные органы и правосудие, с тем, чтобы заставить их действовать в интересах большинства населения?

— В таком случае пойдем несколько дальше, молодой человек. Предположим, что все эти мероприятия, намеченные президентом и одобряемые вами, будут осуществлены, и, однако, в конечном счете выяснится, что они все же не служат интересам большинства населения... Нет, прошу вас, подождите! Это вовсе не столь нелепое предположение. Такие вещи уже случались, и раз уж вы взялись играть жизнью и смертью людей, то должны по крайней мере хотя бы взвесить все последствия... И вот я спрашиваю вас снова: что, если, осуществив вашу программу, вы будете вынуждены признать, что она не служит интересам большинства народа, что тогда?

— Я не могу ответить на вопрос, который строится на презумпции неудачи. Я не верю, что мы можем потерпеть фиаско. Президент не того сорта человек — такие люди, как он, не терпят неудач.

— Не существует людей не «того сорта», молодой человек. Каждый из нас может потерпеть одно заключительное фиаско, а большинство претерпевает множество мелких фиаско на пути к этому последнему. Позвольте мне сказать вам вот что. Я настроен не так уж враждебно, как вам может показаться, к тем социальным переменам, которые вы проводите. Но, думая о судьбе своего народа и своей страны, я страшусь другого. Меня пугает то, как президент отрезает себе все пути к отступлению всякий раз, когда он делает шаг вперед. Мы никогда не должны терять возможности отступления на случай, если потерпим поражение или увидим, что мы заблуждались. Ведь мы все время исходим из того, что наша цель — интересы большинства. А правильно ли мы понимаем, в чем эти интересы? Как, каким образом и кем могут они быть изложены после того, как президент уничтожит всякую оппозицию, всякую возможность критики? И каким образом в этих условиях сможет народ освободить себя от власти Джосайи, если настанет такой день, когда народ захочет свергнуть эту власть? Вот что тревожит меня, молодой человек. И еще меня тревожит, что все вы — те, кто окружает президента,— считаете его непогрешимым.

— Мне кажется, вы несправедливы, сэр. Нет человека, более преданного своему народу, чем президент Джосайя.

Судья Райт досадливо поморщился.

— И нет человека, который был бы так предан президенту, как вы! Но в отличие от вас, молодой человек, я должен думать не только о личности президента и занима-

емом им посте. Я верю в его и вашу абсолютную искренность, но я должен, невзирая на личности, утверждать и защищать закон от любого посягательства, ибо я верю, что в конечном счете закон, соблюдающий дух и букву конституции и не находящийся в зависимости ни от кого, является большей гарантией подлинного соблюдения интересов основной массы населения, нежели один человек, сколь бы ни был он мудр, прозорлив, исполнен благих намерений и предан народу. Мне казалось, что вам-то это должно быть ясно, молодой человек.

Судья встал, давая понять, что свидание окончено, и это воскресило в памяти Эндрю Симпсона другой день, когда примерно вот так же распрощался с ним Джон Стэнхоп.

— Разрешите мне вас не провожать,—сухо сказал судья.— И Мона, кажется, уже легла.

— Разумеется, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Но Мона сидела на веранде; глаза у нее совсем слипались, и все же она ждала Энди. Она сразу почувствовала, что он расстроен и подавлен.

— Он был резок? — негромко спросила она.

— Он словно не понимает. И в то же время мне кажется, что он все понимает. Не знаю сам.

— Он очень взволнован?

— По-моему, да. Простился со мной холодно.

Мона сказала серьезно:

— Я не знаю, в чем там у вас дело, но хочу — и не потому, что это мой отец,— чтобы ты, Энди, запомнил одно: папа не дурак. И он очень хороший человек; вот почему он как судья получил признание во всем мире.

— Ну да, а я — молодой идеалист,— не без горечи заметил Эндрю.

— Оттого-то я и люблю тебя.

— Тогда передай отцу...

Но она не дала Эндрю договорить, закрыв ему рот рукой.

— Скажи отцу сам все, что считаешь нужным, Энди. В нашей семье не принято пытаться влиять друг на друга, кроме как в рамках обычной беседы. Пожалуйста, запомни это раз и навсегда.— Она отняла руку, быстро его поцеловала и, пробормотав «спокойной ночи», скрылась в доме.

Эндрю Симпсон сердито зашагал к своему автомобилю и покатил прочь, кляня в душе черных аристократов, которые не желают смотреть действительности в глаза и отмахиваются от государственных проблем.

Судья столкнулся с дочерью на площадке лестницы, ведущей наверх, в спальни.

— Я думал, что ты уже спишь.

— Я ждала, хотела проводить Энди.

— Понимаю.— Судья помолчал, испытывая неловкость, он не знал, что сказать.

— Не суди его слишком строго, папа.

— Ладно, не буду.

Она взяла его за руку, и они вместе поднялись по лестнице.

Три дня спустя рано утром пришло приглашение из дворца. Джастис Райт находился в это время в своей судейской комнате в здании Верховного суда и просматривал свидетельские показания по одному довольно запутанному делу об убийстве. Преступление было совершено в сельской местности и взволновало всю страну: обвиняемый, человек по общему признанию благородный, великодушный и кроткий по натуре, застал свою жену, мать троих детей, в объятиях закадычного друга. Он убил обоих, отломив от дерева тяжелый сук, и судья изучал противоречивые заключения судебно-медицинских экспертов относительно состояния рассудка обвиняемого в этот трагический момент. Зазвонил телефон.

Судья машинально взял трубку и не сразу узнал голос молодого Симпсона. И лишь после того, как Симпсон сказал, что звонит из дворца и что президент хочет говорить с ним лично, судья очнулся от своих дум.

Он услышал голос президента:

— Доброе утро, судья. Говорит Джосайя.

— Доброе утро, господин президент.

— Эндрю Симпсон сообщил вам, что я хотел бы побеседовать с вами?

— Да, господин президент.

— Когда вам удобно?

— В любое время, которое вы найдете возможным мне уделить.

— Так, может быть, сегодня утром? Сейчас?

— Хорошо.

— Прекрасно, сэр. Пожалуйста, приезжайте сейчас. Я угощу вас чашечкой кофе.

Судья Джастис Райт положил трубку и минуты две сидел совершенно неподвижно, размышляя. Затем нажал кнопку звонка, вызывая своего секретаря, и тут же позвонил в вестибюль и приказал подать автомобиль. Когда его бессменный секретарь — уже весьма пожилой человек, двумя-тремя годами старше самого судьи и гораздо более дряхлый, чем он, вошел в комнату, судья Джастис Райт встал.

— Я еду во дворец, Эдвард.

— Он вас вызвал?

— Да.

— По делу Фриуэйса?

— Разумеется. Он очень решительный молодой человек, наш президент.

— Он не посмеет угрожать вам,— сказал секретарь, однако голос его звучал неуверенно и несколько испуганно.

— Поглядим.

— Мне все же кажется, сэр, что вам бы следовало пригласить к себе остальных судей и рассказать им то, что вы рассказали мне.

— Послушайте, старина, мы не профессиональный союз судей и не принимаем коллективных решений с целью совместной борьбы за свои права. Каждый судья единолично отвечает за свои действия, и его долг — разъяснять закон, охранять закон и следить за соблюдением закона. Мой профсоюз — это мой зал суда.

Судья и его секретарь вместе вошли в лифт и спустились вниз. Люди почтительно расступились, давая дорогу знаменитому судье, и пока он шел по коридору, все, кто попадался ему навстречу, отходили в сторону с низким почтительным поклоном, и во всех взглядах, устремленных на Джастиса Райта, читалось глубокое уважение.

На улице прохожие показывали на него друг другу, подобно тому как в других странах показывают друг другу на прославленных кинозвезд.

— Это он, знаменитый судья! Судья Райт. Говорят, что он самый великий судья в мире, и когда судят каких-нибудь важных преступников, его иногда приглашают вместе с другими знаменитыми юристами на заседания международного суда.

— Да, это не шутка! Черный, а такой знаменитый!

— Теперь будет и у черных на улице праздник!

— А ведь какой невзрачный с виду!

— Голова — вот что ценно. А не смазливая рожа.

— Недаром его прозвали «справедливым»!

— Ну да. Судья Райт никогда не ошибается!

Шофер распахнул перед судьей дверцу автомобиля. Наиболее храбрые из зевак помахали судье рукой. Отвечая на приветствия, судья наклонил голову. Автомобиль тронулся и начал быстро набирать скорость. На каждом перекрестке полицейский останавливал движение, чтобы пропустить машину Райта.

Десять минут спустя президент лично встретил Джастиса Райта у дверей дворца и проводил в свои покои.

— Благодарю вас, что вы приехали, сэр.

— Это мой долг, господин президент.

— Мне хотелось бы, чтобы это было не единственным вашим побуждением, сэр.

Поднявшись по лестнице, Джосайя пригласил судью в большую прохладную, залитую веселым утренним солнцем комнату. Официант вкатил сервировочный столик на колесиках. Джосайя жестом предложил судье сесть и, сам, сев напротив, стал наливать в чашечки кофе.

— Мы с вами оба не располагаем временем, сэр, и потому я позволю себе перейти прямо к делу. Симпсон, по-видимому, сообщил вам, почему предстоящий процесс имеет столь важное значение для меня... для нас, для всей страны.

— Насколько я понял, вы хотите превратить его в политическую демонстрацию силы.

— Совершенно верно.

— Это ни в какой мере не может касаться меня, сэр, и, как я полагаю, также и других членов Верховного суда. Мы должны судить по существу дела и строго в рам-

ках закона, сэр. Правосудие есть правосудие, и мы служим только ему. Не сомневаюсь, что было бы излишним отсылать вас к нашей конституции, господин президент.

Джосайя протянул судье чашку кофе, налил себе и сел.

— Вы отдаете себе отчет в том, что передо мной стоят важные политические задачи, сэр?

— Вполне.

— Вы понимаете, к чему направлены мои усилия?

— Мне кажется, понимаю.

— Вы являетесь противником того, к чему я стремлюсь?

— Нет.

— В таком случае почему же вы, будучи, как мне известно, патриотом, не можете мне помочь? В чем помеха?

— Вы знаете историю нашей страны, господин президент, и, следовательно, помните, как ваш предшественник пришел к власти. Я был начинающим молодым адвокатом, и в первом крупном деле, которое я вел, мне довелось защищать некоего «агитатора» по имени Мозес Джошуа, обвинявшегося в заговоре с целью свержения законного правительства.

— Тогдашнее правительство было колониалистским; народ его не избирал. Это не аналогия.

— Я имею в виду другое, господин президент: судью, председательствовавшего на этом процессе, интересовали исключительно обстоятельства дела, и он ни на йоту не отклонился от строжайшего соблюдения правосудия. Он не был островитянином, он не принадлежал к нашей стране ни по рождению, ни по цвету кожи. Соблюдая политические интересы своей страны, колониальной державы, он мог бы соответствующим образом вести процесс. И это было б логично и никого бы не удивило; если бы вы присутствовали на процессе, вам бы сразу бросилось в глаза, как ревностно прокурор старался заставить судью рассматривать дело в политическом аспекте. Но судья на это не пошел, и я выиграл процесс.

— В принципе я разделяю вашу точку зрения, сэр. Но тот процесс протекал при иных, более благоприятных обстоятельствах. Я был бы счастлив, если бы нынешняя ситуация была столь же идеальной, но мое положение еще недостаточно упрочено для этого; иначе мне не пришлось бы прибегать к вашей помощи...

— Я в этом не уверен,— пробормотал судья.

— Что такое? — Джосайя вскинул брови, глаза его гневно сверкнули. Он стал приподниматься со стула.

— Прошу вас,— холодно сказал судья,— не надо обвинять меня в том, что я пытался уличить президента моей страны во лжи. Я убежден: вы говорите то, что думаете, и верите в это; я подвергаю сомнению только обоснованность вашего заявления. Отправление закона ни при каких обстоятельствах не должно зависеть от того, насколько прочно или шатко положение правителя страны. Закон должен быть незыблем, он должен быть выше личностей и выше обстоятельств.

Джосайя сказал — неожиданно спокойно, раздумчиво, очень серьезно:

— Что же такое вы говорите, судья? Вы противопоставляете правосудие воле народа? Вы это хотели сказать?

— Нет, сэр. Если вы проведете закон, который поставит суд в зависимость от политических интересов государства и обяжет его руководствоваться ими, тогда, господин президент, я буду считать своим долгом всецело исполнять вашу волю.

Джосайя взорвался:

— Вы знаете, что я не могу этого сделать раньше чем через три года! В нашей конституции на каждом шагу натыкаешься на всевозможные рогатки, которые специально для этого придуманы.

— Я знаю, господин президент. Я помогал вырабатывать проект этой конституции.

Джосайя вскочил и зашагал по комнате. Обуревавший его гнев уже прорвался наружу, и видно было, что президент делает нечеловеческие усилия, стараясь совладать с собой. Он стремительно прошел через всю огромную комнату от окна к двери, затем резко повернулся и стал ходить из угла в угол. Он ходил до тех пор, пока волнение его не улеглось. Потом повернулся к судье Райту.

— Действительно ли вы уясняете себе, судья, насколько этот процесс для меня важен? Сумел ли Симпсон достаточно четко обрисовать вам мое положение?

— Настолько четко, господин президент, что мне кажется, я уяснил его себе даже лучше, чем он сам.

— Как вас следует понимать?

— Очень просто: вы заставили Симпсона проникнуться идеей свободы, завоеванной волей одного человека, противопоставив ее свободе, основа которой — высокая принципиальность и освященные веками незыблемые законы справедливости и добра. Вот почему, возможно, моя дочь хотела, чтобы он немного излечился от своего идеализма, прежде чем вступить с ней в брак.

— Давайте вернемся к делу, судья.

— Процесс должен идти законным порядком, как всякое другое судебное разбирательство, господин президент. У нас и так уже весь календарь полетел вверх тормашками из-за бесконечных предпочтений, которые этому процессу оказывались.

— Я должен выиграть этот процесс при всех обстоятельствах.

— Вы и выиграете его, если обвинение будет обоснованным, хорошо подготовленным, улики исчерпывающими и существо дела бесспорным.

— Я должен быть заранее уверен в приговоре, судья! Послушайте! Если я пообещаю вам проявить снисхождение и подарить Фриуэйсу жизнь, сделаете ли вы то, что мне необходимо? Обещаю вам также никогда не тревожить вас впредь просьбами такого рода. Для блага народа — согласны ли вы?

Джосайя резко встал. Он стоял так, не спуская ледяного взгляда с лица судьи, до тех пор, пока Райт тоже не поднялся.

— Я президент,— сказал он резко,— избранник народа, а вы не хотите покориться воле народа и пытаетесь стать на моем пути.

— Нет, сэр,— твердо ответил судья.— Я не становлюсь на вашем пути. Я просто напоминаю вам о том, что приносил присягу всемерно охранять закон и руководствоваться в своих действиях только законом, как того требует конституция нашего государства.

— До свидания, сэр! — холодно бросил Джосайя и повернулся к судье спиной.

— До свидания, господин президент,— слегка поклонился знаменитый судья обращенной к нему спине. Он медленно пересек залитую солнцем комнату, прошел длинным коридором, потом спустился по широкой, устланной ковром лестнице и покинул дворец.

В послеобеденном выпуске последних известий контролируемая правительством радиостанция дала сообщение о том, что президент, пользуясь правом, дарованным ему конституцией, и с согласия кабинета министров, освободил господина Джастиса Дугласа Райта от обязанностей председателя Верховного суда.

Весть об отставке знаменитого судьи заставила Марту Ли поспешно возвратиться в столицу.

Вечером того же дня Эндрю Симпсон позвонил Моне Райт. Он зайдет к ней чуть позже, сказал Энди, но Мона ответила, что будет занята.

Он хочет объяснить ей, что произошло между ее отцом и президентом, настаивал Энди. Но и это не помогло. Мона не пожелала его видеть. Она не сердилась, она ни в чем его не упрекала, но именно это больше всего и встревожило Энди; голос Моны звучал устало и как-то безжизненно, словно в полусне.

Президент, узнав об этом разговоре, попытался утешить Эндрю:

— Мне очень не хотелось прибегать к такой мере, Энди, но ты сам знаешь, какое значение имеет для нас этот процесс.

В тот же вечер возвратился домой после долгого отсутствия и Джон Стэнхоп.

На следующее утро, едва рассвело, Марте Ли удалось разыскать Макса Джонсона. Он был пьян и преисполнен жалости к себе. Заявил ей, что уезжает, потому что никому здесь не нужен. А на следующий день Джоул Стернинг, кляня самого себя и весь клан Айзексов, подробно посвятил Марту в события последних дней.

Неделю спустя, ранним сентябрьским утром, Максуэлл Джонсон навсегда покидал остров. Ровно год назад в этот день скончался Мозес Джошуа, и Альберт Джосайя водворился во дворце. А Максуэлл Джонсон приехал на остров более тридцати лет назад, еще совсем молодым человеком. Почти двадцать лет он был бессменным редактором единственной ежедневной газеты в этой стране. Он сжился с этой страной, и она стала ему ближе земли его отцов. Он знал, что уже никогда и нигде не сможет так отдавать себя работе, так привязаться к месту, испытать такую любовь и такую горечь

утраты; он понимал, что все это уже никогда не повторится, как не повторится и то, что испытывал он сейчас, в момент разлуки с этой страной.

Он был поражен и уязвлен в самое сердце той легкостью, с которой издатели газеты подчинились воле Джосайи. Они, конечно, очень огорчены, но президент так непримиримо настроен... что же, в конце концов, он избранник народа. И они купили у Макса Джонсона его домик и дачу на берегу моря, уплатив за них вполне сносную цену, и вместо положенного предупреждения об увольнении за две недели выдали ему в виде компенсации пособие, а также причитающуюся редактору пенсию, что обеспечивало ему безбедное существование до конца жизни. Короче говоря, от него щедро откупились, и тотчас после заседания директоров, на котором были приняты все эти решения, председатель акционерной компании, финансировавшей газету, попросил у президента Джосайи свидания. Засим последовала отставка двух старейших членов издательского совета и избрание Соломона Айзекса и Джоула Стернинга на их место. Один из опытных журналистов-аборигенов, весьма способный человек, редактировавший отдел известий Центрального правительственного радиовещания и слывший до той поры крайним радикалом, занял редакционное кресло Макса Джонсона.

Было унылое, хмурое, непогожее утро, то и дело накрапывал мелкий дождик, и аэропорт казался самым безрадостным местом на земле. Много лет назад, когда Макс Джонсон впервые сошел здесь с самолета, он был молод, полон больших надежд, жаждал новизны, приключений и рассчитывал провести на этом острове год-два, не больше. Да, аэропорт тогда был таким же, только без этих внушительных белых зданий и бесконечных взлетных дорожек, и гигантские птицы поминутно не поднимались в воздух с пунктуальной точностью. Воздух еще только начинали осваивать, аэропорт построили совсем недавно, и город, столица вчерашней колонии, был полон суеты, суматохи, созидания; молодому человеку, приехавшему сюда в поисках приключений, так приятно было окунуться в эту неразбериху.

...Но я злоупотребил их гостеприимством, обманутый слишком теплым приемом. Я почему-то думал, что они заглянут в мое сердце и поймут меня, поймут мои чувства, мое стремление отдать им частицу себя. И тем не менее Джосайя прав. Все, что он говорил, правильно. Так почему же ты ждал, что твои хозяева попросят тебя остаться и будут стоять за тебя горой при любом конфликте? Это они поступают бесчестно, не он, а ты был готов плясать под их дудку. Он — человек принципа, а они — оппортунисты. Как метко он их охарактеризовал! Пенкосниматели. Так что же такое с тобой творится? Откуда эта горечь? Ты же знаешь, что, останься ты на родине, и в половину бы так не преуспел. Ты оскорблен тем, что все так кончилось, но будь на твоем месте кто-то другой, ты бы понял Джосайю и был бы на его стороне. На родине тебе жилось бы хуже, и ты возвращаешься туда обеспеченным человеком. Отчего же ты так подавлен и расстроен?..

Он сдал багаж, оплатил превышение веса и направился в зал ожидания, где, несмотря на ранний час, бар был уже открыт.

...Я прибыл сюда один, никто не встречал меня; и вот я уезжаю тоже совсем один, и никто не пришел меня проводить, пожелать мне счастливого пути. Круг завершен, и на это ушло почти сорок лет жизни. Старость — это возрастающее чувство одиночества. Вот почему она печальна.

Но он ошибался. За пять минут до посадки в бар торопливо вошла Марта Ли. На какую-то секунду огромному грузному англичанину, сидевшему у стойки, стало страшно — показалось, что он не выдержит и расплачется, но он все же овладел собой.

...Нет, круг не сомкнулся в той же самой точке. На этот раз он не совсем один, кто-то пришел сказать ему «прощай». Не бог весть какой прогресс для сорока лет — всего один человек. Старость — это еще и углубленность восприятия, проясненное сознание и как следствие — оттенок горечи. Мы начинаем яснее видеть, отчетливее понимать, но усталость мешает нам питать радужные надежды, как в юности...

Марта взобралась на высокий стул рядом с Максом Джонсоном. Не поднимая глаз от своего бокала, он сказал:

— Я рад, что ты пришла. Мне, черт побери, было до смерти жаль самого себя.— Он поднял голову и поглядел на Марту.

— Чашку черного кофе,— сказала Марта бармену и, обернувшись к Джонсону, прибавила:

— Ты мог бы остаться, это зависело от тебя.

— И что бы я стал делать?

— Да, конечно,— спокойно согласилась она.— Без газеты тебе здесь делать нечего.

— Разве чтобы полюбоваться финалом не слишком-то увлекательного спектакля. Джосайя сделал мне комплимент: сказал, что отдает мне должное, не пытаясь меня купить. Но я был слишком зол тогда, чтобы оценить эту похвалу по достоинству.

— Что ты думаешь делать?

— Вероятно, стану ведущим экспертом по Карибским островам и буду процветать.— Отвернувшись от Марты, он проговорил задумчиво: — Ты, разумеется, понимаешь, как мне тяжело уезжать отсюда.

— Я знаю.

— Я буду жить среди совершенно чужих людей, в стране, которая стала для меня чужой. Еду на родину, как в изгнание.

«Начинается посадка на самолет»,— объявили по радио. Макс Джонсон и Марта Ли спустились со стульев.

— Многие могут позавидовать твоему «изгнанию»,— холодно возразила Марта Ли.— Что будет, если мы все соберем пожитки и смоемся?

...Она имеет право судить сурово, даже безжалостно. Право солдата, который вынужден принять бой, потому что не устояли мы...

— Да, конечно,— сказал он с наигранной беспечностью.— Я буду вознагражден сторицей: театры, концерты, книги. И всегда заводятся новые друзья. И уйма свободного времени, чтобы написать пресловутую книгу.

Голос из репродуктора назвал фамилию Макса.

— И прохладные зимы,— подхватила Марта, встречаясь, наконец, с ним взглядом, чтобы он понял — она тоже опечалена его отъездом.

— Да, и прохладные зимы,— повторил он негромко.

— А потом придут другие и будут судить нас за наши ошибки, как мы теперь судим вас.

— Но вы по крайней мере действуете — не то что мы.

— Я и сейчас еще не совсем на его стороне, Макс.

— Но ты и не против него. Ты не убежишь и не станешь саботировать.

— Я люблю мою страну и мой народ.

— Этого может оказаться недостаточно.

— Прощай, Макс.— Она уже снова отдалялась от него.

Он слегка пожал плечами, не скрывая раздражения.

— Прощай, и спасибо тебе.

Он торопливо направился к двери и, выйдя на взлетное поле, зашагал к самолету.

...Только подлинные сыновья и дочери этого народа могут разделить его судьбу до конца.

Когда самолет взлетел, солнце пробилось сквозь тучи, и вот уже остров снова, как всегда, нежился в его теплых лучах.

Стоя на галерее, Марта следила глазами за самолетом, который все выше и выше уходил в голубое небо, уменьшался, превращаясь в крошечную серебристую точку, и, наконец, растаял в туманной дымке.

Марта сожалела о том, что их прощание было недостаточно теплым, ведь она понимала, что Макса ждет одиночество, равносильное изгнанию, и никакие компенсации тут не помогут. Она знала, что в основе своей все люди, если содрать с них шелуху национальной, расовой, социальной и прочей розни, просто люди; пусть не похожие друг на друга, что делает их только прекрасней и внутренне богаче, но все равно прежде всего люди, просто человеческие существа, независимо от цвета кожи. И тем не менее именно это различие в цвете кожи и все, что исторически за этим крылось, создавало из века в век ту незримую стену между людьми, которая сделала сейчас для нее и Макса невозможным проститься друг с другом теплее, сердечнее, более по-человечески. Марта Ли понимала теперь, что для нее и для многих таких, как она, Макс Джонсон всегда, в сущности, оставался чужаком, переступившим порог их дома, и это происходило помимо ее или его воли. Причина крылась в том, что началось много лет назад, когда их обоих еще не было на свете. И вот ты можешь отдать чему-то все свое сердце и душу, отдать по доброй воле, потому что тебе присущ редкий дар ума и совести и умения проникнуть в суть вещей, и тем не менее ты будешь отвергнут из-за далекого прошлого, над которым ты не властен и за которое не можешь нести ответственности.

Сознание этого было не ново для Марты Ли, но то, что произошло сейчас, было слишком личным, слишком острым и безжалостно-очевидным. И она почувствовала боль и отчаяние, знакомые лишь тем, кто хоть раз оказался в положении, из которого нет выхода, нет спасения. Быть может, для других, для тех, кто придет нам на смену, настанет такое время, когда нигде на всей земле не останется места, где кто-нибудь, переступив порог любого дома, почувствует себя чужаком.

Покинув аэропорт, Марта Ли направилась в газету на свое первое свидание с новым редактором.

После отставки судьи Джастиса Райта суд над Фриуэйсом был отложен на неделю. В течение этой недели президент вызывал к себе поочередно в порядке старшинства всех трех судей Верховного суда. Совещание с каждым из них начиналось в сердечной обстановке и заканчивалось крайне резко. Для приема первого, старшего после Дугласа Райта судьи, президент устроил небольшой, но официальный обед с узким кругом приглашенных. После обеда он удалился с судьей в свои личные покои. Они пробыли там около двух часов, и гости — старый Натан Айзекс и его дочь Клара Стернинг, Эндрю Симпсон и темнокожая красавица, которую он пригласил вместо Моны Райт, жена судьи и жена К. И. Пауэрса, принявшая на себя роль хозяйки на время отсутствия президента,— истощив все темы разговора, начали ощущать неловкость. Наконец судья возвратился один. Его трясло как в лихорадке, и от волнения он не мог вымолвить ни слова. Его супруга, которая была за ним замужем уже пятый десяток лет, увидев выражение его лица, поднялась со стула, взяла мужа под руку и вместе с ним покинула гостиную и дворец.

Десять минут спустя президент возвратился к оставшимся гостям; он был спокоен, но казался озабоченным и рассеянным. Эндрю Симпсон, тактично приняв на себя инициативу, через десять минут проводил гостей.

Второго судью президент пригласил отобедать с ним вдвоем, запросто. Эта встреча так же, как и предыдущая, оборвалась внезапно и драматично.

На следующий день президент распорядился, чтобы ему доставили все докладные записки, протоколы и прочие документы, которые были использованы при составлении проекта конституции. Одновременно он распорядился, чтоб суд над Фриуэйсом был отложен еще на одну неделю. Он сам позвонил новому редактору «Голоса Острова» и предупредил его, что любые сообщения и комментарии по поводу этих отсрочек или деятельности Верховного суда вообще нежелательны. Исключение может быть сделано лишь для сообщений, официально поступающих из дворца. Новый редактор был убежденным сторонником тех идей и принципов, которые Джосайя пытался претворить в жизнь. Между этими людьми существовало подлинное взаимопонимание, и они уважали друг друга. До тех пор пока он возглавляет эту газету, заверил Джосайю редактор, президенту обеспечена ее полная поддержка.

Третьего судью Джосайя пригласил к завтраку. Это свидание оказалось кратким и также окончилось весьма бурно.

Прошли еще сутки, и под вечер перед домом Джастиса Дугласа Райта остановился автомобиль. Сам начальник службы безопасности вошел в дом судьи в сопровождении двух своих сотрудников.

А несколько позже, в тот же вечер, президент лично выступил по радио и телевидению и объяснил народу, что бывший председатель Верховного суда взят под стражу вследствие того, что он пытался использовать свое высокое звание для защиты и укрывательства политических врагов нации. Когда Джосайя заканчивал свою речь, на глазах у него блестели слезы.

— Мы не питаем к нему враждебных чувств; мы даже не хотим сказать, что он сознательно совершил государственную измену; мы не желаем умалять его огромных заслуг и не хотим запятнать его безупречную репутацию; он один из нас, и его честь — это наша честь, и наша любовь к нему не ослабела. Но наша любовь к стране и к народу еще сильней. И мы не можем позволить даже этому высокочтимому человеку противопоставлять себя нации. Вот почему я с сердечной болью вынужден был, воспользовавшись властью, данной мне как президенту, подвергнуть заключению Джастиса Дугласа Райта. Я уповаю на то, что это заключение будет кратким, после чего Джастис Дуглас Райт получит возможность вернуться к исполнению своих высоких обязанностей.

Назавтра был назначен день открытия процесса Фриуэйса и обнародовано имя судьи, который будет председательствовать. Им оказался второй по счету из троих приглашенных президентом членов Верховного суда.

А еще через неделю этот же судья был назначен председателем высшего юридического органа страны.

Новый редактор «Голоса Острова» не торопясь дочитал до конца статью Марты Ли, комментировавшую арест Джастиса Райта. Он уже читал эту статью дважды и всякий раз испытывал живейшее восхищение, ибо это была поистине первоклассная статья. Вот каких выступлений в печати не хватало им в ту пору, когда они стремились поднять народ на борьбу за свою независимость! Как остро нуждались они тогда в таких журналистах! Статья была написана блестяще, но написана не вовремя.

Наконец редактор собрал в кучку напечатанные на машинке листы, поднял голову и встретил бесстрастный взгляд Марты Ли.

— Единственная причина, вынуждающая меня отклонить вашу статью,— сказал он мягко, почти ласково,— заключается в том, что сейчас неподходящее время для таких статей. Мы находимся в состоянии войны, мисс Ли, войны голодных, бездомных и обездоленных против тех, кто все имеет и никогда не отдаст этого без боя.

— Первостепенный долг журналиста — сообщать правду, независимо от того, подходящее сейчас для нее время или нет,— сдержанно проговорила Марта Ли, стараясь ничем не выдать своих чувств.— А тут написана правда,— добавила она, указывая на лежащую на столе рукопись.

— Не совсем так, мисс Ли. Это лишь один из аспектов правды. И президент видит ее в другом аспекте. Мы порой забываем, что даже Христос не сразу ответил Пилату, когда тот спросил его: «Что есть истина?»

— И следовательно...

— На меня возложена ответственность решать, какой аспект истины отвечает в настоящую минуту интересам народа, а эта ваша статья сейчас им не отвечает. Я знаю, что вы не согласны со мной, но как редактор этой газеты решения принимаю я.

Другое лицо, другой голос, подумала Марта Ли, а слова все те же, словно их говорит Макс. И, несмотря на досаду, она помимо воли почувствовала уважение к этому новому человеку, сидевшему теперь в кресле, которое столько лет занимал Макс. Он, Макс, все же незримо присутствует здесь! Но ведь газета — эта неотъемлемая частица жизни и мысли народа — была в какой-то мере прообразом самого Макса: трезвого, уравновешенного, чуточку высокомерного в своей замкнутости, всегда державшегося над схваткой и ставившего себе в заслугу, что он умеет непредвзято рассмотреть любую проблему со всех сторон. Марта понимала, что теперь, при этом новом редакторе, газета будет вовлечена в схватку, потеряет независимость, станет пристрастной, фанатичной, орудием в руках Джосайи, преобразующего страну. Вот почему она никак не могла отделаться от воспоминания о том, как все было при Максе, хотя и понимала, что это ушло безвозвратно.

Что же теперь? — спрашивала она себя.

Голос редактора звучал проникновенно, он был исполнен глубочайшего сочувствия:

— Я понимаю, что это значит для такого журналиста, как вы, и прошу вас не принимать поспешных решений. Взвесьте все хорошенько прежде, чем решите, останетесь ли вы с нами или покинете нас. Я не хочу, чтобы вы нас покинули, мы слишком высоко вас ценим. Но вместе с тем необходимо, чтобы вы меня поняли до конца: до тех пор пока я сижу здесь, эта газета будет предана президенту и проводимой им политике. Мне незачем объяснять вам, что отсюда проистекает. Если вы решите сотрудничать с нами — а мы очень на это надеемся,— я не могу обещать вам, что какую-либо еще из ваших статей не постигнет такая же участь, как эту. Но одно я могу вам обещать твердо: во всех своих решениях я буду руководствоваться только интересами народа, и ничем другим.

— А истина — вещь относительная...— негромко, задумчиво проговорила Марта Ли.

— Да, относительная и зависит от отправной точки зрения.

Тогда, не прибавив больше ни слова, Марта Ли покинула кабинет редактора; в эту минуту ей не хотелось признаться даже самой себе в том, что она останется в газете, потому что у нее нет другого выбора, потому что нет другой газеты, куда бы она

могла обратиться, и у нее, в отличие от Макса, нет другого места на земле, куда бы она могла уехать. Для Макса изгнание было возвращением в страну, где он родился. Она родилась здесь, на этом острове, а работа в газете была единственным, что она умела делать; она была дитя своего народа, а народ по доброй воле избрал Джосайю, чтобы тот перестроил жизнь страны по-новому.

Мысль о том, какой ценой будет это достигнуто, заставила Марту похолодеть; она понимала — она знала это с первой минуты, как только Джосайя выдвинул свою программу,— что, если его притязания на президентское кресло увенчаются успехом, народу многое придется вынести. Джосайя победил и теперь осуществляет то, что замыслил и провозгласил; он преобразовывает социальную и политическую структуру общества, и кое-кто уже принесен в жертву.

...Но я не могу восстать против него. Я не могу быть ни сторонницей его, ни его противницей, потому что он избранник народа...

Она позвонила Джону Стэнхопу, бывшему государственному секретарю. Джон теперь, с некоторым опозданием, пробовал свои силы на адвокатском поприще. Он в свое время получил юридическое образование, но затем посвятил себя государственной службе, которая и была делом его жизни до появления Джосайи. Свою первую защитную речь он намеревался произнести на процессе Ф. Ф. Фриуэйса.

— Джон, в редакции зарезали мою статью по поводу ареста Дугласа Райта,— сказала Марта Ли.

— А на что вы, собственно, рассчитывали? — В голосе Стэнхопа прозвучала такая горечь, что Марта совсем пала духом.— Приезжайте, позавтракаем вместе.

В трубке слышались приглушенные голоса. Некоторые из них показались Марте знакомыми. Реакционеры, те, кого Джосайя называл «пенкоснимателями», те, кто стоял за спиной старика Фриуэйса и пустого самонадеянного фата Ричарда Янга, теперь пытались привлечь Джона Стэнхопа на сторону оппозиции. Она пробовала предостеречь его, но арест Фриуйэса привел Стэнхопа в такое бешенство, что он совсем потерял голову. А эти люди намеренно распаляли его гнев.

— Нет, благодарю вас, Джон,— сказала Марта Ли грустно и поспешно повесила трубку.

3

Альберту Джосайе не спалось. Он встал с постели, ощупью прошел по затемненной комнате и отдернул тяжелые шторы. Мягкий, призрачно-голубоватый свет луны залил комнату. Джосайя широко распахнул окно и пододвинул к нему свое любимое кресло.

Послышался легкий шорох бегущих ног, и тотчас раздался встревоженный голос:

— Мистер президент, сэр! У вас все благополучно, сэр?

— У меня все в порядке.

— Хорошо, сэр.

Легкие шаги удалились. Джосайя опустился в кресло. Холмы казались тенями на залитой лунным светом земле. Джосайя пожалел, что не пристрастился к одному из тех развлечений, которые вносят разнообразие в жизнь других мужчин,— к вину, или табаку, или к женщинам; пожалел, что у него нет глубоких личных привязанностей. Впрочем, все это ослабляет волю, распыляет энергию, и человек в конце концов становится игрушкой в руках случая. Менять судьбы народа — это не побочное занятие. И если уж говорить правду, он ведь никогда по-настоящему не стремился ни к чему другому, никогда не нуждался в развлечениях. Он пробовал сходиться с женщинами и остался к ним холоден. Только одно казалось ему подлинно важным — дело освобождения страны и народа, и только ему он был предан всю жизнь. Он не мог бы с уверенностью сказать, когда или как это началось. Оглядываясь назад, пытаясь сам для себя продумать все, Джосайя чувствовал, что стремление это всегда жило в нем, что оно было у него в крови, но как бы дремало до той минуты, когда...

Самый обыкновенный случай, ничего особенно возмутительного или трагического. Какой-то неизвестный, безымянный, ровным счетом ничего собой не представляющий белый крикнул вполне дружелюбно: «Эй, ты! Мальчик! Негритенок! Ты уронил книгу». В голосе звучала доброта, ни малейшего оттенка неприязни — только едва уловимое, спокойное сознание дистанции. То, что воспринимается не умом, а чувством.

И огромное беспокойство, ставшее одержимостью, мгновенно вспыхнуло в Джосайе и поработило его навеки.

Но где же, в чем была допущена ошибка?

Не на процессе, дело не в нем.

Процесс прошел, как великолепный, мастерски разыгранный политический спектакль, каким он и был задуман. Президент получил поддержку всего народа. Пылкая защитная речь Стэнхопа послужила лишь к усилению эффекта. Нет, дело не в процессе. Это был оглушительный национальный триумф.

А затем настал этот очень важный психологический момент, когда президент смягчил приговор, вынесенный судом старику Фриуэйсу, и отдал приказ о высылке экспатриантов, а на улицах городов впервые появилась вооруженная Народная милиция. В те дни правительство Джосайи проявило себя как подлинно народное, в те дни впервые стало ощутимо, что нация гордо подняла голову, что она обретает новую, небывалую прежде уверенность в своих силах, веру в будущее.

Народ впервые ощутил себя хозяином в своем доме, и в эти дни национального подъема страна вступила в новую стадию преобразований. И даже зарубежная пресса, поливая президента помоями, сделала отчасти полезное дело, заставила честных, но колеблющихся и выжидающих людей, таких как Марта Ли, стать на сторону правительства.

И тут подошла пора повести наступление на экономическом фронте. Как и следовало ожидать, пришлось столкнуться с большими трудностями. Душу народа разлагали веками, и ее не исцелишь в один день: убедить рабочий люд отдавать свой труд бесплатно на благо страны, на благо нации оказалось почти невозможным. И тогда пришлось применить силу, дабы организовать безработных в трудовые батальоны для проведения широкомасштабных земляных и ирригационных работ. Как забыть эту ужасную неделю, когда в стране поднялась смута и более двухсот человек погибли, прежде чем удалось овладеть положением и навести порядок. После этого мятежей больше не возникало. Возможно, что именно с того все и пошло. Но ведь эти события происходили свыше двух лет назад, а долго таить злобу совсем не в характере нашего народа. Одним из главных его недостатков всегда было то, что он не умел ненавидеть, слишком легко прощал своим врагам.

И тем не менее Джосайя чувствовал, что между ним и народом пробежала черная кошка.

...А ведь я за пять лет сделал для них больше, чем старик Мозес Джошуа за двадцать пять. Сегодня уже все дети с пяти лет посещают школу. Создание трудовых батальонов положило конец безработице. Мы убрали из страны почти всех «пенкоснимателей», а те, что остались, сотрудничают с нами. Мы ступили на путь экономической независимости, и если нам все еще не хватает продуктов питания, то в этом повинны лишь фермеры, укрывающие свой урожай. Ну, а что до всего прочего — до предметов роскоши, автомобилей, заграничной одежды, спиртных напитков,— нам придется от этого воздержаться; пока они нам еще не по карману...

Все это он разъяснил народу, ничего не скрывая. И народ знает, почему должен приносить жертвы и что послужит ему наградой. И каждый, начиная с самого президента и кончая любым рабочим, одинаково приносит эти самые жертвы. Исключения не делается ни для кого.

Быть может, дело в том, что им слишком долго внушали, будто жизнь можно изменить каким-то другим, более легким путем? Но таких путей не существует; единственный путь — это труд, нелегкий труд.

...Единственный путь — это труд, и труд нелегкий, сказал я им. Истекал четырехгодичный срок моего правления, и допусти я тогда новые выборы, народ, обманутый теми, кто обещал ему другой, более легкий путь к благосостоянию, не пошел бы за мной...

И вот в начале четвертого года правления Джосайи, когда срок его президентства подходил к концу, был проведен референдум, и народ под воздействием энергичной пропаганды потребовал, чтобы новые выборы были отложены до тех пор, пока экономическая революция не будет завершена.

К тому времени Джосайя уже знал, что в отношении народа к нему произошел перелом; уже давно его перестали называть «освободителем», «черным крестоносцем», «стражем народа». И в случаях, когда требовалось осуществить свою волю, ему все чаще и чаще приходилось опираться на армию, на полицию и службу безопасности,

а также на малочисленную, но зато и более преданную Народную милицию. Поставленные на службу правительству печать и радио как могли вносили свою лепту.

Но ведь это было совсем не то, к чему он стремился. Применять силу, когда требовалось сокрушить врагов народа,— разумеется! Это он проделывал без малейшего колебания. Применять же силу против самого народа, потому что он не понимает собственных интересов... Никто никогда не поймет, как глубоко это ранит. Этого невозможно объяснить никому. Даже молодой Эндрю Симпсон при всей его преданности и чуткости не в силах был понять. И поэтому между ними тоже пробежала черная кошка. Ничего не было сказано, ничего не произошло, но он чувствовал это постепенное охлаждение, как и охлаждение народа. Только раз, на какой-то краткий миг, ему почудилось, что есть человек, который понимает его боль. Это было на большом политическом митинге, вскоре после бунтов и расстрелов. Он произносил речь, пытаясь разъяснить молчаливо внимавшей ему толпе подлинный смысл того, что произошло, и, повернув голову, увидел вдруг эту женщину, Марту Ли. Она смотрела на него так, как в детстве когда-то смотрела на него мать,— словно видела и понимала его боль, его страдания, в которых он не осмеливался признаться даже самому себе. И тогда он с такой силой, с такой остротой ощутил потребность в утешении, что сердце его болезненно сжалось. Но когда после митинга он сделал попытку побеседовать с ней, снова уловить эту искру сочувствия и понимания, она отшатнулась от него с испугом и брезгливостью, словно от прокаженного. Он решил тогда, что все это было обманом чувств. Ее взгляд, в котором он, как ему показалось, прочел и понимание и грусть, не имел отношения к нему, к его боли, к его обиде. Просто ей самой было больно оттого, что ее любовник, этот Джоул Стернинг, бросил ее и укатил с женой в Европу. Это был взгляд женщины, познавшей горе.

А может быть, все же нет?

Когда государство контролирует радио и прессу, возникает ряд новых проблем, и вот одна из них: становится трудно узнать, что думают люди. Но сохрани он свободу печати — и ему никогда бы не достичь и сотой доли того, чего он достиг.

И чем большего он достигал, тем больше отдалялся от него народ, тем выше воздвигалась незримая стена отчужденности между ними. Так, словно он стал враждебен своему народу.

...Я был готов ко всему, но только не к этому.

Сидя у распахнутого окна, в своей полутемной спальне, Джосайя старался тщательно продумать все. Он победил всех своих врагов, всех, кто стоял на пути великой революции, и вот его народ отвернулся от него. Как же так? Почему? Он объяснял народу значение этой революции, он написал об этом для них книги, партия создала политические кружки по всей стране. И все же в народе жило недовольство, и он подумал, что в скором времени это недовольство перерастет в оппозицию. И поэтому он понимал также, что недалек час, когда ему неизбежно придется применить против народа столь же жесткие меры, как те, что он применял против врагов народа, ибо он еще только приступал к осуществлению главной задачи — создать гордый и независимый народ, крепко стоящий на ногах. И великая битва за этот народ была еще впереди. Как упоительна была бы эта величественная битва, если бы за его плечами стоял всецело преданный ему народ!.. А это будет трудная битва, и ему придется прибегнуть к помощи партии, и полиции, и армии, и службы безопасности, чтобы *заставить* народ вступить в эту борьбу. И пережить это будет тяжело.

...Это будет тяжело. Через это придется пройти...

И в эту минуту, когда он сидел у залитого лунным светом окна, охваченный чувством такого горького одиночества, какого ему еще никогда не приходилось испытывать, сомнение закралось в его душу. И он почувствовал страх. Мелькнула мысль, что, может, он избрал неправильный путь, что путь к свободе народа лежит не здесь.

Но если этот путь неверен, значит, такого пути не существует вовсе. Лев никогда не будет мирно уживаться с ягненком. Эксплуататоры не могут переродиться и перестать эксплуатировать народ. Великие державы не могут внезапно научиться человечности, которая заставит их понять, что они чинят зло, показывая свою силу и подминая под себя малые страны, превращая их землю в военные базы и поля сражений, а их народ — в живые мишени. Нет, если путь, которым он идет, неверен, тогда для так называемых слаборазвитых стран нет пути к спасению. Народам того, другого, мира посчастливилось: в их распоряжении имелись столетия, на протяжении которых они могли вырабатывать свои государственные институты, накапливать богатства, и силу,

и прочное положение, а в это время к их услугам были все ресурсы этих самых слаборазвитых стран — как природные, так и человеческие. И невзирая на все широковещательные речи, они и по сей день остаются эксплуататорами — более утонченными, более цивилизованными, это верно, но и только.

Эти мысли развеяли закравшееся на миг в душу сомнение, и Альберт Джосайя твердо решил, что он идет правильным путем. Многое, очень многое из того, что ему пришлось совершить на этом пути, он предпочел бы не совершать. Его мало беспокоило то, что Фриуэйсу придется провести остаток жизни в тюрьме; подвергнуть заключению гордого и упрямого старика Дугласа Райта было куда тяжелее. Этот человек мог бы, как никто другой, сплотить вокруг себя народ. Притом его арест разрушил любовный союз молодого Эндрю Симпсона с дочерью старика, а чувство этого юноши оказалось значительно более глубоким, чем предполагал Джосайя. Если бы он мог обойтись без этого ареста, он никогда не прибегнул бы к нему.

И затем эти двести человек, убитых во время мятежа. Но мог ли он избегать этого, не сдавая позиций? Едва ли.

А теперь ему предстояло принимать трудные решения, предстояло действовать еще более жестко и решительно, когда отчуждение, возникшее между ним и народом, перерастет в осознанную активную оппозицию.

И все это он будет совершать не по доброй воле; он будет вынужден прибегнуть к этим мерам для того, чтобы завершить великое дело всей своей жизни, дело освобождения страны и народа.

Джосайя вздохнул и встал. Он взял халат, висевший на спинке кровати, сунул ноги в ночные туфли, быстро вышел из спальни и по длинному, погруженному в тишину коридору направился в комнаты, занимаемые молодым Симпсоном. Юноша уехал на два дня по делам в другую часть острова. Джосайя ждал, что он явится к нему с докладом сегодня вечером, но он не пришел. Возможно, он возвратился слишком поздно и решил не беспокоить президента до утра.

Комнаты государственного секретаря были пусты. Он еще не возвращался. Повинуясь внезапному порыву, Джосайя шагнул к телефону, стоявшему у кровати Симпсона. Сонный телефонист растерялся, услыхав ночью голос президента.

— Мистер Симпсон ничего не сообщал о себе? — резко спросил Джосайя.

— Нет, сэр... то есть да, сэр.

— Так как же все-таки? Звонил он или не звонил?

— Мистер Симпсон звонил, сэр, ваше превосходительство!

— Что он сказал?

— Сказал, что вернется только завтра к вечеру, сэр, и просил передать это своему секретарю, чтобы тот доложил вам.

— Почему же в таком случае мне никто ничего не сообщил?

— Было очень поздно — он звонил после полуночи, сэр.

— И это все, что он сказал? Больше ничего?

— Больше ничего, сэр. Сказал только, что все в порядке и завтра вечером он будет обратно.

— Хорошо, благодарю вас.

Джосайя положил трубку, обвел глазами комнату и вышел, не забыв погасить свет.

Очень жаль, что молодой Симпсон не успеет вернуться вовремя. Джосайе смертельно не хотелось ехать одному.

А эта поездка завтра вечером в горы могла иметь большое значение. Начальник трудовых батальонов полагал, что было бы неплохо организовать там в горах для рабочих большой народный праздник с угощением, и если Джосайя примет в нем участие, это, по мнению начальника, могло поднять дух народа, возродить то восторженное отношение к президенту, каким было отмечено начало его правления. Джосайя не очень верил, что так будет, но ничего нельзя знать наверняка, и он не мог позволить себе пренебречь ни единым, хотя бы самым крошечным шансом. И вот завтра он поедет в горы из-за этой ничтожной, отчаянной надежды на чудо, которое помогло бы ему совершить то, что он призван совершить, не беря свой народ за горло столь же беспощадно, как брал он за горло врагов этого народа. Но в глубине души президент знал, что попытка будет бесполезной. Нет легких путей; нет короткого пути к той цели, которую нужно достичь, и горькая чаша жестокости и одиночества должна быть им испита до дна.

Джосайя покинул комнаты Симпсона и возвратился в свои покои; сейчас он уже не сомневался в правильности того, что было сделано. И он знал: в грядущие годы — долгие, тягостные, быть может, исполненные одиночества — подобная минута сомнений и слабостей уже не повторится.

...Ступив однажды на этот путь, ты не можешь повернуть обратно...

У себя в спальне он задернул шторы, так как за окном уже светало, лег в постель и почти мгновенно заснул.

Ночной дежурный возвратился в караульное помещение и сказал своему товарищу:

— Президенту что-то не спится нынче. Но сейчас опять лег в постель.

— Может, ему приснился дурной сон,—высказал предположение товарищ.

— Да, может, ему приснился дурной сон.

Автомобиль мягко сделал вираж, следуя изгибу дороги, и сквозь линзу оптического прицела человек увидел усталое и озабоченное лицо Джосайи.

Ну вот! Спускай курок! Пора! Пора!

«Не существует прямых, коротких и безболезненных путей. Если тебе удастся увильнуть от чего-то сегодня, ты вдвойне поплатишься за это завтра». Марта Ли сказала ему это когда-то давным-давно, и он очень рассердился на нее тогда.

«И потому, какие бы ни происходили перемены, не позволяй им изменить тебя, твою сущность и то, во что ты веришь, что тебе дорого».

Ну вот, сейчас, или он проедет мимо!

«Ты чист и хорош такой, как ты есть, и то, к чему ты стремишься,— правильно и нужно и для тебя и для нашего народа».

Ты упустишь его! Скорей!

Скорей!

Автомобиль Джосайи скрылся за поворотом длинной спиралеобразной дороги. Человек уронил голову на красивый точный инструмент, который мог положить конец столь многому.

Он зарыдал; это были слезы отчаяния, слезы потерянного, заблудившегося ребенка, одинокого и безутешного. Одинокого, потерянного ребенка на безлюдном острове, на который медленно наползали длинные, черные тени.

■

ОЗЕРСКАЯ ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА

Советский переводчик с английского. В ее переводе издавались романы Т. Харди «Трубач драгунского полка» М. Митчелл «Унесенные ветром» (1-й том), Р. Л. Стивенсона «Потерпевшие кораблекрушение», Дж. Мур «Эстер Уотерс», Р. Хьюза «Лисица на чердаке», Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда», рассказы О. Генри, Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе», М. Твена «Дневник Адама», «Дневник Евы» и др.

ТРЕНЕВА НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВНА (1915—1980)

Советский переводчик с английского. В ее переводе издавались произведения Ч. Диккенса, М. Твена, Н. Льюиса, Шона О'Кейси, Р. Стоуна, М. Уилсона, Э. Олби, Лорейн Хэнсберри, П. Уайта и др. англоязычных писателей.

ТОМ ШАРП

Дальний умысел

РОМАН

Перевод с английского В. МУРАВЬЕВА

Глава 13

Хатчмейер был в гнусном настроении. Его оскорбил автор, он опозорился с яхтой, паруса пропали, а теперь еще Соня Футл никак не хотела признать его мужчиной и отнестись серьезно к его домогательствам.

— Да ладно тебе, Хатч, лапочка,— говорила она,— давай отложим, сейчас не время. Ну да, ты мужчина, а я женщина, слышала и не сомневаюсь. Честное слово, не сомневаюсь. Поверь мне, пожалуйста. Оденься и...

— Во что одеваться, все мокрое,— сказал Хатчмейер.— Нитки сухой нет. Хочешь, чтоб я схватил воспаление легких и умер?

Соня покачала головой:

— Вот сейчас вернемся домой, переоденешься — и сразу тебе станет тепло и сухо.

— Домой, это, конечно, раз-два — и вернулись, на парусе, перевешенном через борт. Мы же ходим кругами, и все. Перестань упрямиться, милая...

Но Соня упрямилась. Она вышла на палубу и окинула глазами горизонт. Хатчмейер, малиново-голый и дрожащий, торчал в двери каюты; он все-таки еще раз попробовал добиться своего.

— Ну, ты женщина,— сказал он,— женщина на все сто. Я тебя по-настоящему уважаю. В смысле, что я...

— Ты женат,— сказала Соня напрямик,— вот тебе и смысл. А у меня жених.

— У тебя кто? — потерялся Хатчмейер.

— Слышал, слышал. Жених. Зовут Питер Пипер.

— Этот полуду...— Но Хатчмейер не закончил: берег вдруг стало хорошо видно. При свете горящего дома.

— Смотри-ка,— сказала Соня,— вон кто-то здорово дом обогревает.

Хатчмейер схватил бинокль и уставился в него.

— Что значит «кто-то»? — тут же заорал он.— Это не кто-то! Это мой дом!

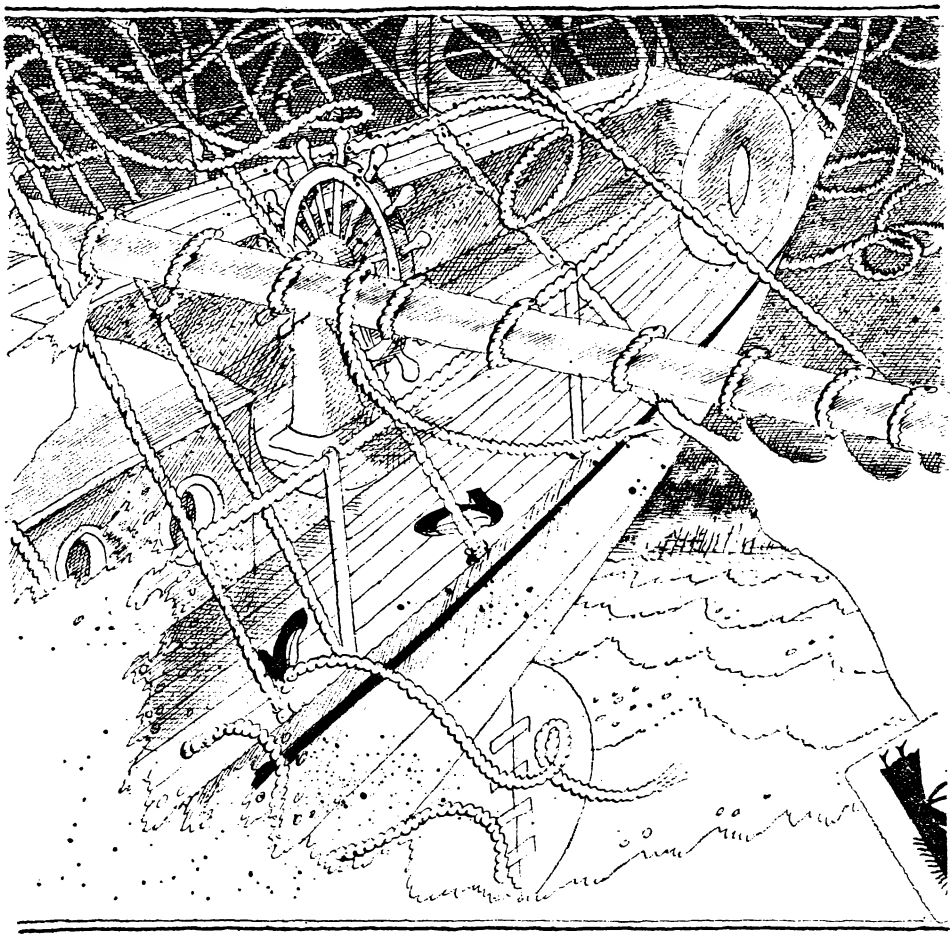
— Это был твой дом,— поправила Соня и вдруг сообразила, что происходит.— О, господи боже мой!

— Вот именно! — рявкнул Хатчмейер и бросился к стартеру.

Мотор зарычал, и яхта двинулась. Хатчмейер вертел штурвал, пытаясь держать на пожар. Но с левого борта свисал парус, и «Ромэн дю Руа» забирала влево. Пыхтящий голый Хатчмейер напрасно силился спрямить курс.

Окончание. Начало см. в № 9.

— Надо парус долой! — крикнул он, и в этот миг на фоне пожара возник полыхавший огнем черный катер: он мчался прямо на них.— Сейчас нас этот ублюдок протаранит! — завопил Хатчмейер, но катер доказал его неправоту, взорвавшись. Сначала вспыхнули канистры в рубке, и по воздуху полетели горящие обломки; потом взорвались баки с горючим, и взлетел остов. Взрыв озарил длинную черную массу, подброшенную в воздух; она с грохотом обрушилась на бак яхты. «Ромэн дю Руа» вскинула корму, осела и стала погружаться. Соня,



вцепившаяся в леер, оглянулась вокруг. Корпус катера тонул и шипел. Хатчмейер куда-то исчез, и секундой позже Соня была в воде, а яхта перевернулась и боком пошла ко дну. Соня отплыла подальше. Ярдов на пятьдесят море было освещено пылающим бензином, и в этих жутких отблесках Соня увидела Хатчмейера, колыхавшегося позади. Он держался за деревянный обломок.

— Ты как, в порядке? — позвала Соня.

Хатчмейер заскулил. Он явно был не в порядке. Соня подплыла к нему и остановилась, держась на воде без малейшего усилия.

— Помогите, помогите! — вскрикивал Хатчмейер.

— Спокойно,— сказала Соня,— без паники. Ты плавать-то умеешь?

Хатчмейер вылупил на нее глаза.

— Плавать? Что значит «плавать»? Конечно, умею. Сейчас я что, по-твоему, делаю?

— Стало быть, все в порядке,— сказала Соня.— Только и надо доплыть до берега.

Но Хатчмейер в ужасе забултыхался.

— До берега? Не доплыву. Утону. В жизни не доплыву. Я...

Соня бросила его и поплыла к месту крушения. Может, там найдется спасательный пояс. Пояса не было, зато пустых канистр сколько угодно. Она прихватила одну из них и вернулась к Хатчмейеру.

— Держись за нее,— велела она. Хатчмейер выпустил свой обломок и вцепился в канистру. Соня сплавала и пригнала еще две. И подвернулся кусок каната. Она связала канистры, опоясала Хатчмейера и сделала надежный узел.

— Теперь не утонешь,— сказала она.— Торчи давай здесь, и все будет просто замечательно.

Спасенный Хатчмейер бешено поглядел на нее.

— Замечательно? — дурным голосом крикнул он.— Что замечательно? Дом мой сожгли, какой-то полоумный кретин чуть не угробил меня горящим катером, моя прекрасная яхта потонула — и все это, по-твоему, замечательно?

Но Соня уже не слышала его: она ровными гребками плыла к берегу — на боку, чтоб не утомиться. Ее волновал Пипер. Он ведь остался дома, а от дома осталось... Она поглядела через плечо на красно-желтую громаду, рассыпающую искры и вдруг изрыгнувшую гигантский язык пламени. Наверное, рухнула крыша. Соня поплыла саженками. Надо скорее выяснить, что случилось. Может быть, бедный милый Пипер опять угодил в беду. Она готовилась к худшему, по-матерински уверяя себя, что он не так уж и виноват, если что-нибудь натворил, но потом сообразила, что натворил не обязательно Пипер. Встречу в Нью-Йорке им устроил Макморди: Пипер тут ни при чем. Уж если кого винить, то...

Соня перестала винить себя самое, задумавшись о катере, который вылетел на них из темноты и тут же взорвался. Хатчмейер считает, что это его хотели угробить. Странно, конечно, однако странно не более чем подожженный дом. Одно к одному — и получается организованная, обдуманная акция. Значит, обошлось без Пипера: организовывать, обдумывать — это не по его части. На него все просто обрушивается. С этой утешительной мыслью Соня коснулась ногами дна и выбралась на берег. Минуту-другую она полежала, чтоб собраться с силами, и тем временем ей пришло на ум ужасное предположение. Если Хатчмейер прав и кто-то на него покушался, то едва ли не вернее всего, что они нашли в доме Пипера и Бэби и... Соня с усилием поднялась и пошла на огонь через рощицу. Надо скорее выяснить, в чем дело. А вдруг это все же был несчастный случай, и Пипер, потрясенный зрелищем нечаянно подожженного дома, выболтал кому-нибудь, что он — не автор «Девства»? Тогда, конечно, они погорели вместе с домом. Вместе с домом?! И она спросила, есть ли жертвы, у первого попавшегося пожарного, который поливал из шланга горящий куст.

— Если и есть, то от них одни уголья остались,— сказал тот.— Какой-то чокнутый малый открыл жуткую пальбу, когда мы приехали, но тут крыша грохнулась, и он больше не стрелял.

— Пальбу? — спросила Соня.— Какую пальбу?

— Пулеметную,— объяснил пожарный,— из подвала. Только я же говорю: его накрыло, и он больше не стреляет.

Соня поглядела на уголья. Жар обдавал ей лицо. Пулеметная стрельба из подвала? Чепуха какая-то. Вообще все чепуха — если не согласиться с Хатчмейером, что его хотели убить.

— И вы уверены, что никто не спасся? — спросила она.

— Никто,— покачал головой пожарный.— Я приехал с первой

машиной — и из дома никто не спасался, только стреляли. А который стрелял — тот верный покойник.

В глазах у Сони потемнело, она качнулась и рухнула замертво. Пожарный перекинул ее через плечо и, кряхтя, отнес к санитарной машине. Еще полчаса — и Соня Футл крепко спала на больничной койке: ей вкатили изрядную дозу транквилизатора.

Зато Хатчмейер отнюдь не спал. Он сидел голый, в одних канистрах, на борту катера береговой охраны и никак не мог объяснить патрулю, чем он занимался посреди залива в третьем часу утра. Ему внимали с недоверием.

— Ладно, мистер Хатчмейер, значит, вас не было на борту вашего катера, когда он взорвался?

— Катера? — заорал Хатчмейер.— Какого еще катера! Я был на яхте!

Патрульный смерил его скептическим взглядом и показал на подобранный бортовой обломок с отчетливой надписью «Фолиант III».

— «Фолиант III» — да, это мой катер,— пробормотал Хатчмейер.

— Ну да, я тоже так думал,— сказал патрульный.— Но раз вы говорите, что вас на катере не было...

— Меня? На катере? Да тот, кто был на этом катере, изжарился заживо. Я что, похож...

На это никто не ответил. Вскоре они ткнулись в берег возле бывшей усадьбы Хатчмейера; владельцу ее, обернутому в одеяло, помогли сойти, и процессия гуськом двинулась через рощицу к подъездной дороге, где сгрудилась дюжина полицейских, пожарных и санитарных машин.

— Подобрали мистера Хатчмейера, плавал в обнимку с этими штуками,— сказал патрульный шефу полиции, показывая на канистры.

Шеф полиции Гринсливз с нескрываемым интересом посмотрел на Хатчмейера, на канистры и снова на Хатчмейера.

— И еще вот,— добавил патрульный, предъявляя обломок доски с надписью «Фолиант III». Шеф полиции Гринсливз внимательно изучил надпись.

— «Фолиант III», а? Это говорит вам что-нибудь, мистер Хатчмейер?

Хатчмейер, кутаясь в одеяло, глядел на огненные руины своего дома.

— Я спрашиваю: вам знакомо название «Фолиант III», а, мистер Хатчмейер? — повторил шеф полиции, задумчиво проследив направление хатчмейеровского взгляда.

— Конечно, знакомо,— сказал Хатчмейер.— Это мой катер,

— Может, вы нам скажете, что вы делали на своем катере в такой час?

— Я был не на катере. Я был на яхте.

— «Фолиант III» — это катер,— наставительно сказал патрульный.

— Я знаю, что это катер,— сказал Хатчмейер.— Я говорю, что во время взрыва меня на катере не было.

— Какого взрыва, мистер Хатчмейер? — поинтересовался Гринсливз.

— Что значит «какого взрыва»? Их что, было несколько?

Шеф полиции Гринсливз снова поглядел на догоравший дом.

— Дельный вопрос,— сказал он.— очень дельный вопрос. Я его сам все время задаю себе. И еще мне интересно, почему никто не вызвал пожарных, как только дом загорелся? И кому это так не понравилось, когда мы приехали, что он открыл из подвала пулеметный огонь и разнес к чертям пожарную машину?

— Кто-то стрелял из подвала? — недоверчиво спросил Хатчмейер.

— Да, вы не ослышались. Из крупнокалиберного пулемета, кстати.

Хатчмейер угрюмо потупился.

— Это я, пожалуй, могу объяснить,— начал он и осекся.

— Можете объяснить? Рад буду выслушать ваше объяснение, мистер Хатчмейер.

— Я держу пулемет в оружейной...

— Держите в оружейной крупнокалиберный пулемет? А вас не затруднит сказать мне, зачем вам пулемет в оружейной?

Хатчмейер сглотнул слюну в некотором замешательстве. Его это затрудняло.

— Для самозащиты,— выдавил он наконец.

— Для самозащиты? От кого?

— От медведей,— сказал Хатчмейер.

— От медведей, мистер Хатчмейер? Я верно вас расслышал — «от медведей»?

Хатчмейер тоскливо озирался, подыскивая вразумительный ответ. В конце концов он решил говорить все как есть.

— Видите ли, жена моя одно время задвинулась на медведях, вот я и...— Он уныло смолк.

Шеф полиции Гринсливз смотрел на него все пристальнее.

— Миссис Хатчмейер задвинулась на медведях? Я верно вас расслышал — «миссис Хатчмейер задвинулась на медведях»?

Но Хатчмейер потерял всякое терпение.

— Нечего меня переспрашивать,— рявкнул он.— Если я говорю, что миссис Хатчмейер задвинулась на медведях, значит задвинулась. Соседи вам подтвердят, спросите у них.

— Обязательно спросим,— заверил шеф Гринсливз.— Ну, и вы, стало быть, обзавелись артиллерией? Чтобы стрелять по медведям?

— Я не стрелял по медведям. Я просто на всякий случай купил пулемет.

— А по пожарным машинам вы тоже не стреляли?

— Конечно нет. За каким чертом мне стрелять по пожарным машинам?

— Не знаю, мистер Хатчмейер, равно как не знаю и того, за каким чертом вы обвязываетесь канистрами и плаваете нагишом посреди залива, когда ваш дом горит и никто почему-то не вызывает пожарных.

— Никто не вызывает... Так вы не по звонку моей жены?..— Хатчмейер растерянно уставился на шефа полиции.

— Как, то есть, вашей жены? Вы хотите сказать, что жены вашей не было с вами на борту катера?

— Нет, конечно,— сказал Хатчмейер.— Я уже говорил вам, что я был не на катере. Мой катер хотел протаранить мою яхту и взорвался, а...

— Так где же миссис Хатчмейер?

Хатчмейер снова тоскливо огляделся.

— Понятия не имею,— сказал он.

— Ладно, забирайте его в участок,— приказал шеф полиции.— Там разберемся поподробнее.

Хатчмейера запихнули на заднее сиденье полицейской машины и помчались в Белсуорт. До участка его довезли в ступоре.

В ступоре был и Пипер. Пожар, взрыв катера, прибытие пожарных и полицейских машин с воющими сиренами и наконец беглый пулеметный огонь из оружейной — все это, вместе взятое, истощило небольшой запас его самообладания. Когда пожарные кинулись врассыпную, а полицейские залегли, он покорно последовал за Бэби через лес. Тропка вывела их к саду соседнего поместья.

Перед большим домом толпились люди, глазевшие на клубы дыма и зарево за деревьями. Бэби с минуту поколебалась, потом потащила Пипера кустарником в обход дома.

— Куда мы идем? — спросил Пипер через полмили.— Нельзя же ведь так просто уйти, будто ничего не случилось.

— Хочешь вернуться? — прошипела Бэби.

Пипер ответил, что нет, не хочет.

— А раз нет, так надо отойти подальше,— сказала Бэби. Они миновали еще три поместья. Мили через две Пипер опять заартачился.

— Они же будут выяснять, куда мы пропали,— сказал он.

— Пусть их выясняют,— сказала Бэби.

— Не предвижу для нас ничего хорошего,— возразил Пипер.— Они обнаружат, что ты своими руками подожгла дом, да и катер — тоже улика. Там все мои вещи.

— Были там твои вещи. Сейчас их там нет. Либо они на дне залива, либо плавают вместе с моим манто. Знаешь, что они подумают, когда их найдут?

— Нет,— сказал Пипер.

— Подумают, что где вещи, там и мы,— хихикнула Бэби.

— Как то есть?

— То есть погибли,— сказала Бэби, снова зловеще хихикнув.

Пипер не видел, над чем тут смеяться. Смерть, даже и ненастоящая, все же дело нешуточное, а вдобавок он остался без паспорта: паспорт был в чемодане вместе с его бесценными гроссбухами.

— Тем более, вот они и подумают, что ты погиб,— объяснила Бэби.— Я же говорила: надо порвать с прошлым. Мы и порвали — напрочь. Мы *свободны*. Можем ехать куда угодно, делать что хотим. Мы разбили оковы обстоятельств.

— Можно, конечно, и так смотреть,— сказал Пипер,— но это не мой взгляд. По-моему, теперь обстоятельства сковывают нас гораздо больше, чем прежде.

— Пессимист, да и только,— сказала Бэби.— А ты постарайся увидеть светлую сторону.

Пипер постарался. Пламя далеко озаряло залив; по нему плавали лодки с зеваками.

— Ну, и как же ты собираешься все это объяснить? — полюбопытствовал он, опять забывая, что он свободен и что пути назад нет. Бэби резко повернулась к нему.

— Кому объяснять? — спросила она.— Мы умерли. Понимаешь — умерли. В том мире, где это случилось, нас нет. Это прошлое, которое нас уже не касается. Мы принадлежим будущему.

— Кто-то все-таки должен отвечать,— сказал Пипер.— Что же, так вот и можно поджигать дома, взрывать лодки и вдобавок надеяться, будто с тебя за это не спросят? А что будет, когда наших тел не найдут на дне залива?

— Подумают, что трупы унесло в море, что их сожрали акулы — вообще что-нибудь да подумают, нам-то какое дело. Перед нами открыта новая жизнь.

— Да уж, нечего сказать, открыта,— не поддавался утешениям Пипер; но Бэби упорно волокла его за руку сквозь лес.

— Навстречу общей судьбе,— весело сказала она. Пипер застонал. Меньше всего на свете он хотел общей судьбы с этой безумной женщиной. Скоро они опять вышли из лесу к большому дому с темными окнами и без признаков жизни.

— Переторчим здесь хипеж,— сказала Бэби на жаргоне, который Пипер дотоле слыхал лишь в детективных фильмах.

— А хозяева? — спросил он.— Может, они нам не слишком обрадуются?

— Они не узнают. Хозяева — Ван дер Гугены, они сейчас в кругосветном путешествии. Мы здесь будем как дома.

Пипер снова застонал. После того, что произошло с домом Хатчмейера, это заверение Бэби отнюдь не обнадеживало. Они прошли по лугу; тропка, посыпанная гравием, вела к боковой двери.

— Они всегда оставляют ключи в теплице,— сказала Бэби.— Постой тут, я за ними схожу.

Оставшись один, Пипер неуверенно переминался с ноги на ногу. Вот наконец и случай спастись бегством. Но он этим случаем не воспользовался. Он так долго копировал других авторов, что от собственных поступков просто отвык. Когда Бэби вернулась, Пипер дрожал всем телом: наступила нервическая реакция. Шатаясь, он последовал в дом за нею, и она заперла дверь.

В Хампстеде Френсик встал рано. Завтра «Девство» выйдет из печати, и нынешние воскресные газеты должны встретить его рецензиями. Он поднялся проулком к киоску и закупил по экземпляру каждой, даже «Ньюс оф уорлд», которая рецензий не публиковала, но могла сгодиться в утешение, если рецензии будут плохие или если их, чего доброго, не будет вовсе. Потом, гордясь своей выдержкой, он вернулся к себе, не заглянув ни в одну газету, и занялся завтраком. Тосты и мармелад, а рецензии — в придачу. Он готовил кофе, когда зазвонил телефон и в трубке послышался голос Джефри Коркадила.

— Рецензии видели? — возбужденно спросил он. Френсик сказал, что еще нет.

— Я только-только встал,— сказал он, досадуя, что Джефри лишает его удовольствия прочесть свежим глазом, по-видимому, превосходные отзывы.— Судя по вашему тону, рецензии положительные.

— Положительные? Взахлеб, просто взахлеб. Вот послушайте, как высказывается в «Таймс» Фрида Кормли: «Первая серьезная попытка проломить стену заговора, которая окружает сексуальное табу, столь долго отделявшее юность от зрелости. «Девства ради помедлите о мужчины» — это в своем роде шедевр».

— Дура недокормленная,— проворчал Френсик.

— Бесподобно, правда? — сказал Джефри.

— Скорее бессмысленно, — отозвался Френсик. — Если «Девство» — первая попытка проломить стену заговора, какого и какую — один бог ведает, то оно не может быть «шедевром в своем роде». Рода-то нет, книжонка уникальная.

— Про это в «Обсервере»,— сказал Джефри, не давая себя обескуражить.— Шийла Шельмердайн пишет: «Девства ради траля-ля» не только потрясает нас своими недюжинными литературными достоинствами, но и являет собой пример сочувственной озабоченности судьбами престарелых и общественно изолированных людей. Этот уникальный роман пытается приподнять занавес над сторонами жизни, которые слишком долго игнорировались теми, в чьи обязанности входит раздвижение границ социальной ответственности. Прекрасная книга, заслуживающая внимания самого широкого круга читателей». Ну, как?

— По чести,— сказал Френсик,— мне это кажется чушью несусветной, но все равно я рад, что мисс Шийла Шельмердайн соизволила так выразиться. Я всегда говорил, что мы на этой книге не прогадаем.

— Говорили, безусловно говорили,— подтвердил Джефри, — и я готов признать вашу полную правоту.

— Вообще-то еще посмотрим,— сказал Френсик, торопясь пресечь восторги Джефри.— Рецензии рецензиями, но надо, чтоб книга пошла. Это, правда, предвещает хорошие американские тиражи. Все, больше нет?

— Есть довольно пакостная статейка Октавиана Дорра.

— А, это неплохо,— сказал Френсик.— Он обычно пишет по делу, и я люблю его слог.

— Я не люблю,— сказал Джефри.— На мой взгляд, он чересчур вольничает и далеко отходит от книги. Ему за рецензию платят, не за фельетон, и нечего бросаться разными ехидными сравнениями. Впрочем, там есть кой-какие фразочки, годные на суперобложку следующей книги Пипера, а это главное.

— Вот-вот,— сказал Френсик и не без удовольствия развернул «Санди телеграф»,— ну что ж, будем теперь уповать на еженедельники.

Он положил трубку, разогрел тосты и уселся читать колонку Октавиана Дорра, озаглавленную «Старческая вседозволенность». Начиналась она так: «Весьма характерно, что издатели романа Питера Пипера «Девства ради помедлите о мужчины» напечатали свою первую книгу в царствование Екатерины Великой. Так называемая героиня их новой публикации наделена не лучшими чертами знаменитой русской императрицы: особенно маниакальной приверженностью к молодым мужчинам и страстью к словоизлияниям на сексуальные темы, по меньшей мере прискорбной. Столь же прискорбно, что издатели романа Коркадилы...»

Френсик отлично понял, почему рецензия обозлила Джефри; ему она, напротив, пришлась очень по вкусу. Она была длинная и неприязненная; но как ни доставалось издателям и публике, чей спрос на извращенный эротизм вызывает приток подобных романов на рынок, однако рецензент привлекал к книге внимание. Бичуя извращенный эротизм, мистер Дорр создавал ему рекламу. Френсик дочитал рецензию со вздохом облегчения и взялся за другие газеты. Их похвалы, их неуклюжее состязание в передовых взглядах на половую жизнь, натужное, напыщенное и подловато-заискивающее — все это окружало «Девство» ореолом респектабельности, что и требовалось Френсику. Роман приняли всерьез, и если еженедельники подпоют, то дело в шляпе.

— Главное — значительность,— пробормотал Френсик, начиняя ноздри табаком.— Макулатура с подливой из словесных помоев.

Он откинулся в кресле и соображал, как бы еще поддать жару и обеспечить «Девству» максимальный резонанс. Вот если бы хорошенькую сенсацию на первые полосы...

Глава 14

Между тем все уже было сделано, как на заказ. За Атлантикой, где жили на пять часов позже, сенсационное известие о смерти Пипера только начало расползаться. Хатчмейер тоже расползался на глазах. Он сидел в кабинете шефа полиции, глядел на него мутным взором и в десятый раз повторял свой рассказ, не вызывая ни малейшего доверия. Особенно портили дело пустые канистры.

— Я уже говорил вам: мисс Футл привязала меня к ним, а сама поплыла за помощью.

— Она поплыла за помощью, мистер Хатчмейер? Вы отправляете за помощью слабую женщину...

— Нашли слабую,— сказал Хатчмейер.— Да она покрупнее вас будет.

В ответ на такую невежливость по отношению к женщине шеф Гринсливз укоризненно покачал головой.

— Значит, вы катались по заливу с этой мисс Футл. А что делала тем временем миссис Хатчмейер?

— Я-то почем знаю? Наверное, дом поджи...— Хатчмейер вовремя остановился.

— Любопытно, очень любопытно,— сказал Гринсливз.— Вы, стало быть, намекаете, что поджигательница — миссис Хатчмейер?

— Ничего я не намекаю! — крикнул Хатчмейер.— Я знаю только...— Но его прервал заместитель Гринсливза, внесший чемодан и груду мокрой одежды.

— Найдено среди обломков катера,— сказал он, подняв манто для обозрения. Хатчмейер в ужасе уставился на него.

— Это манто Бэби,— сказал он.— Норковое. Стоило бешеных денег.

— А это чье? — спросил заместитель, указывая на чемодан.

Хатчмейер пожал плечами. Заместитель открыл чемодан, обнаружил там паспорт и передал его Гринсливзу.

— Британский,— сказал тот.— Британский паспорт на имя Пипера, Питера Пипера. Знаете такого?

— Да, это писатель,— кивнул Хатчмейер.

— Ваш друг?

— Нет, просто один из моих авторов. Другом я бы его не назвал.

— В таком случае, может быть, друг миссис Хатчмейер?

Хатчмейер заскрежетал зубами.

— Не разобрал, мистер Хатчмейер. Вы что-то сказали?

— Нет,— буркнул Хатчмейер.

Шеф Гринсливз задумчиво поскреб в затылке.

— Похоже, у нас тут возникает еще одна маленькая проблема,— изрек он наконец.— Катер ваш взрывается, будто динамитом груженный, и что же мы находим на месте происшествия? Норковое манто миссис Хатчмейер и чемодан мистера Пипера, с которым она, по-видимому, в дружбе. Связи никакой не замечаете?

— Что значит «никакой связи»? — спросил Хатчмейер.

— Ну как, ведь они были на катере в момент взрыва?

— Откуда мне, к дьяволу, знать, где они были? Я знаю только, что кто был на катере, тот пытался меня убить.

— Очень у вас любопытно получается,— заметил шеф полиции Гринсливз,— очень любопытно.

— Не вижу здесь ничего любопытного.

— А наоборот не могло быть?

— Что наоборот? — не понял Хатчмейер.

— Что вы их убили?

— Я — что? — заорал Хатчмейер и выпростался из одеяла.— Вы *меня* обвиняете?..

— Просто спрашиваю, мистер Хатчмейер. Не надо так волноваться.

Но Хатчмейер вскочил на ноги.

— Мой дом сожгли, катер взорвали, яхту потопили прямо подо мной, я сам еле спасся вплавь, а вы тут сидите и спрашиваете, не убил ли я... ах ты, жирная скотина, да ты у меня голым из суда выйдешь! Да я...

— Сядьте и заткнитесь! — гаркнул Гринсливз.— Говорить буду я. Может, я и жирная скотина, но слышать это от нью-йоркского гангстера не желаю. Мы про вас наслышаны, мистер Хатчмейер. Мы тут не зря штаны просиживаем, и нам отлично известно, что вы купили у нас хорошее имение на доллары, от которых так и несет мафией. Это вам не Хиксвилл и не Нью-Йорк. Это штат Мэн, и вы тут ведите себя потише, а то нам и так не по нутру, когда субчики вроде вас прилипают к нашей земле со своими вонючими деньгами. Может, мы штат и небогатый, но дураков у нас нет. Так вот давайте рассказывайте, что на самом деле случилось с вашей женой и ее дружком — или нам сначала придется обшарить залив и просеять золу на месте вашего дома?

Голый Хатчмейер плюхнулся обратно в кресло, потрясенный неожиданным откровением о своем социальном статусе на берегу

Французова залива. Он вдруг понял не хуже Пипера, что в штате Мэн ему быть вовсе не надо, и лишний раз убедился в этом, когда заместитель внес дорожные баулы Бэби и ее сумочку.

— Там внутри куча денег,— сказал он Гринсливзу. Тот пошарил в бауле и вытащил пачку мокрых кредиток.

— Похоже, что миссис Хатчмейер перед смертью собралась куда-то и прихватила с собой малость долларов,— заметил он.— Да, вот и вырисовывается загадочная картинка. Миссис Хатчмейер, значит, на катер со своим другом, мистером Пипером, при багаже и деньгах. А катер-то вдруг «бах!» — и взрывается. Пошлем-ка мы, пожалуй, водолазов, пусть поищут тела.

— Поскорее надо,— сказал заместитель.— Отливом их могло уже унести в море.

— Сейчас и пошлем,— сказал Гринсливз и вышел в приемную, где поджидали репортеры.

— Разъяснили дело? — кинулись они к нему.

Гринсливз покачал головой.

— Два человека пропали без вести, предположительно погибли в море. Миссис Бэби Хатчмейер и некий мистер Питер Пипер, британский писатель. Пока все.

— А куда делась мисс Футл? — спросил заместитель.— Она ведь тоже пропала.

— А дом отчего загорелся?

— Экспертиза покажет,— отвечал Гринсливз.

— Подозреваете поджог?

— Сопоставьте события, может, и сами догадаетесь, что я подозреваю,— пожал плечами Гринсливз и удалился. Через пять минут по гудящим проводам понеслось известие, что Питер Пипер, знаменитый писатель, погиб при загадочных обстоятельствах.

А в особняке Ван дер Гугена, в полумраке спаленки на верхнем этаже, жертвы трагедии внимали транзистору, сообщавшему об их смерти. Причиной полумрака отчасти были опущенные шторы, отчасти же, на взгляд Пипера, безрадостная перспектива, которую открывала перед ним его смерть. Ненастоящий автор — это уже достаточно скверно, но ненастоящий мертвец — это просто какой-то ужас. Зато Бэби новостям обрадовалась.

— Вот и все в порядке,— сказала она,— значит, по окрестностям даже проверять не станут. Слышал, что они сказали? Отлив начался, и водолазам вряд ли удастся отыскать тела.

Пипер окинул спальню унылым взглядом.

— Хорошо тебе говорить,— сказал он.— Ты словно не понимаешь, что я теперь никто. Паспорта у меня нет, все рукописи пропали. Как, по-твоему, мне вернуться в Англию? Не могу же я пойти в посольство за новым паспортом. И вообще появись я на люди — меня тут же арестуют за поджог, взрыв катера и покушение на убийство. Ужас, что ты натворила.

— Я освободила тебя от прошлого. Можешь теперь стать кем хочешь.

— Я всего-навсего хочу быть самим собой,— сказал Пипер.

Бэби с сомнением поглядела на него.

— Судя по твоему вчерашнему рассказу, тебе это не очень-то удавалось,— сказала она.— Или ты был самим собой, изображая автора чужой книги?

— Я хоть знал, что я — не он. А теперь я непонятно кто.

— Ты не мертвец. Уже неплохо.

— Может, и мертвец,— сказал Пипер, угрюмо глядя на зачехленную мебель: казалось, чехлы, как саваны, облекают безжизненные тела авторов, которым он когда-то столь ревностно подражал.

Тусклый свет сочился сквозь прорези штор, точно проникал в склеп, в гробницу его писательских упований. На него напала тяжкая грусть; припомнился Летучий Голландец, обреченный скитаться по морям до того дня... но и Пиперу избавления не было. Он — соучастник преступления, целого ряда преступлений, и если даже пойти в полицию, ему все равно не поверят. Как ему верить? Разве похоже на правду, что Бэби, богатая женщина, подожгла собственный дом, взорвала прогулочный катер и потопила яхту своего мужа? Пусть даже она сама признает, что кругом виновата,— суда не миновать, и юристы Хатчмейера непременно заинтересуются, почему на катере оказался его чемодан. Всплывет и то, что он не автор «Девства», и все заподозрят... да нет, все наверняка сочтут его мошенником. Кстати, Бэби стащила четверть миллиона из сейфа в хатчмейеровском кабинете. Пипер покачал головой и, подняв глаза, увидел, что она с интересом наблюдает за ним.

— Не выйдет, детка,— сказала она, очевидно читая его мысли.— Теперь у нас общая судьба. Только выкинь какой-нибудь фортель, я живо объявлюсь и скажу, что ты меня похитил.

Но Пипер не собирался выкидывать фортелей.

— Как же нам быть теперь? — спросил он.— Нельзя ведь навечно засесть в чужом доме.

— Пробудем здесь дня два-три,— сказала Бэби,— потом двинемся дальше.

— Как? Ну вот как мы двинемся?

— Очень просто,— сказала Бэби.— Вызову такси, доедем до Бангора, а там самолетом. Тут и мудрить нечего. На суше нас искать не будут...

Ее прервал хруст гравия на дорожке. Пипер подошел к зашторенному окну и глянул вниз. Возле дома стояла полицейская машина.

— Полиция,— прошептал Пипер.— Вот тебе и не будут искать.

Бэби встала рядом с ним. Двумя этажами ниже раздавался безответный звонок.

— Проверяют, нет ли Ван дер Гугенов, вдруг они слышали что-нибудь подозрительное прошлой ночью,— сказала она.— Сейчас уедут.

Пипер смотрел на двух полицейских. Стоило только крикнуть — и... но Бэби впилась в его предплечье, и Пипер не издал ни звука. Полицейские обошли дом, сели в машину и уехали.

— Что я тебе говорила? — сказала Бэби.— Не мудри. Я спущусь на кухню, посмотрю, чем бы перекусить.

Пипер одиноко расхаживал по сумрачной комнате и думал, почему же он все-таки не окликнул полицейских. Простых, понятных объяснений было недостаточно. Крикни он — и это доказывало бы, что к пожару он непричастен... ну, хоть какое-то свидетельство невиновности. Но он промолчал — почему? Промолчал — и упустил случай покончить со всем этим безобразием. Нет, не только от страха: тревожило, что он согласился, почти захотел остаться в пустом доме наедине с этой поразительной женщиной. Что ему помешало, когда он успел стать ее сообщником? Бэби — сумасшедшая, в этом он ничуть не сомневался, и все же его почему-то тянуло к ней. Он в жизни не встречал никого на нее похожего. Она точно и знать не хотела условностей, подсказывающих обычные человеческие поступки: она могла спокойно посмотреть на полицию сверху вниз и сказать: «Сейчас уедут», будто это простой соседский визит. И они уехали. А он подчинился ей и будет впредь подчиняться: может быть, он действительно станет кем захочет в пределах той свободы, которую она сотворила для него мановением руки. Кем захочет? Он подумал о любимых писателях, но никто из них в его ситуации не бывал, а не имея перед глазами образчика, Пипер мог с грехом пополам рассчитывать только на себя. И на Бэби. Он станет таким, как она хочет.

Вот оно в чем дело. И Пипер начал понимать, почему она его привлекает. Она знает, кто он такой. Она сказала это вчера вечером, еще до того, как начался кавардак. Она сказала, что он гениальный писатель, и это не пустые слова. Впервые он встретил человека, которому известно, кто он такой на самом деле,— и раз уж встретил, то расставаться им незачем. Сделав это пугающее открытие, Пипер в изнеможении лег на постель и закрыл глаза. Когда пришла Бэби с подносом, он крепко спал. Она нежно поглядела на него, потом поставила поднос, сняла чехол с кресла и укрыла Пипера. Он продолжал спать, завернувшись в чужой саван.

В полицейском участке Хатчмейер тоже с радостью бы уснул, да ему не давали. Все еще голый, кутаясь в одеяло, он отвечал на бесчисленные вопросы о его отношениях с женой и мисс Футл, о Пипере и миссис Хатчмейер; наконец о том, почему он выбрал для прогулки по заливу такую ненастную ночь.

— Вы всегда пускаетесь в плавание невзирая на погоду?

— Слушайте, я уже сказал вам: мы просто решили прокатиться. Мы никуда плыть не собирались, мы просто...

— Встали из-за стола и сказали: «Почему бы нам не проехаться?..»

— Мисс Футл это предложила,— сказал Хатчмейер.

— Ах вот как, она предложила? А миссис Хатчмейер никак не задело, что вы отправились на прогулку с другой женщиной?

— Мисс Футл не «другая женщина». То есть не в том смысле. Она — литературный агент. У нас общие дела.

— И вы ими занимаетесь нагишом на яхте во время мини-тайфуна? Что же это за дела?

— На яхте мы делами не занимались. Мы отдыхали.

— Я так почему-то и подумал. В голом виде хорошо отдыхается.

— Сначала я был одетый. Потом промок и разделся.

— Промокли, потом разделись? А не наоборот?

— Конечно нет. Слушайте, мы еле успели отплыть, как разразился шторм...

— А дом загорелся. А катер взорвался. А миссис Хатчмейер случайно разорвало на части вместе с мистером Пипером...

Но тут взорвался сам Хатчмейер.

— Ну что ж, мистер Хатчмейер, вам, видно, хочется крутого разговора,— сказал Гринсливз, когда Хатчмейера затолкали обратно в кресло.— Так и быть, теперь держитесь.

Его прервал сержант, что-то прошептавший ему на ухо. Гринсливз испустил тяжелый вздох.

— Уверен?

— Так она говорит. Говорит, прямо из больницы.

Гринсливз вышел посмотреть на Соню.

— Мисс Футл? Это вы — мисс Футл?

— Да,— кивнула Соня. Шеф полиции мог заметить, что в одном Хатчмейер был прав: назвать мисс Футл слабой женщиной язык не поворачивался.

— Ладно, снимем с вас показания,— сказал он и повел ее в другой кабинет. Показания с Сони снимали два часа. Гринсливз составил совсем новое понятие о деле: мисс Футл ему в этом очень помогла.

— Так,— сказал он Хатчмейеру,— давайте расскажите-ка нам, что было в Нью-Йорке со встречей Пипера. Вы там, кажется, побоище устроили?

Хатчмейер поднял затравленный взгляд.

— Да нет, вы не поняли. Мы просто делали ему рекламу. То есть мы...

— То есть вы,— сказал Гринсливз,— науськали на этого мистера Пипера всех, кого удалось. Арабов, сионистов, педерастов, ИРА, черных, старух, кого там еще, словом, всех скопом — и это вы так рекламу делаете?

Хатчмейер попробовал собраться с мыслями.

— Вы хотите сказать, что кто-нибудь из них?..— спросил он.

— Я ничего не хочу сказать, мистер Хатчмейер. Я спрашиваю.

— Что спрашиваете?

— Спрашиваю у вас: долго вы думали, прежде чем бросить мистера Пипера на растерзание только за то, что этот бедняга написал для вас книгу? Хорошо обернулась ваша затея — и для вас, и для него?

— Да я ни о чем подобном...

Гринсливз облокотился на стол.

— Вот что я вам скажу, мистер Хатчмейер, для вашего же блага. Выметайтесь из наших мест к чертям собачьим и дорогу назад забудьте, если не хотите больших неприятностей. А в следующий раз, когда будете делать рекламу своему автору, наймите ему сначала телохранителя.

Хатчмейер, шатаясь, побрел к двери.

— Мне нужна одежда,— сказал он.

— Домой за ней можете не ездить. От дома остались одни головешки.

На скамье в приемной рыдала Соня Футл.

— Что с ней такое? — спросил Хатчмейер.

— Переживает из-за смерти этого Пипера,— сказал Гринсливз,— а вот вы что-то не торопитесь оплакивать покойную миссис Хатчмейер.

— Это потому, что я умею сдерживать свои чувства,— сказал Хатчмейер.

— Оно и видно,— заметил Гринсливз.— Пойдите успокойте ее и заодно поблагодарите за ваше алиби. Какое-нибудь тряпье для вас сейчас раздобудем.

Хатчмейер поправил на себе одеяло и подошел к скамье.

— Мне очень жаль...— начал он, но Соня в ярости вскочила на ноги.

— Жаль? — вскрикнула она.— Ты убил моего дорогого Питера и теперь говоришь, что тебе очень жаль?

Гринсливз оставил их объясняться и пошел за одеждой.

— Все, дело закрываем,— сказал он заместителю,— пусть федеральные власти потеют. Террористы в Мэне, а? Кому рассказать?

— Так, значит, не мафия?

— А не один ли черт кто? Нам за это и браться незачем: работа для ФБР. Я в такие омуты не заплываю.

Наконец Хатчмейера в черном костюме, который сидел на нем как на корове седло, и безутешную Соню отвезли в аэропорт; в Нью-Йорк их доставил хатчмейеровский самолет.

Их встречал Макморди с прессой. Хатчмейер вперевалку сошел по трапу и сделал заявление.

— Джентльмены,— сказал он надтреснутым голосом,— для меня это двойная трагедия. Я потерял самую замечательную, самую любящую женушку. Сорок лет счастливой брачной жизни лежат на дне...— Он смолк и высморкался.— В общем, ужасно. Я не могу выразить всей глубины моих переживаний.

— А как насчет Пипера? — спросил кто-то. Хатчмейер снова нырнул в глубину своих переживаний.

— Питер Пипер был молодым романистом непревзойденного таланта. Его гибель — страшная потеря для литературного мира.— Он опять вытащил платок, но Макморди подтолкнул его сзади.

— Скажите что-нибудь о романе,— шепнул он.

Хатчмейер перестал шмыгать носом и сказал несколько слов о книге «Девства ради помедлите о мужчины», опубликованной издательством «Хатчмейер Пресс» и доступной всем по цене семь девяносто в розницу... За его спиной в голос плакала Соня; ее отвели в машину, и она продолжала рыдать, когда они поехали.

— Ужасная трагедия,— сказал Хатчмейер, тронутый собственным красноречием,— совершенно ужасная.

Его перебила Соня, начавшая лупить Макморди.

— Убийца! — кричала она.— Это все ты! Ты наговорил всяким бешеным террористам, что он из ООП, из ИРА и гомосексуалист — любуйся, чем это кончилось!

— Да что за черт! — взвыл Макморди.— Ничего я не...

— Вшивые ищейки в Мэне думают, что это дело рук не то какой-нибудь Симбиозной армии освобождения, не то минитменов, не то еще кого-то в этом роде,— сказал Хатчмейер,— прячьте концы в воду.

— Понял,— сказал Макморди, мигая подбитым глазом. Соня отвергла гостеприимство Хатчмейера и потребовала, чтобы ее везли в Грамерси-парк отель.

— Ты не волнуйся,— сказал Хатчмейер, когда она вылезала из машины,— Бэби и Пипер предстанут перед создателем по всей форме. Цветы там, процессия, бронзовый гроб...

— Два гроба,— сказал Макморди,— а то в один...

Соня резко обернулась.

— Они же умерли! — крикнула она.— Умерли, понимаете? Что у вас, совсем совести нет? Были два человека, живые люди, теперь их убили, а вы мелете чушь про похороны, гробы...

— Само собой, прежде надо, чтобы были тела,— успокоительно заметил Макморди.— Чего, действительно, толковать о гробах, когда тел-то нет.

— Не можете заткнуться? — рявкнул на него Хатчмейер, но Соня без оглядки бросилась в гостиницу.

Они ехали молча, и Хатчмейер прикидывал даже, не уволить ли ему Макморди, но потом раздумал. Кстати же, он терпеть не мог этот деревянный домище в Мэне, а раз Бэби больше нет...

— Жуткое переживание,— сказал он.— Ужасная потеря.

— Еще бы,— сказал Макморди,— сколько красоты пропало зря.

— Музейный экспонат, памятник прошлого. Люди из Бостона приезжали, чтоб только полюбоваться.

— Я про миссис Хатчмейер,— сказал Макморди. Хатчмейер язвительно покосился на него.

— Узнаю вас, Макморди. В такую минуту — и думать про секс.

— Я не в том смысле,— возразил Макморди.— С характером была женщина.

— Вот это верно,— сказал Хатчмейер.— И я хочу увековечить ее память в книгах. Она, между прочим, очень любила читать. Надо издать «Девства ради» в кожаном переплете с золотым тиснением, шрифт декоративный. Назовем его «Мемориальным изданием памяти Бэби Хатчмейер».

— Будет сделано,— сказал Макморди.

А пока Хатчмейер заново входил в роль издателя, Соня Футл плакала в номере Грамерси-парк отеля, лежа ничком на постели. Ее терзало горе пополам с виною. Единственный человек, который ее любил, погиб из-за нее. Она посмотрела на телефон и подумала, не позвонить ли Френсику, но в Англии сейчас было за полночь. И она послала телеграмму: ПИТЕР ПОГИБ ВИДИМО УТОНУЛ МИССИС ХАТЧМЕЙЕР ТОЖЕ ПОЛИЦИЯ РАССЛЕДУЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЗВОНЮ КОГДА СМОГУ СОНЯ.

Глава 15

Утром Френсик явился на Ланьярд-Лейн в чудном настроении. Все на свете было замечательно, солнце сияло, «Девство» начнут раскупать, как только откроются магазины, а главное — хатчмейеровские два миллиона долларов благополучно лежат на текущем счете фирмы «Френсик и Футл». Перевод пришел на прошлой неделе; надо только вычесть четыреста тысяч комиссионных и переправить остаток минус куш Джефри мистеру Кэдволладайну и его загадочному клиенту. Френсик как раз и собирался это сделать, не откладывая. Он забрал почту из ящика и поднялся к себе. Там он уселся за стол, заправил в ноздрю первую дневную понюшку и разобрал письма, под конец обнаружив среди них телеграмму.

— Ну и ну, телеграмма! — ворчливо подивился он спешке напористого автора и развернул бланк. Радужная панорама мира вмиг распалась; на ее месте возникли разрозненные и жуткие образы, порожденные загадочными телеграфными словами. Пипер погиб? Видимо, утонул? Миссис Хатчмейер тоже? Скупые слова стали в его мозгу вопросами, и он попытался с ними справиться. Лишь через минуту до Френсика целиком дошел смысл телеграммы, который вызвал у него сомнение, а затем спасительное недоверие. Пипер не мог погибнуть. В уютном мирке Френсика смерти не было, о ней только писали. Смерть — это что-то нереальное, отдаленное, вымышленное. Но вот несколько слов, не разделенных знаками препинания и напечатанных на клочках бумажной ленты, принесли с собой смерть. Пипер погиб. Миссис Хатчмейер тоже, но она Френсика не волновала, за нее он не был в ответе. А за Пипера был. Френсик сам отправил его на смерть. И ПОЛИЦИЯ РАССЛЕДУЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — значит, на несчастный случай не свалишь. Преступление и гибель — читай убийство, а убийство Пипера — это был уж какой-то невыносимый ужас. Френсик обмяк, посерел и съежился.

Через некоторое время он заставил себя перечесть телеграмму. Но в ней стояли те же самые слова. ПИПЕР ПОГИБ. Френсик отер лицо платком и попытался представить, что же случилось. ВИДИМО УТОНУЛ. Если Пипер погиб, то откуда сомнения, утонул он или нет? Про погибшего обычно известно, что он погиб. И почему не звонит Соня? ПОЗВОНЮ КОГДА СМОГУ — еще одна загадка в придачу к загадочному посланию. Где же она, если не может сразу позвонить? Френсик представил себе Соню на больничной койке, но тогда бы она так и сообщила. Он потянулся к телефону, чтобы позвонить в «Хатчмейер Пресс»; потом сообразил, что в Нью-Йорке еще ночь и на службе никого нет. Придется подождать двух часов. Он сидел уставившись на бланк и пытался мыслить практически. Раз полиция расследует преступление, значит, они обязательно станут копаться в прошлом Пипера и в два счета докопаются, что он — не автор «Девства». Затем... о, господи, узнает Хатчмейер, и расплата будет дьявольская. Вернее, хатчмейеровская. Он потребует назад свои два миллиона долларов, а вдобавок потянет в суд за нарушение контракта или за мошенничество. Слава богу, хоть деньги еще в банке. Френсик перевел дух.

Чтобы отвлечься от мыслей о жутких последствиях, которыми грозила телеграмма, он пошел в Сонин кабинет и отыскал в секретере письмо мистера Кэдволладайна, выражающее согласие на замещение автора Пипером в американском турне. Френсик тщательно изучил письмо и положил его обратно. Все-таки есть какое-то прикрытие на случай неприятностей с Хатчмейером: мистер Кэдволладайн и его клиент — сообщники фирмы «Френсик и Футл». Если придется вернуть два миллиона — вернут свою долю как миленькие. Углубившись в будущее, Френсик постепенно перестал винить себя и переадресовал вину анонимному автору. Вот из-за кого погиб Пипер. Если бы этот мерзавец не скрывался под nom de plume, то Пипер был бы жив.

Тянулись утренние часы, Френсик не мог работать и все больше расстраивался. Ведь Пипер был ему по-своему дорог. А теперь его нет в живых. Френсик печально сидел за столом, глядел на ковент-гарденские крыши и безмолвно оплакивал Пипера. Бедняга, прирожденный мученик, а вернее сказать — мученик от литературы. Скорбное зрелище: человек, который не смог бы ничего написать ради спасения собственной жизни...

Френсик даже подскочил в кресле: уж очень точно подумалось. Да, Пипер погиб, так и не живши. Все отпущенные ему годы он угробил на то, чтобы пробиться в печать, и не пробился. Почему же людей вроде него так тянет к писанию, что за одержимость печатным словом приковывает их к письменным столам? В эту самую минуту тысячи других Пиперов сидят во всем мире над кипами чистой бумаги и заполняют ее словами, которые никто никогда не прочтет, но в которых им, от наивного самомнения, чудится глубокая значительность. И Френсику стало еще грустнее. Это все его вина. Ему надо было проявить решительность и здравый смысл — и сказать Пиперу, что никакой он не романист. А он вместо этого ободрял его. Скажи он нужные слова — и Пипер был бы жив, может, даже нашел бы свое истинное призвание — клерка или слесаря,— женился бы и зажил, так сказать, своим домом. Во всяком случае, не было бы этих пустопорожних лет в полупустых пансионах на пустынных приморских курортах, где Пипер жил Конрадом, Лоуренсом и Генри Джеймсом — бледный призрак обожаемых мертвецов. Он ведь и умер подставным лицом, автором романа, которого не писал. Зато где-то живет как ни в чем не бывало человек, подставивший его вместо себя.

Френсик снял трубку. Нет, не жить ему, подлецу, как ни в чем не бывало. Уж мистер Кэдволладайн его допечет. Он набрал оксфордский номер.

— Боюсь, что у меня для вас довольно плохие новости,— сказал он мистеру Кэдволладайну.

— Плохие новости? Не понимаю,— отозвался мистер Кэдволладайн.

— О том молодом человеке, который поехал в Америку в качестве автора присланного вами романа,— пояснил Френсик.

Мистер Кэдволладайн озабоченно кашлянул.

— Что же он... э-э... проявил неосторожность?

— Можно выразиться и так,— сказал Френсик.— Короче говоря, нам, должно быть, придется иметь дело с полицией.— Мистер Кэдволладайн еще старательнее прочистил горло — к пущему злорадству Френсика.— Да, с полицией,— повторил он.— Вскоре, видимо, предстоит расследование.

— Расследование? — встревоженно переспросил мистер Кэдволладайн.— Какого рода расследование?

— Пока трудно сказать, но я счел нужным поставить вас и вашего клиента в известность, что Питер Пипер погиб.

— Погиб?— скрипнул мистер Кэдволладайн.

— Погиб,— подтвердил Френсик.

— Боже мой. Как это неудачно.

— Согласен,— сказал Френсик.— Хотя слово «неудачно» здесь вряд ли подходит, поскольку Пипер вернее всего убит.

Тут мистер Кэдволладайн встревожился уже не на шутку.

— Убит? — ахнул он.— Вы сказали «убит»?

— Именно это я и сказал. Убит.

— Господи боже мой,— сказал мистер Кэдволладайн.— Как это ужасно.

Френсик ничего не ответил, предоставив мистеру Кэдволладайну проникнуться ужасом происходящего.

— Право, не знаю, что вам и сказать,— наконец пробормотал тот.

— В таком случае,— воспользовался Френсик его замешательством,— скажите мне имя и адрес вашего клиента, и я сам информирую его.

Мистер Кэдволладайн отрицательно помычал.

— В этом нет надобности. Ему будет сообщено.

— Как угодно,— сказал Френсик.— Сообщите ему заодно, что американского аванса придется подождать.

— Подождать? Но неужели вы предполагаете...

— Я ничего не предполагаю. Я просто хочу обратить ваше внимание на тот факт, что мистер Хатчмейер не был в курсе подмены вашего клиента-анонима мистером Пипером, и поэтому если полиция в ходе следствия обнаружит наш маленький трюк... вы уловили?

Мистер Кэдволладайн уловил.

— Вы полагаете, мистер... э-э... Хатчмейер может... э-э... потребовать неустойку?

— Или подать в суд,— без обиняков сказал Френсик,— и тогда лучше быть готовыми тут же вернуть ему всю сумму.

— О, разумеется,— подтвердил мистер Кэдволладайн, которому явно очень мало импонировала роль ответчика.— Предоставляю это целиком на ваше усмотрение.

Френсик положил трубку с облегченным вздохом. Взвалив часть ответственности на мистера Кэдволладайна и его треклятого клиента, он немного повеселел. Он даже не без удовольствия набил себе нос табаком, но тут зазвонил телефон: Соня Футл из Нью-Йорка. Голос у нее был совершенно подавленный.

— Ох, Френзи, я в таком горе,— сказала она,— и я во всем виновата. Если б не я, никогда бы этого не случилось.

— Что значит — ты виновата? — спросил Френсик.— Ведь не ты же...

— Зачем я его сюда повезла? Он был так счастлив...— голос ее прервался и послышались рыдания.

Френсик сглотнул ком в горле.

— Бога ради расскажи мне, что случилось,— попросил он.

— Полиция считает — убийство,— сказала Соня и снова зарыдала.

— Это я уже понял из телеграммы. А что случилось — пока не понимаю. Как он погиб?

— Неизвестно,— сказала Соня,— и это ужаснее всего. Они шарят по дну залива, перекапывают золу на пожарище...

— Какую золу? — удивился Френсик, силясь понять, зачем Пипера ищут в золе, если он утонул.

— Понимаешь, Хатч и я, мы поехали на яхте, разыгрался шторм, дом загорелся, и кто-то стрелял в пожарных, а катер Хатча налетел на нас и взорвался, мы чудом уцелели и...

Рассказ ее был невнятный и сбивчивый, и Френсик, прижимая трубку к уху, тщетно пытался составить картину происшествия. Казалось, хаотические образы были частями бредовой головоломки, сцеплявшимися без малейшего подобия общего рисунка. Огромный деревянный дом изрыгает пламя в ночное небо. Кто-то, укрывшись в пылающем доме, обстреливает пожарных из крупнокалиберного пулемета. Медведи. Хатчмейер и Соня на яхте во время урагана. Горящие катера бороздят залив — и наконец самое чудовищное: Пипер отлетает в лучший мир вместе с миссис Хатчмейер в норковом манто. Какое-то адское видение.

— Кого подозревают? — спросил он.

— Какую-нибудь террористическую группу,— сказала Соня. Френсик судорожно сглотнул.

— Террористическую группу? Зачем террористам убивать бедного Пипера?

— Ну, вокруг него был устроен такой шум — вышло целое по-

боище,— сказала Соня.— Когда мы сошли на берег в Нью-Йорке...— И она рассказала об их прибытии, а Френсик в ужасе слушал.

— Ты говоришь, Хатчмейер нарочно это устроил? Да он сумасшедший!

— Он хотел, чтоб вышла большая шумиха,— объяснила Соня.

— Тут он преуспел, ничего не скажешь,— заметил Френсик. Но Соня опять разрыдалась.

— Ты просто бессердечный,— выговорила она.— Словно ты не понимаешь, что это значит...

— Понимаю,— сказал Френсик,— это значит, что полиция станет выяснять личность Пипера и...

— Что это наша вина,— проплакала Соня,— мы его послали сюда, из-за нас...

— Ну уж нет,— сказал Френсик,— если б я знал, какая ему уготована встреча, я бы в жизни не отправил его на заклание. Что же касается террористов...

— Полиция не вполне уверена, что это террористы. Сначала они думали, что его убил Хатчмейер.

— Вот это больше похоже на правду,— сказал Френсик.— А судя по твоему рассказу — просто сущая правда. Он подстрекатель. Пусть не он сам...

— А потом они, кажется, подозревали мафию.

Френсик опять сглотнул. Еще того не легче.

— Мафию? Чем Пипер мог насолить мафии? Да бедняга вообще...

— Не Пипер, Хатчмейер.

— Ты имеешь в виду, что мафия совершила неудачное покушение на Хатчмейера? — огорченно спросил Френсик.

— Ничего я в виду не имею,— сказала Соня.— Я рассказываю тебе, что слышала от полиции: по их словам, Хатчмейер якшался с преступным миром.

— Если они хотели прикончить Хатчмейера, при чем тут Пипер?

— Ну ведь Хатч и я были на яхте, а Пипер с Бэби...

— Что за бэби? — испуганно спросил Френсик, наспех расчищая загроможденную сцену преступления для новых ужасающих подробностей.

— Бэби Хатчмейер.

— Хатчмейер? Я и не знал, что у этой скотины...

— Да нет у него детей. Миссис Хатчмейер. Ее звали Бэби.

— О господи,— сказал Френсик.

— Нельзя быть таким черствым. Тебе как будто все безразлично.

— Мне? — сказал Френсик.— Как это безразлично! Совершеннейший ужас. Так ты говоришь, мафия...

— Не я говорю, полиция говорит. Они думают, что это была попытка запугать Хатчмейера.

— И запугали? — спросил Френсик, надеясь найти в ситуации хоть что-нибудь утешительное.

— Нет,— сказала Соня,— он злой, как черт. Говорит, что подаст на них в суд.

— В суд?— ужаснулся Френсик.— Что значит — в суд? На мафию в суд не подашь и к тому же...

— Не на мафию. На полицию.

— Хатчмейер в суд на полицию? — спросил Френсик, окончательно потеряв нить.

— Ну, сначала они же на него подумали. Допрашивали несколько часов, оказывали давление. Ему еле поверили, что он был со мной на яхте. А тут еще эти канистры.

— Канистры? Какие канистры?

— Которыми я его обвязала.

— Ты обвязала Хатчмейера канистрами?

— Пришлось, а то бы он утонул.

Френсик не нашел в этом особой логики.

— По-моему, если бы...— Он осекся, не став выражать сожаления, что Хатчмейер не утонул. Между тем все бы очень упростилось.

— И что ты собираешься делать? — спросил он наконец.

— Не знаю,— сказала Соня,— пока побуду здесь. Следствие не кончено, мне даже переодеться не во что... ах, Френзи, все это так ужасно!— И она снова расплакалась.

Френсик подумал, чем бы ее приободрить.

— Кстати, рецензии в воскресных газетах были одна лучше другой,— сказал он, но Соню это ничуть не утешило.

— Как ты можешь сейчас говорить о рецензиях? — возмутилась она.— Тебе просто наплевать, вот и все.

— Ну что ты, милая, вовсе мне не наплевать,— запротестовал Френсик,— это такая трагедия для всех нас. Я сию минуту звонил мистеру Кэдволладайну и объяснил ему, что его клиенту придется теперь подождать с деньгами.

— С деньгами? У тебя одни деньги на уме. Мой милый Питер погиб, а ты...

Френсик выслушал обвинения себе, Хатчмейеру и какому-то Макморди: каждый из них и все вместе, как считала Соня, думают только о деньгах.

— Я понимаю твои чувства,— сказал он, когда она остановилась перевести дыхание,— но дело есть дело, и если Хатчмейер узнает, что Пипер — не автор «Девства»...

Но телефон замолк. Френсик укоризненно посмотрел на него и положил трубку. Оставалось надеяться, что Соня соберется с духом и что полиция не станет расследовать прошлое Пипера.

В Нью-Йорке Хатчмейер был настроен совсем наоборот. Он считал, что полиция — это свора кретинов, неспособных ничего толком расследовать. Он уже снесся со своими юристами, и те решительно отсоветовали подавать в суд на шефа Гринсливза за незаконный арест, потому что Хатчмейера не арестовывали.

— Этот ублюдок продержал меня несколько часов в одном одеяле,— доказывал Хатчмейер.— Они светили мне лампой в лицо, а вы говорите, я не имею права на возмещение. Должен быть закон, который защищает невинных граждан от подобных посягательств.

— Вот если бы какие-нибудь следы рукоприкладства, тогда бы можно было попробовать, а так...

Не сумев раскачать на дело своих юристов, Хатчмейер взял за глотку страховщиков, но с теми оказалось не легче. К нему прибыл мистер Синстром из Отдела рекламаций и выразил некоторые сомнения.

— Как, то есть, полиция необязательно права насчет террористов? — опешил Хатчмейер.

Глаза мистера Синстрома холодно блеснули за очками в серебряной оправе.

— Три с половиной миллиона — это большие деньги,— сказал он.

— Конечно,— согласился Хатчмейер,— зато и взносов я вам выплатил немало. Что вы вообще-то хотите сказать?

Мистер Синстром заглянул в свою папку.

— Береговая охрана выловила шесть чемоданов, принадлежащих миссис Хатчмейер. Это во-первых. В них были все ее драгоценности и лучшая часть гардероба. Это во-вторых. В-третьих, чемодан мистера Пипера был также на борту катера и, как мы удостоверились, содержал все его вещи.

— Ну и что? — сказал Хатчмейер.

— Таким образом, если это политическое убийство, то представляется странным, что террористы заставили погибших упаковать

чемоданы, погрузили их на борт, а затем подожгли дом и катер. Это расходится с обычными террористическими акциями. Картина несколько сдвинутая.

Хатчмейер яростно сощурился.

— Если вы намекаете, что я умышленно подставил под катер себя и свою яхту, лишь бы потопить свою жену и самого многообещающего автора...

— Отнюдь,— возразил мистер Синстром.— Я лишь говорю, что в это дело необходимо вникнуть поглубже.

— Ну, давайте вникайте,— сказал Хатчмейер,— а когда вникните, выкладывайте мои деньги.

— Не беспокойтесь,— сказал мистер Синстром,— мы доберемся до сути дела. Три с половиной миллиона нас к этому обязывают.

Он встал и направился к двери.

— Да, кстати, может быть, вам будет любопытно узнать, что поджигатель прекрасно ориентировался — например, без труда отыскал бензохранилище. Возможно, это был кто-нибудь из домашних.

У Хатчмейера осталось беспокойное ощущение, что мистер Синстром и его помощники, в отличие от полиции, слабоумием не страдают. Из домашних? Хатчмейер обдумал его слова. И все драгоценности в чемодане. Ну, а если... может, Бэби и правда решила сбежать с этим поганцем Пипером? Хатчмейер не отказал себе в довольной улыбке. Если так, то поделом получила, гадюка. Только вот не всплыли бы опасные документики, препорученные ее юристам: это не дай бог. Ну что бы ей умереть как-нибудь попроще, скажем от того же инфаркта?

Глава 16

Особняк Ван дер Гугенов в Мэне остался пустовать со спущенными шторами и зачехленной мебелью. Как и обещала Бэби, уехали они очень просто. Покинув Пипера в полумраке спальни, она пешком пошла в Белсуорт и купила там подержанный автомобиль.

— В Нью-Йорке бросим его и подыщем что-нибудь получше,— сказала она, держа путь на Юг.— Не надо оставлять за собой хвостов.

Пипер, лежавший на полу кабины у нее за спиной, не разделял ее оптимизма.

— Пока обошлось,— проворчал он,— только ведь раз наших тел не отыскали, значит, будут искать нас. Это же само собой разумеется.

— Они решат, что тела унесло отливом,— невозмутимо заявила Бэби.— Так бы и было, если б мы утонули. И я слушала в Белсуорте, что найдены наши чемоданы, а в них твой паспорт и мои драгоценности. Стало быть, нас нет в живых. Не такая я женщина, чтобы расстаться с жемчугом и бриллиантами, пока меня бог не приберет.

Пипер счел этот ход мысли довольно убедительным. «Френсик и Футл» в его смерть безусловно поверят, но без паспорта и гроссбухов...

— Рукописи мои тоже найдены? — спросил он.

— Об этом речи не было, но, уж наверное, где паспорт, там и рукописи.

— Не знаю, как мне быть без рукописей,— сказал Пипер.— Это труд всей моей жизни.

Он лежал, глядел, как мелькают в синем небе верхушки деревьев, и думал о труде своей жизни. Теперь он не допишет «Поиски утраченного детства» и не станет признанным гением. Все его надежды пожрало пламя и поглотила пучина. На остаток дней в земной юдоли ему суждена посмертная слава автора «Девства». Это была невыносимая мысль, и Пипер проникся решимостью избавиться от чужой сла-

вы. Наверное, как-нибудь можно опубликовать опровержение. Но опровергать из-за гроба — дело нелегкое. Вряд ли можно просто написать в литературное приложение «Таймс», что «Девство» — не его роман и что «Френсик и Футл» уговорили его выдать себя за автора в своих корыстных целях. И подпись: «Покойный Питер Пипер»... Нет, это абсолютно исключено. А с другой стороны — нельзя же войти в историю литературы автором порнографического романа! Пипер спорил сам с собой, пока не уснул.

Когда он проснулся, они уже пересекли границу штата и были в Вермонте. Ночевать остановились в маленьком мотеле на берегу озера Шамплейн. Бэби расписалась в книге для приезжих за мистера и миссис Касторп, а Пипер тем временем отнес в коттедж два пустых чемодана, заимствованных у Ван дер Гугенов.

— Завтра запасемся одеждой и прочим,— сказала Бэби. Но Пипера эти низкие материи не занимали. Он стоял у окна, пытаясь освоиться с дикой мыслью, что он и эта безумная женщина связаны узами крепче супружеских.

— Ты хоть понимаешь, что мы теперь никогда не сможем разлучиться? — спросил он наконец.

— Это почему же? — отозвалась Бэби из-под душа.

— По той простой причине, что у меня нет документов и я не могу устроиться на работу,— сказал Пипер,— и еще потому, что деньги все у тебя; а если кто-нибудь из нас попадется полиции, то сидеть нам обоим за решеткой до скончания дней.

— Мрачно смотришь на вещи,— сказала Бэби.— Жить надо по вдохновению. Уедем куда-нибудь, где нас и не вздумают искать, и начнем все заново.

— Куда же это?

— Да на Юг. На дальний Юг,— сказала Бэби, выходя из ванной.— Вот куда Хатчмейер носа не сунет. Он почему-то боится куклукс-клана.

— А какого черта делать мне на дальнем Юге? — спросил Пипер.

— А попробуй писать романы в южном вкусе. Хатч хоть и не бывал там, но южных романов выпустил видимо-невидимо: на обложке обычно мужчина с хлыстом и запуганная девица. Сплошные бестселлеры.

— Мне только такие и писать,— мрачно сказал Пипер, включая душ.

— Пиши под псевдонимом.

— Да уж придется, благодаря тебе.

Когда за окнами стемнело, Пипер улегся, продолжая размышлять о будущем. В постели рядом вздыхала Бэби.

— Какое счастье, когда мужчина не мочится в умывальную раковину,— проговорила она. Пипер словно и не заметил этого приглашения.

Наутро они тронулись дальше окольными путями, медленно, но верно подвигаясь к югу. А Пипер все думал и думал, как ему вернуться на писательскую стезю.

В Скрэнтоне, где Бэби с приплатой обменяла их рухлядь на новый «форд», Пипер купил себе два гроссбуха, бутыль Хиггинсовых чернил (на пробу) и ручку марки «Эстербрук».

— Хотя бы дневник буду вести,— объяснил он Бэби.

— Дневник? Ты и в окошко-то не смотришь, а едим мы в стоячих закусочных — что писать в дневнике?

— Я думал начать его задним числом. Как своего рода реабилитацию. Я бы...

— Реабилитацию? И каким это «задним числом»?

— Ну, начал бы с того, как Френсик уговорил меня ехать в Штаты, а там день за днем — путешествие и... так далее.

Бэби сбросила скорость и отъехала на обочину.

— Погоди-ка, давай разберемся. Ты, значит, начинаешь...

— Кажется, с десятого апреля, когда я получил телеграмму от Френсика.

— Так-так. Десятого апреля — а дальше?

— Ну, я напишу, как я не хотел, а они меня уламывали — что, мол, напечатают «Поиски» и все такое прочее.

— А где же конец?

— Конец? — удивился Пипер.— О конце и не думал. Я просто продолжу, день за днем...

— Про пожар и тому подобное? — подсказала Бэби.

— Конечно, и про это. Ведь не обойдешь.

— Как он, стало быть, случайно начался?

Бэби поглядела на него и покачала головой.

— Ты, значит, напишешь, что я подожгла дом и запустила катер навстречу Хатчмейеру и этой Футл? Так, что ли?

— Ну да,— сказал Пипер.— Так ведь оно и было, а...

— Называется реабилитация. И не думай даже, выбрось из головы. Без меня ты себя не реабилитируешь, а я же тебе сказала, что у нас теперь на двоих одна судьба.

— Хорошо тебе говорить,— горько сказал Пипер,— на тебе не висит авторство мерзейшего романа, не то что...

— На мне висит гений, с меня хватит,— сказала Бэби и включила зажигание. Пипер нахохлился и насупился.

— Я только и умею, что писать,— сказал он,— а ты мне не позволяешь.

— Почему это не позволяю? — сказала Бэби.— Пожалуйста, но дневники задним числом — это обойдешься. Мертвецы вообще помалкивают. Дневников они уж точно не ведут, и вообще я как-то не понимаю, чего ты так набрасываешься на «Девство». По-моему, прекрасная книга.

— Разве что по-твоему,— сказал Пипер.

— Очень мне интересно, кто же ее все-таки написал. Недаром ведь, наверное, за других прячется.

— Стоит прочесть это скотство — и понятно почему,— сказал Пипер.— Сплошной секс. И теперь все будут думать, что это я.

— А ты бы написал вообще без секса? — спросила Бэби.

— Конечно. Это во-первых, а во вторых...

— Ну, и не пошла бы книга. Настолько-то я разбираюсь в издательском деле.

— И ладно, и пусть,— сказал Пипер.— Такие книги подрывают человечность — вот в чем их вред.

— Ну, так перепиши ее по-своему,— она запнулась на пороге озарения и задумалась.

Через двадцать миль показался небольшой городок. Бэби припарковала машину и пошла в универмаг. Вернулась она с экземпляром «Девства».

— Берут нарасхват,— сказала она и протянула ему книгу.

Пипер посмотрел на свою фотографию, украшавшую задник суперобложки. Она была сделана в Лондоне, в те безмятежные дни, когда он любил Соню,— и его лицо, растянутое дурацкой улыбкой, показалось ему чужим.

— Зачем это мне? — спросил он.

Бэби усмехнулась.

— Пиши.

— Писать? — удивился Пипер.— Она ведь уже...

— Написана, но не так, как ты бы написал, а ты ее автор.

— Какой я, к дьяволу, автор?

— Кисик, где-то в необъятном мире есть человек, который на-

писал эту книгу. Он это знает, Френсик знает и эта сучка Футл тоже; ну, и мы с тобой. Вот и все. Хатч — и тот не знает.

— Слава богу,— сказал Пипер.

— Видишь, даже ты говоришь «слава богу»; а «Френсик и Футл» повторяют это днем и ночью. Хатч заплатил за роман два миллиона: сумма изрядная.

— Сумма громадная и постыдная,— сказал Пипер.— Ты знаешь, что Конрад получил за?..

— Не знаю и знать не хочу. Меня интересует другое: что будет, когда ты перепишешь роман своим дивным почерком, а Френсик получит рукопись.

— Френсик получит...— начал Пипер, но Бэби сделала ему знак молчать.

— Да, твою рукопись,— сказала она,— из-за гроба.

— Мою рукопись из-за гроба? Да у него ум за разум зайдет.

— Это еще что, потом мы запросим аванс и потребуем отчислений с продажи,— сказала Бэби.

— Он же тогда поймет, что я жив,— возразил Пипер.— Пойдет прямо в полицию и...

— Дурак он соваться в полицию, а потом объясняться с Хатчем и так далее. Да Хатч на него всех собак спустит. Нет, сэр, мистер Френсик и мисс Футл — оба они еще попляшут под нашу дудку.

— Ты с ума сошла,— сказал Пипер,— просто рехнулась. Если ты и правда думаешь, что я стану переписывать эту мерзость...

— Сам же хотел поправить свою репутацию,— сказала Бэби при выезде из городка.— А другого способа нет.

— Не понимаю, что это за способ.

— Погоди, поймешь,— сказала Бэби.— Главное — слушайся мамочку.

Вечером, в номере очередного мотеля Пипер раскрыл гроссбух, поставил чернила, разложил ручки и перья столь же аккуратно, как некогда в пансионе Гленинг, и, водрузив перед собой «Девство», принялся за дело. Страницу увенчали слова «Глава первая», затем появились строчки: «Дом стоял на холме, в окружении трех вязов, березы и кедра, горизонтальные ветви которого придавали ему вид...»

Позади него Бэби разлеглась на постели с довольной улыбкой.

— Только этот черновик не очень правь,— сказала она.— Мы его сделаем подлинней подлинного.

— А я полагал, что весь смысл этого занятия,— отложил перо Пипер,— в том, чтобы я заново обрел свою погибшую репутацию, выправив...

— Во втором черновике,— сказала Бэби.— А это на затравку «Френсику и Футл». Так что давай ближе к тексту.

Пипер взял перо и стал держаться ближе к тексту. Он делал на странице несколько поправок, потом зачеркивал их и писал наверху, как было в подлиннике. Время от времени Бэби поднималась с постели, заглядывала ему через плечо и отходила довольная.

— Ну, Френсик у нас получит,— сказала она, но Пипер вряд ли ее и слышал. Он вошел в прежнюю колею и снова ощутил себя личностью. Он писал и писал, как всегда теряясь в мире чужого воображения и предвкушая правку во втором черновике — в том, который спасет его репутацию. В полночь, когда Бэби легла спать, он все еще переписывал. Еще через час усталый, но в общем довольный собой Пипер поднялся, почистил зубы и тоже забрался в постель. Утро не за горами.

Но утром они пустились в путь, и лишь под вечер Бэби свернула к заведению Говарда Джонсона в Винвилле, штат Южная Каролина; там-то Пипер и продолжил работу.

Покуда Пипер возрождался к жизни в качестве странствующего романиста, Соня Футл оплакивала его кончину с достохвальным упорством, которое выводило из себя Хатчмейера.

— Как так она не придет на похороны?! — орал он на Макморди, сообщившего, что мисс Футл очень сожалеет, но принимать участие в комедии ради поднятия тиража «Девства» не намерена.

— Она говорит, без тел в гробах...— начал было Макморди, но багровый Хатчмейер обрушился на него:

— Рожу я ей, что ли, эти тела? Полиция разводит руками. Следователи страхагентства тоже. Водолазы, ни дна им ни покрышки, ныряют без толку. А я, значит, доставай их из-под земли? Снесло, снесло их в Атлантику или акулы сожрали.

— Вы же, по-моему, говорили, что гробы можно загрузить бетоном,— сказал Макморди,— а тела эти никому...

— Мало ли что я говорил, Макморди. А сейчас я говорю, что надо наоборот, представить публике Бэби и Пипера.

— Трудновато, а? Мертвые, тел нет, и вообще. Может...

— Не может, а наверняка надо подкинуть «Девство» кверху в списке бестселлеров.

— По компьютеру и так вроде раскупается неплохо.

— Неплохо? Неплохо — это как минимум плохо. Надо, чтоб было лучше хорошего. Надо нам сварганить этому гнусу Пиперу репутацию не хуже, чем... Как звали того болвана, от которого лепешки не осталось в автомобильной катастрофе?

— Да мало ли их...

— В Голливуде. Знаменитый такой.

— Джеймс Дин,— сказал Макморди.

— Не Джеймс. Писатель. Насчет насекомых.

— Насекомых? — сказал Макморди.— Муравьи там и тому подобное? Читал я однажды книжку про муравьев...

— Какие еще муравьи! Про этих с длинными ногами, вроде кузнечиков. Которые все объедают.

— А, саранча. «День саранчи». Кино потрясающее. Как этот здоровый с ходу кидается на того вшиварика...

— Идите вы с вашим кино, Макморди. Книгу-то кто написал?

— Уэст,— сказал Макморди.— Натанаэл Уэст. Настоящая фамилия — Вайнштейн.

— Кому нужна его настоящая фамилия? Вот про него никто не слышал, а он трах под машину — и завтра, на́ тебе, знаменитость! С Пипером даже еще лучше. Кругом загадки. Рядом гангстеры. Дом горит, катера взрываются, ему-то самому кроме старух ничего не надо, а вот получай.

— Дело прошлое,— сказал Макморди.

— Как раз его прошлое мне и требуется: полное досье. Где он жил, что делал, какие у него были женщины?..

— И мисс Футл тоже? — бестактно спросил Макморди.

— Нет,— рявкнул Хатчмейер,— нет, обойдется без мисс Футл. Она вон даже на похороны к бедняге не идет. Прочее бабье. Судя по книге, его хватало.

— Если по книге, так они небось все перемерли. Героине-то восемьдесят, а ему семнадцать. Пиперу было двадцать восемь, от силы тридцать — значит, ей сейчас за девяносто, возраст беспамятный.

— Вот дьявол, да что вам — все подсказывать? Стряпайте, Макморди, стряпайте. Звякните в Лондон, поговорите с Френсиком, покопайтесь в газетах. Что-нибудь да наберется.

Макморди удалился и позвонил в Лондон. Через двадцать минут он вернулся с сообщением, что от Френсика толку не будет.

— Говорит, ничего ему не известно,— сказал он гневному Хатчмейеру.— Пипер будто бы прислал книгу, Френсик прочел, отослал Коркадилам, тем понравилось — и примерно все. Никакого прошлого.

— Какое-то должно быть. Он же где-нибудь родился? И мать его...

— Нету. Родители погибли в автомобильной катастрофе. Словно и не жил.

— Ну, задрыга,— сказал Хатчмейер.

Столь же крепкие выражения приходили на ум Френсику, положившему трубку после звонка Макморди. Мало ему было потерять автора, который ничего не написал,— так теперь еще требуются его биографические данные. Не хватало только прессы, какой-нибудь дотошной репортерши, которая пронюхает о трагическом детстве Пипера. Френсик пошел в Сонин кабинет и отыскал папку с пиперовской корреспонденцией — очень объемистую. Папку он отнес к себе и призадумался, как с ней быть. Сначала он решил ее просто сжечь, но не так-то это было просто: Пипер понаписал ему из разных пансионов добрую сотню писем, а он ни одно не оставил без ответа. Копии ответов были в папке; оригиналы тоже, наверное, никуда не делись. Хранятся у тетки? Или у какой-нибудь свирепой хозяйки пансиона. Френсик сидел и ломал голову. Он сказал Макморди, что у Пипера родственников нет,— а вдруг у него окажется несметное количество хищных теток, дядьев, кузенов и кузин — и все они потребуют своей доли? А завещание? Зная Пипера, Френсик полагал, что его и в помине нет. Стало быть, дело пойдет в суд и начнется такое... С одной стороны, анонимный автор затребует аванс, с другой... И посреди всего этого безобразия болтается фирма «Френсик и Футл», мошенники из мошенников, уличенные Хатчмейером, уличенные родней Пипера, уплачивающие непомерные издержки, ублаготворяющие ненасытных юристов и наконец разоренные дотла. И все оттого, что какой-то умалишенный клиент Кэдволладайна пожелал, видите ли, остаться неизвестным.

Проделав это жуткое путешествие в будущее, Френсик отнес папку на место, надписал ее на всякий случай «Мистер Смит» и стал думать о способах защиты. Только и можно было сослаться на инструкцию мистера Кэдволладайна — а поскольку фирма «Кэдволладайн и Димкинс» весьма дорожит своей репутацией, то скандал им нужен не больше, чем ему. Автору, вероятно, тоже. Но тут утешения мало. Хатчмейер пронюхает и сразу поднимет бучу. Опять-таки на Соню в ее состоянии надежда плоха: того и гляди, сорвется и сболтнет что-нибудь лишнее. Френсик придвинул телефон и заказал разговор со Штатами. Пора Соне Футл возвращаться в Англию. Оказалось, что она отбыла утром и, по предположению дежурной Грамерси-парк отеля, торчит, небось, посреди Атлантики.

— Вы хотите сказать: летит над Атлантическим океаном,— поправил Френсик, сообразив затем, что предположение дежурной не лишено добавочного, хоть и невольного, смысла.

Ближе к вечеру Соня приземлилась в Хитроу и взяла такси до Ланьярд-Лейна. Безутешный вид Френсика был живым свидетельством его скорби.

— Я виню прежде всего себя,— сказал он, не дожидаясь упреков,— не надо было вообще втягивать в эту историю беднягу Пипера и рисковать его будущим. Единственное утешение, что он теперь видный романист. Останься он жив, все равно бы не написал книги лучше этой.

— Но ведь этой он не писал,— сказала Соня.

— Да, да,— кивнул Френсик,— но она-то его и прославила. Он бы оценил иронию: он ведь был, знаешь ли, большим поклонником Томаса Манна. Почтим его память молчанием.

Заранее разрядив таким образом Сонины укоризны, Френсик

дал излиться ее чувствам в рассказе о страшной ночи и последующих деяниях Хатчмейера. Его это никак не просветило.

— М-да, более чем странно,— сказал он в заключение.— Остается предполагать, что вышла ужасная ошибка и убили не тех, кого надо. Вот если бы Хатчмейера...

— Меня бы тогда тоже убили,— сказала Соня сквозь слезы.

— Нет худа без добра,— заметил Френсик.

На следующее утро Соня Футл взялась за работу. Пока ее не было, накопилась куча книг о животных: и тем временем как Френсик у себя за столом мысленно одобрял свою тактику и молча умолял судьбу смилостивиться, Соня занималась «Бобренком Берни». Над ним надо было поработать, но поработать стоило.

Точно так же думал Пипер о «Девстве» в коттеджике на склоне Смоки-Маунтенз. Он глядел с веранды вниз на озеро, где плавала Бэби, и пересматривал свое отношение к роману. Да, видимо, прежде его сбили с толку эротические пассажи. Теперь, списав роман от начала до конца, он рассудил, что основа у него добротная. То есть даже по большей части речь здесь идет в нужном ключе о весьма существенных проблемах. Стоит лишь понизить возрастную разницу между Гвендолен и повествователем Энтони, выполоть всю порнографию — и «Девства ради помедлите о мужчины» прекрасно приобщается к серьезной литературе. Тут есть глубинное рассмотрение вопросов о смысле жизни, роль писателя в современном обществе, обезличивание индивидуальности в городской среде, необходимость возврата к ценностным категориям былых, более цивилизованных, сельскохозяйственных времен. Особенно удачно описаны юношеские терзания на пороге зрелости и то душевное равновесие, которое дает столярное дело, в частности изготовление мебели. «Гвендолен пробежала пальцами по занозистой, сучковатой поверхности дуба, не по летам чувственно касаясь древесины. «Суровое время укротило неподатливое дерево,— сказала она.— Ты будешь строгать против волокна и придашь форму бесформенному и бесчувственному». Пипер одобрительно кивнул. Пассаж, исполненный литературных достоинств, а к тому же и вдохновляющий. Вот и он тоже будет строгать роман против волокна и придаст ему форму, так что в новом варианте от бестселлера ничего не останется, все сексуальные наросты, оскверняющие самое существо романа, будут устранены — и книга станет памятником его литературному дарованию. Пусть посмертно, но все же репутация его очистится. В грядущие годы критики сравнят обе версии и выведут заключение, что в раннем, некоммерческом варианте сказались первичные намерения автора, устремленного к литературным высотам; а потом текст был изменен в угоду Френсику, Хатчмейеру и их извращенным представлениям о вкусе публики. На них ляжет вина за бестселлер, а его оправдают. И более того, превознесут. Он закрыл гроссбух и встал навстречу Бэби, которая вылезла из воды и шла от берега к коттеджу.

— Кончил? — спросила она. Пипер кивнул.

— Завтра берусь за вторую версию,— сказал он.

— Давай-давай, а я пока отвезу первую в Ашвилл и ксерокопирую. Чем скорее Френсик ее получит, тем быстрее мы его подпалим.

— Ты бы лучше выражалась иначе,— сказал Пипер,— а то опять «подпалим». И вообще — откуда ты собираешься ее отправить? Нас выследят по штампу на марке.

— Послезавтра нас здесь уже не будет. Мы сняли коттедж на неделю. Я съезжу в Шарлотт, слетаю оттуда в Нью-Йорк и там отправлю. Завтра к вечеру буду, послезавтра поедем.

— Зачем это мы все время едем,— сказал Пипер,— мне лично и здесь хорошо. Никто нас не тревожил, я спокойно писал. Может, здесь и останемся?

— Здесь не дальний Юг,— сказала Бэби,— а если я говорю — дальний, значит — подальше. За Алабамой, штат Миссисипи, есть такие места, куда ворон костей не заносил, мне как раз туда и надо.

— Я читал, что в Миссисипи не очень-то любят чужаков,— сказал Пипер,— пойдут расспросы, всякое такое.

— Фолкнера надо меньше читать,— сказала Бэби,— а четверть миллиона долларов отвечают за все.

Она пошла в коттедж переодеться. После обеда Пипер плавал в озере и гулял по берегу, размышляя о текстуальных изменениях «Девства» № 2. Он уже решил переменить заглавие и назвать его «Возвратный труд». Тут было легкое напоминание о «Поминках по Финнегану» Джойса, публиковавшихся, как известно, под заглавием «Работа идет»,— словом, возникал литературный архетип. В конце концов Джойс взрыхлял и перерыхлял свои романы без всякой мысли об их продажной стоимости. И, кстати, в изгнании. Пипер мгновенно почувствовал, как он идет по стопам Джойса, инкогнито и без конца правя все ту же книгу — с той разницей, что при жизни ему не суждено выбраться из безвестности к славе. Если только в труде его не будет явлен такой бесспорный гений, что всякие пустяки вроде пожара, горящих катеров и даже его мнимой гибели станут лишь деталями биографии великого писателя. Да, великого и неподвластного пустякам. Пипер повернулся и заспешил по берегу обратно в коттедж. Надо безотлагательно начинать «Возвратный труд». Вернувшись, он обнаружил, что Бэби уже уехала в Ашвилл с его первой рукописью. Для него была записка на столе, точная и краткая: «Уезжаю. Вернусь завтра. Так держать. Бэби».

Пипер повиновался. До вечера он прошел «Девство» с пером наперевес и перечеркал все упоминания о возрасте. Гвендолен сделалась двадцатипятилетней, а Энтони постарел на десять лет и ему стало двадцать семь. По ходу дела Пипер выкорчевывал малейшие упоминания о той сексуальной акробатике, из-за которой роман раскупали. Черкал он с упоением и наконец переполнился чувством праведности, перенеся его в гроссбух с Нужными Мыслями. «Коммерциализация пола как предмета купли-продажи,— записал он,— вот корень нынешнего загнивания цивилизации. В своем творчестве я пытался избегнуть опредмечивания пола и предохранить сущностные человеческие контакты». Затем он поужинал и улегся спать.

Встал он рано и вскоре уже сидел за столом на веранде. Перед ним был раскрыт чистый, девственный гроссбух, ожидавший его пера. Он окунул перо в чернила и принялся писать: «Дом стоял на холме в окружении трех вязов, березы и...» Пипер запнулся. Кедра он никогда не видел, а словаря под рукой тоже не было. Он переменил «кедр» на «дуб» и опять остановился. Бывают у дуба горизонтальные ветви? У каких-нибудь дубов, наверное, бывают. К черту подробности. Главное — добраться до анализа отношений Гвендолен и рассказчика. В великих книгах нет места большим деревьям. Книги эти — о людях, о том, какие чувства испытываются, какие думаются думы. Проникновение — вот в чем суть, а деревья проникновению не помогают. Черт с ним, с кедром, пусть стоит на своем месте. Он зачеркнул «дуб» и снова написал сверху «кедр». Еще полстраницы продолжалось описание; потом он напоролся на очередную проблему. Почему это рассказчик Энтони на школьных каникулах, если ему двадцать семь лет? Разве что он учитель, но тогда он должен что-то преподавать и иметь об этом какое-то понятие. Пипер попытался

припомнить собственные школьные дни и подыскать образец для Энтони, но его преподаватели были невыразительные и совершенно ему не запомнились. Одна только мисс Пирс, а та все-таки женщина.

Пипер отложил перо и подумал про мисс Пирс. Будь она мужчиной... или будь она Гвендолен, а он Энтони... и если бы Энтони было не двадцать семь, а четырнадцать... или если б, еще того лучше, родители его жили бы в доме на холме в окружении трех вязов, березы и... Пипер встал и прошелся по веранде, зажигаясь новым вдохновением. Ему вдруг пришло в голову, что сырье «Девства ради» можно переработать в «Поиски утраченного детства». А если не переработать, то создать сплав. Придется, правда, внести кой-какие поправки. Чахоточные слесари — они, конечно, на холмах не живут. Но с другой стороны, у отца его чахотки-то не было. Чахоткой повеяло от Лоуренса и Томаса Манна. А любовная связь школьника и учительницы — дело обычное, только надо избегать физиологических подробностей. Да, именно так. «Возвратный труд» станет «Поисками». Он сел за стол, взял перо и начал переписывать. Теперь не было нужды менять повествовательные очертания. Кедр, дом на холме и вообще тому подобные дома пусть будут как есть. Новизну внесет его мучительное отрочество и присутствие его исстрадавшихся родителей. Плюс мисс Пирс, она же Гвендолен, его наставница, советчица и преподавательница, с которой развернутся сложные отношения, сексуально окрашенные и без всякого секса.

И снова затолпились на странице неизгладимые чернильные слова, сложенные по-прежнему изящно, на радость автору-переписчику. Внизу играло солнечными отсветами озеро, ветерок шевелил деревья над коттеджем, но Пипер потерял из виду окружение. Он воссоединил свое существование, прерванное в Эксфорте, в пансионе Гленигл,— и трудился над «Поисками».

Когда Бэби вернулась под вечер с рукописью, ксерокопия которой была отправлена из Нью-Йорка «Френсику и Футл», Ланьярд-Лейн, Лондон, Пипер уже стал самим собой. Пожар и бегство были забыты.

— Видишь ли, я тут сообразую «Девство» с моим собственным романом,— объяснил он, когда Бэби наливала себе виски.— Гвендолен теперь у меня...

— Утром расскажешь,— прервала его Бэби.— День был трудный, а завтра нам снова в путь.

— Я смотрю, ты новую машину купила,— заметил Пипер, глядя на красный «понтиак».

— С кондиционером и южнокаролинским номером. Если они вдруг надумают нас искать, я им не завидую. На этот раз я и меняться не стала. Продала «форд» в Бинвилле, оттуда автобусом в Шарлотт, а этот купила в Ашвилле на обратном пути. Дальше к югу еще разок сменим машину и совсем запутаем следы.

— Не лучший способ их путать — слать «Девство» Френсику,— сказал Пипер.— То есть он ведь теперь знает, что я не умер.

— Да, кстати. Я ему послала от твоего имени телеграмму.

— Ты, кстати, что? — потерял голос Пипер.

— Телеграмму послала.

— И что в телеграмме?

— Всего-навсего: «Переводите аванс последующие отчисления Нью-Йорк Первый государственный банк счет 478 776 любящий Пипер».

— Но у меня нет счета в ...

— Теперь есть, милый. Я открыла его на тебя и сама сделала первый вклад: тысячу долларов. И когда Френсик получит поздравление...

— Поздравление? Вымогательская телеграмма называется у тебя поздравлением?

— Надо же дать ему время ознакомиться с подлинником «Девства» — вот я и заказала ему сюрприз к девятнадцатому, якобы ко дню рождения.

— Господи,— сказал Пипер,— ну и сюрприз. Ты хоть знаешь, что у него больное сердце? Такие потрясения могут убить его.

— Будете квиты,— сказала Бэби.— Тебя-то он фактически убил.

— Вовсе не он. Это ты подписала мой смертный приговор и загубила мою писательскую карьеру.

Бэби допила виски и вздохнула.

— Вот она, благодарность. Твоя писательская карьера только начинается.

— Посмертно,— горько сказал Пипер.

— Что ж, лучше поздно, чем никогда,— заметила Бэби и отправилась спать.

Наутро красный «понтиак» отъехал от коттеджа и запетлял по горной дороге в направлении Теннесси.

— Доедем до Мемфиса,— сказала Бэби,— там разделаемся с машиной и пододимся автобусом назад к востоку, в Чаттанугу. Я всю жизнь хотела посмотреть Чух Чух.

Пипер никак не отозвался. Он только что припомнил, как судьба свела его с мисс Пирс, она же Гвендолен. На летние каникулы родители взяли его в Эксфорт, он как-то оставил их на пляже, пошел в публичную читальню и там... Нет, дом стоял не на холме. Он стоял на вершине горы в окружении скал, а окна выходили на море. Впрочем, это лишнее, пока и так сойдет. Пусть дом стоит, где стоял; надо разрабатывать нюансы отношений. Таким образом «Девство» и «Возвратный труд» будут согласованнее в деталях, вообще тождественнее. Вот уж в третьей версии он займется обстановкой и перенесет дом на эксфортские скалы. Что ни переработка, то приближение к его великому замыслу, оплодотворенному десятилетними трудами. Пипер осознал это и улыбнулся. Как автор «Девства ради помедлите о мужчины» он приобрел долгожданную славу, она сама обрушилась на него — и теперь, медленной, кропотливой переделкой этой книги он создает труд своей жизни, литературный шедевр. И Френсик никак не сможет этому помешать.

В Мемфисе они переночевали в разных мотелях, утром встретились на автостанции и поехали в Нашвилл. Красного «понтиака» точно не бывало, но Пипер даже не стал спрашивать, куда Бэби его дела. У него на уме были дела поважнее. Что, например, случится, если Френсик предъявит подлинную рукопись «Девства» и признается, что послал Пипера в Америку вместо настоящего автора?

— Два миллиона долларов,— кратко ответила Бэби, когда он изложил ей свои опасения.

— При чем тут два миллиона долларов? — не понял Пипер.

— Столько на тебя было поставлено в покерной игре с Хатчмейером. Чтобы блефовать, рискуя двумя миллионами, нужны веские причины.

— Ума не приложу, что это за причины.

— Какая-то лажа с настоящим автором,— усмехнулась Бэби.— Только не дури мне голову насчет многодетного подагрика. Нет его в природе.

— Как нет? — удивился Пипер.

— Нет и не было. Френсик поставил на карту свою репутацию посредника за проценты с двух миллионов и в угоду автору, который согласился на подмен, лишь бы остаться анонимом. И так уж все чудно, а это едва ли не чуднее прочего. Узнал бы Хатч, как его водят за нос, он бы с них шкуры посдирал.

— Если бы Хатчмейер узнал про нашу затею, он бы тоже не очень обрадовался,— мрачно сказал Пипер.

— Ну, нас-то под рукой нет, а Френсик — вот он, на Ланьярд-Лейн. Как раз сейчас, наверное, потом обливается.

А Френсик и в самом деле обливался потом. Большая бандероль из Нью-Йорка, адресованная лично Фредрику Френсику, особого любопытства у него поначалу не вызвала. Спозаранку явившись в контору, он принес бандероль к себе наверх, прочел несколько писем и лишь затем распечатал объемистый пакет. Распечатал — и оцепенело уставился на его содержимое. Перед ним лежала аккуратно ксерокопированная и несомненная рукопись Пипера, и рукопись эта столь же несомненно была подлинником романа «Девства ради помедлите о мужчины». Чего быть никак не могло. Пипер этой чертовой книги не написал. Не мог он ее написать. Исключено. Вдобавок зачем слать ему ксерокопию рукописи? Ага, рукописи. Френсик полистал ее и заметил поправки — да, черт его дери, это черновик «Девства». Написанный почерком Пипера. Френсик встал из-за стола, пошел к архивному шкафу, извлек папку с надписью «Мистер Смит» и сличил почерк писем и черновика. Он самый. Френсик даже достал лупу и принялся разглядывать буквы. Такие же. Господи, что это за чертовщина? Просто кошмар наяву. Пипер написал «Девство»? Совершенно нелепое предположение. Этот шибздик в жизни бы не написал... а если вдруг неким чудом — то как же мистер Кэдволладайн и его таинственный клиент? Зачем тогда было Пиперу присылать перепечатку книги через оксфордского поверенного? И вообще, он же погиб, мерзавец. Или не погиб? Да нет, сгинул, утонул, убит... Уж Сонино-то горе было неподдельно. Пипер погиб. И он вспять вернулся к вопросу: кто же прислал ему этот замогильный манускрипт? Из Нью-Йорка? Френсик поглядел на штамп. Из Нью-Йорка. И почему ксерокопия? Должно же быть какое-то объяснение. Френсик схватил и распотрошил обертку в надежде, что там окажется сопроводительное письмо, но письма не было. Адрес напечатан; обратного адреса на задней стороне бандероли не имелось. Френсик снова обратился к рукописи и прочел еще несколько страниц. Почерк подлинный, и поправки на каждой странице никаких сомнений в этом не оставляют. Точно такими были испещрены все ежегодные версии «Поисков утраченного детства»: слова и фразы аккуратно вычеркнуты и сверху надписаны другие, буква в букву. Ошибки, и те налицо: Пипер всегда писал «черезвычайно» с двумя «е», а «парраллельный» с двумя «р» — вот они, избыточные приметы его авторства. Стало быть, проклятый графоман в самом деле накатал книгу, которая вышла в печать с его именем на титуле. Но ведь имя-то поставили без Пипера: его уговорили, когда книга уже была запродана...

У Френсика голова шла кругом. Он попробовал вспомнить, кто предложил Пипера — Соня или он сам?.. Память отказывала, а Сони не было: она уехала в Сомерсет на переговоры с автором «Бобренка», чтобы он сдох, Берни, доказывать ему, что даже очень болтливые бобры не говорят «едритская сила» и «чертова мать», если хотят попасть на страницы детских книг. Тупо глядя на пиперовский черновик, Френсик чертыхался не хуже Берни, но наконец собрался с силами и придвинул телефон. На этот раз мистер Кэдволладайн выложит все как есть. Однако телефон опередил Френсика, отчаянно затрезвонив. Френсик еще раз выругался и снял трубку.

— «Френсик и Футл», литературное агентство... — начал он, но телефонистка не дала ему договорить.

— Это мистер Френсик, Фредрик Френсик?

— Да,— сердито подтвердил Френсик. Он не любил своего имени.

— Вас поздравляют с днем рождения,— сказала телефонистка.

— Меня? — удивился Френсик.— Мой день рождения не сегодня.

Но голос, записанный на пленку, уже ворковал: «С днем рождения тебя, дорогой Фредрик, в этот радостный день, дорогой Фредрик, поздравления наши прими».

Френсик отставил трубку от уха.

— Я же говорю, черт возьми, что у меня сегодня нет никакого дня рождения! — заорал он на магнитофонную запись. Снова послышался голос телефонистки:

— Зачитываю текст поздравительной телеграммы: «Переводите аванс последующие отчисления Нью-Йорк Первый государственный банк счет 4—7—8—7—7—6 любящий Пипер». Повторяю: «Переводите...»

Френсик сидел и оторопело слушал. Его начало трясти.

— Повторить еще раз номер счета? — осведомилась телефонистка.

— Нет,— сказал Френсик,— Да.— Он схватил карандаш и нетвердой рукой записал телефонограмму.

— Спасибо,— механически сказал он, дописав последнее слово.

— Пожалуйста,— отозвалась телефонистка, и трубка заглохла.

— Ничего себе «пожалуйста»,— сказал Френсик. С минуту он глядел на слово «Пипер», потом отправился в каморку, где Соня обычно варила кофе и мыла чашки. Там хранилась бутылка бренди для воскрешения отвергнутых авторов. «Для отвержения воскреснутых»,— пробормотал Френсик, наливая себе стопку, и вернулся к своему столу слегка приободрившись. После телеграммы манускрипт стал вдвое кошмарнее, но загадочности в нем поубавилось. Шантаж, дело ясное. «Переводите аванс последующие отчисления...» Френсику вдруг стало дурно. Он вылез из кресла, лег на пол и закрыл глаза.

Через двадцать минут он поднялся. Ну, мистер Кэдволладайн поймет, что с «Френсиком и Футл» шутки плохи. Звонить ему, старому хрену, смысла нет. Надо завертывать круче. Этот ублюдок еще прибежит с визгом выдавать своего клиента, хватит трепотни насчет юридических тайн. Положение отчаянное, и нужны отчаянные меры. Френсик спустился по лестнице и вышел на улицу. Через полчаса он возвратился со свертком, где были сандалии, темные очки, легкий джинсовый костюм и панама. Теперь ему нужен был только крючкотвор с мертвой хваткой. Остаток утра Френсик листал «Девство», выбирая себе прототип, а потом позвонил Дратли, Скрытни, Взвесли и Джонсу, ходатаям из Понсет-Хауса. Но делам о клевете они на ходу срезали подметки. Мистер Взвесли назначил профессору Фациту свидание в четыре.

В четыре без пяти Френсик с экземпляром «Девства» сидел в приемной, поглядывая сквозь мутные очки и косясь на свои сандалии. Тут было чем гордиться. Если что его и отличало по-настоящему от литературного агента Френсика, то прежде всего эти жуткие сандалии.

— Пройдите к мистеру Взвесли,— сказала секретарша. Френсик встал, проследовал к двери с табличкой «Мистер Взвесли» и отворил ее. В комнате стоял надежный, спертый дух беспощадного крючкотворства. Мистер Взвесли, казалось, явился откуда-то со стороны. Он был маловат, черноват и вертляв не по обстановке. Френсик пожал ему руку и уселся. Мистер Взвесли выжидательно посмотрел на него.

— Кажется, вас встревожил какой-то пассаж в неком романе? — вопросительно сказал он.

Френсик выложил «Девство» на стол.

— Да, вот видите ли,— сказал он с некоторым сомнением.— Понимаете... мои коллеги, которые читают романы — я-то сам, знаете,

их не очень читаю,— но они указали... тут, видимо, какое-то совпадение... конечно, забавно, однако...

— Некий персонаж романа чем-то напоминает вас? — спросил мистер Взвесли, прерывая колебания Френсика.

— Ну, не то чтобы напоминает... но его поступки — чтобы не сказать преступления...

— Преступления? — спросил мистер Взвесли, хватая наживку.— Персонаж, напоминающий вас, совершает преступления? В этом романе?

— Поглядите сами. Меня зовут Фацит,— сказал Френсик и, подавшись вперед, раскрыл «Девство» на заложенной странице.— Вот тут прочтете — вам все станет ясно.

Мистер Взвесли прочел три страницы и с восторгом поднял озабоченный взор.

— Н-да,— сказал он.— Я вас понимаю. Чрезвычайно неприятные намеки.

— Вот именно, правда? — воскликнул Френсик.— А мое назначение заведующим кафедрой этики в Уобаше должно быть утверждено и, откровенно говоря, если кому-нибудь на мгновение покажется...

— Все понятно,— сказал мистер Взвесли.— Ваша карьера под угрозой.

— Под угрозой? Кончена! — сказал Френсик.

Мистер Взвесли радостно выбрал сигару.

— И я полагаю, что вы никогда... что эти намеки совершенно безосновательны? Студентов вы, например, не соблазняли?

— Мистер Взвесли! — возмущенно сказал Френсик.

— Ну да, нет, конечно. И вы не совокуплялись с четырнадцатилетней девочкой, подбавив ей в лимонад снотворного?

— Никогда. Самая мысль об этом мне глубоко омерзительна. А кроме того, у меня бы это просто не получилось.

Мистер Взвесли задумчиво оглядел его.

— Нет, пожалуй, не получилось бы,— сказал он наконец.— И вас понапрасну обвиняют, что вы проваливаете студентов, которые не идут вам навстречу?

— Я к студентам не пристаю, мистер Взвесли. Кстати говоря, я не в экзаменационной комиссии и практических занятий не веду. Я вообще в годичном отпуске и занимаюсь здесь научной работой.

— Н-да,— протянул мистер Взвесли, делая пометку в блокноте.

— Однако особенно неприятно,— сказал Френсик,— что я действительно одно время снимал комнату на Де Фритвилль авеню.

Мистер Взвесли сделал еще одну пометку в блокноте.

— Поразительно,— сказал он,— совершенно поразительно. Сходство, знаете ли, почти что... да. Я полагаю, профессор Фацит, то есть, собственно говоря, я уверен... поскольку вы, конечно, не совершали этих противоестественных поступков... У вас, вероятно, никогда не было китайского мопса? Нет, не было. Ну что ж, поскольку не совершали, а даже если и совершали — у вас имеются все основания подать в суд на автора и издателей этого постыдного романа. Предположительная сумма возмещения... знаете, по правде сказать, я не удивлюсь, если это будет самая большая сумма в истории процессов о клевете.

— О боже мой,— сказал Френсик, изображая колебания между трусостью и жадностью.— Я, вы знаете, надеялся избежать суда. Огласка, понимаете...

Мистер Взвесли отлично понимал.

— Поглядим на реакцию издателей,— сказал он,— Коркадилы — не бог весть какая состоятельная фирма, но на случай клеветы у них наверняка страховка.

— Надеюсь, это не значит, что автор избежит...

— О нет, профессор Фацит, не избежит. Выплатит все до гроша, единовременно или по мере возможности. Страховая компания за этим присмотрит.

— Мне говорили, что автор, мистер Пипер, нажил в Америке состояние на этой книге,— сказал Френсик.

— В таком случае придется ему расстаться с состоянием,— заметил мистер Взвесли.

— И очень хотелось бы форсировать это дело,— подвел черту Френсик.— Мое утверждение в Уобаше...

Мистер Взвесли заверил его, что делом займутся тотчас же, и Френсик, оставив адрес Рандолф-отеля в Оксфорде, удалился обнадеженный. Мистер Кэдволладайн света белого невзвидит.

Но сначала невзвидел Джефри Коркадил. Френсик едва возвратился на Ланьярд-Лейн, снял отвратительные сандалии и стягивал джинсовый костюм, когда зазвонил телефон. Джефри был чуть ли не в истерике. Френсик отвел трубку от уха и послушал, как он ругается.

— Джефри, милый,— сказал он, когда издатель истощил запас эпитетов.— Я-то чем все это заслужил?

— Заслужил? — взревел Джефри.— Заслужил? Да чтобы я еще когда-нибудь связался с вами или с вашим пакостным Пипером...

— De mortuis nil nisi...[1] — начал было Френсик.

— А о живых, значит, можно? — кричал Джефри.— Профессора Фацита, значит, можно поливать грязью только потому, что эта скотина жива и здорова?..

— Какая скотина? — спросил Френсик.

— Профессор Фацит. Тот самый, из романа!

— Тот развратник, у которого был...

— Да не был, а есть!

— Что значит — есть?

— То и значит! Есть — и затевает против нас процесс о клевете!

— Ай-ай-ай. Как это, право, неудачно.

— Неудачно? Катастрофа! Он сунулся к Дратли, Скрытни, Взвесли и...

— Не может быть,— сказал Френсик,— это же ужасные негодяи.

— Ну да, негодяи! Кровопийцы! Пиявки! Они из камня кровь высосут, а с профессором Фацитом у них дело верное. Накроют нас на миллионы. Нам конец. Мы никогда...

— Поговорите-ка вы с мистером Кэдволладайном,— сказал Френсик.— Пипер — его подопечный. Я дам вам номер его телефона.

— Зачем это надо? Явный случай преднамеренной...

Но Френсик уже диктовал телефон мистера Кэдволладайна и, сославшись на клиента в соседней комнате, положил трубку, прервав излияния Джефри. Он переодел джинсовый костюм, заказал по телефону в Рандолф-отеле номер на имя профессора Фацита и стал, во всеоружии злорадства, ждать, когда позвонит мистер Кэдволладайн. Подогревая себя, он изучал телеграмму Пипера: «Переводите аванс последующие отчисления счет номер 478 776». Вот гад, он же умер. Что, ей-богу, творится? И что он скажет Соне? Вообще, не хатчмейеровские ли это козни? Соня сказала, что его допрашивали несколько часов, он вышел с допроса сам не свой и даже угрожал привлечь к суду полицию. Нет, непохоже, что он... Френсик не стал даже представлять, как Хатчмейер похищает Пипера и требует через него деньги назад — это уж полный вздор. Если бы Хатчмейер узнал, что Пипер — не автор, он бы подал в суд. Но Пипер — автор. Вот он, черновик, прямое доказательство. Значит, надо поприжать мистера Кэдволладайна: на шее у него сидит мистер Взвесли и требует мил-

[1] О мертвых ничего, кроме... *(лат.)*.

лионной компенсации, так что придется ему, голубчику, выкладывать все начистоту.

Он выложил.

— Я не знаю, кто автор этой ужасной книги,— упавшим голосом признался он, позвонив через полчаса.

— Не знаете? — спросил Френсик, сам немного опешив.— А надо знать. Вы же мне эту книгу прислали. Вы согласились, чтобы Пипер поехал в Штаты. Если вы не знали, то не имели права...— Мистер Кэдволладайн отрицательно замычал.— Но у меня же ваше письмо, в котором...

— Знаю, что у вас,— слабо отозвался мистер Кэдволладайн.— Автор выразил согласие, и я...

— Да вы же только что сказали, что автор вам неизвестен,— прокричал Френсик,— а теперь говорите, что он выразил согласие! Письменное согласие?

— Да,— сказал мистер Кэдволладайн.

— В таком случае вы должны знать, кто он такой.

— Не знаю,— промямлил мистер Кэдволладайн.— Видите ли, я имел с ним дело только через «Ллойдз банк».

— Через «Ллойдз банк»? — ошеломленно переспросил Френсик.— Вы сказали — через «Ллойдз банк?»

— Да. Через директора. Такой респектабельный банк, мне и в голову не могло прийти...

Фраза осталась неоконченной: все и так было ясно. Френсик опережал его на один ход.

— Стало быть, автор этого паршивого романа прислал его вам через оксфордское отделение «Ллойдз банка» и всякое сообщение с ним шло через тот же банк. Верно?

— Именно,— подтвердил мистер Кэдволладайн,— и теперь, когда возникло это ужасное дело о клевете, я, кажется, догадываюсь почему. Я в невыносимом положении. Моя репутация...

— Плевать на вашу! — заорал Френсик.— А моя? Я как идиот действовал по вашим инструкциям от лица несуществующего клиента, а теперь у нас убийство и...

— И ужасающее дело о клевете,— подсказал мистер Кэдволладайн.— Мистер Коркадил сообщил мне, что компенсация может достигнуть астрономической цифры...

Но Френсик его не слушал. Уж если клиент мистера Кэдволладайна сообщался с ним через «Ллойдз банк», то этому подлецу есть что скрывать. Если это не Пипер. Френсик поискал, за что ухватиться.

— Роман-то к вам пришел не без сопроводительного письма?

— Перепечатка из машинописного агентства,— сказал мистер Кэдволладайн.— Письмо было прислано за несколько дней до того — через «Ллойдз банк».

— Подписанное? — спросил Френсик.

— Подписанное директором оксфордского отделения банка,— ответствовал мистер Кэдволладайн.

— Вот и хватит,— сказал Френсик.— Фамилия?

Мистер Кэдволладайн заколебался.

— Я полагаю...— начал он, но Френсик потерял всякое терпение.

— Знаете, бросьте ваши штучки,— отрезал он,— давайте-ка фамилию директора, да поживее.

— Покойный мистер Сгибли,— печально сказал мистер Кэдволладайн.

— Как вы сказали?

— Покойный мистер Сгибли. Умер от сердечного приступа под пасху, взбираясь на Сноудон.

Френсик осел в кресле.

— Умер от приступа, взбираясь на Сноудон,— пробормотал он.

— Так что его фамилия вам ничего не даст,— продолжал мистер

Кэдволладайн,— вообще банки, изволите видеть, держат в секрете имена вкладчиков. Нужна, знаете ли, доверенность.

Френсик это знал. Раньше, бывало, он как раз по этому поводу восхищался банками. Однако мистер Кэдволладайн что-то такое упомянул раньше... ах, да, машинописное агентство.

— Вы говорите, машинопись прислали из агентства,— сказал он.— Из какого, не помните?

— Не помню. Но могу выяснить.— И Френсик ждал у телефона, пока мистер Кэдволладайн выяснял.— Машинописное бюро Синтии Богден,— сообщил он наконец Френсику смиренным голосом.

— Слава богу, хоть что-то,— сказал Френсик.— Позвоните ей и спросите, откуда...

— Лучше не надо,— сказал мистер Кэдволладайн.

— Как это не надо? Нам грозит дело о клевете, ваша репутация на волоске, и вы...

— Не в том дело,— прервал мистер Кэдволладайн.— Видите ли, я занимался ее разводом...

— Ну и что же?

— Со стороны ее бывшего мужа,— сказал мистер Кэдволладайн.— Боюсь, как бы мое теперешнее посредничество...

— Ладно, я сам,— сказал Френсик.— Какой телефон?— Он записал номер, положил и снова поднял трубку.

— Машинописное бюро Синтии Богден,— сказал знающий себе цену голос.

— Я разыскиваю владельца рукописи, отпечатанной у вас...— начал Френсик, но голос тут же оборвал его:

— Мы не разглашаем фамилий наших клиентов.

— Но я спрашиваю, потому что он мой друг...

— Это не основание для выдачи подобного рода конфиденциальных сведений.

— Все же я хотел бы поговорить лично с миссис Богден,— сказал Френсик.

— Вы с ней поговорили,— отозвался голос и дал отбой. Френсик разразился бранью.

— А, чтоб вас всех с вашими конфиденциальными сведениями,— заключил он и брякнул трубку.

Он посидел наедине с недобрыми мыслями о миссис Богден, потом снова позвонил мистеру Кэдволладайну.

— Этой мадам Богден,— спросил он,— сколько ей лет?

— Приблизительно сорок пять,— вычислил мистер Кэдволладайн,— а что?

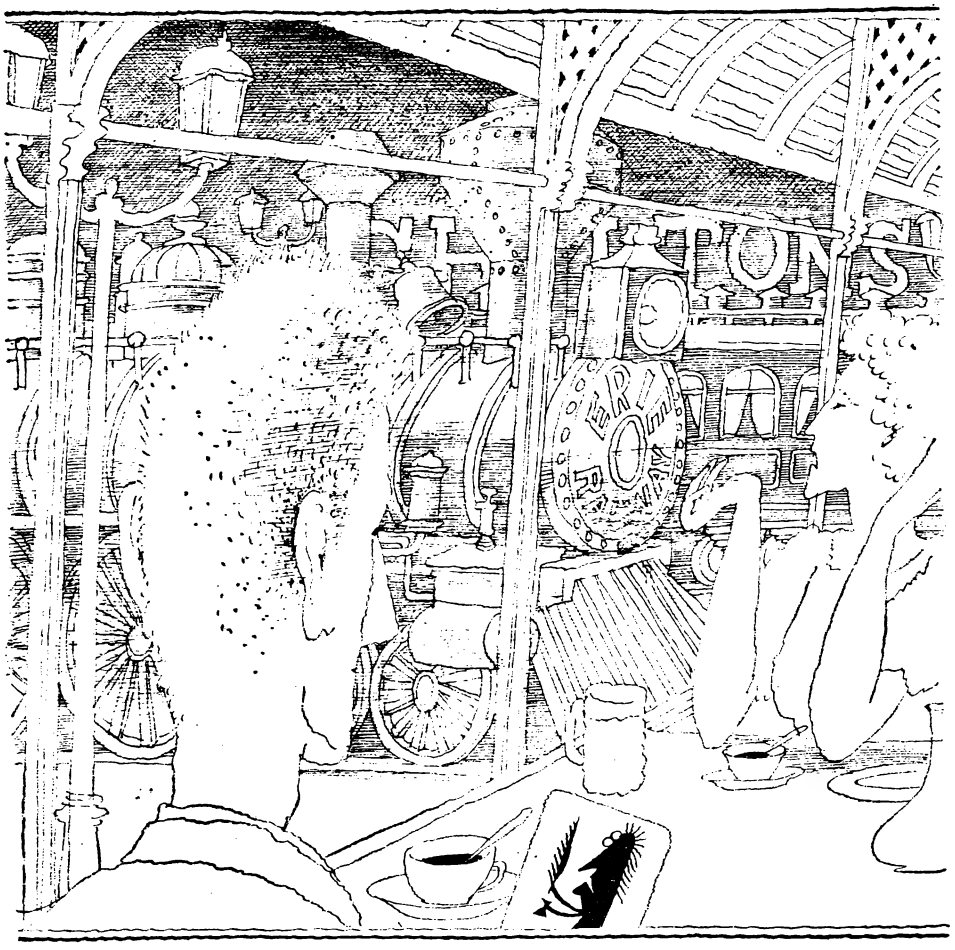
— Да так,— сказал Френсик.

Вечером, оставив на Сонином столе записку, что он отлучился из города на день-другой по важному делу, Френсик сел в оксфордский поезд. На нем были темные очки, панама и джинсовый костюм. Сандалии остались дома в мусорной корзине. При нем был саквояж с ксерокопией рукописи «Девства», одним из писем Пипера и полосатой пижамной парой. Облачившись в нее, он к одиннадцати улегся спать в номере, заказанном на имя профессора Фацита.

Глава 18

В Чаттануге сбывалась давняя мечта Бэби увидеть Чух Чух. Она лежала на медной кровати и глядела из окна Девятого Пульмана на разноцветный фонтан за рельсами. Ночное небо над станцией озаряли электронные слова «Хилтонский Чух Чух», а внизу, в бывшем зале ожидания, разносили кушанья. Возле ресторана был магазин

сувениров; перед зданиями стояли громадные паровозы былых времен со свежевыкрашенными скотоотбрасывателями и начищенными трубами, сверкающими, словно в предвкушении дальнего путешествия. На самом деле они никуда не ехали. Их холодные топки пустовали, поршни замерли навсегда. Лишь воображение постояльцев изукрашенных и разделенных на спальни мотелей-пульманов могло стронуть их со станции и отправить в далекий путь на север или на запад. Отчасти это был музей, отчасти фантасмагория; все постав-



лено на коммерческую ногу. У входа в железнодорожный парк стояла сторожка; оттуда служители в униформах блюли безопасность гостей, глядя на телеэкраны, высвечивающие все платформы, все закоулки станции. А за ее угрюмой оградой раскинулась тусклая Чаттануга: забитые окна гостиниц и заброшенные дома, из которых жизнь переместилась в пригороды, поближе к магазинам.

Но Бэби не волновала ни Чаттануга, ни даже Чух Чух, очередные померкшие иллюзии ее запоздалой юности. Сказывался возраст: усталое уныние одолевало ее. Со всякой романтикой по милости Пипера было покончено. Денно и нощно общалась она с самозваным гением, все мысли которого вертелись вокруг литературного бессмертия, и внутренний мир его был явлен Бэби во всем своем диком однообразии. Рядом с ним махинатор Хатчмейер, одержимый погоней за деньгами и властью, положительно казался нормальным человеком. Пипера ничуть не интересовало, где они едут, какие города про-

езжают; ему было совершенно все равно, что они оказались на самом пороге дикого края, издавна дразнившего воображение Бэби. Он окинул беглым взглядом паровозы, собранные на станции и, видимо, несколько удивился, что они никуда не едут. Получив объяснение, он проследовал к себе в купе и засел за вторую версию «Девства».

— Великому романисту полагается что-то замечать вокруг себя,— сказала Бэби, когда они встретились в ресторане за обедом.— Ты бы хоть осмотрелся, подумал бы, зачем все это здесь собрано.

Пипер осмотрелся.

— Странное выбрали место для ресторана,— заметил он.— Впрочем, здесь уютно и даже прохладно.

— Кондиционеры работают, вот и прохладно,— раздраженно сказала Бэби.

— Ах, кондиционеры,— сказал Пипер.— Тогда все понятно.

— Ему все понятно. А толпы людей, сорванных со своих жалких клочков земли, сидевших здесь и дожидавшихся поездов на север — в Нью-Йорк, Детройт, Чикаго, чтобы там попытать счастья? Они тебя совсем не занимают?

— Да как будто никого особенно и нет,— возразил Пипер, вяло поглядев на тучную женщину в клетчатых шортах,— и вообще ты, помнится, сказала, что поезда больше не ходят.

— О боже мой,— сказала Бэби.— Я иногда не понимаю, в каком веке ты живешь. И тебе вовсе нипочем, что здесь в Гражданскую войну разыгралась большая битва?

— Нет,— сказал Пипер.— Великая литература битв не касается.

— Не касается? А «Унесенные ветром», а «Война и мир» — это что тебе, не великая литература?

— Это не английская литература,— сказал Пипер.— Английская литература занимается исследованием человеческих взаимоотношений.

Бэби отрезала ломтик бифштекса.

— А в битвах люди не вступают во взаимоотношения? Нет?

Пипер покачал головой.

— Так что когда один человек убивает другого, это не взаимоотношения?

— Это взаимоотношения эфемерные,— сказал Пипер.

— А когда войска Шермана грабят, жгут, насилуют на всем пути от Атланты до моря, оставляя за собой бездомные семьи и горящие усадьбы,— взаимоотношения людей никак не меняются и писать об этом нечего?

— Лучшие романисты не пишут,— сказал Пипер.— Раз этого с ними самими не было, то нельзя.

— Чего нельзя?

— Писать об этом.

— То есть, по-твоему, писать можно только о том, что было с тобой самим? Верно я поняла? — спросила Бэби с опасным оттенком в голосе.

— Да,— сказал Пипер.— Видишь ли, иначе оказываешься за пределами собственного опыта и поэтому...

Он долго цитировал «Нравственный роман», а Бэби медленно пережевывала бифштекс и мрачно вдумывалась в его теорию.

— В таком случае тебе очень не хватает собственного опыта, вот и все.

— Погоди, погоди минутку,— навострил уши Пипер,— если ты собралась снова поджигать дома, взрывать катера и тому подобное и думаешь, что я в этом буду...

— Я не про такой опыт. Ведь горящие дома — это пустяки, верно? Важны взаимоотношения: тут-то тебе и нужен опыт.

Пипер обеспокоился. Разговор принимал неприятный оборот, и конец обеда прошел в молчании. Затем Пипер вернулся к себе в купе

и написал еще пятьсот слов о своей истерзанной юности и о своих чувствах к Гвендолен, она же мисс Пирс. Наконец он погасил «керосиновую» электролампу над медной кроватью и разделся. По соседству Бэби готовилась преподать Пиперу первый урок взаимоотношений. Она выбрала рубашечку покороче, как следует надушилась и отворила дверь в купе Пипера.

— Ради бога,— пискнул Пипер, когда она забралась к нему в постель.

— Это азбука, беби,— сказала Бэби,— азбука взаимоотношений.

— Нет, не азбука,— сказал Пипер.— Это...

Ладонь Бэби легла на его губы, а голос зашептал в ухо:

— И не вздумай выскакивать из купе. На всех платформах телекамеры, и если ты будешь метаться перед ними нагишом, служителям станет интересно, что здесь происходит.

— Но я не нагишом,— сказал Пипер, когда Бэби убрала ладонь.

— Сейчас будешь нагишом,— шепнула Бэби, проворно стягивая с него пижаму.

— Пожалуйста, не надо,— взмолился Пипер.

— Надо, котик, надо,— отозвалась Бэби. Она задрала рубашечку и припечатала свой пышный бюст к груди Пипера. Два с лишним часа тряслась и скрипела медная кровать: Бэби Хатчмейер, урожденная Зугг, мисс Пенобскот 1935 года, делилась своим многолетним опытом. И вопреки самому себе, тщетно призывая на помощь «Нравственный роман», Пипер впервые в жизни оставил области литературы и проникся первозданным пылом. Он елозил внизу, наседал сверху, целовал силиконовые груди и скользил губами по швам на животе. Руки Бэби гладили, впивались, царапали и щипали: на спине Пипера не осталось живого места, ягодицы его были вспороты ногтями — и все это время Бэби безучастно глядела в тусклый сумрак, дивясь собственной скуке. «Молодой, не перебесился»,— думала она, когда Пипер возобновлял бурные ласки. Ее молодость давно прошла, и буйство помимо чувства было не по ней. Есть же в жизни еще что-нибудь, многое, наверное, есть, и она с этим разберется.

В Оксфорде Френсик был уже на ногах и разбирался с этим, когда Бэби вернулась в свое купе, покинув изнеможенно уснувшего Пипера. Френсик встал рано, позавтракал в восемь, а к половине девятого отыскал Машинописное бюро Синтии Богден на Фенет-стрит. С любопытствующим видом американского туриста Френсик зашел в церковь напротив и уселся на скамью, поглядывая через плечо на подъезд бюро Богден.

По всем его расчетам миссис Богден, разведенная женщина средних лет, управляющая собственным делом, должна была явиться на службу первой и уйти последней. Эта надежда не покинула его и к четверти десятого: хотя женщины, одна за другой исчезавшие в конторе, были все не в его вкусе, первая показалась ему как-то презентабельнее других. Крупновата, правда; но Френсик успел уловить цепким взглядом неплохие ноги, и на свои сорок пять (если мистер Кэдволладайн не ошибся) она не выглядела. Френсик вышел из церкви и обдумал следующий шаг. Идти в контору и напрямик спрашивать миссис Богден, кто прислал ей «Девство», смысла не было. Судя по ее вчерашнему тону, требовалась тактика похитрее.

Измыслив нужный ход, Фрэнсик зашел в цветочный магазин. Через двадцать минут в Машинописное бюро Богден были посланы две дюжины алых роз с открыткой, гласившей: «Мисс Богден от неизвестного поклонника». Френсик хотел было написать «от пламенного поклонника», но передумал. Две дюжины дорогих роз пламенели без лишних слов. Мисс Богден была, собственно, миссис Богден: эта нарочитая описка направит ее мысли куда следует и послужит

прилагательным. Френсик прогулялся по Оксфорду, выпил кофе в «Кораблике» и закусил у себя в Рандолф-отеле. Затем, рассудив, что миссис Богден имела достаточно времени переварить букетный намек, он поднялся в номер профессора Фацита и позвонил в контору. Как и прежде, трубку сняла сама миссис Богден. Френсик набрал в легкие воздуху, сглотнул слюну и вскоре, мучимый неподдельной робостью, с запинкой осведомился, не окажут ли ему неслыханную и незаслуженную честь отобедать с ним у «Элизабет». Миссис Богден отозвалась после шипящей паузы.

— Мы с вами знакомы? — лукаво спросила она. Френсик поежился.

— Просто поклонник,— выдавил он.

— А-а-а,— сказала миссис Богден и сделала положенную приличиями задумчивую паузу.

— Розы,— приглушенно намекнул Френсик.

— А вам не кажется, что это несколько необычно?..

Френсик молчал в знак согласия.

— Дело в том... — начал он и пошел напролом:— Я все не мог собраться с духом и...— Горло перехватило.

Однако миссис Богден уже дышала симпатией.

— Лучше поздно, чем никогда,— мягко сказала она.

— Вот и я так подумал,— поддакнул Френсик.

— Вы сказали — у «Элизабет»?

— Да,— подтвердил и Френсик,— скажем, в восемь у бара?

— Как мне вас узнать?

— Я вас узнаю,— сказал Френсик и невольно хихикнул. Миссис Богден приняла это за комплимент.

— Но вы не назвали мне своего имени.

Френсик поколебался. Назваться собою нельзя, а Фацит — персонаж «Девства». Кто же он такой?

— Коркадил,— разрешился он наконец.— Джефри Коркадил.

— *Тот самый* Джефри Коркадил?

— Да, тот самый,— пролепетал Френсик, умоляя силы адовы не выдавать ей сексуальную репутацию Джефри. Силы не выдали.

— Что ж, в таком случае...— заворковала миссис Богден и многозначительно смолкла.

— До восьми,— сказал Френсик.

— До восьми,— ласковым эхом откликнулась миссис Богден. Френсик положил трубку и обессиленно присел на постель.

Потом он лег и как следует вздремнул. Проснувшись к четырем, он спустился вниз: предстояло еще кое-что. Не узнать миссис Богден было бы рискованно. К семнадцати тридцати он сидел в церкви на Фенет-стрит и наблюдал, как из конторы одно за другим появляются устрашающие существа. Френсик вздохнул с облегчением: букета алых роз ни у кого из них не было. Последней вышла крупная женщина, заперла за собой дверь и поспешно удалилась, прижимая розы к полной груди. Френсик покинул церковь и поглядел ей вслед. Миссис Богден определенно хорошо сохранилась. Перманент, бирюзовый брючный костюм, розовые туфли — во всем этом была безвкусица почти вдохновенная. Френсик вернулся в гостиницу — пропустил две стопки чистого джина, принял ванну и мысленно опробовал разные способы выведать у миссис Богден имя автора «Девства».

В другом конце Оксфорда миссис Богден готовилась к вечеру столь же тщательно, как она делала все на свете. Со времени ее развода прошло уже несколько лет, и обед с издателем у «Элизабет» был добрым знамением, наряду с розами, аккуратно размещенными в вазе, и застенчивостью ее поклонника. В телефонном голосе не было никакого нахальства: голос культурного человека, и вообще Корка-

дилы — солиднейшая фирма. Кроме того, Синтии Богден требовались поклонники. Она выбрала самый облегающий костюм, опрыскалась различными аэрозолями, положила тон на лицо и поехала наедаться, напиваться и, мягко говоря, совокупляться. Она с легкой надменностью вошла в вестибюль «Элизабет» и была несколько изумлена, когда к ней бочком пробрался мятый человечек и взял ее под руку.

— Мисс Богден,— пробормотал он,— я ваш пламенный поклонник.

Миссис Богден смерила своего пламенного поклонника сомнительным взглядом. Через полчаса и через три выпитых розовых джина она все еще глядела сверху вниз, следуя за ним к абонированному столику в дальнем углу ресторана. Он усадил ее и, чувствуя, что недостаточно оправдывает ее ожидания, взялся за роль пламенного поклонника с таким отчаянным рвением и изобретательностью, что поразил не только ее, но и самого себя.

— Я впервые мельком увидел вас год назад, когда приезжал на конференцию,— поведал он, заказав официанту бутылку не самого сухого шампанского.— Я заметил вас на улице и сторонкой проводил до дверей конторы.

— Надо было представиться,— сказала миссис Богден.

— Я не осмелился,— проговорил Френсик, весьма натурально покраснев,— и, кроме того, я думал, что вы...

— Замужем? — помогла миссис Богден.

— Вот именно,— кивнул Френсик,— или, скажем так, не свободны. Такая... э-э... красивая... э-э... женщина...

Миссис Богден покраснела в свой черед. Френсик поднажал:

— Я был пленен. Ваше обаяние, ваше спокойное достоинство, ваше... как бы это выразить...— Но выражать не понадобилось. Пока Френсик возился с авокадо, Синтия Богден смаковала креветок. Человечек он, может, и невзрачный, но видно, что джентльмен и вращается в свете. Шампанское двенадцать фунтов бутылка свидетельствовало о чистоте его намерений. Когда Френсик заказал вторую, миссис Богден слабо воспротивилась.

— Особый случай,— сказал Френсик, подумав, не пережимает ли он,— и к тому же у нас есть за что выпить.

— Да?

— Во-первых, за нашу встречу,— сказал Френсик,— а также за успех обоюдного предприятия.

— Обоюдного предприятия? — переспросила миссис Богден, круто свернув мыслью к алтарю.

— Да, мы тут оба приложили руку,— продолжал Френсик,— то есть обычно мы таких книг не издаем, но успех она имела, ничего не скажешь.

Мысли миссис Богден вернулись от алтаря. Френсик подлил себе шампанского.

— Мы очень держимся традиций,— сказал он,— однако нынче, что поделаешь, публика требует такого чтения, как «Девства ради помедлите о мужчины».

— Ужасный текст, правда? — сказала миссис Богден.— Представляете, я сама его печатала.

— Вот как? — сказал Френсик.

— Не отдавать же девочкам, да и автор такой капризный.

— Капризный?

— Я звонила с каждым пустяком,— сказала миссис Богден.— Впрочем, зачем вам это знать?

Френсик знал зачем, но миссис Богден взяла твердый курс.

— Не будем портить наш первый вечер деловыми разговорами,— сказала она, и ни шампанское, ни куантро, ни хитрые повороты разговора делу не помогли. Миссис Богден желала знать все про Коркадилов: она явно интересовалась фирмой.

— Может быть, заедем ко мне? — сказала она, выйдя после обеда к реке.— На последний стаканчик?

— Вы необычайно добры,— сказал Френсик, решивший не отступать до конца.— Но вы уверены, что я вас не стесню?

— А я не против,— сказала миссис Богден, хихикнув и прижав его руку,— чтоб вы меня стеснили.

Она повела его на стоянку, к светло-голубому «эм-джи». Френсик взглянул на спортивную машину. Она как-то не подходила сорокапятилетней заведующей машинописным бюро; вдобавок его смущали непривычные ковшовые сиденья. Он втиснулся и поневоле позволил миссис Богден закрепить пристяжной ремень. Затем они чересчур, на взгляд Френсика, быстро проехали по Банбери-роуд и помчались пригородами, мимо сдвоенных особняков. Миссис Богден жила в номере 33 по Вью-парк авеню, домике стиля тюдор, обложенном гравием. Она остановила машину у гаража. Френсик хотел было расстегнуть ремень, но Синтия Богден выжидательно склонилась к нему, протягивая губы. Смирившись с неизбежностью, он заключил ее в объятия. Поцелуй вышел долгий и страстный, тем более неприятный, что рукоятка скоростей упиралась Френсику в область правой почки. Когда, по завершении поцелуя, Френсик выбрался из автомобиля, он очень и очень подумал, стоило ли все это затевать. Но теперь уж колебаться не приходилось: ставки сделаны. Френсик последовал за хозяйкой в дом. Миссис Богден включила свет в прихожей.

— Выпьем по глоточку? — спросила она.

— Нет,— горячо отказался Френсик, убежденный, что она поднесет ему какого-нибудь кулинарного хересу. Миссис Богден сочла его отказ за нетерпение, и они снова сплелись в объятии, на этот раз возле стойки вешалки. Потом она за руку повлекла его вверх по лестнице.

— Кое-куда — здесь,— предупредительно сказала она. Френсик шарахнулся в ванную и запер за собой дверь. Несколько минут он глядел на свое отражение, недоумевая, чем он так прельстителен для женщин самой хищной породы, зарекался иметь с ними дело и обещал себе никогда больше не корить Джефри Коркадила за его сексуальные предпочтения; наконец пришлось выйти и проследовать в спальню Синтии Богден, розовую-розовую. Шторы были розовые, палас розовый, мягкая стеганая обивка тахты — розовая. И рядом розовый торшер. На тахте розовый Френсик разбирался с розовым бельем Синтии Богден, нашептывая в ее розовое ухо приторно-розовые нежности.

Через час на розовых простынях лежал уже не розовый, а кирпичный Френсик, дрожащий с головы до ног. За его старания не осрамиться и угодить любыми средствами расплачивалась кровеносная система; а сексуальные кунстштюки миссис Богден, опробованные в недаром расторгнутом браке и почерпнутые, вероятно, из какого-нибудь бредового пособия, как сделать секс волнующим, вынудили Френсика к таким позициям, какие не приснились бы самым его отъявленно эротическим авторам. Он пытался отдышаться, попеременно благодаря бога за то, что это кончилось, и опасаясь, что кончится все-таки инфарктом. Над ним возникла голова Синтии в нерушимой прическе.

— Не разочарован? — спросила она. Френсик поднял глаза и яростно замотал головой. Всякий другой ответ был бы равнозначен самоубийству.—А теперь мы еще капельку выпьем,—сказала она и, к изумлению Френсика, легко выпрыгнув из постели, вмиг принесла бутылку виски, присела на край тахты и плеснула понемногу обоим.— За нас,— сказала она. Френсик осушил стакан залпом и протянул его за новой порцией. Синтия улыбнулась и вручила ему бутылку.

В Нью-Йорке Хатчмейеру тоже нездоровилось — правда, по иной причине. Его чуть не хватил удар из-за трех с половиной миллионов долларов.

— Какие такие у них свои сомнения? — орал он на Макморди, сообщившего, что страховая компания задерживает выплату компенсации.— Обязаны заплатить! Зачем же я страхую недвижимость, если мне не платят за ее поджог?

— Не знаю,— ответил Макморди.— Я вам докладываю, что мне сказал мистер Синстром.

— Подать мне сюда Синстрома! — заорал Хатчмейер. Макморди подал Синстрома. Тот вошел в кабинет, уселся и учтиво посмотрел на крупнейшего издателя Америки сквозь очки в стальной оправе.— Так вот я не знаю, чего вы там копаетесь...— начал Хатчмейер.

— Докапываемся до истины,— сказал мистер Синстром.— И не более того.

— Это пожалуйста,— разрешил Хатчмейер.— Докапывайтесь и раскошеливайтесь.

— Дело в том, мистер Хатчмейер, что мы выяснили, как начался пожар.

— Как же?

— Некто поджег дом с помощью канистры бензина. Некто — миссис Хатчмейер.

— Откуда вы знаете?

— Мистер Хатчмейер, наши эксперты могут сообщить вам, какой лак был на ногтях вашей жены, когда она извлекла из сейфа четверть миллиона долларов, которые вы туда положили.

— Ну да?— сказал Хатчмейер, с подозреньем оглядев собеседника.

— Уверяю вас. Нам известно также, что она загрузила на катер пятьдесят галлонов бензина. При посредстве Пипера. Он таскал канистры: у нас имеются те и другие отпечатки.

— На черта ей это было надо?

— Уж это вам лучше знать,— заметил мистер Синстром.

— Мне? Я был на середине треклятого залива. Как я мог знать, что делается у меня в доме?

— В это мы не вникаем, мистер Хатчмейер. Странное, правда, совпадение, что вы поехали в шторм кататься с мисс Футл, а жена ваша тем временем подожгла дом и инсценировала свою гибель...

— Инсценировала гибель? — Хатчмейер побледнел.— Вы сказали...

— Между собой мы это называем синдромом Стонгауза,— кивнул мистер Синстром.— То и дело кому-то бывает надо, чтобы его считали погибшим: он исчезает, а дорогие близкие предъявляют страховку. Вы требуете выплаты трех с половиной миллионов долларов, а очень может статься, что ваша жена пребывает где-нибудь в добром здравии.

Хатчмейер втянул голову в плечи от кошмарной мысли, что Бэби, может статься, еще жива и таскает при себе документальные улики уклонения от налогов, подкупов и незаконных сделок, вполне достаточные, чтобы упечь его в тюрьму. По сравнению с этим невыплата трех с половиной миллионов долларов — сущая безделица.

— Просто не могу поверить, что она такое сделала,— сказал он наконец.— У нас же была счастливая семья. Никаких сложностей. Все ей пожалуйста...

— В том числе молодые люди?— спросил мистер Синстром.

— Нет, молодые люди не в том числе!— крикнул в ответ Хатчмейер и пощупал свой пульс.

— Между тем этот писатель Пипер был молодой человек,— сказал мистер Синстром,— а насколько я слышал, миссис Хатчмейер была неравнодушна...

— Вы что, обвиняете мою жену? Да я вас...

— Мы никого ни в чем не обвиняем, мистер Хатчмейер. Как я сказал: мы всего-навсего докапываемся до истины.

— Значит, вы говорите мне, что моя жена, моя дорогая малютка Бэби, нагрузила катер бензином и покушалась убить меня посреди...

— Именно это я вам и говорил. Впрочем,— добавил мистер Синстром,— взрыв перед столкновением мог быть и случайностью.

— Ну, оттуда, где я стоял, на случайность это было не похоже, можете мне поверить,— сказал Хатчмейер.— Вот вылетел бы прямо на вас катер из темноты — так небось не торопились бы с инсинуациями.

Мистер Синстром поднялся.

— Итак, вам желательно, чтобы мы продолжили наши розыски?— спросил он.

Хатчмейер заколебался. Если Бэби жива, то продолжать розыски — последнее дело.

— Ну, не верится, что моя Бэби могла на такое пойти, вот и все,— сказал он.

Мистер Синстром снова сел.

— Если она пошла на такое и мы это докажем, то боюсь, что миссис Хатчмейер подлежит суду. Поджог, покушение на убийство, обман страховой компании. Мистер Пипер тоже — как пособник. Я слышал, он популярный автор. Таким всегда найдется работа в тюремной библиотеке. И процесс сенсационный. Если, стало быть, вы всего этого хотите...

Хатчмейер ничего этого не хотел. Сенсационные процессы, на которых Бэби со скамьи подсудимых оправдывается тем, что... Ох, не надо. Совсем даже не надо. А «Девство» и так раскупают сотнями тысяч, общий тираж давно перевалил за миллион, а если будет кино, то компьютер предсказывает что-то сногсшибательное. Нет, обойдется без сенсационных процессов.

— А если не хочу? — спросил он.

Мистер Синстром подался вперед.

— Можем прийти к соглашению,— сказал он.

— Мы-то можем,— подтвердил Хатчмейер,— а вот легавые...

— Сложили руки и ждут наших разъяснений,— качнул головой мистер Синстром.— Мне же это видится так...

Когда он закончил, Хатчмейеру это виделось так же. Страховая компания объявит, что полностью удовлетворила иск, а Хатчмейер напишет заверенный отказ от иска. Так он и сделал. Три с половиной миллиона долларов даже в пересчете на центы — это вздор, лишь бы не ожила Бэби.

— А что будет, если вы правы, и она возьмет да и объявится? — спросил он, когда мистер Синстром собрался уходить.

— Тогда я вам не завидую,— сказал мистер Синстром.— Это все, что я могу сказать.

Он удалился, а Хатчмейер сел за стол и обдумал, что чем грозит. Нашлось одно утешение: если Бэби жива, то ей тоже не позавидуешь. Попробуй-ка воскресни — как раз угодишь в тюрьму: нет, не такая она дура. Стало быть, Хатчмейер может жить сам по себе и даже снова жениться. Мысли его обратились к Соне Футл. Вот кто настоящая женщина.

Глава 19

За две тысячи миль от Нью-Йорка переживания Бэби приняли иной оборот. Урок взаимоотношений так подействовал на Пипера, что если раньше он при всякой возможности хватался за «Возвратный труд», то теперь не менее рьяно кидался на нее. После долгих лет воздержания он спешил наверстать упущенное. Каждую ночь, целуя

ее уплотненные груди и сжимая переобтянутые бедра, Пипер испытывал восторг, которого не дала бы ему никакая другая женщина. Искусственная Бэби была как нарочно создана для него. Усеченная и обчищенная наперекор природе, в глазах Пипера она очень выигрывала по сравнению с Соней Футл. Ее как бы отредактировали, и Пипер, очиститель «Девства», не уставал радоваться, что Бэби, с которой он как по нотам разыгрывал роль повествователя романа, была соответственно много старше его летами, но не внешностью. И вела она себя в постели как нельзя лучше: никакого пыла и отменная квалификация — так что чужая страсть ему не угрожала. Бэби просто утоляла его похоть и не требовала постоянного внимания, то есть не мешала писать. Наконец, она прекрасно знала текст романа и всегда была наготове с нужной репликой. Когда он стонал в преддверии экстаза: «Дорогая, наша эвристика — это акт творчества», Бэби, не ощущая ровно ничего, отзывалась: «Констатируем, дитя мое», точь-в-точь как ее прототип, престарелая Гвендолен на странице 185-й — тем самым скрепляя художественный вымысел, основу бытия Пипера.

Итак, Бэби вполне отвечала требованиям Пипера к идельной возлюбленной; но самой ей ничуть не льстило понимание, что она лишь дублирует воображаемую героиню, вдобавок еще и придуманную не им, а настоящим автором «Девства». В упоении Пипера ей порою чудилось что-то вурдалачье, и, глядя в потолок из-за его плеча, Бэби с ужасом чувствовала, что, может быть, ее вовсе и нет, что она невзначай сошла со страниц «Девства» — призрак вымысла, тускнеющего в «Возвратном труде» и расплывающегося на пути к третьей версии. В будущем она, значит, обречена быть оболочкой наигранных чувств, порожденным словесностью половым органом, используемым в промежутках между писанием. Изменился даже дневной распорядок. Пипер желал теперь писать утром, ехать по жаре и ранним вечером останавливаться в мотеле, чтобы прочесть ей написанное поутру и потом соотноситься.

— Ты не можешь как-нибудь для разнообразия выразиться прямо? — спросила Бэби однажды вечером по прибытии в Таскалусу.— Уж если мы этим занимаемся, так зачем миндальничать?

Но Пипер прямо выражаться не хотел. В «Девстве» не было прямых слов, и в «Нравственном романе» это называлось «соотношение».

— То, что я испытываю к тебе...— начал он, но Бэби перебила.

— Читали, знаем. Кино можно не показывать.

— Итак,— сказал Пипер,— я испытываю к тебе...

— Да ничего,— отрезала Бэби,— ничего ты ко мне не испытываешь. К этой чернильнице, в которую суешь перо, и то больше, чем ко мне.

— Это мне нравится,— сказал Пипер.

— А мне нет,— заметила Бэби с новой, надрывной нотой в голосе. Она подумала было бросить Пипера прямо здесь, в мотеле, и отправиться дальше одной. Но подумала мельком. Не зря же она подожгла свой дом, не зря исчезла из мира: нет, она теперь навечно связана с литературным неандертальцем, который думает, будто писательство — это уход в прошлое и бестолковое подражание давно умершим романистам. И, что хуже всего, пиперовская одержимость прошлым казалась ей зеркальным отражением собственной. Она тоже сорок лет провоевала с временем, посредством хирургических уступок сохраняя внешний облик той безмозглой красотки, которая была в 1935 году избрана мисс Пенобскот. У них столько общего, и Пипер дан ей в память о собственном неразумии. Все это прошло — и жажда юности, и желание быть по-прежнему обольстительной. Впереди была только смерть — и уверенность, что хотя бы над мертвым ее телом бальзамировщики корпеть не будут. Об этом-то она позаботится заранее.

Она и так уж о многом позаботилась. В приступе романтического сумасбродства она сама себя сожгла и утопила, чем опять-таки породнилась с Пипером. Оба они стали призрачными и жильцами череды однообразных мотелей, он — со своими гроссбухами и ее телом, она — с ощущением дикой бессыслицы и бредовой тщеты. Этой ночью, когда Пипер соотносился, безжизненно простертая под ним Бэби приняла решение. Мотелей больше не будет: они свернут с торной дороги и проселками доберутся до неведомых захолустий дальнего Юга. А там что нужно случится само, помимо ее воли.

С Френсиком все уже происходило помимо его воли. Он сидел за пластикатовым столиком на кухне у Синтии Богден, жевал кукурузные хлопья и силился забыть предрассветные происшествия. Ошалев от плотоядных аппетитов Синтии, он сделал ей предложение. В алкогольном тумане это казалось единственным спасением от инфаркта и способом дознаться, кто же все-таки автор «Девства». Но предложение в ночи так ошеломило миссис Богден, что ей было не до подобных пустяков. В конце концов Френсик ухитрился проспать несколько часов и был разбужен сияющей Синтией с чашкой чаю на подносе. Френсик дотащился до ванной, побрился чьей-то бритвой и явился к завтраку, решив скорее разузнать все, что можно. Однако в мыслях у миссис Богден было одно лишь предстоящее бракосочетание.

— Мы ведь устроим церковную свадьбу? — спросила она у Френсика, ковырявшего переваренное яйцо.

— Какую?.. А, да.

— Я всегда хотела, чтоб это было в церкви.

— Я тоже,— сказал Френсик с воодушевлением примерно таким же, как если бы ему предложили проследовать в крематорий. Он искрошил яйцо и повел лобовую атаку.— Ты, кстати, встречалась с автором «Девства ради помедлите о мужчины»?

Миссис Богден на миг отвлеклась мыслью от приделов, алтарей и Мендельсона.

— Нет,— сказала она.— Рукопись пришла почтой.

— Почтой? — переспросил Френсик, уронив ложечку.— И тебе это не показалось странным?

— Ешь свое яйцо,— сказала миссис Богден. Френсик затолкал ложку крошева в пересохший рот.

— Откуда она пришла?

— Из «Ллойдз банка»,— сказала миссис Богден и налила себе еще чашку чаю.— Чаю налить?

Френсик кивнул. Надо было как-то ополоснуть рот от налипшего яйца.

— «Ллойдз банка»? — выговорил он наконец.— Но ведь были же в рукописи неразборчивые места? Как ты поступала?

— Ой, да просто звонила и спрашивала.

— Звонила? Куда — в «Ллойдз банк», а они...

— Ох, какой ты глупенький, Джефри,— сказала миссис Богден.— Да не звонила я в «Ллойдз банк». У меня же был другой номер.

— Какой другой номер?

— По которому я звонила, глупыш,— сказала миссис Богден и посмотрела на часы.— Ой, сколько времени: почти уже девять. Из-за тебя я опаздываю, противный мальчишка.— Она кинулась прочь из кухни и вернулась совершенно одетая.

— Когда будешь готов, вызови такси,— сказала она,— и приезжай ко мне в контору.— Она крепко поцеловала Френсика в губы, слизнув с них яичную крошку, и отбыла.

Френсик встал на ноги, выполоскал рот над раковиной и обмыл ее струей воды. Потом он набил нос табаком, подлил себе чаю и пораскинул мозгами. Звонила по другому номеру? Чем дальше он рыл, тем

глубже закапывался. Подбираясь под автора «Девства», он сам угодил... Френсика передернуло. Именно что в яму, да еще в какую! Уныло сидя в уборной, он пытался обдумать свой следующий ход. Телефонный номер. Автор корректирует машинистку по телефону? По сравнению с этими вывертами собственное его поведение последних дней казалось прямо-таки разумным, хотя сделать предложение Синтии Богден было явно верхом безрассудства. Из уборной он вышел минут через десять и направился в прихожую, к телефону на столике. Френсик просмотрел телефонную книжку миссис Богден: но если нужный ему номер и был где-нибудь записан, то не там. Он вернулся на кухню, выпил чашку растворимого кофе, взял еще понюшку табаку и наконец вызвал такси.

Такси приехало в десять, а в половине одиннадцатого Френсик заставил себя переступить порог Машинописного агентства. Миссис Богден ожидала его; двенадцать чудищ за машинками — тоже.

— Девочки,— эвфемистически выразилась миссис Богден, когда Френсик опасливо сунул нос в дверь,— знакомьтесь с моим женихом, мистером Джефри Коркадилом.

Существа повставали со стульев и пророкотали поздравления, а миссис Богден лучилась счастьем.

— Теперь — кольцо,— сказала она, когда поздравления смолкли; и Френсик последовал за ней на улицу. Чертовой бабе нужно кольцо. Ладно, лишь бы не очень дорогое. Оказалось — очень.

— Пожалуй, мне нравится этот солитер,— сказала она ювелиру. Услышав цену, Френсик вздрогнул, и весь его план зашатался, но помогло внезапное озарение. В конце концов, что такое пятьсот фунтов, когда на карту поставлено все его будущее?

— Выгравируем на нем? — спросил он Синтию, которая надела кольцо на палец и любовалась сверканием камня.

— Что выгравируем? — проворковала она.

Френсик заухмылялся.

— Что-нибудь тайное,— прошептал он,— что-нибудь только нам двоим понятное. Code d'amour.

— Ой, какой ты несносный,— сказала миссис Богден.— Ужас, что тебе в голову приходит.

Френсик покосился на ювелира и снова приложил губы к перманенту.

— Любовный шифр,— объяснил он.

— Любовный шифр? — повторила миссис Богден.— Как это?

— Какое-нибудь число,— сказал Френсик и помедлил.— Число, про которое мы одни знаем, что оно свело нас.

— Ты хочешь сказать?..

— Вот именно,— сказал Френсик, предупреждая возможные варианты,— ведь ты же печатала книгу, а я ее издал.

— А может быть, просто «Вместе до гробовой доски»?

— Вроде заглавия телесерии,— сказал Френсик, не терявший надежды расстаться гораздо раньше. Его выручил ювелир.

— Это внутри кольца не уместится. «Вместе до гробовой доски»— слишком много букв.

— А цифры можно? — спросил Френсик.

— Смотря сколько.

Френсик вопросительно посмотрел на миссис Богден.

— Пять,— сказала она, секунду поколебавшись.

— Пять,— повторил Френсик.— Пять миленьких маленьких цифленочек, наш сладкий любовный шифлик, самый-самый секлетный.— Он выложился с потрохами, и миссис Богден не устояла. Она было заподозрила... но нет, человек, который в присутствии чинного поставщика ее королевского величества говорит о миленьких маленьких цифленочках, их самом-самом секлетном сладком шифлике — нет, этот человек выше подозрений.

— Два-ноль-три-пять-семь,— нежно пролепетала она.

— Два-ноль-три-пять-семь,— гордо выговорил Френсик.

— Ты уверена? В таком деле ошибок не надо.

— Конечно уверена,— сказала миссис Богден.— Я вообще ошибок не делаю.

— Ну и хорошо,— сказал Френсик, снимая кольцо с ее пальца и протягивая его ювелиру,— выгравируйте эти цифры внутри кольца. Сегодня к вечеру я его заберу.— И, твердо взяв под руку миссис Богден, он направил ее к двери.

— Извините, сэр,— сказал ювелир,— но если вы позволите...

— Что позволю? — обернулся Френсик.

— Предпочтительнее, чтобы вы сейчас заплатили. Понимаете ли, гравированные кольца...

Френсик понял с полуслова. Он отпустил миссис Богден и снова подошел к конторке.

— Знаете... э-э... как бы вам сказать...— начал он, но миссис Богден надежно заслонила дверь. Полумерами не обойдешься. Френсик вынул чековую книжку.

— Буду мигом, дорогая,— крикнул он Синтии.— Перейди улицу, присмотри себе там платьице.

Синтия Богден повиновалась инстинкту и не двинулась с места.

— Чековая карточка у вас при себе, сэр? — спросил ювелир. Френсик благодарно поглядел на него.

— Вы знаете, нет. Не при мне.

— Тогда простите, сэр, желательно деньгами.

— Деньгами? — сказал Френсик.— В таком случае...

— Пойдем в банк,— твердо сказала миссис Богден и повела его в банк на Хай-стрит. Она уселась, а Френсик обратился к кассиру.

— Пятьсот фунтов? — сказал тот.— Требуется проверить вашу личность и позвонить в ваш банк.

Френсик глянул на миссис Богден и понизил голос.

— Френсик,— нервно сказал он.— Фредрик Френсик, Глас-Уок, Хампстед, но мой деловой счет в ковент-гарденском отделении.

— Проверим — пригласим,— сказал кассир.

Френсик побелел.

— Только прошу вас, пожалуйста, не...

— Не — что?

— Не важно,— сказал Френсик и пошел к миссис Богден. Надо было как-нибудь выдворить ее из банка, прежде чем чертов кассир начнет выкликать мистера Френсика.— Оказывается, это не сразу, милая. Вернись, детка, к себе и...

— Но я предупредила, что сегодня не вернусь, и думала...

— Сегодня не вернешься? — сказал Френсик. Чего там сегодня — еще час с нею, и он вообще никогда никуда не вернется.— Но...

— Что «но»? — поинтересовалась миссис Богден.

— Но сегодня у меня ленч с автором, профессором Дубровитцем из Варшавы. Он проездом и...— Френсик выпроводил ее, обещая в два счета разделаться с профессором и зайти за нею на работу. Потом, облегченно вздохнув, он вернулся в банк и получил свои пятьсот фунтов.

— К ближайшему телефону,— сказал он сам себе, запихивая деньги в карман и сбегая по ступеням. Синтия Богден дожидалась его.

— Но ведь...— сказал Френсик и сдался. С миссис Богден всякие «но» пропадали впустую.

— Я решила, что мы сначала пойдем заплатим за кольцо,— сказала она, взяв его под руку,— а уж потом бог с тобой, иди к своему дурацкому профессору.

Они возвратились к ювелиру, и Френсик выложил пятьсот фунтов. Только после этого миссис Богден отпустила его.

— Позвони мне сразу, как с ним развяжешься,— сказала она, чмокнув его в щеку. Френсик обещал не тянуть и помчался на почтамт. Там он на нервной почве набрал два-три-пять-ноль-семь.

— Ресторан «Бомбейская утка»,— отозвался какой-то индус, который вряд ли написал «Девство». Френсик яростно повесил трубку и опробовал другую комбинацию цифр на кольце. Рыбная торговля Маклафлина. Больше мелочи не было. Он пошел, купил марку за шесть с половиной пенсов и, отдав пятифунтовую бумажку, вернулся с грудой мелочи. Телефонная будка была занята. Френсик стоял, притопывая ногой, а юный угреватый дегенерат не спеша охмурял какую-то девицу, хихиканье которой доносилось до посторонних ушей. Френсик припоминал правильный номер, и как раз припомнил, когда юнец отсосался от телефона. Френсик зашел в кабину и набрал два-ноль-три-пять-семь. Долго раздавались протяжные гудки; наконец трубку сняли. Френсик опустил монету.

— Да,— сказал тонкий брюзгливый голос,— кто говорит?

Не долго думая, Френсик взял грубоватый тон.

— С Главного почтамта, отдел телефонных неполадок,— сказал он.— Мы тут ищем коллекторное пересечение линии. Будьте добры вашу фамилию и адрес.

— Неполадок? — сказал голос.— У нас неполадок не было.

— Не было, так будут. Прорвало водопроводную трубу, и нам нужны ваша фамилия и адрес.

— Вы, кажется, сказали — пересечение линии? — сварливо осведомился голос.— При чем же тут водопроводная труба?

— Мадам,— стоял на своем Френсик,— трубу прорвало, коллектор вышел из строя, и нам нужно выяснить, где авария. Будьте так добры назвать фамилию и адрес...— Последовала долгая пауза; Френсик грыз ноготь.

— Ну, пожалуйста, если вам нужно,— возобновился голос,— доктор Лаут, Садовый Выгон, 44... Алло, вы слушаете?

Но Френсик не слушал, ужасаясь осенившей его догадке. Он положил трубку и побрел на улицу.

На Ланьярд-Лейн Соня сидела за своей машинкой и смотрела на календарь. Она вернулась из Сомерсета обнадеженная, что Бобренок Берни будет впредь легче выражаться; вернулась и нашла два послания. Первое было от Френсика — что он пробудет день-другой неизвестно где и пусть она его заменит. Уже довольно странно. Френсик обычно изъяснялся подробнее и оставлял на всякий случай номер телефона. Но второе послание — длинная телеграмма от Хатчмейера — было куда удивительнее: ПОЛИЦИЯ УБЕЖДЕНА СЛУЧАЙНОЙ ГИБЕЛИ ПИПЕРА БЭБИ ТЕРРОРИСТЫ НИ ПРИ ЧЕМ СБЕЖАЛИ ДРУГ ДРУГОМ СХОЖУ ПО ТЕБЕ УМА БУДУ ЧЕТВЕРГ ВСЕЙ ЛЮБОВЬЮ ХАТЧМЕЙЕР.

Соня перечла это невразумительное сообщение несколько раз: «Убеждена случайной гибели»? «Террористы ни при чем сбежали друг другом»? Что за бессмыслица? Она подумала, пожала плечами и заказала Нью-Йорк, «Хатчмейер Пресс». Подошел Макморди.

— Он сейчас в Бразилии,— сказал он.

— Что это за новости насчет случайной смерти Пипера? — спросила она.

— У полиции теперь новая версия,— сказал Макморди,— будто они собрались куда-то бежать, погрузили горючее на борт и нечаянно взорвались.

— Бежать? Пипер с этой тварью? Посреди ночи, катером? У кого-то не все дома.

— Я за это не отвечаю,— сказал Макморди,— так говорят ищейки

и страховые агенты. Но Пипер был большой ходок по части старух, из книги видно.

— Черта с два,— сказала Соня, хотя да, Макморди же неизвестно, что Пипер этой книги не писал.

— Не верите мне, позвоните в мэнскую полицию или страховщикам — они скажут.

Соня позвонила страховщикам: те скорей доберутся до истины, у них это с деньгами связано. Ее соединили с мистером Синстромом.

— И вы действительно считаете, что он хотел бежать с миссис Хатчмейер, а взорвались они случайно? — спросила она, выслушав его версию.— Вы меня за нос не водите?

— Это отдел рекламаций,— жестко сказал мистер Синстром.— Водить людей за нос не входит в наши задачи.

— Но ведь чепуха же,— сказала Соня,— она ему в матери годилась.

— Если вам требуются дополнительные сведения о деталях происшествия, рекомендую обратиться в полицейское управление штата Мэн,— сказал мистер Синстром, заканчивая разговор.

Соня сидела ошеломленная этим новым разворотом событий. Значит, Пипер предпочел эту жуткую мегеру... Влюбленную память о нем вмиг точно ветром размело. Пипер предал ее, и горечь этого понимания вернула Соню к действительности. На самом-то деле, если толком припомнить, человечек он был тусклый, и любила она в нем просто будущего мужа. Если бы они поженились — вот тут бы она попробовала что-нибудь из него сделать: успела же она подарить ему писательскую славу еще при жизни, а главное было впереди. Недаром Брамс ее любимый композитор. Появились бы маленькие Пиперы, и каждого надежно устроила бы в жизни мать — литературный агент. Но с этими мечтами покончено. Пипер погиб заодно с перештопанной косметологами тварью в норковом манто.

Соня опять перечла телеграмму, на этот раз по-новому. Не один Пипер находил ее привлекательной. В запасе имеется Хатчмейер, вдовец Хатчмейер, жена которого украла ее бывшего возлюбленного. Забавно, что таким образом Бэби развязала руки Хатчмейеру: он теперь может жениться на Соне. И женится без всяких, иначе ничего не получит.

Соня взяла лист и заправила его в машинку. Надо написать Френзи. Бедный старина Френзи, как ей будет его не хватать; но что поделаешь, надо вздевать оковы супружества. Она объяснится на бумаге — и все, зато не будет прощальных сцен. Отчасти она ведь жертвует собой ради него. Но куда и почему он исчез?

Глава 20

А между тем Френсик был в книжном магазине «Блэкуэллз». Полускрытый за стопами литературно-критических трудов, он стоял с «Дальним умыслом» в руках; раскрытое «Девство» опиралось на книжные корешки. Сборник статей с посвящением Ф. Р. Ливису, свежеопубликованный «Дальний умысел» доктора Сидни Лаут был памятником целой жизни, отданной беспощадным гонениям на все поверхностное, непристойное, незрелое и ничтожное в английской литературе. Поколение за поколением студентов гипнотизировал ее высокопарный слог, которым она поносила нынешний роман, современный мир и загнивающую, издыхающую цивилизацию. Френсик был в одном из этих поколений и вдоволь напитался банальностями, подпиравшими ее репутацию ученого и критика. Она превозносила несомненно великое и предавала анафеме все остальное: таким нехитрым способом она и прослыла великим ученым. Хотя язык ее писаний был вовсе не под стать блестящему стилю превозносимых писателей,

однако проклятия внедрились в память Френсика — злобная, убогая хула, которую она низвергала на прочих критиков и всех, несогласных с нею. Ее обличения застопоривали мысль; они отравили мозги Френсика и многих ему подобных, бравшихся за перо. Поклоняясь ей, он усвоил чудовищный синтаксис ее лекций и статей. Учеников Сидни Лаут мгновенно распознавали по слогу. И по умственному бесплодию.

Три десятилетия смрадным клубом висело ее влияние над английской литературой. Настоящее она проклинала именем прошлого, которое осуществлялось только потому, что ее тогда не было. Подобно религиозному фанатику, она освящала святыни и воздвигала стену отчуждения, оставляя за нею все, что хуже самого лучшего. Доктор Лаут признавала лишь святых, прочие были нечистью просто оттого, что не годились в ее святцы. Гарди, Форстер, Голсуорси, Мур и Мередит, даже Пикок низвергнуты в тьму кромешную и подлежат забвению потому, что они — это твердо — хуже Конрада или Генри Джеймса. А как с беднягой Троллопом или с Теккереем? Да так же. Хуже лучших — значит, исчадия ада. Или Филдинг?.. Список нескончаемый. А уж нынешнему поколению одна надежда спастись — преклонить колена перед ее мнениями и заучить наизусть ответы из ее литературного катехизиса. И эта иссохшая гадина написала «Девства ради помедлите о мужчины»... Френсик прикинул заглавие и нашел его как нельзя более подходящим. Доктор Лаут не породила ничего. Мертворожденные суждения «Нравственного романа», а теперь еще и «Дальнего умысла» истлеют и распадутся вместе с книгами: забудутся, словно их и не было. Она знала об этом — и написала «Девство», чтобы обеспечить себе анонимное бессмертие. Ключи были налицо, и Френсик дивился, как он их раньше не заметил. На странице 269-й «Девства»: «Итак, неотвратимо переживаемое стало переживанием, ритмическим переживанием, которое отображало новое измерение чувства, и подлинно реальное становилось...» Френсик захлопнул книгу, не дойдя до «...предвкушаемой целостностью». Сколько раз в юности он слышал от нее все эти тусклые слова. И сам писал их в студенческих работах. «Отображало» — уже достаточная улика, но идущие за этим пустые абстракции, завершенные «подлинно реальным» — это признаки решающие. Он взял обе книги под мышку и пошел к стойке платить за них. Сомнений не было, все разъяснилось — и маниакальное самосокрытие, и готовность выставить вместо себя Пипера... Но теперь-то Пипер выставлял себя автором «Девства».

Шагавший парковой тропкой Френсик задумался и пошел медленнее. Соавторство? Ведь Пипер — приверженец доктора Лаут, «Нравственный роман» служил ему молитвенником. То есть он вполне мог... Нет, миссис Богден заведомо не лгала. Френсик ускорил шаг и направился берегом реки к Садовому Выгону. Доктору Лаут предстоит понять, что она сильно просчиталась, прислав свою рукопись бывшему аспиранту. Ибо так, разумеется, и было дело. С высоты самодовольства она избрала Френсика среди сотни других агентов. Иронический жест в ее вкусе: она всегда его невысоко ставила. «Посредственный ум» — написала она как-то в виде заключения по поводу одной его работы. Френсик этого ей не простил и сейчас намеревался отплатить.

Он вышел из парка на Садовый Выгон. Дом доктора Лаут стоял в дальнем конце — викторианский особняк, нарочито заброшенный: обитатели, мол, ведут интеллектуальный образ жизни, им некогда подстригать кусты и выкашивать траву. И помнится, здесь была пропасть кошек.

Кошки никуда не делись. Две сидели на карнизе и смотрели, как Френсик подошел к парадному и позвонил. Стоя в ожидании, он оглянулся. Сад, пожалуй, стал еще больше напоминать сцену пасторали — излюбленного жанра доктора Лаут. И араукария выглядела еще неприступнее. Сколько раз смотрел он на нее из окна, когда доктор Лаут

подчеркивала необходимость четкой нравственной установки во всяком произведении искусства. Френсик готов был с головой окунуться в воспоминания, но тут дверь приоткрылась, и мисс Христиан смерила его подозрительным взглядом.

— Если вы насчет телефона...— начала она, но Френсик покачал головой.

— Меня зовут...— Он помедлил, припоминая фамилию ее любимого ученика:— Бартлетт. Я был ее аспирантом в 1955 году.

— Она никого не принимает,— поджала губы мисс Христиан.

Френсик улыбнулся.

— Я хотел просто засвидетельствовать почтение. Я всегда считал ее влияние решающим для своей духовной жизни. Крайне плодотворным.

«Плодотворным» — это мисс Христиан понравилось. Парольное слово.

— В 1955-м?

— В том самом году, когда она опубликовала «Интуитивное чутье»,— сказал Френсик, раскрывая гербарий на нужной странице.

— Да, да. Кажется, это было так давно,— сказала мисс Христиан и отворила дверь шире. Френсик вступил в темную прихожую: цветные стекла лестничных окон усугубляли благоговейное ощущение. Еще две кошки сидели в креслах.

— Как, вы сказали, ваша фамилия? — переспросила мисс Христиан.

— Бартлетт,— сказал Френсик (Бартлетт был отличником).

— Ах да, Бартлетт,— сказала мисс Христиан.— Пойду спрошу, примет ли она вас.

Она удалилась по обшарпанному ковру. Френсик стоял и скрипел зубами: кошачий запах мешался с застойным духом интеллектуального благочиния и нравственной озабоченности. Пожалуй, кошки пахнут лучше.

Снова притащилась мисс Христиан.

— Она примет вас,— сказала она.— Она сейчас редко принимает гостей, но вас примет. Как пройти, знаете.

Френсик кивнул. Он знал, как пройти. Потертая ковровая дорожка тянулась до самого кабинета; он отворил дверь.

Внутри был 1955 год. За двадцать лет ничего не изменилось. Доктор Сидни Лаут сидела в кресле у мерцающего камина с кипой листов на коленях; струила дымок сигарета, уткнувшаяся в пепельницу; на столике сбоку стояла недопитая чашка остывшего чаю. Она не подняла головы, когда Френсик вошел: тоже старое обыкновение, признак такой сосредоточенности, что допущенный должен вострепетать. Красная шариковая ручка чертила каракули на полях машинописи. Френсик уселся напротив и ждал. Ее спесь была ему на руку. Он

положил на колени «Девство» в магазинной обертке, разглядывая склоненную голову и занятую писанием руку. Все было в точности как ему помнилось. Потом рука перестала писать, обронила ручку и потянулась за сигаретой.

— Бартлетт, дорогой Бартлетт,— сказала она и подняла глаза. Френсик твердо встретил ее пытливо-смутный взгляд. Нет, он ошибся, перемены есть. Ему помнилось вовсе не это лицо. Тогда оно было гладкое, чуть одутловатое, теперь — отечное и морщинистое. Дряблые, мятые мешки под глазами набухли в полщеки; изо рта сетчатой маски торчала сигарета. Только выражение глаз оставалось прежним: в них тускло мерцала уверенность в своей непреходящей правоте. Под взглядом Френсика эта уверенность сменилась недоумением.

— Мне казалось...— начала она и поглядела пристальнее.— Мисс Христиан определенно сказала мне...

— Френсик. Вы были моей научной руководительницей в 1955-м,— сказал Френсик.

— Френсик? — в глазах ее затеплилась догадка.— Но вы назвались Бартлеттом...

— Маленькая уловка,— сказал Френсик,— чтобы вернее к вам пробиться. Я теперь литературный агент. «Френсик и Футл». Вы о нас не слышали.

Но доктор Лаут слышала: ее глаза блеснули.

— Нет. Боюсь, что не слышала.

Френсик поколебался и избрал окольный путь.

— И вот я... подумал, что как ваш бывший аспирант... что вы, может быть, не откажетесь... сделаете нам такое громадное одолжение...— Френсик демонстрировал безграничную почтительность.

— Чего вы хотите? — спросила доктор Лаут.

Френсик развернул пакет на коленях.

— Видите ли, нам надо отрецензировать роман, и если бы вы...

— Роман? — Глаза, отягощенные дряблыми мешками, покосились на обертку.— Какой роман?

— Вот этот,— сказал Френсик, протягивая ей «Девства ради помедлите о мужчины». Взгляд доктора Лаут застыл, сигарета свесилась изо рта. Потом она съежилась в кресле.

— Этот? — прошептала она. Сигарета выпала и тлела на странице машинописи.— Этот?

Френсик кивнул, склонился, убрал сигарету и положил книгу на столик.

— Кажется, он в вашем духе.

— В моем духе?

Френсик сел поудобнее: он стал хозяином положения.

— Поскольку вы его автор,— сказал он,— то резонно предположить...

— Как вы узнали? — Она пристально глядела на него, и в этом новом взгляде уже не было высоконравственной целеустремленности. Только страх и злоба, к вящему удовольствию Френсика. Он закинул ногу на ногу и посмотрел на араукарию за окном, совсем не такую неприступную.

— Главным образом по стилю,— сказал он,— то есть, говоря откровенно, с помощью критического анализа. В ваших книгах повторяются одни и те же словосочетания, и я их проследил. Ваша школа.

После долгой паузы доктор Лаут закурила новую сигарету.

— И вы ждете от меня рецензии на нее? — наконец спросила она.

— Не то чтобы рецензии,— сказал Френсик.— По-моему, автору неэтично рецензировать собственную книгу. Я просто хотел обговорить с вами, как нам лучше всего преподнести эту новость.

— Какую новость?

— Что доктор Сидни Лаут, выдающийся критик, написала и «Девство», и «Дальний умысел». На мой взгляд, статья в «Таймс ли-

терари сапплмент» вполне годится, чтобы заварить кашу. В конце концов, не каждый день ученый пишет бестселлер, точнее говоря, книгу, подобные которым она обличала всю жизнь...

— Вос-прещаю,— задохнулась доктор Лаут.— Вы как мой агент...

— Мое, как вашего агента, дело — чтоб ваша книга продавалась. И заверяю вас, что литературный скандал, который вызовет это открытие в кругах, где вас прежде чтили...

— Нет,— сказала доктор Лаут.— Этого не должно быть.

— Опасаетесь за свою репутацию? — мягко спросил Френсик.

Доктор Лаут не ответила.

— О ней раньше нужно было подумать. А то вы поставили меня в очень неудобное положение. У меня, знаете ли, тоже есть репутация.

— У вас? Какая у вас может быть репутация? — Она словно плюнула в него этими словами.

Френсик подался вперед.

— Безупречная,— отчеканил он.— Вам этого не понять.

— Среди халтурщиков,— попыталась презрительно улыбнуться доктор Лаут.

— Да, среди них,— сказал Френсик,— и тут есть чем гордиться. Среди тех, кто без всякого лицемерия пишет ради денег.

— Ради наживы, грязной наживы.

— А вы это чего ради написали? — ухмыльнулся Френсик.

Маска устремила на него язвительный взгляд.

— Чтобы доказать, что я смогу,— сказала она,— что мне вполне под силу писать ходкую макулатуру. Считалось, что не смогу: книжный червь, кабинетное бесплодие. Я им доказала.— Голос ее возвысился.

— Вряд ли,— пожал плечами Френсик.— На титуле вашей фамилии нет, а без нее никто не знает, что вы там доказали.

— Никто и не должен знать.

— А я собираюсь всех уведомить,— сказал Френсик.— Захватывающая история. Автор-аноним, «Ллойдз банк», Машинописное агентство, мистер Кэдволладайн, Коркадилы, ваш американский издатель...

— Не смейте,— простонала она,— никто не должен об этом знать. Я сказала: воспрещаю.

— Это уже не в ваших руках,— сказал Френсик,— а в моих, и я их не стану марать вашим лицемерием. К тому же у меня есть и другой подопечный.

— Другой подопечный?

— Пипер, тот козел отпущения, посланный вместо вас в Америку. У него тоже, представьте себе, репутация.

— Должно быть, безупречная, вроде вашей,— хмыкнула доктор Лаут.

— В принципе — да,— сказал Френсик.

— Однако он рискнул ею ради денег.

— Пожалуй. Он хотел писать и нуждался в деньгах. Вы, насколько я понимаю, не нуждаетесь. Вы открещиваетесь от наживы, грязной наживы. Что ж, договоримся.

— Шантаж,— обозначила доктор Лаут и погасила сигарету. Френсику она стала еще омерзительней.

— Как нравственный урод, скрывающийся под чужим именем, вы на такие выражения не имеете права,— заметил он.— Приди вы ко мне с самого начала — я не стал бы вязаться с Пипером, но уж раз вам в обход честности мила анонимность, то мне теперь приходится выбирать между двумя авторами.

— Двумя? Почему двумя?

— Потому что Пипер претендует на авторство.

— Что ж, пусть. Принял бремя — неси его.

— Бремя бременем, а как с деньгами?

Доктор Лаут глядела на тлеющие угли.

— Ему ведь заплачено,— сказала она.— Чего он еще хочет?

— Всего,— сказал Френсик.

— И вы ему готовы уступить?

— Да,— сказал Френсик.— Моя репутация тоже под угрозой. Если будет скандал — мне несдобровать.

— Скандал? — Доктор Лаут покачала головой.— Скандала быть не должно.

— А будет,— сказал Френсик.— Видите ли, Пипер погиб.

— Погиб? — вздрогнула доктор Лаут.— Но вы только что сказали...

— Надо сворачивать его дела. Если дойдет до суда, то исчезновение двух миллионов долларов... Объяснять?

Доктор Лаут покачала головой.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.

Френсик расслабился. Обошлось: он ее одолел.

— Напишите мне письмо, что вы знать ничего не знаете об этой книге.

— И этого достаточно?

— Для начала,— сказал Френсик. Доктор Лаут поднялась, пошла к письменному столу и писала минуту-другую; потом протянула письмо Френсику. Он прочел и кивнул.

— Теперь насчет рукописи,— сказал он.— Мне нужен оригинал и все рукописные копии, если такие были.

— Нет,— сказала она,— я все уничтожу.

— Уничтожайте,— сказал Френсик.— При мне.

Доктор Лаут отперла ящик стола, достала оттуда коробку и вернулась в свое кресло у камина. Из коробки она вынула кипу исписанных листов. Френсик взглянул на верхний: «Дом стоял на холме, окруженный тремя вязами, березой и кедром, горизонтальные ветви которого...» Да, это был оригинал «Девства». Через мгновение лист обуглился и полыхнул пламенем в дымоход. Френсик сидел и смотрел, как огонь подхватывает листы, как они, шелестя, чернеют, как бы заново покрываясь белой словесной вязью, рассыпаются и затягиваются в трубу. Рукопись сгорела, и Френсик вдруг заметил краем глаза влажный блеск на щеках доктора Лаут. Он слегка опешил. Женщина предает сожжению свое детище и, сама окрестив его макулатурой, все же оплакивает его участь. Никогда ему, должно быть, не разобраться в душевных хитросплетениях писательства.

Догорел последний лист, и Френсик встал, а доктор Лаут осталась сидеть, сгорбившись перед камином. Не спросить ли у нее еще раз, почему написана эта книга? Чтобы опровергнуть злопыхателей? Это не ответ. Тут что-то другое — тайные вожделения, какая-нибудь бурная любовная связь... все равно она не скажет. Он тихо притворил дверь и прошел пустым коридором к парадному. Снаружи роями носились черные пепельные хлопья; котенок возле калитки ловил пляшущий на ветру бумажный клочок.

Френсик глубоко вдохнул свежий воздух и зашагал по дороге. Надо было заскочить в гостиницу за саквояжем и поспеть к лондонскому поезду.

Отъехав к югу от Таскалусы, Бэби выбросила дорожную карту из окна машины. Карта распласталась и исчезла в клубах пыли. Пипер, как обычно, ничего не заметил: он корпел над «Возвратным трудом». Писалась 178-я страница; работа шла хорошо. Еще полмесяца усердного труда — и делу конец. А там он примется за третью версию, где будет все другое: и герои и обстановка. Он решил назвать ее «Детство. Постскриптум»; она должна предшествовать окончательному, совершенно неискаженному тексту романа «Поиски утраченного детст-

ва». Впоследствии его сочтут первообразом «Девства» — те самые критики, которые превозносили этот загаженный роман. Таким образом, слава его будет долговечнее дешевого успеха, а уж текстологи проследят, как уродовали его талант своекорыстные наущения Френсика. Пипер улыбнулся собственному хитроумию. А может, напишутся и другие, еще незадуманные романы. Он будет писать «посмертно», и через каждые несколько лет подбрасывать на стол Френсику новую рукопись, от издания которой ему не отвертеться. Бэби права: обманув Хатчмейера, «Френсик и Футл» сами подстроили себе ловушку, и с Френсиком теперь иной разговор. Пипер откинулся на сиденье и задремал. Через полчаса он открыл глаза и сел прямо. «Форд», купленный Бэби в Росвилле, мотало из стороны в сторону. Пипер выглянул и увидел, что они едут ухабистой дорогой, а по бокам дорожной насыпи из черных луж торчат высокие деревья.

— Где это мы? — спросил он.

— Представления не имею,— ответила Бэби.

— Как это не имеешь? Должна же ты знать, куда мы едем?

— Насколько я знаю, к черту на рога. Приедем куда-нибудь — осмотримся.

Пипер поглядел на черные лужи под деревьями. Лес был какой-то мрачный и ему не нравился. До сих пор они все время ехали по чистеньким, приветливым дорогам, где лишь изредка попадались оплетенные японским плющом деревья и обросшие горные склоны — как бы в напоминание о неукротимой мощи природы. Тут было не то. Ни афиш, ни домов, ни бензоколонок — вообще никаких признаков цивилизации. Дичь и глушь.

— А что будет, если мы куда-нибудь приедем, а там не окажется мотеля? — спросил он.

— Устроимся как придется,— сказала Бэби,— я же тебе говорила, что мы едем на дальний Юг, где все обозначится.

— Что обозначится? — спросил Пипер, глядя на черные лужи и думая об аллигаторах.

— Вот как раз это и посмотрим,— загадочно ответила Бэби и затормозила на перекрестке. Свозь ветровое стекло Пипер различил дорожный знак. Выцветшие буквы гласили: ДО БИБЛИОПОЛИСА 15 МИЛЬ.

— Город прямо как для тебя,— сказала Бэби и свернула на перекрестную дорогу. Лес в черных лужах скоро поредел, и они выехали на тучные, залитые солнцем луга: трава в коровий рост и купы деревьев там и сям. Что-то было едва ли не английское в этих пышных, обволокнутых дымкой и запущенных лугах — они напоминали забытый парк, почти что готовый проснуться и стать чем-то совсем иным. Горизонт был всюду отуманен, и Пиперу, глянувшему на луга, как-то полегчало, словно ландшафт исподволь приручили. Они проезжали мимо полузаросших деревянных хижин, должно быть необитаемых. Наконец показался и сам Библиополис — городок чуть больше поселка; река нехотя обмывала заброшенную набережную. Бэби подъехала к берегу и остановилась. Моста не было: имелся древний веревочный паром.

— Давай-ка ударь в колокол,— сказала Бэби. Пипер вылез из машины и брякнул в колокол на столбе.

— Погромче,— велела Бэби,— дерни как следует.

Наконец на том берегу появился человек, и паром тронулся к ним.

— Чего надо-то? — спросил паромщик, причаливая.

— Нам бы где-нибудь остановиться,— сказала Бэби. Паромщик освидетельствовал номер и успокоился: здешние, Джорджия.

— В Библиополисе мотелей нет,— сказал он.— Езжайте лучше назад, в Зельму.

— Что-нибудь да найдется,— сказала Бэби, пресекая его колебания.

— Если только у миссис Матервити, в Доме туриста,— сказал тот и посторонился. Бэби въехала на паром и вышла из машины.

— Это река Алабама? — спросила она. Паромщик покачал головой.

— Это Мертвечиха, мэм,— сказал он и взялся за веревку.

— А там что? — спросила Бэби, указывая на огромную полуразвалившуюся усадьбу, наверняка построенную еще до Гражданской войны.

— Это Пеллагра. Там нынче никто не живет. Все перемерли.

Пипер сидел в кабине и мрачно провожал взглядом ленивые речные струи. В прибрежных деревьях, обросших бородатым мхом, было что-то вдовье, и развалившаяся усадьба за рекой напоминала о мисс Хэвишем. Но Бэби, которая забралась в машину и вырулила с парома, явно была в приподнятом настроении.

— Я же тебе говорю — все обозначится,— с торжеством сказала она.— Ну-ка поехали к миссис Матервити в Дом туриста.

Переулком между деревьями они выехали к дому с вывеской «Добро пожаловать». Миссис Матервити была не столь приветлива, как вывеска. Она сидела под навесом крыльца и обмеривала их суровым взглядом.

— Ищете кого-нибудь? — спросила она, и очки ее блеснули в лучах закатного солнца.

— Дом туриста миссис Матервити,— сказала Бэби.

— Остановиться собрались или чем торгуете? Ежели косметикой, то не надо.

— Остановимся,— сказала Бэби.

Миссис Матервити еще раз оглядела их с видом знатока сомнительных отношений.

— У меня только одиночные,— сказала она и сплюнула в самую середину подсолнуха,— двойных нет.

— Слава тебе господи,— вырвалось у Бэби.

— Аминь,— сказала миссис Матервити.

Она пригласила их в дом и повела по коридору.

— Это ваша,— сказала миссис Матервити Пиперу и отворила дверь. За окном комнаты росла кукуруза. На стене висела олеография: Христос изгоняет менял из храма и табличка «Не мешковать». Пипер несколько удивился, не зная, как понять такое указание.

— Ну? — сказала миссис Матервити.

— Очень мило,— сказал Пипер, заметивший книжную полку. На ней рядком стояли Библии.— Господи,— проговорил он.

— Аминь,— отозвалась миссис Матервити и увела Бэби, оставив Пипера в размышлении, как бы ему соблюсти угрюмую заповедь «Не мешковать». Когда они вернулись, он размышлял о том же.

— Мы с его преподобием рады всякому гостеприимству,— сказала Бэби.— Не правда ли, ваше преподобие?

— Как? — растерялся Пипер. Миссис Матервити поглядела на него с живым интересом.

— Я тут как раз говорила миссис Матервити, сколь радует вас американская религиозность,— сообщила Бэби. Пипер сглотнул слюну и прикинул, что́ от него в данном случае требуется.

— Да,— сказал он, избрав вроде бы самый безопасный ответ. Последовало чрезвычайно неловкое молчание, которое по-деловому нарушила миссис Матервити

— Десять долларов в день. Со службами семь. Питание отдельно.

— Да, собственно, конечно, разумеется,— сказал Пипер.

— То есть? — осведомилась миссис Матервити.

— То есть Господь всеблагий пропитает,— объяснила Бэби, прежде чем Пипер успел впасть в легкую истерику.

— Аминь,— сказала миссис Матервити.— Так как же? Со службами или без?

— Со службами,— сказала Бэби.

— Четырнадцать долларов задатку,— объявила миссис Матервити.

— Деньги сейчас, служба потом? — с надеждой спросил Пипер.

Глаза миссис Матервити холодно блеснули.

— Священнослужителю...— начала она, но Бэби перехватила:

— Его преподобие хочет сказать, что вся наша жизнь должна быть богослужением.

— Аминь,— сказала миссис Матервити и преклонила колени на линолеуме.

Бэби последовала ее примеру. Пипер смотрел на них в изумлении.

— Бог ты мой,— пробормотал он.

— Аминь,— в один голос с миссис Матервити сказала Бэби и добавила: — Слово за вами, ваше преподобие.

— Ради Христа,— сказал Пипер, силясь как-нибудь выйти из положения. Никаких молитв он не знал, а что до проповедей... Миссис Матервити угрожающе зашевелилась, и слова проповеди нашлись — в «Нравственном романе».

— «Мы обязаны не услаждать наши чувства, а обострять восприимчивость,— забубнил он,— не развлекаться, а нравственно совершенствоваться, читать не затем, чтобы увильнуть от жизненных обязанностей, но чтобы посредством чтения глубже осознавать себя и свои поступки и, как бы перерождаясь силою чужого опыта, расширять свой кругозор, держать в напряжении свои чувства и в конечном счете оставлять чтение лучшим человеком, нежели начал».

— Аминь,— горячо сказала миссис Матервити.

— Аминь,— заметила Бэби.

— Аминь,— сказал Пипер и сел на постель. Миссис Матервити поднялась с колен.

— Спасибо на божьем слове, ваше преподобие,— сказала она и покинула комнату.

—Да что за черт? — сказал Пипер, когда шаги ее замерли. Бэби встала на ноги и поднесла палец к губам.

— Не всуесловить. Не мешковать.

— Это, кстати, тоже...— начал Пипер, но миссис Матервити уже шла по коридору.

— Радение в восемь,— объявила она, всунув голову в дверь.— Опаздывать не положено.

— Радение? — злобно поглядел на нее Пипер.

— Радение верных рабов божьих Церкви адвентистов Седьмого дня,— отчеканила миссис Матервити.— Сказано было насчет богослужений.

— Мы с его преподобием от вас не отстанем,— пообещала Бэби. Голова миссис Матервити исчезла. Бэби взяла Пипера под руку и пихнула к двери.

— Господи, святая воля твоя, ну мы из-за тебя...

— Аминь,— сказала Бэби уже в коридоре. Миссис Матервити дожидалась на крыльце.

— Церковь на городской площади,— сказала она, когда все забрались в «форд», поехавший по темнеющей улице мимо обомшелых деревьев, которые теперь казались Пиперу еще печальнее. Когда «форд» остановился возле деревянной церквушки на площади, Пипер был в паническом состоянии.

— Снова не нужно будет проповедовать, нет? — шепнул он Бэби на паперти. Изнутри слышалось пение.

— Опаздываем,— сказала миссис Матервити и спешно провела

их между заполненными скамьями к пустующему первому ряду. В руках у Пипера оказался сборник песнословий, и он, сам того не замечая, вместе со всеми голосил необычайный гимн «Телефонируем ко славе».

Гимн был допет; зашаркали подошвы — прихожане опускались на колени, а проповедник начал молитву.

— Грешны пред тобой, о Господи,— заявил он.

— Грешны пред тобой, о Господи,— простонала миссис Матервити и прочие прихожане.

— О Господи, все мы грешники, чающие спасения,— продолжал проповедник.

— Чающие спасения. Чающие спасения.

— От геенны огненной и когтей сатанинских.

— От геенны огненной и когтей сатанинских.

Миссис Матервити рядом с Пипером истово задрожала.

— Аллилуйя,— проговорила она.

Когда молитва окончилась, громадная негритянка, стоявшая у пианино, затянула «Кровию агнца омыты»; потом грянул «Иерихон» и наконец гимн «Служители божии, верой оправдаемся» с хоровым припевом «В Господа, в Господа, в Господа веруем, вера Господня крепче щита». К великому своему изумлению, Пипер обнаружил, что поет едва ли не громче других и с не меньшим восторгом. Миссис Матервити притопывала ногой; другие женщины хлопали в ладоши. Гимн пропели два раза и тут же завели другой, про Еву и яблоко. Когда раскаты его стихли, проповедник воздел руки.

— Братья и сестры,— начал он и был тут же прерван.

— Несите змей! — крикнул кто-то из задних рядов.

— Змеиный вечер в субботу,— сказал он.— Это все знают.

Но крик «Несите змей!» подхватили, и черная великанша грянула гимн «Веруй в Иисуса, и змеи не тронут, верным Господь стоит обороной».

— Змеи? — спросил Пипер у миссис Матервити.— Вы, по-моему, сказали, что будут только рабы божии.

— Змеи по субботам,— сказала миссис Матервити, сама очень встревоженная.— А я хожу по четвергам. Я змеилища не обожаю.

— Змеилища? — сказал Пипер, вдруг сообразив, что сейчас будет.— Пресвятой боже!

Бэби рядом с ним уже рыдала, но Пиперу было не до нее: важнее спасать собственную шкуру. Длинный, сухопарый человек пронес какой-то мешок, большой и шевелящийся. Пипер тоже зашевелился. Он вихрем сорвался со скамьи и кинулся к дверям: но, должно быть, не одному ему претило оказаться взаперти с ядовитыми змеями. Отброшенный назад, Пипер снова плюхнулся на свою скамью. «Бежим отсюда к дьяволу»,— крикнул он Бэби, но та не отрываясь глядела на пианиста, щуплого человечка, перебиравшего клавиши тем ретивее, что шею ему обвивал небольшой удав. За пианино черная великанша жонглировала двумя гремучими змеями и пела: «Библиополис, любовь — наш стяг, кусай нас, змеи, ваш яд — пустяк», с чем Пипер определенно был не согласен. Он приготовился снова метнуться к двери, но что-то придавило ему ноги. Это соскользнула на пол миссис Матервити. Пипер вдавил тело в скамью, тихо постанывая. Бэби тоже стонала: на лице ее разлилось непонятное блаженство. Сухопарый человек извлек из мешка змею в красных и желтых кольцах.

— Арлекин,— ужаснулся кто-то. Пение «Библиополис, любовь — наш стяг» внезапно смолкло. В наступившей тишине Бэби встала на ноги и как зачарованная двинулась вперед. При смутном огне свеч она выглядела прекрасной и величественной. Она взяла змею у сухопарого и воздела руку, словно кадуцей, символ медицины. Затем, обратившись лицом к прихожанам, она одним движеньем разорвала блузку до пояса, выставив две пышные, упругие груди. Раздался стон

ужаса. Обнаженных грудей в Библиополисе еще не видели; теперь они предлагались на выбор арлекину. Бэби опустила руку, и озлобленный змей вонзил зубы в шесть дюймов силикона. Секунд десять он впивался, ерзая хвостом; потом Бэби оторвала его и приложила к другой груди. Но арлекину было уже достаточно. Пиперу тоже. Он со стоном сполз на пол к миссис Матервити. Торжествующая Бэби, обнаженная по пояс, швырнула арлекина обратно в мешок и повернулась к пианисту.

— Вознесите души горé братие! — крикнула она.

И церквушка снова огласилась гимном «Библиополис, любовь — наш стяг, кусай нас, змеи, ваш яд — пустяк».

Глава 21

Френсик принимал в своей хампстедской квартире утреннюю ванну, регулируя горячую воду большим пальцем ноги. Долгий и крепкий сон уврачевал его организм, потрясенный объятиями Синтии Богден; а в контору он не спешил. Прежде надо было кое-что обдумать. Конечно, он молодец, что добрался до истинного автора «Девства» и вынудил ее отказаться от всех прав на книгу, но затруднения на этом не кончались. Во-первых, как же быть с Пипером, беспардонно требующим из-за гроба деньги за роман, которого он при жизни не писал.

Казалось бы, все теперь проще: можно вычесть из двух миллионов долларов свои и коркадильские комиссионные, а остаток перевести в Нью-Йорк, в Первый государственный банк на счет номер 478 776. Вроде бы самое разумное: откупиться от Пипера, и точка. Но это ведь значит уступить вымогательству, а вымогателю дай воли на палец, он всю руку откусит. Посыплются все новые и новые требования; к тому же, чтобы перевести деньги в Нью-Йорк, придется открыть Соне Футл, что Пипер, может быть, и жив. А ей только намекни — помчится искать его, как ошпаренная кошка. Наврать ей, что ли, будто клиент мистера Кэдволладайна велел проворачивать платеж таким вот головокружительным образом?..

Однако же все это были мелочи, а за ними маячило подозрение, что Пипер пустился мошенничать не по собственному почину. Десять лет многоразличные «Поиски утраченного детства» вполне доказывали отсутствие у Пипера всякого воображения; а тому, кто измыслил этот хитрый трюк, воображения было не занимать. Френсик заподозрил покойницу миссис Бэби Хатчмейер. Если Пипер, погибший вместе с ней, оказался в живых, то были все основания полагать, что уцелела и миссис Хатчмейер. Френсик попробовал проникнуть в душу жены Хатчмейера. Сорок лет брака с таким чудищем — это либо она мазохистка, либо человек упругости необычайной. И за каких-нибудь двадцать минут спалить дотла громадный дом, взорвать катер и потопить яхту — вообще нанести собственному мужу такой материальный урон... Нет, женщина заведомо ненормальная, от нее можно ждать чего угодно. Воскреснет в любую минуту и вытащит за собой мерзавца Пипера из незасыпанной могилы. И Френсик живо представил себе, что воспоследует. Хатчмейер напропалую кинется сутяжничать и подаст в суд на всех, кого припомнит. Пипера затаскают по судам, и вся история подмены автора «Девства» выйдет наружу. Френсик наспех вылез из ванны и стал обтираться полотенцем, отгоняя призрак свидетельствующего Пипера.

По мере того как он одевался, проблема обрастала сложностями. Положим даже, Бэби Хатчмейер сама не станет являться из гроба; но ее же может разыскать любой проныра-репортер, уже сейчас, чего доброго, напавший на след. Что же будет, когда Пипер заговорит? Пытаясь представить себе, чем обернутся его разоблачения, Френсик варил кофе и вдруг вспомнил о рукописи. Имеется рукопись, почерк Пипера. Ну, не рукопись — копия. Все равно выход. С помощью рукописи он шутя опровергнет любые доказательства Пипера, что он, мол, не автор «Девства». И пусть его поддерживает психоватая Бэби — все равно им никто не поверит. Френсик облегченно вздохнул. Дилемма ложная, но выход найден. Он позавтракал и пошел в гору к станции метро в прекрасном настроении. Да, он умница, и никакому дуролому Пиперу вкупе с Бэби Хатчмейер его не облапошить.

Контора на Ланьярд-Лейн была заперта — очень странно. Соня Футл уже накануне наверняка расправилась с «Бобренком Берни». Френсик отпер дверь и вошел: Сони как не бывало. На своем столе он увидел лежавший отдельно от прочей почты конверт, адресованный ему почерком Сони. Френсик сел, распечатал конверт и обнаружил длиннющее послание, начинавшееся словами «Миленький Френзи» и кончавшееся «Твоя любящая Соня». Между этими ласкательными заверениями Соня объясняла, утопая в тошнотворной сентиментальности и путаясь в собственном вранье, как ей сделал предложение Хатчмейер и почему она его приняла. Френсик был ошеломлен. Неделю назад девка заходилась слезами из-за Пипера. Френсик извлек табакерку, сопливый красный платок и возблагодарил бога, что он холостяк. Женские ходы и хитрости были превыше его понимания.

И уж куда превыше понимания Джефри Коркадила. Он сидел и волновался насчет процесса о клевете, затеянного профессором Фа-

цитом против автора, издателя и печатника романа «Девства ради помедлите о мужчины», когда ему вдруг позвонила Синтия Богден.

— Я — что? — спросил он, колеблясь между простым отвращением и полным недоверием.— Только солнышком меня не называйте. Какое я вам, к черту, солнышко!

— Но, Джефри, ласточка,— сказала миссис Богден,— ты был такой сильный, такой страстный...

— Это был не я! — вскричал Джефри.— Вы ошиблись номером. И как у вас такое с языка слетает!

С языка миссис Богден слетело еще многое. Джефри Коркадил сжался в комок.

— Стоп! — закричал он.— Я не знаю, что это все за чертовщина, ну если вы хоть на минуту думаете, что я провел позапрошлую ночь в ваших, так сказать, объятиях — о господи!.. Да вы просто опупели!

— И ты, значит, не сделал мне предложения,— взвизгнула миссис Богден,— и не купил мне обручального кольца и...

Джефри шваркнул телефонную трубку, чтобы пресечь омерзительный перечень. Мерзостей и так хватало: обойдется без этой сумасшедшей бабы, уверяющей, что он на ней чуть не женился. Потом, чтобы избежать новых нападок миссис Богден, он оставил контору и отправился к своим юристам — обсудить защиту в будущем деле о клевете. Те не сообщили ничего утешительного.

— Клевета на профессора Фацита, увы, отнюдь не случайна,— заметили ему.— Этот ваш Пипер определенно вознамерился подорвать репутацию профессора. Иных объяснений быть не может. Мы полагаем, что автор целиком ответствен за...

— Его, кстати, и в живых-то нет,— сказал Джефри.

— В таком случае, по-видимому, придется вам взять на себя все судебные издержки, и, честно говоря, мы вам посоветуем договориться загодя.

Джефри Коркадил ушел от поверенных в полном отчаянии. А все этот чертов Френсик. Да и сам он тоже хорош: связался с посредником, который только что вылез из процесса о клевете. Френсика прямо хлебом не корми, дай ему кого-нибудь оклеветать — видимо, так. Джефри взял такси до Ланьярд-Лейн. Он собирался напрямик сказать Френсику, что он о нем думает, и нашел его в мягчайшем настроении.

— Дорогой Джефри, как приятно видеть вас,— сказал он.

— Я приехал не любезностями обмениваться,— окрысился Джефри,— а сообщить вам, что из-за вас я попал в самую скверную историю, какую только...

Френсик выставил предупредительную ладонь.

— Вы о профессоре Фаците? Чего уж так волноваться...

— *Так* волноваться? Имею все основания *так* волноваться, и вряд ли «уж так», когда я, того и гляди, по вашей милости стану банкротом!

— Я навел кое-какие справки,— сказал Френсик,— там, знаете, в Оксфорде.

— Вот как? — сказал Джефри.— Он, значит, и вправду все это проделывал? А китайский мопс — тоже был?

— Короче говоря,— веско сказал Френсик,— в Оксфорде профессор Фацит никому не известен. Я навел справки в профессорском корпусе, в университетской библиотеке — нигде о нем и слыхом не слыхали. И насчет того, что он якобы жил на Де Фритвиль авеню, так вот — не жил.

— Вот тебе и на,— сказал Джефри,— но если про него никто не слышал...

— Похоже, что господа Дратли, Скрытни, Взвесли и Джонс на этот раз перестарались.

— Любезный друг, так это же надо отпраздновать,— восхитился

Джефри.— И вы, значит, собственной персоной отправились туда и выяснили на месте...

— Видите ли, я просто отлично знал Пипера,— соскромничал Френсик. Они спускались по лестнице.— Он ведь уже много лет присылал мне свои сочинения — и не такой он был человек, чтобы кого-то преднамеренно оклеветать.

— Но, по-моему, вы мне говорили, что «Девство» — его первая книга,— сказал Джефри.

Френсик прикусил губу.

— Да, собственно, первая,— сказал он.— Прочие были... ну, довольно несамостоятельные. Такие у меня не идут.

— Кстати, об Оксфорде,— сказал Джефри за столиком у Уилера.— Мне оттуда утром звонила, представляете, какая-то полоумная особа по имени Богден.

— В самом деле? — спросил Френсик, поперхнувшись мартини.— И чего она хотела?

— Уверяла, будто я ей сделал предложение. Ужас, просто ужас.

— Могу себе представить,— сказал Френсик, допив мартини и заказав еще одно.— Некоторые женщины на что угодно пойдут...

— Послушать ее, так это я пошел на что угодно. Она говорит, я ей купил обручальное кольцо.

— Надеюсь, вы послали ее ко всем чертям,— сказал Френсик,— и, кстати, у меня тоже брачные новости. Соня Футл выходит за Хатчмейера.

— За Хатчмейера? — оторопел Джефри.— Да ведь у него без году неделя как погибла жена. Посовестился бы тут же снова совать голову в петлю.

— Очень уместное сравнение,— с улыбкой заметил Френсик и поднял стакан.

Волнения его кончились. Он сообразил, что Соня, пожалуй, не так уж и сглупила, решив выскочить за Хатчмейера. Она заняла логово врага. Двоеженец Хатчмейер будет не очень и страшен; к тому же человек, которого может пленить Соня, заведомо тронутый, а тронутый Хатчмейер нипочем не поверит, что его новая жена когда-то была против него в заговоре. Стало быть, оставалось только ублаготворить Пипера. После роскошного обеда Френсик вернулся на Ланьярд-Лейн, а оттуда пошел в банк и перевел два миллиона долларов (минус коркадильские десять процентов и свои комиссионные) — то есть миллион четыреста тысяч на счет номер 478 776 в Первый государственный нью-йоркский банк. Тем самым с его стороны договор был соблюден. Домой Френсик поехал на такси. Он был богат и счастлив.

Хатчмейер тоже. Он никак не мог опомниться от скоропалительного согласия Сони на его скоропалительное предложение. Могучие телеса, столько лет томившие его издали, наконец поступили в его полное обладание. Соня пришлась ему более чем по вкусу: ни шрамов, ни хирургических подновлений, которыми тело Бэби напоминало ему о его изменах и об их искусственном супружестве. С Соней все стало просто. Не надо самоутверждаться, справляя по вечерам малую нужду в умывальную раковину; не требуется доказывать мужскую потенцию, гоняясь за девками в Риме, Париже и Лас-Вегасе. Он мог расслабленно вкушать семейное счастье: Сониных жизненных сил хватало на обоих. Они поженились в Канне; ночью Хатчмейер лежал в вожделенных объятиях, обозревая необъятные груди, и знал, что здесь все без обмана. Соня с улыбкой косилась на его довольную физиономию. Она и сама была довольна — наконец-то она замужняя женщина.

И замужем за богачом. Следующий вечер Хатчмейер отпраздновал сорокатысячным проигрышем, а потом нанял в честь памятной

ночи огромную яхту с опытным капитаном и испытанной командой. Они проехались по Эгейскому морю, обозрели руины античной Греции и, не упуская собственной выгоды, зафрахтовали по дешевке десяток нефтяных супертанкеров. Самолет доставил их в Нью-Йорк на премьеру экранизации «Девства».

Там, в темноте, увешанная бриллиантами Соня наконец не выдержала и расплакалась. Хатчмейер, сидя рядом с нею, проявлял понимание. Кино было кинематографически трогательное: модные левые актеры играли Гвендолен и Энтони, а режиссер соорудил винегрет из «Потерянного горизонта», «Бульвара заходящего солнца» и «Глубокой глотки» с добавлением «Тома Джонса». Макморди сунул кому надо, и критики захлебывались от восторга. А роман расходился новыми и новыми тиражами. Фильм приумножил распродажу: поговаривали даже о бродвейском мюзикле с Марией Каллас в главной роли. Хатчмейер выяснил у компьютера, как стимулировать покупателей, и выпустил книгу в новой обложке, так что уже давно купившие ее нечаянно покупали снова. А после мюзикла многие, пожалуй, купят и в третий раз. Клубы заказывали книгу почем зря, и мемориальное, тисненное золотом издание памяти Бэби Хатчмейер разошлось за неделю. Вся страна упивалась «Девством». Пожилые дамы бросали бридж и покидали салоны красоты, выходя на охоту за юношами. Хирургическое вмешательство в половую жизнь престарелых сошло почти на нет. И, в довершение хатчмейеровских удач, Соня объявила, что она беременна.

В Библиополисе, штат Алабама, тоже кое-что изменилось. Жертвы импровизированного змеилища были похоронены в дубраве возле Мертвечихи. Их оказалось всего семь. Змеи сгубили двоих. Троих смяли на паперти. Преподобный Гидеон умер от сердечного приступа, а миссис Матервити хватил удар при виде полуобнаженной Бэби на кафедре. Из этого бредового испытания Бэби вышла героиней — отчасти благодаря роскошеству своих грудей, отчасти из-за их неуязвимости: перед этим двойным обаянием никто не смог устоять. Доселе Библиополис не видывал столь убедительных доказательств веры, и ввиду кончины преподобного Гидеона Бэби предложено было место священнослужителя. Она приняла предложение ничтоже сумняшеся. Таким образом пресекались супружеские поползновения Пипера не в ущерб супружеству как таковому. Бэби громила с кафедры плотские утехи так сокрушительно, что женщины радовались, а мужчины возбуждались, к тому же описание адских мук у нее, претерпевшей все на свете за долгую жизнь с Хатчмейером, устрашало своей убедительностью. Так обрела она свободу пользования останками собственного тела. И когда гробы погружались в землю, преподобная Хатчмейер повелительно завела «Мы сберемся у реки», а жители Библиополиса, все, сколько их было, старательно подтянули. Даже шипящим змеям, вытряхнутым из мешка в Мертвечиху, и тем повезло. Бэби отменила змеилища, произнеся длинную проповедь о Еве и яблоке, в которой змеи отныне запрещались как служители Сатаны. Родственники погибших от змей были с этим более или менее согласны. Но тут опять во весь рост встала проблема Пипера. Бэби нашла свое призвание: но как же было не возблагодарить нечаянного виновника торжества?

На поступившие деньги с продажи «Девства» она отстроила «Дворец Пеллагры» в его почти что рабовладельческом великолепии и поселила в нем Пипера. Пусть завершает труд над своей третьей версией под названием «Вдогонку утраченному детству». Дни складывались в недели, недели — в месяцы, а Пипер писал себе и писал, как привык в гленигласком пансионе. Вечерами он прогуливался по берегу Мертвечихи, а потом вчитывался в «Нравственный роман»,

переходя от него к настоятельно рекомендованной классике. Денег теперь было вдосталь, и Пипер заказал все, что было возможно заказать. Полученные книги ровными рядами выстроились на стеллажах во «Дворце Пеллагры», точно образа той литературной религии, на которую он угробил свою жизнь. Джейн Остен, Конрад, Джорж Элиот, Диккенс, Генри Джеймс, Лоуренс, Манн — все они его к чему-то побуждали. А он тосковал по единственной женщине, которую сумел полюбить и которая стала теперь недоступной: преподобная Бэби наотрез отказалась с ним спать.

— Придется тебе что-нибудь придумать взамен,— сказала она Пиперу. Тот честно попытался придумать что-нибудь взамен, но тоска по Бэби мучила его так же, как зуд несостоявшегося великого романиста.

— Ничего не помогает,— сказал он.— Я все время только о тебе и думаю. Ты такая красивая, такая чистая, такая... такая...

— Болтаешься без дела, вот я тебе и такая,— сказала Бэби.— Ты попробуй-ка...

— Что прикажешь попробовать?

Бэби взглянула на усеянную ровным почерком страницу.

— Учи-ка ты людей писать,— сказала она.

— Какое там,— сказал Пипер.— У меня самого-то не очень получается.

У него был покаянный день.

— Прекрасно получается. Погляди, как ты выводишь «ф», как делаешь хвостик «у». Кому как не тебе учить людей писать?

— Ах, в этом смысле писать,— сказал Пипер.— Это я, наверное, смогу. Только кому это надо?

— Да всем на свете. Сам удивишься. Когда я была девочкой, в любой деревне учили чистописанию. Вот от тебя и польза будет.

— Польза? — скорбно сказал Пипер.— Я всего-то и хочу...

— Писать,— предварила Бэби.— Ну что ж, будешь сочетать искусство с образованием. Каждый божий день классы — вот и перестанешь сам о себе думать.

— Я о себе и не думаю. Я думаю о тебе. Я тебя люблю...

— Все мы должны любить друг друга,— наставительно заметила Бэби и удалилась.

Через неделю открылось Каллиграфическое училище, и Пипер вместо того, чтобы бродить по берегу Мертвечихи, стоял перед учениками и объяснял им, как выводить буквы. Сначала он учил детей, но потом присоединились взрослые, взяв перья в руки и поставив перед собой бутылки Хиггинсовых Вечных Неиспаряющихся чернил. Пипер объяснил им, что для диагональной лигатуры нужен штрих, а волнистую засечку и вообще так просто не проведешь. Месяц за месяцем росла его репутация, а с нею ширилась теория. Дальним приезжим из Зельмы и Меридиана Пипер объяснял, как слово совершенствуется чернилами. Называлось это Логософия, и приверженцев было чем дальше, тем больше. Жизнь вывернулась наизнанку, и писанина предстала писательством. В былые дни, в дни одержимости созданием великого романа, теория не только предшествовала практике, но и опустошала ее. Чего не освящал «Нравственный роман», к тому Пипер и близко не подходил. Теперь он в качестве чистописателя стал сам себе практиком и теоретиком. Однако прежнее честолюбивое желание увидеть свой роман в печати снедало его — и каждая заново прочищенная версия «Девства» отправлялась Френсику. Сначала Пипер адресовал рукопись в Нью-Йорк, чтобы там разобрались и переадресовали ее на Ланьярд-Лейн; но шли месяцы, самоуверенность его возрастала, а с нею и забывчивость — и он начал сразу слать по назначению. Каждый месяц приходили выписанные «Букс энд букмен» и «Таймс литерари сапплмент», он просматривал спис-

ки новых романов и разочаровывался: «Поиски утраченного детства» в списках не значились.

Наконец, взглянув однажды на полную луну, он решил взяться за дело по-новому, взял перо и написал Френсику. Письмо было суровое и по делу. Если его литературные посредники «Френсик и Футл» не могут обеспечить публикацию его романа, то он будет вынужден избрать себе других посредников.

«Пожалуй, я и в самом деле подумываю, не послать ли рукопись прямо Коркадилам,— писал он.— Как вы, должно быть, помните, согласно подписанному договору, он обязался опубликовать мой второй роман, и я не вижу ни малейшего резона пренебречь этим фактическим соглашением. Всецело ваш Питер Пипер».

Глава 22

— Ну, он, видать, окончательно спятил,— пробормотал Френсик неделей позже. — Не вижу, говорит, ни малейшего резона пренебречь. — Френсик этот резон видел.

— Неужели болван Пипер всерьез полагает, что я так-таки пойду к Коркадилам и заставлю их напечатать роман какого-то мертвеца?

Однако, судя по тону письма, Пипер именно так и полагал. За несколько месяцев Френсик получил четыре ксерокопии правленых черновиков романа Пипера и упрятал их в недосягаемый архив. Если Пиперу угодно, не жалея времени, переписывать чертов роман в ущерб всякому читательскому интересу — пусть переписывает. Френсик ничуть не обязан таскаться с его писаниями по издателям. Но угроза обратиться напрямик к Коркадилам — это, мягко говоря, совсем другая петрушка. Пипер умер, похоронен и получает за это хорошие деньги. Каждый месяц Френсик присматривал, чтобы отчисления с продажи «Девства» регулярно переводились на счет номер 478 776, и дивился американской налоговой системе, по-видимому безразличной к тому, жив или умер налогоплательщик. То ли Пипер исправно платил налоги, то ли Бэби Хатчмейер особым способом устранила всякие налоговые сложности. Это, в общем, Френсика не касалось. Он высчитывал комиссионные и переводил остальное. Но раз Пипер угрожает пойти к Коркадилу или обратиться к другому агенту — это уж его, Френсика, касается. Этому определенно не бывать.

Френсик повертел письмо в руках и рассмотрел марку на конверте. Пришло из какого-то Библиополиса, штат Алабама. «Пиперу только и жить в таком идиотском городе»,— мрачно подумал он, размышляя, как отвечать. Может, вообще не отвечать? Пожалуй, вернее всего не обращать внимания на угрозу. Зачем оставлять письменные улики, что он знает о пиперовском посмертном существовании? «А потом он потребует, чтобы я сам явился к нему обсудить дело. Только этого и не хватало». Френсик и так вдоволь погонялся за призрачными авторами.

Миссис Богден, напротив, отнюдь не оставила погоню за мужчиной, сделавшим ей предложение. После жуткого телефонного разговора с Джефри Коркадилом она поплакала, подкрасилась и вернулась к обычным делам. Несколько недель она прожила в надежде, что он вдруг позвонит или пришлет еще один ворох алых роз; но эти надежды зачахли. Обнадеживал только алмазный блеск солитера на пальце, и, конечно, ее машинистки не должны были заподозрить, что с помолвкой неладно. Для них она изображала затяжные уик-энды и выдумывала свадебные отсрочки. Однако недели слагались в месяцы, и Синтия перешла от разочарования к решимости. Положим, иной раз лучше быть пойманной, чем неуловимой оттого, что тебя не ловят, но выглядеть дурой перед подчиненными — это уж слишком.

И миссис Богден задалась целью отыскать жениха. Его исчезновение доказывало, что она ему не нужна, а пятьсот фунтов, потраченные на кольцо, свидетельствовали, что ему было от нее что-то нужно. Деловой ум миссис Богден подсказывал ей, что одна ночь с нею вряд ли стоит таких непомерных издержек. Если это жест, то жест идиотский, а в гордыне своей она не могла счесть идиотом единственного человека, который сделал ей предложение после ее развода.

Нет, должно найтись какое-то объяснение; и, перебирая события незабвенных суток, она припомнила, что в разговоре почему-то все время всплывал роман «Девства ради помедлите о мужчины». Во-первых, жених ее назвался Джефри Коркадилом; во-вторых, слишком уж часто он заводил речь о перепечатке романа; в-третьих, любовный шифр, а шифром этим послужил телефонный номер, по которому она консультировалась во время перепечатки. Синтия Богден снова позвонила по нему, но там не отвечали, а через неделю телефон и вовсе перестал соединяться. Она просмотрела всех Пиперов в телефонной книге: номера 20357 ни у кого из них не было. Она позвонила в центральное справочное, спросила адрес и фамилию абонента, но там отказались дать такую справку. Зайдя в тупик этим путем, она испробовала другой. Ей было велено отправить законченную перепечатку Кэдволладайну и Димкинсу, стряпчим, а черновик вернуть в «Ллойдз банк». Миссис Богден позвонила мистеру Кэдволладайну, но, к изумлению ее, оказалось, что он не помнит, получал ли машинопись. «Вполне вероятно,— сказал он,— но у нас столько всяких дел, что...»

Миссис Богден не отставала, и наконец ей было сказано, что поверенные не вправе разглашать конфиденциальную информацию. Миссис Богден этот ответ не удовлетворил. Неудачи лишь укрепляли ее решимость, равно как и ехидные вопросики ее «девочек». Соображала она медленно, но упорно. Она проследовала мыслью от банка до своего машинописного бюро, от бюро к мистеру Кэдволладайну и от мистера Кэдволладайна к Коркадилам. Ее тоже заинтриговала таинственность, какой была обставлена вся эта процедура. Автор, доступный лишь по засекреченному телефону, поверенный... Чутья Френсика у нее, конечно, не было, но она упорно обнюхивала остывший след и как-то, поздно вечером, поняла, почему мистер Кэдволладайн отказался сообщить ей, откуда отослал машинопись. А отослал безусловно, раз Коркадилы издали книгу. Значит, между Кэдволладайном и Коркадилами был еще кто-то, и этот кто-то — почти наверняка литературный агент. Синтия Богден лежала, не смыкая глаз, и обдумывала свое открытие: да, нашлось недостающее звено цепи. Встала она рано, в полдевятого явилась в контору, а в девять позвонила Коркадилам и попросила к телефону редактора «Девства». Он пока не пришел. Она снова позвонила в десять: его еще не было. Добралась она до него без четверти одиннадцать, и к тому времени изыскала нужный подход — самый прямой.

— Я заведую машинописным бюро,— сказала она,— и вот только что кончила печатать роман одной моей подруги, которая очень хотела бы не ошибиться с литературным агентом, так нельзя ли....

— Боюсь, что тут мы не сможем вам ничего посоветовать,— сказал мистер Тэйт.

— О, конечно, я понимаю,— робким голоском сказала миссис Богден,— но вы опубликовали этот дивный роман «Девства ради помедлите о мужчины», и подруга моя просила меня адресоваться к тому же литературному агенту. Я сочла, что никто лучше вас...

Мистер Тэйт оказался податлив на лесть.

— «Френсик и Футл», Ланьярд-Лейн? — переспросила она.

— Ах да, теперь просто «Френсик»,— сказал мистер Тэйт. — Мисс Футл там уже нет.

Но миссис Богден уже не было на проводе. Она дала отбой и на-

брала номер справочной. Через несколько минут она узнала телефон Френсика. Интуиция говорила ей, что она близка к цели. Она немного посидела, ожидая наития из глубины солитера. Позвонить или... Ох, недаром мистер Кэдволладайн так скрытничал. Она решительно встала из-за стола, приказала старшей машинистке сегодня замещать ее и успела на поезд 11.55. Через два часа она подошла по Ланьярд-Лейн к дому номер 36 и поднялась в контору Френсика.

По счастью, Френсик в это время обедал с перспективным новым автором в итальянском ресторанчике за углом. Они вышли оттуда в четверть третьего и направились обратно в контору. На первой площадке Френсик остановился.

— Поднимайтесь,— сказал он,— я буду через минуту.

Он зашел в уборную и заперся, а перспективный новый автор проследовал наверх. Когда Френсик снова появился на площадке и поставил ногу на первую ступеньку, до него донесся слишком знакомый голос.

— Вы мистер Френсик? — спросил голос. Френсик так и замер.

— Я? — рассмеялся молодой перспективный автор. — Нет, я насчет книги. А мистер Френсик внизу, он сейчас поднимется.

Френсик и не думал подниматься. Он кубарем скатился по лестнице и выскочил на улицу. Эта бабища выследила его. Что теперь делать? Он вернулся в итальянский ресторан и сел за угловой столик. Как же она ухитрилась его разыскать? Неужели обалдуй Кэдволладайн... А, не важно. Надо что-то придумывать. Не может же он просидеть весь день в ресторане, а встретиться с миссис Богден так же немыслимо, как и бежать от нее. Бежать? А может, улететь? Если он не появится в конторе, перспективный молодой автор... Да пес с ним, с молодым и перспективным. От миссис Богден второй раз не уйдешь... Френсик сделал знак официанту.

— Листок бумаги, будьте добры. — Он набросал несколько строк автору, извинившись и объяснив, что внезапно занемог; потом попросил официанта доставить записку, сопроводив просьбу пятифунтовой бумажкой. Френсик вышел из ресторана вслед за ним и подозвал такси.

— Глас-Уок, Хампстед,— сказал он и быстро залез в машину. Правда, домой — это не спасение. Миссис Богден живенько доберется до него. Положим, он не станет открывать дверь на звонок. Ну и что? Миссис Богден с ее настойчивостью, сорокапятилетняя женщина, которая выслеживала добычу несколько месяцев... нет, тут было чего испугаться. Она ни перед чем не остановится. В свою квартиру он вошел в паническом ужасе. Войдя, он запер за собой дверь и задвинул засовы. Потом уселся в кабинете обдумывать ситуацию. Зазвонил телефон. Он механически поднял трубку.

— Френсик слушает,— сказал он.

— Говорит Синтия,— отозвался сипловатый голос. Френсик шваркнул трубку и, чтобы помешать новому звонку, тут же схватил ее и набрал номер Джефри.

— Джефри, дорогой мой,— сказал он Коркадилу,— вы не могли бы...

— Да я вас уже три часа ловлю,— не дал ему закончить Джефри. — Мне прислали совершенно поразительную рукопись. Вы не поверите, но в таком городе, который называется, представьте себе, Библиополис, живет какой-то сумасшедший... Но правда же, глаза на лоб лезут. Библиополис, штат Алабама... Ну так вот он, извольте видеть, объявляет, будто он — наш дорогой покойник Питер Пипер, и не соблаговолим ли мы, кавычки, исполнить обязательства, записанные в договоре, кавычки закрываются, опубликовать его роман «Поиски утраченного детства?» Невероятно, а между тем подпись...

— Джефри, милый,— сказал Френсик наинежнейшим тоном, как бы отгораживаясь от женских прелестей миссис Богден и заодно го-

товя Коркадила к тому, что воспоследует,— с вашего разрешения я вам кое-что объясню...

Он торопливо объяснял минут пять и повесил трубку. Потом с неимоверной быстротой уложил два чемодана, вызвал такси, оставил записку молочнику, отменив свои две пинты в день, схватил чековую книжку, паспорт и портфель с рукописями Пипера — и через полчаса затаскивал пожитки в дом Джефри Коркадила. Пустая квартира на Глас-Уок была тщательно заперта и на звонки прибывшей Синтии Богден никак не отзывалась. Френсик сидел в гостиной, потягивал бренди и затягивал хозяина в антихатчмейеровский заговор. Джефри глядел на него, вылупив глаза.

— Вы хотите сказать, что вы преднамеренно ввели в заблуждение Хатчмейера — и меня, если уж на то пошло,—уверив его, будто этот бешеный Пипер написал «Девство»? — спросил он.

— Пришлось,— печально сказал Френсик. — Если бы я не уверил, все бы рухнуло. Откажись Хатчмейер от сделки — где бы мы были?

— Ну, уж такого безобразия не приключилось бы, это я вам твердо скажу.

— Вы бы обанкротились,— сказал Френсик. — Вас же «Девство» спасло. Вы на нем изрядно подзаработали, да я вам и еще кое-что прислал. Теперь ведь Коркадилы на очень хорошем счету.

— Это, может быть, и верно,— слегка смягчился Джефри,— но хороша будет фирма, когда выяснится, что Пипер, автор «Девства»...

— Не выяснится,— сказал Френсик. — Это я вам обещаю. — Джефри с сомнением поглядел на него.

— Ваши обещания... — начал он.

— Придется вам довериться мне,— сказал Френсик.

— Довериться вам — после всего? Нет уж извините, моего доверия вам не видать как своих...

— Ничего не поделаешь. Помните договор, который вы подписали? Где обусловливался пятидесятитысячный аванс за «Девство»?

— Вы его разорвали,— сказал Джефри. — Я сам видел.

— Я-то разорвал,— кивнул Френсик,— а Хатчмейер — нет. Он наверняка сделал фотокопию, и в суде вам нелегко будет объяснить, как это вы подписали два договора на одну и ту же книгу. Нет, Джефри, это не смотрится, никак не смотрится.

Джефри и сам видел, что не смотрится. Он присел.

— Так чего же вам надо? — спросил он.

— Мне нужна постель на ночь,— сказал Френсик,— а завтра утром я пойду в американское посольство за визой.

— Не понимаю все-таки, зачем вам у меня ночевать,— сказал Джефри.

— Поглядели бы на нее — поняли бы,— сказал Френсик как мужчина мужчине. Джефри подлил ему бренди.

— Со Свеном надо будет объясняться,— сказал он. — Свен несносно ревнивый. Да, кстати, кто же все-таки написал «Девство»?

— Этого я вам не скажу,— покачал головой Френсик. — Кое-чего лучше вам не знать. Скажем так, покойник Питер Пипер.

— Покойник? — передернул плечами Джефри. — Странное слово, когда говоришь о живых.

— Да и о мертвых тоже,— заметил Френсик. — А то ведь сегодня покойник, а завтра объявится. Ну что ж, лучше завтра, чем никогда.

— Хотел бы я разделить ваш оптимизм,— сказал Джефри.

На следующее утро, после беспокойной ночи в незнакомой постели, Френсик отправился в американское посольство и получил визу. Потом сходил в банк; потом купил обратный билет из Флориды.

Рейс его был ночной. Он пересек океан в полупьяном оцепенении и долетел из Майами в Атланту на другой день, долетел, изнывая от жары, дурноты и предчувствий. Чтобы не торопить события, он провел ночь в отеле, изучая карту Алабамы. Карта была подробная, но Библиополис на ней не значился. Он обратился к дежурному, но тот ни о чем таком в жизни не слышал.

— Вы доезжайте до Зельмы, а там спросите,— посоветовал он Френсику. Френсик доехал автобусом до Зельмы и пошел на почтамт.

— Глубинка. Бассейн Миссисипи,— сказали ему. — Где-то за болотами на Мертвечихе. Миль сто по Восьмидесятому шоссе, а там к северу. Вы из Новой Англии?

— Из Старой Англии,— сказал Френсик,— а что?

— Да они там северян не любят. Говорят — чертовы янки. Живут в прошлом.

— Кого я ищу, тот живет там же,— сказал Френсик и пошел брать напрокат автомобиль. Конторщик усугубил его предчувствия.

— Поедете по Кровавой Трассе — поберегитесь,— сказал он.

— По Кровавой Трассе? — тревожно переспросил Френсик.

— Так у них называется Восьмидесятое шоссе до Меридиана. Народу там сгинуло видимо-невидимо.

— А нет какого-нибудь иного пути на Библиополис?

— Да можно ехать проселками, только заблудитесь. Вернее уж по Кровавой Трассе.

Френсик заколебался.

— Шофера нанять нельзя? — спросил он.

— Сегодня поздно,— сказал конторщик. — Субботний вечер, все разошлись по домам, а завтра опять же воскресенье.

Френсик поехал к себе в отель. Нет уж, на ночь глядя не поедет он в Библиополис по Кровавой Трассе. Лучше завтра утром.

Наутро он отправился в путь спозаранку. Солнце сияло с безоблачных высот, и день был яркий и чистый, не то что его душевный пейзаж. Та шалая решимость, с которой он покинул Лондон, сникла и сникала все больше с каждой милей на запад. Лес придвинулся к дороге, и Френсик чуть не повернул назад прежде выцветшего указателя ДО БИБЛИОПОЛИСА 15 МИЛЬ. Но понюшка табаку и мысль о том, что будет, если воскресший Пипер не уймется, придали ему храбрости. Френсик свернул направо по лесной грунтовой дороге, стараясь не глядеть на черные лужи и на деревья, полузадушенные лианами. И точно как у Пипера несколько месяцев назад, у него посветлело на душе, когда дорога пошла лугами, мимо скотины, пасшейся в высокой траве. Однако же заброшенные хижины угнетали его, и ленивые бурые струи Мертвечихи тоже не радовали. Наконец дорога свернула налево, и Френсик увидел за рекой Библиополис. Дорога распахнется, обещала девица в Зельме, но она здесь явно не бывала. Дорога, наоборот, уперлась в реку. Городок сгрудился у площади и стоял недвижим и неизменен с начала девятнадцатого столетия. И паром, который вскоре двинулся к нему усилиями старика, перебиравшего веревку, тоже явился откуда-то из глубины веков. Да, глубинка, подумал Френсик.

— Мне нужен некий Пипер,— сказал он паромщику.

— Так я и думал,— кивнул тот. — Многие приезжают его послушать. А не его — так преподобную Бэби.

— Послушать? — удивился Френсик. — Он что, проповедует?

— А как же. Учит божьему слову.

Френсик поднял брови. Пипер — проповедник? Это что-то новое.

— А где его найти? — спросил он.

— Он в Пеллагре.

— Болен пеллагрой? — обнадеженно заинтересовался Френсик.

— Да нет, в усадьбе,— старик показал на большой дом с высоки-

ми белыми колоннами. — Вон Пеллагра. Раньше там жили Стопсы, только все перемерли.

— Ничего удивительного,— сказал Френсик, окинув мыслью нехватку витаминов, глашатаев контроля рождаемости, обезьяний процесс и округ Йокнапатофа. Он вручил паромщику доллар и выехал подъездной аллейкой к открытым воротам: объявление по одну сторону гласило крупным курсивом: КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ ПИПЕРА, по другую указующий перст направлял к ЦЕРКВИ ДАЛЬНЕГО УМЫСЛА. Френсик остановил машину, не в силах оторвать глаз от громадного перста. Церковь Дальнего Умысла? Ц-е-р-к-о-в-ь? Вне всяких сомнений, он достиг своей цели. Но что за религиозная мания одолела Пипера? Он припарковался возле других автомобилей у большого белого строения: балкон второго этажа выставлял над колоннадой витые чугунные перила. Френсик вылез из машины и взошел по ступеням к парадному. Дверь подалась. Френсик заглянул в вестибюль. На дверях слева было начертано «СКРИПТОРИЙ», а справа гулко доносился настоятельский голос. Френсик прошел по мраморным плитам и прислушался. Голос явственно пиперовский, но прежней неуверенности в нем как не бывало; появился скрежещущий напор. Все же голос был знакомый, как и слова.

— «И мы не должны (причем «долг» в данном случае открыто подразумевает выдержанную целеустремленность и неуклонное соблюдение нравственных обязательств) позволять вводить себя в заблуждение кажущейся наивностью, столь часто приписываемой недалекими критиками малютке Нелл. Мы должны понять, что чувство, а не чувствительность диктует...»

Френсик отшатнулся от дверей. Он понял, откуда взялось евангелие у Церкви Дальнего Умысла. Пипер скандировал статью доктора Лаут «Должный подход к «Лавке древностей». Даже религия у него с чужого плеча. Френсик уселся в кресло у стены, смиряя подступающий гнев. «Ну, захребетник»,— пробормотал он и заодно послал проклятие доктору Лаут. Апофеоз этой страшной женщины, первопричины всех нынешних невзгод, происходил здесь, где только и читают что Библию. Френсик уже не гневался, а ярился. Библию, видите ли, читают! Библиополису понадобилась Библия! Вместо великолепной библейской прозы Пипер внедрял жалкий слог, путаные, неровные построения, пуританскую сухость доктора Лаут — лишь бы никто не получил радости ни от какого чтения! И кто внедрял — человечек, который и писать-то ни за что на свете... На секунду Френсику показалось, что он проник в сердцевину великого заговора против жизни. Да какой там заговор — просто паранойя. И Пипер сделался рьяным миссионером вовсе не потому, что был к этому призван. Псевдолитературная мутация превратила самого Френсика из начинающего романиста в шустрого литературного агента; она же с помощью «Нравственного романа» изничтожила тот несчастный талант, который, может статься, когда-то был у Пипера. А теперь он стал разносчиком словесной заразы. Когда голос перестал бубнить и слушатели гуськом проследовали к машинам, заразившись нравственной целеустремленностью, Френсик был уже в бешенстве.

Он пересек вестибюль и вошел в Храм Дальнего Умысла. Пипер прятал книгу с благоговением священника, прибирающего Тело Христово. Френсик выждал, стоя в дверях. Ради этого мига он и приехал. Пипер затворил шкаф и обернулся. Благоговение сползло с его лица.

— Это вы,— проговорил он.

— А кто же еще? — громко отчеканил Френсик, чтобы разогнать зловоние литературного святошества. — Вы ожидали явления Конрада?

— Что вам надо? — побледнел Пипер.

— Надо? — сказал Френсик, сел на скамью и взял понюшку та-

баку. — Да просто пора кончать идиотскую игру в прятки. — Он вытер нос малиновым платком.

Пипер поразмыслил и пошел к дверям.

— Здесь нельзя,— пробормотал он.

— Почему же? — спросил Френсик — Место не хуже всякого другого.

— Не поймете,— сказал Пипер и вышел. Френсик грубо просморкался и последовал за ним.

— Ишь ведь, такой мелкий вымогатель, и такие большие претензии,— заметил он, нагнав Пипера в вестибюле. — А уж сколько похабства про «Лавку древностей»...

— Это не похабство,— сказал Пипер,— и не смейте называть меня вымогателем. Вы это начали, и правда есть правда.

— Правда? — сказал Френсик с гадким смешком. — Если уж вы хотите правды, то получите ее. Затем я сюда и приехал. — Он показал на дверь, надписанную «СКРИПТОРИЙ». — А там что?

— Там я учу людей писать,— сказал Пипер.

Френсик посмотрел на него и снова рассмеялся.

— Шутник,— сказал он и растворил двери. Внутри были ряды парт, и на них — чернильницы. Стены увешаны образцами почерка, перед партами — доска. Френсик огляделся.

— Очаровательно. Скрипторий, значит. А Плагиатория нет?

— Чего нет? — не понял Пипер.

— Надо же где-то обучать списыванию. Или вы это прямо здесь? Ну да, уж учить, так всему заодно. Как это у вас поставлено? Каждому студенту по бестселлеру в зубы, а вы сдуваете у всех сразу?

— Вы гадко и грубо зубоскалите,— сказал Пипер. — Сам я пишу у себя в кабинете. А здесь я только учу, как писать — а не что.

— Ах, вот оно что. Учите — как? — Френсик поднял бутыль и встряхнул ее. Жирная слякоть мазнула стенки. — Чернила, я вижу, по-прежнему испаряете.

— Нужна соответственная густота,— сказал Пипер, но Френсик поставил бутылку и повернулся к дверям.

— А где же ваш пресловутый кабинет? — спросил он. Пипер медленно взошел по лестнице и отворил еще одну дверь. Френсик ступил внутрь. Стены обставлены стеллажами, и большой стол перед окном, выходящим на реку, над паромным причалом. Френсик окинул взглядом книги, все в кожаных переплетах. Диккенс, Конрад, Джеймс...

— Ветхий завет,— сказал он и снял с полки «Миддлмарч». Пипер выхватил у него книгу и поставил ее обратно.

— Это что, нынешний образец? — спросил Френсик.

— Это целый мир, это вселенная, недоступная вашему жалкому пониманию,— гневно сказал Пипер. Френсик пожал плечами. В словах Пипера было столько пафоса, что решимость его ослабела. Но Френсик взял себя в руки и повел дело грубее.

— Не худо вы тут устроились,— сказал он, усевшись и закинув ноги на стол. Позади него Пипер побелел от такого святотатства. — Куратор музея, присвоитель чужих романов и вымогатель чужих гонораров — а как насчет интимной жизни? — Он на всякий случай придвинул к себе разрезной нож. Надо бить наотмашь — а черт его знает, как Пипер отреагирует.— Пристроились к покойнице миссис Хатчмейер?

Сзади раздалось шипенье, и Френсик обернулся. Худое лицо Пипера словно еще осунулось, суженные в щелки глаза сверкали злобой. Френсик нащупал нож. Он побаивался, но отступать было поздно: слишком далеко зашел.

— Мое дело, конечно, сторона,— сказал он, отвечая взглядом на взгляд,— но ведь к мертвечинке у вас особое пристрастие. Сперва вы обдирали покойных авторов, потом потребовали из-за гроба два мил-

лиона долларов и, уж само собой, не обошли вниманием и усопшую миссис...

— Не смейте так говорить! — вскрикнул Пипер пронзительно-яростным голосом.

— Почему же не сметь? — сказал Френсик. — И вообще исповедь — она, знаете, облегчает душу.

— Это неправда,— выговорил Пипер, тяжело дыша.

— Что неправда? — злобно ухмыляясь, поинтересовался Френсик. — Правда, как известно, сама скажется. В данном случае моими устами. — Он встал с угрожающим видом, и Пипер отпрянул.

— Довольно. Перестаньте. Ничего больше слышать не хочу. Уйдите и оставьте меня в покое.

— А вы мне пришлете еще одну рукопись и потребуете ее публикации? Нет уж, хватит,— покачал головой Френсик. — Придется вам узнать правду, я ею заткну вашу слюнявую...

Пипер закрыл уши руками.

— Не буду! — крикнул он. — Я вас не буду слушать!

— А слушать и необязательно. Вот прочитайте. — И Френсик достал из кармана отречение доктора Лаут. Он протянул листок Пиперу, и тот взял его. Френсик присел на стул. Кризис миновал, опасаться больше нечего. Может, Пипер и помешанный, но не буйный, его не тронет. И Френсик с какой-то обновленной жалостью смотрел, как тот читает письмо. Не человек, а ходячее недоразумение. Прирожденный писатель, для которого вся жизнь в словах, написать ничего не способный. Пипер дочитал письмо и поднял глаза.

— Что это значит? — спросил он.

— Читайте между строк,— посоветовал Френсик.— Что несравненная доктор Лаут — автор «Девства». Вот что это значит.

Пипер снова поглядел на листок.

— Но ведь тут же сказано, что она не автор.

— Вот именно,— усмехнулся Френсик.— А зачем бы ей это говорить? Посудите сами. Зачем отрицать то, чего никто не утверждает?

— Не понимаю,— сказал Пипер,— это какая-то бессмыслица.

— Смысл здесь тот, что ее шантажировали,— сказал Френсик.

— Шантажировали? Кто?

Френсик запихнул понюшку.

— Вы. Вы угрожали мне, а я ей.

— Но...— Пипер никак не мог уразуметь связи. В его головенке все это не укладывалось.

— Вы грозили меня разоблачить, а я передал угрозу по назначению,— пояснил Френсик.— Доктор Сидни Лаут пожертвовала двумя миллионами, лишь бы не прослыть автором «Девства». И стоит — с ее-то репутацией!

— Я вам не верю,— проговорил Пипер. Глаза его остекленели.

— И не надо,— сказал Френсик.— Плевал я на ваше доверие. Но вот только объявитесь перед Хатчмейером живым и невредимым — и посмотрите, что будет. Все выйдет наружу и разнесется по свету. Про меня, про вас, про пятое-десятое — и не быть больше доктору Лаут влиятельным критиком. В литературном мире на нее, мерзавку, пальцами станут показывать. Вы-то тем временем будете сидеть за решеткой. И я, уж конечно, останусь без гроша — но зато хоть не придется никому всучивать ваши вонючие «Поиски утраченного детства». Все-таки утешение.

Пипер расслабленно опустился на стул.

— Итак? — сказал Френсик, но Пипер только головой помотал. Френсик забрал у него письмо и повернулся к окну. Всё, он обставил этого недотепу. Не будет больше ни угроз, ни рукописей. С Пипером покончено; пора уезжать. Френсик поглядел на бурую реку и лес поодаль: непривычный, иноземный пейзаж, пышновато-зловещий и

такой далекий от уютного мирка, который надлежало оберечь от здешних посягательств. Он прошел к дверям, вниз по широкой лестнице и через пустой вестибюль. Что ж — домой и как можно быстрее.

Но когда он подъехал к парому, оказалось, что плот у того берега, а паромщика нет. Френсик позвонил в колокол, но никто не отозвался. Он немного подождал на солнцепеке. Стояла тишь, и только бурая вода похлюпывала внизу возле берега. Френсик снова сел в машину и выехал на площадь. Здесь тоже не было ни души. Черные тени жестяных магазинных навесов, беленая церковь, деревянная скамья у подножия статуи посреди площади, слепые окна. Френсик вылез и огляделся. Часы на здании суда показывали полдень. Должно быть, все обедают, однако в этом безлюдье была жутковатая мерзость запустения; черная путаница деревьев и подлеска, замыкая горизонт, наползала из-за реки; тускло голубело пустое небо. Френсик обошел площадь и вернулся в машину. Может быть, паром тем временем... но он по-прежнему стоял у того берега, и когда Френсик потянул за веревку, даже не шелохнулся. Он снова ударил в колокол. Звук точно в воду канул, и Френсику стало уж совсем не по себе. Наконец он оставил машину над пристанью и пошел тропкой по берегу реки. Тропка поплутала под дубами в мшистых бородах и привела его на кладбище. Взглянув на надгробья, Френсик повернул назад.

Может быть, взять курс на запад — и отыщется какая-нибудь боковая дорога к Восьмидесятому шоссе? «Кровавая Трасса» — это звучало теперь прямо-таки заманчиво. Но карты у него не было, и, проехав по переулкам, которые оказывались тупиками или выводили к заросшим лесным колеям, Френсик повернул назад. Может, паромщик вернулся. Он поглядел на часы: уже два, наверняка появятся какие-нибудь люди.

Люди появились. Когда он выехал на площадь, несколько угрюмых мужчин, стоявших у здания суда, сошли с тротуара на мостовую и преградили ему путь. Френсик остановил машину, опасливо приглядываясь к ним сквозь ветровое стекло. У каждого на поясе была кобура, а у самого мрачного — звезда на груди. Он подошел сбоку и наклонился к окну, обнажив крупные желтые зубы.

— Фамилия Френсик? — спросил он. Френсик кивнул.— Тебе надо к судье,— продолжал тот.— Пойдешь добром или?..

Френсик пошел добром; угрюмая компания следовала за ним по ступеням суда. Внутри здания было темно и прохладно. Френсик замешкался, но долговязый шериф указал нужную дверь.

— Судья в кабинете,— сказал он.— Заходи.

Френсик вошел. За огромным столом восседала Бэби Хатчмейер в судейской мантии; в ее лице, всегда жестком, не было ни кровинки. Френсик узнал ее с первого взгляда.

— Миссис Хатчмейер...— вымолвил он,— покойная миссис Хатчмейер?

— Для вас — судья Хатчмейер,— отрезала Бэби,— а насчет покойных лучше оставим, если не хотите без проволочек именоваться покойным мистером Френсиком.

Френсик сглотнул слюну и посмотрел через плечо. Шериф подпирал двери спиной: на поясе его явственно поблескивал револьвер.

— Нельзя ли все-таки узнать, в чем дело? — спросил он, прерывая многозначительное молчание.

Судья кинула взгляд на шерифа.

— Что ему предъявляется? — спросила она.

— Угрозы и запугивание,— отвечал шериф.— Незарегистрированное огнестрельное оружие. Запасное колесо с героином. Вымогательство. Что скажете, судья, то и пришьем.

Френсик плюхнулся на стул.

— Героин? — ахнул он.— Как, то есть, героин? У меня никакого героина...

— По-вашему, никакого? — спросила Бэби.— Херб вам покажет, правда, Херб?

Шериф за спиной Френсика кивнул.

— Его машину, поди, уже разобрали в гараже неподалеку,— сказал он.— Если надо, улики сейчас будут.

Но Френсику не надо было улик. Он втянулся в стул и смотрел на мертвенное лицо Бэби.

— Чего вы хотите? — выговорил он наконец.

— Правосудия,— кратко ответствовала Бэби.

— Правосудия? — усомнился Френсик.— Это вы-то говорите о правосудии, а сами...

— Показания будете давать сейчас или завтра на суде? — осведомилась Бэби.

Френсик опять поглядел через плечо.

— Я бы хотел дать показания незамедлительно, только с глазу на глаз,— сказал он.

— Побудь снаружи, Херб,— кивнула Бэби шерифу.— Далеко не отходи. Может быть, придется...

— Не придется,— поспешно сказал Френсик.— Уверяю, что нет.

Бэби одним движением отмахнулась от его уверений и удалила Херба. Когда дверь затворилась, Френсик достал платок и отер пот с лица.

— Так,— сказала Бэби.— Слушаю ваши показания.

Френсик подался вперед. Он хотел было сказать: «Вы же не можете так со мной поступить», но это клише, затертое его бесчисленными авторами, явно не годилось. Она могла. Он был в Библиополисе, а Библиополиса не было на карте мира.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он слабым голосом.

Судья Бэби откинулась в кресле.

— С вашей стороны, мистер Френсик, это любопытный вопрос,— заметила она.— Вы являетесь в наш город, запугиваете одного из наших граждан, угрожаете ему и теперь спрашиваете, чего я хочу от вас.

— Я не угрожал и не запугивал,— возразил Френсик.— Я приехал сказать Пиперу, чтобы он больше не слал мне рукописей. Он мне угрожал, а не я ему.

— Если вы так собираетесь защищаться, то скажу заранее, что в Библиополисе вам никто не поверит,— покачала головой Бэби.— Мистер Пипер известен как самый мирный, самый незлобивый из здешних обитателей.

— Здесь он, может быть, и мирный,— сказал Френсик,— но из Лондона...

— Вы сейчас не в Лондоне,— сказала Бэби,— вы сидите у меня в кабинете — скажите спасибо, если под себя не наделаете.

Френсик воспротивился.

— Вы бы, может быть, тоже наделали под себя,— сказал он,— если бы вам предъявили обвинение, что у вас запасное колесо с героином.

— Тут вы, пожалуй, правы,— кивнула Бэби,— за это вам причитается пожизненное. Угрозы и запугивание, оружие и вымогательство — в сумме пожизненное плюс девяносто девять лет. Вы уж лучше подумайте, а потом говорите.

Френсик подумал и заметил, что трясется еще сильнее: и то правда, как бы под себя не наделать.

— Запугиваете,— выдохнул он.

— Да ничуть,— улыбнулась Бэби.— Кстати, тюремный сторож —

дьякон у меня в церкви. Девяносто девять лет вам сидеть не придется. Самое большее три месяца, только в кандалах. И смерть натуральная: змеи и тому подобное. Вы ведь полюбовались на наше маленькое кладбище?

Френсик кивнул.

— Там для вас места хватит,— продолжала Бэби.— Надгробия не будет, надписи тоже — кому это надо? Бугорок и травка, вот и все. Выбирайте.

— Между чем и чем? — спросил Френсик, обретя голос.

— Между пожизненным плюс девяносто девять и тем, что я вам посоветую.

— Пусть будет, как вы мне посоветуете,— сказал Френсик, который не видел возможности выбирать.

— Что ж,— сказала Бэби,— в таком случае признавайтесь.

— Признаваться? В чем?

— Да в том, что вы сами написали «Девства ради помедлите о мужчины» и свалили это на мистера Пипера, обманули Хатча, заставили мисс Футл поджечь усадьбу и...

— Нет,— вскрикнул Френсик.— Нет, никогда. Я скорее...— Он замолк. Что он — скорее? На лице у Бэби было такое выражение...— Не понимаю, зачем мне в этом признаваться? — сказал он.

Бэби чуть-чуть расслабилась.

— Вы украли у него доброе имя. Теперь верните,— сказала она.

— Доброе имя? — не понял Френсик.

— Под его именем вы издали эту грязную книжонку,— сказала Бэби.

— Да у него до этого не было никакого имени,— сказал Френсик,— он ничего не опубликовал, и теперь, став, так сказать, мертвецом, тоже ничего не опубликует.

— Опубликует,— возразила Бэби, подавшись вперед.— Вы ему отдадите свое имя. «Поиски утраченного детства», роман Фредрика Френсика.

Френсик уставился на нее. Совершенно сумасшедшая женщина.

— «Поиски» под моим именем? — спросил он.— Да вы ничего не понимаете. Я эти чертовы «Поиски» всучивал без толку всем лондонским издательствам. Их же читать невозможно.

Бэби неприятно улыбнулась.

— А это уж ваше дело. Опубликуете, и все его будущие книги тоже выйдут под вашим именем. Либо так, либо в кандалы.

Она глянула в окно на черные деревья и тусклое небо, и Френсик проследил за ее взглядом. Пустое будущее, скорая смерть. Нет, с нею не поспоришь.

— Хорошо,— сказал он,— сделаю все, что смогу.

— Нет, вы больше сделаете. Вы сделаете именно так, как я вам скажу.— Она достала лист бумаги и протянула ему ручку.— Пишите,— сказала она.

Френсик пододвинул стул и стал писать дрожащей рукой под ее диктовку. Он признался, что увиливал от британских налогов, переведя два миллиона долларов и последующие отчисления на счет номер 478 776 в нью-йоркском Первом государственном банке; что он побуждал своего партнера, бывшую мисс Футл, поджечь усадьбу Хатчмейера... То, что он делал, так переплелось с тем, чего он не делал, что под допросом опытного обвинителя ему в жизни не выпутаться. Бэби прочла и заверила его подпись. Потом позвала Херба, и он тоже заверил.

— Это поможет вам идти стезей добродетели,— сказала она.— Только пикните, только попробуйте, вопреки своим обязательствам, не опубликовать роман мистера Пипера — и все это пойдет к Хатчмейеру, в страховую компанию, в ФБР и в налоговое управление,

так что бросьте-ка ухмыляться.— А Френсик не ухмылялся. У него был нервный тик.— Если вы думаете, что кинетесь к властям и сообщите, что я в Библиополисе, то это вы тоже оставьте. У меня здесь хватает друзей, и если я скажу: нет меня, другие повторят и засвидетельствуют. Понятно?

— Совершенно понятно,— кивнул Френсик.

Бэби встала и сбросила мантию.

— Ну, а на случай, если не совершенно понятно,— сказала она,— мы поставим вас обеими ногами на путь спасения.

Они вышли в вестибюль, к угрюмым мужчинам.

— Мальчики, у нас новообращенный,— объявила она.— Увидимся в церкви.

Френсик сидел в первом ряду молельни Служителей Божьих. Прямо перед ним ясная и спокойная Бэби вершила радение. Церковь была заполнена; Херб сидел рядом с Френсиком, и они глядели в один песнослов. Спели «Телефонируем ко славе», «Скала нерушимая» и «Мы сберемся у реки». Херб толкал Френсика в бок, и он пел в унисон. Наконец Бэби произнесла проповедь, отправляясь от текста «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг издателям и грешникам» и не спуская глаз с Френсика,— а прихожане воспели «Библиополис, любовь — наш стяг». Френсику приспело время спасаться. Он вышел нетвердым шагом и рухнул на колени. Змеилища в Библиополисе были упразднены, но Френсик оцепенел без всяких змей. Над ним сиял лик Бэби. Она снова победила.

— Именем Господним скрепи договор,— сказала она. И Френсик скрепил.

Он скреплял договор именем дьявола, когда часом позже сидел в машине и переправлялся через реку. Он взглянул на Дворец Пеллагры: верхний этаж светился. Наверное, Пипер сидит над романом, который Френсику придется сбывать под собственным именем. Он рывком вырулил с парома; прокатный автомобиль затрясся на ухабах, и фары его освещали черные лужи, поблескивавшие под сплетенными деревьями. После Библиополиса эти мрачные виды были ему нипочем. Нормальный мир, обычные опасности — против них что-нибудь да найдется. Против Бэби Хатчмейер не найдется ничего. Френсик снова скрепил договор, помянувши всуе имя Господне.

Во Дворце Пеллагры, у себя в кабинете, Пипер молча сидел за столом. Перо торчало из чернильницы. Он глядел на письменное ручательство Френсика, что «Поиски утраченного детства» будут опубликованы, если понадобится, за его счет. Наконец-то Пипер проникнет в печать. Не важно, что под именем Френсика. Когда-нибудь мир узнает истину. Или, пожалуй, еще лучше — не узнает. Кому, в конце концов, известно, кто был Шекспир или кто написал «Гамлета»? Никому.

Глава 23

Через девять месяцев «Поиски утраченного детства» Фредрика Френсика вышли в издательстве Коркадилов, по цене три фунта девяносто пенсов за штуку. В Америке их опубликовало издательство «Хатчмейер Пресс». Френсик надавил туда и сюда: Джефри принял книгу только под угрозой разоблачения. Соня не подвела, а Хатчмейера даже уговаривать не пришлось: хватило ее голоса по теле-

фону. Рецензенты получили свои экземпляры с именем Френсика на титуле и суперобложке. В краткой биографии сообщалось, что он прежде был литературным агентом. Больше он литературным агентом не был. Табличка на Ланьярд-Лейн осталась, но контора пустовала, а Френсик переехал с Глас-Уок в Суссекс, в коттедж без телефона.

Здесь, скрываясь от миссис Богден, он работал на Пипера. День за днем перепечатывал он присланные рукописи и вечер за вечером торчал в деревенском кабачке, завивая горе веревочкой. Лондонские друзья почти его не видели. Джефри он навещал по необходимости, иногда они вместе обедали. Но большей частью он сидел за машинкой, возделывал свой сад и совершал долгие прогулки, погруженный в унылые размышления.

Размышления, правда, не всегда были унылые. Изворотливость была второй натурой Френсика, и он все время соображал, как бы ему извернуться. Но соображал впустую. Соображение его парализовал жестокий библиополисский опыт, а тусклая проза Пипера залепляла мозг. Разнородность ее была умопомрачительная: у Френсика голова шла кругом. Не успевал он справиться с манновским периодом, как на него обрушивался фолкнеровский пассаж, уснащенный прустовским разворотом и приплюснутым куском прозы во вкусе Джордж Элиот. Допечатав главу, Френсик поднимался на шатких ногах, шел в сад и во спасение от литературы подстригал лужайку. Ночью, перед сном, он изгонял воспоминания о Библиополисе чтением сказочной страницы-другой «Ветра в ивняке» Кеннета Грэхема, мечтая разъезжать на лодке вроде Водяной Крысы. Что угодно, только не эта пытка.

И вот настало воскресенье: день газетных рецензий на «Поиски». Френсик нехотя поплелся к деревенскому киоску за «Обсервером» и «Санди таймс». Он купил то и другое и стал читать на ходу — чего там ждать, лучше претерпеть сразу. Остановившись на тропке, развернул он «Санди таймс ревью», пролистнул его до книжной страницы — и нашел: в самом верху. Френсик оперся на заборный столб, прочел рецензию, и его перевернутый мир перевернулся еще раз. Линда Грабли была «без ума» от книги и заполнила восторгами две колонки. Она сообщила, что «такого честного и оригинального описания душевной драмы подростка я давным-давно не читала». Френсик не верил своим глазам. Потом он разворошил «Обсервер». Там было то же самое. «Свежесть, присущая первому роману, сочетается с глубоким интуитивным проникновением в семейные отношения... шедевр»... Френсик поспешно свернул газету. Шедевр? Он снова раскрыл ее, но слово никуда не делось, а дальше было больше. «Если можно назвать роман творением гения...» Френсик схватился за столб. У него подгибались ноги. И все это про «Поиски утраченного детства»?! Он брел дальше, переживая новое крушение. Его чутье, его безукоризненное чутье подвело. Прав был, оказывается, Пипер. Или он был прав, или зараза «Нравственного романа» распространилась на всех, и романистика сходит со сцены — ее заменяет литературная религия. Себе на радость люди больше не читают. Если им нужны «Поиски», то нет. Уж от них-то никому никакой радости. Френсик самым тщательным (то есть *самым* тщательным) образом перепечатывал рукопись слово за словом, и на ее серых страницах не было ничего, кроме ноющей жалости к себе, слепой, тупой и гадкой самовлюбленности. И такое вот жалкое словоизвержение именуется у рецензентов оригинальным, свежим и достойным гения. Гения! Френсик сплюнул. Слова потеряли всякий смысл.

Шагая проулком, он в полной мере понял, что означает успех этой книги. Теперь он пойдет по жизни с клеймом автора романа, не им написанного. Его друзья будут поздравлять его... В какую-то

жуткую минуту Френсик подумал о самоубийстве, но его выручила ирония. Он теперь понял, каково было Пиперу, оказавшемуся автором «Девства». «Попал в свой силок»,— подумал он и признал торжествующее отмщение Пипера. Признал — и остановился как вкопанный. Объявив нынче гением, его оставили в дураках: когда-нибудь правда раскроется, и он станет всеобщим посмешищем. Этим он угрожал доктору Лаут, а теперь это стряслось с ним самим. Взбесившись, Френсик отринул всякую мысль о работе. Он стоял в проулке, между живыми изгородями — и вдруг ему открылся путь избавленья. Он им отплатит той же монетой. Недаром через руки его прошла добрая тысяча бестселлеров: уж он сумеет состряпать историю, где будет все, ненавистное Пиперу и его наставнице, доктору Лаут. Секс, преступления, бурные чувства, вихревой сюжет — и никакого подтекста. Историйка выйдет дай бог, под стать «Девству», а на суперобложке крупным шрифтом имя Питера Пипера. Нет, не то. Пипер — просто пешка в этой игре. За ним скрывается смертельнейший враг литературы, доктор Сидни Лаут.

Френсик ускорил шаг и почти пробежал по деревянному мостику к своему коттеджу. Вскоре он сидел за машинкой и заправлял лист бумаги. Так, сначала заглавие. Пальцы его пробежались по клавишам; на бумаге появились слова: доктор Сидни Лаут. Безнравственный роман. Глава первая. Френсик печатал и думал, как бы это сделать тоньше. Он усвоит ее беспомощный слог. Ее мысли. Это будет чудовищная пародия на все, что она написала, в сочетании с пакостнейшей повестушкой, наперекор всем прописям «Нравственного романа». Он ее поставит на голову, он из нее душу вытрясет. А ей придется стерпеть и смолчать. Как ее литературный агент Френсик в полной безопасности. Опасна ему правда, а правда ей не по зубам. Тут Френсик поднял пальцы от клавиш и уставился перед собой. А зачем, собственно, стряпать повестушку? Правда куда убийственнее. Не рассказать ли как есть историю Дальнего Умысла? Имя его смешают с грязью, но оно и так замарано в его собственных глазах успехом «Поисков», а перед Английской Литературой он все-таки в долгу. Впрочем, к черту английскую литературу, особенно с большой буквы. Его место среди писак, среди тех, кто пишет, чтобы жить. Чтобы жить? Забавная двусмысленность. Пишут, чтобы жить, и живут, чтобы писать. Френсик вынул лист из машинки и вставил новый.

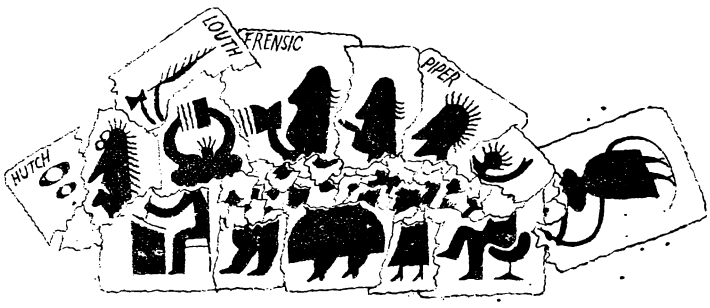
Назовем-ка, пожалуй, «Дальний умысел». Подлинная история». Автор — Фредрик Френсик. Читатели, живые адресаты живой литературы, заслуживают интересной истории во всей ее подлинности. Ладно, будет и то и другое: и посвятит он свою книгу писакам-халтурщикам. Добротная ирония, как раз в духе XVIII века. Френсик повел носом. Он знал, что напишется у него ходкая книга. А станут судиться — пусть. Главное — издать, а там будь оно все проклято.

В Библиополисе публикация «Поисков» не произвела на Пипера никакого впечатления. Он впал в безверие. Веру его разбил Френсик, открыв, что доктор Сидни Лаут написала «Девство». Эта страшная истина дошла до него не сразу, и несколько месяцев он почти механически продолжал писать и переписывать. Но потом вдруг стало понятно, что Френсик не солгал. Он написал доктору Лаут, но ответа не получил. Пипер упразднил Церковь Дальнего Умысла. Сохранилось, правда, Каллиграфическое училище и графологическое учение. Но времена великих романов минули. Осталось лишь увековечить их рукописными трудами. И пока Бэби проповедовала подражание Христу, Пипер на практике возрождал былые добродетели. Он отменил металлические перья; ученики его пользовались гусиными. Это не в пример естественнее. Гусиные перья надо чинить,

они — первозданные орудия ремесла, напоминание о том золотом веке, когда книги писались от руки и писцов по-настоящему чтили.

И в то самое воскресенье Пипер с утра засел в Скриптории: макнув гусиное перо в Хиггинсовы Вечные (полуиспарившиеся) Чернила, он начал писать: «Фамилия моего отца была Пиррип, мне дали при крещении имя Филип, а так как из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного, чем Пипер...» Он остановился. Наверное, надо — Пип. Но после минутного колебания он обмакнул перо и продолжал.

В конце концов, какой дикарь через тысячу лет вспомнит, кто написал «Большие надежды» Диккенса? Разве что несколько ученых, которым еще будет доступен английский язык. Печатные книги к тому времени исчезнут. Лишь пергаменты Пипера, переплетенные в толстую кожу, исписанные образцовым почерком, украшенные золотыми заглавными буквами, выдержат испытание временем и останутся в музеях немым свидетельством его преданности литературе и его мастерства. Окончив Диккенса, он примется за Генри Джеймса и перепишет его романы. Жизни его едва хватит, чтобы запечатлеть великую традицию Хиггинсовыми Вечными Чернилами. Имя Пипера перейдет в века, буква за буквой...



■

Публицистика

АНДРАШ КЕРЕСТИ

«ЧЭЛЛЕНДЖЕР»: ВИДЕОЛЕНТА

С венгерского

На экране крупным планом лицо ведущего; такой ракурс применяют обычно в вечерней программе новостей.

— Как передает агентство Ассошиэйтед Пресс, цитирую: намеченное на сегодняшний вечер выступление президента Рейгана с речью «О положении страны» отложено. Об этом корреспонденту агентства сообщили в канцелярии Роберта Мичелла, лидера республиканцев в палате представителей конгресса. Данное известие, как видим, противоречит той информации, которую мы получили из Белого дома еще совсем недавно, от аккредитованных там наших корреспондентов. Пока у нас нет возможности подтвердить эти новые сведения сообщением из какого-нибудь другого независимого источника. Последнее официальное заявление на этот счет было сделано начальником канцелярии Белого дома Дональдом Риганом, который сказал, что президент Рейган не намерен откладывать свое выступление и сегодня вечером оно состоится. Однако теперь Ассошиэйтед Пресс передает, что речь все же откладывается. Об этом, как сообщает агентство, объявила канцелярия Роберта Мичелла. Мы постараемся как можно скорее и тщательнее проверить это сообщение и немедленно проинформируем вас о результатах. Еще раз напоминаю: по имевшимся у нас до последнего времени сведениям президент намеревался выступить с речью «О положении страны» (Разер бросает короткий взгляд в сторону, на монитор), как и было запланировано, в девять часов вечера по времени Восточного побережья. На одном из наших мониторов виден зал пресс-конференций в Белом доме, и мы ожидаем появления там пресс-секретаря Ларри Спикса, который должен официально объявить: выступит президент сегодня с речью «О положении страны» или нет. Итак, по сообщению агентства АП, речь отложена. (Дэн Разер снова смотрит на монитор, но, поскольку никто в зале прессы не появляется, он опять обращается к телезрителям, правда, говорит уже о другом.)

— Некоторое время назад мы обещали вам рассказать о Джудит Резник, второй в мире женщине-астронавте, находившейся сегодня утром на борту «Чэлленджера». Однако давайте подождем с этим еще немного... (Он вновь глядит в сторону монитора.) Как вы обратили внимание, я то и дело поглядываю сюда, вправо. Объясню, почему я это делаю. Здесь у меня установлен монитор, на экране которого в настоящий момент виден зал для пресс-конференций в Белом доме. Там вот-вот должен появиться пресс-секретарь президента Ларри Спикс, чтобы сообщить нам: состоится или нет сегодня выступление президента с речью «О положении страны». Чтобы не упустить появления Ларри Спикса, я и слежу за изображением на экране этого монитора. (Он чуть заметно выпячивает нижнюю губу, уголки рта тянутся вверх — первое подобие улыбки за сегодняшнее утро.)

Теперь он отворачивается от монитора, мельком заглядывает в записи и начинает пространный, способный заполнить паузу любой продолжительности, монолог а-ля Дэн Разер, который произносится без передышки, максимально возможной скороговоркой, но четко и с таким выражением, как будто каждая фраза содержит в себе настоящую сенсацию.

— Официальные лица НАСА по-прежнему хранят молчание по поводу того, что произошло сегодня утром и почему это произошло. До сих пор нет официального сообщения и о том, что все находившиеся на борту «Чэлленджера» астронавты погибли. В то же время после просмотра видеозаписи практически невозможно представить, чтобы в результате такого взрыва хоть кто-нибудь остался в живых. Тем не менее НАСА пока не располагает достаточно убедительными доказательствами, потому, видимо, и медлит с заявлением. Прежде мы уже подчеркивали, что все работники Национального управления

Окончание. Начало см. в № 9.

по аэронавтике и исследованию космического пространства поистине фанатично преданы своему делу. Все — от вахтеров до секретарш, от рядовых инженеров до знаменитых ученых, от высших руководителей до техников наземной службы. Каждый из них старается выполнять свои обязанности поистине безукоризненно и обеспечивать максимальную безопасность полетов. Сегодня был осуществлен пятьдесят шестой запуск американского пилотируемого космического корабля, и это был первый случай, когда авария произошла в воздухе. Как вы помните, в 1967 году корабль вспыхнул на стартовой площадке и трое астронавтов погибли, но это было на земле, в полете же никогда прежде ничего подобного не случалось. Двадцать четыре полета челночных кораблей прошли успешно. Всего было осуществлено 56 запусков, в том числе двадцать четыре — челночных космических кораблей. Замечательное достижение. Внимание общественности было приковано и к этому, двадцать пятому. И вот наступило сегодняшнее утро. Корабль стартовал и взорвался в воздухе. По сообщению НАСА, катастрофа произошла по истечении 72-й секунды полета, в тот момент, когда корабль развил максимальную скорость. После стремительного взлета «Чэлленджер» сначала притормозил до скорости примерно в 60 процентов, благодаря чему снизилось воздействие на корабль гравитационных сил. Из школьных уроков и институтских лекций по физике мы знаем, что растущее аэродинамическое давление можно ослабить уменьшением силы тяги. Но перед самым взрывом в эфире прозвучали слова, врезавшиеся в память каждого, кто их слышал: ROGER, THROTTLE UP. Это слова доклада о том, что команда об ускорении движения выполнена. И вот в момент, когда корабль набрал максимальную скорость, произошел взрыв. Так развивались события по мнению НАСА. (За все это время Разер впервые заглядывает в записи.) Среди наблюдавших запуск находились школьники из класса Кристы Маколифф. (Короткая пауза.) ...Остальные учащиеся школы в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, где она преподавала, следили за стартом, собравшись перед телевизором. А на мысе Кеннеди среди прочих приглашенных находились ее муж, адвокат Стив Маколифф, и двое их детей — девятилетний Скотт и шестилетняя Кэролайн. На гостевой трибуне были также учащиеся и педагоги из школы в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, где преподавала миссис Маколифф. (Бросает короткий взгляд вправо). Были и члены ее семьи — муж, отец, мать и двое детей девяти и шести лет. Все они находились на мысе Кеннеди и наблюдали запуск. Кроме родных, туда приехали и ученики из класса Кристы Маколифф, которая была школьной учительницей в городе Конкорд, штат Нью-Гэмпшир...

Он ненадолго умолкает и затем объявляет:

— Ларри Спикс — в зале пресс-конференций Белого дома.

Изображение появляется раньше, чем Разер успевает закончить фразу. (Надпись: LIVE, WHITE HOUSE — прямая трансляция из Белого дома.) Теперь, поскольку с антенной на крыше нашего дома уже все в порядке, синяя портьера и выглядит синей, как крестьянская юбка. Над головой Ларри Спикса в скошенном овале, напоминающем деформированный нимб, изображение фасада Белого дома, как он выглядит с Пенсильвания авеню, и надпись «The White House». В кадре уместились только четыре первых ряда кресел. В группе журналистов привлекают внимание две женщины в платьях красного цвета — любимого цвета Нэнси Рейган. Кто знает, вдруг еще сегодня президент сочтет нужным встретиться с прессой, и тогда такая одежда привлечет его взгляд и можно будет задать ему вопрос раньше других.

Справа и слева от кафедры на треногах установлены телекамеры. С десяток фотокорреспондентов щелкают затворами аппаратов. Правда, Ларри Спикса можно фотографировать хоть каждые полчаса, так часто он встречается с журналистами, но сегодня случай особый, а тем более — сейчас. Под таким снимком можно будет дать эффектную подпись: «Пресс-секретарь президента объявляет: речь, посвященная положению страны, откладывается».

В кадре — Ларри Спикс крупным планом. На нем белая в двойную полоску рубашка и черный или темно-синий галстук. (Надпись: LARRY SPEAKES, DEPUTY PRESS SECRETARY — заместитель пресс-секретаря.) Формально на посту пресс-секретаря все еще находится Брэди, парализованный в результате ранения в голову, полученного при перестрелке во время покушения на президента Рейгана.

Ларри Спикс: Проконсультировавшись с руководством конгресса, президент принял решение отложить запланированное на сегодняшний вечер выступление с речью «О положении страны». Его обращение к конгрессу и американскому народу состоится во вторник на следующей неделе. Кроме того, президент попросил вице-президента незамедлительно отправиться на мыс Канаверал, в расположенный там космический центр имени Кеннеди, чтобы выразить от имени президента скорбь по поводу гибели отважных американцев, находившихся на борту челночного корабля. Вместе с вице-президентом отправится также исполняющий обязанности директора НАСА Билл Грэм.

Все присутствующие сосредоточенно записывают. В эпоху магнитофонов и видеомагнитофонов журналисты все же не спешат сдавать в архив записные книжки и авторучки. Ведь пока еще не изобрели магнитофон, который бы фиксировал только самые существенные мысли, и нет такой видеокамеры, которая бы сама отсеивала все малозначительное. Те, кто сидит сейчас в первых рядах (это корреспонденты крупнейших телекомпаний и информационных агентств), спустя какую-нибудь минуту после того, как Спикс покинет зал, уже встанут перед объективами телекамер или прикрепят микрокомпьютеры к телефонным трубкам и в нескольких сжатых фразах передадут экстренное сообщение. Лишь позднее, отдышавшись после такого

своеобразного информационного спринта, они сообщат все подробности.

— Сегодня,— продолжает Спикс,— президент обратится к американскому народу с речью, посвященной трагедии «Чэлленджера». Он будет говорить из Овального кабинета. Час выступления пока не определен... Некоторое время назад президент совещался по этому поводу с Доном Риганом который в свою очередь консультировался со спикером палаты представителей Типом О'Нилом и лидером большинства в сенате Бобом Доулом. (Пресс-секретарю и в голову не приходит величать вышеназванных политических деятелей соответственно Дональдом, Томасом и Робертом. В Белом доме аккредитованные здесь корреспонденты считаются «своими людьми». И тележурналисты активно этим пользуются, по-мальчишески именуя официальных лиц «донами» и «бо́бами» даже в своих репортажах. Солидные газеты, однако, считают такое обращение излишне фамильярным, и если даже позволяют себе употребить уменьшительную форму имени, то только в скобках после полной.) Все они одобрили решение президента об отсрочке речи «О положении страны». Несколько минут назад президент принял в Овальном кабинете исполняющего обязанности директора НАСА Грэма и, повторив указание вылететь вместе с вице-президентом на мыс Кеннеди, поручил Грэму начать расследование причин катастрофы.

Спикс зачитывает заранее подготовленный текст, отрывая от него взгляд лишь в конце предложений:

— После того как расследование будет закончено, следует продолжить осуществление национальной космической программы, сказал президент. Погибшие герои, подчеркнул он, считали исследование космоса делом всей своей жизни, поэтому лучший способ почтить их память — это продолжить осуществление программы.

В зале раздается чей-то сильный голос, похожий на звук тромбона. Он знаком не только присутствующим на брифинге, но и миллионам телезрителей. Это голос Сэма Дональдсона, репортера телекомпании Эйби-си, известного своим умением раньше других выкрикивать вопросы на пресс-конференциях. Узкие глаза и брови вразлет делают его похожим на татарина, но он не татарин, а выходец из Ирландии. Сколько встреч с прессой того или иного официального лица проходит за день в этом зале, как минимум столько раз гремит под его сводами голос Сэма Дональдсона. Он задает свои вопросы с места, когда выступающий еще не закончил речь и даже во время протокольного позирования перед объективами фотоаппаратов. Его не смущают ни обстоятельства, ни личность выступающего. Ему все равно, кого перебивать — Дональда Ригана или Рональда Рейгана.

— Тебе известна причина, по которой речь президента отложена? Он ведь сначала сказал, что речь состоится...

Спикс отвечает абсолютно невозмутимо:

— Президент, как и все граждане Америки, видел трагедию по телевизору. Случившееся потрясло его. Он испытал те же чувства, что и члены семей астронавтов,— гордость, когда «Чэлленджер» стартовал с мыса Кеннеди, и ужас, когда произошла катастрофа. Президент полагает, что все население страны испытало те же самые чувства, и, проконсультировавшись в конгрессе, он принял решение перенести свою речь «О положении страны» на следующую неделю, а сегодняшнее выступление посвятить тому, что случилось утром.

Вопрос задает Андреа Митчелл. Она тоже телекорреспондент, ей тоже, как Сэму Дональдсону, около сорока. У нее черные волосы, черные глаза, ярко накрашенные губы, в ушах поблескивают золотые серьги в форме кленовых листочков.

— Грэм что-нибудь говорил о катастрофе? Располагает он новыми, достоверными сведениями?

— Нет,— отвечает Спикс.— Он ничего не добавил к уже известному сообщению НАСА о том, что вскоре после старта с мыса Кеннеди сегодня утром на борту челночного космического корабля произошел взрыв. Ведутся поиски, которые продолжаются и в настоящую минуту и которые не закончатся до тех пор, пока не будут предприняты все усилия... э-э-э... пока не будут использованы все до единой возможности прояснить картину случившегося.

Вновь реплика с места, откуда-то из задних рядов, так что разобрать можно только начало: «Что думает президент...», остальное заглушается голосом сидящего рядом с Андреа Митчелл лысеющего мужчины. Он не из крикунов-«партизан», сидящих на галерке,— ему жестом предоставил слово пресс-секретарь. Право задать вопрос Спикс предоставляет быстрым взмахом руки, указывая на журналиста пальцем. Затем, прищурив, почти закрыв глаза, выслушивает вопрос и обдумывает ответ. Частое помаргивание означает, что ответ готов.

— Будут ли отменены на этой неделе совещания по вопросам, касающимся речи президента «О положении страны»?

— Президент, — отвечает Спикс, — оставшуюся часть недели будет работать по утвержденному ранее распорядку, которым на эти дни не предусмотрено встреч, связанных с подготовкой речи. Они перенесены на следующую неделю. Скажу заодно, что время сегодняшнего обращения президента к американскому народу пока не определено; оно зависит от того, как скоро НАСА выступит с официальным заявлением.

— Распорядком этой недели предусмотрено посещение президентом министерства финансов и одной из средних школ. Состоятся ли эти посещения? (Телевизионную передачу в эту минуту смотрят по меньшей мере восемьдесят миллионов американцев, но едва ли кого-нибудь еще, кроме задающего вопрос, интересует, посетит ли на этой неделе президент какую-то среднюю школу. В то же время корреспондент, аккредитованный при Белом доме, считает своим долгом в точности знать график работы президента независимо ни от каких катастроф.)

— Да, посещения состоятся,— говорит Спикс,

— Примет ли президент участие в траурной церемонии?

— НАСА все еще продолжает поиски, и поэтому, разумеется, дата траурной церемонии пока не определена. Однако вице-президент посетит семьи астронавтов и выразит им соболезнования от имени президента. Другие мероприятия пока не планируются.

У Спикса светлые волосы и светлые брови. Голос его как будто тоже светлый. Впрочем, точнее было бы назвать его блеклым, бесцветным. Ни на одном слове он не делает ударения, ни одну фразу не выделяет интонацией. Так отвечать на вопросы смог бы, пожалуй, любой более или менее опытный журналист. Ведь само собой разумеется, что пока поиски не завершены, пока НАСА не сделало официального заявления о гибели астронавтов, ни о какой траурной церемонии не может быть и речи. Чтобы понимать это, большого ума не требуется. Но на пресс-конференциях, на брифингах свое распределение ролей: спрашивающий притворяется ровным счетом ничего не знающим, а отвечающий делает вид, будто знает все. У микрофона может стоять блеклый, бесцветный субъект, и тем не менее журналисты будут ловить каждое сказанное им слово, поскольку его можно процитировать: репортаж из Белого дома без цитат не бывает.

Спикс указывает пальцем на сидящего в первом ряду Криса Уоллеса. Он в бордовом галстуке с мелким узором. В Белом доме почти все носят синие пиджаки-блейзеры, белые рубашки и бордовые галстуки.

У о л л е с: Что НАСА пока не сделало официального заявления, это понятно. И тем не менее является ли предположение о том, что все члены экипажа «Чэлленджера» погибли, исходным в работе Белого дома в настоящий момент?

Теперь зал для прессы виден на экране целиком. Фоторепортеров сейчас больше, чем было вначале. В дверях возвышается двухметрового роста охранник; своей неподвижностью он резко выделяется как нечто совершенно инородное в этой массе суетливых, непоседливых журналистов.

— Как и все граждане Америки,— отвечает Спикс,— мы, Крис, преисполнены надежды. И до тех пор будем надеяться на лучшее, пока не получим убедительных доказательств обратного.

Щелкают электронные затворы фотоаппаратов. Воспользовавшись короткой паузой, Крис Уоллес поднимает указательный палец и с ходу задает второй вопрос:

— Всего какие-то минуты назад мы слышали из уст самого президента, что речь «О положении страны» прозвучит сегодня. В политике нужно быть последовательным и выполнять принятые решения. Почему же президент изменил свое первоначальное мнение? Нет, правда, что же случилось за такое короткое время?

Спикс опускает руки в карманы, от нервного подергивания плечами пиджак топорщится. Поджав губы, пресс-секретарь несколько секунд молчит.

— Как я только что сказал вашему коллеге... (Если бы Спикс говорил не по-английски, сейчас он наверняка обратился бы к Уоллесу на «вы»; впрочем, опустив обычное «Крис», он тем самым и так перевел речь с товарищеского тона на официальный, придав голосу соответствующее выражение.) ...Как я уже подчеркивал в ответе на вопрос вашего коллеги, президент наблюдал катастрофу по телевизору. Он испытал все те чувства, какие испытали и семьи астронавтов, и все граждане Америки, весь народ. (Спикс говорит не повышая голоса, о его раздражении свидетельствует лишь то, что, отвечая, он смотрит не на корреспондента, задавшего вопрос, а куда-то поверх его головы, в зал.) Президент проконсультировался с руководством конгресса, и они сошлись во мнении, что выступление с речью «О положении страны» следует отложить... Прошу вас. (Жестом он предоставляет слово следующему журналисту.)

— Есть основания предполагать, что президент получает информацию не только из телевизионных репортажей, но и из других источников. Так ли это?

— Я уже говорил, что президент консультировался с исполняющим обязанности директора НАСА,— все тем же бесцветным тоном отвечает пресс-секретарь,— и последний снабдил его всей имевшейся информацией. Она не намного богаче той, что известна всем. НАСА приложит все усилия, чтобы как можно скорее подытожить данные о катастрофе, но надо иметь в виду, что, как я упоминал, поиски еще продолжаются.

— Создан ли в Белом доме или еще где-либо экстренный штаб в связи с катастрофой? И если да, то имеются ли у него секретные коммуникационные каналы?

Некоторое время Спикс продолжает смотреть на задавшего вопрос журналиста, затем опускает глаза к бумагам. Когда он вновь поднимает голову, то смотрит уже не на журналиста, а в зал.

— Когда что-то случается в мире или в пределах страны, Белый дом непременно назначает специальную группу людей, которые следят за ходом событий. Такая группа создана и сейчас, причем информацию она получает главным образом тоже из телевизионных передач. Да, мы поддерживаем телефонную связь с НАСА, но это не секретный канал... Слушаю вас, Лесли...

— Я все же хотела бы вернуться к вопросу о том, кому принадлежит идея отложить выступление президента с речью «О положении страны». Кто первый это предложил? Сам президент?

Еще совсем недавно ветер развевал белокурые волосы Лесли Сталь в сквере перед Белым домом. Тогда она сказала, что, по словам самого президента, речь состоится сегодня. Сообщение тотчас повторили другие корреспонденты, по другим телевизионным каналам. Потому и пережевывают на пресс-конференции, как жевательную резинку, один и тот же вопрос. Аккредитованные при Белом доме журналисты должны доказать телезрителям, своему непосредственному начальству и

управляющим телекомпаний, что не корреспондент дал неверную информацию, а его самого ввели в заблуждение.

— Да,— произносит Спикс,— отложить выступление первым предложил президент.

После этого вопросы сыплются один за другим.

Некий усатый журналист: Будет ли на время расследования приостановлено осуществление космической программы?

Репортер-негр: Позволят ли и в дальнейшем гражданским лицам участвовать в полетах?

Бородач с пышной курчавой шевелюрой: Пытался ли президент созвониться с семьями погибших?

Блондин в очках: Что будет делать вице-президент во Флориде?

Женщина в красном: Намерен ли президент лично следить за ходом расследования?

Седой мужчина с прической римлянина: Планирует ли президент уже сегодня побеседовать с кем-либо из родственников погибших астронавтов?

Спикс отвечает. Он повторяет все то же самое, что сообщил прежде: такой-то вопрос задавать еще рано, это пока не планируется, то еще не включено в распорядок работы президента, короче — ничего определенного. Лишь одному Сэму Дональдсону удается остановить поток обтекаемых, благозвучных фраз, изрекаемых Спиксом.

— За последние месяцы сложилось такое впечатление,— говорит он,— что НАСА слишком уж форсировало выполнение космической программы, что сама эта программа излишне амбициозна, а график полетов настолько уплотнен, что заниматься вопросами их безопасности попросту некогда...

— Я... я недостаточно компетентен, чтобы судить об этом,— после короткого замешательства отвечает Спикс.— И перед другими полетами, по другим программам, случались отсрочки, но причинами их были не неполадки, а как раз повышенное внимание к обеспечению безопасности.

Следующий, мужчина с козлиной бородкой (пресс-секретарь окликнул его по имени — Джон), тоже своим вопросом выводит Спикса из равновесия, хотя такое, казалось бы, невозможно.

— Ранее здесь прозвучало мнение президента,— говорит Джон,— что лучший способ почтить память членов экипажа «Чэлленджера» — это продолжать осуществление космической программы. Не является ли такая позиция просто-напросто политическим маневром Белого дома, направленным на то, чтобы выбить почву из-под ног сторонников замораживания космической программы в связи с сегодняшней трагедией?

— Все, что выражает данная позиция, это искреннее, глубокое сочувствие семьям погибших, это наша скорбь по поводу случившегося, а также желание, чтобы Америка и впредь осуществляла программу космических исследований. Вот и весь наш политический маневр.

Вопрос задает блондинка — одна из немногих представительниц прекрасного пола в зале.

— Не выразил ли президент в какой-либо форме сожаления по поводу того, что в свое время принял решение об участии в космических полетах гражданских лиц?

— Президент является главой исполнительной власти и в этом качестве ежедневно — непосредственно или через третьих лиц — поручает кому-либо выполнение правительственных заданий. Он отдает распоряжения вооруженным силам, НАСА и так далее. Таковы обязанности и права хозяина Овального кабинета. Да, он принимает много решений, но я не слышал, чтобы когда-нибудь он пожалел хотя бы об одном из них. Мне известно, что президент исполнен скорби и сочувствия. Но о сожалении или раскаянии нет и речи. Ни в коей мере... Погибшие герои были энтузиастами американской космической программы, и таковыми они останутся в памяти президента.

Последний вопрос брифинга: Какова была реакция «первой леди», когда она узнала о случившемся?

Ларри Спикс отвечает, что об этом ему ничего не известно, но он непременно поинтересуется в секретариате супруги президента.

Дэн Разер, находясь в студии, спешит исправить ошибку пресс-секретаря:

— В Белом доме пресс-секретарь президента Рейгана Ларри Спикс отвечает на вопросы журналистов. Как и всегда, он высказывается решительно и доверительно. Таким мы знаем его в течение всей его службы в Белом доме. Кто бы что ни думал в нашей стране о президенте Рейгане и его администрации, непременно должен признать, что лучшего пресс-секретаря главы Белого дома, чем Ларри Спикс, сыскать трудно... Что же касается последнего вопроса, то к нему Спикс просто не успел подготовиться. Нам же с вами уже известно, что Нэнси Рейган смотрела прямой телерепортаж о запуске «Чэлленджера», находясь в своих апартаментах, и когда на экране вырос огненный шар, «первая леди» вскричала: «О боже! Нет!»

Разер чуть поворачивается в кресле и принимает позу, которую условно можно назвать «позой Разера, зачитывающего последние известия». Начинается своего рода программа в программе, сюжет которой сводится к одному: Дэн Разер зачитывает последние известия.

— Сегодня утром,— читает он,— между 72-й и 75-й секундами после запуска, челночный космический корабль «Чэлленджер» превратился в гигантский огненный шар и взорвался. Семь членов экипажа, в числе которых была Криста Маколифф, учительница из города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир, по всей вероятности, погибли. Обломки космического корабля, стоившего 1,1 миллиарда долларов, рухнули в Атлантический океан приблизительно в 18 милях от космодрома, расположенного на мысе Кеннеди. «Чэлленджер» являлся одним из четырех американских челночных космических кораблей. Прежде в воздухе не случалось ни одной аварии,

связанной с гибелью астронавтов. В 1967 году, во время предстартовых испытаний «Аполлона», возник пожар и трое астронавтов погибли, когда корабль еще находился на космодроме. Сегодняшний взрыв произошел на высоте около 10,3 мили в то время, как «Чэлленджер» с полумиллионом галлонов горючего в подвесном баке на огромной скорости мчался к околоземной орбите. Впрочем, он не успел развить максимальную скорость, исчисляемую 1177 милями в час. Это леденящее кровь зрелище развернулось на глазах родных и друзей астронавтов, съехавшихся на мыс Кеннеди. Видели его и те, кто смотрел прямой репортаж о запуске, а затем его видеоповтор, транслировавшийся во все уголки страны. Сейчас мы покажем вам эту запись еще раз... Сперва с нормальной скоростью, то есть так, как все выглядело в действительности, а затем с замедленной. Итак, вот что случилось сегодня утром...

Как это похоже на только что завершившуюся встречу пресс-секретаря с журналистами! Там без конца ходили вокруг да около одного и того же вопроса, здесь — до умопомрачения крутят одну и ту же видеоленту. Ведущие телепрограмм будто задались целью доказать зрителям, что и ужасную катастрофу, трагедию можно при желании превратить в набившее оскомину, до отвращения надоевшее зрелище. Причем за считанные часы. Но как же назвать состояние человека, при котором он может вполне хладнокровно созерцать это действо, достойное по жестокости древнеримского цирка, где звери заживо рвали людей на части? Неужели в основе этого хладнокровия — бесчувственность? Впрочем, удивительно ли, что, просмотрев видеозапись катастрофы раз десять, на одиннадцатый уже не испытываешь ни ужаса, ни сострадания, а смотришь на происходящее в лучшем случае с любопытством ученого-медика, присутствующего при вивисекции?

Предстартовый отсчет времени... красно-синяя газовая вуаль... торжествующий голос комментатора... данные о работе систем... скорость — 104 процента. При каждом просмотре все-таки открываешь для себя что-то новое. Вот и сейчас замечаю: комментатор НАСА объявил, что скорость корабля составляет 104 процента, еще до того, как прозвучала команда на ускорение. Выходит, уже тогда он не следил за экраном, а лишь зачитывал «сценарий» — рассчитанный с точностью до мельчайших долей секунды график полета, график, от которого не должно было быть отступлений. Потому, не заметив взрыва, и продолжал он передавать в эфир данные о скорости, высоте полета уже не существующего космического корабля, а затем, увидев наконец, что произошло, растерянно выдавил: авария крупная...

Р а з е р: Авария крупная... Поистине ужасная катастрофа, а для НАСА — так просто кошмар!.. Но давайте вернем ленту немного назад и с замедленной скоростью прокрутим еще раз запись последних секунд полета.

Снова пульсирующие вспышки на обшивке ракеты. Видеоинженеры зря времени не теряли: теперь в каждый критический момент лента замирает на месте и белые кружочки отмечают вновь возникшие огоньки под днищем «Чэлленджера». Взрыв, как и прежде, происходит в полной тишине. Разве что за кадром, в студии слышится стук пишущей машинки, свидетельствующий о том, что хозяева телекомпании Си-би-эс пока не в силах обеспечить своих работников электронными печатающими устройствами.

— Как вы уже знаете со слов пресс-секретаря президента Рейгана Ларри Спикса, глава Белого дома принял решение отложить свое выступление с речью «О положении страны». Вместо этого он обратится сегодня к американскому народу с речью, посвященной трагедии «Чэлленджера». Повторяю это сообщение для тех, кто не имел возможности посмотреть завершившуюся недавно встречу журналистов с Ларри Спиксом. Речь президента «О положении страны» перенесена на следующую неделю, но точное время ее пока не определено... Вы смотрите прямую передачу «Си-би-эс ньюс» о случившейся сегодня утром трагедии, о космической катастрофе... Хотим заранее предупредить телезрителей, что когда бы ни началось сегодняшнее выступление президента — пусть вечером, пусть даже поздно ночью,— оно непременно будет транслироваться по каналу Си-би-эс. Следует ожидать, что это обращение окажется короче, чем планировавшаяся речь «О положении страны»; но, впрочем, ни форма обращения, ни его точное время нам не известны. Ясно одно: Белому дому потребуется определенное количество времени, чтобы подготовить текст речи президента, необходимость в которой возникла непредвиденно и ради которой была перенесена речь «О положении страны»... Ну, а теперь...

«Ну, а теперь» у Дэна Разера означает не переход к какому-то новому сообщению, а чаще всего возвращение к старому.

Р а з е р: В момент произошедшего сегодня утром взрыва на борту «Чэлленджера» находилось семь человек, семь американцев. Вот они...

На экране сперва появляется черно-белый протокольный снимок НАСА, но ему на смену быстро возникает цветное фото в уже знакомом по фотографии Кристы Маколифф золотистом обрамлении и с надписью «Чэлленджер» на трапециевидной табличке. Разер перечисляет имена и фамилии астронавтов, называет возраст, специальность и родной город каждого. Затем, отложив в сторону один лист бумаги, берет со стола другой.

— К полету готовилась и астронавт Джудит Резник. Она и Криста Маколифф составляли «женскую часть» экипажа. В дни подготовки к полету Джудит Резник поделилась в беседах с нашим корреспондентом своими мыслями о том, каково женщине быть астронавтом. Она ведь была второй женщиной-астронавтом на Земле. Первой была Салли Райд... (Интересно, на какой планете, по мнению Дэна Разера, живет Валентина Терешкова?)

Джудит Резник в синем пуловере; на шее у нее бусы из деревянных кругляшек синего цвета. Загорелое лицо, черные вьющиеся волосы до плеч, правильной формы нос с небольшой горбинкой, большие карие глаза. На заднем плане под тупым углом друг к другу установлены два монитора. Джудит Резник спокойно смотрит на находящегося где-то за кадром репортера и ждет вопроса.

Вопрос: Какие чувства испытывает перед полетом вторая женщина-астронавт? Точнее, вторая американская женщина-астронавт... (В отличие от Дэна Разера, этот невидимый репортер все же делает уточнение, исправляет ошибку.)

Резник: Чувствую себя прекрасно. Рада, что полечу в составе такого экипажа. (Надпись: JUDITH RESNIK, MISSION SPECIALIST — астронавт-исследователь.) С самого начала, с первых же тренировок, между нами установился отличный контакт, и я очень быстро полюбила ребят, ощутила себя полноправным членом коллектива. Нас шестеро, а значит, на мне лежит шестая часть ответственности за успех всей космической экспедиции. Впрочем, так может сказать о себе любой из нас. С таким осознанием зависимости общего результата от усердия каждого мы и намерены работать в космосе.

В этой видеозаписи Джудит Резник выглядит не так, как во время завтрака незадолго до старта, не так, как на взятой в золотую рамку черно-белой фотографии НАСА. Сейчас она не похожа на кинозвезду. Когда Джудит говорит, черты ее лица становятся жесткими, взгляд — решительным, а на шее проступают жилы... Лет пятнадцать назад, или даже раньше, я брал интервью в Ракошпалоте у одной венгерской спортсменки, олимпийской чемпионки в метании копья; и, наблюдая за ее манерой держать себя в разговоре с журналистом, отметил: стопроцентная «профи», помешана на спорте, прихорашивается же — исключительно для порядка... У Джудит Резник внешность и манера говорить — те же, что у моей старой знакомой, метательницы копья.

Резник: Я всецело полагаюсь на способности, на опыт моих спутников и надеюсь, что они в свою очередь с доверием отнесутся к моим знаниям...

Да, Джудит Резник — «профи», и в ее мире нет места для дилетантов, для таких, как школьная учительница Криста Маколифф — обласканная президентом и восславленная в национальном масштабе пассажирка, которой билет в космос достался в результате жеребьевки. Нас шестеро, сказала Джудит Резник, и я шестая часть экипажа. Но ведь в составе экипажа было семь астронавтов... Джудит Резник демонстративно отказывается признать равной себе Кристу Маколифф — учительницу, которой просто повезло и которая только благодаря жребию стала чуть ли не национальной героиней.

Резник: Да, я уверена, что мои товарищи успешно выполнят ту работу, в которой они разбираются лучше меня. И наоборот... А когда есть взаимное доверие, не остается места для сомнений в успехе экспедиции.

Странно: за все то время, что Джудит Резник находится перед видеокамерой, она ни разу не моргнула. Я специально слежу за ней, гляжу на нее в упор, и у меня уже слезятся глаза, а ресницы Джудит по-прежнему неподвижны.

Вопрос: Каково ваше главное ощущение сейчас, перед вторым в вашей жизни полетом?

Резник: Ощущение полной готовности к нему.

Вопрос: А первого полета вам долго пришлось ждать?

Резник: Шесть лет. Вообще подготовка к полету проходит довольно долго. Надо как следует потрудиться в системе НАСА, чтобы почувствовать себя как бы частицей этой системы, частью целого организма...

Она по-прежнему не моргает. Улыбается, оживленно жестикулирует, отвечая на вопросы, но не моргает.

Стало быть, к первому полету она готовилась шесть лет — столько потребовалось, чтобы, как она выразилась, стать частицей системы, частью целого организма НАСА. Потому, видимо, и не может она признать равноправным товарищем Кристу Маколифф, простую учительницу из Нью-Гэмпшира, выигравшую право полететь в космос в составе экипажа профессионалов на викторине педагогов.

Резник: Многие шли к своему первому полету и значительно дольше, а ко второму — тем более. Так что я очень довольна сейчас, жду не дождусь старта и надеюсь, что по возвращении начну подготовку к следующему, третьему полету.

Скоро старт. Все интервью в такие минуты состоят из малозначительных вопросов и соответствующих ответов. Но характерный факт: если полет завершается успешно, эти предстартовые, пустые беседы перед видеокамерой в эфир не идут. Бедняжка Джудит! По праву считавшая себя «профи», ты в данном случае имела дело с профессионалами еще более высокого класса, почти с роботами. Ни разу, ни на секунду не показался в кадре неизвестный интервьюер, настолько же безликий, насколько бессодержательные вопросы задавал. Это интервью, Джудит, брали у тебя и записывали на видеоленту исключительно для того, чтобы показать в случае твоей гибели. Да-да, еще тогда, перед стартом, твою возможную смерть учитывали и оператор, снимавший тебя крупным планом, и режиссер, усадивший тебя перед камерой в наилучшем для съемки ракурсе, и репортер, который тебя расспрашивал, тактично оставаясь за кадром, как остается неизвестным читателю автор опубликованного в газете некролога.

Снова на экране Дэн Разер, он комментирует только что показанную видеозапись:

— Джудит Резник перед полетом. Перед стартом, отложенным на два часа в связи с тем, что специальное подразделение НАСА по контролю за обледенением обнаружило на обшивке космического корабля и стартовой опоре ледяные со-

сульки. Температура воздуха перед запуском составляла 28 градусов по шкале Фаренгейта, что ниже температуры замерзания воды. Для Флориды это необычайно холодная погода. Запуск отложили, чтобы ликвидировать обледенение. Во время вынужденной задержки и взяли это интервью у Джудит Резник — второй американской женщины-астронавта. Как вы, конечно, помните из только что показанного интервью, к первому полету в космос она готовилась шесть лет... К нам в студию поступили данные: прямой репортаж о запуске «Чэлленджера» по системе кабельного телевещания смотрели два с половиной миллиона американцев... Одна из программ этого полета условно называлась «Класс в космосе — класс на Земле». Планировалось, что учительница Криста Маколифф проведет в космосе несколько уроков, которые напрямую транслировались бы по телевидению для американских школьников. Уверен, что учителя, принимавшие участие в подготовке этих уроков, после сегодняшней ужасной катастрофы расскажут своим подопечным о том, какая преданность делу требуется от человека, решившего стать астронавтом, и какая это трудная работа. Все свободное время уходит у будущих астронавтов на выполнение «домашних заданий» — подчас скучных и почти всегда утомительных, требующих огромных усилий воли. И проходит много-много времени, прежде чем наступает день старта; у Джудит Резник, например, подготовка к полету заняла шесть лет.

Короткая пауза, в течение которой Дэн Разер сортирует лежащие у него на столе бумаги.

— Сегодня впервые с начала осуществления американской космической программы катастрофа произошла в воздухе. Челночный космический корабль «Чэлленджер» взорвался между 72-й и 75-й секундами после запуска при прохождении зоны (смотрит в записи) максимального скоростного напора, когда ветер и прочие атмосферные факторы воздействуют на корабль с наибольшей силой. Как и что именно произошло, пока не вполне ясно. Однако по видеозаписи, особенно когда она прокручивается с замедленной скоростью, видно, что первая вспышка появилась где-то на корпусе подвесного топливного бака или в районе стыка секций прикрепленной к нему вспомогательной твердотопливной ракеты... Какую же цель преследовал данный космический полет? Как и во всех прежних случаях, перед экипажем «Чэлленджера» стоял целый комплекс задач. Планировалось запустить и затем снова взять на борт искусственный спутник, который должен был встретиться с кометой Галлея. (Зачитывает.) Намечался также вывод на орбиту спутника связи, который явился бы частью коммуникационной системы корабля. Криста Маколифф готовилась провести два урока продолжительностью по пятьдесят минут каждый, которые на четвертый день полета должна была транслировать для сотен школ некоммерческая телекомпания Пи-би-эс. Во всех этих школах учащиеся сегодня смотрели прямой репортаж о запуске «Чэлленджера» и, разумеется, знают, что уроки из космоса не состоятся... Пожалуй, теперь они не состоятся никогда.

Разер выпрямляется в кресле и чуть отодвигается от стола.

— Хорошо знакомый вам Лео Крупп, уже долгое время являющийся консультантом телекомпании Си-би-эс, а в прошлом летчик-испытатель и эксперт по челночным космическим кораблям фирмы «Рокуэлл», в настоящий момент находится в нашей студии в Лос-Анджелесе...

Совершенно седой мужчина с узким лицом и изборожденным глубокими морщинами лбом. На вид ему немногим больше шестидесяти. Он в бежевом пиджаке, галстук же и у него, как у всех, бордовый. Лос-анджелесская студия новостей даже чисто внешне значительно уступает столичной. Невзрачные письменные столы некогда были коричневого цвета, но за долгие годы краска с них почти полностью слезла. На стене одинокая полка, где выстроились пестрые папки-досье. Напротив — нечто вроде доски объявлений с прикнопленными листочками разных размеров, на которых, вероятно, расписаны график дежурств, программа передач на неделю, составы съемочных групп.

— Добрый день, мистер Крупп, если можно назвать добрым день такой ужасной трагедии.

— Мне искренне жаль, что встреча наша вызвана подобными обстоятельствами.— Крупп вертит в руках шариковую ручку и выглядит очень встревоженным, однако голос его абсолютно спокоен.

— Мне тоже жаль,— говорит Разер.— Я полагаю, мистер Крупп, вы смотрели прямой репортаж о запуске. Что, на ваш взгляд, могло там произойти?

Оператор нашел такой ракурс съемки, что в кадре уместились и Дэн Разер, и экран монитора, на котором виден Лео Крупп; создается впечатление, будто они и в самом деле встретились и беседуют.

— Трудно сказать, Дэн. Я вообще не думаю, чтобы кто-либо мог ответить на этот вопрос, прежде чем НАСА завершит расследование. До тех пор ничье мнение не может считаться достаточно убедительным. Вот когда НАСА проанализирует все имеющиеся данные, когда обследует все найденные обломки, тогда только и сложится более или менее достоверная картина катастрофы. (Надпись: LIVE, LOS ANGELES — прямой эфир, Лос-Анджелес.) Но после просмотра видеозаписи, а я ее только что просмотрел еще раз, одно можно утверждать совершенно точно: взрыв произошел в то время, как корабль проходил зону максимального скоростного напора. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL PILOT — Лео Крупп, бывший пилот фирмы «Рокуэлл».) А в этой зоне давление на сопла твердотопливных ракет и стабилизаторы корабля очень велико, так что не исключена вероятность каких-либо повреждений... Да, как мне показалось, взрыв произошел во время прохождения зоны максимального скоростного напора, когда все системы корабля, и особенно сопла ракет, испытывают наибольшие перегрузки. (На заднем плане моло-

дая женщина в красной вязаной безрукавке, собрав со стола бумаги, передает их сидящему по соседству мужчине, судя по солидной внешности — редактору.) Просматривая видеозапись, я заметил, как чуть выше сопла левого ускорителя возникло пламя, которое тотчас перекинулось под днище «челнока».

Р а з е р: Вы меня слышите, мистер Крупп?

К р у п п: Да-да, слышу.

Р а з е р: Простите, что перебиваю, но вы так хорошо разбираетесь в космических кораблях, а в челночных — особенно, что я хочу попросить вас немного подождать, пока мы включим видеозапись, чтобы вы, просмотрев ее еще раз вместе с телезрителями, в самых простых, понятных и неспециалисту выражениях прокомментировали происходящее на экране, акцентировав внимание на критических моментах, то есть практически, чтобы вы повторили все то, что уже рассказали, но теперь в качестве комментария к видеозаписи.

На лбу Круппа проступает еще больше морщин.

— О'кей, запускайте ленту, попробуем.

— Спасибо.

Крупп нервно облизывает губы. За его спиной женщина в красной безрукавке кладет на стол шефу новую пачку бумаг.

— Секундочку, мистер Крупп,— говорит Разер,— сейчас. Только перемотаем...

Крупп почесывает затылок.

— Кстати, Дэн, раз уж возникла пауза, хочу обратить внимание на еще один, быть может существенный, фактор: погоду во Флориде никак нельзя было назвать нормальной...

Сперва слышится голос комментатора НАСА и лишь затем появляется изображение: едва различимый в густой пелене вырывающихся из сопел газов «Чэлленджер», похожий на комету с пушистым хвостом.

— Ага, вот и запись,— говорит Крупп.— В эти секунды еще казалось, что все идет нормально. Сейчас камера направлена на корабль снизу, сзади, а когда его покажут сбоку, станут заметными небольшие язычки пламени, свидетельствующие об утечке газов. Их особенно хорошо видно, когда запись воспроизводится замедленно.

Туманно-белый «Чэлленджер» на фоне лилового неба. Настолько медленно видеозапись сегодня еще не демонстрировали. Над соплами ракет-ускорителей, в непосредственной близости от раструбов двигателей челночного корабля — едва заметные вспышки.

— Давайте остановим ленту,— предлагает Разер.— Слава богу, это возможно.

Изображение замирает.

— Вы имеете в виду те язычки пламени, которые видны сейчас в левой части экрана? — спрашивает Разер.

— Да. Мне кажется, они вырываются из корпуса левого ТТУ, где-то в районе нижнего стыка секций. Впрочем, утверждать не берусь.

— Прошу прощения, мистер Крупп, но вы употребили аббревиатуру «ТТУ». Под ней подразумевается твердотопливный ускоритель? Я правильно понял?

— Да, совершенно правильно.

— Итак, вы полагаете, что пламя вырвалось оттуда?

— Да, лично мне показалось, что пламя возникло чуть выше сопла левого ТТУ.

— Стало быть, всему виной твердотопливный ускоритель, а не подвесной бак.

— Не думаю,— говорит Крупп,— чтобы подобное пламя могло вырваться из бака с жидким горючим. Но, повторяю, трудно что-либо утверждать, трудно настаивать на том или ином мнении, пока НАСА не огласит результаты своих анализов... После момента взрыва на видеоленте отчетливо видно, как из огненного облака появляется одна из ракет-ускорителей, по всей вероятности — правая, причем выглядит она неповрежденной...

— Мистер Крупп...

— Вот она. Здесь очень хорошо видно, как из облака выходит твердотопливная ракета. По моему мнению, это правая ракета, но я не могу это утверждать, поскольку...

— Извините, мистер Крупп,— все же перебивает Разер.— Прежде вы уже пользовались в телекомментариях уменьшенными копиями космических кораблей, не так ли? Взгляните на экран своего монитора. (Он устанавливает на столе макет «Чэлленджера».) Разумеется, мы надеемся, что НАСА в самом скором времени выступит с официальным заявлением, однако, и не дожидаясь этого, можно попытаться объяснить телезрителям более наглядно и доходчиво, что же, собственно говоря, произошло сегодня утром. Итак, бывший летчик-испытатель фирмы «Рокуэлл» Лео Крупп, находящийся в данный момент в нашей лос-анджелесской студии, в своем комментарии упомянул ТТУ. (Дэн Разер указывает, где на макете расположены твердотопливные ускорители.) Вот это и есть ТТУ. А это главный топливный бак, наполненный жидким горючим, питающим двигатели корабля при взлете. Надеюсь, мистер Крупп поправит меня, если я в чем-то ошибусь... После взрыва вы, мистер Крупп, увидели носовую часть выходящей из огненного облака правой твердотопливной ракеты...

— Да, мне показалось, что эта ракета осталась неповрежденной, и я предполагаю, что это была именно правая ракета, поскольку левая, по всей вероятности, взорвалась...

— Вот эта? — Разер показывает на модели левую ракету.— Спасибо. Я только хотел лишний раз проверить себя. Взгляните, пожалуйста, еще раз на монитор. Вот здесь, над соплами левой ракеты вы увидели... Извините, как вы сказали? Вырывающиеся наружу газы?

— Пламя,— говорит Крупп.

— Понятно. Словом, утекающие из ракеты газы горели. Вот здесь, в нижней части.

— Да-да, внизу, почти над самыми соплами.

— Стало быть... Извините, но я хотел бы удостовериться, что все понял правильно... Стало быть, когда вы смотрели видеозапись, воспроизводимую с замедленной скоростью, вам показалось, что

вот здесь возникло пламя, на левой твердотопливной ракете...

— Да.

С тех пор как к передаче подключился Лео Крупп, Дэн Разер рассуждает все менее и менее уверенно, и если без Круппа он несколько часов подряд довольно сносно объяснял телезрителям, что собой представляют ракеты-ускорители, подвесной топливный бак и все прочее, то теперь, похоже, сам совершенно запутался.

— Скажите, пожалуйста, мистер Крупп, если астронавты получают сигнал о том, что какая-то из систем отказала, могут ли они что-либо предпринять, чтобы спасти положение?

— Вы знаете, все эти события развивались настолько быстро, что они, пожалуй, ничего и заметить не успели. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL PILOT.) Вообще же, если, например, корабль отклоняется от заданной траектории, то руководитель группы центра управления полетом по контролю за траекторией немедленно посылает на корабль сигнал об этом и на приборной доске в кабине экипажа загорается соответствующий индикатор. Командир корабля располагает несколькими секундами для того, чтобы включить систему экстренного отцепления «челнока» от подвесного топливного бака и ракет-ускорителей. Для этого достаточно перевести один рычажок в нижнее положение и нажать кнопку. Если бы сегодня командир это сделал, «Чэлленджер» остался бы цел.

— Стало быть, принимать решение и действовать в подобной ситуации пилот должен сам?

— Не совсем. Ведь сперва по сигналу с Земли на приборной доске перед командиром загорается индикатор. Это означает, что ситуация аварийная и руководитель группы обеспечения безопасности полета через несколько секунд взорвет подвесной топливный бак и ракеты-ускорители, а следовательно, первый или второй пилот должен немедленно включить систему экстренного отцепления челночного корабля. Экипажу даны на это считанные мгновенья.

— Мистер Крупп, вы, конечно, великолепно разбираетесь во всей этой технике,— говорит Разер,— и все хорошо объясняете, но для пущей ясности давайте уточним еще раз. Командир корабля следит за показаниями огромного количества электрических, электронных и простых механических приборов. Среди всего этого есть некая красная лампочка, индикатор. Когда он вспыхивает, командир немедленно отцепляет корабль от подвесного бака, который питает двигатели, и от твердотопливных ракет, от ТТУ, как вы их называете...

— Да.

— Щелчок тумблера, нажатие кнопки и — корабль свободен. Так?

— Да. Но прежде чем командир это сделает,— говорит Крупп,— он, чтобы не было никаких недоразумений, должен дождаться подтверждения сигнала тревоги руководителем группы обеспечения безопасности полета. Однако, насколько мне известно, в данном случае критическая ситуация возникла настолько быстро, что руководитель группы безопасности попросту не успел ничего осознать и принять решение...

— Простите, что перебиваю...— Дэн Разер возвращает разговор к прежней теме.— Как мы знаем, горючее твердотопливных ускорителей по консистенции напоминает плотную резину. Нам известно также, что оно не воспламеняется даже в том случае, если по нему изо всех сил ударить каким-нибудь тяжелым предметом. А вот содержимое подвесного бака, напротив, крайне огнеопасно и взрывоопасно. Так как же тогда пламя могло возникнуть на обшивке ракеты-ускорителя? Что там могло воспламениться и каким образом, если даже от сильного удара ракета не взорвалась бы и не вспыхнула?

— По-моему, Дэн, ракета и не взрывалась. Я говорил о пламени, вспыхнувшем вследствие утечки газов, о пламени, которое, по всей вероятности, прожгло обшивку ускорителя. Температура утекающих газов обычно настолько высока, что загореться им ничего не стоит, и тогда от них, как от запала, может взорваться наполненный жидким топливом подвесной бак.

Последнюю фразу Дэн Разер, по-видимому, признает достаточно ясной и вообще подходящей для того, чтобы завершить обсуждение проблемы аварийного отцепления «челнока» от ракет и бака и перейти от столь специальных вопросов, как строение ТТУ, обеспечение безопасности полетов и причины ее необеспечения, к самой сути сегодняшней катастрофы. Не преминув еще раз повторить, что НАСА до сих пор не сделало никакого официального заявления, он задает Лео Круппу вопрос как опытнейшему пилоту и как участнику создания и испытаний «Чэлленджера»: каково его мнение о судьбе находившихся на борту челночного корабля семерых астронавтов. Крупп явно ожидал этого вопроса, он опускает глаза и зачитывает ответ, сформулированный скорее всего заранее: «По всем признакам, корабль полностью уничтожен взрывом». Судя по видеозаписи, «челнок» не успел отсоединиться от ракет и подвесного бака. Если бы командир корабля сделал это, он давно бы связался по радио с центром управления полетом и совершил бы вынужденную посадку в Атлантическом океане.

Разер: Мистер Крупп, а не могло ли явиться причиной трагедии обледенение? Все утро мы в том или ином контексте упоминали в разговоре необычайно холодную погоду во Флориде, подчеркивали, что перед стартом на мысе Кеннеди столбик термометра опустился ниже температуры замерзания воды. (На экране возникает уже знакомый черно-белый снимок стартовой опоры, увешанной сверкающими на солнце сосульками.) Мог ли этот лед, который вы сейчас видите, сыграть в случившейся катастрофе какую-то роль?

Крупп: Трудно что-либо утверждать, но на мой взгляд — не мог. Я полагаю, НАСА специально задержало старт, чтобы

температура воздуха повысилась и обледенение было ликвидировано. Но так или иначе, на высоте 26—27 тысяч футов, где находился корабль, когда проходил зону максимального скоростного напора, любой лед, даже если бы он и был на обшивке в момент старта, растаял бы. В то же время сама низкая температура воздуха безусловно могла оказать неблагоприятное воздействие на некоторые узлы и системы корабля. Кроме того, могли сыграть роль и мощные воздушные потоки в верхних слоях атмосферы, способные неожиданно менять характер аэродинамического давления. (За спиной Лео Круппа заметное оживление. По всей вероятности, в Лос-Анджелесе вот-вот начнется местная передача последних известий.)

Р а з е р: Вы смотрите прямую передачу программы Си-би-эс. Наш собеседник — бывший летчик-испытатель фирмы «Рокуэлл» Лео Крупп. Речь идет о происшедшей сегодня утром катастрофе космического корабля «Чэлленджер», взорвавшегося через 72 секунды после старта...

Очевидно, Дэн Разер обращается сейчас к телезрителям не только Лос-Анджелеса, но и многих других городов, где местные телекомпании при желании также имеют право транслировать это интервью.

Р а з е р: Итак, продолжим беседу... Насколько мне известно, твердотопливные ракеты, в отличие от подвесного бака, рассчитаны на многократное использование. То есть ракеты, участвовавшие в сегодняшнем запуске, участвовали и в нескольких предыдущих. Не здесь ли причина аварии? Не сказалась ли так называемая усталость материала?

К р у п п: Хочу подчеркнуть еще раз: никто и ничего пока не может утверждать. К тому же ракеты ведь не используются во второй раз в том же самом виде, что и в первый. После каждого запуска их разбирают, тщательно очищают каждую деталь, затем собирают снова. Без этого ни одна ракета не используется вторично.

Судя по всему, все сотрудники лос-анджелесской студии, за исключением редактора,— женщины. Одна из них, в красном платье, о чем-то беседует с женщиной в безрукавке, вскоре к ним присоединяется девушка в белых брюках в обтяжку, затем появляется дама в костюме с пачкой телетайпных сообщений в руках и направляется к столу редактора.

— Мистер Крупп,— говорит Разер,— мы сейчас перемотаем видеоленту и затем воспроизведем ее с нормальной скоростью, а вас попросим рассказать, что в каждую секунду полета делает экипаж, точнее — что делают командир и второй пилот. Ведь, насколько я понимаю, они не сидели без дела.

— Да, разумеется.

Уже давно следовало бы переключить телевизор на какой-нибудь другой канал, а не смотреть это бесконечное повторение записи старта. Но надо отдать должное профессионализму Дэна Разера: он знает, как удержать телезрителя. Например, вопросом: что делал в предшествовавшие взрыву секунды командир?

Видеоленту перематывают в обратную сторону: сперва взрыв «Чэлленджера» и лишь затем — старт. Видеотехники предпочитают прокручивать ленту медленно, чтобы случайно не повредить ее.

Р а з е р: Итак, мы воспроизведем сейчас видеозапись, начиная с момента, предшествовавшего старту, а вас, мистер Крупп, просим по ходу дела рассказывать, что, по вашему мнению, делают командир и второй пилот. Разумеется, мы не можем с точностью угадать, о чем они думали, но представить себе их действия в течение 72—75 секунд после запуска, думаю, вполне возможно. Прошу вас, можно начинать...

Стартовая опора напоминает башенный кран; тупой нос подвесного бака начинает медленно подниматься над переплетением стальных конструкций.

К р у п п: Первый маневр, выполняемый после старта,— осевое вращение, иначе говоря — «бочка». В результате корабль ложится на курс под определенным, оптимальным для выхода на орбиту углом к вертикали. Как раз сейчас очень хорошо видно, как «Чэлленджер» это делает. Экипаж в такие секунды просто следит за показаниями приборов, контролирует точность выполнения маневра. Первая операция, которую астронавты должны осуществить сами,— замедление и затем ускорение движения. Операция выполняется в течение минуты после завершения осевого вращения. Суть ее в том, чтобы снизить скорость со 104 до 64 процентов и так пройти зону повышенного аэродинамического давления, называемую еще зоной максимального скоростного напора. Делается это с целью ослабить давление на корабль, то есть для обеспечения безопасности. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL PILOT.) Второй пилот, сидящий справа от командира, в это время держит одну руку на тумблере, а другую — рядом с кнопкой экстренного отцепления «челнока», готовый в любой момент выполнить эту операцию. В чем она заключается, я уже говорил. Зону максимального скоростного напора корабль проходит за 4—5 секунд, после чего скорость движения вновь возрастает до 104 процентов. Когда и это сделано, управление кораблем берут на себя автоматы. Следующая операция, при которой требуется вмешательство экипажа,— отцепление твердотопливных ускорителей.

Р а з е р: До этой операции дело уже не дошло... А на экране сейчас приблизительно шестьдесят пятая секунда полета.

Невиданной кометой с длинным хвостом мчится «Чэлленджер». Едва слышно звучит в эфире: «ROGER, GO AND THROTTLE UP». И — взрыв на фоне пурпурного неба.

К р у п п: До начала ускорения все было в порядке. Затем прозвучала команда набрать полную скорость, сразу же после этого показалось пламя, а следом за ним произошел взрыв, который мы только что видели.

Р а з е р: Как вы считаете, мистер Крупп, процесс ускорения сам по себе мог способствовать взрыву?

К р у п п: В процессе ускорения тяга двигателей возрастает с 64—65 процентов до 104, а поскольку это происходит в зоне повышенного аэродинамического давления...

Бывший летчик-испытатель, наморщив лоб, подыскивает выражения попроще, чтобы было понятно и тем, кто далек от космической техники. И телезрителю действительно кажется, будто он понимает все, что говорит Лео Крупп. Кажется телезрителю и другое: будто сейчас ему наконец-то объясняют, что же произошло сегодня утром. Этот эффект создается главным образом усилиями Дэна Разера. Ведь обычно более чем самоуверенный Разер вряд ли настолько часто называл бы собеседника «мистером Круппом» и вряд ли был бы до такой степени изысканно учтив, разговаривай он просто с неким косноязычным стариком, а не с личностью в высшей мере осведомленной, что, как считает Разер, не грех и подчеркнуть лишний раз.

К р у п п: Конечно, ускорение могло сыграть роль. Ведь с увеличением скорости корабля увеличивается и аэродинамическое давление, особенно в местах, близких к соплам ракет-ускорителей. А ведь там-то и появилось пламя...

Р а з е р: Следует, видимо, пояснить телезрителям, что ускорение и замедление движения космического корабля осуществляется с помощью его собственных двигателей, расположенных в хвостовой части «челнока». Их мощность можно увеличивать или уменьшать, тогда как вспомогательные ракеты, ракеты-ускорители, работают в течение всего времени с постоянной мощностью.

Надо очень внимательно смотреть и слушать передачу, чтобы заметить: Дэн Разер с безупречной тактичностью и таким тоном, будто речь идет о чем-то несущественном, поправил Лео Круппа — в высшей мере осведомленного специалиста. Вспомогательные ракеты только помогают основным двигателям, работой которых управляет командир корабля. Таким образом, набор скорости осуществляется исключительно собственными двигателями «Челнока», ракеты в этом не участвуют, а следовательно, давление около их сопел при ускорении полета возрасти не может и, стало быть, пламя, которое заметил Лео Крупп и которое заметили телезрители, возникло по какой-то другой причине.

— Да, разумеется,— кивает Крупп,— я и имел в виду основные двигатели челночного корабля.

За спиной Дэна Разера проходит лысый мужчина в очках; в руке у него большой бумажный пакет, в каких обычно продают продуктовые наборы.

— Одну минутку, мистер Крупп,— говорит Разер.— Мы сейчас продолжим нашу беседу, но я должен проинформировать тех, кто нас смотрит и слушает, что в 3 часа 30 минут состоится пресс-конференция руководства НАСА. (Он бросает взгляд поверх камеры, где, по-видимому, расположены настенные часы.) То есть — примерно через 50 минут. Повторяю: в половине четвертого по времени Восточного побережья в космическом центре имени Кеннеди начнется пресс-конференция руководителей Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства. Будем надеяться, что услышим наконец хоть что-то определенное о случившемся, хоть что-то из уст официальных лиц НАСА... Для тех, кто лишь недавно включил нашу передачу, хочу сообщить, что выступление президента Рейгана с речью «О положении страны» сегодня не состоится. Первоначально речь была запланирована на девять часов вечера, но недавно стало известно, что лидер большинства в сенате Боб Доул и лидер республиканской партии в палате представителей конгресса Боб Митчелл... (Говоря это, Разер время от времени поглядывает на монитор.) ...а также другие политические деятели, посоветовавшись, рекомендовали президенту воздержаться сегодня от этого выступления. Президент согласился с их мнением и перенес речь на следующую неделю. Однако сегодня президент выступит с обращением к американскому народу по поводу события, которое в Белом доме называют не иначе как трагедией. Время и форма обращения пока не определены, но как бы то ни было, редакция новостей телекомпании Си-би-эс намерена вести прямую трансляцию выступления главы государства... А пока мы продолжаем передачу, посвященную катастрофе «Чэлленджера». Из Нью-Йорка ее веду я, Дэн Разер, с мыса Канаверал во Флориде — наш корреспондент Брюс Холл, уже неоднократно передававший прямые репортажи о запусках космических кораблей. (На мгновение в кадре возникает мужчина в красно-бело-синем галстуке; рядом с ним видна модель «Чэлленджера», однако масштаб ее значительно крупнее, чем у той, которой он пользовался раньше.) Само собой разумеется, что Брюс Холл будет присутствовать на пресс-конференции НАСА. Кроме него в нашей программе участвует конструктор космических кораблей, летчик-испытатель фирмы «Рокуэлл» Лео Крупп, находящийся сейчас в нашей студии в Лос-Анджелесе. (В кадре теперь Лео Крупп; чуть повернув голову, он смотрит на экран монитора, где в данный момент изображен он сам.) Мистер Крупп, сейчас, когда с момента катастрофы прошло уже известное время, на что бы вы посоветовали обратить особое внимание? Что, по вашему мнению, могло бы пролить свет на причины трагедии?

— Каждый раз, когда происходит авария, подобная сегодняшней, трудно сделать какие-либо выводы, не дождавшись хотя бы предварительных результатов расследования.— Лео Крупп говорит, сцепив пальцы и упершись обоими локтями в стол, о существовании которого можно лишь догадываться, поскольку в кадр он не вошел.— Вообще же для выводов необходимо располагать всеми возможными данными. Так что давайте повременим, пока НАСА не придет к окончательным итогам и не объявит официально причины случившегося. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL TEST PILOT — бывший летчик-испытатель фирмы «Рокуэлл». И сразу же: LIVE, LOS ANGELES.) Другое дело — поговорить о степени риска при осуществлении космических полетов. Риск существует при каждом запуске, как бы ни были совершенны

системы летательных аппаратов, с помощью которых мы сегодня штурмуем границы человеческих возможностей, границы знания. И я отнюдь не считаю, что руководство НАСА безответственно относится к делу. Ведь прогресс невозможен без риска. И люди к этому привыкают. Привыкли и к тому, что полеты вот уже много лет проходят без сучка без задоринки; люди успокоились, надеялись, что и на этот раз все пройдет гладко... Но так или иначе, едва ли сегодняшняя катастрофа окажет какое-либо влияние на будущее американской космической программы.

— Еще раз напомним телезрителям,— говорит Разер,— что это был 56-й запуск в космос американского пилотируемого корабля, и ни в одном из полетов никто до сих пор серьезно не пострадал. Правда, в 1967 году, чуть ли не день в день, 27 января, на космодроме во Флориде случилась трагедия, погибли трое астронавтов — участников программы «Аполлон», но катастрофа произошла на земле, перед стартом. С тех пор было произведено 24 успешных запуска людей в космос. Я никоим образом не хочу приуменьшить значимость и трагизм случившегося сегодня, просто есть факты, и они выстраиваются в такую вот цепочку, последнее звено в которой — катастрофа «Чэлленджера»... Мой вопрос Брюсу Холлу: а как, по твоим сведениям, обстоят дела у Советов? Сколько у них было аварий?

Брюс Холл глубоко вздыхает и не спешит с ответом. Похоже, он не расслышал, кому адресован вопрос. (Надпись: BRUCE HALL, CBS NEWS.)

— Дэн, как на этот счет дела у Советов, я толком и сам не знаю. Может, Лео осведомлен лучше. он все-таки следит за зарубежным опытом. А мне известно только одно, что и у них были какие-то трудности. (Надпись: LIVE, KENNEDY SPACE CENTER.)

Во Флориде сильный ветер, полотнища флагов вытянулись почти перпендикулярно флагштокам. За спиной Брюса Холла над автостоянкой проплывает большая стая птиц.

— Ответьте нам, мистер Крупп. Насколько, по вашим сведениям, Советы отстали от нас в производстве ракет на сжиженных водороде и кислороде?

Взгляды Разера и изображенного на экране монитора Лео Круппа встречаются. Вид у Круппа несколько удрученный.

— Я, Дэн, не располагаю на данный счет никакой информацией. Об этом лучше спросить кого-нибудь другого...

— Да-да, конечно,— спохватывается Разер,— не будем забывать, что вы, мистер Крупп, в первую очередь летчик... Крупный специалист, знаток космической техники, но все же в первую очередь летчик. (Он отворачивается от монитора и садится лицом к телезрителям). Прошу вас, мистер Крупп, и тебя, Брюс, не выключать микрофоны и мониторы. Давайте проведем один эксперимент. В нашем распоряжении имеется видеозапись одного из прежних запусков «Чэлленджера», и мы можем сопоставить ее с записью сегодняшней катастрофы. В последний раз «Чэлленджер» совершил удачный полет осенью прошлого года. У нас сохранилась запись старта, которую мы и используем для сравнения с той, что сделана сегодня. Итак, сегодняшнее утро и утро 30 октября прошлого года...

Экран по вертикали разделен надвое, слева и справа почти совершенно одинаковые картины: «Чэлленджер» и стартовая опора на фоне голубого неба. Слева надпись: сегодня утром; справа — 30 октября 1985 года. И тут и там двигатели уже запущены. Цвет пламени, вырывающегося из-под корабля, расположенного на левой половине экрана, интенсивно красный, у другого пламя светлее. Съемка велась с разных точек, поэтому если на сегодняшней записи видны клубы белого дыма, то на прошлогодней его почти не заметно, поскольку камера находилась на некоем возвышении и на переднем плане оказались часть стартовой опоры, нос челночного корабля и левая ракета-ускоритель, а ниже — квадратные бетонные плиты стартовой площадки и уходящее вдаль поле, покрытое жухлой травой.

С л е в а: белый дым становится серым.

С п р а в а: в нижней части корабля яркое свечение. Теперь и с верхней точки видны клубы дыма.

С л е в а: крупным планом подвесной топливный бак и головная часть одной из ракет.

С п р а в а: никаких изменений, разве что свечение становится все ярче.

(Надпись: ELAPSED TIME — истекшее время: 00.00,5 и 6 и 7... Оба «Чэлленджера» трогаются с места. Мелькают десятые доли секунды: 1,5, 1,6, 1,7...)

С л е в а: корабль покидает стартовую опору. Мягкие, пастельные тона, вызывающие в памяти мультфильмы Уолта Диснея.

С п р а в а: слившиеся воедино «Чэлленджер» и подвесной топливный бак образуют сплошную иссиня-черную тень на фоне алого неба.

(00.03,7)

С л е в а: крупным планом весь космический транспорт: «челнок», топливный бак и один из ускорителей; рвущееся из сопел пламя достает до земли.

С п р а в а: «Чэлленджер» на вершине огненного столба, вырастающего из облака дыма.

(00.18,1)

Осевое вращение, «бочка». Положение кораблей в кадре теперь совершенно одинаковое, точка и угол съемки — одни и те же. «Чэлленджер», стартовавший сегодня, летит в лилово-красном ореоле; в этот же момент в октябре его окружали пастельные краски.

(00.24,2)

С л е в а: по-прежнему крупным планом «челнок», намертво вцепившийся в подвесной топливный бак, но теперь видны оба крыла корабля.

С п р а в а: точка съемки другая; видимо, оператор находится на борту вертолета. Внизу вдали космический центр имени Кеннеди — зеленый островок, окруженный морскими заливами. Стартовая опора кажется отсюда чрезвычайно высоким сооружением. Облака дыма, следующие за «Чэл-

ленджером», все ближе к настоящим облакам в небе.

(00.39,2)

Замедление скорости. Опять справа и слева изображение почти одинаковое, разве что на октябрьской видеоленте корабль кажется чуть меньше, чем на сегодняшней. Однако угол траектории по отношению к вертикали, яркость белесого пламени одни и те же.

(00,48,9)

Все в полном порядке, системы кораблей функционируют нормально, из сопел двигателей, как и положено, вырываются столбы пламени. Сейчас такое впечатление, будто на правой половине экрана корабль, стартовавший в октябре, летит под более крутым углом, но, возможно, просто изменилось положение видеокамеры.

(1.04,8)

Две кометы, похожие, как близнецы. Скорость полета — около 104 процентов.

(1.07,6)

И вот звучит фраза, уже столько раз слышанная за сегодняшнее утро: CHALLENGER GO AND THROTTLE UP. Когда голос замолкает, на электронном секундомере цифра 1.09,1. Фраза длилась полторы секунды.

Слева: корабль едва виден за газовым облаком.

Справа: та же картина, контуры корабля едва угадываются.

(1.11,5)

Слева: новая точка съемки, в профиль. Пурпурное небо, на фоне которого особенно выделяется белая твердотопливная ракета.

Справа: спокойное синее небо, корабль будто насажен на огненный столб.

(1.12,9)

Слева: ярко-белая вспышка в головной части подвесного топливного бака, оранжево-желтое облако окутывает «Чэлленджер».

Справа: полет нормальный.

(1.21,7)

Слева: облако в форме гигантской рогатины на фоне темно-синего неба.

Справа: небо такого же цвета, но «Чэлленджер» уверенно набирает высоту.

Дэн Разер: Мы продемонстрировали вам синхронизированные видеозаписи двух запусков «Чэлленджера» — сегодняшнего и произведенного 30 октября прошлого года. И прежде всего я хочу обратиться к мистеру Круппу: сравнив два этих старта, сегодняшний и 30 октября, заметили ли вы что-нибудь характерное? Может быть, у вас возникло какое-либо предположение?

Лео Крупп указательным пальцем левой руки ослабляет узел галстука.

Крупп: Да нет, Дэн. Пожалуй, нет. Единственный примечательный кадр, это когда корабль показали сбоку крупным планом и стали видны пробивающиеся сквозь обшивку язычки пламени. (Пальцем правой руки он изображает на ладони левой, какой формы было пламя.) Вообще же сегодняшняя и прошлогодняя видеозаписи очень разные, сделаны с разных точек съемки, угол зрения, правда, иногда совпадал, но слишком редко, чтобы можно было провести в какой-то мере серьезное сравнение.

Дэн Разер: Во Флориде, на мысе Канаверал, находится наш корреспондент Брюс Холл, который сегодня утром наблюдал запуск от начала до конца. Брюс, ты говорил и неоднократно повторял во время передачи, что в этот раз корабль взлетал медленнее, чем обычно, что он медленнее отделился от стартовой опоры, медленнее выполнил «бочку». Только что ты вместе с нами посмотрел синхронизированные видеозаписи двух стартов. Было ли в них что-нибудь такое, что показалось тебе странным?

На столе перед Брюсом Холлом стоит макет «Чэлленджера». Самого стола не видно, и благодаря удачному сочетанию масштабов макета и расположенных на заднем плане сооружений космического центра создается впечатление, будто это настоящий «Чэлленджер», готовящийся стартовать с автостоянки.

Брюс Холл: Нет, не заметил ничего нового. Когда наблюдал запуск, так сказать, невооруженным глазом, мне действительно показалось, что он проходил как-то замедленно, но теперь, сравнив две эти видеозаписи, убедился, что оба старта были практически одинаковыми. А первое впечатление, видимо, оказалось ошибочным, слишком мы все волновались, вот и померещилось... Хочу напомнить, что сегодня «Чэлленджер» стартовал с опоры типа «39/В», тогда как все предыдущие запуски осуществлялись с опоры типа «39/А». Таким образом, и траектории полета в двух показанных только что случаях отличались одна от другой. Потому и трудно сравнивать. Однако в настоящее время специалисты НАСА анализируют — подчеркиваю, работа еще не завершена, потому и не сделано пока официального заявления,— в частности, и замеченную при просмотре замедленной видеозаписи утечку жидкого горючего, а не только то пламя, о котором говорил Лео. (Карандашом он указывает на нижнюю часть модели.) Вот здесь за секунду, а может быть, и за полсекунды до взрыва мы заметили язычки пламени, запального пламени, как я бы его назвал, пользуясь терминологией артиллерии прошлого. Сразу же вслед за этим показался какой-то пар, вырывавшийся под большим давлением. Со ссылкой на Лео позволю себе назвать это утечкой жидкого горючего. Причины утечки и анализируют в данный момент специалисты НАСА самым тщательным образом. Ведь утечка не образовалась сама собой, ее что-то вызвало. Итак, вот здесь, внизу, возникло пламя, а вверху под давлением вырывались пары горючего. (Карандаш перемещается к головной части подвесного топливного бака, наполненного сжиженными водородом и кислородом.) Иными словами, в корпусах главного топливного бака и правой — не левой, как считает Лео, а правой, как показалось нам,— ракеты-ускорителя возникли отверстия, которых не должно было быть. При нормальных обстоятельствах в этих точках никогда не бывает ни пламени, ни выделения паров горючего. Налицо факты существенных отклонений от нормы. И хотя НАСА, повторяю, ничего пока не заявило офи-

циально, уже известно, что главное внимание экспертов приковано сейчас именно к этим двум точкам, и есть основания полагать, что в них кроется секрет катастрофы. (За спиной Брюса Холла видно, как по шоссе мчится ярко-синий лимузин. Ветер по-прежнему сильный, расправленные флаги даже не колышутся, и создается впечатление, будто они сделаны не из ткани, а из стальных листов.) Что ж, будем ждать новостей. Тем более что время, когда многое станет известно, уже определено: на половину четвертого намечено начало пресс-конференции.

Р а з е р: Для тех, кто только сейчас включил нашу передачу, сообщаю, что в 3 часа 30 минут по времени Восточного побережья Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства планирует провести пресс-конференцию, посвященную катастрофе, происшедшей сегодня утром. В данный момент... (поднимает глаза на часы)... до назначенного времени еще примерно 40 минут. (Разер едва заметно морщится: видимо, слишком грубо округлил цифру, что может не понравиться тем из телезрителей, кто привык более бережно обращаться со временем.) На пресс-конференции будет впервые официально объявлено о том, что именно случилось с «Чэлленджером» и каковы были причины. Напомню, НАСА до сих пор ничего не сообщило о судьбе находившихся на борту челночного корабля семерых американцев. В то же время все данные свидетельствуют о том, что после произошедшего сегодня утром взрыва никто из них не остался в живых. Однако поскольку официального заявления НАСА на этот счет нет, сказанное остается лишь нашим предположением. Программа Си-би-эс намерена вести прямую трансляцию пресс-конференции, которая начнется, по времени Восточного побережья, в 3 часа 30 минут... (смотрит на часы) ...то есть теперь уже менее чем через 40 минут. Прямая трансляция пресс-конференции НАСА станет составной частью длящейся уже почти полдня передачи, которую редакция новостей телекомпании Си-би-эс целиком посвятила кошмарной катастрофе, случившейся сегодня утром с космическим кораблем «Чэлленджер». Катастрофа произошла через 72—75 секунд после старта корабля с космодрома на мысе Кеннеди. Мы изложили уже много версий случившегося. Как сообщил Брюс Холл, сегодняшний запуск производился с новой стартовой опоры. Могла сыграть роковую роль и погода, необычайно холодная даже для севера штата Флорида; столбик термометра опустился до отметки 28 градусов по шкале Фаренгейта, то есть значительно ниже температуры замерзания воды. Как уже говорилось, «Чэлленджер» должен был вывести в космическое пространство искусственный спутник, целью которого являлась встреча с кометой Галлея, а также спутник связи — очередной в телекоммуникационной сети НАСА. Дата запуска «Чэлленджера» неоднократно переносилась, и сегодня утром старт также откладывался и был произведен на два часа позже первоначально намеченного времени. Отсрочка потребовалась для того, чтобы специальная группа экспертов НАСА обследовала корабль и стартовую опору, на поверхности которых образовался лед...

В течение всего этого монолога Дэн Разер не отрываясь смотрит в объектив камеры, как во время программы вечерних новостей. Впрочем, если получше приглядеться к нему, становится ясно, что он считывает текст с так называемой «бегущей строки» — бумажной ленты, движущейся чуть ниже телекамеры.

Р а з е р: Эксперты пришли к заключению, что обледенение не представляет опасности, и в районе 11.30 утра, на два часа позже планового срока, запуск был произведен. В течение первых 70 секунд полет внешне проходил нормально. Затем возникло пламя... (бросает короткий взгляд вправо) ...или, как выразился мистер Лео Крупп, образовалась утечка газов, которые тотчас вспыхнули. После этого произошел взрыв, и «Чэлленджер», превратившись в гигантский огненный шар, рухнул... (опускает глаза и смотрит то ли на экран монитора, то ли в свои записи) ...рухнул в Атлантический океан тысячами мелких обломков. Так что нет никаких шансов на то, чтобы Криста Маколифф и ее спутники, чтобы хоть кто-нибудь из семерых астронавтов остался в живых. К месту происшествия, расположенному в 18 милях к северо-востоку от берегов Флориды, тотчас поспешили спасательные суда и вертолеты, однако никаких обнадеживающих сообщений из зоны поисков не поступило. Кроме учительницы Кристы Маколифф на борту «Чэлленджера» находились командир корабля 46-летний Фрэнсис Дик Скоби, второй пилот Майкл Смит, вторая американская женщина-астронавт Джуди Резник...

Снова на экране знакомая фотография. На этот раз она почему-то не черно, а сине-белая. Американский флаг — сочетание темно-синего и белого, синие и голубые волосы у астронавтов. Начиная с «античного» периода фотографии, все групповые портреты делаются одинаково, независимо от того, кто на них должен быть изображен. Что футбольная команда с сидящими на корточках и лежащими нападающими, что команда гандболистов с мячами в руках, что передовая бригада рабочих с защитными касками, что третий взвод четвертой роты второго батальона девятого полка третьей армии... Теперь вот экипаж космического корабля с гермошлемами, покоящимися на коленях.

Р а з е р: ...39-летний Эллисон Онизука, 35-летний доктор наук Рональд Макнейр, 41-летний инженер по спутниковому оборудованию Грегори Джарвис. И 37-летняя учительница из города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир, мать двоих детей, преподававшая в школе историю и географию,— Криста Маколифф. Все они находились на борту «Чэлленджера», когда он вскоре после старта взорвался... Мой вопрос к Брюсу Холлу, находящемуся сейчас во Флориде...

Камера объезжает полукруглый стол, за которым сидит Дэн Разер, и телезрители получают редкую возможность взглянуть, что́ видит телеобозреватель, когда ведет передачу. В данный момент перед Разером два монитора, на экране одного из них он

видит самого себя, на экране другого — флоридского корреспондента.

Р а з е р: Уже долгие годы не прекращается спор — и конца-края ему не видно — вокруг одного вопроса: стоит ли вообще человеку летать в космос? Кто смотрел фильм «THE RIGHT STUFF» («Первоклассный материал») или читал книгу Тома Вулфа того же названия — и фильм и книга посвящены нашей космической программе,— те знают, что споры о целесообразности полетов человека в космос всегда были и, видимо, всегда будут... Так вот, я спрашиваю Брюса Холла, как, на его взгляд, обострится ли этот спор после сегодняшнего события? Слушаем тебя, Брюс...

Сперва раздаются какие-то нечленораздельные звуки, затем и они пропадают. Разер молча смотрит на экран монитора, где Брюс Холл что-то оживленно рассказывает, но вместо его голоса слышен лишь треск. Наконец прорывается и голос:

— ...Дик Скоби, ветеран космической программы, впервые стартовал в апреле 1984 года. (Надпись: LIVE, KENNEDY SPACE CENTER. И тотчас как вспышка молнии: BRUCE HALL, CBS NEWS.) Он был командиром сегодняшней экспедиции. Скоби сам безоговорочно верил и других убеждал в том, что путь в будущее человечества лежит через космос и прокладывается космическими полетами. Человечество выживет только в том случае, считал он, если преступит земные пределы, если завоюет новые места обитания. Скоби был убежден, что это единственный путь, гарантирующий выживание человечества, и альтернативы этому пути нет. Не он один придерживался подобных взглядов, точно так же считают все участники осуществления космической программы. Но Дик Скоби был не просто одним из них, он чаще, чем кто бы то ни было, публично выступал с рассуждениями на эти темы, пропагандировал такое мировоззрение. В ходе подготовки к своему последнему полету...

Из всего, что дальше говорит Брюс Холл, разобрать удается только имя Кристы Маколифф. Связь снова нарушается.

— У нас, к сожалению, прервалась звуковая связь с мысом Кеннеди,— говорит Разер.— Брюс развивал мысль о том, что астронавты считают само собой разумеющимся, когда и человек отправляется за пределы Земли, а не только машины и приборы. В нашей передаче участвует Лео Крупп, и он тоже хорошо информирован об этом споре. Я полагаю, насчет его точки зрения ни у кого нет сомнений, поскольку чего же еще ждать от летчика в подобном споре, кроме как решительного заявления: человек должен летать. Космические полеты не просто нужны, они необходимы. Я ведь угадал ваше мнение, мистер Крупп, не так ли?

— Я уже не раз говорил, Дэн, что для меня полеты человека в космос — это как первые, пробные полеты братьев Райт, как испытательные полеты первых турбореактивных самолетов. Только прогресс в технике может гарантировать прогресс вообще, может гарантировать человечеству лучшую жизнь. Мы еще только едва-едва заглянули в космос; космические станции, поселения на Луне — все это пока дело отдаленного будущего. И не может же быть остановлен прогресс в этом направлении из-за одного несчастного случая. С первыми самолетами тоже случалось множество катастроф. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL TEST PILOT.) Где бы мы сейчас находились в смысле технического развития, если бы после того, как братья Райт разбили свою первую машину, все раз и навсегда перестали бы летать? Нет, так рассуждать нельзя. Конечно, то, что случилось сегодня, трагично, у всех у нас скверное настроение. Но те, кто участвует в осуществлении космической программы, знают, насколько всегда велик риск, знают, на что идут. Будущее за все жертвы воздаст сторицей.

— А не лучше ли было бы отдать приоритет таким автоматическим аппаратам, как, скажем, «Вояджер-2»? — спрашивает Дэн Разер.— Ведь как раз сегодня он прислал нам поразительные фотоснимки Урана...

— Полеты беспилотных аппаратов тоже очень важны, однако и человек должен летать в космос. (За спиной Лео Круппа проходит женщина. Когда она исчезает, оказывается, что Крупп остался в лос-анджелесской студии один,— все ушли. Кроме оператора, разумеется.) Есть работа, которую может выполнить только человек. У человека мышление гораздо более гибкое, чем у компьютера. Да, автоматы способны сделать практически все, чего мы от них потребуем, мы можем даже корректировать их действия на расстоянии, но все же нет и не может быть лучшего компьютера, чем человек. Это доказано множеством случаев из истории освоения космоса. Сколько раз человек находил выход, казалось, из безвыходных ситуаций, сколько раз исправлял ошибки автоматов. Поэтому я считаю, что очень важно продолжать как полеты беспилотных космических аппаратов, так и полеты пилотируемых кораблей.

Крупп поправляет наушник — крохотный, как у слухового аппарата.

— Мои друзья и просто знакомые, имеющие самое непосредственное отношение к осуществлению космической программы,— говорит Дэн Разер,— рассказывали мне, что на них оказывают довольно сильное давление. (Лео Крупп все теребит наушник. Морщины у него на лбу становятся все глубже.) График полетов настолько плотен, что его практически невозможно выдержать, потому порой и откладывались запуски кораблей. Плюс ко всему снизились ассигнования на космические исследования. Если говорить откровенно, могла ли катастрофа явиться следствием всего этого?

Крупп растерянно смотрит куда-то в сторону. Вполне возможно, что там, за кадром, сидит помощник. Затем снова поворачивается к камере.

— Этот вопрос ко мне, Дэн?

— Да, Лео.

— Не думаю, чтобы на Управление по аэронавтике можно было оказывать давление. НАСА достаточно солидная организация и всегда поступает так, как считает возможным и нужным. Ни пресса, ни общественное мнение не могут заставить НАСА ускорить тот или иной запуск. Я убежден,

что и перед сегодняшним стартом все было на сто процентов в порядке.

— Восстановилась связь с Брюсом Холлом. Брюс, к тебе тот же вопрос: твои знакомые из системы НАСА не говорили, что испытывают чье-либо давление извне?

Брюс Холл, прислушиваясь, щурит глаза. Наконец понимает вопрос.

— Да, кое-что говорили. Программа на 1985 год была крайне амбициозной, а в 1986 году стала еще напряженней. (Надпись: BRUCE HALL, CBS NEWS.) Лео Крупп абсолютно прав, говоря, что НАСА никогда не дает согласия на запуск, если нет полной уверенности, что к старту все тщательно подготовлено. В то же время от Управления по аэронавтике требовали во что бы то ни стало выдерживать официально объявленный график полетов. Но выдержать его так и не удалось, наметилось отставание, и за это руководство НАСА подверглось резкой критике как со страниц печати, так и в конгрессе.

Ветер во Флориде немного стих, и флаги едва колышутся. Вдали по шоссе опять проезжает синяя легковая машина, теперь в обратном направлении.

— Самая что ни на есть конфликтная ситуация,— продолжает Брюс Холл.— Под нарастающим давлением сверху руководители НАСА вынуждены были потребовать от всех подразделений ускорить работы как только можно и при этом обеспечить максимальную безопасность полетов. А ведь НАСА — организация очень консервативная, здесь не терпят даже малейших отступлений от инструкций. Вот и создалась ситуация прямо как в фильме «Уловка-22». С одной стороны, программу надо форсировать изо всех сил, а с другой — не поступиться и малейшими мерами безопасности.

— К сожалению,— констатирует Разер,— сегодня не сработали и крупные меры безопасности. (Обращается к телезрителям.) Вы смотрите прямую передачу телекомпании Си-би-эс о последовавшей сегодня утром через 72—75 секунд после старта катастрофе челночного космического корабля «Чэлленджер». На борту находилось семь астронавтов, и нет никаких надежд на то, что хоть кто-нибудь из них остался в живых.

И снова он говорит о том, что выступление президента с речью «О положении страны» отложено, что ожидается его обращение к американскому народу, что на половину четвертого назначена пресс-конференция НАСА. И естественно, и конечно же, и само собой разумеется — вновь прокручивается видеозапись старта. Смотришь ее уже в состоянии полнейшей апатии. Разве что, если случайно зашел бы гость, можно изобразить из себя эдакого всезнайку. Смотри, смотри, вот сейчас будет крупный план!.. А сейчас он крикнет: «ROGER, GO AND THROTTLE UP!..» Еще чуть-чуть, секунд 7 или 8 осталось... Ага, вот оно! Ну, что я говорил?!.. То-то... И сыплющееся с неба на землю скопище звезд... Короче, идеальный случай для демонстрации кому-нибудь своей обывательской псевдоосведомленности в псевдосекретных делах. И все. Не более того.

— То, что вы сейчас видите, не мультипликация, а видеозапись реального запуска космического корабля и реального взрыва, сделанная сегодня утром,— говорит Дэн Разер.— В средней школе города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир... (На экране все еще демонстрируется видеозапись: колышущееся в небе рогатое облако.)... тысяча двести учащихся смотрели прямой репортаж о запуске по телевидению. Ведь в составе экипажа была их преподавательница истории и географии Криста Маколифф. Все пребывали в праздничном настроении.

На экране опять космодром, последние секунды перед стартом. Полупрозрачная вуаль газов, струящихся из сопел... Слышится: «Пять... четыре... три...» Клубы пара и дыма. И надпись: «EARLIER THIS MORNING» — сегодня утром.

Школьный класс, стройные ряды парт. Подростки смущенно улыбаются. В первом ряду — белокурая девочка, на ней бордово-черный пуловер настолько крупной вязки, что кажется, будто он сплетен из толстых ивовых прутьев. Чуть приоткрыв рот, она внимательно следит за происходящим на экране телевизора, находящегося за кадром. Рядом с ней сидит мальчик в синем джемпере, над верхней губой у него едва заметно обозначились русые усы. Придвинувшись вплотную к соседке, он тоже пристально вглядывается в телеэкран. Третья в первом ряду — девочка в красной блузке и синей вязаной безрукавке. Аккуратная и прилежная, она явно из тех, на кого мальчишки не обращают внимания. Из всего класса она, пожалуй, наиболее сдержанна. Позади девочки в бордовом пуловере — блондинка с большой грудью; она в ярко-желтой трикотажной «водолазке» и юбке на подтяжках, на голове у нее бумажный колпак, в руке — наготове труба. В задних рядах многие мальчишки и девчонки тоже напялили на себя шутовские колпаки, считая сегодняшний повод вполне подходящим для того, чтобы пошалить.

Весь класс считает хором:

— Два!.. Один!..

Слова «старт», произнесенного комментатором НАСА, уже не слышно — его заглушает какофония труб и картонных дудок, свиста и гиканья. Пышногрудая блондинка в желтой «водолазке» изо всех сил дует в трубу, под потолок взвиваются ленты серпантина. Девочка в бордовом пуловере что-то кричит на ухо соседу, тот смеется в ответ. «Пошел!..» «Ага!..» Вряд ли их диалог был более содержательным. На мгновение их взгляды встречаются, но тут она замечает направленную на них телекамеру и, смущенно смахнув с плеча серпантин, отворачивается от соседа.

Кто-то машет рукой. Девочка в красной блузке смеется, демонстрируя идеально ровные зубы.

Гул не смолкает, волнами разлетаются ленты серпантина, какого мне еще не доводилось видеть. Представьте себе эдакую ручную гранату; дергаешь за кольцо — и в воздух взмывает дюжина, а то и больше разноцветных бумажных лент, вместе похо-

жих на некое ископаемое чудовище со множеством щупалец.

У задней стены одиноко стоит учитель. Он теребит в руках тетрадку и, очевидно, никак не решит, за чем ему следить в первую очередь — за происходящим на телеэкране или за тем, что творится в классе. Борьба между любопытством и чувством ответственности никак не завершится в нем победой того или другого. Но оказывается, в классе находится еще один учитель. В рубашке с закатанными рукавами и неряшливо повязанном галстуке он с трудом поднимается из-за парты в самом заднем ряду и вразвалочку, как и положено при его полноте, идет по проходу к доске. Похоже, решил вмешаться, может быть, даже прикрикнуть: мол, хватит шуметь, следили бы повнимательнее за «Чэлленджером», ведь там ваша учительница!

Но внезапно тишина наступает сама собой. Съемка теперь ведется от задней стены. Экран установленного в классе телевизора выглядит отсюда просто голубым прямоугольником, на котором нет никакого изображения, кроме отблеска стоящего у боковой стены юпитера. По кафедре, напоминающей небольшую сцену, торопливо проходит оператор, за ним, едва поспевая, семенит ассистент с видеомагнитофоном. В задних рядах кто-то вскрикнул. Девочка в красном оборачивается, она по-прежнему широко улыбается и явно не понимает, что случилось, почему все вдруг угомонились. Отдаленный грохот сталепрокатного стана, шипение микрофона, не улавливающего никаких звуков, чье-то покашливание, осторожные шорохи — шумы, только подчеркивающие тишину.

Синеглазая девочка прижимает к губам кулачок; на среднем пальце у нее кольцо, в ушах сережки с крохотными бриллиантами. Она часто моргает и встревоженно озирается по сторонам. Блондинка в колпаке вскрикивает и тоже зажимает рот рукой. Сидящая позади нее сверстница уставилась ничего не выражающим взглядом в одну точку и жует жвачку... «Специалисты центра управления полетом тщательно анализируют имеющиеся данные...» Девочка с синими глазами резко оборачивается, будто ее окликнули, затем снова пристально смотрит на экран телевизора, как смотрят все, кто находится сейчас в классе,— с застывшими лицами.

Дэн Разер: А сейчас мы покажем вам небольшую подборку видеосюжетов об учительнице Кристе Маколифф. В июле прошлого года вице-президент Буш поздравил ее с выпавшей ей высокой честью отправиться в космический полет на борту «Чэлленджера». Как уже говорилось, кандидатуру Кристы Маколифф выдвинул лично президент Рейган, и вице-президент в данном случае лишь выполнял его поручение.

Джордж Буш на трибуне, напоминающей церковную кафедру. С торжественным видом он зачитывает какой-то текст, но ни слова не слышно — запись воспроизводится без звука. В заключение вице-президент вскидывает руку вверх, и присутствующие, полукругом выстроившиеся перед трибуной, беззвучно аплодируют. Криста Маколифф в желтом костюме, к отвороту жакета приколота алая роза.

Видеозапись некачественная — двоится роза на жакете, двоится улыбка учительницы, двоятся морщинки вокруг ее рта. Финалистов конкурса «Учитель в космосе» всего десять. Криста стоит перед камином. Все беззвучно и без особого воодушевления аплодируют, у всех на отворотах красные розы, но только победительница одета в желтое, остальные — в одинаковых синих костюмах. Группа стоит полукругом, в центре — Криста Маколифф и вице-президент, он тоже в синем костюме, и поэтому вся эта сцена очень напоминает сцену торжественного хора из греческой трагедии.

Криста Маколифф поднимается с пола, тотчас в испуге снова приседает, затем все-таки выпрямляется. Сержант-инструктор в синем комбинезоне одной рукой легко подбрасывает ее в воздух, сам при этом другой рукой держится за поручень.

Действие, судя по всему, происходит в самолете, на тренировке в условиях невесомости. Такие условия, сходные с невесомостью в космосе, возникают в самолете, когда он, выполняя «мертвую петлю», выходит к самой верхней ее точке. Инструктор ловит некий парящий в воздухе блестящий предмет, видимо выпавший у кого-то из кармана. Криста Маколифф, раскинув руки, летит к противоположной стенке салона. Другая участница тренировки (только что мы видели ее в числе аплодировавших победе Кристы Маколифф), тоже учительница, неуклюже кувыркается где-то под потолком. Криста, рассеянно улыбаясь, пытается приземлиться на обитую жестью скамейку, но, едва коснувшись ее, отскакивает к усеянной заклепками дальней стенке.

— Старту предшествовали продолжительные тренировки,— комментирует Дэн Разер.— А в один из дней отдыха мы встретились с Кристой Маколифф, и вот что она нам сказала...

Криста выпаливает фразы скороговоркой и с каким-то странным акцентом, какого я еще не слыхал. Впрочем, быть может, в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, все так говорят.

— Я хочу, чтобы мои ученики поняли, что история — это одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее. Я хочу стать их проводником в космическую эру..

Голос у нее резкий, если не сказать — режущий слух, а выражение лица нарочито серьезное, важное. Типичная провинциальная учительница, уверенная, что эффектные, напыщенные фразы есть главный признак интеллигентности. На ней розовая блузка с синим воротником и такого же цвета оторочкой на коротких рукавах. Кудрявые волосы взлохмачены.

Снова салон самолета? Или тренажер? Вдоль металлических стен, плавно переходящих в сводчатый потолок, друг против друга сидят на скамейках люди в шлемах

и кислородных масках. Рядом с каждым — черный ящичек со множеством кнопок и сигнальных лампочек. С потолка свисают какие-то шланги. В дверях стоит мужчина в рубашке с короткими рукавами и говорит в микрофон, однако слова разобрать невозможно из-за громкого шипения — то ли куда-то накачивают, то ли откуда-то пробивается сжатый воздух. Шипение усиливается. В кадре крупным планом Криста Маколифф. Одета она так же, как и все остальные, поэтому узнать ее можно лишь по глазам, в которых, как обычно, растерянность. Левой рукой она поправляет кислородную маску; у нее ухоженные, покрытые лаком ногти. Криста в белом трикотажном джемпере и брюках, через плечи к поясу тянутся пристяжные ремни. Рядом с ней мужчина в синем комбинезоне, он поднимает вверх большой палец правой руки: «Все отлично!» Криста Маколифф в этот момент изучает какую-то инструкцию, затем поворачивает голову к соседу, видит его жест и тоже поднимает большой палец.

На переднем плане, прислонившись к стене, на корточках сидит мужчина. В руках у него нечто вроде пистолета-распылителя, хотя скорее это какой-то измерительный прибор. Чуть в глубине помещения — Криста Маколифф, опять пристегнутая ремнями к сиденью. На ногах у нее гири, которые она медленно поднимает и опускает. Мужчина в бейсбольной шапочке следит за ее действиями и за лентой электрокардиографа, на которую самописец наносит зигзагообразный рисунок. Лицо учительницы исказилось от напряжения, она вытянула шею вперед и всем телом навалилась на ремни. Гири с грохотом ударяются о деревянный помост.

На ступеньках трапа, ведущего к входному люку челночного корабля (трудно сказать, где сделана эта видеозапись — то ли в ангаре, то ли в центре подготовки астронавтов), стоят финалисты конкурса «Учитель в космосе». Их десять — шесть женщин и четверо мужчин. На вид всем за тридцать. Они одинаково машут руками, на лицах — одинаковые улыбки. Криста Маколифф пятая сверху, но тем не менее кажется, будто она вытянула руку выше всех.

Снова съемки в самолете, снова тренировка в условиях невесомости. Новички в окружении профессионалов. Последние, взявшись за руки, парят в воздухе, образуя звезду, как группа опытных спортсменов-парашютистов. Впрочем, в данном случае — парашютистов наоборот, поскольку они не падают, а мчатся все выше вверх.

Вот они опустились на пол и, держась за поручни, обступили беспомощно барахтающихся учителей, которые на этот раз участвуют в тренировке в полном составе — вдесятером. Профессионалам не надо привыкать к состоянию невесомости, однако, хотя работа этих людей имеет самое непосредственное отношение к космическим полетам, они никогда не дождутся своего старта. Они — сержанты, старшины, просто инструкторы — как преподаватели офицерских училищ, во власти которых выжать все соки из будущих командиров, но которым за всю жизнь так и не узнать, что чувствует ротный, когда получает батальон.

Кандидаты в астронавты пытаются подняться с пола, и это им удается, но — вперед, то бишь вверх ногами. Они что-то кричат, но запись не звуковая, и видно лишь, как в полном безмолвии округлились их рты и глаза. На переднем плане один из инструкторов (он твердо держится на ногах и умело сохраняет равновесие, как, впрочем, и все остальные инструкторы) хватает за запястье белокурую женщину и резко выкручивает его. На земле он таким приемом вывихнул бы ей руку, здесь же вместе с рукой все тело блондинки начинает вращаться в воздухе. Тренеры сейчас очень напоминают служащих луна-парка былых времен, тех невозмутимых здоровяков, что подстраховывали и подхватывали на лету отчаянных посетителей, отважившихся пробежаться по вращающейся бочке и неизменно шлепавшихся животом вниз. Наделенные от природы мощными бицепсами, они любили приходить на помощь бессильным; если же случалось, что на бочку взбирался какой-нибудь сорванец, который бежал и бежал по ней не спотыкаясь, они, стоя на всякий случай поблизости, испепеляли его взглядами, полными благородного презрения.

— Этот вид тренировок обязателен для всех, кто готовится к космическому полету,— говорит Разер.— Перед тем как переступить порог космического пространства, каждый должен узнать, что такое невесомость и как себя в ней вести... Однако Кристу Маколифф на этом пороге ждала гибель.

Ослепительно улыбающаяся, излучающая восторг и счастье, Криста Маколифф в голубом комбинезоне шагает по асфальтовой дорожке. Никогда она не выглядела такой раскованной, такой естественной, как на этой видеоленте. Основное внимание оператор сосредоточил на ней, остальные члены экипажа для него не более чем массовка. Все-таки впервые в космос летит учительница. Астронавты подходят к автобусу, украшенному широкой красно-бело-синей полосой. Из-за плеча Кристы Маколифф выглядывает скуластое лицо Эллисона Онизуки, сияющее ироничной азиатской улыбкой. Почти непрерывный яркий свет фотовспышек. На кузове автобуса — четко очерченная тень Кристы. Тень бывает только у живых. Но уже вот-вот автобус помчит учительницу из Конкорда в мир призраков. Впереди Кристы идут высокий худощавый Майкл Смит, второй пилот, а также широко улыбающийся Рональд Макнейр в очках. Командир уже поднялся в автобус, и в кадре видна лишь его спина. На мгновение за спиной Онизуки мелькнула лысая голова Джарвиса.

Дэн Разер (тоном, каким он обычно зачитывает последние известия): Экипаж садится в автобус, чтобы отправиться на стартовую площадку, к «Чэлленджеру», судьба которого предрешена. Миссис Маколифф преподавала в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, историю и географию. (Уже знакомая фотография. На золотистой табличке в форме трапеции — надпись: «CHRISTA McAULIFFE, SCHOOLTEACHER». Погибнув астронавтом, она осталась учительницей. Во всяком случае на телевизионной заставке.) Из более чем 11 тысяч учителей именно ей досталось право первой полететь в космос. Планировалось, что она проведет с борта «Чэлленджера» два урока продолжительностью по пятьдесят минут, которые должны были транслировать некоммерческие телевизионные станции и радио. В сотнях школ учащиеся готовились к этим необычным урокам из космоса, но трагедия отменила их. Как всем вам уже известно, сегодня утром вскоре после старта челночный космический корабль «Чэлленджер» взорвался. (До сих пор он говорил, глядя в объектив телекамеры, теперь же откровенно зачитывает с листа.) Ранее мы уже сообщали, что задачи данной космической экспедиции были следующими: вывод на околоземную орбиту искусственного спутника, предназначенного для изучения кометы Галлея, а также очередного спутника связи, который должен был стать новым звеном в телекоммуникационной системе НАСА. Спутники находились в грузовом отсеке «Чэлленджера» и были уничтожены взрывом вместе с кораблем.

Снова на экране цветные портреты астронавтов в золотистых рамках и с фамилиями на табличках в форме трапеции. Но, как я теперь замечаю, это не фотографии, а увеличенные кадры видеозаписи, сделанной во время завтрака. Дэн Разер скороговоркой перечисляет фамилии, которые за сегодняшний день телезрители имели возможность уже выучить наизусть.

Внезапно перед камерой возникает импозантный мужчина с широким, как у жабы, ртом и выпученными, как у нее же, глазами. Придав лицу ироничное выражение, он выжидающе смотрит в объектив.

— В нашей передаче участвует бывший директор НАСА, а ныне председатель Национальной комиссии по делам космоса Томас О. Пэйн,— говорит Дэн Разер.— Вместе с Лео Круппом он находится в нашей студии в Лос-Анджелесе. Доктор Пэйн, я искренне сожалею, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами. Что вы можете сказать в связи с происшедшей сегодня утром ужасной катастрофой? (Теперь над головой Дэна Разера Латинская Америка. Только по изменению положения его головы относительно карты мира и можно установить, что время от времени он все-таки покидает свое кресло.)

Томас Пэйн говорит сдавленным голосом, но тон его вполне бодрый и отнюдь не трагичный.

— Разумеется, все мы испытываем чувство невосполнимой утраты и искренне сочувствуем семьям погибших астронавтов. Каждый из них был настоящим профессионалом в высшем смысле этого слова, настоящим подвижником и смельчаком. Сегодняшний день — день скорби для всего коллектива НАСА.

— Доктор Пэйн,— обращается Разер к экрану невидимого монитора,— в последнее время очень много говорят о том, что НАСА испытывало сильное давление сверху. Это подтверждают и сами служащие управления. Какого характера было это давление? И какую роль оно могло сыграть в том, что случилось сегодня? (Надпись: DR. THOMAS O. PAINE, CHMN. NATL. COMM. ON SPACE — предс. Нац. ком. по делам космоса.)

— Пока еще слишком рано говорить о том, что могло или не могло сыграть роль в сегодняшнем происшествии,— говорит Пэйн. Он тоже в синем пиджаке, а также в белой рубашке и красном галстуке; образец чиновничьей элегантности по-американски.— НАСА едва ли не самая надежная и безупречная инженерная организация в мире, всех работников управления отличает высочайший профессионализм. Не сомневаюсь, что на пресс-конференции, которая назначена на три часа, будет сообщено о первых результатах расследования, проводимого НАСА, но я полагаю, пройдут долгие месяцы, прежде чем будут окончательно установлены подлинные причины трагедии.

У доктора Пэйна лицо добродушной, улыбчивой ящерицы. С невозмутимым спокойствием он отвечает на вопрос, который никто ему не задавал, а тот, что был задан, Пэйн попросту игнорирует.

— Прошу прощения, доктор Пэйн, но пресс-конференция НАСА назначена не на три часа, а на полчетвертого,— уточняет Разер.— Что ж, подождем ее начала. (Быть может, ведущий и не стал бы поправлять председателя комиссии, но его, видимо, выводит из себя самоуверенно-ироничная улыбка Пэйна.) Вы, доктор Пэйн, прежде были директором НАСА, а теперь возглавляете Национальную комиссию по делам космоса. Стало быть, вы самым активным образом участвуете в осуществлении космической программы и в курсе всего круга вопросов, касающихся полетов в космос. В связи с этим у меня к вам такой вопрос: вполне ли оправданны те усилия, которые мы прилагаем в данном направлении? И что мешает сделать главную ставку на полеты беспилотных космических кораблей?

Улыбка Пэйна принимает оттенок снисходительности искушенного во всем и вся функционера.

— У меня сегодня счастливый день. Я только что вернулся из лаборатории, где наблюдал рандеву «Вояджера» с Ураном. А «Вояджер» — беспилотный корабль. И смею заверить вас, что я обеими руками за исследование космоса с помощью автоматических аппаратов...

Пэйн улыбается как ни в чем не бывало. Он словно находится за стеклянной стеной, сквозь которую до него не доходят вопросы Разера. А взгляд у него такой безмятежный, будто между ним и земной

реальностью расстояние в несколько световых лет.

— Космические полеты с каждым разом требуют все меньше затрат,— продолжает Пэйн,— и лет через двадцать будут обходиться нам в десять, а то и в двадцать раз дешевле. И следовательно, нет никаких сомнений в том, что в космос станет летать все больше людей. Я бы не стал так ставить вопрос: человек или автомат. Ведь судьба человечества зависит от освоения им космического пространства.

— Насколько мне известно, «Чэлленджер» стоил примерно 1,2 миллиарда долларов,— говорит Разер.— Вместе с ним у нас было четыре челночных космических корабля, а теперь осталось три. Насколько, по вашему мнению, сегодняшняя катастрофа отбросила нас назад в осуществлении космической программы? Или этот вопрос вы тоже считаете преждевременным?

Пэйн на мгновение задумывается, но улыбка не сходит с его лица.

— Вопрос непростой. Как вам, вероятно, известно, президент обратился к руководству НАСА и американских военно-воздушных сил с поручением разработать в совместном порядке проекты космических транспортных средств будущего, которые бы доставляли на орбиту разные грузы, не имея на борту людей. Идея уже обрела плоть, и в настоящее время имеются детально проработанные проекты, а к 1995 году новый транспортный корабль будет построен. Нам предстоит как следует проанализировать возможности оставшихся челночных космических кораблей и решить, стоит ли взамен «Чэлленджера» строить четвертый такой же. Не сомневаюсь, что в самое ближайшее время НАСА проведет этот анализ.

— Не существует ли, на ваш взгляд, опасность, что случившееся сегодня настолько затормозит реализацию нашей космической программы, что мы в этой области отстанем от Советов? — Телекамера направлена сейчас на Дэна Разера снизу вверх, отчего он становится похожим на капитана морского лайнера — в синем кителе и галстуке в полоску.

— Конечно, это отбрасывает нас назад,— через силу выдавливает из себя доктор Пэйн.— Конечно, что и говорить... К тому же — такая трагедия... (Последнюю фразу он явно вставил лишь из приличия.) Но я хотел бы напомнить, что после того, как сгорел «Аполлон», мы полностью пересмотрели всю программу полетов кораблей того типа, и я убежден, что она от этого только выиграла, стала более надежной. Это позволило нам успешно и без жертв высадиться на Луну. Не сомневаюсь, что после всестороннего анализа сегодняшней катастрофы и внесения соответствующих корректив в космическую программу родится по сути дела новая космическая программа, которая и на этот раз станет еще лучше прежней.

— Говоря о пожаре, возникшем на «Аполлоне», вы, насколько я понимаю, имели в виду трагедию 1967 года, в результате которой трое отважных астронавтов погибли, когда корабль еще находился на стартовой площадке. Сегодняшний случай первый, когда несчастье с американским космическим кораблем произошло в воздухе. Однако я хотел бы подчеркнуть: НАСА пока официально не объявило, что в результате этого несчастья находившиеся на борту астронавты погибли... Вы не будете возражать, доктор Пэйн, если мы воспользуемся вашим присутствием и еще раз с замедленной скоростью воспроизведем видеозапись старта «Чэлленджера»?

Доктор Пэйн чуть заметно морщится. Он молчит, но взгляд его делается холодным, из чего можно понять, что предложение ему не особенно по душе. Ведь у него сегодня такой счастливый день! Он наблюдал захватывающую картину встречи «Вояджера» с планетой Уран и теперь мысленно строит новые смелые планы на будущее, на космическое будущее человечества... Разумеется, он не хотел бы портить себе настроение просмотром этой видеозаписи... Но поздно: «Чэлленджер» уже на экране. Два призрачных силуэта — ракеты-ускорителя и челночного корабля — на фоне лилового неба возникли сразу же, как только Разер закончил фразу. И вот уже вспыхнул розовый язычок пламени.

— Мы снова имеем возможность посмотреть в замедленной записи момент взрыва. Нет такого американца, которому это зрелище не причиняло бы боль. Но особенно остро воспринимают его те, кто, как вы, доктор Пэйн, имеет самое непосредственное отношение к космическим полетам. Хотелось бы, чтобы вы прокомментировали видеозапись, а точнее — ту ее часть, где запечатлены моменты, непосредственно предшествовавшие взрыву.

Пламя становится все ярче. Появляется надпись: SLOW MOTION REPLAY — замедленное воспроизведение.

— Нет никаких сомнений, что пламя, которое мы сейчас видим где-то между подвесным баком и ракетой-ускорителем, явление совершенно ненормальное,— говорит Пэйн,— и вполне возможно, что именно оно привело к взрыву. Однако истинную причину катастрофы можно определить лишь в результате чрезвычайно тщательного расследования. Необходимо как следует проанализировать состояние всех обломков, какие только удастся извлечь из океана. Любой из них может оказаться ключом к тайне аварии.

— Сегодня,— говорит Разер,— почти весь день в нашей передаче участвует летчик-ветеран, постоянный консультант программы Си-би-эс Лео Крупп. Так вот, по его мнению, доктор Пэйн, сложившемуся после просмотра видеозаписи, в нижней части одной из твердотопливных ракет возник... э-э... Как вы это назвали, мистер Крупп?.. Кажется, газовым факелом?

На узком лбу Лео Круппа собирается тысяча морщин, глаза беспокойно бегают, но вместо того, чтобы ответить, он плотно сжимает губы. (Надпись: LEO KRUPP, FORMER ROCKWELL TEST PILOT.)

— Вот это место,— Разер показывает на макете,— необходимо исследовать, как считает мистер Крупп, особенно тщатель-

но, поскольку именно здесь замечена первая вспышка. Вы разделяете это предположение, доктор Пэйн?

Лягушачье лицо Пэйна озаряется легкой, снисходительной улыбкой: высказывать свое мнение насчет чужих мнений — его конек. (Надпись: DR. THOMAS O. PAINE, CHMN. NATL. COMM. ON SPACE.)

— Как я не раз убеждался на собственном опыте, когда происходят подобные аварии, первые впечатления крайне редко полностью совпадают с реальными результатами расследования. Поэтому я бы не стал сейчас строить догадки. На мой взгляд, ясно лишь одно: чреватое катастрофой отклонение от нормы возникло где-то вблизи подвесного топливного бака. Однако и это еще должно быть подтверждено в ходе расследования. Так что давайте наберемся терпения и подождем.

— А каково ваше мнение о чрезвычайно напряженном графике полетов, утвержденном на этот год? — Дэн Разер, снова напоминающий капитана дальнего плавания, стоящего на мостике, резко меняет курс.— Допускаете ли вы, что при подобных темпах безопасность полетов могла снизиться?

Пэйн будто не слышит вопроса; он выжидающе смотрит в объектив камеры и даже не моргает.

— Я имею в виду не то, как это сказалось именно на сегодняшнем запуске,— не успокаивается Разер.— Но ведь на НАСА оказывали чрезвычайно сильное давление. Или это неправда?

— Вы совершенно правы,— говорит Пэйн.— Действительно, один из самых серьезных вопросов заключается в том, что челночные корабли являются основными, почти единственными средствами доставки на орбиту тех или иных грузов. Однако пока расследование не завершено, едва ли правомерно ставить вопрос об их замене другими типами кораблей.

Итак, доктор Пэйн и на этот раз ушел от ответа. Судя по всему, лично на него оказывать давление — только тратить время и нервы. Впрочем, и для того, чтобы просто слушать его, надо иметь железное терпение.

Включаю 4-й канал, программу телекомпании Эн-би-си.

Первое, что бросается в глаза,— знакомая по многочисленным фотографиям и телепередачам книжная полка. Бордового цвета переплеты с золотым тиснением на корешках. Книги — одна к одной, причем совершенно одинаковые. Что в них? Правительственные постановления? Или это собрание чьих-то речей? Я неоднократно бывал в Капитолии, но так и не знаю, где там находится эта комната, в которой сенаторы обычно выступают с заявлениями для телевидения. Здесь тоже синие портьеры, но они, как правило, раздвинуты. В отличие от Белого дома, где портьера — действующее лицо, портьеры Капитолия не более чем статисты. «Действуют» здесь книги, которые должны быть видны на заднем плане. Сенатор, если он дорожит своей репутацией, выступает непременно на фоне книжной полки. Впрочем, репутацией дорожит каждый сенатор. Если же случится так, что он займет президентское кресло, то выступать перед телезрителями он будет уже из Овального кабинета, где главными деталями фона явятся государственный флаг и семейная фотокарточка.

— ...Сенаторы и конгрессмены были потрясены. Ведь им свойственны те же человеческие чувства, что и всем нам. В кадре — рано поседевший мужчина лет сорока с небольшим. Он в синем костюме и галстуке под цвет книжных переплетов. (Надпись: JOHN DANCY, THE U. S. CAPITOL — Капитолий, здание конгресса США.) — Поэтому вполне понятно, что известие о катастрофе ошеломило их. Многие сенаторы и члены палаты представителей конгресса высказались за приостановление космической программы. Ни один новый корабль не должен стартовать, пока не будут выяснены причины сегодняшней катастрофы, считают они. По мнению большинства, нет необходимости создавать в связи со случившимся особую правительственную комиссию: достаточно, если расследование проведут специалисты НАСА, чьи опыт и компетентность не вызывают сомнений. Каждый полет челночного космического корабля и сегодня еще носит в известной мере экспериментальный характер, эксперименты же всегда чреваты ошибками и неудачами. Короче говоря, известие о трагедии здесь восприняли мужественно, без скоропалительных выводов. Ни от кого из сенаторов или конгрессменов я не слышал призывов к тому, чтобы вообще прекратить космические исследования.

Программу ведет Том Броккоу. За его спиной трудится засучив рукава целое информационное агентство. Вдоль левой стены выстроились компьютеры, перед одним из них сидит молодая женщина, ее пухлые пальцы бегают по клавишам. Справа мужчина в очках правит рукопись; сняв с фломастера колпачок, он что-то вычеркивает — то ли слово, то ли целое предложение.

Броккоу: Да, стране нанесен серьезный материальный ущерб. Взорвавшийся сегодня челночный космический корабль стоил более одного миллиарда долларов. (Заглядывает в записи.) А для строительства нового корабля потребуется, по самым скромным подсчетам, свыше полутора миллиардов долларов, что ощутимо затронет весь государственный бюджет...

Дэнси: Но ведь существует закон Грэмма — Рудмэна, и он наверняка будет применен. Все, с кем я беседовал, подчеркивали, что сегодня не просто взорвался один из четырех наших челночных кораблей, взлетела на воздух четвертая часть всей гражданской программы исследования космоса!.. Строить новый «Чэлленджер» — значило бы воспроизводить сегодняшний уровень исследований, уровень, который завтра будет уже вчерашним. Однако главное не в этом, а в том, что закон Грэмма — Рудмэна требует аннулировать статью бюджета, по которой превышен определенный уровень дефицита. Так вот, взрыв «Чэлленджера»

создал как раз такую ситуацию, и еще предстоит решить: стоит ли финансировать строительство нового корабля взамен потерянного или целесообразнее продолжать осуществление космической программы, ограничившись оставшимися тремя?

— Благодарю вас, Джон Дэнси,— говорит Том Броккоу.— Хочу напомнить уважаемым телезрителям, что приблизительно... (смотрит на часы)... приблизительно через десять минут официальные представители НАСА откроют пресс-конференцию. Мы ждем от них первых достоверных сведений о катастрофе «Чэлленджера». Взрыв — по всей вероятности это был взрыв подвесного топливного бака (выходит, у Эн-би-си та же версия, что и у Си-би-эс) — произошел примерно через две минуты после запуска. Вернее, несколько раньше чем через две — где-то между первой и второй минутами. Космический корабль в тот момент находился на расстоянии около 18 миль от центра имени Кеннеди, штат Флорида.

Все это Броккоу произносит скороговоркой, сбивчиво, «проглатывая» в спешке окончания слов. Он то и дело бросает взгляды на монитор, видимо с минуты на минуту ожидая начала пресс-конференции. За его спиной в помещении еще человек десять.

— Судя по тому, как все выглядело в видеозаписи, находившиеся на борту астронавты погибли. В состав экипажа входила 37-летняя учительница Криста Маколифф, чей полет предусматривался программой «Гражданские лица — в космосе», которая была предложена администрацией Рейгана в ходе предвыборной кампании 1984 года. (Надпись: TOM BROKKAW, WASHINGTON D. C.) Старт наблюдали и стали очевидцами трагедии муж Кристы Маколифф, двое их детей, а также ее родители и ученики — третьеклассники, приехавшие во Флориду из города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир.

Каждый ведущий телепрограммы произносит подобный текст уже совершенно механически, не задумываясь и не глядя в записи. Вот и Том Броккоу, говоря, почти не сводит глаз с монитора.

На заднем плане женщина в белом пуловере прикалывает к доске объявлений какие-то листки, едва ли имеющие отношение к программе, идущей без перерыва уже несколько часов. Ведь никакого официального сообщения о катастрофе «Чэлленджера», которое можно было бы отпечатать на машинке и вывесить на доске объявлений, все еще нет. Быть может, Том Броккоу единственный человек в студии, кого волнует сейчас, пусть чисто профессионально, трагедия «Чэлленджера», а для тех, кто работает за его спиной, день идет своим чередом, как будто ничего не случилось?

— Сегодня вечером президент Рейган обратится к американскому народу с чрезвычайной речью,— говорит Броккоу. Похоже, и этот текст он произносит автоматически, поскольку взгляд его по-прежнему прикован к экрану монитора.— Трансляция его выступления будет вестись из Овального кабинета. Планировавшаяся на девять часов вечера по времени Восточного побережья речь «О положении страны» перенесена на следующую неделю, а точнее — на вторник. Точное время сегодняшнего выступления президента пока не определено, но как только это выяснится, мы тотчас же сообщим вам. Известно, что миссис Рейган смотрела прямой телерепортаж о запуске «Чэлленджера», находясь в жилых апартаментах Белого дома. Когда произошел взрыв, она воскликнула: «О боже!» В ее секретариате нашему корреспонденту сказали, что супруга президента молила всевышнего о том, чтобы астронавты остались в живых. Однако, повторяю, взрыв был настолько гигантским, что все семеро членов экипажа, очевидно, погибли. Вместе с другими журналистами я тоже присутствовал на информационном совещании в Белом доме, которое проводил начальник канцелярии Дональд Риган и в котором участвовали референт президента Пат Бьюкенан и советник по национальной безопасности Джон Пойндекстер. Сначала принесли записку Пойндекстеру и Бьюкенану, которые тотчас покинули помещение. Но вскоре принесли еще одну записку, ее вручили Дону Ригану, и он зачитал нам ее текст: «Челнок» взорвался, подробности позднее». Мы переглянулись, все были потрясены до глубины души. Совещание, разумеется, тотчас же было прервано.

Правящий рукопись мужчина в очках лихо орудует фломастером, вычеркивая, видимо, уже целые абзацы.

Том Броккоу откровенно тянет время, заполняя информационный вакуум пересказом давно известных телезрителям фактов. Вообще сегодня едва ли найдется хоть один ведущий телепрограммы, который в душе не проклинал бы этот цейтнот наоборот, эту затянувшуюся на долгие часы паузу, когда ход событий совершенно непредсказуем и ясно только, что надо во что бы то ни стало продолжать передачу.

Интересно, о чем думает сейчас Броккоу? О предстоящей пресс-конференции? А быть может, все проще и мысль только одна: говорить, говорить, хоть что-нибудь говорить...

— О случившемся немедленно проинформировали президента Рейгана. Вместе со всеми нами, потрясенный, он наблюдал по телевидению видеозапись катастрофы, и сердце его переполняло сочувствие родным и близким астронавтов.

Наконец он отрывает взгляд от монитора, берет лежащий перед ним лист бумаги и откладывает его в сторону, словно подчеркивая, что теперь речь пойдет о чем-то другом.

— На верном ли мы пути? На верном ли пути наша нация? Верна ли наша космическая программа? Вопросы, на которые практически невозможно найти ответы...

Девушка в строгом сером костюме листает желтую телефонную книгу, в которой, судя по цвету переплета, помещены адреса и телефоны торговых фирм. Что ищет она в справочнике, предназначенном для оптовых покупателей?

— Мы вынуждены идти на риск и рискуем сознательно,— продолжает рассуждать Броккоу.— Как совсем недавно сказал нам бывший астронавт, а ныне сенатор Джон Гленн, все великие начинания требуют человеческих жертв, так было и так будет. Но вот вопросы, которые не дают покоя. Действительно ли те, кто несет ответственность за осуществление космической программы, предприняли все меры безопасности? Не отнеслись ли они халатно к своим обязанностям? Пока мы можем только поставить эти вопросы и не в состоянии ответить на них, ведь расследование — длительное и кропотливое — едва началось, а нам нужны не скороспелые, не туманные, а вполне ясные и определенные ответы на столь важные вопросы. И, само собой разумеется, мы нуждаемся в более глубоком теоретическом осмыслении того, каким должен быть наш путь в будущее на данном этапе, отмеченном высоким развитием техники... В Хьюстоне сейчас находится наш корреспондент Дэн Молинэс, он следит за ходом событий из космического центра имени Джонсона. Слушаем тебя, Дэн...

Слышится гул двигателей самолета-истребителя, и на экране вместо Дэна Молинэса совершенно неожиданно возникает Криста Маколифф. Очевидно, кто-то из техников в студии нажал не ту кнопку, или ошибся режиссер, давший не ту команду, во всяком случае ожидающий в Хьюстоне начала пресс-конференции Молинэс в кадре так и не появляется, зато мы видим поднимающуюся по лестнице в кабину военного самолета учительницу, столько раз превращавшуюся сегодня на наших глазах в пепел, но официально до сих пор лишь предположительно погибшую. Невольно напрашивается сравнение: в эту передачу, которая делается руками первоклассных профессионалов, она попала так же случайно, как и в число участников космической программы Соединенных Штатов Америки.

На Кристе Маколифф голубой комбинезон с пришитым к левому рукаву миниатюрным звездно-полосатым флагом. Сильный, порывистый ветер. Она указывает пальцем куда-то вниз, на землю. Что там такое? Масляное пятно? Пролившееся горючее? Подобным жестом и с таким выражением лица домохозяйка, привыкшая к идеальной чистоте, каждый день протирающая всю мебель в квартире до яркого блеска, указывает мужу на окурок или клочок бумаги, бог знает как оказавшийся на полу. Стоящий позади нее мужчина (он в темно-синем комбинезоне, в каких ходят «профи») усмехается и машет рукой: мол, ерунда, пустяки — и кивает наверх: поднимайтесь в кабину, не отвлекайтесь. Это Дик Скоби, командир «Чэлленджера». Он, как всегда, подтянут и сосредоточен. Если бы кому-то пришла в голову идея написать портрет типичного и образцового майора авиации, его следовало бы писать только со Скоби. Достигнув в конце концов верхней ступеньки, Криста Маколифф усаживается в кабину.

Голос находящегося за кадром комментатора — мягкий баритон, в котором отчетливо слышатся торжественные нотки:

— Криста Маколифф выглядит уже настоящим астронавтом, и остальные члены экипажа относятся к ней как к равной, словно она давным-давно входит в состав этой сплоченной группы исследователей космоса. Кадры, которые вы видите, засняты перед полетом Дика Скоби и Кристы Маколифф на сверхзвуковом самолете.

Белоснежный истребитель отрывается от земли и стремительно удаляется, оставляя позади приземистые здания с плоскими крышами и радиовышку, а также медленно оседающую вуаль черного дыма...

Криста Маколифф крупным планом. На этот раз она будто нарочно растягивает слова, интонация плавная, можно сказать, певучая.

— Они ведь имели полное право отказаться... Мол, что нам с ней делать, с этой нескладной учительницей?— Говоря, Криста смотрит то вправо, то влево, словно ищет кого-то. За ее спиной окно с опущенным жалюзи, неподалеку в кресле лежит скафандр.— Поначалу они ко мне приглядывались: выдержу ли нагрузки, не придется ли носиться со мной как с писаной торбой, не придется ли приспосабливаться к моей медлительности или слабости. Но если на тренировках я действительно нуждалась в их помощи, если чувствовала, что сил не хватает, они всегда спешили на подмогу и ни разу ни в чем не упрекнули...

Онизука протягивает миссис Маколифф странного вида жилет, в карманах которого — что-то похожее на аккумуляторы. Остальные — негр Рон Макнейр, Джудит Резник и второй пилот Смит — помогают Кристе застегнуть многочисленные ремешки, Онизука возится со шнуровкой...

Криста в медицинской лаборатории; она в кресле, к лицу подведены датчики...

Черный мешок, натянутый на металлический каркас; поверхность его едва заметно колышется. По бокам у мешка рукава, но они завязаны узлом, так что находящийся внутри человек не может ни выбраться без посторонней помощи, ни сменить положение рук. Каркас установлен на качелях, которые медленно, монотонно раскачиваются...

— Ощущаю себя полноправным членом экипажа...

Б а р и т о н: В течение нескольких месяцев ее обследовали врачи. В частности, помещали в так называемый черный мешок, чтобы проверить, как она реагирует на полную темноту и ограниченность движений. Много времени провела Криста и в тренажере — копии пассажирского отсека челночного корабля, где отрабатывала свои будущие действия на орбите в штатных и экстремальных ситуациях.

Криста — в проеме круглого люка, крышка которого открыта и закреплена под прямым углом. Она берется за поручень и соскальзывает на землю...

Снова та же комната, где астронавты помогали друг другу надеть жилеты, но теперь у каждого на голове шлем. Ближе всех к Кристе опять стоит Онизука; они разговаривают, шлемы приглушают голо-

са, но все же удается разобрать фразу: «Поручни очень скользкие...» На заднем плане виден фотограф. Благодаря участию в полете Кристы Маколифф кое-кому из журналистов позволили присутствовать на отдельных тренировках в центре подготовки астронавтов НАСА. Очень быстро в числе допущенных оказались десятки фотокорреспондентов, телеоператоров, репортеров — представителей, так сказать, внешнего мира. На мгновение крупным планом показывают Джудит Резник, спокойным, привычным движением поправляющую шлем...

— Внутри челночный корабль очень маленький,— говорит Криста Маколифф.— Для наглядности представьте себе, что семерым путешественникам пришлось провести шесть дней в шестиместной палатке. Примерно то же самое предстоит и нам...

Стальной шкаф с ящиками. Криста Маколифф выдвигает один из них — настолько тяжелый, что держать его ей помогает какой-то усатый служащий в галстуке. Ящик наполнен полиэтиленовыми пакетами, в каких продают свежезамороженные овощи...

Криста в кресле пилота, перед приборной доской. Рассеянным движением руки она поправляет сбившиеся на глаза волосы. На этот раз учительница не в голубом комбинезоне, а в белых брюках и футболке с короткими рукавами...

Баритон: Конечно, образ жизни в период тренировок значительно отличался от того, к которому она привыкла дома, в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир. Вот как выглядело ее прощание с семьей, которую Криста Маколифф покидала на четыре с половиной месяца. Особенно тяжело было расставаться с дочерью, с Кэролайн.

Типичный окраинный уголок небольшого американского городка. Молодое деревце, окруженное аккуратно подстриженным газоном, пара кустов азалии, живая изгородь, отделяющая участок от соседнего. К воротам одна следом за другой идут три женщины, на ногах у каждой белые туфли на низком каблуке. Впереди с кожаной сумкой в руке Криста Маколифф, другой рукой она поддерживает повисшую у нее на шее дочку. Остальной багаж — три средних размеров дорожные сумки, в которых уместился весь скромный гардероб Кристы на четыре с половиной месяца,— несут идущие следом за ней две женщины. Из окна дома высунулся мальчик в желтой майке с изображением добродушно улыбающегося динозавра.

— Детонька моя,— ласково произносит Криста, присев на корточки и целуя дочь. У Кэролайн негустые, но длинные волосы, на ней розовое платьице. Криста усаживается в машину, а дочь, придерживая открытую дверцу, не сводит с матери глаз. У семьи Маколифф новенький «фольксваген» марки «Джетта». Рядом с гаражом стоит еще и микроавтобус, на котором, вероятно, приехали родственники. Женщины, помогавшие нести сумки, теперь смущенно стоят в сторонке; обе они в белых шортах, на одной зеленая, на другой белая блузка.

— О'кей, до встречи, скоро увидимся,— слышится из кабины «фольксвагена» голос учительницы. Кэролайн, не отпуская дверцу, все так же пристально смотрит на мать...

— Верно, поставим это в духовку,— говорит Стив. У него курчавые волосы и мягкие черты лица. Он в очках, несколько полноват; на вид ему где-то под сорок.

Кэролайн с трудом удерживает в горизонтальном положении большую пластмассовую тарелку с мелко нарезанными ломтиками мяса и картошки. На заднем плане ее брат, пристроившись в нише около плиты, изучает помещенный на коробке текст — способ приготовления ужина из свежезамороженных продуктов. Стив забирает тарелку из рук дочери, и девочка облегченно вздыхает.

— О'кей,— говорит отец...

Баритон: Семья Маколифф в отсутствии хозяйки. Стиву, мужу Кристы, работающему в Конкорде адвокатом, приходится привыкать к новому для него образу жизни. Вместе с сыном они изучают правила приготовления ужина из набора свежезамороженных блюд.

— Рагу,— читает отец надпись на коробке.— Со всеми приправами.

Кэролайн включает микроволновую печь, устанавливает ручку таймера на отметке «3 минуты».

— Восхитительно... Как здорово она это делает,— раздается за кадром голос Кристы Маколифф.— Папа остался один, и она помогает ему как заправская хозяйка. Ведь Стив даже на время не оставил работу, да и незачем, раз все идет хорошо.

Девочка надевает на руку толстую стеганую рукавицу, какими снимают с огня горячую сковородку или чайник. Стив стоит, опершись о кухонный стол; он в майке с прикрепленным к ней маленьким микрофоном. Перед этим он, видимо, что-то рассказывал о том, каково мужчине даже в течение короткого времени одному управляться с двумя детьми. Точнее, он и сейчас говорит, но видеозапись идет без звука, так что видно лишь, как шевелятся его губы. Впрочем, и без слов ясно, что целью режиссера было запечатлеть эпизод из жизни, так сказать, идеальной семьи, где идеальный супруг и идеальные дети мужественно преодолевают временные трудности.

— Они так прекрасно справляются,— продолжает восхищаться Криста Маколифф,— что, когда я в последний раз приехала их навестить и хотела что-то приготовить, Кэролайн мне сказала: «Прости, мама, но мы это обычно готовим по-другому»...

Снова комната с опущенным жалюзи. Оператор показывает теперь обстановку крупным планом, и оказывается, что никакого скафандра в кресле нет, а есть макет, статуэтка астронавта в полном снаряжении высотой всего сантиметров тридцать. Странно, что в прошлый раз она выглядела чуть ли не выше человеческо-

го роста. Репортер во весь голос хохочет над каким-то случаем, рассказанным Кристой; ей тоже весело, она рада, что так рассмешила собеседника.

— Брр... Вот жутко-то было,— смеется учительница.

Баритон: Одной ногой она уже в космосе, но и при этом по-прежнему остается педагогом. Перед ней стоит задача — провести из космического пространства урок, который транслировался бы на Землю, в том числе и в ее школу. Почти вся страна сможет присутствовать на этом необычайном уроке. Учителям давно уже требуется признание значимости их профессии на таком вот высоком уровне, сказала Криста Маколифф...

Криста Маколифф — в школе. В бело-зеленом ситцевом платье она стоит перед идеально чистой, черной как уголь доской. Перед ней на углу стола глобус, рядом — американский флаг...

Другой урок. На заднем плане все та же совершенно чистая восьмиметровая классная доска. Примостившись на краешке парты, Криста что-то оживленно рассказывает обступившим ее ученикам. Подростки смотрят на нее, как верующие на икону. Во всяком случае — смотрели так в присутствии съемочной группы...

Фасад школы с фронтоном и колоннадой. На фронтоне надпись, заканчивающаяся римскими цифрами: «CONCORDE HIGH SCHOOL, MCMXXVI». К входу ведут широкие белоснежные ступени. Само здание сложено из красного кирпича в стиле, называемом в США «колониальным»...

Голос Кристы Маколифф: Надо выглядеть достойно, надо продемонстрировать лучшие душевные качества, чтобы люди, приглядевшись ко мне, сказали: «Учителя делают важнейшее дело»...

Крупным планом лицо Кристы. У нее открытый, искренний взгляд. Статуэтка астронавта на заднем плане опять кажется гигантской, а Криста — маленькой. Сама собой возникает мысль: посылая учительницу Кристу Маколифф в космос, общество делает нечто вроде жеста самооправдания перед людьми, посвятившими себя этой низкооплачиваемой, едва ли не презираемой, ставшей во всем мире почему-то чисто женской профессии, существование которой просто терпят, как терпят неизбежное зло... Первое гражданское лицо, первое совершенно гражданское лицо... После астронавтов-профессионалов, после конгрессмена и сенатора первой в космос летит учительница Криста Маколифф из города Конкорд, штат Нью-Гэмпшир, супруг которой в ее отсутствие вполне способен разогреть на ужин свежезамороженное рагу...

Баритон: Ее имя войдет в историю. В течение некоторого времени после полета «Чэлленджера» она будет в центре внимания, в ореоле славы. Потом все затихнет, Криста Маколифф вернется в Нью-Гэмпшир, в свой класс, но все равно каждый раз, когда где-либо будут ее вспоминать, ее будут вспоминать как учительницу, которая побывала в космосе...

Приникший к стартовой опоре «Чэллен-джер» на окруженном водой крохотном островке. Сооружение напоминает стилизованную под XX век средневековую сторожевую башню...

Криста Маколифф с трудом выбирается из кабины самолета, на котором только что совершила полет вместе со Скоби. Впервые в жизни она перешагнула звуковой порог скорости. Ветер треплет ее курчавые волосы. Приставленная к фюзеляжу лестница загораживает последнюю букву надписи: «DANGER» — «опасность»... Почему именно это слово аккуратно выведено на металлической обшивке истребителя?

Том Броккоу — в вашингтонской студии. Кроме него в ней полно народу. Какой-то усатый мужчина с седой шевелюрой возбужденно жестикулирует, разговаривая по телефону.

Броккоу: Однако все обернулось трагедией... Пришло сообщение, что вице-президент Джордж Буш в сопровождении комиссии отбыл из Вашингтона в космический центр имени Кеннеди. На связи — мой нью-йоркский коллега Джон Палмер. Он располагает информацией о состоянии погоды во Флориде, о том, какой она была сегодня утром.

Палмер (в светлом костюме на фоне мониторов): Да, Том, наш метеоролог Джо Уитти уточнил данные. Ночью в течение нескольких часов столбик термометра находился ниже точки замерзания воды. К 10 часам утра температура поднялась до 32 градусов по Фаренгейту, то есть до точки таяния. А на рассвете было всего 25 градусов, и, естественно, местами на поверхности челночного корабля и ракет-ускорителей образовались сосульки, которые, однако, сейчас уже никто не считает имевшими отношение к катастрофе. Зато обращают внимание на другое интересное явление — на мощные воздушные потоки в верхних слоях атмосферы. Обычно их путь лежит над нашими северными штатами. Однако за последние дни они значительно переместились к югу, к Флориде, и проходили уже над самым мысом Кеннеди. (Надпись: JOHN PALMER, NEW YORK.) Поэтому на высоте 7—8 миль скорость ветра составляла сотню миль в час. Столь далекое смещение этих воздушных потоков к югу — явление крайне редкое. (Зеленым фломастером он показывает на карте, как над штатом Вайоминг воздушный поток разветвляется и одна из струй отклоняется вниз, достигая Мексиканского залива, затем поворачивает почти под прямым углом и пересекает Флориду над мысом Кеннеди.) Пока, разумеется, нет окончательных сведений о судьбе экипажа «Чэлленджера». Но, как мы уже неоднократно говорили сегодня, и это подтверждается мнениями специалистов, вероятность того, чтобы кто-нибудь пережил подобный взрыв, очень мала. Руководители НАСА на четверть часа отложили начало пресс-конференции, так что она откроется через шесть минут, но в неофициальном порядке мне сообщили, что в зоне поисков, расположенной в 15—18 милях от берега, в океане не обнаружено ни одного более или менее крупного облом-

ка корабля, не говоря уже об оставшихся в живых астронавтах. А теперь передаю слово Бобу Бэзилу.

— Джон, насколько мне известно, НАСА всегда тщательно учитывало погодные условия, считая их важным фактором успешного запуска. (За спиной корреспондента похожая на ископаемого паука модель «Чэлленджера» на черном фоне, навевающем мысли о беспредельности космоса.) Накануне старта вертолеты НАСА регулярно поднимаются в воздух и с помощью приборов изучают метеорологическую обстановку в районе космодрома, причем особое внимание специалисты уделяют именно изменениям направления и силы ветра. (Надпись: ROBERT BAZEL, PASADENA, CALIFORNIA.) Как известно, взрыв произошел, когда «Чэлленджер» проходил зону максимального аэродинамического давления. В это время корабль испытывает очень большие перегрузки. Командир пятой экспедиции по программе «Спейс шаттл» рассказывал мне, что в ту минуту ему казалось, будто корабль вот-вот развалится. Поэтому при прохождении данной зоны двигатели ни в коем случае не должны работать на полную мощность... Впрочем, надеемся, что через несколько минут Джесси Мур, руководитель программы «Спейс шаттл», лично расскажет нам обо всем. Это будет первое официальное заявление НАСА, и как бы правдоподобно ни звучало все говорившееся до сих пор, все это не более чем наши предположения. (Бэзил оживленно жестикулирует обеими руками; он напоминает хормейстера, левой рукой дирижирующего группой сопрано, правой — группой басов.) Катастрофа произошла в тот момент, когда командир корабля Дик Скоби включил максимальную скорость. Я бы хотел вернуться к тому, о чем уже говорил прежде, но с тех пор прошло немало времени, передача ведь продолжается без перерыва несколько часов, так что многие телезрители этого не слышали или успели забыть. Я имею в виду слова, которые Дик Скоби произнес как-то, беседуя со мной. Он сказал: «Этот корабль когда-нибудь непременно взорвется». Дик Скоби был прежде летчиком-испытателем, потом служил во Вьетнаме, где принимал участие во многих операциях и был удостоен нескольких наград, уж в чем, в чем, а в авиации, в летательных аппаратах он разбирается. Так вот, у него не было никаких сомнений, что рано или поздно челночный корабль взорвется. Устройство корабля крайне сложно, говорил Скоби, и при этом он буквально начинен взрывоопасными веществами; взять хотя бы одни только твердотопливные ракеты, способные придать кораблю скорость 17 тысяч миль в час; а ведь еще имеется подвесной бак с несколькими сотнями тысяч фунтов легко взрывающихся сжиженных газов... Достаточно выйти из строя какой-нибудь малозначительной системе, чтобы вся эта махина разлетелась вдребезги. Бывает же в авиации, что из множества одинаково надежных самолетов какой-то один вдруг терпит аварию и разбивается... От себя добавлю: пример подобной закономерности мы наблюдали сегодня. Однако Дик Скоби подчеркнул, что, даже если это случится, катастрофа не должна стать препятствием дальнейшему осуществлению космической программы. (Надпись: ROBERT BAZEL, PASADENA, CALIFORNIA.) И полеты, конечно же, будут продолжаться, хотя до возобновления их наверняка пройдет известное время. НАСА и прежде в случаях возникновения малейших неполадок отменяло запуск и не разрешало его до тех пор, пока не выяснялись их причины. Сегодняшний случай значительно более серьезный, и поэтому к расследованию будут привлечены лучшие специалисты страны, которые тщательно проанализируют все до единого факторы, исследуют все, что хоть в какой-то степени могло привести к катастрофе. (Он по-прежнему возбужденно размахивает руками). Им предстоит бессчетное количество раз просмотреть видеозапись катастрофы, сопоставить наблюдения с данными приборов, которых на борту корабля было неисчислимое множество. Однако эта работа только начинается, и мы пока ничего... (он бросает взгляд в сторону, затем после короткой паузы продолжает) ...ничего не можем сказать с полной уверенностью. Возможно, причины катастрофы выяснятся скоро, а быть может, расследование затянется надолго, мы этого не знаем. Самое верное в данный момент — подождать, что скажет по поводу случившегося Джесси Мур.

Палмер: Боб, я бы хотел напомнить телезрителям о трагедии, случившейся в январе 1967 года, когда впервые в американской истории освоения космоса астронавты погибли. Той ночью «Аполлон» вспыхнул на стартовой площадке и в нем сгорели Вирджил Гриссом и двое его товарищей. Прошло восемнадцать месяцев, прежде чем стартовал следующий «Аполлон». Думаю, это убедительный пример того, как много времени и усилий требуется, чтобы установить причины аварии... Итак, через полторы минуты...

Внезапно врывается чья-то невнятная речь, ни слова не разобрать.

— Прошу прощения, Боб,— говорит Палмер. Видимо, и он не понял в чем дело.

В кадре Бэзил на фоне ископаемого паука.

— Только что пришло сообщение, что пресс-конференция откладывается еще на четверть часа и состоится ровно в четыре,— говорит он.— Кстати, я бы тоже хотел сказать несколько слов по поводу «Аполлона». С давних пор ведутся дискуссии о том, насколько верным или неверным был наш прежний курс в освоении космоса, насколько верно были выбраны средства осуществления высадки человека на Луну. В итоге дело дошло до катастрофы. За 18 месяцев вынужденного перерыва, о котором ты упомянул, Джон, НАСА коренным образом пересмотрело концепцию космической программы. Теперь последует аналогичный скрупулезный анализ всей программы «Спейс шаттл». А в отличие от «Аполлона» каждое из средств безопасности, установлен-

ных на «Чэлленджере», дублировалось, и, следовательно, мелкая неисправность не могла привести к аварии. Авария могла произойти лишь вследствие неполадок так называемого катастрофического порядка, когда повреждение одной системы ведет к выходу из строя другой. Судя по видеозаписи, как раз нечто в этом роде и произошло.

— Спасибо, Боб,— говорит Броккоу.

По каналу Эй-би-си передачу по-прежнему ведет Дженнингс. В студии вся обстановка синего цвета. На фоне небесно-синего задника в темно-синем костюме сидит ведущий; у него лицо типичного европейца.

— ...И мозаичным методом сложат из обнаруженных на месте падения обломков жалкое подобие погибшего «Чэлленджера»,— завершает фразу Питер Дженнингс.

На экране возникает летящий самолет; судя по вздутому брюху, это «боинг». Хвост его украшен звездно-полосатым флагом.

— Только что военно-воздушную базу в Эндрюсе покинул самолет, на борту которого находится вице-президент Буш. Он направляется во Флориду. Вице-президента переполняют в эти часы те же чувства, его терзают те же вопросы и сомнения, что не дают покоя всем нам, всему народу.

Оставляя позади густые полосы дыма, самолет вице-президента быстро удаляется и вскоре становится неразличим на фоне розово-голубого неба. Каким холодным, каким фиолетово-синим было оно всего несколько часов назад, когда падали в океан обломки «Чэлленджера»...

— Итак, через минуту с небольшим вы снова услышите фразу, несомненно запечатлевшуюся в памяти каждого: «CHALLENGER GO AND THROTTLE UP». Это,— говорит Дженнингс,— последние слова, которые прозвучали из центра управления полетом. Их произнес человек, руководивший запуском и отдавший команду «Чэлленджеру» развить полную скорость, приказавший выжать последние силы из двигателей...

Опять повторение видеозаписи. Дженнингс молчит, никаких комментариев. И действительно, что же еще тут можно сказать? Все давно уже знают, что случилось, видели и как случилось, поэтому демонстрация записи просто так, без комментария, воспринимается даже как нечто новое, привлекающее внимание, поскольку это первый случай, когда событию предоставлена возможность говорить само за себя.

В небе белеет парашют, тот самый, который я видел в самом начале, но на этот раз не искаженный помехами из-за отсутствия антенны, не на искристо-сером фоне, а в настоящем, темно-синем небе.

— Парашют,— нарушает наконец молчание Дженнингс,— который сегодня утром сулил нам столько надежд... Лишь позже мы узнали, что на нем спускался один из членов санитарной бригады. Но до того, как это выяснилось, вся страна жила надеждой на лучшее. Жила в течение нескольких часов... И лишь потом пришло осознание того, что после подобного взрыва корабля, мчавшегося со скоростью 2000 миль в час, никто не мог остаться в живых даже теоретически.

Дженнингс говорит неторопливо, он тоже вынужден тянуть время. За его спиной на заднике огромные буквы: «ABC NEWS, WASHINGTON». Похоже, методы заполнения пауз во всех телекомпаниях одинаковы: Дженнингс ставит на стол макет «Чэлленджера».

— Для тех, кто только что включил нашу передачу или смотрит ее недавно...

Он рассказывает, что такое твердотопливные ракеты, показывает, как происходит их отцепление, как в аварийной ситуации «Чэлленджер» мог бы отделиться от топливного бака. В конце концов он снова убирает макет: что толку теперь объяснять, каким образом «Чэлленджер» мог отделиться от этой летающей бензоколонки, если он этого не сделал.

На столе перед Дженнингсом в беспорядке разбросаны бумаги, он берет в руки самую верхнюю.

— Нам только что стало известно...— начинает он и на несколько секунд умолкает, чтобы сперва пробежать глазами, что же ему стало известно.— Руководители НАСА были готовы начать пресс-конференцию, но в Белом доме возникла какая-то заминка... Я прошу телезрителей дать мне некоторое время, чтобы выяснить, что это за заминка... А пока предлагаю вашему вниманию небольшой сюжет... Мальчишки, живущие в городке Конкорд, штат Нью-Гэмпшир, до сегодняшнего дня едва ли проявляли особый интерес к стартам космических кораблей. Конкорд — город, где работала учительницей известная теперь всей стране Криста Маколифф...

Белокурая девочка дудит в картонную дудку. Ее я еще не видел, и это понятно: съемку вела другая телекомпания, а значит, и объекты съемки должны быть другие. Судя по всему, утром в классе находилось несколько операторов, в том числе и оператор Эй-би-си. Все, у кого есть дудки, дудят до самозабвения; один мальчик, правда, не только не дудит, но и вообще не обращает внимания на то, что творится вокруг,— чуть подавшись вперед, он не сводит глаз с экрана телевизора. Самого телевизора не видно, слышен только звук. Корабль уже стартовал, и комментатор НАСА скороговоркой перечисляет данные о ходе полета. (Надпись: THIS MORNING — сегодня утром.) Окинув класс озорным взглядом, девочка засовывает в рот четыре пальца и пронзительно свистит; ее соседка в белом пуловере хлопает в ладоши, в ушах у нее поблескивают серьги, от восторга она даже открыла рот; кто-то сует ей в руки трубу, и она что есть силы дует в нее.

Дженнингс: Перед запуском корабля в школе царило по-настоящему праздничное настроение. Как вы знаете, «Чэлленджер» должен был стартовать вчера. Дети были очень огорчены отсрочкой, да-

же расстроены. Теперь известно, что запуск отложили из-за неисправности бортового люка. Утром, увидев, что на дворе прекрасная погода, хоть ночью и подморозило, что ветер стих, они успокоились, решив, что уж сегодня-то их учительница непременно отправится в космическое путешествие.

Камера теперь направлена в сторону телевизора. С трудом, но можно догадаться, что взрыв уже произошел и вертикальные полоски на экране — это шлейфы дыма, оставляемые в небе падающими в океан обломками. В большом оконном стекле отражаются несколько рядов парт и тени сидящих за ними учеников. Как загипнотизированные, они замерли, впившись взглядами в экран телевизора. Перед ними и позади них видеокамеры — одни на штативах, другие переносные; между рядами суетятся фоторепортеры. Повернувшись спиной к телевизору, «профи» щелкают затворами. Главное для них сейчас не то, что происходит в небе над Атлантикой, а то, что происходит здесь, в этом классе, где подростки от страха прижались друг к другу, как овцы в стаде. Лишь немногие из ребят осмеливаются шепнуть что-то на ухо соседу или соседке, продолжая, впрочем, следить за экраном. От былого веселья не осталось и следа.

Сложа на груди руки и откинувшись в кресле, Дженнингс говорит, глядя влево, на один из мониторов:

— Радость сменилась горем и в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир. Веселье и гордость сменились потрясением и трауром. То же самое пережила сегодня вся страна. В нашей передаче участвует преподобный Джесси Джэксон. Прошу извинить, что мы не транслируем его выступление прямо в эфир, а воспроизводим видеозапись, сделанную недавно нашим оператором. Его преподобие Джесси Джэксон был близко знаком с одним из находившихся на борту «Чэлленджера» астронавтов и, как многие, чьи знакомые или друзья погибли в сегодняшней катастрофе, изъявил желание сказать нам несколько слов.

На экране появляется человек, хорошо знакомый всем телезрителям по многочисленным выступлениям в дни предвыборной кампании 1984 года. Кофейного цвета лицо, обрамленное курчавыми волосами, тонкие усики, высоко вскинутые брови.

— Молитвы и сострадание наши обращены в сей день к Господу и к родным и близким семи астронавтов, испепеленных пламенем взрыва на борту «Чэлленджера»,— зачитывает по бумажке Джесси Джэксон. Политик и церковный деятель в одном лице, на этот раз он избрал для речи тон проповеди.— Другом и коллегой по Северо-Каролинскому университету был мне Рон Макнейр. Совсем недавно он получил звание почетного доктора наук, совсем недавно мы выступили с совместным научным докладом. Я полон скорби по поводу гибели шести остальных астронавтов, но смерть Макнейра — это для меня и большая личная утрата. От имени административного совета университета заверяю, что вся общественность Северо-Каролинского университета в Гринсборо потрясена случившимся и глубоко скорбит. Сегодняшняя трагедия — это еще один знак неба, напоминающего нам: судьбы человеческие в руках Господа, не техника вершит ими. Лишь Ему одному можем доверить мы жизни свои. Несчастьями Господь наставляет нас на путь истинный, и нет ошибок в Его деяниях, даже тех, чья суть неподвластна нашему разуму. И в глубине горя нашего, печали и скорби нашей поддерживает нас вера в то, что как ни ужасна ночь, но если примем ее смиренно, утром низойдет на нас благодать Божья. Склоним же головы наши, сложим руки наши к молитве. Помолимся.

Джесси Джэксон поднимается из-за стола; на нем костюм превосходного покроя, галстук в широкую красно-сине-коричневую полоску. Все, кто находится в студии, также встают. Его преподобие, который прекрасно знал, что в подобном телевизионном марафоне, в столь затяжной передаче непременно найдется несколько минут для выступления кандидата в президенты, начинает молитву.

Дженнингс: Перед вами выступил его преподобие Джесси Джэксон, посвятивший свою короткую речь Рональду Макнейру, одному из семи астронавтов, находившихся сегодня утром на борту «Чэлленджера». (Надпись: PETER JENNINGS, WASHINGTON.) Девятнадцать лет и один день миновали с тех пор, как на стартовой площадке центра имени Кеннеди вместе с космическим кораблем сгорели трое астронавтов: Эд Уайт, Роджер Чаффи и... (запнувшись, Дженнингс подносит ко рту карандаш)... прошу прощения, и Вирджил Гриссом. Именно Вирджилу Гриссому принадлежат слова, не раз слышанные нами из разных уст: для полетов в космос необходима вера. Вера в машину, на борту которой астронавт отправляется в опасный путь, вера в значимость дела, во имя которого он идет на риск. Вот и сейчас, наряду со скорбью, испытываемой всей страной в связи с гибелью героев, штурмовавших границы мира, беспредельность которого многие из нас не в состоянии даже представить в своем воображении, явственно ощущается и массовая поддержка нашей космической программы, признание огромной важности ее осуществления. Освоение космического пространства — одна из исторических миссий Америки. В известном смысле по злой иронии судьбы трагедия разразилась в день, когда Америка достигла выдающегося успеха: маленький космический аппарат «Вояджер-2» через восемь с половиной лет полета в межпланетном пространстве полторы недели назад передал на Землю совершенно необычные фотоснимки Урана, и сегодня они получены. В подобные дали человек никогда еще не проникал. Разумеется, в данном случае я имею в виду автоматический аппарат, созданный руками человека. В ближайшее время «Вояджер» минует Уран и продолжит свой путь. На его борту находится небольшая золотая пластинка — своеобразное послание обитателям планет, расположенных за пределами Солнечной системы. Так что, думая сегодня о трагедии, повлекшей человеческие жертвы, о том, что в осуществлении космической программы теперь возникнет некоторая задержка, мы должны помнить и о выдающемся достижении,

подтвердившем сегодня лидерство Америки в освоении космоса.

«Лидерство Америки»... Питер Дженнингс является гражданином Канады, а не Соединенных Штатов. Но, как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку, и Дженнингс прекрасно понимает, что от него сейчас требуется. И он, и его коллеги мастерски владеют всеми необходимыми приемами, чтобы от ужасающей трагедии с помощью бесконечного прокручивания видеозаписи, которая постепенно перестает восприниматься такой уж страшной, с помощью включения в передачу посторонней, отвлекающей внимание информации, наконец, с помощью монотонных, навевающих скуку рассуждений по поводу случившегося осторожно перекинуть мостик к фактам, затрагивающим патриотические чувства телезрителей, к фактам, о которых им приятно слышать и которые на столь искусно подготовленном сером фоне выглядят едва ли не самыми важными и значительными.

— Наш корреспондент Линн Шерр находится сейчас в Калифорнийской лаборатории космических исследований. Это она передала нам недавно сообщение об успехе «Вояджера-2»,— говорит Дженнингс.— В течение всего дня Линн Шерр связывалась по телефону с разными специалистами, с руководителями космических центров...

На экране женщина с зачесанными назад русыми волосами, чуть заметно поседевшими у висков. Она в бежевом «сафари», за спиной у нее карта Америки, где также преобладают бежевые тона, поэтому и лицо и прическа ее кажутся бежевыми. На вид ей около пятидесяти. (Надпись: LYNN SHERR, LOS ANGELES.) Она улыбается, точнее, улыбнулась, когда Дженнингс сказал, что весь день ей пришлось разговаривать по телефону.

— Линн, у меня к тебе простой вопрос: удалось что-нибудь разузнать?

— Я переговорила с уймой людей, Питер, и, представь себе, никто из них ничего не знает,— отвечает Линн Шерр, уже почти смеясь; в ушах у нее поблескивают золотые сережки.— Только что разговаривала с одним из астронавтов, прежде летавших на челночных кораблях, который тоже ничего толком не знает, но предполагает, что причиной катастрофы могла стать какая-то трещина. Возможно, он имел в виду трещину в стенке топливного провода, по которому горючее поступает из подвесного бака к моторам... то есть, прошу прощения, к двигателям космического корабля. От этого, он считает, мог и вспыхнуть пожар... На видеоленте отчетливо видно, как обе твердотопливные ракеты отцепились и невредимыми разлетелись в стороны.

На экране возникает фрагмент видеозаписи: вспышка где-то в нижней части «Чэлленджера».

— Как видите, то есть как вы через несколько секунд увидите,— тараторит бежевая женщина, будто спешит поведать соседке свежую сплетню,— они остались почти целыми. Точнее, совсем целыми, поскольку никаких «почти» тут быть не может. Смотрите, вот пламя, оно вырывается, как из трещины... Я лучше покажу на модели. Корабль, кажется, находился вот в таком положении... Нет, наоборот...

Она вертит в руках макет «Чэлленджера», показывает, где у него подвесной бак, где твердотопливные ракеты, где сам «челнок». Затем зачитывает по бумажке что-то о первом язычке пламени, который, конечно же, только кажется первым, хотя, честно говоря, она не берется что-либо утверждать. Доподлинно ей известно лишь, что подвесной бак такой уязвимый, такой взрывоопасный, у него такая тонкая обшивка...

Видеолента движется рывками, останавливаясь каждый раз, как возникает новый язычок пламени, который тотчас отмечается белым кружком.

— Когда пламя охватило весь топливный бак, он взорвался,— продолжает Линн Шерр.— Явно взорвался... А ракеты отцепились и, как ты и сам несколько раз говорил, Питер, полетели не туда, куда надо, но все же не взорвались.

Теперь в кадре чертеж, на котором изображены «Чэлленджер», подвесной бак и две твердотопливные ракеты.

— То, что обведено оранжевым, это и есть подвесной бак, который, по нашему мнению, взорвался,— объясняет Линн Шерр.— А вот эти белые карандаши — ракеты-ускорители. После взрыва топливного бака они разлетелись в разные стороны и летели до тех пор, пока не кончилось горючее, после чего они упали в океан...

Дженнингс: Линн, тут для тебя есть одно короткое сообщение. С мыса Кеннеди передают, что обнаружено несколько обломков твердотопливной ракеты. Это нормально? Я полагал, что их должны были найти неповрежденными...

Шерр: Ты совершенно прав, это отнюдь не нормально. Для того, чтобы их потом повторно использовать, они должны оставаться целыми. (На видеоленте, которую в этот момент крутят то вперед, то назад, видно, как из оранжевого огненного облака вылетает один из отцепившихся ускорителей.) На мой взгляд, эта ракета не взорвалась. Но, как я уже говорила, она летит не в том направлении: ей бы надо мчаться вверх, а она устремилась вниз. Хотя никаких повреждений, ничего странного на ней не заметно. А другая ракета вполне могла быть повреждена в результате взрыва подвесного бака, что и подтверждают найденные обломки. Впрочем, стоит ли нам заходить в наших предположениях так далеко, ведь... Одним словом, нет смысла гадать на кофейной гуще, не зная ничего определенного. Но раз уж найдены обломки ракеты, это наводит меня на мысль, что она все же была повреждена...

Она продолжает тараторить без умолку. Дженнингс тщетно пытается прервать ее разглагольствования: факт, что она только что беседовала по телефону с астронавтом, Линн Шерр понимает как индульгенцию на любые ошибки и неточности, как право говорить теперь о чем угодно и сколько угодно.

— Я бы хотел кое о чем спросить, Линн,— улучив момент, все же встревает Дженнингс.— Уже вот-вот начнется пресс-конференция НАСА, так что в нашем распоряжении всего несколько минут... Один

ученый из Европы заявил нам сегодня утром, что плохие погодные условия, связанные с проникновением далеко на юг арктических воздушных масс, могли иметь к катастрофе самое непосредственное отношение. Учитывают ли этот фактор специалисты?

—Конечно, в подобной ситуации должны быть учтены все факторы,— отвечает Линн Шерр. На разделенном пополам экране — лица с интересом слушающего Дженнингса и заметно погрустневшей «бежевой Линн».— Ведь ничего подобного до сих пор не случалось, так что важна любая мелочь.

— Для Флориды ночь была необычайно холодной...

— Да, я видела фотоснимки, видела обросший сосульками корабль, который к подобным вещам не привык. (Ее лицо снова озаряется улыбкой: она довольна, что сказала о корабле как о живом существе.) Люди из специальной команды более часа скалывали лед с обшивки, особенно тщательно очистив места вблизи топливного провода, чтобы не возникло осложнений с подачей горючего. (Надпись: LYNN SHERR, LOS ANGELES.) Но разумеется, ничего нельзя утверждать. Да... В то же время, естественно, все факторы необходимо принять в расчет...

Дженнингс слушает, глядя на экран монитора, где Линн Шерр буквально вымучивает каждую фразу. Вполне возможно, что она в целом неплохой журналист, но уж слишком заметно, что до сих пор в ее практике были репортажи исключительно об успешных космических полетах, исключительно о триумфах, и теперь, когда случилась трагедия, слова, которые выражали бы простые человеческие чувства, никак не могут пробиться сквозь стену окаменевших за десятилетия работы шаблонных фраз.

— Да, вот еще что,— спохватывается Дженнингс.— На мысе Канаверал удалось побеседовать кое с кем из членов спасательных команд. Они провели в море несколько часов, подобрали много обломков, в том числе твердотопливных ракет, но никаких следов астронавтов не обнаружили.

Женщина в бежевом движением ресниц дает понять, что приняла информацию к сведению.

— Спасибо, Линн, ты рассказала много интересного.

В вашингтонской студии новостей все сотрудники — на своих местах, одни говорят по телефону, другие работают с компьютерами.

Дженнингс: Напомню, что это был десятый старт «Чэлленджера» и двадцать пятый запуск по программе «Спейс шаттл». Здесь, в столице, во многих других городах страны и даже, я слышал, в Западной Европе нередко звучит вопрос: хорошо ли посылать в космос гражданских лиц, этично ли это? В Западной Европе так спрашивают главным образом потому, что сами они в исследованиях космоса делают ставку на автоматические аппараты. Американская программа, считают они, излишне амбициозна, поскольку ориентирована в основном на полеты пилотируемых кораблей. В известной мере расходится она и с советской концепцией. Вспомним хотя бы пятидесятые годы. Вспомним первый советский спутник — маленькое устройство размером чуть больше грейпфрута, пролетевшее над нами и глубоко потрясшее всю нашу страну, а Белый дом — в особенности. Решено было во что бы то ни стало опередить Советский Союз в деле освоения космоса. И появился космический корабль «Меркурий», появились такие отважные первопроходцы, как Джон Гленн и Алан Шепард, которых вы видели сегодня утром и которые спустя 25 лет после своих первых полетов в космос вновь заставили говорить о себе всю Америку, но уже как главные действующие лица очень популярного, хотя вернее было бы сказать — очень хорошо разрекламированного фильма «THE RIGHT STUFF». Если бы меня спросили, я бы лучше назвал его «Сильные духом». Вы слышали выступления в конгрессе Чарлза Гиббсона, сенатора Джейка Гарна, который сам летал в космос, а также Джона Гленна. Все они активно противостояли тем, кто желал бы заморозить или по меньшей мере замедлить осуществление нашей космической программы.

В кадре — сенатор Джон Гленн. Как и полагается, он выступает на фоне бордовых книжных томов с золотыми буквами на корешках.

— Мы никогда не забудем этот день,— говорит Гленн.— Участники сегодняшнего старта унесли с собой наши лучшие помыслы, наши мечты, и они навсегда останутся жить в наших воспоминаниях. Память о них — самый достойный способ выразить им нашу признательность, наше преклонение перед их мужеством. Наши молитвы, сострадание и участие мы обращаем к семьям и близким погибших героев. И...

Внезапно изображение на экране меняется. Возникает седой мужчина в пиджаке, похожем на балахон, он что-то зачитывает с листа бумаги. Губы его шевелятся, но звука нет. Должно быть, это Флорида, начало репортажа с пресс-конференции НАСА.

Голос Дженнингса: На ваших экранах космический центр имени Кеннеди, но о чем там сейчас говорят, пока и мне не ясно.

Мужчина сидит против света, на фоне яркого флоридского неба, так что черты лица разобрать почти невозможно.

Голос Дженнингса: Четыре часа пятьдесят минут мы ждали, чтобы это услышать, а теперь пропала звуковая связь с мысом Канаверал. Но мы сделаем все возможное...

Лицо говорящего теперь видно несколько лучше. (Надпись: LIVE, CAPE CANAVERAL, FLA.)

Голос Дженнингса: Это Джесси Мур, заместитель директора программы «Спейс шаттл»... Умоляю, кто-нибудь, как-нибудь, но дайте же звук!..

Безмолвие. Теперь ясно, кто говорит, но по-прежнему не ясно что́.

Сложа руки на груди, Питер Дженнингс нервно ерзает в кресле, откидывается на спинку, затем снова придвигается к столу.

— Ну, ничего... Мы обо всем расскажем... Я вам это обещаю...

За спиной Дженнингса работа идет своим чередом. Правит рукопись тот, чья обязанность править рукописи; программист

вводит программу в компьютер, оператор работает с камерой, монтажер монтирует пленку, невидимый режиссер нажатием кнопки выводит на телеэкран надписи, поясняющие, где и что происходит и кто выступает. И хотя один из шефов космической программы по-прежнему беззвучно шевелит губами, телезрители уже имеют возможность прочитать, кого они не слышат. (Надпись: JESSE W. MOORE, ASSOCIATE ADMINISTRATOR, OFFICE OF SPACE FLIGHTS.)

— Джесси Мур, как я уже сказал, является заместителем директора программы «Спейс шаттл» по управлению полетами,— заглянув в записи, сообщает Дженнингс.— А рядом с ним — человек, которого мы сегодня много раз слышали, но ни разу не видели,— комментатор НАСА.

Он выжидающе смотрит влево, на монитор.

— Надо же, все шло так гладко, и вот пожалуйста...

Дженнингс опирается подбородком на свою крупную и мягкую ладонь. На мизинце у него — массивный перстень с печаткой.

— Четыре с лишним часа, уже скоро будет пять часов, как мы с нетерпением ждем, что же скажут нам Джесси Мур и Хью Харрис. И заверяю вас, на всем протяжении линии связи между нашей студией и мысом Канаверал сейчас делается все возможное, чтобы устранить неисправность.

Он поправляет галстук, наклоняет голову, левой рукой приглаживает прическу, демонстрируя лысеющую макушку, подносит ладонь ко рту, что-то сдувает с нее (при этом видно, как у него дрожат пальцы) и вновь подпирает рукой подбородок.

И вдруг поначалу глухо, но все отчетливее слышится голос выступающего Джесси Мура.

Не меняя позу, даже не шелохнувшись, лишенным каких бы то ни было эмоций тоном Питер Дженнингс произносит всего одно слово:

— Итак...

Перевод П. БОНДАРОВСКОГО и М. КОРЗИНКИНА

◆

Советская литература за рубежом

АВСТРИЯ

Поэма ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО «Фуку!». Издательство «Цзольнай»

Роман АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО «Петр I». Издательство «Глобус».

БОЛГАРИЯ

Повести и рассказы ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА. Издательство «Народна култура».

Роман ЭННА ВЕТЕМАА «Монумент». То же издательство.

Повесть ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА «Бронепоезд 14—69». Издательство «Христо Г. Данов».

Сказки ВЕНИАМИНА КАВЕРИНА Издательство «Отечество».

Роман ВЕРЫ КЕТЛИНСКОЙ «Мужество». «Профиздат»

Роман ВИЛИСА ЛАЦИСА «Сын рыбака». Издательство «Народна култура»

ВЕНГРИЯ

Повесть ВАСИЛИЯ БЫКОВА «Знак беды». Издательство «Зрини».

Роман ЛАЗАРЯ КАРЕЛИНА «Последний переулок». Издательство «Европа».

Повесть ВЛАДИМИРА МАКАНИНА «Где сходилось небо с холмами?». Издательство «Магветё».

Роман ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА «Падение Парижа». Издательство «Европа».

ГДР

Рассказы МИХАИЛА БУЛГАКОВА «Записки юного врача». Издательство «Фольк унд вельт».

Роман МАЙИ ГАНИНОЙ «Если будем живы...». То же издательство

Роман ЯАНА КРОССА «Между тремя поветриями. Роман о Бальтазаре Руссове» Издательство «Рюттен унд Лёнинг».

Роман БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «Свидание с Бонапартом». Издательство «Фольк унд вельт».

«Повесть о настоящем человеке» БОРИСА ПОЛЕВОГО То же издательство.

Стихи ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА. То же издательство.

Рассказы ВЕРЫ ЧАПЛИНОЙ «Четвероногие друзья». Издательство «Киндербухферлаг».

Книга ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО «Эйзенштейн». Издательство «Фольк унд вельт».

«Донские рассказы» МИХАИЛА ШОЛОХОВА. Издательство «Ауфбау».

ДАНИЯ

Роман ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «И дольше века длится день...». Издательство «Спутник».

Повесть ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА «Прощание с Матёрой». То же издательство.

Повесть АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ «Трудно быть богом». Издательство «Нотабене».

Книга АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Издательство «Спутник».

НОРВЕГИЯ

Роман ЯАНА КРОССА «Императорский безумец». Издательство «Гюльдендаль».

Сборник прозаических произведений БОРИСА ПАСТЕРНАКА. Издательство «Солум».

Критика

Слово, язык, общение

Писатели мира отвечают на анкету*

1. Решение каких общечеловеческих проблем представляется Вам самым неотложным?
2. Какова связь между этими проблемами и Вашим творчеством?
3. Над чем Вы сейчас работаете и каковы Ваши творческие планы?

С такими вопросами журналы «Иностранная литература» и «Советская литература» (на иностранных языках) обратились к литераторам зарубежных стран.

В этом номере:

ГАБОР ГАРАИ — венгерский поэт, лауреат премий имени Кошута и имени Аттилы Йожефа, переводчик зарубежной, в том числе и советской поэзии на венгерский язык.

ВЕЙО МЕРИ — финский прозаик, лауреат международной премии Совета северных стран.

ФРАНСИСКО СИОНИЛЬ ХОСЕ — филиппинский англоязычный писатель-романист и новеллист, член Общества дружбы «Филиппины—СССР», издатель прогрессивного литературного журнала.

ФЕРНАНДО НАМОРА — португальский писатель-романист, поэт, публицист. Лауреат многих литературных премий, член Европейской академии наук, искусств и литературы.

«Творить гармонию»

Весть о международной встрече деятелей культуры, проведенной по инициативе Чингиза Айтматова на берегу озера Иссык-Куль, навела меня на ряд мыслей. Из достаточно достоверных источников нам известно: когда заканчивалось первое тысячелетие, огромные толпы верующих высыпали на улицы, с ужасом или в смиренной покорности ожидая конца света. Но он не наступил, несмотря на многочисленные предсказания и пророчества. Сейчас от начала третьего тысячелетия нас отделяют менее пяти тысяч дней, и как отмечалось в Заявлении, принятом на иссык-кульском форуме, это очень небольшой срок.

В канун третьего тысячелетия деятели литературы и искусства вовсе не собираются «высыпать на улицы», они не склонны верить зловещим предсказаниям. Но это не означает, что они не замечают вполне реальной, а не какой-то мистической угрозы, они понимают, что необходимо смотреть опасностям в глаза, считаться с ними.

Что же это за опасности? Хочу погово-

* Продолжение. Начало см. «ИЛ», 1987, № 5, 6, 7.

рить о двух из них. Об одной мы рассуждаем практически ежедневно, о другой — от случая к случаю. Первая — возможность возникновения глобальной термоядерной катастрофы, за ее предотвращение должны бороться все люди планеты. Естественно, переговоры по ограничению вооружений и разоружению ведут в первую очередь специалисты и политики, но и для писателей здесь дел тоже хватит. Мне, разумеется, неизвестно, когда и как будет достигнуто соглашение, но я убежден: граждане, деятели литературы и искусства стран социалистического содружества особенно глубоко, по-настоящему заинтересованы в сохранении мира на Земле. (Конечно же, объективно в этом заинтересовано каждое живое существо.)

Мне хотелось бы немного поспорить с формулировкой одного из пунктов Заявления. Там, где говорится об огромной роли человеческого гения, упоминаются «мечты поэтов». Не собираясь утверждать, что поэтическое творчество способно «превращаться в материальную силу», должен заявить: если бы мы, поэты, только мечтали, этого было бы крайне мало для сохранения человечества. Позвольте мне привести заключительные строчки из стихотворения «На городской окраине» великого венгерского поэта Аттилы Йожефа:

Поэт вас будит лязгом слов;
специалист по чудесам
земного мира, он глядит
в глаза грядущему и сам
себе гармонию творит.
как в мире предстоит и вам!

(Перевод С. Кирсанова)

Я знаю, на русском языке есть выполненный на высоком художественном уровне верный рифмованный перевод этого стихотворения, но я хотел, чтобы в этих заметках был приведен подстрочный перевод для дословного его понимания: «На губах поэта лязгают слова, но он — инженер чудес данного мира, заглядывает осознанно в будущее и творит в себе гармонию, которую вам предстоит создать в окружающем мире». Во-первых, очень важно, что Аттила Йожеф употребил не привычное определение поэта «инженер человеческих душ», а не менее рельефное, контрастное и оригинальное выражение — «инженер чудес». Во-вторых, высоко оценивая роль поэта, он в то же время не переоценивает ее, и именно от простых людей, которых называет «вы», поэт ждет работы во имя «создания гармонии в окружающем мире».

В наши дни существует и другая насущная проблема: от голода умирают сотни тысяч людей в странах «третьего мира». Это позор для всех нас, живущих в конце XX столетия, в канун наступления третьего тысячелетия человеческой истории. Развивающиеся страны страдают от перенаселенности, слишком высокой рождаемости, экономической отсталости. Однако неужели так уж неотвратим бич господен, разве человечество, объединив усилия разных народов, не способно помочь им? Я не могу смириться с неизбежностью гибели людей и уже несколько десятков лет пишу об этом в стихах и прозе, хотя понимаю, что поэт, создающий свои произведения на изолированном языке, не может рассчитывать на широкое признание. Но что же еще я могу сделать?!

Не скрою, кроме глобальной проблемы перенаселенности планеты меня волнует и такой вопрос: в некоторых высоко- и среднеразвитых странах, в том числе и у меня на родине, напротив, наблюдается уменьшение численности населения. Надеюсь, меня не обвинят в национализме за то, что я прежде всего занимаюсь демографической проблемой Венгрии. Согласно прогнозам ученых, мы не можем рассчитывать на значительное улучшение ситуации, а, наоборот, должны иметь в виду возможность временного ухудшения нынешнего положения: все меньшее количество людей работоспособного возраста будет вынуждено содержать все большее количество пожилых, а воспитывать все меньше детей. Между тем смертность среди мужчин в возрасте от 40 до 60 лет, к сожалению, возрастает. Объясняется это множеством различных причин, мне не хотелось бы углубляться в детали, но не могу не испытывать тревоги: неужели наш народ не хочет существовать дальше?!

Меня как поэта волнуют подобные вещи, но, конечно, я пишу не только о глобальных проблемах «спасения человеческого рода», а и о надеждах, чудесах и заботах повседневной жизни.

Для меня большая честь вкратце ответить на вопросы редакции двух журналов о моей работе и творческих планах. Буквально на днях закончил составление очередного сборника своих избранных стихотворений. Я назвал его «Второй тайм». В него включены стихи, написанные в последние 10—12 лет. Издательство планирует выпустить сборник в январе 1989 года, когда мне — если доживу — исполнится 60 лет. Подозреваю, что многим название книги покажется странным: в футболе второй тайм знаменует окончание матча. Правда, в наши дни все чаще назначается дополнительное время, а иногда судьбу матча решают одиннадцатиметровые штрафные удары. Вот мне и хотелось бы надеяться на «дополнительное» время и на то, что одиннадцатиметровые пробью без промаха.

Работаю еще над одним поэтическим произведением. Его название — «Доктор Некто и его похождения». Это довольно необычный по форме, несколько аморфный, полный диалогов роман в стихах; он ироничен и самоироничен по интонации, ведь как-никак речь идет в нем обо мне, хотя докторского звания у меня нет и я не считаю, что я Некто (somebody). Реакция на отрывки из этой книги, появляющиеся на страницах газет и журналов, позволяет надеяться, что она заинтересует публику.

Быть может, советским читателям интересно будет узнать: в прошлом году в будапештском журнале «Надьвилаг», публикующем произведения зарубежных авторов, были напечатаны отрывки из поэмы Евгения Евтушенко «Фуку!». Перевод мы сделали вместе с моим другом Иваном Фёльдеаком. Я переводил стихи, а он — прозаические фрагменты произведения.

ГАБОР ГАРАИ
(Венгерская Народная Республика)
Январь, 1987 г.

«Судьбоносные вопросы самой жизни»

1. Войны на Среднем Востоке, пока они не переросли во всеобщую войну; наращивание ядерного оружия и «обычных» вооружений, а также создание новейших видов оружия небывалой разрушительной силы во многих странах в последнее время. Новая технология дает практически неограниченную возможность изобретать и производить любые виды вооружений. Остановить этот процесс можно, только запретив оружие. Мы стоим также перед лицом огромной опасности, которая способна оказаться для человечества роковой: нарушение равновесия в природе, наличие ядовитых химикатов в пище, почве, воде и воздухе. Серьезнейшие проблемы — нетерпимость по отношению к малоразвитым, бедным и малым нациям, политическое, экономическое и идеологическое угнетение, рост бездуховности, расовый, религиозный и национальный фанатизм, СПИД, применение пыток...

2. Я буду и впредь писать и высказываться против религиозной нетерпимости, национализма, милитаризма, которые грозят исковеркать общественную мораль, нанести ущерб красоте и многообразию мира. Литература и Искусство должны дать нам силы откликнуться на судьбоносные вопросы сегодняшнего мира и самой жизни.

3. Я перевожу пьесу Софокла «Царь-Эдип» для одного финского театра. Это театр Лилла в Хельсинки. Ставить спектакль будет известный швейцарский театральный деятель Бенно Бессон, которого в свое время открыл Бертольт Брехт. Также меня попросили написать психологический, интимный, реалистический портрет фельдмаршала Маннергейма, известного главным образом как легендарная личность, но не как человек. В настоящий момент эта рукопись находится у моего издателя.

ВЕЙО МЕРИ (Финляндия)
Февраль, 1987 г.

«Хочу быть честным свидетелем своего времени»

1. Меня тревожит несправедливость и общественное устройство, которое делает возможным и даже способствует процветанию этого зла у нас в стране. Я знаю, это связано с несправедливостью, которая творится и в других странах, особенно в бедных, и я хотел бы подать руку всем, кто противостоит несправедливости в разных уголках земли так же, как делаю это я у себя на родине.

Произнося слово «несправедливость», я не имею в виду нечто отвлеченное. Я говорю о таком положении вещей, когда много людей голодает, в то время как горстка других жиреет от обилия яств и богатства. Я говорю об угнетении арендаторов землевладельцами, о безнравственности высших чиновников, ворующих общественные деньги, которые должны были бы служить народу, о тех современных истязателях, которые часто носят форму полицейских и солдат, судей и бюрократов.

Меня также тревожит неопределенность, нависшая над миром, отравленным прагматизмом и жадностью тех, кто грабит наши ресурсы.

2. Как писатель я хочу быть честным свидетелем своего времени. Я представляю себе писательскую работу как род анализа, который способен помочь людям осознать их слабости. Лучше узнав себя, мы сможем найти силы для решения своих проблем. Литература — это анализ или социальная критика, не знаю, какое определение лучше, но я мечтаю, что когда-нибудь в будущем то, что я пишу, будет признано литературой. Я всегда помню, что не должен позволять жизненному благополучию, в котором пребываю, сбить меня с пути, чтобы всегда иметь возможность говорить правду о соотечественниках, которые не могут сами высказать свои чаяния.

3. Сейчас работаю над романом, охватывающим три последние десятилетия нашего недавнего прошлого. Это роман об Эрмите — квартале, где мы с женой держим книжный магазин. Перед читателем пройдет целый ряд отвратительных персонажей. Среди них — политики, армейские офицеры, священники, чиновники, промышленные магнаты, писатели, академики... То есть так они себя именуют, но на самом деле все они — продажные типы. Эта Эрмита — когда-то элитарный квартал Манилы — сейчас представляет собой район, где как раз и процветают многие из этих в переносном смысле слова проституток.

ФРАНСИСКО СИОНИЛЬ ХОСЕ (Филиппины)
Март, 1987 г.

«Никто не рожден, чтобы страдать»

Вкратце я мог бы ответить так: все проявления жестокости, любое страдание. Но мне хочется сделать отступление, и вот какое: в 1945 году, в том самом году, когда закончилась вторая мировая война, вышла одна из первых моих прозаических книг — «Наш дом», в последующем переиздании ей было предпослано вступление — о писательском деле и о том жизненном опыте, на который повествование опирается. Это был опыт скромного, незаметного сельского врача, жившего в сложное время, время отчаяния, время, когда у нас в стране господствовал фашизм, а в Испании слышался клич приспешников Франко «Да здравствует смерть!» и разгорался пожар гражданской войны, предвещая куда более грандиозный пожар мирового конфликта, в котором столкнулись мрак и безумие, с одной стороны, и надежда на вселенское братство — с другой. Конфликт этот охватил целые континенты, неся с собой ужасы, разгул низменных страстей, колоссальные человеческие жертвы, его чудовищным

апофеозом стали две атомные бомбы, сброшенные на японские города. В те годы мир стал свидетелем кровавых боен, кошмаров — но и актов героизма. Так жил мир тогда, так он продолжает жить сегодня. И может быть, прав Сол Беллоу, писавший в своем «Герзаге»: «История — это история жестокости, а вовсе не любви, как представляется прекраснодушным». Зловещий клич «Да здравствует смерть!» и поныне раздается то тут, то там на нашей многострадальной земле...

Вот в какой обстановке писалась та моя книжка, на ней, повторяю,— печать тех дней. И все же она, как и большинство книг,— свидетельство солидарности и сострадания к обездоленным; в предисловии к ней я подчеркиваю, что искусство — это понимание, а следовательно, и терпимость, искусство — это любовь, главное призвание литературы — чутко улавливать настрой эпохи, объединять людей, внушать любовь к тому, что дорого ей самой, описывать и изобличать во имя спасения. Миссия столь же высокая, сколь и многотрудная! Сколько препятствий на каждом шагу и сколько преодолений! Миссия, состоящая в том, чтобы помочь человеку осознать себя неиссякаемым источником деятельного благородства.

«Думаю, что гуманизм — не что иное, как помощь человеку. Я не говорю — «помощь человечеству», я говорю — «помощь человеку». Объяснять это теоретически скучно, да и не нужно. Я бы хотела видеть его воплощенным на практике — все равно где»,— сказала как-то Елена Вайгель. Вслед за ней я подчеркиваю, что везде и всюду задача писателя — какие бы заманчивые рассуждения или замысловатые формулировки на сей счет ни существовали,— выражается очень просто: помочь людям. Утолить их печали, облегчить их страдания. Никто не рожден, чтобы страдать.

И в годы диктатуры, и в последние, столь бурные десятилетия португальская литература шла именно по этому пути, стремясь научить людей жить в мире и согласии друг с другом. Португальская литература, как, наверное, и литературы других стран, была и остается непримиримым врагом насилия, сектантства, всякого рода несправедливости и порождаемого ею страха. Ее не смогли сломить никакие преследования.

Недавно в Португалии появился и произвел большое впечатление сборник стихов венгерских поэтов, в него вошли и великолепные, гордые строки Шандора Петёфи:

Любовь и свобода —
Вот все, что мне надо!
Любовь ценою смерти я
Добыть готов
За вольность я пожертвую
Тобою, любовь![1]

Подобные мысли звучали не раз и, как мы знаем,— весьма по-разному. Важно то, что при всех различиях в них отражалась одна и та же общечеловеческая проблема, проблема, требующая неотложного решения: утверждение любви к человеку, ко всему, что возвышает его достоинство.

Что же касается моих ближайших творческих планов, то я работаю над подготовкой очередного тома из серии «Тетради писателя» (это собрание разного рода прозаических произведений) и редактирую «Дневник без дат», включающий размышления, комментарии и коротенькие заметки о повседневном.

ФЕРНАНДО НАМОРА (Португалия)
Февраль, 1987 г.

[1] Перевод Леонида Мартынова. *(Прим. ред.)*

◆

Советская литература за рубежом

ПОЛЬША

Стихи АННЫ АХМАТОВОЙ. Издательство «Выдавнитство литерацке».
Сборник избранных трудов МИХАИЛА БАХТИНА «Эстетика словесного творчества». Издательство «ПИВ».
Повесть ЮРИЯ ДАВЫДОВА «Судьба Усольцева». Издательство «Чительник».

ФИНЛЯНДИЯ

Поэма ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО «Фуку!». Издательство «Тамми».
Книга ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА «Алмазный мой венец». Издательство «Катисто».
Сборник произведений Тимура ПУЛАТОВА. Издательство «Кирьяюхтюма».

ФРГ

Фантастические рассказы АЛЕКСАНДРА ГРИНА. Издательство «Зуркамп».
Книга ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА «Алмазный мой венец». Издательство «Швифтингер галери».
Избранная проза КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО. Издательство «Рёденберг».
Книга МИХАИЛА ПРИШВИНА «В краю непуганых птиц». Издательство «Бюхергильде Гутенберг».
Повесть ЮРИЯ ТРИФОНОВА «Долгое прощание». Издательство «Лухтерханд».
Избранные стихи МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ. Издательство «Клаус Вагенбах».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Сказка БОРИСА ЗАХОДЕРА «Хрюк на елке». Издательство «Младе лета».
Повесть-сказка СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА «Сон с продолжением». Издательство «Альбатрос».
Стихотворения МИХАИЛА СВЕТЛОВА. Издательство «Лидове накладателстви».
Повесть ГЕОРГИЯ СЕМЕНОВА «Городской пейзаж». Издательство «Словенски списователь».
Роман ЮРИЯ ТРИФОНОВА «Нетерпение» Издательство «Праце».
Роман ОТАРА ЧИЛАДЗЕ «Шел по дороге один человек». Издательство «Татран».

ШВЕЙЦАРИЯ

Роман ИЛЬИ ИЛЬФА и ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА «Золотой теленок». Издательство «Манессе-ферлаг».
Сборник прозаических произведений ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА. Издательство «Амман-ферлаг».

ШВЕЦИЯ

Повесть ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «Ранние журавли». Издательство «Гидлундс».
Повесть АНТОНА МАКАРЕНКО «Флаги на башнях». Издательство «Фрам».
Повесть ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА «Прощание с Матёрой». Издательство «Вальстрём ок Видстранд».
Сборник стихотворений АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО Издательство «Арбетаркультур».

Ю. КАГРАМАНОВ

ЕЩЕ ПЛОДОНОСИТЬ СПОСОБНО ЧРЕВО...

«Новый взгляд» на фашизм в западной прозе 80-х годов

Еще плодоносить способно чрево,
Которое вынашивало гада,—

мы нередко цитируем эти строки Брехта, напоминающие, что фашизм еще не принадлежит целиком прошлому, что те или иные его разновидности могут еще появиться и появляются на свет. В подтверждение этой мысли обычно указывают на ряд фактов, так сказать лежащих на поверхности: существующие во многих странах мира неофашистские партии и организации; некоторые режимы, помеченные чертами сходства со «старым» фашизмом; военные деятели вроде латиноамериканских «горилл» — заговорщики и путчисты крайне правого толка; иногда указывают также на правоэкстремистские течения в рамках молодежной культуры, на панков, играющих со знаками и символами фашизма.

Хорошо известно, однако, что все те, кто откровенно ратует за установление фашистских порядков, в большинстве капиталистических стран (в том числе во всех ведущих странах Запада) не имеют сколько-нибудь серьезной поддержки в массах. Хотя это, конечно, не значит, что они не представляют опасности, все же, думается, потенциально бóльшую опасность заключает в себе явление иного рода, а именно процесс переоценки фашизма, происходящий в рамках литературы и кинематографа и навязываемый широким кругам западной публики.

Процесс этот — которому, кстати говоря, критика наша до сих пор не уделяла достаточного внимания — начался около двух десятков лет назад. Его исходной точкой можно считать условно 1968 год — апогей молодежного и контркультурнического движения. Контркультура бросила вызов рационализму и гуманизму и тем самым дала толчок «переосмысливанию» фашизма, его идеологии, его политики и культуры.

«Новый взгляд» на фашизм во всех его вариантах содержит в себе частичное и косвенное оправдание последнего. Оправдание это идет по разным линиям. Замалчиваются наиболее одиозные стороны фашизма и, наоборот, актуализируются какие-то его черты, которые выдаются за позитивные или, во всяком случае, присущие «современной эпохе» и как таковые естественные и неизбежные. Пропагандируются некоторые идеи, взятые из арсенала фашизма и поданные в расплывчатой, туманной форме. А также идеи, предшествовавшие фашистским и породившие их. В отношении того, о чем неприлично, даже сегодня, говорить прямо, ограничиваются намеками. Ставят знаки вопроса там, где никаких вопросов быть не должно, ибо все предельно ясно. И так далее и тому подобное.

В рамках статьи невозможно осветить весь процесс переоценки фашизма, даже если взять одну только область литературы. Ограничусь поэтому отдельными «пробами» — некоторыми произведениями последних лет — и лишь вскользь коснусь тех или иных произведений литературы и кино, относящихся к предыдущему десятилетию.

Американский писатель Дон Де Лилло, питомец контркультуры и обладатель талантливого пера, дал своему очередному роману название «Белый шум» (1985) [1]. Возможно, что понятие это заимствовано им из тибетских древних книг (между прочим, один из персонажей романа читает тибетскую «Книгу мертвых»), где оно означает неминуемую угрозу смерти. Героя романа, Джека Глэдни, университетского профессора, всюду преследует мысль о смерти; даже в разговорах с женой он постоянно возвращается к этой теме. «Белый шум», который, как ему чудится, грозит гибелью — это, собственно, весь «житейский шум трескучий», рождает ли его телевизор, или радиоприемник, или, наконец, живая улица, город с его людьми и машинами.

И ученые занятия героя имеют, как мы увидим, прямое отношение к его idée fixe. Джек Глэдни изучает «проблему Гитлера»; именно по его инициативе в университете, где он преподает, был введен в 1968 году специальный курс, посвященный особе германского фюрера. Его целью, как говорит Глэдни, стало «прояснение исторической перспективы, теоретическая строгость и зрелое понимание того, почему фашизм до сих пор находит отклик в массах». Об исследованиях, проведенных Глэдни и его коллегами, читателю несколько раз сообщают как о привлекших внимание всего ученого мира, «новаторских» и «продвину-

[1] Don De Lillo. White Noise. New York, 1985. *(Здесь и далее прим. авт.).*

КАГРАМАНОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (род. в 1934 г.)

Советский публицист и критик. Автор книг «Без знамени» (1979), «Метаморфозы нигилизма» (1986) и многих статей по вопросам зарубежной культуры.

тых». Но в каком направлении они «продвинуты» и благодаря чему могут считаться «новаторскими», остается совершенно не ясным.

Более того, автор как будто и не хотел, чтобы читатель поверил тому, что его Джек Глэдни действительно способен достичь зрелого понимания предмета, которым занимается. Вот, к примеру, как сам профессор рассказывает о своем выступлении на конференции «по Гитлеру»: «Я говорил главным образом о матери Гитлера, о его брате и его собаке. Собаку звали Вольф... Я сообщил немало сведений о Вольфе, еще больше о матери и брате, кое-что об обуви и носках, которые носил Гитлер, о его отношении к джазу, пиву и бейсболу. Конечно, я не забыл о самом Гитлере». Это чисто масскультовский подход к фигуре Гитлера, над которым автор слегка подсмеивается, но в общем ничего против него не имеет.

А вот Джек Глэдни организует показ для студентов документального фильма о нацизме. 80-минутная лента составлена им самим исключительно из нацистских пропагандистских фильмов, где засняты выступления фюрера, факельные шествия, бесконечные парады и тому подобные вещи. Никаких комментариев к ним не дается: дескать, смотрите и сами делайте выводы. Странная «методика», особенно если учесть, что студенты в Америке сплошь и рядом имеют самое смутное представление о преступлениях фашизма.

Складывается впечатление, что Джек Глэдни прямо-таки заворожен фигурой Гитлера и сам ждет, чтобы кто-то ему объяснил сей исторический феномен. Своим умом наш «исследователь» дошел лишь до того, что фюрер был магической личностью, обладавшей способностью сплачивать вокруг себя людей потерянных и боязливых. И что его, Джека Глэдни, влечение к Гитлеру как-то связано с одолевающим его страхом смерти.

Находится наконец некто, ставящий точки над i. Это коллега Джека Глэдни, с которым он встречается все на той же конференции «по Гитлеру». Два профессора ведут разговор о смерти. Коллега, у которого, оказывается, тоже маячит перед глазами собственный гроб, излагает свои взгляды на данный предмет. Существует, говорит он, лишь один способ освободиться от страха смерти, и этот способ — убийство другого человека. Соответственно люди делятся на тех, кто убивает или может убить, и тех, кого убивают. Далее происходит такой диалог (слова от первого лица принадлежат Джеку Глэдни, первая реплика — его коллеги):

« — Когда-нибудь Вы перестанете существовать. С у щ е с т в о в а т ь, Джек. Тот, кто готов умереть, принимает это как должное. Убийца же, в теории, пытается победить свою смерть, убивая других. Он таким образом как бы покупает себе жизнь. Пусть другие, истекая кровью, корчатся в пыли.

Я посмотрел на него с любопытством. Он удовлетворенно потягивал трубку, издавая глухие звуки.

— Таким путем можно одержать верх над смертью. Убить другого вместо того, чтобы умереть самому... Видите, как это чудесно просто.

— Вы утверждаете, что люди поступали так на протяжении столетий.

— Они и сейчас так поступают. И в малом, интимном масштабе, и в масштабе групповом и массовом...»

Вот вам объяснение того, почему Джек Глэдни, панически боящийся смерти, постоянно носит с собой затрепанный томик «Майн кампф» и почему личность бесноватого фюрера для него не столько предмет исторических штудий, сколько наваждение, от которого он не может и не хочет освободиться. Странно только, что объяснение это, предельно «низколобое» по своему содержанию, вложено в уста университетского профессора, за спиной которого стоит сам автор.

Допускаю, что тут автор мог бы и возразить: у меня, может, ирония, а вы все принимаете всерьез. Что ж, некоторая ироническая отстраненность в том, как подаются такого рода идеи, в книге заметна. Но это просто дань известному недоверию к любым логическим построениям, характерному для поколения, прошедшего через все «отрицания» контркультуры. Я, мол, думаю примерно вот так, но, может быть, я не я и мысль не моя. Иначе говоря, это вопрос, касающийся скорее стиля, нежели существа дела, и у читателя есть все основания считать, что пассажи, подобные приведенным выше,— нечто большее, чем просто интеллектуальная игра.

Тем более что герой романа, однажды «с любопытством» посмотревший на теоретика «жизни, купленной ценой убийства», на практике попытается осуществить данный принцип — решившись на убийство из-за ревности. Правда, убийство не удается, он только ранит соперника и, ранив, оказывается «слабаком», то есть, вместо того чтобы добить раненого, сам же отвозит его в больницу, где выдает происшедшее за несчастный случай.

Между прочим, больницу эту обслуживают монахини. Разговорившись с одной из них, Джек Глэдни слышит откровение иного рода: оказывается, ни одна из здешних монахинь не верит в бога. Как же так, удивляется наш герой, зачем же они тогда вообще принимают обет? Ответ следует такой: человечество нуждается в том, чтобы оставалась хотя бы горстка людей, «дурачков», поддерживающих веру в «старые ценности», в бога и дьявола. Мы и есть эти люди; мы делаем вид, что верим, ибо иначе нельзя. Или кто-то будет поддерживать огонь в лампадке — или мир провалится ко всем чертям.

Есть старое речение: не стоит село без праведника. Де Лилло полагает, что нынче праведников нет и быть не может, а значит, если вообще нужно, чтобы село стояло, кто-то должен «делать из себя» праведника, дабы все прочие держали его за такового.

Роман кончается на знаке вопроса. Даны как бы два указателя, выбор пути предоставлен читателю. То ли знать «истину» о смерти и о «преодолении» ее посредством убийства другого человека (или других людей), то ли делать вид, будто веришь в «старые ценности». То ли, следуя «зову крови»,

идти за Гитлером (если еще возьмут, а то ведь могут и тебя отнести налево, к тем, которых убивают), то ли через «не хочу» оставаться с Христом.

Идти за Гитлером, может, и боязно, но — «в теории» по крайней мере — все-таки предпочтительнее. Пусть скверная, но истина (или то, что за нее выдается), наверное, лучше, чем фикция веры. Такой вывод напрашивается, если принять логику автора, навязывающего читателю свое «видение» вещей, а точнее, отсутствие его. С одной стороны — низкая неистина. С другой — проецирование собственного цинизма на всех остальных, а priori лишаемых способности верить в какие-либо ценности, старые или новые.

Такова одна из линий, по которым идет оправдание фашизма: попытка разглядеть в нем некую, хоть и скверную, хоть и жестокую, но «истину». Замечу, что если Джеку Глэдни все-таки посчастливилось встретить человека, сумевшего «все объяснить», то некоторые другие произведения оставляют читателя в состоянии, так сказать, необъяснимой завороженности. Вспоминается, к примеру, роман американца Ричарда Хьюза «Деревянная пастушка» (1973), где смакуются зверства, совершаемые во имя Гитлера и по его приказаниям. Там между строк прочитывается немое восхищение: «Вот это да! Вот это изверг! Так и хочется шляпу снять».

Если перевести объектив внимания с кровавого, апокалипсического Гитлера на рядовых исполнителей его преступных приказов, обнаружится другая линия «защиты». Ее юридический эквивалент хорошо известен: исполнители не несут ответственности. В художественном плане она выглядит следующим образом: простые солдаты рейха — такие же солдаты, как и любые другие. Линия эта слегка намечена в том же «Белом шуме». Фашизм, говорит Джек Глэдни, «не вопрос добра и зла. Что-то другое. Можно взглянуть на это так. Некоторые люди надевают мундир, отчего чувствуют себя больше, сильнее, увереннее». Всего-то навсего. Но чем же тогда эти люди отличаются от других — надевающих другие мундиры?

«В продолжение трех лет я был солдатом. И не считаю, что я в чем-то виноват, потому что никто открыто не высказывался против войны». Эти строки — из автобиографической повести западногерманского писателя Ганса-Петера Рихтера «Время молодых солдат» (1980)[2]. Бывший лейтенант гитлеровского вермахта, воссоздавая черты времени, когда он носил мундир, не чувствует, собственно, никакого греха ни за собой, ни за своими сотоварищами. Ну, дескать, воевали, ну и что, чем мы хуже тех, кто были нашими противниками — на востоке и на западе? Гитлеризм — зло? Может быть, но мы об этом ничего не знали, просто делали, что нам велят, плыли по течению «как все».

В годы, последовавшие за второй мировой войной, лучшие западногерманские писатели, такие как В. Борхерт, А. Андерш и другие, немало усилий затратили, чтобы убедить своих читателей: «маленький человек», рядовой исполнитель, тоже несет ответственность за преступления Гитлера и К°, хотя в разных случаях доля ответственности, конечно, разная. Как видим, проведенная ими духовная работа кое-кого по сию пору не затронула.

Если Рихтер эмоционально держит глухую оборону, у него хоть есть на то свои причины. А вот чем руководствовался американский режиссер Сэм Пекинпа, тремя годами ранее в фильме «Штайнер — Железный крест» воздавший хвалу тому же рядовому исполнителю? Герой этого фильма, гитлеровский унтер-офицер Штайнер,— храбрый вояка, «честно» выполняющий свой воинский долг на Восточном фронте. Вот уж на ком действительно легко сменить мундир! Ибо перед нами — «положительный», по рецептам Голливуда, персонаж, какого в разных облачениях можно встретить во многих американских фильмах. Чтобы сделать его вполне приемлемым для американского зрителя, Пекинпа заставил Штайнера поконфликтовать с офицером-нацистом. Но вся причина конфликта в том, что офицер оказался себялюбцем и карьеристом. Тогда как «честный» Штайнер, воплощающий, по замыслу режиссера, некие универсальные мужские доблести, является, по сути, идеальной «шестеренкой», в которых так нуждалась гитлеровская военная машина.

Откроем еще одну книгу. Французский писатель Серж Резвани пользуется репутацией автора, особенно чуткого в «трудных» (как пишет газета «Монд») нравственных вопросах. Не знаю, как в других его произведениях, но в романе «Закон человеческий» (1983)[3] данное его качество нашло, мягко говоря, весьма своеобразное выражение.

Начну с эпизода, занимающего в романе место ближе к концу. Молодой француз Люсьен де Б., бывший коллаборационист, чудом избежавший наказания, вскоре после окончания второй мировой войны встречается в Париже с польской девушкой, которая провела три года в концентрационном лагере Майданек. Как вы считаете, читатель, какое у этой истории может быть продолжение? Я ждал, что Люсьен де Б., получив из первых рук информацию о том, что прежде скрывали «ночь и туман» (кодовое обозначение системы гитлеровских лагерей смерти), по меньшей мере задумается, тех ли он выбрал себе друзей. Допускал и иной вариант: какую-нибудь интимную игру в палача и жертву в духе модного фрейдизма.

Продолжение оказалось иным. Девушка проявила поистине ангельскую доброту: она простила всем все. И Люсьен де Б. сделал отсюда вывод: раз существует на свете милосердие, значит, все те, кого обвиняют в преступлениях минувшей войны, вправе на него рассчитывать. Впоследствии он убедится, что не вправе, и — ах! — какое это будет для бедного юноши «разочарование».

Не тот сюжет выбрал Резвани для разговора о милосердии. Бывают случаи, когда оно абсолютно неуместно. Бывают ситуации, когда даже Алеша Карамазов находит

[2] H.-P. Richter. Die Zeit der jungen Soldaten. Stuttgart, 1980.

[3] S. Rezvani. La loi humaine. Paris, 1983.

справедливым один-единственный вердикт — «убивать!». Ибо таков один из «законов человеческих».

Но самое любопытное то, что, рассчитывая на милосердие, Люсьен де Б. не испытывает, по сути, угрызений совести, не сжигает ничего или почти ничего из того, чему поклонялся.

Шестнадцатилетний юноша, которому окружающие потом дадут кличку «Гитлер», проникся своего рода обожанием к немецким солдатам-артиллеристам, обосновавшимся в его родной деревушке. Для всех остальных жителей это враги, оккупанты, а для него — герои, «молодые люди с прямым и светлым взглядом», победители. Победителей же следует любить уже за одно то, что они победители. В особенности привязался Люсьен де Б. к одному офицеру по имени Франц. Много лет, даже десятилетий, спустя в трудные минуты он будет задаваться вопросом: «А что сделал бы на моем месте Франц?»

Если бы тут было просто слепое увлечение, можно было бы только пожалеть, что оно столь резко разошлось с элементарным чувством патриотизма и гражданственности. Но тут и определенное умонастроение молодого человека, с годами не претерпевшее сколько-нибудь существенных изменений и теперь навязываемое читателю.

Автор сделал Люсьена де Б. (быть может, не без влияния Селина) принципиальным изгоем, человеком, лишенным какой бы то ни было привязанности к своей «малой родине», к людям, среди которых вырос. Сам «Гитлер» в зеркале своего воображения видит себя одним из немногих «избранных», сумевших подняться «выше» морали. И его кумир Франц предстает как существо «высшего» порядка, «поэт», некое совмещение гения и злодейства (как будто таковое возможно!); с его точки зрения, «поэзия»— это прежде всего война, а значит, по необходимости, убийство других людей. Поэты, убежден Франц, не имеют национальности. Мы, заявляет он, явились сюда, чтобы «соединить Гёльдерлина и Малларме», «распространить на всю Европу своего рода царство безумцев».

Отсылка к Гёльдерлину не единична. На протяжении романа он упоминается многажды, раза два или три — Новалис. Вроде бы Франца и Люсьена де Б. связало увлечение немецкой романтической поэзией. Последний даже берется сформулировать мировоззренческий «урок», который он из нее для себя извлекает. «Свет,— говорит он,— не вечен, его время отмерено, тогда как царство Ночи безгранично... Я — сторонник Ночи». Но что вы в той Ночи углядели, Люсьен де Б.?

Интересно, читал ли автор Гёльдерлина? Трудно понять, каким образом нежнейший, чувствительнейший из романтиков, в котором любая жестокость вызывала содрогание, мог быть подверстан к банде духовных недоносков, «на всю Европу» устроившей невиданную кровавую баню. Вообще-то Резвани не первый, кто пытается подвести фашизм под ту или иную романтическую мифологему. К примеру, его соотечественник, маститый писатель Мишель Турнье, проделал нечто подобное, только гораздо более искусно, в романе «Лесной царь» (1970). Гётевский образ, действительно жутковатый [4] (зов смерти, исходящий из глубины леса — как из тайников души), служит в нем символом, «покрывающим» реальность гитлеризма, который оказывается в интерпретации Турнье явлением неоднозначным. Поскольку говорить подробнее об этом романе здесь не представляется возможным, скажу лишь, что, перенеся трактовку фашизма в иные, магические измерения, Турнье запутал вопрос о его практическом — политическом и этическом — содержании, создав произведение, местами по крайней мере, сомнительное в идеологическом отношении [5].

Ночь романтиков — космическая Тайна, которая поворачивается к человеку то мягкой, то жестокой (как в «Лесном царе» Гёте) своей стороной; в любом случае это нечто трансцендентное, запредельное и беспредельное. Ночь фашизма, если уж прибегать к метафорам,— это рукотворная преисподняя, это подземелье, каким его изобразил, например, Пикассо в «Гернике» (ужас Герники физически был вызван тем, что бомбы падали на нее с неба, но Пикассо выразил суть явления, показав его происходящим в подземелье). У Резвани и близких ему в данном аспекте авторов мы видим, как второе понятие к вящей для него выгоде подменяется первым, политика и этика растворяются в метафизике.

Подобно другим авторам, произведения которых рассматриваются в настоящей статье, Резвани не пытается брать под защиту фашизм в целом — такая защита не могла бы встретить сочувствия у сколько-нибудь широкого читателя. Даже Франц, выступающий в романе как идеолог «сил ночи», отмежевывается от тех конкретных лиц, лозунгов, которые фашизм в данный момент выдвигает. Приведу пример. «Он (Франц) коснулся свастики на пряжке: «Над этим я готов потешаться вместе с тобой, так же как и над нашим смешным усатиком *(Гитлером.— Ю. К.)*... Но битвы, через которые мы прошли,— другое дело, Люсьен. Тут уже никакая ирония неуместна. Павших надо уважать. Надо уметь ценить страсть, большую любовь». В данном случае страсть — это скорее большая ненависть, а не любовь. Но так или иначе, устами Франца здесь (как и в других местах романа) автор дает понять, что в основе фашистского движения было-де что-то правильное и здоровое и его надо отделять от случайного и наносного, над которым не грех и посмеяться. Вроде свастики. Или Гитлера. Не правда ли, веселенькие сюжеты?

Место определенного зла занимает, таким образом, зло менее определенное, но от этого не менее (даже, наоборот, более) опасное. Вот еще пример. На протяжении

---

[4] Русскому читателю стихотворение Гёте знакомо в переводе Жуковского, смягчающем образ Лесного царя. См. об этом блестящий этюд М. Цветаевой «Два «лесных царя».

[5] Не хотелось бы только, чтобы такая оценка «Лесного царя» у кого-то отбила желание знакомиться с другими произведениями малоизвестного у нас Турнье, которого некоторые считают сейчас первым писателем Франции.

романа не раз и не два встречаемся мы с превознесением «мужских ценностей». Юный Люсьен де Б. презирает женские, «телячьи» нежности, даже слово «мама» терпеть не может; ему импонирует одна только костяная твердость, он жаждет быть таким же мужественным, как Франц и его солдатня. Это не та мужественность, которая не только противопоставляет себя женственности, но и дополняет ее, нет, это мужественность, отрезанная от женственности,— формация времен Аттилы и Чингисхана, заговорившая под слоем тысячелетней культуры. Так что отклик, какой обычно рождает в нас слово «мужественность», тут не должен иметь места; речь идет о чем-то не слишком далеком (чтобы не сказать: совсем близком) от той твердокаменности, что находила себе применение в действиях эсэсовских зондеркоманд или за колючей проволокой лагерей смерти.

Судите сами, читатель, насколько уместно звучит в таком вот контексте тема милосердия.

Мысль, что фашисты не хуже прочих, проводит роман итальянца Джорджо Савиане «Сокровище Пеллиццари» (1983) [6] (оговорюсь, что здесь, как, впрочем, и в некоторых других произведениях, рассматриваемых в настоящей статье, фашизм — лишь одна из затронутых тем). В послесловии к роману сказано, что он предназначен для старшего школьного возраста, хотя и для взрослых тоже небезынтересен. Что же предлагается знать о фашизме подрастающим итальянцам?

В центре романа (действие которого происходит в предвоенные годы и в годы второй мировой войны) — «сокровище» многочисленного семейства Пеллиццари, каковое (то есть «сокровище») заключается в его прочной спайке. Хор бабушек-дедушек, пап-мам, братьев-сестер, свояков и свояченицы, шуринов и невесток тянет, собственно говоря, одну песню: «наши» (члены семьи) нам всего дороже; «мы», пока держимся вместе, способны устоять против кого угодно — против наглых притязаний жадного графа-землевладельца, против недовольных крестьян (глава семьи — арендатор), против превратностей биржевой игры, наконец, против самого Муссолини.

Пеллиццари вроде бы не любят фашистов. Даже пса своего приучили лаять на фашистский мундир. А герой романа Федерико, посещая университет, позволяет себе слегка фрондировать. Например, не снимает берета, когда надо петь «Джовинецу» (гимн фашистской молодежи). Вынужденный служить в армии, Федерико затем, когда Италия выходит из войны, охотно сбрасывает мундир и вступает в партизанский отряд, сражающийся против немцев, оккупировавших к тому времени страну.

Но не успевает Федерико совершить никаких настоящих подвигов. Слишком недолгим оказывается его пребывание в партизанском отряде. И причиною тому следующий экстраординарный случай. Однажды партизаны ведут с немцами ленивую перестрелку, как вдруг в пруду, расположенном в ничейной зоне, начинает тонуть итальянская девочка. Находится спаситель — немецкий солдат. Дальше цитирую: «Федерико посмотрел на него: это был простоватый паренек лет восемнадцати, светловолосый, с голубыми глазами. Такой не мог быть врагом». Вот и все. Для Федерико этого оказалось достаточно, чтобы бросить оружие и больше к нему не прикасаться.

Искушение такого рода он уже раз испытал. Как-то партизаны напали на пост фашистских карабинеров (итальянцев, разумеется), и Федерико столкнулся лицом к лицу с их командиром. И что же? Он «воображал, что перед ними будут злодеи в черных рубашках, с преступными рожами». А командир оказался — симпатяга. И Федерико сник. И наверное, не решился бы пустить в ход оружие, но, слава богу, командир сдался сам. В тот раз наш «герой» по крайней мере не покинул партизанский отряд, а вот встречи с простоватым немцем он уже не выдерживает, бросает все и возвращается домой. И товарищей своих подбивает. «Война окончена: разве ты не видел этого немца?»— кричит он одному из них.

Кто же тут все-таки простоватый? Немец? Или автор? Или читатель, для которого он пишет? Едва ли может служить оправданием то обстоятельство, что роман предназначен главным образом для старших школьников, им-то как раз особенно полезно знать, что представлял собою фашизм и почему борьба против него велась не на жизнь, а на смерть. А «наивность», какую мы встречаем в книге Савиане, пожалуй, даже младшему школьному возрасту непростительна. Ну, допустим, данный конкретный немец может быть неплохим по сути парнем, но позволительно ли забыть о той силе, частицей которой, к своему несчастью, он является?

Самую «хитрую» за последние годы попытку косвенного оправдания фашизма находим в трилогии француженки Режины Дефорж: «Голубой велосипед» (1981), «Авеню Анри Мартэн, 101» (1983), «А дьявол еще смеется» (1985) [7]. В особенности в последнем романе.

Трилогия имела шумный успех и сейчас переведена или переводится на ряд иностранных языков. По отзыву западногерманского журнала «Штерн», она явилась достойным осуществлением «крупного замысла». А замысел был такой: «переписать» «Унесенные ветром» на французском материале.

Не буду вдаваться в сравнение произведения Дефорж (о котором сама она сказала, что основные его персонажи — война и земля) с романом М. Митчелл; здесь нас интересуют совсем другие вопросы. Отмечу все же, что на фоне классических образцов у Дефорж бросается в глаза явно избыточная драматизация повествования. Разумеется, уже материал сам по себе драматичен: война, антифашистское подполье— тут естественны самые острые коллизии и страдания и, порою, лихорадочные радости. Но в трилогии такая концентрация всякого рода приключений, смертей, любовей (или того, что называют этим словом) и прочего, что диву даешься: неужели широ-

[6] Giorgio Saviane. Il tesoro dei Pellizzari. Milano, 1983.

[7] Régine Deforges. La bicyclette bleue. Paris, 1981; 101, avenue Henri Martin, 1983; Le diable en rit encore, 1985.

кого читателя сегодня уже нельзя привлечь чем-то другим?

Героиня трилогии Леа — участница антифашистского подполья. Казалось бы, уже одно это обстоятельство определяет позицию автора по отношению к фашизму. Но не стоит торопиться с выводами. Трилогия — многоплановое произведение, в ней огромное количество действующих лиц, и, соответственно, значительное разнообразие взглядов, не «покрываемых» авторским суждением. Полифония, если угодно.

Кстати говоря, Леа сама признается, что к участию в Сопротивлении ее побудили отнюдь не идейные соображения. Такие вещи, как патриотизм или демократические убеждения, для нее «абстракция», не более того. Дочь не мелкого землевладельца в департаменте Жиронда, она только тогда почувствовала антипатию к неприятельским солдатам, когда увидела их в своем доме.

Множественность точек зрения на происходящие события, равно как и их «сбалансированность», создает впечатление, что автор остается «над схваткой». В первой части трилогии Леа на своем голубом велосипеде (см. название романа) частенько курсирует из «свободной» зоны в оккупированную и обратно. У Дефорж тоже есть свой «голубой велосипед», на котором она катается из одного лагеря в другой, в каждом из них находя специфические «комбинации» добра и зла: и тут и там есть свои храбрецы и трусы, люди честные и бесчестные, во многих головах уживаются идеи самые разные и порою прямо противоположные. Словом, оставь, читатель, всякую мысль о черно-белых трафаретах!

Не стану защищать черно-белые трафареты, поскольку речь идет о живых людях. Сложные они бывают, живые люди. В «Карателях» А. Адамовича «герои»— бывшие советские военнопленные, перешедшие на службу к врагу и принявшие участие в массовых убийствах мирных своих соотечественников. Кто же они — подонки? В основном да, конечно, и все же — увы!— попадались среди них и в общем совсем неплохие люди, но — со слабинкой. У Адамовича хорошо показано, как чудовищная машина смерти превращала их в нелюдей. Читать об этом страшно. Сделаю отсюда вывод, с которым, вероятно, не все согласятся. А именно: никоим образом не снимая проблему личной ответственности, надо все-таки помнить, что во сто, в миллион крат виноватее машина [8]. Хрупок человек, далеко не всегда способен на геройский поступок, бережно бы к нему относиться, не испытывать бы его, так сказать, на растяжение и на разрыв.

Словом, нелегко бывает иногда разобраться с теми, кого зовут рядовыми исполнителями. Но тем чернее сам фашизм и тем светлее то, что ему противостоит! Между тем в трилогии Дефорж представление о фашизме как о Зле начисто отсутствует. Нигде не видно виновников. Читаешь, и складывается впечатление, что все тут жертвы неведомо кем и почему вызванной трагедии. Вот как говорит, обращаясь к Леа, один из персонажей, деголлевский офицер (в данном случае, очевидно, выражая также и авторскую точку зрения): «Я с тобой согласен, мы ...пребываем в царстве абсурда». Речь идет о войне и о тех, кто в ней участвует. Это абсолютно антиисторическое суждение. Так можно было думать, сидя в окопах первой мировой. Во второй мировой человечеству угрожал несомненный ВРАГ, которого надо было разбить, чего бы это ни стоило; на сей счет среди союзников существовало почти полное единодушие.

Но прислушаемся к разноголосице, звучащей со страниц трилогии. Предельно кратко, с протокольной сухостью повествуется о некоторых эпизодах из практики нацистских лагерей смерти, о поголовном истреблении жителей французского города Орадур. В общем, однако, о солдатах и особенно офицерах немецкой оккупационной армии говорится значительно больше хорошего, чем плохого: как правило, это скромные, порядочные и даже галантные мужчины. Авторская «предупредительность» в отношении немцев бросается в глаза. Если кто-то где-то лютует — расстреливает, пытает, предает огню мирные жилища,— то это обычно оказываются петэновские «милиционеры». Но еще большую жестокость демонстрирует другая сторона. После освобождения толпы народа, движимые «низкой мстительностью», расправляются с коллаборационистами и немецкими солдатами с садистским сладострастием.

В трилогии есть один-единственный пассаж, касающийся нас. Офицер штаба генерала де Голля, по долгу службы бывающий в СССР, говорит о себе, что он «проникся дружескими чувствами к этим грубоватым и храбрым людям, испытывающим глубокое презрение к смерти...» (это, правда, напоминает строку из Петрарки, взятую Пуш-

[8] С другой стороны, следует помнить о том, что те, кто непосредственно машину создавали, в большинстве своем были именно подонки в том смысле, какой вкладывают в это слово на разных языках все люди. К сожалению, об этом иногда забывают: ослепляет блеск мундира и огромность власти, которой эти люди (называю их так условно) обладали. Напомню, что такие художники, как Брехт и Чаплин, не дали себя в этом отношении обмануть, изобразив Гитлера (соответственно в «Карьере Артуро Уи» и «Великом диктаторе») как гангстера. Многим ли удалось удержаться на этом уровне? Говорю сейчас не только о западных авторах. В известном фильме «Семнадцать мгновений весны», при всех его несомненных достоинствах, есть и по меньшей мере спорные моменты: слишком «онормалены» в нем руководители гитлеровских спецслужб. Циничные и жестокие, они вместе с тем выглядят, скажем так, «современными». Тогда как гуманисты, такие как Плейшнер и пастор Шлаг, выглядят, наоборот, старомодными и хотя бы чуть-чуть смешными. Не за то ратую, чтобы возвращаться к карикатуре, а за бо́льшую историческую правду. Проведенные западными специалистами сразу после окончания войны обследования примерно пятидесяти главарей СС показали, что подавляющее большинство из них составляли бывшие уголовники и люди явно ущербные в психологическом отношении.

киным в качестве эпиграфа к одной из глав «Онегина»: в туманных северных краях людям «не больно умирать»). И что «дань, которую они принесли войне, была самой тяжелой в Европе». Но тут же утверждается следующее: «Чтобы отомстить за своих матерей, жен и дочерей, вся Красная Армия установила для себя закон талиона — «око за око, зуб за зуб». У несведущего читателя может создаться впечатление, что советские войска и впрямь нанесли противной стороне урон, равноценный тем неисчислимым и порою трудноописуемым злодеяниям, что творили на нашей земле фашисты.

Но пока советские «катюшки», то бишь «катюши», садят по осажденному Берлину, авторский «голубой велосипед» уже по ту сторону фронта, в самом логове фашистского зверя. Здесь тоже обретается по долгу службы некий француз. Приглядимся к нему повнимательнее.

Его зовут Матиас Файяр. Когда в центре романа женщина, тогда ценность мужского персонажа в большой мере зависит от того, какую роль он играет по отношению к ней. Хотя Леа вовлекла в орбиту своей жизни намного большее число лиц мужского пола, чем это удалось или чем этого хотелось Скарлетт из «Унесенных ветром», все же Матиас Файяр занимает среди них (это становится ясно к концу трилогии) особое место. Сын крестьянина, он рос вместе с Леа, был ее первым другом детства. Потом стал обожателем, самым верным, самым преданным из всех, готовым ради нее на любые жертвы. Рыцарь без страха и упрека? Пожалуй, так. Во всяком случае, по отношению к даме сердца.

Объясняя в письме к Леа, почему он надел, уже на завершающем этапе войны, эсэсовский мундир (до этого он служил в петэновской «милиции»), Матиас Файяр утверждает, что не разделяет «политического идеала» национал-социализма, что для него это «вопрос чувства». «Я сделал выбор, став на сторону проигравших,— пишет он.— Я хочу быть таким, как черные герои романов нашего детства. Вспомни, как мы их любили, этих странствующих рыцарей, заключивших союз с дьяволом. Конечно, они всегда проигрывали, но какой ценой они заставляли противника оплачивать свои проигрыши!»

Стало быть, еще и герой, вышедший на верную гибель. Но если этого «героя» разобрать на части, снова собрать его уже не удастся, во всяком случае на ногах он уже стоять не будет. Прежде всего, нетрудно заметить, что выбор сделан был им еще тогда, когда Гитлер легко одерживал одну победу за другой, а назад предателю уже не было хода. Далее, мы опять-таки встречаемся с попыткой подвести реальность под мифологему. Здесь это «черный герой» приключенческих романов, окруженный некоторым романтическим ореолом,—«отпетый», которому «сам черт не брат». Но сей персонаж, как говорится, из другой оперы. Если можно вообще подвести эсэсовца под какой-то традиционный образ, то это образ палача. К палачу всегда — в Германии ли, во Франции ли, в России — относились как к отщепенцу, брезговали им (даже селиться ему зачастую приходилось где-то на отшибе, отдельно от всех) — при том, что он выполнял, как считалось, общественно полезную функцию! И еще подмена. Одиночки, продавшие душу дьяволу, которые «всегда проигрывают», не имеют ничего общего с той тьмою, которую в обоих смыслах слова представляла собой фашистская сила (парадигма — орды Аттилы, Чингис-хана, несметные, все сокрушающие на своем пути) и которая вовсе не была заведомо обречена на поражение; известно, каких титанических усилий стоило ее одолеть.

Нет, это только видимость, что автор парит «над схваткой». Тонко продуман в трилогии контрапункт, и все же можно заметить, что Матиасу Файяру Деформж отдала бóльшую долю своей души, нежели прочим. С плохо скрываемым восхищением написана одна из последних глав заключительной части трилогии, в которой франко-немецкая эсэсовская дивизия «Карл Великий» (где служит Файяр), вернее, то, что от нее еще осталось, спешит на защиту имперской канцелярии. Демонстрируя, по воле автора, свой «высокий моральный дух», солдаты горланят по-немецки и по-французски лихую песенку:

Где мы пройдем, земля трясется.
Ха-ха-ха-ха!
И дьявол там, где мы,
И вместе с нами он еще смеется...

И тому подобное. Между прочим, строфа из этой песенки вынесена в эпиграф последней части трилогии, строка — стала ее заглавием. Лишний раз это подтверждает, какое значение придает данной сюжетной линии автор.

А несколькими главами ранее героиня трилогии Леа, участница Сопротивления, напевает... немецкую солдатскую песенку «Лили Марлен». Песенка эта стала вновь популярной на Западе с появлением одноименного фильма, поставленного в 1980 году западногерманским режиссером Вернером Фассбиндером и содержащего довольно откровенную ностальгию по временам нацизма, каковой именно она, песенка то есть, и задает тон. Между тем исполняющая ее героиня фильма любит повторять: «Я не имею никакого отношения к режиму, я только пою песенку, одну-единственную песенку».

Еще раз: взяты лишь отдельные «пробы», но и они дают некоторое представление о том, что такое процесс переоценки фашизма. О том, как теперь на Западе можно писать о фашизме и фашистах, рассчитывая при этом на успех и широкое признание. О том, наконец, в какую сторону с некоторых пор дуют ветры.

Не в пример мифологическим Ветрам, данные ветры имеют вполне реальных «авторов»— дующих «мальчиков». Один из таких «мальчиков», как это сам читатель мог заметить,— антисоветизм.

Все это, конечно, не означает, что антифашизм на Западе сдает свои позиции. Тем не менее определенное снижение «барьера неприятия» фашизма налицо. И явление это не может быть оставлено без внимания.

◆

Из месяца в месяц

Австрия

«ПИСАТЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ»

«Декабрьским днем из дома выходит человек, выполнивший на сегодня свою работу. Вторая половина дня у него свободна. Он спускается с холма в центр города, идет по оживленным улицам и переулкам, где жмутся друг к другу старые дома. Мимо спешат люди, нагруженные рождественскими покупками... Человек идет без видимой цели, но взгляд его зорко подмечает все вокруг»,— так начинает свою рецензию на новую книгу известного австрийского писателя Петера Хандке «Писатель во второй половине дня» критик Мартин Людке в журнале «Шпигель».

«Это простой, безыскусный рассказ, своего рода «производственный репортаж», только все свое «производство» писатель повсюду таскает за собой. Хандке пишет о своей жизни, о том, как нелегок литературный труд»,— отмечает М. Людке.

Рецензент еженедельника «Цайт» Райнхард Баумгарт называет книгу «автопортретом писателя». «Речь в ней идет об искусстве, в том числе — об искусстве поддерживать творческое состояние до следующего утра, когда снова надо будет сесть за письменный стол». Автор, подчеркивает критик, — наш современник, читающий газеты, саркастически размышляющий о «нормальных до отвращения» обывателях, «убежденных нечитателях». Отдельные эпизоды книги напоминают «безумный сон». «Весь этот мир с его страхами и угрозами для пишущего остается именно «внешним», он чувствует себя в нем одиноким»,— пишет Райнхард Баумгарт. А Мартин Людке замечает: «В этой небольшой повести ничего (или почти ничего) не происходит — но в ней говорится обо всем на свете (или почти обо всем)».

Болгария

ЦЕННЫЙ СПРАВОЧНИК

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося сына болгарского народа, получившего гордое имя Апостола свободы,— Васила Левского. Среди многочисленных изданий, вышедших в Болгарии к этой знаменательной дате, достойное место заняла книга «Васил Левский. 1837—1987. Биобиблиография», выпущенная Народной библиотекой имени Кирилла и Мефодия в Софии. На сегодняшний день это самый полный и подробный библиографический справочник о Левском, включающий все, что было написано им самим и о нем с июня 1964-го по июль 1986 года.

Учитывая большой интерес в стране и за рубежом к легендарному деятелю болгарского революционного освободительного движения XIX века, составители справочника включили в него два основных раздела: «Васил Левский и Болгария» и «Васил Левский в других странах». Первый раздел открывается описанием документального наследия Левского, расположенным в хронологическом порядке. Как известно, этот человек, отдававший все силы борьбе, успел написать очень немного. Потом идет список литературы о нем, где представлена библиография из 4086 названий: это книги и разделы книг, статьи, художественные произведения, изданные отдельно, включенные в сборники, публиковавшиеся в периодике. Второй раздел — это литература о Левском, вышедшая за рубежом. Приводятся сведения о 194 книгах, статьях и других материалах. Так, одна из самых популярных книг о Левском, уже неоднократно переиздававшаяся — «Апостол свободы» — принадлежит перу английской писательницы Мерсии Макдермот (в этом году ее смогут прочесть и советские читатели — она выходит на русском языке в серии «Библиотека журнала «Болгария»). Во второй раздел также вошли две книги о В. Левском, вышедшие в СССР: «Васил Левский» А. Стекольникова (издана в серии «Жизнь замечательных людей») и монография С. Сидельникова «Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете».

Издание снабжено несколькими указателями — именным, географическим, тематическим и другими. Его научным редактором является известный болгарский ученый профессор Никола Кондарев, сам неоднократно писавший о В. Левском.

«Неслыханный характер» — так сказал о Левском болгарский поэт и революционер Христо Ботев. Трагическая судьба Васила Левского — пламенный борец за свободу Болгарии был казнен — всегда волновала и будет волновать многие поколения. И поэтому, считает болгарский еженедельник «АБВ», новый библиографический справочник заинтересует не только специалистов-историков и сотрудников библиотек; в нем найдут много любопытного и те, кто просто интересуется жизнью и борьбой Апостола свободы.

Великобритания

«В ГЛУШИ»

Так называется новый роман Фэй Уэлдон и телевизионный спектакль, почти одновременно с выходом книги в свет показанный по Британскому телевидению. «В глуши», по мнению рецензента журнала «Лиснер» Венди Брэндмарк, посвятившей свою статью телеварианту произведения — «драма, которую можно с легкостью воспринять как пародию на «мыльную оперу» или на феминистское прочтение авантюрного романа XVIII

Сьюзен Пенхалигон в роли Натали Харрис.

(Журнал «Лиснер»)

века». Но, судя по многочисленным откликам прессы, это не просто остроумная, зажигательная пародия на романы Фильдинга и Смоллета, не просто мелодраматическое повествование о злосчастиях Натали Харрис — жительницы маленькой деревушки в графстве Сомерсет, а «страстный, талантливый анализ одиссеи английской женщины, нашей современницы», отмечает в «Таймс литерари сапплмент» Дж. К. Уокер. Уэлдон в этом романе остается верна себе; как и в книгах «Шутка толстухи», «Подруги», «Гриб-дождевик», «Праксис», «Жизнь и любовь дьяволицы», она выявляет механизм превращения «домашнего ангела» — викторианского идеала женщины — в «дьяволицу», вольно или невольно попавшую в тенета эмансипации и некоей эротической и эстетической вседозволенности.

Рассказывая о грустной, но столь типичной для нашего времени судьбе Натали Харрис (ее нежданно-негаданно бросил муж, умчав в жаркие андалузские края с любовницей и оставив жене детишек, голодного верного пса, несколько шиллингов и кучу долгов), Уэлдон использует самые различные «инструменты» анализа, продолжает В. Брэндмарк. Так, телеспектакль поделен на четыре эпизода, каждый из которых предваряет сама писательница. Она делится со зрителями размышлениями по поводу статуса семьи, положения женщины, облика и настроения молодежи 70—80-х годов. А написан роман от лица приятельницы Натали, «роковой женщины» Сони, прошедшей после развода с мужем огонь, воду и медные трубы, побывавшей в клинике для душевнобольных. Излагая историю Натали, Соня увлекается клинико-биологической стороной, что, по мнению рецензентов, придает «некую пикантность и научность» повествованию о «благополучной» жизни Натали: пока она кормит детишек, выгуливает любимую овчарку, готовит коктейли для мужа, душа ее пребывает в уюте и бездумии. Когда же на Натали обрушиваются испытания, для нее наступает трудный период духовного прозрения, отмечает В. Брэндмарк. В романе много документальных фактов из жизни мегаполисов многих стран Запада: в каждой третьей семье брак кончается разводом, 60% юношей и девушек в возрасте до 25 лет не могут найти работы, после развода 42% женщин не могут свести концы с концами... Миф о патриархальном эдеме доброй старой английской глуши сегодня тоже разрушен.

«Лиснер» отмечает прекрасную игру актрис Сьюзен Пенхалигон (Натали Харрис) и Жаклин Тонг (Соня). А «Таймс литерари сапплмент» пишет: «Читатель, который считает прозу Уэлдон остроумной, тонкой, захватывающей, согласится с тем, что писательница защищает высокие моральные принципы, что ее образы обладают подлинно философской глубиной».

Индия

ПРЕМИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ АКАДЕМИИ

Индийские газеты сообщили о новых лауреатах премии Литературной академии за 1986 год. По установившейся традиции, премией награждаются лучшие произведения, изданные за последние три года на всех основных языках Индии. На этот раз лауреатами названы двадцать два автора (одна премия присуждена ассамскому писателю Тиртхананда Шарме посмертно).

Выступивший при торжественном вручении наград известный литератор и ученый профессор К. Р. Шринивраса Айенгар подчеркнул особенно важную роль литературы в укреплении национального единства страны, в развитии взаимопонимания между ее разноязычными народами. Он сказал: «Отрадно отметить, что в этом году награждены двадцать два писателя, пишущие на двадцати двух языках, значит, в нашей стране важен каждый национальный язык».

Венгрия

Новая работа известного скульптора Имре Варги — памятник Беле Куну в Будапеште.

(Журнал «Уй тюкёр»)

Многие произведения, удостоенные премии, относятся к поэтическим жанрам. Не случайно газета «Стейтсмен» поместила сообщение о новых лауреатах под заголовком «Марш поэзии»: «Тот факт, что лауреатами стали семь поэтов, красноречиво свидетельствует об одном: и в век компьютеров поэзия по-прежнему остается одним из самых любимых читателями жанров». Среди награжденных — такие маститые и популярные поэты, как старейшина литературы хинди Кедарнатх Агравал, не менее известные кашмирский поэт Динанатх Надим и Н. Г. Дешпанде, пишущий на языке маратхи. Среди лауреатов — поэт из Раджастхана Махавил Прасад Джоши, разрабатывающий популярнейший мифологический сюжет о любви бога Кришны и пастушки Радхи.

В последние десятилетия в развитии современной индийской литературы все более заметную роль начинают играть женщины — и писательницы, и литературные критики. В этом году звания лауреата Литературной академии были удостоены прозаики Н. Сахгал (английский язык), Сундари Л. Уттамчандани (язык синдхи) и исследовательница малаяльской литературы М. Лилавати.

Премии за лучший роман присуждены бенгальскому писателю Амийа Бхушану Мазумдару за исторический роман «Радж нагар» о Северной Бенгалии середины XIX века и писателю Вьясарейе Баллалу (язык каннада) за роман «Бандайа», рассказывающий о жизни разных социальных групп современного Бомбея.

В области критики премии Литературной академии за высокое профессиональное мастерство удостоен известный критик Шамсур Рахман Фаруки (язык урду).

Италия

КИНОИНТЕРВЬЮ МАЭСТРО ФЕЛЛИНИ

Самым автобиографическим произведением Феллини, «еще одним, после «8½», автопортретом режиссера в процессе творчества» называет итальянская критика его последний фильм «Интервью» (на XV Московском кинофестивале он получил главную награду — Большой приз). Подобно телефильму «Блокнот режиссера», который был снят Феллини двадцать лет назад и предварил появление созданной им экранной версии петрониевского «Сатирикона», «Интервью» строится как хроника подготовительного этапа работы над фильмом, на сей раз — над экранизацией романа Ф. Кафки «Америка» (по последним сообщениям, от съемки этого фильма Феллини отказался).

Кадр из фильма «Интервью».

(Журнал «Нувель обсерватёр»)

Отвлекаясь от работы, режиссер пытается ответить на вопросы интервьюеров японского телевидения: как и почему он снимает так, как снимает, что питает его фантазию, в общем, почему он — Феллини. «Нет, это не ностальгический рассказ о прошлом, — сказал режиссер о последней работе обозревателю еженедельника «Эуропео» Паоло Броджи. — Мой фильм — я назвал бы его «болтовней в картинах» — состоит из доверительных признаний, сцен суда над самим собой, отпущений грехов... Может быть, его и фильмом назвать нельзя. Скажем так: это мои личные заметки о кино. А построить картину как интервью представителям восточной культуры, столь далекой от европейской, побудило меня письмо Акира Куросава: испещренный иероглифами листок так очаровал меня своей загадочностью, что я даже приколол его у себя над столом».

«В чем мораль «Интервью»? Вряд ли можно говорить о таковой применительно к фильмам Феллини. Но зато уж возможных интерпретаций картины — бесчисленное множество», — пишет рецензент газеты «Унита» Сауро Борелли.

«И все же ощутимее всего в этой ленте Феллини,— пишет на страницах газеты «Репубблика» Туллио Кезич, — стремление следовать философии, суть которой можно резюмировать так: «Я шучу, следовательно, существую».

Колумбия

ПО РАССКАЗУ ГАРСИА МАРКЕСА

Режиссер Лисандро Дуке, известный зрителям страны по нашумевшему фильму «Виза США», закончил работу над сценарием по новелле Габриэля Гарсиа Маркеса «Долгая счастливая жизнь Маргерито Дуарте». Фильм станет частью сериала из шести лент по произведениям Нобелевского лауреата, который готовят постановщики из Латинской Америки и Испании. В «Долгой счастливой жизни...» рассказывается история о колумбийце, который решил по старинному обычаю перезахоронить останки своей семилетней дочери, погребенной 12 лет назад,— он нашел ее тело целым и невредимым. В родном селении все только и говорят что о святости девочки и убеждают отца переправить ее труп в Ватикан для канонизации.

В интервью обозревателю «Вос» Лисандро Дуке пояснил, почему предпочел этот рассказ другим при отборе материала: «Тема скитаний провинциала в большом городе всегда была главной в моих фильмах. Она вдохновила меня еще и потому, что в отличие от других героев, которые едут в большие города искать место под солнцем, Маргерито Дуарте отправляется в Рим, чтобы найти место для своей дочери в сонме канонизированных святых».

Совместная работа Маркеса и Дуке над сценарием подошла к концу. По словам Дуке, писатель обогатил материал такими невероятными фантастическими подробностями, на которые может отважиться только он. Съемки фильма будут проходить в Колумбии и Италии, роль Дуарте сыграет популярный колумбийский актер Франк Рамирес.

Нидерланды

ДВЕ МУЗЫ ЛЮСЕБЕРТА

В Городском музее Амстердама прошла выставка крупного нидерландского поэта и художника Люсеберта (род.

в 1924 году, настоящее имя — Любертюс Свааснвейк).

Бóльшая часть экспонатов художественной выставки (почти вся графика, ряд фоторабот Люсеберта 50—60-х годов), сообщает газета «Алхемейн дахблад», входила в коллекцию его друга Кееса Хрунендейка. В 1986 году коллекция была передана в дар Городскому музею, так как, по мнению Хрунендейка, «Люсеберт, родившийся в Амстердаме, лишь в Амстердаме будет чувствовать себя дома».

Выставка рассказывает о сложном и противоречивом пути Люсеберта — поэта, фотографа, художника и графика. Его рисунки и гуаши получили признание уже в 50-х годах, когда он участвовал в работе основанной в 1948 году Экспериментальной группы, куда входили многие известные нидерландские художники и поэты.

По мнению искусствоведов, в его графике раннего периода явственно чувствуется влияние художников группы «КОБРА», изобразительного языка экспрессиониста Пауля Клее, сюрреалистических видений Хоана Миро, но, несмотря на это, неповторимо нежный рисунок, пастельные краски и присущий Люсеберту юмор открывают зрителю своеобразие внутреннего мира художника-поэта. Как и фантастические фигурки в графике Люсеберта, его стихотворения изящны, богаты аллитерациями и созвучиями внутренних рифм.

На выставке также представлены ранее неизвестные фотоработы Люсеберта, в течение целого десятилетия увлекавшегося искусством фотографии.

Для них характерен не особенный ракурс, а необычный выбор момента съемки, отчего незначительные бытовые сценки, утрачивая свою заурядность, «поднимаются» над повседневностью. Искусствоведы отмечают динамичность и экспрессию черно-белых контрастов в фотопортретах Люсеберта, во многом схожих с его рисунками тушью.

Его первые живописные полотна датированы 1959 годом, однако художественный критик «Алхемейн дахблад» уделяет особое внимание картинам 70-х годов. Хотя большинство полотен этого периода написано в светлых тонах, в них пронзительно звучит мотив одиночества. Пустота заднего плана в таких композициях, как «Адам и Ева», «Золотое сечение», подчеркивает изоляцию, разобщенность фигур.

Как пишет газета, выставка позволяет полнее узнать незаурядную личность Люсеберта — яркого поэта, прозванного «Тигром пятидесятых», чья лирика уже в 1953 году была отмечена амстердамской Поэтической премией, — однако, по его собственному признанию, «всегда чувствовавшего себя больше художником, чем стихотворцем».

Польша

«КАЖДЫЙ ВЫХОД — ПЕРВЫЙ»

В 1986 году в Кракове был создан Государственный театр музыки и поэзии под руководством Эвы Демарчик. В составе труппы кроме самой певицы восемь музыкантов — камерный ансамбль из двух скрипок, двух фортепиано, виолончели, контрабаса, гитары и ударных. Театр много гастролирует в Польше и за ее пределами. В сезоне 1986/87 годов он с успехом выступил в ФРГ, совершил турне по Канаде и США, которое журнал «Пшекруй» охарактеризовал как «бескровное покорение Америки». Давая обзор американской прессы, посвященной спектаклям-концертам театра Эвы Демарчик, журнал «Пшекруй» сообщает, что «первая леди польской песни» произвела за океаном подлинную сенсацию: «Публика принимала Демарчик с таким энтузиазмом, какого редко удостаивались европейские артисты в этой части света».

По мнению критиков, певица, не делая скидок на вкусы зрителей, сумела донести до слушателей очарование польской поэзии, языкового барьера «для Эвы словно и не существовало». Мастерское владение сценической экспрессией, свободное движение голоса в диапазоне от шепота до крика, богатство и филигранная точность эмоциональных оттенков позволили Эве Демарчик продемонстрировать американцам «высокое искусство на грани откровения».

Подчеркивая близость творческой манеры Демарчик и Эдит Пиаф, рецензенты отмечают как достоинство польской певицы ее виртуозную школу вокала (о том же еще в 60-е годы, во время выступлений Демарчик в Париже, писала и французская пресса). В Америке певица не изменила своему правилу — не бисировать, невзирая на овации, зато, вопреки обыкновению, дала несколько интервью, чего прежде старалась избегать. В одном из них Э. Демарчик, в частности, заметила: «Шумный успех — ничто в сравнении с радостью, которую видит певец: твой голос помогает людям воспрянуть духом. Артист остается артистом, пока его не покидает чувство: каждый день он все начинает с нуля. Для меня каждый выход на сцену — первый».

Искусство Эвы Демарчик хорошо известно и советским слушателям — по гастролям в СССР, по выпущенной фирмой «Мелодия» пластинке, где часть песен (на стихи М. Цветаевой, О. Мандельштама, Ю. Тувима) исполнена певицей по-русски. Советское телевидение готовится снимать полнометражный фильм о творчестве Демарчик.

Тринидад

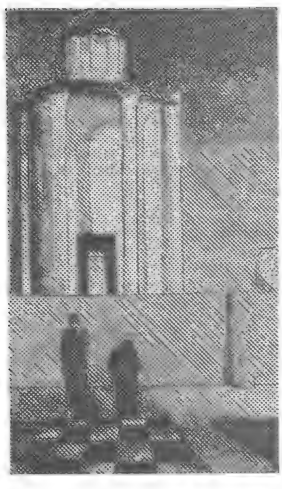
НОВЫЙ РОМАН НАЙПОЛА

Роман «Загадка приезда» известного писателя Видиа С. Найпола во многом автобиографичен: герой книги родом из Тринидада, его детство и юность прошли в Порт-оф-Спейне. Рецензент журнала «Лиснер», писатель и критик Гэбриель Джозиповичи пишет, что это — прекрасное и волнующее произведение, в нем вновь прославляются забытые в наш исторический век добродетели — терпение, стойкость духа, трезвый взгляд на мир, тонкий вкус. Композиционное построение книги оригинально, подкупает и удивительное чувство языка. Однако Г. Джозиповичи полагает, что Найпол — замечательный рассказчик и поэт — все же не владеет в совершенстве романной формой, повествование как бы распадается на отдельные миниатюры, и тем не менее рецензент полностью разделяет мнение патриарха «малого жанра» Виктора Содена Притчетта, провозгласившего Найпола «величайшим из ныне живущих англоязычных писателей». О чем же «Загадка приезда», произведение, написанное после семилетнего «молчания» Найпола?

Герой романа восемнадцатилетним юношей приезжает в Лондон и решает посвятить себя литературе. Он придумывает какие-то странные, претенциозные истории, считая их образцами подлинного искусства, но мало-помалу начинает понимать, что не стоит изнурять свое воображение, что самая достойная материя для высокого искусства — жизнь: надо писать об ули-

Обложка книги Видиа С. Найпола «Загадка приезда».

(Журнал «Лиснер»)



цах родного города, о родном отце, о людях, среди которых прошло его детство. Спустя годы герой «открывает» для себя Лондон, постигает его проблемы, узнает, что судьба многих беженцев из стран «третьего мира» — студентов, безработных, мелких служащих — очень похожа на его собственную. Эти беженцы и становятся действующими лицами его книг.

На обложке новой книги Найпола — репродукция картины итальянского художника Джорджо Де Кирико (1888—1978). Это любимая картина героя, в ней художник передает состояние человека, попадающего в чужой город: боль и сомнения, терзающие его, наталкиваются на глухую стену враждебного мира. Человек может обрести спокойствие, полагал герой Найпола в молодости, лишь порвав с прошлым, переселившись в «чуждые» края, где все на первый взгляд воплощает покой, упорядоченность, незыблемость (как на картине итальянского живописца). Но поиск рая кончается фиаско — невозможно обрести покой, ибо гармония, которой дышит неизведанный для героя мир, — иллюзорна. Что важнее для художника — ностальгия по эдему или открытость боли и радости дисгармоничного мира? Жизнь, заключает Г. Джозиповичи, подсказала Найполу правильный ответ.

Франция

КАК СОЧИНЯТЬ ВВОСЬМЕРОМ

Появившаяся одновременно во Франции и в Италии книжная новинка «Марко Поло, или Новая книга чудес» — результат любопытного эксперимента.

Каждый из восьми участников эксперимента — франкоязычных писателей, находившихся соответственно в Париже, Вильнёв-лез-Авиньоне, Риме, Монреале, Тунисе, Абиджане, Браззавиле и Монктоне, — придумал героя, описал его на трех страницах и передал описание по телексу или видеотелефону одному из семи коллег. На протяжении двенадцати дней каждый член «октета» ежедневно сочинял по три страницы текста, которые вечером передавал по цепочке, сначала — придумав приключения с участием «чужого героя», а потом — продолжая одну из «коллективных» историй, приходивших к нему «по эстафете». Авторы должны были учесть ряд условий и сюжетных ограничений — как заранее известных, так и сымпровизированных итальянскими писателями Итало Кальвино (эксперимент был задуман еще в 1984 году), Умберто Эко и директором Вильнёвского центра Бернаром Турнуа, которые внимательно следили за развитием сюжетных перипетий.

Рецензент итальянской газеты «Стампа» Ренцо Бутаци отмечает, что сложившейся из восьми историй со «сквозными» героями книге не хватает внутреннего единства. Но вряд ли инициаторы эксперимента стремились к целостности повествования: книга посвящена памяти известного французского писателя Жоржа Перека и ориентирована на его известное сочинение «Жизнь, способ употребления» — своеобразную «энциклопедию» литературных направлений и традиций, которую сам автор уподоблял мозаике-головоломке.

Швейцария

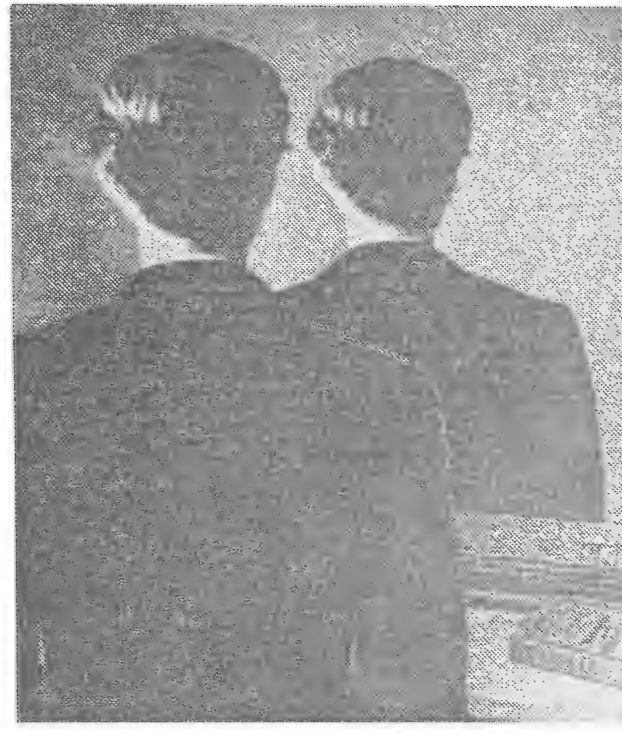
ПОРТРЕТ ПОСЛЕДНЕГО ЭКСЦЕНТРИКА

На обложке швейцарского журнала «Ду», посвященного вопросам искусства, воспроизведен портрет поэта Эдварда Джеймса, созданный известным бельгийским художником Рене Магриттом в 1937 году. Э. Джеймс изображен стоящим перед зеркалом, но и в зеркале поэт виден тоже со спины, хотя томик Эдгара По, лежащий на мраморной полке, отражается в его стекле «вполне реально». Автор статьи об Эдварде Джеймсе, помещенной в этом же номере журнала (Э. Джеймсу в этом году исполнилось бы 80 лет) считает, что художнику удалось передать загадочную, странную натуру поэта, «последнего эксцентрика».

Э. Джеймс (1907—1984) утверждал, что родился сюрреалистом. В его беспокойной, переменчивой жизни, пишет критик журнала «Ду», неизменным было только поклонение поэзии, искусству. Большую часть своего времени и неожиданно свалившегося на него наследства Э. Джеймс отдавал никому тогда не известным, талантливым и безденежным поэтам и художникам — Магритту, Дали, многим другим. По их проектам, вместе с ними он построил в английском городе Монктоне «обитель сюрреалистов». Стены дома были выкрашены в фиалково-синий цвет, парадный вход — в ярко-розовый. Меблировка обители тоже была весьма своеобразной: кровать в виде катафалка Наполеона, оттоманка, повторяющая силуэт губ американской кинозвезды Мей Уэст. В желто-голубом кабинете стоял телефон с трубкой в виде омара, придуманный Дали. «Сейчас мало что уцелело в доме от прежних времен,— заключает автор статьи,— он похож на брошенную игрушку, которая ребенку уже наскучила».

Рене Магритт. Портрет Эдварда Джеймса.

(Журнал «Ду»)



Швеция

Последний корабль сошел со стапелей Линдхольмена — старых верфей Гётеборга — десять лет назад. Но, состарившись, верфи не умерли: по проекту «Линдхольмен» их преобразили в современный промышленный и культурный центр. Здесь создан экспериментальный Театр на верфях, который, по отзывам критики, успешно решает целый ряд задач: расширяет кругозор рабочих, пробуждает их творческое начало, способствует сближению людей. Девиз театра — «Культура — рабочим».

В минувшем году Театр на верфях показал спектакль по прозе Э. Хемингуэя, в нынешнем — обратился к творчеству А. П. Чехова: взяв за основу созданную Н. Михалковым кинематографическую версию чеховской пьесы без названия — поставил «Неоконченную пьесу для механического пианино».

Сейчас коллектив театра работает над инсценировкой романа шведского классика Августа Стриндберга «Исповедь безумца». Спектакль будет представлен на суд зрителя в 1988 году — к столетию выхода книги в свет.

На снимке: афиша спектакля по «Неоконченной пьесе для механического пианино».

Япония

«ВНЕСЕНИЕ ТАЙНЫ В МИР ЖЕЛЕЗА И БЕТОНА»

В последние годы писатель Кэйдзо Хино много и плодотворно работает, отмечает журнал «Бунгаккай», целый ряд произведений прозаика вызвал живой интерес читателей и отмечен литературными премиями. Так, в 1986 году за роман «Движение дюны» К. Хино была присуждена престижная премия имени Дзюнъитиро Танидзаки.

Роман, как считают многие критики, «напоминает абстракционистскую картину». Действие протекает в провинциальном городке, по соседству с которым находится огромная дюна. Некий старик вырастил на ее вершине рощу, чтобы задержать движение песка, который во время сильных ветров с моря с шумом осыпался, пугая случайных прохожих. Цель была достигнута, однако из-за рощи дюна «умерла», движение ее прекратилось. Группа молодежи пытается «вернуть дюне жизнь», утверждая, что если дюна будет вновь открыта ветрам, то это поможет духовному возрождению жителей городка.

Попытка проанализировать символику романа была сделана критиком Масаси Миура в журнале «Тюо корон». Миура считает, что в романе реализована основополагающая идея автора, сформулированная им в одном из интервью: «Сегодня долг писателя и вообще деятеля искусства заключается в создании «мифов нашего времени», которые могли бы оживить силы нашей души, оказавшейся в мире железа и бетона».

Решение задачи «внесения тайны в мир железа и бетона», поэтизации этого мира Хино видит, по мнению критика, в «смещении привычной точки зрения на мир». М. Миура пишет: «Образ дюны в восприятии японцев ассоциируется обычно со смертью, однако Хино делает дюну символом жизни, позитивное и негативное начала у автора меняются местами. В реальной жизни зеленые насаждения на дюне превращают мир мертвого песка в мир живой почвы. Однако у Хино это переход не от смерти к жизни, а от жизни к смерти. «Мир железа и бетона» воспринимается им как мир живой природы».

Новый роман К. Хино высоко оценен известными японскими писателями Сюсаку Эндо и Кэндзабуро Оэ. С. Эндо писал о книге: «Будет ли преувеличением сказать, что, читая роман Кэйдзо Хино, ощущаешь дыхание нового времени? Находящийся за пределами нашего привычного восприятия мир, который в последнее время описывает Хино, дыхание жизни, веющее из этого мира, столь новы, что, кажется, наша литература их долгое время попросту не замечала. К. Оэ в своем отзыве отметил: «Несмотря на крутые повороты в раскрытии главной темы, явную деформацию структуры, каждая строчка романа полна мощной, возбуждающей силы, и это придает ему загадочность и привлекательность».

◆

В следующем номере:

Роман
Густаво Эгурена (Куба) — «Возвращение»

Роман
Томаса Макграта (США) — «...кроме последнего»

Статьи:
Клауса Менерта (ФРГ) —
«О русских сегодня, что они читают и каковы они»,
Андраша Мезеи (Венгрия) —
«Расставаясь со стереотипами»,
Джеймса Олдриджа (Великобритания) —
«Англичане и Советский Союз»,
А. Старцева — к 100-летию Джона Рида

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Н. Т. ФЕДОРЕНКО
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
О. С. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора), **Т. П. ГРИГОРЬЕВА**,
Ю. В. ДАШКЕВИЧ, **Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ**, **Я. Н. ЗАСУРСКИЙ**,
Г. П. ЗЛОБИН, **И. Ф. ЗОРИНА**, **Т. П. КАРПОВА**, **Е. Ф. КНИПОВИЧ**,
А. А. КОСОРУКОВ, **Т. Л. МОТЫЛЕВА**, **П. В. ПАЛИЕВСКИЙ**, **В. С. ПЕРЕХВАТОВ**,
А. Н. СЛОВЕСНЫЙ (отв. секретарь), **Е. В. СТОЯНОВСКАЯ**,
К. А. ЧУГУНОВ (зам. главного редактора).

Художественный редактор **Е. Н. Черняев**. Технический редактор **Е. П. Поляков**

Адрес редакции: 109017, Москва, Ж-17, Пятницкая ул., д. 41, телефон 233-51-47.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР».
Москва, Пушкинская пл., 5.

Журнал выходит один раз в месяц.

Сдано в набор 24.07.87. Подписано в печать 9.09.87. А. 08620. Формат 70×108$^1/_{16}$
Печать высокая 16 п. л. (22,4) усл. п. л., уч.-изд. л. 29,24.

Тираж 455 000 экз. (1-й завод: 1 — 405 000 экз.). Зак. 2751

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

«Моя деревня». Автор неизвестен

Цена 1 руб. 80 коп.

ИНДЕКС 70394